

Короли и ведьмы

Колдовство
в политической культуре
Западной Европы
XII–XVII вв.

О.И. Тогоева

Olga Togoeva

Kings and witches

Witchcraft
and political culture
of Western Europe
of the 12th–17th centuries

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2022

О.И. Тогоева

Короли и ведьмы

Колдовство
в политической культуре
Западной Европы
XII–XVII вв.

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2022

УДК 94(100)"05

ББК 63.3(0)4-5

Т 50

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

кандидат исторических наук М.Р. Майзульс

доктор исторических наук А.Ю. Серегина

Т 50 Тогоева Ольга Игоревна

Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. / О.И. Тогоева. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 328 с. – ил. – (MEDIAEVALIA).

ISBN 978-5-98712-334-8

Монография посвящена проблеме конструирования концепта колдовства применительно к политической культуре Западной Европы эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В фокусе внимания автора находятся не столько усилия Церкви по сплочению паствы, сколько осознанные демаршсы светских властей, использовавших новое явление для создания образа своего собственного врага – врага политического, угрожающего основам государственного устройства, гражданскому миру и социальному порядку. В монографии подробно проанализирована концепция «королевства дьявола» как вполне земного государственного образования, с которым были призваны бороться светские правители; представлена оригинальная «демонологическая» концепция войны – как причины и как следствия засилья ведьм и колдунов; рассмотрены различные национальные особенности охоты на ведьм – прежде всего на территории современной Швейцарии, в Бургундском герцогстве, во Франции и в Англии. Наконец, заключительная часть монографии посвящена проблемам физиогномики и физиологии, позволявших, по мнению европейских демологов, распознавать ведьм и колдунов и приводить их к суду.

Книга адресована историкам, правоведам, филологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей.

В оформлении обложки использована гравюра «Три ведьмы» (1863 г.) – иллюстрация к трагедии «Макбет» Уильяма Шекспира

Дизайн обложки Елизаветы Ванюшиной

ISBN 978-5-98712-334-8

© Тогоева О.И., 2022

© Гладков А.К., составление серии, 2022

© Центр гуманитарных инициатив,
оформление, 2022

Оглавление

Введение. Новый враг государства	7
--	---

Политическая концепция колдовства

Глава 1. Иоанн Солсберийский, его король и ведьмы	17
Глава 2. От поучительных «примеров» Элинанда из Фруамона к инсинуациям Жана Пти	41
Глава 3. «Черная легенда» о Валентине Висконти	65
Глава 4. Король и его «помощницы»	90

На защите отечества

Глава 5. Королевство дьявола	119
Глава 6. Обратная сторона войны	143
Глава 7. Жан Боден в поисках мира, порядка и гармонии	160
Глава 8. Яков Стюарт и его охотники на ведьм	181
Глава 9. Суд – дело каждого?	204

Изображая ведьму

Глава 10. Иуда Искарот и рыжая левша	223
Глава 11. Невидимое лицо ведьмы	239
Глава 12. пытка, боль и слезы	255
Заключение. О пользе колдовства	275
Список сокращений	284
Библиография	285
Указатель имен	314
Summary	322
Contents	327

ВВЕДЕНИЕ

Новый враг государства

В 1990 г. в легендарном журнале «Анналы» была опубликована не менее знаменитая статья французского историка Жака Шиффоло, посвященная категории «непроизносимого» (*nefandum*)¹. Речь в ней шла о том, как на протяжении развитого и позднего Средневековья в Западной Европе формировалось понятие судебного признания, как то, что раньше предпочитали называть «невообразимым», «ужасным» и «бесчеловечным», постепенно наполнялось конкретным смыслом, обретало плоть и кровь, превращаясь в слова, с помощью которых обвиняемый в зале суда рассказывал о своем преступлении.

Этот процесс Ж. Шиффоло совершенно справедливо связывал с распространением инквизиционной процедуры (*inquisitio*), заимствованной светскими судами у церковных вместе со всеми характерными ее составляющими: поиском свидетелей и вещественных доказательств, обысками домов подозреваемых, допросами и пытками, необходимыми для получения признания – главного доказательства вины того или иного человека². Вместе с тем французский историк обращал внима-

¹ Chiffolleau J. Dire l'indicible. Remarques sur la cathégorie du *nefandum* du XIIe au XVe siècle // AESC. 1990. № 2. P. 289–324.

² Подробнее о начавшемся во второй половине XIII в. переходе светского суда от обвинительной процедуры (*accusatio*) к инквизиционной см.: Fraher R.M. IV Lateran's Revolution in Criminal Procedure: the Birth of *inquisitio*, the End of Ordeals and Innocent III's Vision of Ecclesiastical Politics // *Studia in honorem eminentissimi cardinalis Alphonsi M. Stickler* / A cura di R.J. Castillo Lara. Roma, 1992. P. 97–111; Théry J. Fama: l'opinion publique comme preuve judiciaire. Aperçu sur la révolution médiévale de l'inquisiteiro (XIIe–XIVe s.) // *La preuve en justice, de l'Antiquité à nos jours* / Sous la dir. de B. Lemesle. Rennes, 2003. P. 119–147. На русском языке см.: Тогоева О.И. Поиски «правды» в средневековом уголовном суде // *Право в средневековом мире – 2008* / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 182–195; Она же. Когда преступник – свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // *Многоликая софистика: не-*

ние и на шедшее параллельно активное развитие такой категории как *crimen (laesae) majestatis* – тяжкое преступление – которая подразумевала оскорбление короля и под которую к концу эпохи Средневековья подпадало уже практически любое уголовно наказуемое деяние: как направленное против самого правителя, так и произошедшее на подвластной ему территории³.

Особое место в размышлениях Ж. Шиффоло над этим сложным комплексом историко-правовых проблем занимал вопрос об отношении средневековых светских судей к сфере *магического*, которую – вслед за своими церковными коллегами – они связывали с вмешательством дьявола в жизни людей. Именно к этой области, по мнению автора, на протяжении всего Средневековья в большей степени и относилось понятие *nefandum*: с его помощью судьи, свидетели и обвиняемые пытались дать оценку самым разнообразным и самым «невообразимым» преступлениям – содомии, ереси, идолопоклонству и, конечно же, колдовству.

Внимание королевских и сеньориальных судов к данной сфере вылилось в целый ряд громких процессов начала XIV в., которые Ж. Шиффоло предложил именовать *политико-религиозными* – настолько в них оказывались взаимосвязаны средневековые представления о грехах, преступлениях и участии в них дьявола. Впрочем, не менее, а, может быть, и более важным отличием этих знаменитых уголовных расследований являлось то обстоятельство, что практически все они самым непосредственным образом затрагивали интересы властей предержащих – дворы светских правителей и/или папскую курию⁴.

Так, уже самое начало XIV столетия ознаменовалось громким процессом против Бернара Сессе, епископа Памье, вступившего в открытый конфликт с Филиппом IV Красивым (1285–1314). До французского монарха дошли слухи, что прелат высказывал сомнения в легитимности прав династии Капетингов на Лангедок. В 1301 г. епископ был арестован и перевезен в Санлис, где предстал перед королевским советом, на заседании которого против него были выдвинуты самые разнообразные обвинения: в измене монарху и оскорблении его персоны, во впадении в ересь и святотатстве⁵, а также в склонности к магическим практикам (в частности, к лже-пророчествам). Епископ Памье являлся ставленником Бонифация VIII (1294–1303), а потому его процесс оказался напрямую связан с конфликтом Филиппа IV и папы римского и предшество-

---

легитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 403–436.

³ Carbasse J.-M. Histoire du droit pénal et de la justice criminelle. P., 2014. P. 342–345.

⁴ Chiffolleau J. Op. cit. P. 292. См. также: *Idem*. Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. P., 1984.

⁵ Так, Бернар якобы во всеуслышанье заявлял, что папа римский Бонифаций VIII является «воплощением дьявола», а короля Людовика IX Святого (1226–1270) ни в коем случае не следовало канонизировать, поскольку после смерти он угодил прямоком в ад: Vidal J.-M. Bernard Saisset, évêque de Pamiers (1232–1311) // *Revue des sciences religieuses*. 1926. T. 6. P. 177–198, 371–393, здесь P. 376.

вал событиям в Ананьи⁶. Бернар был прощен королем только в 1308 г. при посредничестве Климента V (1305–1314), первого понтифика периода Авиньонского пленения. Новый папа согласился также на проведение в 1302–1309 гг. знаменитого посмертного процесса против самого Бонифация VIII, подозревавшегося – как и Бернар Сессе – во впадении в ересь, а также в склонности к содомии и колдовству: как утверждалось в материалах следствия, понтифик регулярно вызывал демонов и консультировался с предсказателями⁷. Под нажимом Филиппа IV Климент V санкционировал и громкий процесс 1307–1310 гг. против ордена тамплиеров, признанных виновными в богохульстве, идолопоклонстве, впадении в ересь и отречении от Иисуса Христа, а также в приверженности культу дьявола, который якобы посещал их тайные собрания и которого они целовали в знак почтения в непристойные места⁸.

Близкими по характеру оказались и последующие расследования, где тема колдовства, которому якобы предавались сами обвиняемые или к знатокам которого они обращались за помощью, звучала все отчетливее. Так, в деле об отравлении королевы Жанны Наваррской († 1305), супруги Филиппа IV, возбужденном в 1308 г. против Гишара, епископа Труа, речь, в частности, шла о его сообщнице-ведьме, которая околдовала покойную⁹. Эта женщина – Маргарита из Бельвилетта по прозвищу Повитуха (*Sage Femme*) – была также арестована и в конце концов, в 1319 г., предстала перед судьями Парижского парламента. Под давлением она призналась в изготовлении восковой фигурки королевы (*voult qui fu fait pour la royne Jehanne*), которую окрестила в местной церкви и собиралась использовать для наведения порчи, однако исхода этого расследования мы не знаем¹⁰. Что же касается епископа Гишара, то он избежал наказания и умер собственной смертью в 1317 г.

⁶ Denton J.H. Bernard Saisset and the Franco-papal Rift of December 1301 // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2007. T. 102 (2). P. 399–427; Théry J. Allo scoppio del conflitto tra Bonifacio e Filippo il Bello: l'affare Saisset // I poteri universali e la fondazione dello *Studium Urbis*. Il pontefice Bonifacio VIII dalla *Unam sanctam* allo schiaffo di Anagni. Roma, 2008. P. 21–68; *Idem*. Le pionnier de la théocratie royale. Guillaume de Nogaret et les conflits de Philippe le Bel avec la papauté // Guillaume de Nogaret. Un Languedocien au service de la monarchie capétienne. Nîmes, 2012. P. 101–128.

⁷ Boniface VIII en procès: articles d'accusation et dépositions des témoins (1303–1311) / Ed. par J. Coste. Rome, 1995. P. 911–923. См. также: Schmidt T. Der Bonifaz-Prozess. Verfahren der Papstanklage in der Zeit Bonifaz' VIII und Clemens' V. Köln; Wien, 1989.

⁸ Полный список статей обвинения на процессе см.: Барбер М. Процесс тамплиеров / Пер. И.А. Тогоевой. М., 1998. С. 413–418.

⁹ Список «ужасных злодеяний и святотатств» (*enormia et nephanda*) Гишара см. в: Rigault A. Le procès de Guichard, évêque de Troyes (1308–1313). P., 1896. P. 269–270. Подробнее о процессе см.: Provost A. On the Margins of the Templars' Trial: The Case of Bishop Guichard of Troyes // *The Debate on the Trial of the Templars (1307–1314)* / Ed. by J. Burgtorf, P.F. Crawford, H.J. Nicholson. L.; N.Y., 2016. P. 117–127.

¹⁰ Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971. P. 29–32.

В 1315 г. Пьер де Латийи, Рауль де Прель и Ангерран де Мариньи, советники все того же Филиппа IV Красивого, стараниями Карла Валуа, всесильного дяди Людовика X Сварливого (1314–1316), были заподозрены в покушении на жизнь покойного правителя, которого они якобы отравили «с помощью колдовства». И хотя против де Латийи и де Преля не было найдено никаких улик и они оказались на свободе¹¹, Ангерран де Мариньи окончил свои дни на виселице, обвиненный в сорока одном преступлении против персоны короля, в том числе – в использовании магии¹². Такое же обвинение было выдвинуто в 1316 г. и против Франческо Каэтани, итальянского кардинала и племянника Бонифация VIII¹³.

В 1317 г. окончил свои дни на костре Гуго Геро, епископ Кагора, подозреваемый в наведении порчи на папу Иоанна XXII (1316–1334)¹⁴. В 1318 г. при активном участии того же понтифика монах-францисканец Бернар Делисье оказался приговорен к пожизненному заключению за свою защиту жителей южнофранцузских областей, которых Инквизиция обвиняла в приверженности ереси катаров. В вину ему было поставлено также то, что он при помощи магии и заклинаний пытался умертвить папу римского Бенедикта XI (1303–1304)¹⁵. В том же году идентичный процесс оказался возбужден против Робера де Мовуазена, архиепископа Экс-ан-Прованса: понтифик обвинил его в публичной поддержке проституции, торговле бенефициями и реликвиями, в излишней склонности к развлекательной музыке, в страсти к охоте и в богохульстве, а также в использовании «колдовства, магии и гаданий», к которым он якобы пристрастился в годы своей учебы в Болонье. И хотя приговора по этому делу так и не было вынесено, архиепископа вынудили подать в отставку и освободить кафедру для протезе Иоанна XXII, Пьера де Преса¹⁶.

В 1320 г. обвинение в подготовке убийства папы римского посредством некромантии выдвигалось против графа Милана Матео I Висконти (1287–1322), который однако на суд в Авиньоне не явился, сказавшись больным. Тем не менее, в конце того же года был возбужден новый процесс: Иоанн XXII заподозрил непокорного правителя и его старшего сына

¹¹ Collard F. La cosse envenimée: Fortunes et infortunes de Pierre de Latilly, évêque de Châlons, garde du sceau de Philippe le Bel // *Etudes marnaises*. 2014. Т. 129. Р. 40–52.

¹² Фавье Ж. Ангерран де Мариньи. Советник Филиппа IV Красивого / Пер. А.В. Лентовской. СПб., 2003. С. 283–304.

¹³ Франческо Каэтани обвинялся также в наведении порчи на Карла Валуа и двух кардиналов, происходивших из семейства Колонна: *Langlois Ch.-V. L'affaire du cardinal Francesco Caetani* (avril 1316) // *RH*. 1897. Vol. 63. P. 56–71.

¹⁴ *Albe E. Autour de Jean XXII. Hugues Gérard, évêque de Cahors: L'affaire des poisons et envoûtements en 1317*. Cahors, 1904; *Boureau A. Satan hérétique. Naissance de la démonologie dans l'Occident médiéval* (1280–1330). P., 2004. P. 34–36, 54–55, 63–64, 104.

¹⁵ *Condamnation de Bernard Délicieux le 8 décembre 1319 à Carcassonne* // *Le livre des sentences de l'inquisiteur Bernard Gui / Extraits choisis, traduits et présentés par J. Théry*. P., 2018. P. 221–242; *Boureau A. Op. cit.* P. 36–37, 54–57, 107–110.

¹⁶ *Ibid.* P. 33–36, 54–55, 112.

Галеаццо во впадении в ересь, занятиях колдовством и связи с дьяволом. Четырнадцатого марта 1321 г. Маттео осудили заочно, а его имущество объявили конфискованным, что, впрочем, не помешало Галеаццо стать новым синьором Милана¹⁷.

Колдовство, которым якобы занимались все эти и многие другие обвиняемые¹⁸, оказывалось таким образом напрямую связано с высшими слоями средневекового общества и с фигурой самого правителя. Отныне магические практики представлялись для него и его окружения не менее опасными, нежели «обычные», хорошо знакомые и ранее политическое предательство, убийство, отравление или личная измена. Как следствие, уже в начале XIV в. колдовство превратилось в очередное особо тяжкое уголовное преступление, к которому светская и церковная судебная власть относилась с предельным вниманием¹⁹.

Что же касается Французского королевства, где политико-религиозные дела начала XIV в. получили особую популярность, а собственно ведовские процессы на рубеже XIV–XV вв. стали привычной повседневностью, то здесь Жак Шифоло выделял еще одно важнейшее обстоятельство, оказавшее, по его мнению, исключительное влияние на развитие сугубо светского понимания колдовства как уголовного преступления. Речь шла о так называемом природном теле (*corps naturel*) королевства – концепции, взятой на вооружение французскими интеллектуалами конца XIV в. и позволявшей более весомо заявлять о необходимости любви к своей стране, законного наследования трона и борьбы против тиранов. Согласно этой теории, королевство мыслилось как часть природы, созданной Всевышним, т.е. обладало Божественным происхождением, что автоматически распространялось и на власть правителя – наместника Господа на земле, которому надлежало охранять свои владения от любой угрозы²⁰, в том числе – от колдовства, являвшегося, вне всяких сомне-

¹⁷ Michel R. Le procès de Mateo et Galeazzo Visconti: l'accusation de sorcellerie et d'hérésie, Dante et l'affaire de l'envoûtement (1320) // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1909. T. 29. P. 269–327.

¹⁸ Об обстоятельствах иных политико-религиозных процессов, имевших место в Западной Европе в первой половине XIV в., см.: Jones W.R. Political uses of sorcery in Medieval Europe // *The Historian*. 1972. Vol. 34 (4). P. 670–687.

¹⁹ Chiffolleau J. Op. cit. P. 293.

²⁰ Теория природного (естественного) тела королевства, таким образом, смыкалась с более ранней концепцией Божественной инвеституры, согласно которой французский монарх также объявлялся наместником Бога на земле и получал от Всевышнего в управление свои земли, а также всю полноту власти – как политической, так и судебной. Подробнее о развитии этой концепции в XIII–XV вв. см.: Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985. P. 207–229; Тогоева О.И. Карл VII, Жанна д'Арк и легенда о Божественной инвеституре // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2019 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 14. М., 2019. С. 17–30; Она же. Нормы римского права и понятие юрисдикции во французских кутюме XIII в. // ЭНОЖ «История». 2021. Вып. 9 (107). Т. 12.

ний, преступлением, направленным «против природы» и, следовательно, против любого общественного порядка²¹.

В своих рассуждениях Ж. Шиффоло использовал в основном выкладки Жака Кринена, самым подробным образом изучившего в свое время развитие аргумента «от природы» (*argument de la nature*) в сочинениях французских авторов конца XIV – первой половины XV в. Происхождение данного аргумента оба историка связывали с трудами Фомы Аквинского (ок. 1225–1274) и его продолжателей, опиравшихся на идеи Аристотеля и нормы естественного права²². Однако полностью вне поля их зрения остался подлинный, как мне представляется, родоначальник этой обширной и далеко идущей метафоры – Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), самым подробным образом рассмотревший в своем «Поликратике» проблему природного тела королевства и опасностей, которыми угрожают ему любые «противоестественные» поступки людей²³.

Размышляя о колдовстве как о преступлении, прежде всего направленном против любой власти – Божественной и, следовательно, королевской, Жак Шиффоло также совершенно не учел возможного влияния труда английского схоластика на развитие демонологических идей французских теологов, юристов и собственно судей эпохи позднего Средневековья. Однако именно в «Поликратике» теснейшая связь правителя с колдовством и его возможными последствиями не просто упоминалась, но рассматривалась последовательно и подробно. Именно здесь жесткая связка «король – ведьма» приобрела свои зримые очертания и, возможно, впервые было заявлено о пользе дьявольского вмешательства в судьбы людей. Ибо правитель, идущий на поводу у ведьм и колдунов, прислушивающийся к их советам, превращался в тирана – подобие Люцифера на земле, что давало его подданным законное право с ним покончить²⁴.

²¹ Chiffolleau J. Op. cit. P. 312.

²² Ibid. P. 312–313; Krynen J. Naturel. Essai sur l'argument de la Nature dans la pensée politique à la fin du Moyen Age // Journal des savants. 1982. № 2. P. 169–190, здесь P. 172; Idem. Genèse de l'Etat et histoire des idées politiques en France à la fin du Moyen Age // Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984). Rome, 1985. P. 395–412, здесь P. 403–404.

²³ Жак Кринен мельком упоминал лишь о том, что именно Иоанн Солсберийский ввел в средневековый политический язык сравнение устройства общества с человеческим телом. Однако он полностью обошел молчанием тот факт, что английский схолист не менее подробно останавливался и на принципе «политического натурализма» (*naturalisme politique*), согласно которому утвержденный Свыше общественный порядок рассматривался как природное явление: Krynen J. Naturel. Essai sur l'argument de la Nature. P. 174, n. 40; P. 176, n. 47.

²⁴ О теории тираноубийства у Иоанна Солсберийского см.: Laarhoven J. van. Thou shalt not slay a tyrant! The so-called theory of John of Salisbury // The World of John of Salisbury / Ed. by M. Wilks. Oxford, 1984. P. 319–341; Nederman C.J. A duty to kill: John of Salisbury's theory of tyrannicide // The Revue of Politics. 1988. Vol. 50 (3). P. 365–389; Forhan K.L. Salisburian stakes: The uses of "tyranny" in John of Salisbury's "Polycraticus" // History of Political Thought. 1990. Vol. 11 (3). P. 397–407. На русском языке см. прежде всего: Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но

Таким образом, мне представляется совершенно логичным начать разговор о роли колдовства в политической культуре Западной Европы эпохи Средневековья и раннего Нового времени с анализа концепции Иоанна Солсберийского и того влияния, которое она – прямо или косвенно – оказала на позднейших английских и континентальных авторов, в той или иной мере интересовавшихся демонологией.

В следующих главах книги речь пойдет о практическом применении идей, изложенных в «Поликратике», т.е. об их проникновении в *реальную* жизнь европейских государей и их ближайшего окружения: об их использовании в пропаганде и в борьбе политических группировок, в создании «черных легенд» о правителях-тиранах, об их распутных придворных дамах и супругах, об их «дурных» советниках, занимающихся колдовством.

Второй раздел монографии будет посвящен проблеме противостояния – настоящей войны, которая, по мнению авторов демонологических сочинений XV–XVII вв., буквально у них на глазах разворачивалась между светскими европейскими правителями и дьяволом, создающим свое *земное* королевство и населяющим его собственными подданными. Здесь мы подробно поговорим о том, как авторы эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени разрабатывали тему личной ответственности самого государя и его судебных чиновников в деле истребления членов ведовских сект и поддержания порядка в обществе, и как они решали вопрос о возможной помощи, которую в этом деле могут оказать правителю простые обыватели.

Наконец, в третьей части монографии речь пойдет о том, как создавался образ настоящей ведьмы: ведь ее следовало научиться распознавать по особенностям ее поведения и внешности прежде, чем арестовывать и приводить к суду. Три главы этого раздела будут посвящены соответственно морально-нравственным основаниям охоты на ведьм, в основе которых лежала история Иуды Искарота, физиогномике ведьм и колдунов, а также их физиологическим отличиям, позволяющим, по мнению демологов XV–XVII вв., с уверенностью судить об их преступном ремесле и успешно ему противостоять.

***

В заключение мне остается поблагодарить от всего сердца коллег и друзей, которые консультировали меня по самым разным, порой совершенно частным вопросам, возникавшим по ходу моего исследования:

Анну Серегину – за готовность в любой момент поделиться своими поистине безграничными познаниями в истории английских пуритан, ведьм и фамилиаров;

благодетение»: представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // СВ. 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96 (и библиографию, приведенную в этой статье).

Юлию Крылову – за французские придворные сочинения, в которых не обнаружилось следов влияния Иоанна Солсберийского, зато нашлось многое другое;

Дильшат Харман, Григория Бакуса, Михаила Майзульса и Дмитрия Антонова – за наши бесконечные захватывающие дискуссии о демонологии и иконографии;

Константина Мефтахудинова – за «Страдающее Средневековье» в целом и за подсказки из Плутарха в частности;

Олега Воскобойникова – за предложение взглянуть в лицо средневековой ведьме;

Александра Гладкова – за размышления о «Поликратике» Иоанна Солсберийского;

Людмилу Евдокимову – за прекрасную книгу о французских переводчиках XIV века;

Романа Шмаракова – за блестящий перевод «Забав придворных» Вальтера Мапа, увидевший свет именно в тот момент, когда он был мне так нужен;

и наконец, моих замечательных магистрантов-медиевистов Ксению Бабенко, Екатерину Евдокимову, Марию Ефимову, Анастасию Каташинскую, Андрея Красовицкого, Анастасию Смирнову, Максима Стражникова и Максима Шкиля – за радость общения, которую они мне подарили.

Политическая концепция
колдовства

ГЛАВА 1

Иоанн Солсберийский, его король и ведьмы

Вне всякого сомнения, Иоанн Солсберийский не был первым средневековым автором, заговорившим о такой важной проблеме как склонность его современников к суевериям, магическим практикам и – шире – к любым видам колдовства, т.е. к контактам с Нечистым и его демонами¹. Тем не менее, насколько можно судить, проблема присутствия в свите *правителя*, в его самом близком окружении колдунов всех мастей (чародеев, псевдопророков, астрологов, толкователей снов, хиромантов, ясновидящих, гадалок, авгуров и прочих), а также ведьм, склонных к наведению порчи², в полном объеме впервые оказалась рассмотрена именно в «Поликратике».

¹ В основу практически всех без исключения средневековых сочинений, посвященных проблемам демонологии, легли рассуждения Блаженного Августина (354–430), подробнейшим образом осветившего данную тему: *Тогоева О.И.* Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII–XV вв.) // *In Umbra: Демонология как семиотическая система* / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 2. М., 2013. С. 59–88. Она же. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016. С. 92–94. Именно Августин впервые высказал идею о том, что вмешательство дьявола является первопричиной впадения человека в грех и, соответственно, главным условием осуждения ведьм и колдунов: “Ejus enim sunt illa phantasmata, qui miseras animas multorum falsorumque deorum fallacibus sacris cupiens irretire, et a vero veri Dei cultu, quo solo mundantur et sanantur, avertere, sicut de Proteo dictum est, Formas se vertit in omnes, hostiliter insequens, fallaciter subveniens utrobique nocens” (*Augustinus. De civitate Dei* // PL. T. 41. Col. 13–804, здесь Col. 288).

² Иоанн Солсберийский посвятил отдельную главу своего труда описанию всех возможных разновидностей колдовства и их специфики: “Qui sint incantatores, arioli, aruspices, phycii, vultivoli, imaginarii, coniectores, chiromantici, specularii, mathematici, salissatores, sortilegi, augures” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici* / Recognovit C.C.I. Webb. T. 1–2. L., 1909. T. 1. P. 50–54. Lib. I. Cap. 12). Данный перечень отсылал прежде всего к «Этимологиям» Исидора Севильского (560/570–636): *Sancti Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum libri XX* // PL. T. 82. Col. 9–728, здесь Col. 310–314. Однако Иоанн, безусловно, осовременил список своего именитого предшественника и, по образному выражению Л. Торндайка, вдохнул в него жизнь: *Thorndike L. History of Magic and Experimental Science*. N.Y.; L., 1923. T. 1. P. 631; T. 2. P. 158, 166–170.

На тот момент, когда Иоанн, будучи секретарем Томаса Бекета (1118–1170), которому он и посвятил свой труд³, взялся за перо, средневековая политическая теория уже сформулировала основной принцип светского правления. Король объявлялся служителем Господа, его наместником на земле, призванным следить за соблюдением порядка во вверенных его заботам владениях и ликвидировать любую смуту. В этом заключалась его главная задача, именно потому он и уподоблялся Богу. Как следствие, от правителя требовалось во всем оставаться примером для подданных, для чего, несмотря на то, что мудрость (*sapientia*) также даровалась ему Свыше, он должен был опираться на советы людей образованных, т.е. представителей Церкви, которые наставляли бы его в законах.

Эта идея утвердилась в сочинениях западноевропейских мыслителей очень рано, уже в начале XI в.⁴ Однако своего апофеоза она достигла в «Поликратике» Иоанна Солсберийского, справедливо называемом первым по-настоящему *политическим* трактатом эпохи Средневековья⁵. Именно здесь оказался в полной мере сформулирован идеал правителя и перечислены те отличительные черты, которые делают из него подлинного государя – воплощение и наместника Господа на земле⁶; служителя народа, который ежеминутно заботится о его благосостоянии⁷; набож-

³ Именно посвящение Томасу Беккету дает нам возможность более или менее точно установить дату написания «Поликратика». В прологе к своему сочинению Иоанн упоминал, что начал работу над ним в то время, когда канцлер Генриха II (1154–1189) находился под Тулузой, осадой которой он руководил от имени английского короля, т.е. в 1159 г.: “Dum tamen Tolosam cingitis, ista aggressus sum et me curialibus nugis paulisper ademi, illud voluens in animo, quia otium sine litteris mors est et vivi hominis sepultura” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 17).

⁴ Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. Ю.А. Гинзбург. М., 2000. С. 23–26, 51, 61–62, 88, 104–105.

⁵ «В «Поликратике» впервые систематически излагается светская идеология власти и социального порядка» (Там же. С. 237, курсив мой – О.Т.). Важно отметить, что трактат Иоанна Солсберийского появился до того, как западноевропейские интеллектуалы открыли для себя «Политику» Аристотеля, переведенную в 1260 г. с греческого на латынь Вильгельмом из Мёрбеке: *Dickinson J. The mediaeval conception of kingship and some of its limitations, as developed in the Policraticus of John of Salisbury // Speculum. 1926. Vol. 1 (3). P. 308–337, здесь P. 308; Евдокимова Л.В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М., 2011. С. 222–223.*

⁶ “Est ergo, ut eum plerique diffiniunt, princeps potestas publica et in terris quaedam divinae maiestatis imago... Omnis etenim potestas a Domino Deo est, et cum illo fuit semper, et est ante eum. Quod igitur princeps potest, ita a Deo est, ut potestas a Domino non recedat, sed ea utitur per subpositam manum, in omnibus doctrinam faciens clementiae aut iustitiae suae” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 235–236).

⁷ “Dominus etenim servi dominus est. Servit itaque Domino a princeps, dum conservis suis, subditis scilicet sibi, fideliter servit” (*Ibid.* P. 258).

ного, образованного и скромного в повседневной жизни человека⁸; мудрого и справедливого судьи, прислушивающегося к добрым советам⁹; защитника обездоленных и Церкви¹⁰.

Вместе с тем – уже в первой книге «Поликратика» – Иоанн Солсберийский обращался к тем качествам, которые, по его мнению, вредят правителю, мешают ему достичь идеала, противоречат природе и ее принципам, т.е. собственно Божественным установлениям. Первым среди них он называл лживую лесть, с которой постоянно и повсеместно сталкивается любой светский сеньор и которая, подобно яду, застит ему взор, не позволяя оценить истинное положение вещей¹¹. Обманы и соблазны внешнего мира наносят непоправимый вред душе правителя: свет его разума гаснет и оборачивается хаосом, а сам он утрачивает сходство с Богом и превращается в зверя, который вместо заботы о подданных начинает охотиться на таких же, как и он сам, диких тварей¹². Их истребление – под покровом ночи, при помощи своры собак – направлено против Господа и созданной им природы, а потому идеальный государь должен чураться подобного времяпрепровождения, отдавая все силы своим прямым обязанностям¹³.

Не менее греховными, нежели «безумие охоты» (*insania*), представлялись Иоанну и азартные игры – еще одно постоянное развлечение придворных. «Не кажется ли тебе глупцом тот, кто живет за счет случайного выигрыша в кости, а вернее, гибнет, доверяя свою судьбу [случайному

⁸ Ibid. T. 1. P. 250–261; T. 2. P. 8–11.

⁹ “Publicae ergo utilitatis minister et aequitatis servus est princeps, et in eo personam publicam gerit, quod omnium iniurias et dampna sed et crimina omnia aequitate media punit. Virga quoque eius et baculus, adhibita moderatione sapientiae, contractus omnium et errores ad viam reducit aequitatis, ut merito potestati spiritus congratuletur, dicens: Virga tua et baculus tuus ipsa me consolata sunt” (Ibid. T. 1. P. 238). См. также: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. М.А. Бойцова и А.Ю. Серединой. М., 2014. С. 171–175, 184, 222, 245.

¹⁰ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 298–307; T. 2. P. 34–37, 77–82.

¹¹ “Inter omnia quae viris solent obesse principibus, nichil pemiciosius esse arbitror, quam quod eis fortunae blandientis illecebra aspectum subtrahit veritatis” (Ibid. T. 1. P. 18).

¹² “...ut animus multiplici lenociniorum fraude captus, quadam alienatione sui ab interiore bono deficiens per exteriora mendacia variis concupiscentiis evagetur... Quo specie sui clarescit amplius, eo stupentibus oculis densiorem infundit caliginem. Invalescentibus ergo tenebris veritas evanescit, et virtutum radice succisa seges germinat vitiorum, lumen rationis extinguitur, et totus homo casu miserabili fertur in praeceps. Sic rationalis creatura brutescit, sic imago creatoris quadam morum similitudine deformatur in bestiam” (Ibid. P. 18–19).

¹³ “Quid eo bestialius, qui omisso officio, de media nocte surgit, ut sagacitate canum, venatorum industria, studio commilitonum, servulorum fretus obsequio, temporis et famae iactura, rerum laborisque dispendio, de nocte ad noctem pugnet ad bestias?” (Ibid. P. 19).

расположению] кубиков? Разумен ли человек, преданный этой страсти настолько, что полностью утрачивает набожность?», риторически вопрошал читателя автор «Поликратика»¹⁴, настаивая, что подобный соблазн отвлекает правителя от забот о подданных точно так же, как фривольная музыка¹⁵, представления мимов и жонглеров¹⁶.

Все без исключения актеры, шуты, проститутки и сводники, а также прочие «человеческие монстры» (*prodigiis hominum*) должны были быть изгнаны, по мнению Иоанна Солсберийского, из дворцов владетельных сеньоров, да и из всего социума¹⁷. Тем не менее, продолжал он далее, всевозможные «скоморохи, гладиаторы, борцы, шарлатаны и ведьмы» напротив буквально заполонили королевские покои и жилища достойных горожан, используя различные, часто совершенно непристойные фокусы и магию, дабы привлечь всеобщее внимание¹⁸.

Таким образом, еще одним соблазном, от которого идеальному правителю следовало избавиться, автор «Поликратика» объявлял – наравне с охотой, музыкой, азартными играми, театральными представлениями и прочими увеселениями – увлечение магическими практиками. Более того, этот соблазн представлялся ему особо тяжким и опасным грехом, поскольку колдуны, в существование которых Иоанн искренне верил¹⁹, были неразрывно связаны с дьяволом и его демонами²⁰. Именно

¹⁴ “Nonne tibi videtur aleator ineptus, qui thessararum non tam vivit quam perit ex gratia, et omnem iactum sortis suae praesulem facit? Estne ars accommoda rationi, cuius quanto quisque studentior, tanto erit exstudiosior?” (Ibid. P. 35).

¹⁵ Музыка, по мнению автора «Поликратика», ссылавшегося здесь на авторитет как отцов Церкви, так и Библии, должна была исполняться только во славу Господа: “Ad mores itaque instruendos et animos exultatione virtutis traiciendos in cultum Domini, non modo concentum hominum sed et instrumentorum modos censuerunt sancti patres Domino applicandos, cum templi reverentiam dilatarent... Quod si illos nondum audisti, regem audias exultantem, qui te regni et exultationis suae vult esse participem. Ait enim: Sumite psalmum, date tympanum, psalterium iocundum cum cithara. Ad quid, inquis? Ut laudetis Dominum in tympano et choro, in cordis et organo. Hic est enim usus musicae aut solus aut praecipuus” (Ibid. P. 41).

¹⁶ Ibid. P. 46–49.

¹⁷ “Nam de histrionibus et mimis, scurris et meretricibus, lenonibus et huiusmodi prodigiis hominum, quae principem potius oportet exterminare quam fovere, non fuerat in lege mentio facienda; quae quidem omnes abominationes istas non modo a principis aula excludit, sed eliminat a populo Dei” (Ibid. P. 245).

¹⁸ “Hinc mimi, salii vel saliares, balatrones, emiliani, gladiatores, palestritae, gignadii, praestigiatore, malefici quoque multi, et tota ioculatorum scena procedit. Quorum adeo error invaluit, ut a praeclaris domibus non arceantur, etiam illi qui obsenis partibus corporis oculis omnium eam ingerunt turpitudinem, quam erubescat videre vel cinicus” (Ibid. P. 47–48).

¹⁹ “Et quidem magi sunt et ob magnitudinem maleficiorum sic appellantur” (Ibid. P. 49).

²⁰ “Eos autem qui nocentiora praestigia artesque magicas et varias species mathematicae reprobatae exercent, iam pridem sancti patres ab aula iusserunt, eo quod omnia haec artificia vel potius maleficia ex pestifera quadam familiaritate demonum et hominum noverint profluxisse” (Ibid.).

Нечистый являлся автором всех «предсказаний» и знамений, которым английский схоластик не доверял сам и призывал не доверять своих читателей²¹.

Дьявол сознательно портит нравы людей, полагал Иоанн Солсберийский. Он лишает правителя его главного достоинства – Божественной мудрости и истинной веры, заставляя искать запретных знаний и обращаться ради этого к магии²². Однако колдовство ведет лишь к ложной учености, оно порождает иллюзии, в нем нет ни грамма истины, а потому оно прежде всего противно Господу. Все, кто использует его в собственных целях, неизбежно становятся жертвами Нечистого и после смерти отправляются прямоком в ад²³. Ведь тот, кто занимается гаданиями и иными магическими практиками, телом, душой и языком предается демонам, а не Богу²⁴.

Точно так же обстоит дело и с придворными, которые под влиянием дьявола превращаются в *дурных* советников, разоряющих земли королевства и тем самым вредящих государю²⁵. Свои раздоры и интриги они скрывают перед монархом под маской лести, услаждая его слух приятными речами и никогда не говоря ему правды²⁶. И с этой точки зрения

²¹ Исключение в «Поликратике» делалось лишь для Божественных знамений и природных явлений, которые также, по мысли автора, происходили от Господа: Ibid. P. 68–70.

²² “Infidelium regum percurrere seriem, Ieroboam Acab Iezabel Nabugodonosor Sennacherib et alii quorum errores non sufficio enarrare, quid lucrati sunt in vatibus suis, qui videbant eis falsa et stulta, nec aperiebant iniquitatem eorum, ut eos ad penitentiam provocarent? Omnes utique evanuerunt post principem vanitatis, et dum scire quod non licet, vel aliter quam licet, appetunt, ad inane et nichilum redacti sunt” (Ibid. P. 158).

²³ “Porro Spiritus sanctus disciplinae effugit a fictum, et corpus peccatis subditum sui esse habitaculum dedignatur. Quicquid vero huiusmodi agatur, fictitium est et phantasticum et veritatis substantiam nescit. Videtur quidem adesse, dum precibus et oblationibus invocatur, et effectum petitionum persequente sacrilegum errantis animae desiderium adimpletur. Abest autem tam longe, ut subtracta tutela sui eos, quos perfidia tanta exagitat, variis ludificationibus demonum trahi sustineat ad gehennam” (Ibid. P. 160–161).

²⁴ “Certe nimis est quod immolat, qui eiecto Spiritu sancto idolatriae mentem prostituit. Nimium est quod immolat, qui pollutas aures demoniorum sollicitat voce Domino consecrata. Nimium est quod immolat, qui motimi corporis accommodat ad detestabile sacrilegium peragendum. Quid retinuit creatori, qui mentem linguam corpus demonibus obtulit? An non veritati fecit iniuriam, qui integritatem eius in tanta corruptione quaesivit? Plane nemo in talibus per ignorantiam excusatur. Omnes enim in commune sciunt aut scire debent hanc ignominiam fidei anathematis obprobrio condempnatam” (Ibid. P. 161–162).

²⁵ “At cum per ministros iniquitatis et sceleris et satellites Sathanae, viros Herodianos, fuerit exhausta provincia, si necessitas imminet, quibus utetur princeps?” (Ibid. T. 2. P. 8).

²⁶ “Hoc siquidem genus hominum omnia loquentium ad voluptatem, ad veritatem nichil. Verba oris eius iniquitas et dolus, qui etiam errantibus amicis ad eorum subversionem

льстец подобен *проститутке*, поскольку – как и она – всё обращает себе на пользу и ищет повсюду лишь собственную выгоду²⁷.

Данная аналогия позволяла Иоанну Солсберийскому обратиться непосредственно к оценке роли женщин при дворе правителя. Он полагал, что представительница слабого пола легко может соблазнить мужчину, вызвать в нем чувство привязанности, страсти или любви, а потому она становится для него чрезвычайно опасна²⁸. Ведь любовница всегда добивается своего, ибо расстаться с ней государю оказывается несоизмеримо сложнее, нежели со всеми богатствами своего королевства²⁹. Вот почему при дворе любого владетельного сеньора всегда обретается так много сводников: ради того, чтобы заполучить власть над правителем, они направляют действия куртизанок, торгуют девственностью своих дочерей, подталкивая их к занятиям проституцией, и даже собственными женами³⁰. К этим последним автор «Поликратика» относился не менее критично. Супруга короля или его ближайшего советника обычно оказывается исключительно требовательной особой, прозорливо отмечал Солсбериец, она всегда действует лишь по собственному усмотрению. Если же мужчина не готов отдать власть в ее руки, женщина способна возненавидеть его и даже отравить³¹.

Учитывая вышесказанное, Иоанн требовал изгнать из окружения государя блудниц любого ранга. Подобное решение, с его точки зрения, очистило бы королевский двор от царящего там разврата, а также избе-

ingeminat: Euge, euge” (Ibid. T. 1. P. 178).

²⁷ “Sed dum hanc affectionem moderationis regula deserit, fertur in praeceptis discurrensque per omnia agenda et non agenda, per infamiam et bonam famam, favoris auceps, gratiae sollicitator incestus, ut cum amicis blanditiis praeconiperit, more meretricantis fortunam subripiat, extenuet facultates, aliena in se congerat spolia, et suum omnia convertat ad lucrum” (Ibid. P. 185).

²⁸ “Affectio tamen efficacior est, eo quod ad naturam familiarius accedit, ipsique unitur animae quicquid affectionis federe copulatur... Nonne satis delusus est qui oculis suis assertionem femineam, quae ex eo solo decipit crebrius quod intercipitur rarius, anteposit? Pica siquidem pulvinaris efficacissima est et, ut dici solet, comix nocturna quovis oratore disertior, et cuiusque operis faciem quocumque libuerit colore vestit. Quo ergo cautior, eo suspectior habenda est” (Ibid. P. 216).

²⁹ “Hoc, inquit, os ex ossibus meis, et caro de carne mea, ut non iam duo sint vir et mulier, sed una caro. Haec utique sine dolore non scinditur neque sine invidia communicatur. Non bene cum sociis regna Venusque manent; et sicut nulla fides regni sociis, ita nec thori. Certe facilius est regni divitias quam affectionem coniugii alii cedere” (Ibid. P. 218–219).

³⁰ “Apud istos ars est suam pudicitiam prostituere, alienam violare vel oppugnare. Nec quidem simpliciter suam, cum matrimonii temerentur iura et coniugis adulterium coniunx procuraret. Dum egreditur sponsa de thalamo, coniugem noli maritum credere sed lenonem. Producit eam, libidinis exponit et, si spes dolosi nummi refulgeat, affectus callida simulatione prostituit” (Ibid. P. 218).

³¹ “Si totam ei domum regendam commiseris, serviendum est; si aliquid tuo arbitrio reservaveris, fidem sibi haberi non putabit et in odium vertetur ac iurgia et, nisi cito consulueris, parabit venena” (Ibid. T. 2. P. 297).

вило бы правителя от многочисленных пособниц дьявола, которые своим колдовством и любовными чарами самым пагубным образом влияют как на него самого, так и на его советников-мужчин³².

В роли связующего звена между проституцией и колдовством – как и в случае с придворными, превращающимися в дурных советников, – для Иоанна Солсберийского вновь выступал дьявол. Описывая достоинства и недостатки правителя, автор «Поликратика» особое внимание уделял проблеме целомудрия³³. Этот вопрос, безусловно, поднимался западноевропейскими мыслителями и ранее³⁴, однако у английского схоластика добрые нравы короля и его окружения впервые, похоже, оказались поставлены в прямую зависимость от действий Нечистого и его роли в судьбах людей. Сатана не просто помогал колдунам и ведьмам творить зло, он являлся чистым воплощением Венеры, богини похоти³⁵. Как следствие, «дела плоти», по мнению Иоанна, включали не только разврат и блуд, не только стремление к роскоши, алчность и враждебность по отношению к окружающим, но также идолопоклонничество и занятия колдовством. Любой из этих грехов в равной степени, с его точки зрения, преграждал путь к спасению³⁶.

Человек, прибегающий к помощи магии, но в то же время пребывающий в статусе советника короля, мог лишь погубить его своими лживыми наставлениями. Данный персонаж оказывался хорошо знаком авторам и читателям XII столетия. Речь прежде всего шла о библейских текстах, где рассказывалось и о волхвах египетского фараона, состязав-

³² “Nam de histrionibus et mimis, scurris et meretricibus, lenonibus et huiusmodi prodigiis hominum, quae principem potius oportet exterminare quam fovere, non fuerat in lege mentio facienda; quae quidem omnes abominationes istas non modo a principis aula excludit, sed eliminat a populo Dei” (Ibid. T. 1. P. 245).

³³ “Non habebit uxores plurimas quae afficiant animam eius, neque argenti et auri immensa pondera” (Ibid. P. 244).

³⁴ В первой половине XII в. подобные рассуждения уже присутствовали в сочинениях Гвиберта Ножанского и Бернара Клервоского: Дюби Ж. Указ. соч. С. 199–202.

³⁵ “Eneas... se asserit, eo quod egredienti Lucifer, qui et Venus, donec ad Italiam perveniret, apparuerit auspicanti” (Iohannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 1. P. 70–71).

³⁶ “Non enim in sola immunditia vel gula consistunt opera carnis, cum Apostolus ad Galathas loquens ea in multis vitiis manifesta esse convincat, ut sunt fornicatio, immunditia, avaritia, impudicitia, luxuria, idolorum servitus, veneficia, inimicitiae, contentiones, emulationes, irae, rixae, dissensiones, hereses, sectae, invidiae, homicidia, ebrietates, commesationes, et similia, quae qui committunt, regnum Dei non possidebunt” (Ibid. T. 2. P. 210). Таким образом, Иоанн Солсберийский творчески переосмысливал «Послание к Галатам» апостола Павла, на которое ссылался в данном пассаже. Ср.: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5: 19–21).

шихся с Моисеем в способности творить чудеса³⁷; и о мудрецах-чародеях царя Навуходоносора, пытавшихся разгадать его сон³⁸; и об Амоне, советнике Артаксеркса, согласно еврейским мидрашам, занимавшемся астрологией³⁹; и о волхве Елиме, «который находился с проконсулом Сергием Павлом»⁴⁰.

В средневековой литературной традиции – как английской, так и континентальной – одно из центральных мест отводилось волшебнику Мерлину. Согласно Неннию (начало IX в.) и Гальфриду Монмутскому (ок. 1100–1154/1155), в детстве он едва не стал жертвой советников-«прорицателей» короля Вортигерна, предлагавших принести его в жертву ради укрепления строящегося замка правителя⁴¹. Вместе с тем Мерлин и сам оказывался способен совершать весьма сомнительные поступки – например, при помощи колдовства изменить внешность Утера Пендрагона, дабы тот зачал Артура⁴². Не менее популярной являлась и легенда о Герберте Орильякском, будущем папе римском Сильвестре II (999–1003), якобы пристрастившемся к астрологии и прочим магическим практикам в годы своей учебы в Толедо, а затем ставшем воспитателем императора Оттона II (973–983): о нем подробно писал Вильям Мальмсберийский (ок. 1090–1143)⁴³ (Илл. 1).

Что же касается исторических сочинений, то достаточно вспомнить рассказы Аммиана Марцеллина (IV в.) о заговорах советников Констанция II, Валентиниана I и Валента II с целью навести порчу на этих императоров⁴⁴. Григорий Турский в своей «Истории франков» (VI в.) сообщал о некоем «совратителе», явившемся «из Испании» и намеревающемся

³⁷ Исх. 7: 10–23.

³⁸ Дан. 2: 1–12.

³⁹ Есф. 3: 1–2; Hirsch E.G., Seligsohn M., Schechter S. Haman the Agagite // The Jewish Encyclopedia / Ed. by I. Singer et al. N.Y., 1901–1906. Т. 6. P. 189–190.

⁴⁰ Деян. 13: 6–12.

⁴¹ Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подг. А.С. Бобович, А.Д. Михайлов, С.А. Ошеров. М., 1984. С. 171–193, здесь С. 181–183; Гальфрид Монмутский. История бриттов // Там же. С. 5–137, здесь С. 72–74. См. также: Walter P. Merlin, L'Enfant-Vieillard // L'imaginaire des âges de la vie / Sous la dir. de D. Chauvin, J.L. Backès. Grenoble, 1996. P. 117–133.

⁴² Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 92–94. См. также: Walter P. Merlin ou le savoir du monde. P., 2000. P. 29; Chauou A. L'idéologie Plantagenêt: royauté arthurienne et monarchie politique dans l'espace Plantagenêt (XIIe–XIIIe siècles). Rennes, 2001. P. 149–152.

⁴³ Вильям Мальмсберийский. История английских королей / Пер. Т.И. Кузнецовой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М., 1972. С. 388–402, здесь С. 390–394. Подробнее см.: Truitt E.R. Celestial divination and Arabic science in twelfth-century England: The history of Gerbert of Aurillac's talking head // Journal of the history of ideas. 2012. Vol. 73 (2). P. 201–222.

⁴⁴ Подробнее см.: Brown P. Sorcery, Demons and the Rise of Christianity: From Late Antiquity into the Middle Ages // Brown P. Religion and Society in the Age of St. Augustine. L., 1972. P. 119–146.

предстать перед королем франков Хильпериком I (561–584): в его мешке вместо святых мощей епископ Парижа Рагнемод обнаружил различные коренья, «зубы крота, и кости мышей, и когти медведя, и медвежий жир» и заключил лжепророка в темницу⁴⁵. Ансельм Перипатетик, приближенный императора Генриха III (1046–1056), в прологе к «Риторимахии» (ок. 1050 г.) признавался, что его интерес к магическим практикам был вызван отчасти слухами, которые распускали о нем его недруги и согласно которым он сам являлся колдуном⁴⁶.

Таким образом, по мнению раннесредневековых авторов, дурными советниками правителя обычно оказывались люди просвещенные, т.е. принадлежавшие к узкому кругу образованных клириков или священников⁴⁷ и занимавшиеся «ученым» колдовством, т.е. прежде всего астрологией и некромантией⁴⁸. Иными словами, это были *мужчины*, тогда как в «Поликратике» Иоанна Солсберийского внимание уделялось преимущественно *женщинам* – развратницам и ведьмам в одном лице: ни библейские волхвы, ни Мерлин, ни Сильвестр II здесь даже не упоминались. По мнению английского схоластика, именно *любовная* магия оказывалась одним из важнейших рычагов в политических играх при дворе

⁴⁵ Григорий Турский. История франков / Пер., сост., примеч. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 248–249.

⁴⁶ Подробнее см.: Peters E. The magician, the witch, and the law. Philadelphia, 1978. P. 21–33.

⁴⁷ Отчасти на той же позиции стоял и Иоанн Солсберийский, настаивавший, что король должен принимать советы лишь от представителей Церкви, которые руководят его действиями, как душа управляет телом: “Illos vero, qui religionis cultui praesunt, quasi animam corporis suspicere et venerari oportet... Porro, sicut anima totius habet corporis principatum, ita et hii, quos ille religionis praefectos vocat, toti corpori praesunt” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 282). Только их помощь угодна Господу, поскольку они образованны, богобоязненны и ведут «безгрешную жизнь» (*vita immaculata*): Ibid. P. 254, 321. Последнее уточнение, тем не менее, наводило на мысль, что даже самый лучший советник в какой-то момент может поддаться дьявольскому искушению и вступить на путь порока.

⁴⁸ Определение «клирик-колдун» присутствовало уже в одном из самых ранних европейских пенитенциалиев – в тексте, приписываемом Финниану (VI в.): “Si quis clericus maleficus vel si qua mulier malefica, si aliquem maleficio suo deciperat, inmane peccatum est, sed per penitentiam redemi potest” (Poenitentiale Vinniai // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 108–119, здесь S. 112, курсив мой – О.Т.). Подробнее на эту тему см.: Luck G. Witches and Sorcerers in Classical Literature // Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 91–158; Bailey M.D. From sorcery to witchcraft: clerical conceptions of magic in the later Middle Ages // Speculum. 2001. Vol. 76 (4). P. 960–990, здесь P. 965–967; Idem. The meanings of magic // Magic, Ritual, and Witchcraft. 2006. T. 1. P. 1–23, здесь P. 9–10; Nederman C.J. There are no “bad kings”: Tyrannical characters and evil counselors in medieval political thought // Evil lords. Theories and representations of tyranny from Antiquity to the Renaissance / Ed. by N. Panou and H. Schadee. Oxford, 2018. P. 137–156.

государя, где она применялась как верное средство влияния и на самого правителя, и на его ближайшее окружение.

Теория, разработанная Иоанном Солсберийским, опиралась, вне всякого сомнения, на солидный фундамент – размышления отцов Церкви и теологов об особой роли женщин в использовании колдовства и магических практик. И если в раннесредневековых пенитенциалиях способность вызвать «плотскую любовь» при помощи приворота еще могла приписываться и колдунам, и ведьмам⁴⁹, то уже в каноне *Episcopi* (самом первом официальном церковном документе, касавшемся этих проблем и датирующемся предположительно IX в.⁵⁰) упоминались одни лишь представительницы слабого пола, верившие в свою способность переноситься под покровом ночи на встречу с Дианой, покровительницей – согласно античной мифологии – не только рожениц, но также лесов и подземного мира⁵¹.

Не случайно в тексте канона языческая богиня напрямую уподоблялась самому дьяволу, на службу к которому якобы поступали эти женщины:

«Не следует допускать, чтобы некоторые злобные особы, превратившиеся в слуг Сатаны, соблазненные иллюзиями и фантазмами демонов, верили сами и заставляли верить [других] в то, что по ночам они разъезжают верхом на различных животных в компании с языческой богиней Дианой и множеством других женщин; что они преодолевают огромные расстояния под покровом ночи; что они подчиняются приказам этой богини, как если бы она была их повелительницей; и что иногда по ночам она призывает их к себе на службу»⁵².

Текст канона *Episcopi* сохранился лишь в позднейшей версии: он был воспроизведен Региноном Прюмским в *Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis* (906 г.) – сборнике инструкций, предназначенных для епископов и их представителей в диоцезах. Еще через сто лет те же

⁴⁹ См., к примеру: “Si autem non deciperit aliquem sed pro inlecebroso amore dederat alicui, annum integrum peniteat cum pane et aqua per mensuram” (Poenitentiale Vinniai. S. 112).

⁵⁰ Kieckhefer R. *European Witch Trials: their Foundations in Popular and Learned Culture, 1300–1500*. L., 1976. P. 38–48; *The witchcraft sourcebook* / Ed. by B. Levack. N.Y.; L., 2005. P. 33.

⁵¹ Штаерман Е.М. Диана // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1987. Т. 1. С. 376.

⁵² “Illud etiam non est omittendum, quod quaedam sceleratae mulieres, retro post Satanam conversae (I, Tim. V, 15), daemonum illusionibus et phantasmatis seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias, et multa terrarum spatia intempestae noctis silentio pertransire, eiusque iusionibus velut dominae obedire, et certis noctibus ad eius servitium evocari” (*Reginonis abbatis Prumiensis Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis* / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Leipzig, 1840. S. 355).

установления оказались включены в «Декреты» Бурхарда Вормсского († 1025), который вновь основное внимание сосредоточил на женщинах – своих современницах, искренне полагающих, что по ночам они путешествуют в компании демонов и встречаются с Дианой, Хольдой и Иродиадой⁵³. Впрочем, автор прямо заявлял, что под видом всех этих персонажей в действительности выступает сам Сатана:

«Многие, кто верит в подобный обман, уклоняются от подлинной веры и впадают в языческие заблуждения, полагая, что могут быть какие-то иные божества помимо единого Бога. На самом деле это дьявол принимает различные формы и личины, обманывая видениями подчиненное ему сознание [человека], когда тот спит»⁵⁴.

В отличие от составителя канона *Episcopi*, Бурхард Вормсский постоянно возвращался к проблеме взаимоотношений ведьм с силами ада, называя колдовство «дьявольским» ремеслом⁵⁵. Особое же внимание он уделял именно любовной магии, различные виды которой подробно перечислял на страницах «Декретов»: наведение порчи или приворота при помощи амулетов; травяных отваров и микстур; земли, собранной из отпечатков подошв предполагаемой жертвы; спермы, менструальной крови или зажаренных и истолченных в порошок мужских яичек, подмешанных в еду и питье; рыбы, умерщвленной во влагище женщины и приготовленной затем для ее супруга; хлеба, испеченного с той же целью, тесто для которого замешивалось в бадье, стоявшей на голом женском зад, и т.д.⁵⁶ Все эти действия, по мнению автора, происходили «по дьявольскому наущению» и были присущи исключительно представительницам слабого пола⁵⁷.

Любопытно, что именно трактовка Бурхардом Вормсским канона *Episcopi* была позаимствована в XII в. другим выдающимся европейским теологом – Грацианом († 1150), включившим этот текст в свой «Декрет» (1140 г.), первый в европейской истории свод канонического права. В от-

⁵³ Интересно, что Бурхард *пять раз* (с небольшими вариациями) воспроизвел в «Декретах» текст канона: *Burchardus Wortatiensis. Decretorum libri viginti* // PL. T. 140. Col. 537–1058, здесь Col. 831, 837, 962, 963, 973.

⁵⁴ “Nam innumera multitudo, hac falsa opinione decepta, haec vera esse credit, et credendo a recta fide deviat, et in errore paganorum volvitur, cum aliquid divinitatis aut nominis extra unum Deum esse arbitratur. Sed diabolus transformat se in diversarum personarum species atque similitudines, et mentem, quam captivam tenet, in somnis deludens” (Ibid. Col. 963).

⁵⁵ “Mulier si divinationes vel incantationes diabolicas fecerit, annum unum poeniteat” (Ibid. Col. 836).

⁵⁶ Ibid. Col. 837, 961, 973–974.

⁵⁷ Каждая из соответствующих глав «Декретов» начиналась одинаково: “Fecisti quod quaedam mulieres *instinctu diaboli* facere solent?”, “Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, *diabolicis adimpletae disciplinis*?”, “Fecisti quod quaedam facere solent, *diaboli audacia repletae*?” (Ibid. Col. 974, курсив мой – О.Т.).

личие от варианта, предложенного Региноном Прюмским, здесь также фигурировали Диана и Иродиада, которых знаменитый юрист полагал «масками» дьявола⁵⁸.

Теми же самыми выкладками Бурхарда Вормсского, на мой взгляд, мог руководствоваться при написании «Поликратика» и Иоанн Солсберийский. Хотя он был знаком со сводом Грациана⁵⁹ и, возможно, с канонем *Episcopi* в его редакции 906 г.⁶⁰, представляется сомнительным, что именно на эти тексты он опирался в вопросе о безусловной взаимосвязи развратного образа жизни женщин с занятиями колдовством. В каноне эта зависимость была едва намечена. Что же касается «Декрета», то его автор и вовсе ни словом не обмолвился о женщинах и практикуемой ими любовной магии. В разделе, специально посвященном различным «суевериям», с которыми церкви надлежало бороться, упоминалось лишь «ученое», т.е. мужское, колдовство: астрология, некромантия, ауспиции, толкование сновидений и т.д.⁶¹

О внимательном же чтении английским схоластиком труда Бурхарда Вормсского свидетельствовало не только имя Иродиады, оставленное им при пересказе текста канона и прямо указывавшее на близость, существовавшую, с его точки зрения, между сексуальной распущенностью и магическими практиками⁶². В еще большей степени о влиянии «Декретов» на «Поликратик» свидетельствовало, как мне представляется, то обстоятельство, что в обоих сочинениях проблемы женского колдовства и проституции оказались слиты воедино.

⁵⁸ "...credunt se et profitentur, cum Diana nocturnis horis dea paganorum, vel cum Herodiade, et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias... Siquidem ipse sathanas, qui transfigurat se in angelum lucis, cum mentem cuiusque mulieris ceperit, et hanc per infidelitatem sibi subiugaverit, illico transformat se in diversarum personarum species atque similitudines, et mentem, quam captivam tenet" (Decretum magistri Gratiani // Corpus Iuris Canonici / Hrsg. von A. Friedberg. Leipzig, 1879. Col. 1019–1046, здесь Col. 1030–1031).

⁵⁹ Канторович Э. Указ. соч. С. 172.

⁶⁰ Thorndike L. Op. cit. T. 2. P. 163; Levack B. The witch-hunt in early modern Europe. Edinburgh, 2006. P. 47.

⁶¹ Decretum magistri Gratiani. Col. 1032–1036.

⁶² Как известно, Иродиада вышла замуж за своего дядю Ирода Филиппа I, но затем вступила в кровосмесительное сожительство с его единокровным братом Иродом II Антипой, за что ее порицал Иоанн Креститель: Матф. 14: 3–12; Лук. 3: 18–20. Иоанн Солсберийский, вслед за своими предшественниками, рассматривал рассказы о ночных сборищах ведьм под предводительством Иродиады как результат лживых видений, насланных демонами: "Quale est quod noctulam quandam vel Herodiadem vel praesidem noctis dominam concilia et conventus de nocte asserunt convocare, varia celebrari convivia, ministeriorum species diversis occupationibus exerceri, et nunc istos ad penam trahi pro meritis nunc illos ad gloriam sullimari. Praeterea infantes exponi lamiis et nunc frustratim discerptos edaci ingluvie in ventrem traiectos congeri, nunc praesidentis miseratione reiectos in cunas reponi. Quis vel cecus hoc ludificantium demonum non videat esse nequitiam?" (Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 1. P. 100–101, курсив мой – О.Т.).

Раздел о преступных интимных отношениях и сводничестве располагался у Бурхарда Вормсского сразу за главами, посвященными любовной магии. Автор предлагал священникам задавать своим прихожанкам на исповеди весьма откровенные вопросы:

«Выступала ли ты сводней [по отношению] к себе самой или к другим? Я имею в виду, предавалась ли ты, подобно продажным женщинам, ласкам любовников ради денег? Или же, что еще ужаснее и постыднее, продавала ли ты тело своей дочери, племянницы или любой другой христианки мужчинам? Была ли ты посредницей или советчицей в столь богомерзком деле?»⁶³.

Буквально следующая глава «Декретов» оказывалась посвящена непосредственно наведению приворота или порчи на мужчин, намеренных бросить своих сожительниц ради заключения брака:

«Поступала ли ты так же, как неверные женщины? Как только они понимают, что их возлюбленные собираются покинуть их, дабы взять себе законных супругов, они [тут же] при помощи колдовства гасят в этих мужчинах огонь страсти, чтобы те оказались [совершенно] бесполезными [в постели] со своими женами и не могли с ними совокупляться»⁶⁴.

Такую же логическую цепочку рассуждений выстраивал в «Поликратике» и Иоанн Солсберийский. Однако важнейшее отличие его теории от идей Бурхарда Вормсского заключалось в том, что главным местом, где действовали всевозможные развратницы, занимавшиеся любовной магией, он полагал именно дворы правителей.

Европейцы XII столетия уже были, безусловно, наслышаны о подобных «великосветских» скандалах. В частности, Григорий Турский сообщал в «Истории франков», как королева Фредегонда расправилась в 580 г. с возлюбленной своего пасынка Хлодвиг, обвинив девушку и ее мать в наведении порчи на своих умерших сыновей⁶⁵. Точно так же Пас-

⁶³ “Exercuisti lenocinium aut in te ipsa, aut in aliis, ita dico, ut tu meretricio more tuis amatoribus corpus tuum ad tractandum et ad sordidandum, pro precio tradidisses, seu quod crudelius est et perniciosius est, alienum corpus, filiae dico, vel neptis, et alicujus Christianae, amatoribus vendidisti, vel concessisti, vel internuncia fuisti, vel consiliata es ut stuprum aliquod tali modo perpetraretur?” (*Burchardus Wortatiensis*. Op. cit. Col. 975).

⁶⁴ “Fecisti quod quaedam mulieres adulterae facere solent? Cum primum intellexerint quod amatores carum legitimas uxores voluerint accipere, tunc quadam arte malefica libidinem virorum extinguunt, ut legitimis prodesse non possint, neque cum eis coire” (*Ibid.*).

⁶⁵ «Спустя несколько дней к королеве пришел некто и сказал: “То что ты осталась без детей, это произошло из-за коварства Хлодвиг. Ведь он, влюбившись в дочь одной из твоих служанок, умертвил твоих сыновей при помощи злых чар матери той девушки...”. Тогда королева, испуганная, разгневанная, расстроенная

хазий Радберт в *Epitaphium Arsenii* (836–840 гг.) рассказывал, насколько пагубное влияние на императора Людовика Благочестивого (814–840) оказывали его вторая супруга Юдифь и ближайший советник Бернард, герцог Септимании. Мало того, что эти двое состояли в преступной любовной связи, они наводнили королевский двор различными «заклинателями, провидцами, толкователями снов и знамений... и прочими многочисленными знатоками магических искусств»⁶⁶. Хинкмар Реймский, комментируя в *De divortio Lotharii* (863 г.) развод правителя Лотарингии Лотаря II (855–869) с Теутбергой и его попытку жениться на Вальдраде, писал, что королевская любовница навела порчу на соперницу, дабы та не смогла иметь детей⁶⁷.

Однако ни одна из этих историй – как и рассказы о дурных советниках-колдунах – не упоминалась на страницах «Поликратика»: либо Иоанн Солсберийский о них не слышал, либо решил не заострять на этом внимание читателей. И все же именно ему, похоже, принадлежала честь первым подвести теоретическую базу под разрозненные рассказы его предшественников, подробно описать те негативные последствия, которые могло иметь постоянное присутствие ведьм-куртизанок (происходивших из самых разных страт общества, а не только из знати) при дворе короля, и выставить их в качестве могущественной группы «дурных советников», своими действиями способных погубить и правителя, и его страну.

Дабы не выглядеть голословным, английский схоластик обращался к многочисленным конкретным примерам из прошлого, которые заимствовал преимущественно из античных текстов и из Библии⁶⁸. Любопыт-

---

недавней потерей детей, схватила девушку, на которую Хлодвиг положил глаз, и, сильно избив ее, приказала отрезать ей волосы, и, прикрепив их к шесту, велела установить его перед жилищем Хлодвиги. У связанной же и долго пытаемой матери девушки королева вырвала признание в том, что все это правда» (*Григорий Турский*. Указ. соч. С. 145). См. также: *Pancer N. Sans peur et sans vergogne. De l'honneur et des femmes aux premiers temps mérovingiens (VIe–VIIe siècles)*. P., 2001. P. 244.

⁶⁶ "...sed ut hostis pelleretur una cum suis complicitibus; et moehia qua jam publica erat, in confusionem omnium ne diutius celaretur. Sortilegae ibidem aggregatae, divini, conjectores et muti, nec non somniatores,, et hi qui extra consulebant; vel alii quamplures malignis instituti artibus, a sacro pellerentur palatio" (*Paschasii Radberti Epitaphium Arsenii, seu Vita venerabilis Walae* // PL. 120. Col. 1559–1650, здесь Col. 1619). О преступной любовной связи Юдифи писал также Агобар, архиепископ Лионский, но он не упоминал о склонности королевы к занятиям колдовством: Агобар, архиепископ Лионский. Две книги в пользу сыновей и против Юдифи, жены Людовика Благочестивого // *Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники* / Отв. ред. А.И. Сидоров. СПб., 2019. С. 237–247. Противоположную точку зрения см.: *Теган Трискский. Деяния императора Людовика* // Там же. С. 171–232, здесь С. 191–192, 223.

⁶⁷ *Hinkmar von Reims. De divortio Lotharii regis et Theutberga regina* / Hrsg. von L. Böhlinger // MGH. Leges, Concilia. Bd. 4 (1). Hannover, 1992. S. 205–213.

⁶⁸ Об особенностях использования поучительных «примеров» у Иоанна Солсберийского см. подробнее: *Moos P. von. The use of exempla in the Policraticus of John of*

но, что при этом он слегка подправлял хорошо знакомые его современникам сюжеты – с тем, чтобы его главный тезис казался максимально убедительным.

Так, уже в первой книге «Поликратика», критикуя своих современников, владетельных сеньоров, за пристрастие к охоте, Иоанн ссылаясь на историю Одиссея, которого якобы приучила к столь греховному времяпрепровождению волшебница Цирцея. Столь оригинальная трактовка гомеровского сюжета, очевидно, должна была усилить, по мнению автора, его сообщение о том, что повелительница острова Эя использовала заклинания и яды, дабы затуманить разум попавших в ее сети мужчин и заставить их исполнять ее приказы, а также являлась настоящей блудницей, «под властью которой был вынужден жить» Одиссей⁶⁹. Таким образом, Цирцея противопоставлялась в «Поликратике» целомудренной Пенелопе (*pudica Penelope*), к которой в конце концов и возвращался главный герой⁷⁰.

То же самое противопоставление развратной куртизанки и законной супруги было использовано и в рассказе о Юлии Цезаре. По мнению Иоанна Солсберийского, Клеопатра одурманила великого правителя злыми чарами и соблазнила его ради того, чтобы он разделил с ней императорскую славу и власть⁷¹, в то время как Кальпурния пыталась предостеречь мужа от посещения сената: накануне во сне она увидела, как сжимает в объятиях его окровавленное тело⁷².

Salisbury // *The World of John of Salisbury* / Ed. by M. Wilks. Oxford, 1994. P. 207–261; Barrau J. *La conversio de Jean de Salisbury: la Bible au service de Thomas Becket? // Cahiers de civilisation médiévale*. 2007. T. 199. P. 229–244.

⁶⁹ “Sed et ipse huius exercitii Circem laudat auctorem, quae carminibus et poculis humanas mentes dicitur immutasse, eo quod arte verborum, et rerum gratia alliceret mentes hominum, et suae voluntati conformes in usus quoslibet transformaret. Graecis itaque propinata sunt suspectae venena voluptatis; sed ea cum prudens gustasset Ithacus, noluit bibere, ne sub domina meretrice turpis et excors vivere cogeretur” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 24–25). В тексте Гомера ни слова не говорилось об обучении Одиссея охоте: *Гомер. Одиссея* / Пер. В.В. Вересаева под ред. И.И. Толстого. М., 1953. X. 207–574.

⁷⁰ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 25.

⁷¹ “Equidem orbis victorem Cesarem donis flexit, et invicti viri insuperabilem animum meretricius decor et prostituta facies superavit... Omnes nocendi artes aggressa est, tandemque capta et provoluta ad pedes Augusti etiam tunc sollicitavit oculos ducis. Sed frustra quidem; nam pulchritudo eius infra pudicitiam principis fuit” (Ibid. P. 200).

⁷² “Praeterea Calpurnia uxor eius ea nocte, quam is in terra ultimam gessit, vidit eum multis vulneribus confectum in sinu suo iacere, rogansque ut die sequenti a curia abstineret, non obtinuit, ne ille in vita sua aliquid timidum quocumque auspicio egisse videretur” (Ibid. P. 67). О пророческом сновидении Кальпурнии упоминали многие античные авторы. Наиболее близкими к трактовке Иоанна Солсберийского представляются сообщения Плутарха и Светония: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах* / Изд. подг. М.Е. Грабарь-Пассек и С.П. Маркиш. М., 1963. Т. 2. С. 488; *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей* / Пер. и прим. М.Л. Гаспарова. М., 1964. С. 31. Любопытно отметить, что при негатив-

Впрочем, даже истории о вполне добропорядочных замужних женщинах порой приобретали под пером Иоанна Солсберийского весьма причудливые формы. В частности, ответственность за соблазнение Давида в «Поликратике» оказывалась возложена на Вирсавию, которая, по мнению автора, буквально околдовала царя Израиля, ослепила его красотой и доступностью собственного тела, подтолкнув тем самым к предательству и убийству Урии⁷³. Эта версия противоречила не только каноническому библейскому тексту, где отнюдь не упоминалось о распущенности героини⁷⁴, но и его интерпретации у Блаженного Августина и Григория Великого (ок. 540–604), для которых Вирсавия олицетворяла Церковь, Давид – Иисуса Христа, а Урия – дьявола⁷⁵.

Столь же оригинальная трактовка была предложена Иоанном и для истории Юдифи и Олоферна, которого скромная вдова из Ветулии пора-

---

ном в целом отношении к сновидениям (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 97–101; см. также: Swinford D. Dream interpretation and the organic metaphor of the State in John of Salisbury's *Policraticus* // *Journal of Medieval Religious Cultures*. 2012. Vol. 38 (1). P. 32–59) Иоанн Солсберийский допускал, что иногда они могут трактоваться «от противного», когда увиденное ночью оборачивается в реальности своей полной противоположностью и, таким образом, обретает статус предсказания. В качестве примера подобного «антитезиса» он приводил сон Юлия Цезаря, в котором тот «осквернял ложе собственной матери», т.е. совершал инцест. Тем не менее, призванные им астрологи истолковали видение как пророчество о том, что юноша будет править всем миром: “Interdum tamen et per antithesim rerum sequenda sunt veritatis vestigia... Gaius Cesar in minori etate in sompnis sibi visus est matris incestare cubicala, et turpitudine soporis attonitus, cum rem ad mathematicos retulisset, universam terram ditioni eius subiciendam responderunt” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 95). Упоминание об этом сне присутствовало у Плутарха, который относил его к последней ночи перед Рубиконом (*Плутарх*. Указ. соч. С. 470–471), а также у Светония, трактовка которого, вероятно, и оказалась воспроизведена в «Поликратике» (*Гай Светоний Транквилл*. Указ. соч. С. 7). Я благодарна К.П. Мефтахудинову за указание на эти тексты, послужившие возможными источниками для Иоанна Солсберийского.

⁷³ “Denique ad speciem facti quis Uria iustior? quis David nequior aut crudelior? quem decor Bersabee ad pro ditionem homicidium et adulterium invitavit” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 95–96).

⁷⁴ «Однажды под вечер, Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома, и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина? И сказали ему: это Вирсавия... Давид послал слуг взять ее; и она пришла к нему, и он спал с нею» (2 Цар. 11: 2–4).

⁷⁵ Интересно, что Иоанн Солсберийский приводил в своем тексте данную трактовку, но открыто оспаривал ее: “Quae quidem omnia contrarium faciunt intellectum, cum Urias diabolus, David Christus, Bersabee peccatorum labe deformis ecclesia figuretur. Frequens tamen et quasi regulare ius est, ut a similibus ad similia recurat interpretatio” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 96). Ср.: *Augustinus*. Contra Faustum Manichaeum libri XXXIII // PL. T. 42. Col. 207–518, здесь Col. 458–459; *Sancti Gregorii Magni Moralium libri, sive Expositio in librum B. Job* // PL. T. 75. Col. 510–1162, здесь Col. 625–627.

зила не только своими пророчествами, но и внешностью. Впрочем, привлекательность Юдифи, по мнению автора «Поликратика», была столь же обманчива, как и слова, сказанные ею Олоферну: ради благой цели сам Господь «даровал ей великолепие», обманув тем самым врага израильского народа⁷⁶.

Как представляется, единственным примером, когда советником правителя выступала женщина, не являвшаяся, согласно традиции, распутницей, в «Поликратике» оказывалась история Саула и Аэндорской волшебницы, вызвавшей по просьбе царя дух покойного пророка Самуила. И хотя в библейском тексте ни слова не говорилось о связи прорицательницы с дьяволом, Иоанн Солсберийский отмечал, что для правителя посещение столь сомнительных личностей ночью совершенно недопустимо, ибо в это время советы дает лишь «князь тьмы»⁷⁷.

Все эти истории были необходимы автору «Поликратика», дабы утвердить своих читателей в том мнении, что магия и разврат – две стороны одной медали, что они взаимосвязаны, и именно их сочетание наносит наибольший вред любому правителю и его двору. Государь, не способный противостоять подобным соблазнам, вступает на опасный путь. Он превращается в адепта дьявола (прародителя всякой похоти и колдовства), в тирана, потакающего лишь собственным страстям, и, как следствие, в самого Люцифера⁷⁸. Его власть, являющаяся по природе своей Божественным даром, т.е. безусловным добром, оборачивается злом и погибелью для подданных⁷⁹.

⁷⁶ “Contulitque ei splendorem Dominus, quoniam omnis ista compositio non ex libidine sed ex virtute pendebat. Et ideo Dominus hanc in illa pulchritudinem ampliavit ut incomparabili decore oculis omnium appareret” (Ibid. T. 2. P. 376–377). В Библии подобные уточнения отсутствовали: Юдифь. 10: 1–4. О двойственном прочтении образа библейской Юдифи в Средние века см. ниже: Глава 4.

⁷⁷ “Veneruntque ad mulierem nocte, apto utique tempore de morte regum de strage populi de luctu publico cum tenebrarum principe tractaturi” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 151). Ср.: 1 Цар. 28: 7–13. Традиция связывать появление перед Саулом призрака Самуила с действиями демонических сил восходила к сочинениям Тертуллиана, Евстафия Антиохийского и Блаженного Августина: *Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс*. О душе / Пер., вступ. ст. и комм. А.Ю. Братухина. СПб., 2004. С. 136; *Sancti Eustathii archiepiscopi Antiocheni Contra Origenem de Engastrimytho dissertatio* // PG. T. 18. Col. 613–674, здесь Col. 615–616; *Augustinus*. De diversis quaestionibus ad Simplicianum // PL. T. 40. Col. 101–148, здесь Col. 142–144; *Idem*. De octo Dulcitii quaestionibus // PL. T. 40. Col. 147–170, здесь Col. 162–165. Подробнее см.: Давыдов Б.И., Зайцев Д.В. Аэндор // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 231–232.

⁷⁸ “Imago quaedam divinitatis est princeps et tyrannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago, siquidem illum imitatur qui affectavit sedem ponere ad aquilonem et similis esse Altissimo, bonitate tamen deducta” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 2. P. 345).

⁷⁹ “Omnis autem potestas bona, quoniam ab eo est a quo solo omnia et sola sunt bona. Utenti tamen interdum bona non est aut patienti sed mala, licet quod ad universitatem sit bona, illo faciente qui bene utitur malis nostris” (Ibid. P. 359).

Вот почему Иоанн Солсберийский, призывая бороться с засильем ведьм-куртизанок при дворах владетельных сеньоров, сравнивал их истребление с заботами по предотвращению гражданской войны. Ибо, писал он в заключении к трактату, нет ничего разрушительнее подобных невзгод кроме безумства схизматиков и еретиков⁸⁰. К ним же он относил и приверженцев колдовства, полагая, что все эти люди в равной степени поклоняются дьяволу⁸¹.

***

Влияние, оказанное «Поликратиком» на последующие поколения средневековых интеллектуалов, сложно переоценить⁸². Внушительное число сохранившихся до наших дней копий этого сочинения свидетельствует о его популярности не только в Англии, но и в континентальной Европе⁸³. Тем не менее, как отмечают исследователи, интерес

⁸⁰ "Quid pemiciosius aut odibilis bello civili? Nichil plane, praeter rabiem scismaticorum aut hereticam pestem" (Ibid. P. 403).

⁸¹ "Sicut enim catholicae religionis viri vero Deo eisque quae munere eius sacra sunt piam venerationem impendunt, ita hereticae et superstitiosae religionis homines fictis numinibus, immo potius veris demonibus et execrabilibus sacris eorum non debitam reverentiam, quae nulla est, sed turpissimum exhibent famulatum" (Ibid. T. 1. P. 92).

⁸² На сегодняшний день вопрос этот детально исследован в специальной литературе. См. прежде всего: Ullmann W. The Influence of John of Salisbury on Medieval Italian Jurists // The English Historical Review. 1944. T. 59. P. 384–392; Idem. John of Salisbury's *Policraticus* in the Later Middle Ages // Idem. Jurisprudence in the Middle Ages. Collected Studies. L., 1980. P. 519–545; Linder A. John of Salisbury's *Policraticus* in Thirteenth-Century England: the Evidence of ms Cambridge Corpus Christi College 469 // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1977. T. 40. P. 276–282; Idem. The Knowledge of John of Salisbury in the Late Middle Ages // Studi medievali. 1977. T. 18. P. 315–366; Kerner M. Johannes von Salisbury im späteren Mittelalter // Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert / Hrsg. von J. Miethke. Munich, 1992. S. 25–47; Barrau J. Ceci n'est pas un miroir, ou le *Policraticus* de Jean de Salisbury // Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen; Havre, 2007. P. 87–111; Lachaud F. Filiation and Context. The Medieval Afterlife of the *Policraticus* // A companion to John of Salisbury / Ed. by Ch. Grellard, F. Lachaud. Leiden; Boston, 2014. P. 377–438.

⁸³ На сегодняшний день известно о 15 рукописях, датирующихся XII–XIII вв., еще 24 копии сохранились от XIV в., а 38 – от XV в.: Linder A. The Knowledge of John of Salisbury in the Late Middle Ages. P. 356–361; Lachaud F. Op. cit. P. 407. Общепринятая точка зрения, согласно которой «Поликратик» изначально был известен лишь узкому кругу друзей автора, была не так давно опровергнута: Fryde N. The Roots of *Magna Carta*: opposition to the Plantagenets // Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages / Ed. by J. Canning and O.G. Oexle. Göttingen, 1998. P. 53–65. Перечень коротких извлечений из «Поликратика» (преимущественно из текста *Institutio Traiani*, на который ссылался сам Иоанн как на сочинение Плутарха, но который, по всей видимости, являлся его собственным произведением), скопированных в иные сочинения или представляющих собой самостоятельные списки, составлен Томасом Элсманом: Elsmann T.

к труду Иоанна Солсберийского в большинстве случаев носил, скорее, избирательный характер. Так, идея порядка (в частности, отказа от услуг дурных советников) как необходимого условия функционирования королевского двора оказалась особенно востребована в трактатах английских и французских авторов конца XII–XIII в.⁸⁴ Многие английские бестиарии первой половины XIII в. содержали пространные заимствования из рассуждений Иоанна о лицемерии придворных и их пристрастии к охоте⁸⁵. Итальянские юристы и гуманисты XIV–XV вв. из всей сложной политической теории, выстроенной в «Поликратике», сохранили лишь описание государственного (монархического) устройства, но вовсе не использовали учение о Церкви как «душе», направляющей правителя во всех его помыслах и начинаниях⁸⁶. Наибольшее же влияние труд Иоанна Солсберийского, безусловно, оказал на так называемые королевские зерцала, во множестве появлявшиеся на протяжении развитого и позднего Средневековья во всех странах Западной Европы⁸⁷.

Как отмечала Фредерика Лашо, в сочинениях XIV–XV вв. сложнее найти следы непосредственных заимствований из «Поликратика», поскольку их авторы уже открыли для себя тексты Аристотеля и Плутарха⁸⁸. Тем не менее, в том, что касалось сферы *магического*, проследить влияние Иоанна Солсберийского на его последователей представляется вполне возможным. Это влияние, вне всякого сомнения, начало проявляться уже в XII столетии. И пусть оно не было столь же масштабным, как в случае с политическими идеями английского схоластика, оно, тем не менее, оказалось заметным.

Первым, насколько можно судить, кто использовал выкладки Иоанна Солсберийского, касавшиеся отношений с дьяволом, занятий колдовством, обращения к ведьмам и недопустимого пребывания этих последних при дворе правителя, стал Вальтер Мап (ок. 1140–1208/1210). В своих «Забавах придворных» (ок. 1180 г.) он повторил (и даже усилил) многие идеи, высказанные в «Поликратике». В частности, Мап также полагал, что дурные советники правителя действуют исключительно под руко-

---

Untersuchungen zur Rezeption der *Institutio Traiani*. Ein Beitrag zur Nachwirkung antiker und pseudoantiker Topoi im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. Stuttgart, 1994. S. 249–275. Об авторстве *Institutio Traiani* см.: Kerner M. Randbemerkungen zur *Institutio Traiani* // The World of John of Salisbury. P. 203–206; Lachaud F. Op. cit. P. 379, 409, 413; Elsmann T. Op. cit.

⁸⁴ Дюби Ж. Указ. соч. С. 248–253, 268–269; Chauou A. Op. cit. P. 74–78.

⁸⁵ Dines I. The Earliest Use of John of Salisbury's *Policraticus*: Third Family Bestiaries // Viator. 2013. T. 44. P. 107–118.

⁸⁶ Ullmann W. John of Salisbury's *Policraticus* in the Later Middle Ages. P. 536; Idem. The Medieval Idea of Law as Represented by Lucas de Penna. A Study in Fourteenth-Century Legal Scholarship. L., 1946. P. 31–32, 165–166, 188–189; Lachaud F. Op. cit. P. 413–416.

⁸⁷ Barrau J. Ceci n'est pas un miroir. P. 107–111; Lachaud F. Op. cit. P. 387–432. См. ниже: Глава 2.

⁸⁸ Ibid. P. 408–410.

водством дьявола, превращая королевский двор в подобие ада на земле⁸⁹. Среди приближенных государя он особо выделял схизматиков, еретиков (к которым относил и знатоков колдовства⁹⁰) и распутниц⁹¹, называя их «порождениями ночи»⁹² и предупреждая читателей, что советы подобных людей происходят от Нечистого, а потому превращают любого владетельного сеньора в тирана⁹³. В качестве примера Вальтер Мап приводил здесь историю библейской Иезавели, богоотступницы и любодейки, ввергшей в пучину идолопоклонства своего супруга, царя Ахава, и сыновей Охо-зию и Иорама⁹⁴ и действовавшей по указке самого дьявола⁹⁵.

Пересказывая текст канона *Episcopi*, Мап – как и Иоанн Солсберийский – не называл собирающихся по ночам под предводительством Дианы женщин ведьмами⁹⁶. Однако именовал их инкубами и суккубами, подчеркивая тем самым их демоническую природу и предупреждая своих читателей от столь неосмотрительного шага, как рождение потомства от подобных существ⁹⁷. Как и автор «Поликратика», Мап также полагал, что дьявол – отец всякого разврата, приводя в пример истории монаха, на которого Сатана наслал грех похоти, в результате чего тот завел себе любовницу⁹⁸, или молодого племянника некоего графа, который при по-

⁸⁹ «Преисподнюю называют карательным местом. Что если я, набравшись дерзости, безбоязненно скажу, что двор – не присподняя, но место кары?... Какое там, в преисподней, есть мучение, которое не встретишь здесь умноженным?» (Мап В. Забавы придворных / Изд. подг. Р.Л. Шмарак. СПб., 2020. С. 11).

⁹⁰ Там же. С. 51–52.

⁹¹ Там же. С. 127.

⁹² Там же. С. 13–18.

⁹³ «Не тот ли ты, кто ополчил Каина против Авеля, кто Хама заставил смеяться над отцом, кто своими выдумками сделал фараона тираном народу Израилеву...? Мы знаем, что все дороги твоими мрежами загорожены, и наживка твоя всегда на крючке. Вот и эта лесь на крючке пришла, и если заглочу, я твоя добыча» (Там же. С. 127).

⁹⁴ «Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное» (Откр. 2: 20). См. также: 3 Цар. 16: 31, 18; 4 Цар. 9: 37.

⁹⁵ Мап В. Указ. соч. С. 127.

⁹⁶ «Он слышал о заблуждениях язычников, о ночных полчищах демонов и смертоносных видениях, о Диктинне (т.е. о Диане – О.Т.), о сборище дриад и ларах... Он слышал и о том, как эти существа держатся в стороне и живут неведомыми, отдаленно и тайно; какую неприязнь питают к тем, кто пытается застичь и раскрыть их собрания, кто разыскивает их, чтобы разоблачить» (Там же. С. 65).

⁹⁷ «Но он оставил наследника, сына своего и той женщины, из-за которой умер, Альнота.. Мы слышали о демонах-инкубах и суккубах и об опасностях сожительства с ними; но редко или никогда не читали в старинных книгах, что их наследники или потомство кончили жизнь счастливо, как вышло с Альнотом» (Там же. С. 66–67).

⁹⁸ «Вскоре отолстел монах, утучнел, расширился, стал строптив и, не ведая, куда его ведут удовольствия, от вина двинулся к Венере, влюбившись в весьма при-

мощи Нечистого соблазнил настоятельницу и монашек местного аббатства⁹⁹. Даже самый достойный и умный рыцарь, писал Вальтер Мап, если он склонен к разврату, если он похотлив и поклоняется Венере, всегда предпочтет ее Марсу¹⁰⁰. Таково «евангелие дьявола», которому следуют все дурные советники правителя¹⁰¹.

Размышления Иоанна Солсберийского, касающиеся ближнего круга государя, из которого следует изгнать всех недостойных людей, превращающих королевский двор в ад, а самого властителя – в Люцифера, были близки и другим английским авторам второй половины XII – XIII столетия: Пьеру де Блуа (ок. 1130–1212), Найджелу де Лоншаму (ок. 1135–1198?), анонимному создателю трактата *De tyranno et principe* (1265–1272 гг.)¹⁰². Что же касается континентальной Европы, то и здесь влияние демонологической теории, сформулированной в «Поликратике», распространилось весьма широко.

Как я уже упоминала, с начала XIV в. сочинение Иоанна Солсберийского читали и цитировали многие итальянские юристы, в частности, Гильельмо да Постренго (1290–1362) в Вероне и Лука да Пенна (ок. 1325 – ок. 1390) в Неаполе¹⁰³. И хотя этих интеллектуалов интересовала прежде всего политическая теория английского схоластика, его размышления о правителе, поддавшегося дьявольскому искушению и превратившегося в Люцифера, также оказались востребованы на Апеннинах. Как мне представляется, именно эта идея нашла свое своеобразное воплощение

влекательную вдову из соседнего селения» (Там же. С. 129).

⁹⁹ «В нем обретаются все, что желанно неразумным девам, – красота, богатство, усад, обходительность; и дьявол трудится, чтобы каждой из них дать удобный случай. Так он изгнал Палладу и ввел Венеру, из священной церкви Спасителя и святых сотворил гнусный пантеон, из святилища – блудилище и агниц обратил в волчиц» (Там же. С. 164).

¹⁰⁰ «Я человек большого сладострастия, и когда зовет меня госпожа моя Венера, я зову слугу ее Стефана, расторопнейшего в таких делах помощника (т.е. придворного сводника – О.Т.); когда же зовет Марс, обращаюсь к вам, его питомцам (т.е. к военным советникам – О.Т.). А если мои уши почти всегда слушают его и мои уста говорят с ним, так это, по правде, оттого, что Венере я служу по доброй воле, а Марсу – по принуждению» (Там же. С. 167).

¹⁰¹ «Это евангелие дьявола, от слова Эван с согласным v, что переводится как “неистовство” (поэтому Вахх зовется Эваном), а не Евангелие Господа Иисуса, в котором стоит двойной гласный u, от слова eu, то есть “благо”, ибо оно учит воздержанию от зла и упорству в добре» (Там же. С. 168).

¹⁰² Cotts J.D. Peter of Blois and the Problem of the “Court” in the Late Twelfth Century // *Anglo-Norman Studies* 27. Proceedings of the Battle Conference 2004 / Ed. by J. Gillingham. Woodbridge, 2005. P. 68–84; Lachaud F. *De tyranno et principe* (Cambridge, Corpus Christi College, ms. 469): un pamphlet “britannique” contre la tyrannie d’Henri III? // *Cahiers de Recherches Médiévales et Humanistes: Les Iles Britanniques: espaces et identités* / Sous la dir. de J.-Ph. Genet. 2010. T. 19. P. 87–104; Lachaud F. *Filiation and Context*. P. 381–393.

¹⁰³ Ullmann W. The Influence of John of Salisbury on Medieval Italian Jurists. См. также прим. 86.

в одной из фресок, выполненных Амброджио Лоренцетти (1290–1348) для Палаццо Публико в Сиене.

В центр композиции «Аллегория дурного правления и его последствий» (1338–1339 гг.) художник поместил фигуру Тирана: на голове у него рога, во рту – клыки, в левой руке зажат бокалом яда – иными словами, это – изображение самого дьявола. Над его головой парят Жадность (с денежными мешками, зажатыми в тисках), Гордость (показывающая ярмо, от которого она освободилась) и Тщеславие (любующееся на себя в зеркало). Справа от Тирана расположились Жестокость, держащая в одной руке младенца, а в другой змею; Измена, у которой на коленях свернулся ягненок с хвостом скорпиона; и Обман с крыльями летучей мыши. Слева от Тирана Лоренцетти изобразил Ярость (гибрид кентавра, льва и кабана, сжимающего кинжал), Раздор в одежде с геральдическими цветами Сиены (чёрный и белый), который пилой разделяет согласие, и Войну с мечом и щитом в руках. У ног же Тирана удобно устроился чёрный козел (еще один намек на демоническое происхождение его хозяина), а ниже застыло поверженное Правосудие¹⁰⁴ (Илл. 2).

Подобная трактовка прямо отсылала к образу тирана-Люцифера из «Поликратика» Иоанна Солсберийского¹⁰⁵. И хотя не существует прямых доказательств того, что Лоренцетти читал это сочинение, данная аналогия могла стать ему известна опосредованно, из трудов итальянских юристов или, к примеру, из «Книги об обязанностях и нравах знати, или О шахматной игре» (*Liber de moribus et officium nobilium sive de ludo schaccario*, 1300 г.) Якопо да Чессоле (ок. 1250 – ок. 1322), представлявшей собой сборник поучительных «примеров» для проповедников и одновременно дидактический трактат, предназначенный для наставления людей благородного сословия¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Подробный анализ фресок А. Лоренцетти в Палаццо Публико см.: Christian-Nils R. *La justice dans ses décors (XVe–XVIe siècles)*. Genève, 2006. P. 31–34 (и приведенную в этом исследовании более раннюю литературу); Boucheron P. *The power of images: Sienna, 1338*. L., 2018. Ch. 8: *The seductions of tyranny*. Я благодарна Д.Д. Харман за указания на специальную литературу по данной теме.

¹⁰⁵ Современные искусствоведы единодушно отмечают, что уникальность фресок А. Лоренцетти заключалась в том, что в столь важной, как с политической, так и с правовой точек зрения, работе художник полностью обошелся без христианских религиозных сюжетов и отсылок к Библии и в большей степени использовал античные образцы: Frugoni C. *Pietro and Ambrogio Lorenzetti*. Florence, 1988. P. 37; Arasse D. *L'homme en perspective: les primitifs d'Italie*. P., 2008. P. 170–171, 180–181. Тем не менее, изображение тирана в образе дьявола указывает, что это было не совсем так.

¹⁰⁶ О заимствованиях из «Поликратика» у Якопо да Чессоле см.: Лучицкая С.И. Шахматы как метафора средневекового общества // *Одиссей. Человек в истории* – 2007. М., 2007. С. 127–147; Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 153–154, 198. Патрик Бушерон пишет о совершенно очевидном влиянии на творчество А. Лоренцетти юридических трактатов, однако ни словом не упоминает о возможном использовании художником идей Иоанна Солсберийского: Boucheron P. *Op. cit.* См. также: Morel B. *Justice et bien commun. Étude comparée de la fresque du bon*

Вероятно, столь же опосредованно идеи английского схоластика оказались заимствованы и в германских землях. Иначе сложно объяснить, откуда в «Молоте ведьм», созданном в 1486 г., появилось следующее безапелляционное утверждение:

«Среди скверных женщин господствуют три главных порока, а именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Последний из указанных пороков особенно распространен среди подобных женщин. Поэтому, чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склоняются они к чародеяниям. Таковыми являются прелюбодейки, блудницы и наложницы вельмож»¹⁰⁷.

Любопытно, что ни Генрих Крамер и Якоб Шпренгер, авторы этого знаменитого на всю Европу демонологического трактата, ни его современные издатели никак не обозначили прямую отсылку к тексту «Поликратика», присутствовавшую в процитированном пассаже¹⁰⁸. И все же, как мне представляется, речь здесь шла о явном заимствовании.

Безусловно, я не берусь утверждать с полной уверенностью, что демонологическая концепция знаменитого английского схоластика пря-

---

gouvernement d'Ambrogio Lorenzetti et d'un manuscrit juridique bolonais // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*. 2001. T. 113 (1). P. 685–697, здесь P. 686–687 (со ссылками на предшествующую литературу). Тем не менее, если верить Джорджо Вазари, современники почитали А. Лоренцетти не только как художника, но и как писателя, что косвенно, как мне кажется, может указывать на его знакомство с «Поликратиком»: «Амброджо возвратился в Сиену, где и прожил в почете конец своей жизни и не только потому, что был превосходным мастером живописи, но также и потому, что с юности занимался и литературой, каковая стала полезной и сладкой подругой живописи и таким украшением всей его жизни, что, так же как и его живописное ремесло, даровала ему всеобщую любовь и расположение. И потому он не только постоянно общался с людьми учеными и заслуженными, но и с большой для себя честью и пользой принимал участие в делах своей республики. Нравы Амброджо были во всех отношениях похвальными, и он скорее напоминал дворянина и философа, чем художника» (Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Пер. и комм. А.И. Венедиктова, ред. пер. А.Г. Габричевского. М., 1956. Т. 1. С. 325).

¹⁰⁷ «Tria generalia vitia, scilicet, Infidelitas, Ambisio, et Luxuria, praecipuum in malis mulieribus, regnare videtur... Iterum, quia inter illae tria ultimum amplius praedominatur, ideo quia insatiabile, et ideo, et illae inter ambitiosas amplius infectae sunt, quae pro explendis suis pravis Concupiscentiis amplius inardescunt, ut sunt Adulterae, Fornicariae, et Magnatorum concubinae» (*Institutoris H. Malleus Maleficarum in Tres Divisus Partes...* Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. Frankfurt am Main, 1580. Par. 1. Q. 6. S. 96; перевод дается по: Шпренгер Я., Инститоторис Г. Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990. С. 127, курсив мой – О.Т.).

¹⁰⁸ Я благодарна Г.В. Бакусу за консультации по этому вопросу.

мо или опосредованно нашла свое отражение в перечисленных выше текстах и изображениях; все это – лишь мои догадки и предположения. К сожалению, не только создатели «Молота ведьм», но и Амброджио Лоренцетти и даже Вальтер Мап, входивший в тот же круг образованных придворных Генриха II, что и Иоанн Солсберийский, не оставили нам ни единого *письменного* свидетельства о том, что они действительно читали сочинение этого последнего или хотя бы слышали о нем. Однако мы хорошо знаем – прежде всего, по фундаментальному исследованию Бернара Гене – о том, что далеко не все средневековые авторы снисходили до подробных и, главное, точных примечаний к своим трудам¹⁰⁹. Об источниках, которыми они пользовались, нам остается лишь догадываться, и ситуация, в которой на протяжении веков пребывал текст «Поликратика», является тому ярким подтверждением¹¹⁰.

Впрочем, совсем отчаиваться не стоит. Ибо на карте средневековой Европы все же присутствовала страна, где не просто читали труд Иоанна Солсберийского, но признавали его авторство и прямо ссылались на него при цитировании. Страной этой было Французское королевство, куда мы теперь и отправимся – на поиски распутниц и ведьм при дворах правителей.

¹⁰⁹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. Е.В. Баявской и Э.М. Береговской. М., 2002. С. 132–138.

¹¹⁰ Многие авторы, заимствовавшие целые пассажи из сочинения Иоанна Солсберийского, не упоминали ни названия этого произведения, ни имени его автора (или писали его с ошибками): Ullmann W. The Medieval Idea of Law as Represented by Lucas de Penna. P. 31; Lachaud F. Filiation and Context. P. 378–380.

ГЛАВА 2

От поучительных «примеров» Элинанда из Фруамона к инсинуациям Жана Пти

Едва окончив свой труд, в конце лета 1159 г. Иоанн Солсберийский отправил копию «Поликратика» Петру из Целлы, коллеге и близкому другу, будущему настоятелю аббатства св. Ремигия в Реймсе (1162–1181)¹. Вероятно, именно этот подарок положил начало распространению трактата во Франции. Чуть позже, бежав из Англии и приняв в 1176 г. назначение на епископскую кафедру в Шартре (на которой в 1181 г. его сменил все тот же Петр из Целлы), Иоанн, очевидно, и сам привез с собой текст «Поликратика»: во всяком случае один экземпляр своего главного произведения он завещал библиотеке собора².

Как следствие, уже во второй половине XII – начале XIII в. сочинение английского схоластика распространилось по цистерцианским монастырям, расположенным в пределах Французского королевства, о чем свидетельствуют дошедшие до нас списки³. Однако подлинным знакомством с идеями Иоанна Солсберийского французская образованная публика оказалась обязана Элинанду из Фруамона (ок. 1160–1229)⁴. Для

¹ Иоанн Солсберийский неоднократно гостил у Петра. В 1148 г. он навещал его в Монтье-ла-Сель, а в 1162 г. приезжал к нему в Реймс. На протяжении всех этих лет они также вели оживленную переписку: *The Letters of Peter of Celle* / Ed. by J. Haseldine. Oxford, 2001. P. 712–718; *Cotts J.D. Monks and clerks in search of the Beata Schola: Peter of Celle's warning to John of Salisbury reconsidered* // *Teaching and Learning in Northern Europe* / Ed. by S.N. Vaughn, J. Rubinstein. Turnhout, 2006. P. 255–277.

² *Barker L.K. Ms. Bodl. Canon. Pat. Lat. 131 and a lost Lactantius of John of Salisbury: Evidence in search of a French critic of Thomas Becket* // *Albion*. 1990. T. 22. P. 21–37, здесь P. 25.

³ Французское происхождение имели, к примеру, следующие кодексы: *Bibliothèque Municipale of Charleville-Mézières*. Ms. 151, *Bibliothèque de l'Université de Médecine de Montpellier*. Ms. 60, *Bibliothèque nationale du Luxembourg*. Ms. 60, *Cambridge Corpus Christi College*. Ms. 69. Подробнее см.: *Barker L.K. Op. cit.*; *Michel N. La première diffusion du Policraticus de Jean de Salisbury en France: l'apport du manuscrit Charleville-Mézières, BM, 151* // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2019. Vol. 246 (2). P. 161–176.

⁴ Элинанд не только читал текст «Поликратика», но и знал, кто именно является его автором: *Molnár P. De la morale à la science politique. La transformation du miroir des princes au milieu du XIIIe siècle* // *L'Education au gouvernement et à la*

своей «Хроники» (*Chronicon*), созданной в 1210-е гг.⁵, бывший трувер, а ныне монах-цистерцианец, позаимствовал из «Поликратика» не только основные идеи о социальном устройстве и делах управления⁶. Он также уделил внимание проблеме взаимоотношений государя и его приближенных с демоническими силами.

Как известно, сочинение Элинанда дошло до нас частично. Довольно долго знакомство с «Хроникой» оставалось возможным лишь по компиляции, составленной Винсентом из Бове (1190–1264): именно в таком виде она была опубликована в *Patrologia Latina* аббата Ж.П. Миня⁷. Важно при этом отметить, насколько подробно оказалась освещена в данных отрывках тема магического.

Собственно, уже в первой части, отобранной Винсентом из Бове для своей компиляции, – трактате «О самопознании» (*De cognitione sui*)⁸ – речь заходила о контактах правителей с дьяволом и его демонами. Здесь Элинад затрагивал весьма популярный у западноевропейских авторов XII в. сюжет о свите Эрлекина, разъезжающей на диких черных конях⁹: «Из сего явствует, что это за кони, на которых иногда видятся души мертвых. Это демоны, преображающие себя в коней, а всадники их – злополучнейшие души, грехами отягощенные, как бы неким оружием и щитами обремененные (а на деле – собственными преступлениями в таковых обличиях нагруженные)»¹⁰. И далее автор развивал свою мысль, утверждая, что сама природа подобных дьявольских созданий в полной мере соответствует злодеяниям умерших грешников – особенно, если они совершили преступления сексуального характера: «В самом деле, конь – животное гордое и упрямое, охочее до состязания и битвы,

---

vie. La tradition des “règles de vie” de l’Antiquité au Moyen Age / Ed. par P. Odorico. P., 2009. P. 181–204.

⁵ О датировке «Хроники» и обстоятельствах ее создания см.: *Delhaye Ph.* La morale politique de Hélinand de Froidmont // *Littérature et religion. Mélanges offerts à J. Coppin à l’occasion de son quatre-vingtième anniversaire.* Lille, 1966. P. 107–117; *Chazan M.* L’Empire et l’histoire universelle. De Sigibert de Gembloux à Jean de Saint-Victor (XIIe–XIVe siècle). P., 1999. P. 350–360.

⁶ О политических идеях, заимствованных Элинандом у Иоанна Солсберийского, см.: *Lachaud F.* Filiation and Context. P. 398–403 (с указанием более ранних исследований).

⁷ *Helinandi Frigidi Montis monachi Flores a Vincentio Bellovacensi collecti* // PL. T. 212. Col. 721–1082.

⁸ Ibid. Col. 721–736.

⁹ Перевод некоторых текстов, посвященных этой теме, см.: Свита Эрлекина в латинской литературе XII века / Пер. Р.Л. Шмаракова // *Мал В. Указ. соч.* С. 201–213.

¹⁰ “Hinc apparet, quales equi sint illi, super quos aliquando defunctorum animae videntur equitare. Sunt enim daemones se in equos transformantes, quorum sessores sunt animae miserrimae peccatis oneratae, tanquam armis quibusdam et clypeis onustatae (sed revera propriis sceleribus informis talibus onustatae)” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 733). Русский перевод: Свита Эрлекина в латинской литературе. С. 212.

пылкое к соитию и в похоти могучее; итак, демоны, обращенные в коней, обозначают их всадников, услаждавшихся такими преступлениями»¹¹.

Развивая свои «теоретические» выкладки, Элинанд приводил несколько поучительных историй, подтверждавших его основной тезис. В первой из них рассказывалось о придворном графа Неверского, соблазненном некой знатной дамой и вступившим с ней в тайную связь, а в результате убившим супруга своей любовницы. За двойное преступление мужчина и женщина были приговорены к вечному наказанию в аду¹². Во второй же истории сообщалось уже о самом правителе, на глазах у собственных придворных насильно усаженном верхом на коня и унесенном дьяволом прочь. И хотя преступление «несчастливого из Макона» прямо в тексте не называлось, общий контекст, в который оказывался включен этот рассказ, не оставлял сомнений в его сексуальной природе¹³.

Любопытно, что именно тема преступной похоти объединяла *De cognitione sui* со следующим отобранным Винсентом из Бове для компиляции сочинением Элинанда из Фруамона – «О добром правлении государя» (*De bono regimine principis*). Вводная часть этого трактата оказалась полностью списана с «Поликратика» Иоанна Солсберийского: здесь также осуждались охота, коллекционирование боевых коней, присутствие при дворе правителя все тех же актеров, мимов, сводников, проституток и умелых колдунов¹⁴. Всех их автор требовал удалить от государя, дабы тот не смог подавать дурной пример подданным.

Буквально следом за этими заявлениями возникал еще один знакомый нам по «Поликрату» пассаж – на сей раз посвященный моногамии. Как и Солсбериец, Элинанд полагал совершенно недопустимым наличие у владетельного сеньора любого ранга многочисленных любовниц, ибо столь аморальное поведение превращало правителя в прелюбо-

¹¹ “Certum est autem equum animal esse superbum, et contumax, contentionis et belli cupidum, ferventem ad coitum, et in libidine praepotentem. Daemones igitur in equos transformati, significant sessores suos se huiusmodi sceleribus oblectasse” (*Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 733, курсив мой – О.Т.). Русский перевод: Свита Эрлекина в латинской литературе. С. 212.

¹² “Et in hoc peccato ambo mortui sumus; nisi quod, heu, sero! in hac ipsa morte poenituimus... corobusione. Ad hac ccomes: Quis est ille equus, super quem sedes? Diabolus, inquit, quidam est, qui nos ineffabili vexatione torquet” (*Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 734). Ср.: «И в этом грехе оба мы умерли, разве что – увы, поздно! – в самой смерти раскаялись... Граф на это: “Что это за конь, на котором ты сидишь?” “Это, – говорит, – некий дьявол, истязющий нас несказанною мукой”» (Свита Эрлекина в латинской литературе. С. 213).

¹³ *Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 734–736. Ср.: Свита Эрлекина в латинской литературе. С. 213.

¹⁴ “Equos multiplicare, est plures, quam necessitas exigit, vanae gloriae causa, vel erroris alterius congregare... naturae. De histrionibus autem et mimis, scurris, et lenonibus, meretricibus, et huiusmodi prodigiis hominum, quae princeps potius exterminare, quam fovere debet, non erat in lege mentio facienda” (*Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 735). Ср. с позицией Иоанна Солсберийского: Глава 1, прим. 12–18.

дея и позорило его¹⁵. Подобно Адаму, Гераклу, Самсону, Давиду и многим другим героям прошлого, он становился легкой добычей для дьявола – подлинного прародителя любого разврата¹⁶, который и сам частенько представлял в обличье похотливой девицы¹⁷.

Впрочем, и супруге государя следовало подавать пример истинной добродетели: не питать склонности к адюльтеру, но держаться «правильного» курса и всегда хранить верность мужу¹⁸. Столь же целомудренными надлежало оставаться и придворным, ибо, писал Элинад, и здесь вторя Иоанну Солсберийскому, тот, кто впадает в подобный грех, переходит на сторону Нечистого и почитает его как истинного Господа¹⁹. Иными словами, всем без исключения приближенным правителя автор рекомендовал следовать заветам Бога, подчиняться его установлениям и пользоваться дарованной им мудростью, ибо только она одна ведет к спасению²⁰. Так они смогут должным образом исполнять свои обязанности – во всем поддерживать своего государя, давая ему верные советы,

¹⁵ “Cum in aliis plures uxores esse unius licitum fuerit, ut in Abraham, et Jacob, gratia propagandae prolis, et fidelem populum dilatandi; in regibus perpetuo obtinet, ut una unius sit. Multo minus igitur licet ei fornicari, vel adulterari, vel quaelibet stupra committere” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 735).

¹⁶ Эта идея присутствовала в одной из сохранившихся проповедей Элинанда из Фруамона: “Lumbi et umbilicus libidinosorum dicuntur esse diaboli, quia pro diabolo contra ipsos faciunt, et eorum animas nexu delectationis illicitae prosternunt. Nihil illo Christiano imbecillius, qui sic a carne sua superatur. In illa lucta Antheus vincit Herculem, id est libido animum ad caetera fortem. O quanta fortitudo diaboli in hoc nexu luctandi! Hic enim nexus Samsones effeminat, Salomones infatuat, Hercules inflammat, Martes catenis ligat, Joves in boves mutat” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Sermones* // PL. T. 212. Col. 481–721, здесь Col. 689). В ее тексте также легко угадывается влияние «Поликратика». Ср.: Глава 1, прим. 35.

¹⁷ “Ubi quadam die dum fabriliter intenderet operi, venit ad eum daemon in humana effigie, rogatans, nescio quid, sibi fieri. Qui cum se pararet ex charitate ad faciendum, quod ille rogabat, daemon coepit mutare formam et verba: ut nunc senex, nunc puer, nunc puella lasciva videretur” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 905).

¹⁸ “Quid ergo nimium prodest, si regina virtutum nimietate sui obest? Nimia quoque humilitas maxima pars superbiae est. Item ad sinistram declinat, qui in subditorum culpis puniendis nimis pronus est ad vindictam. Ad dexteram vero, qui mansuetudini nimis indulget. Iterum non declinet in dexteram vel sinistram partem. Aequitas enim cui iudex obsequium debet, amoris dexteram vel odii sinistram nescit” (Ibid. Col. 738).

¹⁹ “Ita quidam legati apostolicae sedis in provinciis debacchantur, ac si ad Ecclesiam flagellandum egressus sit Satanas a facie Domini, acceptores personarum, et quasi quidam bonorum mallei” (Ibid. Col. 741).

²⁰ Данный пассаж содержался в той части «Хроники», которая не вошла в компиляцию Винсента из Бове. Он присутствует в рукописи, ныне хранящейся в Ватикане: “Carnotensis autem aliam interpretationem ponit de ramo aureo: sed ut mihi videtur incongruam. Nam eam ad virtutes et scientiam intorquet. Absit autem ut Pluto vel Proserpina virtutes aut scientiam dare credantur; scientiam dico utilem et salutarem” (Vatican Library. Reg. lat. 535. P. 197). В этом кодексе оказались переписаны первые 18 книг «Хроники». Книги 45–69 были опубликованы в *Patrologia Latina* по изданию 1669 г., однако рукописи с их текстом не сохранились. Еще

наставляя его и обучая²¹. Ибо, как замечал Элинанд, буквально цитируя «Поликратик», «неграмотный король напоминает осла на троне»²².

Что же касается *женщин-советчиц*, то знаменитый цистерцианец призывал правителей всех рангов непременно сторониться подобных дам, полагая, что они не только склонны к сексуальному разврату, но и занимаются непосредственно колдовством, пребывая в тесном контакте с дьяволом²³. И хотя, по мнению Фредерики Лашо, идеи Иоанна Солсберийского были изложены Элинандом из Фруамона в крайне усеченном виде²⁴, мне представляется, что автора «Хроники» чрезвычайно занимала тема вмешательства Нечистого в жизнь государя при посредничестве недостойных представительниц слабого пола. Иначе сложно объяснить, почему в дошедших до нас главах своего сочинения (посвященных преимущественно делам церковным) он уделил ей столько внимания, постоянно ссылаясь на конкретные примеры из прошлого²⁵.

один дошедший до наших дней манускрипт содержит первые 16 книг сочинения Элинанда: British Library. Cotton Claudius B IX.

²¹ "Hinc est quod exemplar legis sacerdotibus Leviticae tribus jubetur assumere, id est a catholicis viris et litteratis. Plato enim, ut Boetius testis est, republicas fore beatas dixit, si eas aut sapientes regerent, aut earum rectores sapientiae studerunt" (*Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 736).

²² "Hinc est quod in litteris, quas rex Romanorum misisse legitur ad regem Francorum, hortatur eum, ut liberos suos liberalibus disciplinis instrui faceret; adjecitque inter caetera: 'Rex illitteratus est quasi asinus coronatus'. Quod si forte illitteratus est, certe litterarum consiliis eum regi necesse est" (Ibid.). Ср.: "Unde et in litteris, quas regem Romanorum ad Francorum regem transmisisse recolo, quibus hortabatur ut liberos suos liberalibus disciplinis institui procuraret, hoc inter cetera eleganter adiecit, quia rex illiteratus est quasi asinus coronatus" (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 254, курсив мой – О.Т.). Данный поучительный «пример» был заимствован Иоанном Солсберийским из «Хроники графов Анжуйских», где рассказывалось о Гуго Капете, герцоге, а затем короле франков (960–996), посмеявшемся над образованностью Фулька II Доброго (ок. 906–958/960). Граф ничего не ответил своему государю, но передал ему записку, содержащую те слова, которые и цитировались в «Поликратике»: "Quo audito, comes Andegavorum litteras huiusmodi formam habentes scripsit: 'Regi Francorum comes Andegavorum. Noveritis, domine, quia rex illiteralus est asinus coronatus'" (*Chroniques des comtes d'Anjou et des seigneurs d'Amboise* / Publ. par L. Halphen et R. Poupardin. P., 1913. P. 140). Подробнее об истории этого заимствования см.: Дюби Ж. Указ. соч. С. 259; *Chauou A.* Op. cit. P. 9–10, 165.

²³ "Inconvenientissime immo et insipientissime et scelerissime et sceleratissime huiusmodi vaticinia ad Dei consilium vel sapientiam referuntur in quibus per artem magicam veritas a mendacio queritur, vita a mortis, lux a tenebris, honestas et iusticia a nequam spiritibus et immundis" (Vatican Library. Reg. lat. 535. P. 198).

²⁴ *Lachaud F.* Filiation and Context. P. 403.

²⁵ Эти истории были позаимствованы Элинандом из трудов его предшественников – Вильяма Мальмсберийского, Беды Достопочтенного, продолжателя хроники Фредегара, Эйнхарда, Астронома и Псевдо-Турпина. Однако в «Хронике» все они подверглись творческой переработке: *Tyl-Labory G.* Hélinand de Froimont //

В частности, Элинанд цитировал известное письмо св. Бонифация, направленное в 745–746 гг. Этельбальду, королю Мерсии (716–757) и Сассекса (750–757). Знаменитый англосаксонский миссионер укорял правителя в том, что тот погряз в разврате, прелюбодействует с монахинями и своим поведением подает дурной пример всем приближенным²⁶. Архиепископ Майнца, если следовать «Хронике», полагал подобное поведение не просто греховным: он писал, что видит в нем признаки увлечения язычеством и поклонения дьяволу, от чего короля смогут избавить лишь наставления его исповедника и иных представителей церкви²⁷.

Что же касается собственно язычества, то его – как и идолопоклонничество – Элинанд полагал одной из разновидностей магических практик²⁸. К этой теме он возвращался неоднократно. В частности, описывая правление Дагоберта I, короля франков (629–639), прославившегося среди современников своей распущенностью, имевшего множество жен и наложниц²⁹, хронист не забывал рассказать и о таком, казалось бы, незначительном факте, как наличие в королевстве «одной женщины», которая занималась не только врачеванием, но и гаданием, а также покло-

---

Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992. P. 666–668.

²⁶ “Quod vero legitimum matrimonium spernis, si pro castitate faceres, esset laudabile. laudabile. Sed quia in luxuria et adulterio, et cum sanctimonialibus voluptaris, est vituperabile et damnable. Nam et famam gloriae nostrae coram Deo et hominibus confundit, et inter idololatrias constituit; quia templum Dei violasti... Audivimus praeterea, quod optimates pene omnes gentis Merciorum tuo exemplo legitimas uxores deserant, et adulteras et sanctimoniales constuprent” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 826).

²⁷ “Nam Celredum praedecessorem tuum stupratorem sancti monialium, et ecclesiasticorum privilegiorum fractorem, splendide cum suis comitibus epulantem spiritus malignus arripuit; et sine confessione et viatico, cum diabolo sermocinanti, et legem Dei detestanti animam extorsi” (Ibid. Col. 827).

²⁸ Элинанд был далеко не первым средневековым автором, придерживающимся подобной трактовки язычества. Уже в трудах Блаженного Августина занятия колдовством описывались, в частности, как увлечение древними суевериями – «нечестивыми языческими обычаями» (*sacrilegas Paganorum consuetudines*): *Augustinus*. De civitate Dei. Col. 223; *Idem*. Sermo CCLXXVIII. De auguriis // PL. T. 39. Col. 2268–2271, здесь Col. 2269. К ним епископ Гиппона относил и идолопоклонничество, понимаемое им как почитание не только идолов, но и дьявола. Последнее подразумевало заключение договора с Нечистым при помощи колдовства: “Superstitiosum est quidquid institutum est ab hominibus ad facienda et colenda idola pertinens... vel ad consultationes et pactam quaedam significationum cum daemonibus placita atque foederata, qualia sunt molimina magicarum artium, quae quidem commemorare potius quam docere assolent poetae” (*Idem*. De doctrina christiana // PL. T. 34. Col. 13–122, здесь Col. 50, курсив мой – О.Т.).

²⁹ “Rex Dagobertus amoris mulierum plusquam oportebat deditus, omnique spurcitia libidinis inflammatus, sobolem minime videbatur habere” (Ibid. Col. 786).

нялась идолам и деревьям, «посвященным демонам»³⁰. Элинанд также упоминал о старинном обычае фризов узнавать судьбу, принося жертвы демонам, т.е. занимаясь колдовством³¹. А описывая повседневную жизнь сарацинов, он специально подчеркивал, что они почитают идола Магомета, в котором – опять же с помощью колдовства – запечатан целый «легион демонов»³².

С тех же позиций интерпретировалась в «Хронике» и уже упоминавшаяся выше история Людовика Благочестивого и его супруги Юдифи³³, которой автор отводил роль дурной советчицы, различными кознями доведшей императора до войны с собственными сыновьями и утраты трона. Этим трагическим событиям, по мнению Элинанда, способствовало прямое вмешательство дьявола, о чем свидетельствовало появление на небе кометы³⁴. Впрочем, опасные советы могли исходить и от настоящих ведьм. Так, в частности, случилось с сыном Людовика Благочестивого, Людовиком II Немецким, доверившимся было словам некоей «псевдопророчицы», но избавленным от ее пагубного влияния Рабаном Мавром, архиепископом Майнцским и ближайшим советником короля³⁵.

Не менее показательными оказывались для Элинанда и отношения между правителями и их сожительницами. Он отсылал читателей к знаменитой истории Лотаря II и его конкубины – «соблазнительницы» Вальдрады, с которой, несмотря на советы приближенных, он так и не смог расстаться³⁶. Развивая сюжет, автор «Хроники» сообщал, что Гуго, герцог Эльзаса и сын правителя Лотарингии, рожденный в результате этой преступной связи, превратился в тирана для своих подданных, т.е., согласно теории Иоанна Солсберийского, в пособника дьявола³⁷. Впрочем, и сама

³⁰ “In pago Belvacensi, in loco, cui vocabulum est Rossoton, secus Oronnam fluvium, mulierem caecam sanavit, quae auguria et idola semper coluerat, et adorabat arborem daemoni dedicatam” (Ibid. Col. 787).

³¹ “Mos autem erat apud Frisones, ut quemcunque sors delegisset, offerretur daemonibus immolandum” (Ibid. Col. 813).

³² “Tradunt autem Saraceni quod idolum istud Mahomet dum adhuc viveret, in suo nomine fabricavit, et quamdam legionem daemonum arte magica in eo sigillavit dum adhuc viveret” (Ibid. Col. 848–849).

³³ См. выше: Глава 1, прим. 66.

³⁴ *Helinandi Frigidi Montis monachi* Flores. Col. 860–861.

³⁵ “Celebrata Synodo jussu Ludovici regis apud Maguntiam, multa Ecclesiae utilia decrevit. Quaedam pseudoprophetissa dicens instare diem iudicii, Maguntiam sollicitabat, ita ut etiam aliquos sacri ordinis ad se inclinaret. Quae a Rabano arrepta, confessa est, se per suggestionem cujusdam presbyteri quaestus causa hoc fecisse” (Ibid. Col. 863).

³⁶ “Lotharius Ludovici frater rex Lotharingiae Waldradam pellicem superducens conjugii suae Thiebergae, consentientibus archiepiscopis Guntario Coloniensi, et Thiethgaudo Treverensi, magnam sibi calamitatem paravit” (Ibid. Col. 865).

³⁷ “Ad haec mala Hug filius Lotharii ex concubina Waldrada in Lotharingia, et Boso supra scriptus in Burgundia tyrannizabant... Hug filius Lotharii regis ex Waldrada pellice, paternum Lotharingiae regnum rebellando assequi sperans...” (Ibid. Col. 874–875).

Вальдрада, если вспомнить суждение о ней Хинкмара Реймского, была колдуньей, наводившей порчу на законную супругу Лотаря Теутбергу³⁸.

Столь же ужасной, с точки зрения Элинанда, являлась и история Эдвиги, короля Англии из Уэссекской династии (955–959). Этот правитель не просто погряз в похоти и разврате, как все прочие герои «Хроники»: он совершил инцест, женившись на собственной сестре или взяв ее в любовницы³⁹. По совету этой «гнусной шлюхи» (*nefanda meretrix*), иными словами, по наущению дьявола, Эдвиг изгнал из своего окружения всех достойных советников – и прежде всего первого из них, архиепископа Кентерберийского Дунстана, за что в результате и поплатился утратой трона⁴⁰.

***

Все приведенные выше поучительные истории о женщинах, ведущих развратный образ жизни и занимающихся колдовством под руководством дьявола, и их пагубном влиянии на правителей и их ближайшее окружение содержались в той части «Хроники» Элинанда из Фруамона, которая, как я уже упоминала, вошла в компиляцию Винсента из Бове. Не удивительно, что идеи монаха-цистерцианца относительно придворных ведьм и распутниц были также взяты на вооружение самим знаменитым энциклопедистом. Следы этого мы обнаруживаем в различных частях его главного труда – «Великого зеркала» (*Speculum majus*), первый вариант которого датируется 1259 г.⁴¹

Рассуждая о грехе праздности во всех его проявлениях, ведущем исключительно к «страстям и волнениям», Винсент особо выделял плотские утехы, избавиться от которых он полагал возможным, предавшись Господу «душой и телом», не выпуская из рук Библию и постоянно размышляя о сказанном в Писании. «Будь постоянно занят делом, дабы дьявол не застал тебя врасплох», наставлял он своего читателя и уточ-

³⁸ См. выше: Глава 1, прим. 67.

³⁹ “Hoc anno regnare incepit Edvius filius Edmundi superioris regis; adolescens petulans et libidinosus, qui cognatam suam duxit uxorem” (*Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 895).

⁴⁰ Ibid. Col. 901–902.

⁴¹ Согласно подсчетам Моник Полмье-Фукар и Сержа Лузиньяна, Винсент из Бове упоминал имя Элинанда 36 раз в «Природном зеркале» (*Speculum naturale*, первой части «Великого зеркала»), 28 раз – в «Научном зеркале» (*Speculum doctrinale*, второй части энциклопедии) и 120 раз – в «Историческом зеркале» (*Speculum historiale*, заключительной части труда), не считая анонимных заимствований: Paulmier-Foucart M., Lusignan S. Vincent de Beauvais et l’histoire du *Speculum Maius* // *Journal des savants*. 1990. T. 1. P. 97–124, здесь P. 103. См. также: Molnár P. Op. cit. P. 193–204; Paulmier-Foucart M. *Ecrire l’histoire au XIIIe siècle*. Vincent de Beauvais et Hélinand de Froidmont // *Annales de l’Est*. 1981. Vol. 33. P. 49–70. Подробнее о датировке, сохранившихся рукописях и обстоятельствах создания «Великого зеркала» см.: Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 78–80, 134–135 (с указанием более ранних исследований).

нял: «Ведь праздным [человеком] овладевает похоть»⁴². Что же касается непосредственно занятий колдовством, то отрицательное отношение монаха-доминиканца к магическим практикам – и в целом, и при дворе правителя в частности, – подкреплялось конкретными поучительными «примерами», отчасти повторяющими истории Элинанда, а отчасти подобранными самостоятельно.

Собственно, уже самую первую женщину – Еву – Винсент из Бове полагал связанной с колдовством. Не следует отрицать, писал он, что спутница Адама была, как и он сам, создана Господом Богом. Однако демоны воспользовались ее слабостью и обратили в свою «веру», научив различным магическим практикам⁴³. Вот почему именно прародительницу следует считать в большей степени виновной в грехопадении, изгнании из Рая и во всех последующих бедах человечества: ведь она предала и Всевышнего, и самое себя, и своего ближнего⁴⁴. Таким образом, в «Великом зеркале» тема женщины-соблазнительницы буквально сразу, т.е. уже в первой части энциклопедии, *Speculum naturale*, оказывалась увязана с колдовством и вмешательством в дела людей дьявола, который прежде всего разжигает в них плотские страсти – чревоугодие и распутство⁴⁵.

В том же ключе интерпретировал Винсент и текст канона *Episcopi*. С его точки зрения, недостойные особы, признававшиеся в ночных встречах с Дианой или Иродиадой, на самом деле являлись жертвами дьявольских иллюзий. Однако происходило это с ними из-за того, что они «были совращены Сатаной»⁴⁶. Эта тема развивалась также в заимствованных из «Хроники» Элинанда рассказах о свите Эрлекина⁴⁷ и о не-

⁴² “Nunquam de manu et oculis tuis recedat liber. Corpus pariter animusque tendatur ad Dominum... Ama scientiam scripturarum, et carnis vitia non amabis. Nec vacet mens tua variis perturbationibus, quae si pectori insederint, dominabuntur tui, et deducunt ad delictum maximum. Facito aliquid operis, ut semper diabolus inveniat te occupatum... In desideriis enim est omnis ociosus” (Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi... Tomus Quartus, qui Speculum Historiale inscribitur. S.l., 1624. Col. 625).

⁴³ “Non enim ipsis illi crearunt, sed Deus, qui occulta rerum feminavivibilibus hujus mundi elementis originaliter indidit... Daemones autem pro subtilitate sui sensus ipsa femina nobis occultiora noverunt, et ea per congruas elementorum temperationes latenter spargunt” (Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi... Speculum quadruplex, naturale, doctrinale, morale, historiale. Duaci, 1624. T. 1. Col. 146).

⁴⁴ Ibid. Col. 2349–2350.

⁴⁵ “Et ita non agit in eam immediate, sed mediantibus sanguinibus quibus se immiscet, maxime quando de gula, et luxuria tentat. Ipsi enim humoribus mediantibus excitatur anima in carnis concupiscentia” (Ibid. Col. 152).

⁴⁶ “Quaedam mulierculae post Sathan conversae, daemonum illusionibus, et phantasmatis seductae credunt se, et profitentur nocturnis horis cum Diana Dea Paganorum, vel cum Herodiade” (Ibid. Col. 149).

⁴⁷ Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi. Col. 1225–1227.

минуемом наказании, уготованном после смерти тем, кто предается незаконным любовным утехам, а значит, связан с дьяволом⁴⁸.

Что же касается роли женщин, обладающих сомнительной репутацией, в жизни самого государя и его ближайшего окружения, то здесь Винсент – как и Элинанд из Фруамона – часто обращался к конкретным примерам из прошлого. Так, именно из «Хроники» своего коллеги-цистерцианца он позаимствовал пассаж, посвященный Фредегонде, добившейся удаления от двора Авдоверы, первой супруги Хильперика I, и расправившейся с его следующей женой Гальсвинтой. Винсент называл эту даму хитроумной (*versuta*) и зловреднейшей конкубиной (*pessima concubina*) короля, который всегда поступал в соответствии с ее советами (*per consilium Fredegundis*)⁴⁹.

Еще более показательной оказывалась история Рожера II, правителя Сицилии (1130–1154). Как сообщал знаменитый доминиканец, весьма вольно интерпретировавший в данном случае исторические факты, король обручился с достойной девушкой, сестрой герцога Бургундского, но быстро оставил ее ради таинственной женщины, встреченной им однажды ночью, когда он купался в море при свете луны. Незнакомка ни слова не сказала о своем происхождении, однако именно ее Рожер пожелал сделать своей законной супругой. Это решение, рассказывал далее автор, стало его огромной ошибкой, поскольку королевская избранница в действительности оказалась не просто «призраком» (*phantastica mulier*), но «дьявольским суккубом» (*diabolus succuba*), т.е. демоном разврата и похоти⁵⁰.

В заключении к «Великому зеркалу» Винсент из Бове вновь обращался к наследию Элинанда из Фруамона – к его трактату «О добром правлении государя», текст которого он воспроизводил в заключительных главах последней части своей энциклопедии, *Speculum historiale*. Вслед за своим предшественником он еще раз предупреждал читателей об опасностях, которые таит в себе двор правителя, и о недостойных людях, которые туда проникают и от которых любому владельческому сеньору следует по возможности избавляться: о шарлатанах, мимах, шутах, сводниках, проститутках и различного рода колдунах⁵¹. Эта тема затрагивалась

⁴⁸ Ibid. Col. 1222.

⁴⁹ Ibid. Col. 855, 858–859. Подробнее о трансформациях, которые претерпела история Фредегонды под пером средневековых авторов, см.: Beaune C. La mauvaise reine des origines. Frédégonde aux XIVe et XVe siècles // *Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée*. 2001. T. 113 (1). P. 29–44.

⁵⁰ Эта история была заимствована Винсентом у Элинанда: *Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi... Speculum quadruplex*. T. 1. Col. 156–157. Следом приводились еще два схожих «примера», также скопированных из «Хроники» цистерцианца: Ibid. Col. 157. Подробнее о них см.: *Frunzeanu E. Les configurations de la natura dans le Speculum maius de Vincent de Beauvais*. Ph D. en histoire. Montréal, 2007. P. 282–283; *Van der Lugt M. Le ver, le démon et la Vierge. Les théories médiévales de la génération extraordinaire*. P., 2004. P. 288–291.

⁵¹ “Multo minus ergo licet multiplicare canes, aut volucres rapaces,... aut quaelibet portenta naturae. De histrionibus autem et mimis, scurris, et lenonibus, et meretricibus,

также в отдельной главе, посвященной усмирению человеческих страстей (*fomentis libidini*), наиболее опасной из которых Винсент полагал похоть⁵². Плотское влечение, писал он, не доведет правителя до добра, ибо само слово «женщина» означает «слабость», но вместе с тем и «молот», которым сам дьявол досаждаёт человеку⁵³.

Примерно те же рассуждения были повторены Винсентом из Бове в двух более поздних трактатах – в *De eruditione filiorum nobilium* (ок. 1247 г.)⁵⁴ и в *De morali principis institutione*, завершённом в 1264 г., буквально накануне смерти автора⁵⁵. Иными словами, не зная имени Иоанна Солсберийского (во всяком случае, никогда не упоминая его в собственных сочинениях), знаменитый французский энциклопедист по сути повторял многие сентенции, изложенные веком ранее в «Поликратике».

***

Важно отметить, что последние произведения Винсента из Бове, как, впрочем, и трактат *De bono regimine principis* Элинанда из Фруамона, относились к совершенно особому литературному жанру – королевских зеркал, или зеркал правителей, пользовавшихся во Франции XIII в. особой популярностью⁵⁶. Как мы успели убедиться, во многом моделью для них выступало знаменитое сочинение Иоанна Солсберийского, знакомство с основными идеями которого, впрочем, часто происходило не опосредованно (как в случае с автором «Великого зеркала»), а напрямую.

Ярким тому подтверждением являлось творчество монаха-францисканца Жильбера из Турне (ок. 1200–1284), многие годы препода-

---

et huiusmodi prodigiis hominum, que princeps potius exterminare quam fovere debet” (Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi. Col. 1227). Ср. выше: прим. 14.

⁵² В *De bono regimine principis* Элинанда из Фруамона такой главки, если судить по компиляции Винсента из Бове, не имелось: *Helinandi Frigidi Montis monachi Flores*. Col. 735–746.

⁵³ “Quid non mollit malleus? Quem non mollit mulier? Igitur mulier est malleus. Vere ipsa est malleus universae terrae, per quem diabolus et mollit et malleat universum mundum” (Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi. Col. 1233).

⁵⁴ *Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium* / Ed. by A. Steiner. Cambridge, 1938. P. 140, 142, 146–148, 187–190.

⁵⁵ Порокам, правящим при дворе государя, с которыми ему надлежит бороться, были посвящены последние главы трактата (XVII–XXVIII). На проблеме сексуальной распущенности королевских приближенных и их склонности к занятиям колдовством Винсент из Бове и здесь останавливался особо: *Vincentii Belvacensis De morali principis institutione* / Ed. by R.J. Schneider. Turnhout, 1995. P. 93, 95–96, 104–111, 125–127. Все прямые цитаты из сочинений Элинанда из Фруамона и, соответственно, из «Поликратика» Иоанна Солсберийского, которые присутствовали в этом тексте, были выявлены его издателем Робертом Шнайдером: *Ibid.* P. 170–171.

⁵⁶ См. об этом, к примеру: *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой* / Пер. В.И. Матузовой. М., 2001. С. 311–313.

вавшего в Париже, принявшего, возможно, участие в седьмом крестовом походе 1248 г. под предводительством Людовика IX Святого⁵⁷, а в 1259 г. по просьбе короля написавшего несколько писем для наследника французского престола, будущего Филиппа III Смелого (1270–1285). Эти послания автор объединил затем в трактат *Eruditio regum et principum*, и сильное влияние «Поликратика» ощущалось в нем буквально с первых строк⁵⁸. При этом Жильбер, насколько можно судить, обратился к сочинению английского схоластика, минуя более краткие версии Элинанда из Фруамона и Винсента из Бове: хотя в самих письмах имя Иоанна Солсберийского не упоминалось, оно присутствовало в другом педагогическом сочинении францисканца – *De modo addiscendi*, созданном около 1262 г.⁵⁹

О непосредственном знакомстве Жильбера из Турне с «Поликратиком» свидетельствовали и буквальные цитаты из него, и подробные пересказы отдельных его глав, включенные в *Eruditio regum et principum*. В частности, эти многочисленные заимствования касались и интересующей нас темы – присутствия при дворе правителя нежелательных персонажей и в том числе – распутных женщин и мужчин, занимающихся колдовством. Подобно Элинанду из Фруамона и Винсенту из Бове, Жильбер уже в самом начале своего трактата воспроизводил сентенцию Иоанна Солсберийского о необходимости удаления столь вредных людей из ближнего круга государя⁶⁰, а затем неоднократно к ней возвращался⁶¹. Однако наиболее любопытным заимствованием из «Поликратика» являлись, на мой взгляд, поучительные «примеры», которые Жильбер приводил в подтверждение своих слов. Так, он – вслед за английским схоластиком – вспоминал об отношениях Юлия Цезаря и царицы Египта Клеопатры, околдовавшей императора своими лъстивыми речами и красотой, или о приключениях Одиссея, избежавшего ловушки, расставлен-

⁵⁷ Maier Ch. T. *Crusade Propaganda and Ideology. Model Sermons for the Preaching of the Cross*. Cambridge, 2000. P. 177–209.

⁵⁸ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 313–319; Kempshall M. S. *The Rethoric of Gilles of Rome's De Regimine Principum* // *Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières* / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen; Havre, 2007. P. 161–190.

⁵⁹ "Requiritur etiam paupertas in censu, prout sapiens quidam, Bernardus scilicet Carnotensis, ut dicitur in *Polycratice Ioannis Saresberiensis, cum interrogaretur de forma et modo addiscendi*" (*Gilbert de Tournai. De modo addiscendi* / A cura di E. Bonifacio. Torino, 1953. P. 243, курсив мой – О.Т.). Об этом трактате см. также: Poorter A. de. *Un traité de pédagogie médiévale: le De modo addiscendi de Guibert de Tournai*, O.F.M. Notes et extraits // *Revue néo-scholastique de philosophie*. 1922. Vol. 24. P. 195–228.

⁶⁰ "Nam de mimis, et histrionibus, et lenonibus, et huiusmodi prodigiis hominum, quae principem oportet exterminare potius quam fovere, non fuerat in lege mentio facienda, quae non solum a principis aula, sed a Dei populo sunt penitus extirpanda" (*Guiberti de Tornaco Eruditio regum et principum* / Ed. par A. de Poorter. Louvain, 1914. P. 10). Ср. выше: прим. 14 и 51.

⁶¹ Ibid. P. 17–18, 46–47, 51, 54, 62–63.

ной сиренами⁶². К ним Жильбер, очевидно, уже по собственному почину добавлял знаменитый апокрифический рассказ об Александре Македонском, которого его учитель Аристотель предупреждал о происках «королевы Индии», имевшей намерение отравить великого правителя и для этого подославшей к нему этого некую прелестную девицу⁶³.

Впрочем, факт подобных заимствований – прямых или косвенных – из «Поликратика» оказывался важен даже не сам по себе, а в связи с тем впечатлением, который произвели идеи Иоанна Солсберийского при посредничестве Элинанда из Фруамона, Винсента из Бове и Жильбера из Турне на возможных и реальных заказчиков их сочинений – на членов французской королевской семьи.

Исследователи полагают, что *De bono regimine principis* Элинанда мог быть написан для Филиппа II Августа (1180–1223), хотя никаких прямых подтверждений этого факта на сегодняшний день не найдено⁶⁴. В то же время нам доподлинно известно, что *De eruditione filiorum nobilium* Винсента из Бове был посвящен королеве Маргарите Прованской (1234–1270), а *De morali principis institutione* – ее супругу Людовику IX Святому и их зятю Тибо II Молодому, правителю Наварры (1253–1270)⁶⁵. По за-

⁶² Ibid. P. 56–57. Любопытно, что у Винсента из Бове этот рассказ отсутствовал: Paulmier M. Le portrait de César dans le *Speculum historiale* // Spicae. Cahiers de l'Atelier Vincent de Beauvais. 1978. T. 1. P. 71–90.

⁶³ “Unde Aristoteles informans de cavendis mulieribus Alexandrum inter caetera ita dixit: Cave mortifera venena. Non enim de novo incipiunt homines vene nare. Et post pauca: O Alexander, recale factum reginae Indorum, quando tibi mandavit causa amicitiae multa exhenia et dona venusta, inter quae missa est illa venustissima puella, quae ab infantia imbuta et nutrita fuit veneno serpentum, et nisi illa hora ego sagaciter inspexissem in ipsam, et arte judicavissem eo quod ita audacter, horribiliter, incessabiliter, inverecundum suum figebat visum in faciem hominum, perpendi siquidem quod interficeret homines solo morsu; quod tu experimento postea probavisti, et nisi hoc certissime ostendissem, mors tua fuisset in ardore coitus consecuta” (*Guiberti de Tornaco Eruditio regum et principum*. P. 57–58). В данном случае Жильбер следовал литературной традиции, заложенной в XII в. трактатом *Secretum secretorum*, который в средневековой Европе приписывался Аристотелю: Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от Античности до наших дней / Пер. Е. Лебедевой. М., 2010. С. 34–35. Интересно, что Винсент из Бове – как и Иоанн Солсберийский – придерживался более ранней версии истории об отравлении, которая возникла еще в I в. до н.э. Согласно ей, Александр погиб от яда, присланного Антипатром, наместником Македонии: *Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi*. Col. 134–135; ср.: *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 91. Об источниках этой версии см.: Коллар Ф. Указ. соч. С. 28–33; Vincent de Beauvais and Alexander the Great. Studies on the *Speculum maius* and its translations into medieval vernaculars / Ed. by W.J. Aerts, E.R. Smits and J.B. Voorbij. Groningen, 1986.

⁶⁴ Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что Элинад был дружен с кузеном короля, епископом Бове Филиппом де Дрë: Ullmann W. John of Salisbury's *Policraticus* in the Later Middle Ages. P. 522–523.

⁶⁵ Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles. P., 1993. P. 170; Perret N.-L. Les traductions françaises du *De regimine principum* de

казу французского монарха было также написано и самое знаменитое сочинение доминиканца – *Speculum majus*, для которого, вероятно, использовались рукописи из королевской библиотеки и которое предварялось посланием автора к его высокому покровителю – *Epistola actoris ad Ludovicum regem*⁶⁶. «Зерцало» имело невероятный успех у читателей: только от его последней части, *Speculum historiale*, до нас дошло 320 рукописей⁶⁷. Что же касается *Eruditio regum et principum* Жильбера из Турне, то, как я уже упоминала, этот трактат был также создан по заказу Людовика IX и предназначался его сыну и наследнику Филиппу. Таким образом, идеи Иоанна Солсберийского относительно тех пороков, с которыми надлежит бороться правителю, оказались хорошо известны во французских придворных кругах конца XIII – первой трети XIV вв.

Традиция королевских зеркал отнюдь не прервалась на упомянутых выше сочинениях. Следующим в этой череде стал трактат Эгидия Римского (1246/1247–1316) *De regimine principum*, созданный в 1279 г. по заказу будущего правителя Франции Филиппа IV Красивого. Однако писался он уже под сильнейшим влиянием трудов Аристотеля, прежде всего «Этики» и «Политики»⁶⁸. Знакомство образованных европейцев

Gilles de Rome. *Parcours matériel, culturel et intellectuel d'un discours sur l'éducation*. Leiden; Boston, 2011. P. 11–12. Вероятно, для Тибо Наваррского писалось и еще одно зеркало – трактат Гийома Пейро *De eruditione principum*, созданный также под сильным влиянием «Поликратика» Иоанна Солсберийского около 1265 г. Впрочем, насколько можно судить, в нем проблема распутниц, занимающихся при дворе правителя колдовством, специально не рассматривалась, хотя пятая книга трактата представляла собой компиляцию из *De eruditione filiorum nobilium* Винсента из Бове. См. подробнее: Steiner A. Guillaume Perrault and Vincent de Beauvais // *Speculum*. 1933. T. 8 (1). P. 51–58; Vecchio S. Le pouvoir au miroir du prédicateur: le *De eruditione principum* de Guillaume Peyraut // *La pathologie du pouvoir. Vices, crimes et délits des gouvernants: Antiquité, Moyen Age, époque moderne / Sous la dir. de P. Gilli*. Leiden; Boston, 2016. P. 263–281.

⁶⁶ Guzman G. Vincent de Beauvais *Epistola actoris ad regem Ludovicum* // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du colloque de Nancy, 1988 / Ed. par M. Paulmier-Foucart et S. Lusignan. P., 1990. P. 57–85. Важно отметить, что *Speculum majus* создавалось в цистерцианском аббатстве Ройомон, основанном в 1228 г. лично Людовиком IX в память о его отце, Людовике VIII (1223–1226). Король часто бывал в монастыре, где были похоронены его рано умершие дети. Винсент из Бове поселился здесь в 1246 г. и имел возможность регулярно встречаться со своим государем: Chazan M. Op. cit. P. 369–377; Paulmier-Foucart M., Lusignan S. Op. cit. P. 116–121.

⁶⁷ Duchenne M.-Ch. Autour de 1254, une révision capétienne du *Speculum historiale* // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique. P. 141–166; Beaune C. Clovis dans les miroirs dominicains du milieu du XIIIe à la fin du XIVe siècle // BEC. 1996. T. 154 (1). P. 113–129, здесь P. 114–115.

⁶⁸ *Aegidii Romani De regimine principum doctrina* / Ed. par V. Courdaveaux. P., 1857. P. 14–84. См. также: Perret N.-L. Op. cit. P. 12, 14–17; Lachaud F. Filiation and Context. P. 405–407; Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 11, 23, 50, 56. Таким образом, предположение Жан-Филиппа Жене о том, что французы в полной мере познакомились с идеями «Поликратика» благодаря творчеству Эгидия Римского, представляет

(и в том числе французов) с этими сочинениями обусловили временное забвение «Поликратика»⁶⁹, интерес к которому возродился лишь во второй половине XIV столетия.

***

Возвращение главного сочинения Иоанна Солсберийского на политическую сцену Французского королевства стало возможным прежде всего благодаря деятельности переводчиков. Уже в 1332 г. нормандец Жан де Винье (ок. 1285 – ок. 1350), прибывший в Париж для изучения канонического права и ставший монахом-госпитальером ордена Святого Иакова Страстей Христовых⁷⁰, представил королевскому двору свое «Историческое зеркало» (*Miroir historial*) – перевод *Speculum historiale* Винсента из Бове, выполненный по заказу Жанны Бургундской (1293–1348), внучки Людовика IX и супруги Филиппа VI Валуа (1328–1350)⁷¹.

Как отмечала Л.В. Евдокимова, главным принципом работы Жана де Винье в данном случае являлось тщательное соблюдение авторской интонации, внимание к точной передаче терминов и понятий, максимально полное воспроизведение фактического материала⁷². А потому и рассуждения о необходимости искоренить разврат и колдовство при дворе правителя, представлявшие собой перепевы основных идей «Поликратика», во французском «Историческом зеркале» остались практически без изменений. Об этом свидетельствует, в частности, трактовка пассажей, посвященных праздности, влекущей человека прямоком в сети Сатаны⁷³; предостережениям относительно «жонглеров, менестрелей, про-

ся мне в корне неверным: *Genet J.-Ph. Saint Louis: le roi politique // Médiévales*. 1998. Т. 34. Р. 25–34, здесь Р. 28.

⁶⁹ Отсылки к «Политике» Аристотеля, во множестве появившиеся в западноевропейских сочинениях уже во второй половине XIII в., действительно не позволяют в полной мере оценить влияние на них «Поликратика». Однако, как я уже отмечала (Глава 1, прим. 88), рассуждения о необходимости бороться с засильем распутниц и ведьм при дворе правителя, присутствующие в более поздних текстах, предполагают, на мой взгляд, знакомство их авторов если не непосредственно с трактатом Иоанна Солсберийского, то по крайней мере с его идеями, поскольку у Аристотеля данный вопрос по понятным причинам не поднимался.

⁷⁰ Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 68.

⁷¹ *Paulmier-Foucart M., Lusignan S. Op. cit. P. 121–122; Knowles Ch., Lefèvre S. Jean de Vignay // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 858–860.* Филипп VI также прекрасно знал и высоко ценил сочинение Винсента из Бове. В завещании, составленном 21 августа 1350 г., за день до смерти, король передавал собственный экземпляр *Speculum majus* доминиканскому монастырю в Пуасси, основанному им в честь Людовика Святого: *Brown E.A.R. The Prince is Father of the King: The Character and Childhood of Philip the Fair of France // Mediaeval Studies*. 1987. Vol. 49. P. 282–334, здесь Р. 315.

⁷² Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 78–102, 128–129, 135–137.

⁷³ «...fais tousiours aucune chose affin que le dyable te treuve occupe» (*Jean de Vignay. Miroir historial*. 5 vols. P., 1495–1496. Т. 3. Livre 17. Ch. 22, без пагинации). Ср.:

ститутков и прочих персонажей», действия которых направлены «против природы» (т.е. против Господа) и которых правитель должен, «скорее, уничтожать, нежели привечать»⁷⁴; сравнению женщин с молотом в лапах дьявола⁷⁵.

Перевод Жана де Винье имел огромный успех. До нас дошли 38 списков *Miroir historial*, датирующихся XIV–XV вв., четырнадцать из которых были изготовлены для членов королевской семьи. Два экземпляра «Зерцала» последовательно принадлежали Иоанну II Доброму (1350–1364), Карлу V Мудрому (1364–1380) и Карлу VI Безумному (1380–1422). По три копии «Зерцала» собрали в своих библиотеках Жан Беррийский и Людовик Орлеанский, младший сын Карла V, еще одну заказал для себя Людовик II Анжуйский, тесть будущего Карла VII (1422–1461). Тринадцать рукописей на протяжении второй половины XIV в. были созданы для французских придворных (один лишь Жак д'Арманьяк располагал тремя из них), еще пять манускриптов – уже в начале XV столетия – оказались переписаны по заказу представителей фламандской знати, и, наконец, в 1470 г. копию «Исторического зеркала» де Винье получил английский король Эдуард IV (1461–1483)⁷⁶. Таким образом, идеи «Поликратика», совершив своеобразный «тур» по Французскому королевству, будучи переосмысленными Элинаном из Фруамона, Винсентом из Бове и Жаном де Винье, вернулись на свою историческую родину.

На этом, однако, французские переводчики, выполнявшие заказы королевского двора, отнюдь не остановились. В начале 1370-х гг. (точнее, до 1373 г.) Жан Доден († 1382), каноник Сент-Шапель и официальный переводчик Карла V⁷⁷, представил своему покровителю и заказчику собственный вариант *De eruditione filiorum nobilium* Винсента из Бове⁷⁸, в котором, как я уже отмечала выше, влияние идей Иоанна Солсберийского ощущалось особенно сильно.

Переводческий стиль Додена, как и Жана де Винье, отличало исключительное внимание к тексту оригинала. Так, знаменитая фраза о «коро-

“Facito aliquid operis, ut semper diabolus inveniat te occupatum” (Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi. Col. 625).

⁷⁴ “Et encore appartient il moult mains multiplier chiens ou oyseaulx de proye... ou aucunes autres choses contrefaites de nature. De iangleurs, menestriers, gouliairdois, gloutons, lechierres et femmes foles et dautres manieres de gens que prince doit plus destruire que eslever” (*Jean de Vignay*. Op. cit. T. 5. Livre 30. Ch. 121). Ср.: прим. 51.

⁷⁵ “Et porquoy namolie le martel ce que femme amolie. Donc est femme martel. Vrayement elle est martel de toute terre. Par lequel martel le diable amolie tout le monde” (Ibid. T. 5. Livre 30. Ch. 142). Ср.: прим. 53.

⁷⁶ Knowles C. Jean de Vignay. Un traducteur du XIVe siècle // *Romania*. 1954. T. 75. P. 353–383; Chavannes-Mazel C.A. Problems in Translation, Transcription and Iconography: the *Miroir historial*, Books 1–8 // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d’une oeuvre encyclopédique. P. 345–374, здесь P. 346–349, 363–364.

⁷⁷ Paulmier-Foucart M., Lusignan S. Op. cit. P. 122; Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 242.

⁷⁸ Vincent de Beauvais. De la condition ou enseignement des enfans nobles // BNF. Ms. fr. 9683.

нованном осле», которому в «Поликратике» уподоблялся необразованный правитель, во французском варианте было слово в слово передано так, как это в свое время сделал Винсент из Бове⁷⁹. Точно так же оказался сохранен в своем изначальном виде пассаж, посвященный борьбе с сексуальной распущенностью посредством воздержания (*contre luxure chastete*), и призыв к юношам не прибегать к услугам блудниц, но стремиться заключать законные браки⁸⁰. Ибо, вторил за Винсентом из Бове его французский переводчик, подобные развратницы действуют по указке и под влиянием дьявола⁸¹. Жан Доден позволял себе вносить в оригинальный текст лишь самые минимальные уточнения или исправления⁸². Более того, каноник работал с явной опорой на *Speculum historiale* и, вероятно, знал даже «Хронику» Элинанда из Фруамона⁸³. Наконец, именно в его переводах, возможно, впервые со времен Жильбера из Турне, оказался назван по имени автор «Поликратика», сочинение которого монах из Сент-Шапель рекомендовал изучить своим читателям: *Jean de Salberie en son "Policraticon"*⁸⁴.

⁷⁹ "...Rex illiteratus est quasi asinus coronatus, et quod maxime talibus necessaria sit multiplex sciencia, dicit palladius in libro I de agricultura" (*Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium*. P. 8–9). Cp.: "Roy sans lettre est comme un asne couronne. Et que singulierement a telz soit necessaire moult de science de ce dit palladius ou premier livre du camp labourez" (*Vincent de Beauvais. De la condition ou enseignement des enfans nobles*. Fol. 7).

⁸⁰ *Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium*. P. 140, 146. Cp.: *Vincent de Beauvais. De la condition ou enseignement des enfans nobles*. Fol. 137, 144.

⁸¹ "...de qua dicitur in proverbiis 1: 'Fili, si te lactaverint peccatores, non acquiescas eis. Tales enim sunt predicatorices dyaboli'" (*Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium*. P. 190). Cp.: "...de lauelles est dist en proverbes ou premier chapitre. Mon filz se les pecheurs te veullent a laitier ne te acorde pas a eulx. Telles sont les pecheresses du dyable" (*Vincent de Beauvais. De la condition ou enseignement des enfans nobles*. Fol. 192v).

⁸² Например, в ссылке на «Проповеди на Песнь песней» Бернара Клервоского во французском переводе эпитет «блаженный» (*beatus Bernardus*), использованный Винсентом из Бове, оказался заменен на более верный вариант «святой» (*saint Bennoit, saint Bernard*), поскольку знаменитый цистерцианец был канонизирован еще в 1174 г.: *Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium*. P. 47, 117, 123; *Vincent de Beauvais. De la condition ou enseignement des enfans nobles*. Fol. 41, 112, 117v). Похожее уточнение было сделано и в отношении Иеронима Стридонского, который в тексте Жана Додена также стал «святым» (*saint Jherome*): *Ibid.* Fol. 51, 66, 68.

⁸³ Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 251, 259, 267, 284, 289.

⁸⁴ Эти рекомендации содержались в «Прологе» к переводу *De remediis* Петрарки, выполненному Доденом в 1378 г.: Там же. С. 279, 321. В связи с этим не совсем понятно утверждение Л.В. Евдокимовой о том, что сам Жан Доден «Поликратик», «по-видимому, не читал»: Там же. С. 304. В 1389 г. те же рекомендации давал своим читателям (и прежде всего будущему французскому королю Карлу VI) Филипп де Мезьер: *Philippe de Mézières. Le Songe du vieil pelerin* / Ed. by G.W. Coopland. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 2. P. 229.

Впрочем, весьма вероятно, что Жан Доден имел в виду не латинский текст Иоанна Солсберийского⁸⁵, а уже существовавший на тот момент его французский перевод, выполненный – и вновь по заказу Карла V – в 1372 г. монахом-францисканцем Дени Фульша⁸⁶. В отличие от Жана де Винье и Жана Додена, в большинстве случаев строго следовавших за авторским текстом, для Фульша была характерна большая вольность в обращении с оригиналом: использование повторов, собственных комментариев и глосс, что, по замыслу переводчика, должно было уточнить отдельные пассажи «Поликратика»⁸⁷.

Так, рассуждая о бесчестности жонглеров и менестрелей, французский переводчик усиливал идею Иоанна Солсберийского, сообщая своим читателям, что с появлением этих персонажей при дворах правителей возобладали не только «легкомыслие», но и «разврат»⁸⁸. Точно так же, рассказывая о том, что любые магические практики издавна осуждались и преследовались, Фульша объявлял их не просто «колдовством», но «обманом и иллюзиями». Знакомство с ними происходило от «лживого и преступного союза демонов с человеком, а человека с демонами», причем эти последние и сами сеяли зло, и наставляли людей в столь богопротивном «искусстве». Вот почему, утверждал переводчик «Поликратика», подобных персонажей следовало во что бы то ни стало удалять от королевского двора⁸⁹. Любопытно, что у Иоанна Солсберийского – при

⁸⁵ В каталоге королевской библиотеки, составленном в 1373 г. Жилем Малю, упоминалось по крайней мере об одном экземпляре латинского текста «Поликратика»: *Delisle L. Recherches sur la librairie de Charles V. 2 vols. P., 1907. T. 2. P. 85.*

⁸⁶ *Denis Foulechat. Tyrans, princes et prêtres: Jean de Salisbury, Policratique IV et VIII / Ed. par C. Brucker. Montréal, 1987. P. 33–34.* В отличие от многих своих предшественников, Фульша прекрасно знал имя автора «Поликратика», называя Иоанна Солсберийского «vaillant docteur»: *Denis Foulechat. Le Policratique de Jean de Salisbury, 1372, livres I–III / Ed. par C. Brucker. Genève, 1994. P. 87.*

⁸⁷ О переводческой стратегии Дени Фульша см. подробнее: *Brucker C. Quelques aspects du style de Denis Foulechat, traducteur de Charles V // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1970. Bd. 80. S. 97–106; Denis Foulechat. Tyrans, princes et prêtres. P. 34–39; Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 217, 236–238, 283–284.*

⁸⁸ «...pour ce que legerté de cuer et dissolucion s'est partout boutee et tous lieux occupés...» (*Denis Foulechat. Le Policratique de Jean de Salisbury. P. 119, курсив мой – О.Т.*). Ср.: «...cum omnia levitas occupaverit...» (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratice. T. 1. P. 405, курсив мой – О.Т.*). Этот пассаж специально рассмотрен в: *Евдокимова Л.В. Указ. соч. С. 236–238.*

⁸⁹ «Et ja lonc temps a que les sains peres commanderent que ceuls qui se mesloient de ars d'enchanterie et de teles tromperies et illusions nuisans et de diverses manieres de mathematique reprouvee feussent getéz et boutéz hors de leur cours, pour ce que ces artifices et, a mieux dire, malefices, de une fausse et dampnable familiarité de dyables as hommes et des hommes as dyables il savoient estre venuz et enseigniez» (*Denis Foulechat. Le Policratique de Jean de Salisbury. P. 121*). Повтор «союз демонов с человеком, а человека с демонами» (*familiarité de dyables as hommes et des hommes as dyables*) являлся, на мой взгляд, не стилистической особенностью французского перевода, но отсылал к учению Фомы Аквинского, согласно которому ведьмы

всей его нелюбви к ведьмам и колдунам, якобы окружавшим правителя, – данная мысль была выражена более скупой: в оригинальном латинском тексте отсутствовало прямое требование избавить двор от тлетворного влияния пособников дьявола, а также не упоминалось о возможности демонов обучать людей магическим практикам⁹⁰.

Появление перевода Дени Фульша, безусловно, позволило значительно большей читательской аудитории познакомиться с произведением выдающегося английского схоластика. Но вместе с тем – получить более «современную» трактовку того, что следует понимать под колдовством и как различать его адептов. Исследователи отмечают влияние «Поликратика» и на последующие политические сочинения, создававшиеся при французском королевском дворе, – к примеру, на «Сон садовника» (*Somnium Viridarii, Songe du Vergier*), написанный изначально на латыни, а затем переведенный на французский в 1376–1378 гг. предположительно Эвхаром де Тремогоном († 1386), членом Королевского совета при Карле V⁹¹, или на уже упоминавшийся «Сон старого паломника» (*Le Songe du vieil pelerin*) Филиппа де Мезьера (ок. 1327–1405)⁹². Интересно, что тема разврата и колдовства, царящих при дворе правителя, вслед за Иоанном Солсберийским поднималась и этими авторами⁹³.

Вместе с тем данный сюжет оказался востребованным не только «в теории», т.е. в дидактической литературе, к которой относились в том числе и королевские зеркала, но и на практике. Идеи, впервые сформу-

---

и колдуны не были безвольными жертвами дьявола, но сознательно заключали с ним договор и таким образом получали возможность обучаться магии: *Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae // Sancti Thomae Aquinatis Opera omnia. Rome, 1897. T. IX. P. 331–332. Подробнее см.: Тогоева О.И. Еретики, ставшая святой. С. 97–99.*

⁹⁰ “Eos autem qui nocentiora praestigia artesque magicas et varias species mathematicae reprobatae exercent, iam pridem sancti patres ab aula iusserunt, eo quod omnia haec artificia vel potius maleficia ex pestifera quadam familiaritate demonum et hominum noverint profluxisse” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 1. P. 49*).

⁹¹ *Le Songe du Vergier / Ed. par M. Schnerb-Lièvre. 2 vols. P., 1982. T. 1. P. LXXVII; Schnerb-Lièvre M. Evrart de Tremaugon et le Songe du Vergier // Romania. 1980. T. 101. P. 527–530. На русском языке см.: Пономарева М.А. Интеллектуалы при дворе Карла V Мудрого: политическая мысль и стратегии письма. Магистерская диссертация, ОП «Медиевистика», ФГН НИУ ВШЭ. М., 2020 (на правах рукописи). С. 8–11.*

⁹² См. прим. 84.

⁹³ *Le Songe du Vergier. T. 2. P. 218–219* (о пагубном влиянии женщин – и даже законных жен – на мужчин). В «Сне садовника» из «Поликратика» оказался заимствован даже перечень различных видов колдовства, происходящих от дьявола: *Ibid. T. 1. P. 363–367. См. также: Ibid. T. 1. P. 369, 390–391, 409–410. О влиянии «Поликратика» на трактовку темы магического и роли женщины в использовании колдовства у Филиппа де Мезьера см.: Marchiori A. “Forgier fins besans”. *Le Songe du Vieil Pelerin de Philippe de Mezières: projet sotériologique et pouvoir de l’écriture à la fin du XIVe siècle. Verona, 2014. P. 301–330; Williamson J.B. Ysangrin and Hellequin’s horde in Le Songe du Vieil Pelerin // Reinardus. 1988. T. 1. P. 175–188.**

лированные в «Поликратике» и к XIV столетию прямо или опосредованно усвоенные во Французском королевстве, нашли свое применение в реальных судебных процессах или же послужили основой для возникновения совершенно определенных слухов, связанных с жизнью предстателей высших слоев общества.

Достаточно вспомнить уже упоминавшееся выше дело Робера де Мовуазена, архиепископа Экс-ан-Прованса, которого в 1318 г. папа Иоанн XXII обвинил одновременно в поддержке местных проституток, в любви к увеселительной музыке и к охоте, а также в использовании колдовства в личных целях, т.е. во всех тех грехах, которые были перечислены буквально в первой книге «Поликратика»⁹⁴. Точно так же в 1315 г., в ходе процесса над Ангерраном де Мариньи, были арестованы его супруга Алипс де Монс и ее сестра Алипс де Шантелу, якобы помогавшие первому министру Филиппа IV в наведении порчи на Людовика X⁹⁵. В 1319 г. некая Жанна де Ланьи, также подозревавшаяся в сговоре с де Мариньи, была обвинена в изготовлении восковых фигурок с целью наведения порчи на Карла Валуа, брата Филиппа IV Красивого⁹⁶. Еще более показательным с этой точки зрения являлся процесс 1308 г. против епископа Альби Бернара де Кастане: свидетели сообщали, что подозреваемый регулярно обращался за помощью

⁹⁴ Об обвинениях, выдвинутых против архиепископа, см. подробнее: *Boudet J.-P., Théry J. Le procès de Jean XXII contre l'archevêque d'Aix Robert de Mauvoisin: astrologie, arts prohibés et politique (1317–1318) // Cahiers de Fanjeaux. 2012. T. 45. P. 159–235. Ср. выше: Введение, прим. 16. Любопытно отметить, что Робера де Мовуазена обвиняли, в частности, в том, что он обращался за консультациями к английскому хироманту по имени Робин: "...respondit se habuisse quemdam familiarem anglicum, Robinum nomine, qui, manus hominum respiciens, ad signa de multis iudicabat" (Ibid. P. 170, 222). В «Поликратике» Иоанн Солсберийский предъявлял похожие претензии своему покровителю Томасу Беккету: "Chironomantici quoque vera, quae in rugis manuum latent, se nosse gloriantur... Unum tamen est quod a te, si me patienter audias, attentissime quaero. Quid nugatores isti, quoniam eos tibi notos esse non ambigo, quando de dubiis interrogati sunt, proferunt? Cum adversus Nivicollinos Britones regia esset expeditio producenda, in quo te consultus aruspex praemonuit?" (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 143–144).*

⁹⁵ "Et après, sa fame, la dame de Maringny, retournée avec sa sœur la dame de Chantelou en sa meson, tantost yces II dames manderent et firent venir à eulz une maudite et mauvaise boisteuse qui fesoit l'or, et I mauvais garçon qui avoit non Paviot, qui de telz sors se savoit entremettre, et leur promistrent moult de peccunes se il feissent aucuns vouldz, par lesquies vouldz les devant diz contes peussent occirre. Laquelle chose otroiée de yceulz, si firent les vouldz et par art magyque et de dyable, leur mistrent nons, et si comme il fu dit, les baptizierent fausement" (*Grandes Chroniques de France / Ed. par J. Viard. 10 vols. P., 1920–1953. T. 8. P. 313*).

⁹⁶ Тем не менее, Жанна де Ланьи была оправдана, о чем свидетельствует выданное ей письмо о помиловании: ANF. Serie JJ – Registres du Trésor des chartes. JJ 59, fol. 8v (a. 1319). См. также: *Braun P. La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1979. T. II. P. 257–278, здесь P. 260, 264.*

к личной гадалке (*divina*), которая якобы предсказывала ему будущее, но также состояла с ним в интимных отношениях⁹⁷.

В 1317 г. Маго д'Артуа обвинялась в наведении любовного приворожата на своего зятя, Филиппа V Длинного (1316–1322), дабы после знаменитого дела Нельской башни примирить короля с Жанной, его женой и дочерью самой Маго⁹⁸. Графиня якобы обращалась за помощью к колдунье по имени Изабелла, которая посоветовала подмешать в еду и питье французского правителя кровь, взятую из правой руки его супруги⁹⁹. В 1332 г., после изгнания из Франции, бывший ближайший сподвижник Филиппа VI Робер III д'Артуа, племянник Маго и ее соперник в борьбе за графство, и его жена Жанна Валуа, сводная сестра короля¹⁰⁰, подозревались в том, что пытались при помощи восковых фигурок навести порчу на самого монарха, королеву Жанну Бургундскую и наследника престола (будущего Иоанна II Доброго)¹⁰¹. Наконец, в 1340 г. в Париже был возбужден процесс против двух монахов-бенедектинцев и некоего господина Робера по прозвищу Англичанин, якобы вновь замышлявших погубить короля и королеву – на сей раз при помощи дьявола. Дело рассматривалось в Большой палате парламента, в присутствии аббатов Сен-Дени и Корби. Такого внимания данный процесс был, по всей видимости, удостоен потому, что для вызова Нечистого заговорщики использовали сад в резиденции Маго де

⁹⁷ "...audivit dici quod dictus episcopus fecit capi dictam Divinam et poni in carcere; et quidam dicebant, videlicet curiales sui, quod ideo fecerat eam capi quia ipsa erat divina, alii dicebant quod ideo quia erat pulcra et ut eam sibi carnaliter copularet" (цит. по: Boudet J.-P., Théry J. Op. cit. P. 219).

⁹⁸ В 1314 г. три невестки Филиппа IV Красивого были обвинены в прелюбодеянии, т.е. не только в супружеской, но и в государственной измене, поскольку законное происхождение их будущих детей (и возможных претендентов на французский престол) оказалось поставлено под вопрос. Процесс получил название «Дело в Нельской башне», где, по слухам, и происходили свидания знатных дам с их любовниками: Brown E.A.R. Philip the Fair of France and His Family's Disgrace: The Adultery Scandal of 1314 Revealed, Recounted, Reimagined, and Redated // Mediaevistik. 2019. Vol. 32. P. 71–103; Collard F., Heullant-Donat I. Deux autres Jeanne: figures de reines défigurées aux XIVe et XVe siècles // Une histoire pour un royaume, XIIe–XVe siècle / Ed. par A.-H. Alliot, M. Gaude-Ferragu, G. Lecuppre. P., 2010. P. 281–309.

⁹⁹ Adams T. Between History and Fiction: Revisiting the Affaire de la Tour de Nesle // Viator. 2012. Vol. 43 (2). P. 165–192, здесь P. 191.

¹⁰⁰ Жанна Валуа была внебрачной дочерью Карла, графа де Валуа, отца Филиппа VI.

¹⁰¹ Chronique parisienne anonyme de 1316 à 1339 précédée d'additions à la Chronique française dite de Guillaume de Nangis (1206–1316) / Ed. par A. Hellot. P., 1885. P. 148–149, 158. О конфликте Робера III д'Артуа с Филиппом VI см. подробнее: Sample D.L. Philip VI's Mortal Enemy: Robert of Artois and the Beginning of the Hundred Years War // The Hundred Years War (Part II). Different Vistas / Ed. by L.J.A. Villalon and D.J. Kagay. Leiden; Boston, 2008. P. 261–284.

Сен-Поль, графини де Валуа, третьей супруги Карла Валуа и мачехи Филиппа VI¹⁰².

Впрочем, даже супруга этого французского правителя, Жанна Бургундская по прозвищу Хромоножка, подозревалась в склонности к занятиям колдовством. Первая королева-регент, замещавшая мужа в делах управления страной в 1338 и 1346 гг., уже при жизни слыла «дурной женщиной» (*mauvaise fame*), которая лишь вредит монарху своими советами¹⁰³. В 1332 г. Робер III д'Артуа, по мнению автора «Анонимной парижской хроники», называл Жанну «дьяволицей» (*deablesse*) и прямо обвинял ее в попытках навести на него порчу при помощи восковой фигурки¹⁰⁴. Во второй половине XIV – начале XV в. к этим слухам добавились новые. Так, «Хроника первых четырех Валуа» уточняла, что рождению в 1336 г. у королевы сына Филиппа (будущего герцога Орлеанского) сопутствовал ужасающий ураган, разразившийся в Венсеннском лесу, где «водятся демоны»¹⁰⁵. А Пьер Кошон уверял своих читателей, что Жанна Бургундская пыталась устранить Жана де Мариньи, члена королевского совета при Филиппе VI, настоятельно предлагая ему искупаться в ванне с отравленной водой¹⁰⁶. Даже прозвище «Хромоножка» (*royne*

¹⁰² “C'est Hanequins le Alemanz qui a sceu que maistres Robers li Anglois et II moine alemant qui demouroient à Saint Bernart, machinoient en la mort du roy et de la reine et en la perdicion de tout le royaume, par mauvais art et par invocacion du deable faire venir en un cerne qu'il firent es jardins de l'ostel de la contesse de Valoys” (Confessions et jugements. P. 145–147, здесь P. 147). Как отмечают издатели, у нас отсутствуют какие бы то ни было иные источники, проливающие свет на данный процесс. А потому остается неясным, была ли замешана в деле о колдовстве сама графиня де Валуа (Ibid. P. 145). Представляется, однако, весьма показательным выбор места для встречи заговорщиков: упоминание о семействе могущественного Карла Валуа в свете предыдущих процессов о колдовстве не кажется случайным. Столь же интересным является указание на участие в преступлении «господина Робера по прозвищу Англичанин»: как свидетельствуют судебные документы, представители этой нации (явные или предполагаемые) уже в самом начале XIV в. рассматривались как истинные знатоки магических практик (ср. прим. 94). Как мы увидим дальше, этой идее было суждено большое будущее во французской демонологии.

¹⁰³ “Ceste roynne est une mauvaise fame et je sçay bien par qui m'en vouldroit croire que elle et le roy seroient departis, et il seroit bon à faire” (Chronique parisienne anonyme de 1316 à 1339. P. 156).

¹⁰⁴ Ibid. P. 158–159. В конце XIV в. те же слухи оказались повторены в «Хронике первых четырех Валуа»: Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393) / Ed. par S. Luce. P., 1862. P. 17.

¹⁰⁵ “La roynne Jehenne de Bourgoingne ot ung filz qui ot nom Philippe et fut ne au bois de Vincennez; et comme elle gesoit il vint une tempeste au dit bois où il avoit malignes esperis” (Ibid. P. 3).

¹⁰⁶ Chronique normande de Pierre Cochon / Ed. par C. Robillard de Beaurepaire. Rouen, 1870. P. 62–63. О близости понятий «королева-отравительница» и «королева-ведьма» в Средние века см. подробнее: Collard F. *Venenosa mulier coronata*. Variations sur la figure de la reine empoisonneuse dans l'Occident médiéval // Cahiers

boiteuse), постоянно используемое в хрониках XIV–XV вв.¹⁰⁷, указывало, возможно, не только на физическое, но и на душевное уродство – на склонность королевы к магическим практикам¹⁰⁸. Что же касается ее моральных качеств, то современники и потомки приписывали Жанне самые разнообразные грехи: ее обвиняли и в склонности к обжорству, и в пьянстве, и в излишней расточительности, и в любви к роскоши¹⁰⁹. Вероятно, супруга Филиппа VI упоминалась и в «Балладе о дамах былых времен» (1461 г.), где Франсуа Вийон пересказывал слухи о некоей королеве, проводившей ночи со студентами Парижского университета, а на утро приказывавшей убивать их и топить в Сене¹¹⁰.

Собственно, именно на рубеже XIV–XV вв., когда «черная легенда» о Жанне Хромоножке – ведьме, а также, возможно, развратнице – расцвела пышным цветом, вера в сформулированную Иоанном Солсберийским теорию о теснейшей связи этих двух преступных практик с жизнью придворного общества достигла во Французском королевстве своего

---

du CRISIMA. 2001. Vol. 5 (1): Reines et princesses au Moyen Age. P. 302–322; *Idem*. *Veneficiis vel maleficiis*. Réflexions sur les relations entre le crime de poison et la sorcellerie dans l'Occident médiéval // Le Moyen Age. 2003. T. 109. P. 9–57.

¹⁰⁷ Chronique des quatre premiers Valois. P. 17; Chronique normande de Pierre Cochon. P. 63.

¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: Alliot A.-H. *La male royne boiteuse: Jeanne de Bourgogne // Royautés imaginaires* / Ed. par A.-H. Alliot, G. Lecuppre, L. Scordia. Turnhout, 2005. P. 119–133. Любопытно, что родственницам Ангеррана де Мариньи в осуществлении их преступных замыслов в 1315 г. якобы также помогала *хромая* ведьма (см. прим. 95).

¹⁰⁹ Alliot A.-H. Op. cit.; Gaude-Ferragu M. *La reine au Moyen Age. Le pouvoir au féminin, XIVe – XVe siècle*. P., 2014. P. 168–170; Vallée-Karcher A. *Jeanne de Bourgogne, épouse de Philippe VI de Valois: une reine maudite?* // BEC. 1980. T. 138 (1). P. 94–96.

¹¹⁰ «Где королева, для которой / Лишили Буридана нег / И в Сену бросили, как вора? / Но где же прошлогодний снег?» (Вийон Ф. Стихи / Сост. Г.К. Косиков. М., 1984. С. 326, перевод Н.С. Гумилева). Имя упоминаемой Вийоном королевы исследователям доподлинно не известно. Считается, что поэт мог ссылаться здесь на знаменитое дело Нельской башни (см. прим. 98): в этом случае развратницей и убийцей называлась Жанна II Бургундская (1291–1330), супруга Филиппа V Длинного. Однако имеющаяся в «Балладе» отсылка к истории Жана Буридана (ок. 1300 – после 1358) заставляет предполагать, что речь могла идти о другой даме – Жанне III Бургундской (1293–1349), супруге Филиппа VI Валуа. Согласно легенде, профессор Парижского университета оказался единственным, кто смог избежать печальной участи после ночи, проведенной с королевой: его также выбросили из окна Нельского замка, но упал он не в реку, а в лодку, которую подогнали в нужное место его ученики. Знаменитое дело об адюльтере, как я уже упоминала, рассматривалось в Парламенте в 1314 г., соответственно, встречи принцесс с их любовниками происходили, по всей видимости, еще раньше. Жан Буридан был слишком юн, чтобы в них участвовать, да и профессором университета он стал только в 1327 г.: Patar B. *Dictionnaire des philosophes médiévaux*. Montréal, 2007. P. 219. Более того, русло Сены в начале XIV в. имело очертания, не позволявшие ни одной лодке оказаться прямо под стенами Нельского замка: Jacob A., Léri J.-M. *Paris. Vie et Histoire du 6e arrondissement*. P., 1986. P. 21.

апогея. Как мне представляется, данное обстоятельство в большой степени оказалось обусловлено неизлечимой болезнью Карла VI Безумного, поразившей монарха еще в 1392 г. и не оставлявшей его до самой смерти, а также последовавшей в 1407 г. гибелью единственного брата короля – Людовика Орлеанского. В «Оправдании», составленном Жаном Пти для Жана Бесстрашного, предполагаемого заказчика этого убийства, помимо так хорошо известных специалистам обвинений герцога Орлеанского в тирании, выстроенных с опорой на текст «Поликратика», присутствовал еще один пласт инсинуаций, связанных с распутным образом жизни покойного принца крови и с его явной склонностью к занятиям колдовством. Впрочем, не обошлось в столь скандальном для Французского королевства деле и без участия женщины – Валентины Висконти, супруги Людовика, которая также имела репутацию истинной ведьмы.

Связь между возникновением этих слухов и последующими обвинениями, высказанными в адрес герцога Жаном Пти в присутствии королевской семьи и ее приближенных, насколько я могу судить, никогда ранее не изучалась специалистами, а потому стоит уделить ей особое внимание.

ГЛАВА 3

«Черная легенда» о Валентине Висконти

Валентина Висконти (1366/1368–1408) была единственной дочерью соправителя, синьора, а затем (с 1395 г.) первого герцога Милана Джан Галеаццо Висконти от брака с французской принцессой Изабеллой, родной сестрой Карла V Мудрого¹. Таким образом, она приходилась кузиной своему будущему супругу – Людовику Валуа, младшему брату Карла VI. И все же, несмотря на столь близкое родство, формально являвшееся преградой для заключения брака², свадьба Валентины состоялась 17 августа 1389 г. в Мелёне, а уже 22 августа она вместе с мужем прибыла в Париж.

Въезд в столицу Франции был обставлен со всей возможной роскошью и сопровождался многодневными гуляниями, ведь юная герцогиня находилась в свите Изабеллы Баварской, супруги Карла VI, которую ждала коронация в соборе Нотр-Дам. Иными словами, торжества при дворе и в городе были организованы в честь *обеих* принцесс, о чем свидетельствовали очевидцы событий – Жан Фруассар (1337 – после 1404), который приехал в Париж специально, чтобы присутствовать на этом «достойнейшем празднике»³, и Мишель Пентуэн (1349–1421), монах из Сен-Дени и автор «Хроники Карла VI», вошедшей затем в со-

¹ Наиболее подробной биографией Валентины Висконти до сих пор остается давнее исследование Эмиля Колла: *Collas E. Valentine de Milan, duchesse d'Orléans*. P., 1911 (русский перевод: Колла Э. При дворе безумного короля: Жизнь Валентины Миланской, герцогини Орлеанской / Пер. М. Некрасова. М., 2018). См. также: *Vaglianti F.M. Visconti Valentina // Dizionario biografico delle donne lombarde / A cura di R. Farina. Milano, 1995. P. 1146–1148; Autrand F. Visconti Valentina (Valentine) // Lexikon des Mittelalters. Bd. 8. München, 2003. Col. 1726–1727.*

² Согласно каноническому праву, запрещены были браки между родственниками вплоть до четвертого колена: *Olivier-Martin F. Histoire du droit français dès origines à la Révolution.*, P., 1992. P. 268–269; *Toxé Ph. La copula carnalis chez les canonistes médiévaux // Mariage et sexualité au Moyen Age. Accord ou crise? / Sous la dir. de M. Rouche. P., 2000. P. 123–133.* В связи с этим для брака Валентины и Людовика было получено специальное разрешение папы римского: “...quam frater ejus dux Turonie comesque Valesii Ludovicus, prius super hoc habita dispensacione pape, desponsavit” (*Chronique du Religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. par M.L. Bellaguet. 6 vols. P., 1839–1852. T. 1. P. 610*).

³ “Je... prins congié pour retourner en France... pour estre à une très-noble feste qui devoit estre en la ville de Paris, à la première venue de la royne Ysabel de France” (*Œuvres complètes de Froissart. Chroniques / Ed. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. 25 vol. Osnabruck, 1967. T. 14. P. 4–5*).

став «Больших французских хроник»⁴. Впрочем, о первых годах, проведенных Валентиной Висконти во Франции, современники не сообщали практически ничего, за исключением, пожалуй, одного важного факта: герцогиня проживала вместе с королевой – сначала в Венсенне, а затем в Париже, во дворце Сен-Поль, где ее постоянно мог видеть Карл VI⁵. Возможно, именно это обстоятельство и положило начало тем слухам, которые в конце концов заставили супругу Людовика Орлеанского покинуть двор.

***

Четвертого июня 1392 г. при непосредственном содействии короля его младший брат получил титул герцога Орлеанского, отдав в обмен на новые владения герцогство Турень⁶, и уже в этом статусе в июле того же года принял участие в военной экспедиции Карла VI в Бретань. Целью кампании был захват силой Пьера де Краона, попытавшегося месяцем ранее убить коннетабля Франции Оливье де Клиссона, а затем спешно покинувшего королевство и укrywшегося у Жана де Монфора⁷. Несмотря на личное обращение монарха, герцог Бретонский отказался выдавать своего родственника, которому грозила смертная казнь за покушение на жизнь столь высокопоставленного чиновника, а потому французский отряд во главе с Карлом отправился в путь и 24 июля 1392 г. достиг Ле-Мана. Здесь, однако, произошла задержка, поскольку король, по заявлению сопровождавших его врачей, был болен и состояние его ухудшалось: правителя лихорадило, у него наблюдалось спутанное сознание, он не мог внятно изъясняться и совершал «недостойные его особы поступки»⁸. Тем не менее, 5 августа войско продолжило путь. Карл VI двигался во главе своего личного отряда, когда лязг оружия внезапно спровоцировал у него необъяснимый приступ бешенства. Король выхватил меч и принялся наносить удары направо и налево, не узнавая собственных приближенных. Часть из них в панике обратились в бегство, другим же

⁴ Праздник продолжался с 22 по 24 августа 1389 г.: *Chronique du Religieux de Saint-Denys*. T. 1. P. 606–616; *Œuvres complètes de Froissart. Chroniques*. T. 14. P. 5–25.

⁵ “Environ l’Ascension retourna le roi de France à Paris en bon point et en bon estat, et se loga en son hostel à Saint Pol, ... et ja y estoit la royne de France venue et la duchesse de Thouraine” (Ibid. P. 390).

⁶ *Autrand F. Charles VI. La folie du roi*. P., 1986. P. 271–286; *Collas E. Op. cit.* P. 109–111.

⁷ *Guenée B. Un meurtre, une société. L’assassinat du duc d’Orléans 23 novembre 1407*. P., 1992. P. 99–100.

⁸ “...le roy de France, luy séjournant en la cité du Mans, ... n’avoit esté toute la saison, mais foible de chief, petitement beuvant et mengant, et près tous les jours en challeur de fièvre et de chaude maladie” (*Œuvres complètes de Froissart. Chroniques*. T. 15. P. 36); “Quam familiares ejus non immerito mirabantur; nam ab augusti mensis principio, velut vir non sane mentis, verbis fatuis utendo, gestus eciam majestatem regiam dedecentes exercuerat inter eos” (*Chronique du Religieux de Saint-Denys*. T. 2. P. 18).

удалось схватить монарха, связать его и на телеге отвезти обратно в Ле-Ман⁹ (Илл. 3).

Так началась «странная и никому доселе неведомая» болезнь¹⁰, которая не оставляла Карла VI на протяжении последующих тридцати лет, вплоть до его смерти в 1422 г. Приступы помешательства – когда правитель Франции не узнавал никого из окружающих, не помнил ни своего имени, ни титула и уничтожал любые попадавшие ему на глаза изображения собственного герба¹¹ – были нерегулярными и могли длиться от нескольких дней до нескольких месяцев. Несмотря на все усилия медиков, знахарей и даже колдунов, привлеченных для консультаций¹², причины таинственного недуга оставались неясными. А потому очень скоро по королевству и прежде всего по Парижу поползли слухи о том, что Карл VI не просто болен – на него навели порчу¹³.

Отчасти эти сплетни имели под собой вполне реальную основу. Ведь еще в 1390 г. в столице был арестован некий Жан Ле Поршье, «носивший одежду монаха-отшельника» (*en habit d'ermitte*), который под пыткой признался в том, что вместе с двумя приятелями и своей любовницей, девицей легкого поведения¹⁴, пытался околдовать Карла VI и его младшего брата¹⁵. Дело кончилось казнью обвиняемого, однако в 1392 г., учитывая

⁹ Подробнее о начале болезни Карла VI см.: Guenée B. La folie de Charles VI, le roi Bien-Aimé. P. 2004. P. 8–11; Autrand F. Op. cit. P. 290–295.

¹⁰ “Sed, ut in procursu rerum adversa et inconsueta emergunt, hoc nequi vit infirmitate mirabili alias inaudita prepeditus” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 18).

¹¹ “Dictu sane mirabile et auditu mirabilius, non solum se uxorum liberosque genuisse denegabat, ymo suimet et tituli regni Francie oblitus, se non nominari Karolum, nec deferre lilia asserebat; et quociens arma sua vel regine exharata vasis aureis vel alicubi videbat, ea indignantissime debebat” (Ibid. P. 86–88).

¹² “...nec subsidio medicorum remedium potuit adhiberi, ymo nec radix infirmitatis cognosci, quamvis super hoc multas collaciones celebrasse. Regis egritudinem indecentem, gravem molestiam, decuriones impatientissime perferentes, non curabant licitis an illicitis ejus incolumitatem procurarent. Unde quendam prestigiatorem et maleficum, nomine Arnaudum Guillelmi, de Guienne accersierunt partibus, qui eum solo sermone se curaturum proximo jactitabat” (Ibid. P. 88).

¹³ “...et prout fama publica refferebat, quorumdam malignoum sortilegiis detentus... Scio tamen quod ex alienacione sensuum interiorum hanc rationem sumebant” (Ibid. P. 86).

¹⁴ “...ledit hermite estoit homme de mauvaise vie et renommée, et souspeçonné d'estre larron, et qui avoit mené lonc temps une fille de pechié par pays” (Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vols. P., 1861. T. 1. P. 310–322, здесь P. 315).

¹⁵ “...lesquelz, après ce qu'ilz orent parlé ensamble, appointèrent qu'ilz cueilleroyent très-grant quantité de certaines herbes que ledit hermite de Roussillon moustra à lui qui parle, et quant ilz en auroyent grant quantité, ilz vendroient à Paris, et feroient de la poudre pour empoisonner le roy et mons. de Touraine... Et dist, sur ce requis, que icellui complot de faire lesdites poudres et poisons pour enpoisonner le roy et mons. de Touraine, ilz ont fait par entre eulx, de leur mauvaise volenté, sans le sceu, requeste, moucion ou ennortement de personne quelconques” (Ibid. P. 316).

физическое и психическое состояние короля, об этом процессе вспомнили вновь¹⁶. Особенно же активно слухи о колдовстве, якобы ставшем причиной недуга Карла VI, начали распространяться в 1393 г., когда во время второго приступа помешательства несчастный монарх перестал узнавать собственную супругу Изабеллу Баварскую¹⁷, а из всех прочих дам выносил общество лишь своей «любимейшей сестры» – Валентины Висконти, которой наносил ежедневные визиты¹⁸. Ее-то «общественное мнение» (*fama publica*) и назначило главной виновницей странного заболевания монарха – ведьмой, околдовавшей Карла VI и стремившейся лишь к тому, чтобы трон перешел к ее мужу, Людовику Орлеанскому¹⁹.

Французские авторы конца XIV – первой половины XV в., пересказывавшие подобные слухи о Валентине Висконти, давно и хорошо известны историкам. Однако происхождению этих домыслов оказалось посвящено, насколько я могу судить, всего одно специальное исследование – работа Алана Маршандиса²⁰. Бельгийский ученый предположил, что родоначальником «черной легенды» о герцогине Орлеанской стал Жан Фруассар – единственный, кто высказывался о ней сугубо негативно и безоговорочно верил в справедливость ее репутации ведьмы.

¹⁶ Guenée B. La folie de Charles VI. P. 63–64, 74–88; Autrand F. Op. cit. P. 295–296.

¹⁷ “Quantis ob hoc venerabilis regina atterebatur doloribus scribere non valerem... Nam quociens fatigata suspiriis ac gemitibus eum visitabat... verbis eam abiciebat dulciter suis dicens: ‘Que est ista que me tedet eam videre?’...” (Chronique du Religieux de Saint-Denis. T. 2. P. 88).

¹⁸ “Super omnes mulieres dominam ducissam Aurelianensem aspicere cupiebat, ipsamque vocans sororem dilectissimam, diebus singulis visitabat” (Ibid.); “...le roy en ses maladies ne vouloit point la royne voir, ne congnoistre, ne nulle femme du monde, fors celle duchesse” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261).

¹⁹ “...car elle estoit moult envieuse et convoiteuse sur les délices et estas de ce monde, et volentiers eüst veu que son mary le duc d’Orléans fuist parvenu à la couronne de France, ... et couroit sur elle fame et escandèle général que toutes les enfermetés que le roy de France oy eues et avoit encoires moult souvent, dont nul médechîn ne le sçavoit, ne pavoit conseilïer, venoient de elle et par ses ars et par ses sors” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 260). Вполне возможно, что слух о желании Валентины Висконти заполучить французский трон для собственного супруга опирался на тот факт, что именно в 1393 г. Людовик Орлеанский был объявлен регентом королевства в том случае, если его старший брат умрет, а наследник престола еще не достигнет совершеннолетия, т.е. 14-ти лет: Ordonnances des rois de France de la troisième race. P. 1723–1849. 22 vols. T. 7. P. 517–522, 530–538.

²⁰ Marchandisse A. Milan, les Visconti, l’union de Valentine et de Louis d’Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains // Autour de XVe siècle. Journées d’étude en l’honneur d’Alberto Varvaro / Ed. par P. Moreno et G. Palumbo. Genève, 2008. P. 82–103. В недавней монографии Петера Горзоллы, посвященной использованию обвинений в занятиях колдовством как одного из важных инструментов в политических играх при дворе Карла VI, не рассматривается вопрос о влиянии на эти процессы предшествующей традиции, в том числе литературной: Gorzolla P. Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster, 2019. S. 83–120, 375–392.

Знаменитый хронист действительно отзывался о невестке Карла VI в крайне нелестных для нее выражениях. Даже в описание сцены торжественного въезда Валентины Висконти в Париж в августе 1389 г. он ухитрился вставить невинное – но лишь на первый взгляд – замечание, касавшееся «ничем не примечательной» кареты принцессы, которая ничуть не выделялась на фоне экипажей прочих дам²¹. И чем дальше, тем все более жесткими становились оценки Фруассара. То он с презрением описывал ссору юной герцогини с пожилой и влиятельной супругой герцога Бургундского²². То авторитетно утверждал, что Валентина, вынашивая коварные планы по захвату французского трона, пыталась с помощью отравленного яблока умертвить наследника престола²³. То пересказывал историю семейства Висконти, уточняя, что и отец, и дед герцогини являлись узурпаторами власти и тиранами²⁴, использовавшими ради достижения своих преступных целей яды и колдовские зелья²⁵.

Столь же жестко критиковал хронист и Людовика Орлеанского. И если политические демарши герцога вызывали неудовольствие у многих его современников²⁶, то Жан Фруассар дополнял свои выпады весьма красноречивыми деталями. Так, повествуя о невероятной влюбчивости младшего брата короля²⁷, он как бы ненароком подводил читателя к мысли о том, что упоминавшаяся выше военная экспедиция в Бретань была вызвана смертельной ненавистью Людовика к Пьеру де Краону – его бывшему ближайшему другу и confidentу, которому он по секрету поведал об одной из своих многочисленных пассий. Бретонский сеньор якобы не стал держать язык за зубами и рассказал все супруге герцога Валентине Висконти²⁸. Когда же хронист добирался до событий в Ле-

²¹ “...la duchesse de Touraine n'avoit point la littière pour différer les autres” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 14. P. 6).

²² “La duchesse de Bourgoingne estoit la seconde après la royne, dont la duchesse d'Orléans n'estoit pas moult lye, car elle prenoit volentiers les honneurs et disoit ainsi à celles de son secret: ‘La duchesse de Bourgoingne ne peut par nulle condition devant moy venir à la couronne de France’” (Ibid. T. 15. P. 96).

²³ “Une pomme tout enveminée fut jetté tout en rondelant sur le pavement et devers le daulfin de Vienne le plus; car on cuida que il la deüst prendre, mais non fist par la grâce de Dieu qui l'en garda” (Ibid. P. 260).

²⁴ “...ce duc de Milan... et messire Galeas son pere régnèrent comme tirans” (Ibid. P. 254).

²⁵ “...firent morir messire Sansse par venin ou autrement” (Ibid. P. 255). См. также: Ibid. P. 256, 258, 259.

²⁶ Guenée B. Un meurtre, une société. P. 152–175.

²⁷ “Cils duc de Thouraine pour lors estoit jeune et amoureux, et volentiers veoit dames et damoiselles et se jouoit et esbatoit entre elles” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 14. P. 318).

²⁸ “Et tout premièrement la hayne vint du duc de Thouraine au dit messire Pierre de Craon par sa coulpe, car il révéla... les secrets du dit duc de Thouraine à madame de Thouraine... Le duc de Thouraine avoit pour lors tellement à grâce ce messire Pierre de Craon que il le tenoit pour son compaignon... et le menoit partout où il aloit et luy descouvroit tous ses secrets” (Ibid.).

Мане в августе 1392 г., он, описывая первый приступ помешательства Карла VI, не только утверждал, что дело происходило в лесу²⁹ (который в эпоху позднего Средневековья уже вполне устойчиво ассоциировался с шабашем ведьм³⁰), но и уточнял, что утративший рассудок монарх первым делом бросился с обнаженным мечом на собственного брата, обвиняя того в измене и угрожая расправой³¹.

Учитывая столь резкую критику герцога Орлеанского и его супруги со стороны Жана Фруассара, Алан Маршандис предположил, что именно его хроника – как сочинение, пользовавшееся большой популярностью еще при жизни автора, – если и не полностью сформировала общественное мнение в Париже и во всем королевстве, то оказала на него самое непосредственное и весьма существенное влияние. В подтверждение своей гипотезы историк приводил прежде всего тот факт, что Фруассар испытывал к Людовику Орлеанскому личную неприязнь, поскольку видел в нем политического противника тех, кто являлся его собственными покровителями, и прежде всего Ги II де Шатийона, который вынужден был продать герцогу графство Блуа³².

Моральный облик младшего брата короля – распутника и узурпатора власти – по мнению А. Маршандиса, также не устраивал знаменитого хрониста. Что же касается Валентины Висконти, то негативное отношение к ней бельгийский исследователь связывал с общей нелюбовью Жана Фруассара к придворным дамам, использующим ради достижения своих целей яды и магию. Кроме того, Валентина была иностранкой: она не просто происходила из семьи «потомственных» тиранов – ее родная Ломбардия славилась на всю Европу как один из главных рассадников колдовства³³.

Критика в адрес герцога и герцогини Орлеанских со стороны Жана Фруассара действительно заслуживает внимания. Однако его упреки не являлись чем-то уникальным: они присутствовали, к примеру, и в «Хронике Карла VI». Мишель Пентуэн также пересказывал ходившие по Франции слухи о явной склонности правителей Милана добиваться своих политических целей с помощью ядов³⁴, а жителей Ломбардии – даже

²⁹ “Il me fut dit, et je m'en laissay infourmer, ainsi que il chevauchoit et estoit entré en la forest du Mans...” (Ibid. T. 15. P. 37).

³⁰ О становлении этого устойчивого средневекового топоса см. подробнее: *Ferlampin C. Le sabbat des vieilles barbues dans Perceforest* // МА. 1993. № 3–4. P. 471–504; *Тозоева О.И. Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы* // In *Umbra: Демонология как семиотическая система* / Отв. ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 6. М., 2017. С. 9–42.

³¹ *Œuvres complètes de Froissart. Chroniques*. T. 15. P. 39–42.

³² О покровителях Жана Фруассара см.: *Croenen G. Froissart et ses mécènes: quelques problèmes biographiques* // *Froissart dans sa forge. Colloque réuni à Paris, du 4 au 6 novembre 2004*, par M. Michel Zink / Ed. par O. Bombarde. P., 2006. P. 9–32.

³³ *Marchandise A. Op. cit.* P. 89–92.

³⁴ *Chronique du Religieux de Saint-Denys*. T. 1. P. 712; T. 3. P. 130, 134.

в повседневной жизни использовать колдовство³⁵. Много внимания монах из Сен-Дени уделял и личности Людовика Орлеанского: он сообщал о чрезмерной любви младшего брата короля к роскоши, о его непомерных долгах, о крайне неудачных налоговых реформах, проведенных им в королевстве, о его провальной внешней политике, о его сознательном отказе прислушиваться к советам людей, сведущих в делах управления, о его бесконечных ссорах с ближайшими родственниками (прежде всего с герцогами Бургундским, Бурбонским и Беррийским) и с Парижским университетом³⁶. Все эти очевидные для Мишеля Пентуэна факты позволяли ему утверждать, что Людовик Орлеанский превратился в истинного тирана и, воспользовавшись болезнью Карла VI, посмел узурпировать власть в королевстве³⁷.

Таким образом, самой яркой характеристикой стиля Жана Фруассара была его явная предвзятость в отношении родного брата короля и его супруги. И эта личная неприязнь, по всей видимости, с годами лишь усугублялась, о чем свидетельствует позднейшая редакция тех глав «Хроник», в которых излагались события 1390-х гг.³⁸ Ее следы мы находим, в частности, в пассаже, повторно излагающем слухи о претензиях Людовика Орлеанского на французский престол и о поддержке, которую якобы оказывала ему в этом Валентина Висконти. Изначально в тексте речь шла лишь о том, что герцогиня собственноручно навела порчу на короля и пыталась отравить его детей³⁹, однако затем в повествование была дополнительно введена фигура *дьавола*, якобы открывшего придворным заклинателям всю правду о невестке Карла VI и о ее планах по захвату власти в королевстве⁴⁰. Иными словами, активно редактируя свой труд в последние годы жизни, уже в начале XV в.⁴¹, Фруассар недвусмысленно

³⁵ “.. in Lombardia, unde ducebat originem, intoxicaciones et sortilegia vigeant plus quam aliis partibus” (Ibid. T. 2. P. 88); “...et, tandem, quod in patria commune est, intoxicaverat veneno” (Ibid. T. 3. P. 132).

³⁶ Ibid. T. 3. P. 228–230, 266, 282–288, 310–316, 330–338, 458–462, 738.

³⁷ “Nac de causa multi imprecaciones, cum plus non possent, in duces Aurelianis absque erubescencie velo jaculabant, Christo supplicantes humiliter ut mitteret qui populum a tyrannide ipsius liberaret” (Ibid. P. 232, курсив мой – О.Т.).

³⁸ Уже после смерти Жана Фруассара его «Хроники» были условно разделены на четыре книги, из которых нас более всего интересует последняя. Она создавалась в 1398–1400 гг., а затем в нее вносились многочисленные исправления (возможно, неоднократные): Lefèvre S., Tyl-Labory G. Jean Froissart // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 771–776.

³⁹ “...car on disoit qu'elle vouloit empoisonner le roy et ses enfans, et jà l'avoit-elle bien ensorceré” (Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261).

⁴⁰ “...le roy estoit démené par sors et par charmes, et le sçavoient par le déable, qui leur révéloit cest affaire, ... car ils parloient si avant, disans que la duchesse Valentine d'Orléans et fille au duc de Milan faisoit cel encombrer et en estoit cause pour parvenir à la couronne de France” (Ibid. P. 353, курсив мой – О.Т.).

⁴¹ Исследователи расходятся во мнениях, когда и кто именно редактировал текст четвертой книги. Мишель Зенк полагал, что все исправления вносил сам автор, кото-

намекал, что Валентина являлась не какой-то полуграмотной знахаркой, но истинной ведьмой и верным адептом Нечистого, который и обучил ее преступному ремеслу.

Учитывая предположительное время создания четвертой книги «Хроник» (1398–1400 гг.) и ее позднейшую редактуру, сложно согласиться с Аланом Маршандисом в том, что Жан Фруассар был *первым* автором из тех, кто пересказывал слухи, ходившие о герцогине Орлеанской по Парижу⁴². Значительно раньше над сочинением, посвященным правлению Карла VI, начал работать Мишель Пентуэн, который – в отличие от своего геннегаузского коллеги – постоянно находился в столице или сопровождал монарха в его многочисленных разъездах, а также имел доступ ко всем документам королевской канцелярии⁴³. Монах из Сен-Дени трудился над «Хроникой» уже в 1388–1392 гг.⁴⁴, а потому его по праву можно назвать главным свидетелем эпохи⁴⁵.

Более того, как отмечал Бернар Гене, именно период 1390–1415 гг. оказался описан Мишелем Пентуэном наиболее подробно. В этих главах нашли отражение *все* хоть сколько-нибудь примечательные события, происходившие при дворе, в столице королевства, во всей стране и за ее пределами: самым тщательным образом было зафиксировано даже количество приступов болезни Карла VI за каждый год⁴⁶. И хотя монах из Сен-Дени впоследствии явно свой текст редактировал⁴⁷, исправления, по всей видимости, не коснулись рассказа о порче, якобы наведенной на короля его невесткой. Пентуэн – как и Фруассар – обращался к этому сюжету дважды, но своего доброжелательного отношения к Валентине Висконти не изменил. Многие французы, писал он, верили в колдовские способности герцогини, но подобные инсинуации основывались лишь на том, что она происходила из Ломбардии – родины всяческих ядов и зелий – а потому выглядели неправдоподобно⁴⁸. Вновь возвращаясь

рый имел четкий план «Хроник» и успел довести их до логического конца: Zink M. *Littérature française du Moyen Age*. P., 1992. P. 305–308; *Idem*. *Froissart et le temps*. P., 1998. P. 89–90, 110. Альберто Варваро, напротив, высказывал предположение, что последняя редакция четвертой книги принадлежала уже не Фруассару, но его продолжателям, закончившим эту работу после 1404 г.: Varvaro A. *La Tragédie de l'Histoire: La dernière œuvre de Jean Froissart*. P., 2011. P. 39, 53–56, 65–70, 79–87.

⁴² Marchandise A. *Op. cit.* P. 88, 91.

⁴³ Pommerol M.-H. *Religieux de Saint-Denis // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age*. P. 1250–1251; Guenée B. *Un roi et son historien. Vingt études sur le règne de Charles VI et la "Chronique du Religieux de Saint-Denis"*. P., 2001. P. 33–49, 51–56, 91–139.

⁴⁴ *Ibid.* P. 41–42.

⁴⁵ *Ibid.* P. 9.

⁴⁶ *Ibid.* P. 51.

⁴⁷ Бернар Гене полагал, что описание событий 90-х гг. XIV в. обрело свой законченный вид лишь спустя примерно 10 лет: *Ibid.* P. 42.

⁴⁸ "Quod multi in partem interpretabantur pejorem, non tamen dicam probabilem; sed quod eis videbatur verissimile, allegantes quod in Lombardia, unde ducebat originem,

к той же теме хронист настаивал, что «не имелось ни малейших доказательств», что столь достойная дама могла решиться на такое преступление, и слухи о нем распускали лишь «люди недалекие, верящие в колдовство и некромантию»⁴⁹.

Таким образом, даже если Мишель Пентуэн и Жан Фруассар могли встречаться лично и обмениваться информацией⁵⁰, сообщения геннегаузского интеллектуала оказывались все же *вторичными* по отношению к тексту «Хроники Карла VI». Вероятно, он действительно писал ярче и интереснее, нежели его парижский коллега⁵¹. Но положение монаха из Сен-Дени как *официального* королевского историографа заставляет предполагать, что и его мнение могло быть услышано и приниматься в расчет – во всяком случае, в образованных столичных кругах.

Точку зрения Мишеля Пентуэна поддерживал еще один современник и очевидец событий – Эташ Дешан (1346–1406/1407), придворный поэт и ближайший сподвижник Людовика Орлеанского, на службе у которого он состоял практически всю жизнь⁵². Вне всякого сомнения, его положение в обществе обуславливало лестные отзывы о супруге герцога, содержащиеся в его балладах, часть из которых были непосредственно посвящены Валентине Висконти⁵³. Однако для нас наибольший интерес представляет всего одна из них – *En Orient servent de tel beuvrage*, где автор затрагивал проблему распространения во Франции различных магических практик и рекомендовал соотечественникам держаться подальше от выходцев с Востока, с Пиренеев, Аппенин и с Сицилии, ведь для них колдовство давно превратилось в привычное занятие⁵⁴. Точно такое же предубеждение Дешан испытывал и против ломбардцев, поскольку их

intoxicaciones et sortilegia vigeant plus quam aliis partibus” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 88, курсив мой – О.Т.).

⁴⁹ “Quod tam generosa ducissa perpetraverit tantum malum, *nunquam homo habuit pro comperto*, nec quis potest ipsam propter hoc diffamare. Et sentanciam vulgalem de sortilegiis a fatuis, nigromanticis et supersticiosus viris procedentem negare in animo est” (Ibid. P. 406, курсив мой – О.Т.). Подробнее об отношении монаха из Сен-Дени к этим слухам см.: *Guenée B. L'Opinion publique à la fin du Moyen Age d'après la “Chronique de Charles VI” du Religieux de Saint-Denis. P., 2002. P. 59–60, 96–97; Idem. La folie de Charles VI. P. 91–98.*

⁵⁰ *Marchandisse A. Op. cit. P. 88.* Противоположная точка зрения: *Guenée B. Un roi et son historien. P. 27–28.*

⁵¹ *Marchandisse A. Op. cit. P. 87–88; Zink M. Littérature française du Moyen Age. P. 306; Varvaro A. Op. cit. P. 171.*

⁵² *Zumthor P., Lefèvre S. Eustache Deschamps // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 429–432; Millet H. Biographie d’ Eustache Deschamps // Eustache Deschamps en son temps / Sous la dir. de J.-P. Boudet et H. Millet. P., 1997. P. 9–16.*

⁵³ *Deschamps E. Œuvres complètes / Ed. par A.H.E. de Queux de Saint-Hilaire, G. Raynaud. P., 1878–1903. T. 3. P. 166–167; T. 4. P. 21–22, 269–270; T. 7. P. 122–123; T. 8. P. 27–28.*

⁵⁴ “Soubtils es ars qui font les mauvais pendre; / Sortileges et enchanteur felon, / D’ars deffendus se font mains d’eulz reprendre” (*Deschamps E. En Orient servent de tel beuvrage // Deschamps E. Œuvres complètes. T. 3. P. 282–283, здесь P. 282. Совре-*

«слова расходятся с делом», а «напитки вызывают сомнение»⁵⁵. Иными словами, речь шла о тех же самых слухах, связанных с местом рождения Валентины Висконти, которые пересказывали в своих хрониках Жан Фруассар и Мишель Пентуэн. Баллада *En Orient servent de tel beuvrage* была предположительно создана в 1389 г.⁵⁶, а сам поэт по крайней мере дважды побывал в Ломбардии – в 1360 г., в связи со свадьбой Джан Галеаццо Висконти с Изабеллой Валуа, и в 1391 г. – вместе с Людовиком Орлеанским⁵⁷. Более того, примерно в то же время Эташ Дешан написал небольшое прозаическое сочинение «Доводы против колдовства» (*Demoustrations contre sortilèges*)⁵⁸, в котором предупреждал правителей от чрезмерного увлечения магическими практиками, способного привести их самих и их королевства лишь к гибели⁵⁹.

Слухи о Валентине Висконти прекрасно знал и еще один французский автор – Оноре Бове (ок. 1345–1405), получивший степень доктора канонического права в Авиньоне, неоднократно бывавший в Италии, а в 1392 г. перебравшийся в Париж и поступивший на службу к Карлу VI⁶⁰. При королевском дворе была написана большая часть произведений Бове и в том числе – поэма *Apparicion maistre Jehan de Meun*, законченная в сентябре 1398 г. и посвященная одновременно Людовику Орлеанскому, его супруге и Жану де Монтегю, главному казначею и фавориту французского монарха⁶¹. Оноре Бове описывал свой сон, в котором его посещали самые различные персонажи и, в частности, некий врач, сообщавший ему о болезни Карла VI и жаловавшийся на то, что столицу ко-

---

менное издание с комментариями: Eustache Deschamps en son temps. P. 243–244, 262–263, здесь P. 244).

⁵⁵ “Gardez vous de leurs agais / Et de Lombars, soiés soubtilz et gaie, / Vous d’Occident; ilz dient un langaige / Et autre font, leur boire est douteux, mais / En Orient servent de tel beuvrage” (*Deschamps E. En Orient servent de tel beuvrage*. P. 283; Eustache Deschamps en son temps. P. 244).

⁵⁶ Millet H. Op. cit. P. 6; Eustache Deschamps en son temps. P. 243.

⁵⁷ Millet H. Op. cit. P. 12. О тесных связях Французского королевства и герцогства Миланского на рубеже XIV–XV вв. см. прежде всего: Gilli P. *Au miroir de l’humanisme. Les représentations de la France dans la culture savante italienne à la fin du Moyen Age* (с.1360-с.1490). Rome, 1997. P. 226–243.

⁵⁸ Издатель наследия Э. Дешана Гастон Рейно датировал это произведение 1361 г. Мирен Лакассань более осторожно указывала на последнюю четверть XIV в.: Lacassagne M. Eustache Deschamps: “démonstration” contre “sortilèges” // *Magie et illusion au Moyen Age*. Aix-en-Provence, 1999. P. 294–305, здесь P. 294.

⁵⁹ Deschamps E. *Demoustrations contre sortilèges* // Deschamps E. *Œuvres complètes*. T. 7. P. P. 192–199.

⁶⁰ Lefèvre S. Honoré Bovet (ou Bouvet) // *Dictionnaire des Lettres françaises. Le Moyen Age*. P. 685–686; Biu H. Honorat Bovet // *Histoire littéraire de la France*. Vol. 43 (1). P., 2005. P. 83–128.

⁶¹ Guenée B. *La folie de Charles VI*. P. 93. Из этих рукописей до наших дней сохранились лишь две: Honoré Bovet. *Apparicion maistre Jehan de Meun* // BNF. Ms. fr. 811 (экземпляр Валентины Висконти); Honoré Bovet. *Vision du prieur de Salon* // BNF. Ms. fr. 810 (экземпляр Жана де Монтегю).

ролевства наводнили «злобные прорицатели и колдуны», якобы готовые исцелить правителя, но в действительности желавшие его извести⁶². Более того, они бросали тень на «многих знатных персон, чистых, верных, скромных и добропорядочных», которых выставляли своими сообщниками⁶³. В итоге слухи о том, что короля отравили или на него навели порчу, переполняли столицу, хоть и распространяли их «люди недалекие», а потому верить им было нельзя⁶⁴. Ведь за подобными сплетнями, авторитетно заявлял Оноре Бове, всегда стоит сам дьявол, «коннетабль любой лжи», стремящийся лишь к тому, чтобы разрушить «мир, любовь и согласие»⁶⁵.

Несмотря на то, что в тексте поэмы Валентина Висконти ни разу не называлась по имени, современники автора не сомневались: речь идет именно о ней. Прежде всего, в *Apparicion* упоминалась ее родная Ломбардия, которая – наравне с Фландрией – уже пострадала от происков дьявола; та же самая участь грозила теперь и Французскому королевству⁶⁶. Однако особый интерес представляет для нас стихотворное посвящение герцогине Орлеанской: в предназначавшейся ей рукописи оно располагалось на отдельном листе в самом начале текста⁶⁷, и в нем Оноре Бове призывал свою покровительницу не обращать внимания на распространяемые о ней небылицы и уповать на Господа, который, безусловно, накажет обманщиков смертью. «Ложь долго не живет», писал он, и «после зимы всегда наступает лето»⁶⁸.

Поэма *Apparicion maistre Jehan de Meun*, как и произведения Эсташа Дешана и Мишеля Пентуэна, свидетельствует, что слухи о Валентине Висконти и о ее возможном увлечении колдовством начали фор-

⁶² “Or sont venus meschans devins / Sorceliers, arquimans, coquins / Qui cuident par art d’invoquer / Sans dieu les malades saner” (*Honoré Bovet. Apparicion maistre Jehan de Meun. Fol. 6v*).

⁶³ “Sy a diffame maint grans personnes / Nettes, loyaux, feaulx et bonnes / Plus chier ameroient la mort / Qu’a leur seigneur faire tel tort / Comme de luy tolir sante / Et mettre a chestivete” (*Ibid.*).

⁶⁴ “Lygnorant gent prent tel propos / Duquel vrayement ne me los / C’un prince n’aye maladie / Ne prengne desroy par folie / Se ce ne vient par trayson / Par sorcerie ou par poison / Et vecy fole oppinion / Simple ymagination” (*Ibid. Fol. 6*).

⁶⁵ “Cest la soutilte du deable / Qui de mensonge est connestable / Qui tousiours par division / Fait perdre tant noble don / De paix, d’amour et de concorde” (*Ibid. Fol. 7*).

⁶⁶ “Regardes Flandre la puissant / Par division descroissant / Par division lombardie / N’eust jamaiz guerre finie / Or s’est venue essayer / Se pourra France enveminer” (*Ibid.*).

⁶⁷ В рукописи, принадлежавшей Жану де Монтегю, посвящение, напротив, оказалось перенесено в самый конец: *Honoré Bovet. Vision du prier de Salon. Fol. 36*.

⁶⁸ “Et condempnee par tres faulx Jugement / A soffrir mort assez vilainement / Mais dieux du ciel qui fais vrays Jugemens / Tourné la mort sur les faux accusans... Car ja mensonges et leurs faulx diffamer / Non sont que songes ou l’escripture ment / C’est verite vraye conclusion / Que tous baraz sormonte loyaulte / Tres haulte dame entendes ma chançon / Aprez yver Revendrons en este” (*Honoré Bovet. Apparicion maistre Jehan de Meun. Fol. 8*).

мироваться, по всей видимости, значительно раньше, чем к созданию своих «Хроник» приступил Жан Фруассар. Очевидно, что в изначальном виде эти сплетни существовали в устной форме, а потому имя их «автора» мы никогда не узнаем⁶⁹. Данный факт Алан Маршандис, как мне представляется, вовсе не учел в своих построениях, как не учел и сугубо литературный контекст, в рамках которого легенда о супруге Людовика Орлеанского обрела законченный вид, во многом обусловленный идеями, высказанными за два с лишним века до того Иоанном Солсберийским⁷⁰.

Образ развратной женщины, использующей магию, дабы добиться расположения правителя, к концу XIV в., как я уже упоминала, был прекрасно знаком образованным французам. Он регулярно появлялся не только в высокоученых трактатах политического или исторического толка, но и в художественной литературе. Подобные рассуждения мы встречаем, в частности, в балладах того же Эсташа Дешана, который и вовсе ставил знак равенства между проституткой и ведьмой⁷¹, а также предупреждал своих знатных читателей-мужчин от заключения браков «по велению похоти»: в таком союзе, писал он, жена всегда подчиняет себе мужа и лишает его свободы воли (*Franche Voulenté*)⁷². В стихотворном посвящении герцогине Орлеанской Оноре Бове сравнивал ее с Сусанной – ветхозаветной героиней, ложно обвиненной в прелюбодеянии и приговоренной к смерти, но в последний момент спасенной пророком Даниилом⁷³. Иными словами, и в его *Apparicion* присутствовала идея

⁶⁹ О формировании слухов в средневековом обществе см. прежде всего: *Gauvard C. Rumeur et stéréotype à la fin du Moyen Age // La Circulation des nouvelles au Moyen Age. XXXe Congrès de la SHMES. Rome, 1994. P. 157–177; Eadem. Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du XVe siècle // Hypothèses – 2000. P., 2001. P. 281–292; Fama. The Politics of Talk and Reputation in Medieval Europe / Ed. by T. Fenster and D.L. Smail. Ithaca; L., 2003.*

⁷⁰ Знакомство монахов Сен-Дени с идеями «Поликратика» Иоанна Солсберийского происходило, по всей видимости, опосредованно – через «Историческое зеркало» Винсента из Бове, которое имелось в их библиотеке уже в 1260–1270 гг.: *Brown E.A.R. Vincent de Beauvais and the reditus regni francorum ad stirpem Caroli imperatoris // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique. P. 167–196, здесь P. 186–187.*

⁷¹ “Putain, sorciere, et dont venez, / Qui avez desrobé maint bon, / Et au gibet cheveux coupez, / Piez et mains, tel est vo renom, / Pour ensorceler ja pardon / N’arez; vostre vie chancelle: / Ars serez a un fourgon, / Vielle ribaude et maquerelle” (*Deschamps E. Sote chanson de cinq vers a deux visages a jouer de personnages // Deschamps E. Œuvres complètes. T. 6. P. 212).*

⁷² “Las! Franchise, je me confesse / A vous et a Venus la deesse / De vos biens que j’ay deguerpy, / Que je receus en ma juvenesse / Par vostre don en grant largesse, / Qui me sont de tous poins failli, / Qu’une vielle m’a assailli / Qui est Couvoitise nommée / Et m’a fait marier a li: / De male heure fust elle née!” (*Idem. Comment homme franc avant mariage, plaint sa franchise, lui marié // Deschamps E. Œuvres complètes. T. 8. P. 192).*

⁷³ Дан. 13: 19–46.

о женщине-распутнице, занимающейся колдовством, какой и хотели видеть невестку Карла VI ее противники⁷⁴.

Именно эта установка и легла, как мне представляется, в основу «черной легенды» о Валентине Висконти – принцессе, унаследовавшей склонность к занятиям колдовством от своего отца-тирана и удачно вышедшей замуж за похотливого распутника, рвущегося к власти. Вместе герцог и герцогиня Орлеанские составили «идеальную» пару дурных советников, обретающихся при дворе правителя, тем более что Людовик являлся не только родным братом Карла VI, но и самым близким ему человеком⁷⁵.

Однако помимо сугубо литературного контекста, способствовавшего уточнению и распространению легенды о Валентине Висконти, Алан Маршандис не уделил, как мне кажется, должного внимания куда более важному аспекту данной истории – той политической ситуации, что складывалась в конце XIV в. во Франции, и, в частности, многолетней вражде Людовика Орлеанского и Филиппа II Смелого, герцога Бургундского (1342–1404), боровшихся друг с другом за влияние на Карла VI и за возможность лично управлять делами страны⁷⁶. Тем не менее, если рассматривать причины возникновения интересующих нас слухов о колдовстве при королевском дворе, следует признать: они могли быть запущены целенаправленно и использоваться сторонниками герцога Бургундского как одно из верных средств политической пропаганды. И хотя у нас нет никаких *прямых* доказательств, подтверждающих эту гипотезу, мы располагаем исчерпывающей информацией о страшном итоге затяжного конфликта двух принцев крови – убийстве герцога Орлеанского, последствия которого позволяют, на мой взгляд, с большей уверенностью судить о происхождении «черной легенды», связанной с именем «любимейшей сестры» Карла VI.

⁷⁴ “Belle Susanne par sa grant saintite / Fut accusee sans nulle verite” (*Honoré Bovet. Apparicion maistre Jehan de Meun. Fol. 8*). Любопытно в этой связи отметить, что самая первая миниатюра в рукописи, на которой был изображен Оноре Бове, преподносящий свой труд Валентине Висконти (*Ibid. Fol. 1v*), была выполнена так называемым Мастером «Поликратика» Карла V – художником, оформившим одну из копий французского перевода сочинения Иоанна Солсберийского: *Jean de Salisbury. Policratique // BNF. Ms. fr. 24287. Fol. 2* (портрет Карла V). Подробнее см.: *Avril F. Le parcours exemplaire d'un enlumineur parisien à la fin du XIVe siècle. La carrière et l'œuvre du Maître du Policratique de Charles V // De la sainteté à l'hagiographie. Genèse et usage de la Légende dorée / Ed. par B. Fleith et F. Morenzone. Genève, 2001. P. 266–282, здесь P. 271.*

⁷⁵ Об этом честно сообщал даже критически настроенный Жан Фруассар: “Le roy le recueilly doucement et lyement, car moult l'aymoit” (*Ceuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 14. P. 320*).

⁷⁶ Подробнее о политическом противостоянии двух герцогов, послужившим причиной убийства Людовика Орлеанского, см.: *Schneer B. Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. P., 1988. P. 15–97; Guenée B. Un meurtre, une société. P. 202–210.*

Вечером 23 ноября 1407 г. Людовик Орлеанский с «очень маленькой свитой, что совершенно не соответствовало его статусу», выехал из дворца Барбет, где в то время проживала королева Изабелла Баварская. Спустя всего несколько минут на него было совершено нападение: человек десять, поджидавших его в укромном месте на улице Тамплъ, скрывая лица под масками, набросились на герцога и его кортеж. Слуги Людовика в панике разбежались, а сам он, получив несколько смертельных ранений в руку и в голову, скончался на месте⁷⁷ (Илл. 4). Уже через час на место преступления прибыл прево Парижа Гийом де Тиньонвиль, распорядившийся перенести тело герцога в церковь Блан-Манто и оповестить его ближайших родственников о случившемся⁷⁸. На следующий день, 24 ноября, в церкви целестинцев (в районе Ле Аль) состоялись похороны Людовика Орлеанского – «самого могущественного [человека] после короля и его детей»⁷⁹. За гробом шли Людовик II Анжуйский (1377–1417), король Сицилии и дядя герцога по материнской линии, Жан Беррийский (1340–1416) и Людовик Бурбонский (1337–1410), дядья по отцовской линии, а также Жан Бесстрашный, герцог Бургундский (1371–1419), двоюродный брат покойного.

Расследование этого страшного злодеяния, начавшееся сразу же, очень быстро дало первые результаты. Все указывало на то, что заказчиком убийства являлся герцог Бургундский: от его имени и на его деньги был снят дом на улице Тамплъ, где заговорщики ждали свою жертву; в его парижском дворце часть из них укрылась после совершенного преступления; в его землях исчез и главный исполнитель – Рауль д'Октонвиль⁸⁰. Уже 25 ноября прево столицы Гийом де Тиньонвиль явился на заседание королевского совета, члены которого собрались во дворце Сен-Поль, резиденции Карла VI. Однако еще до того, как чиновник приступил к докладу, Жан Бесстрашный, отозвав в сторону Людовика Анжуйского и Жана Беррийского, признался в том, что именно он «по наущению дьявола» приказал убить Людовика Орлеанского⁸¹. Двадцать

⁷⁷ “Ce jour, au soir, environ huit heures, messire Loiz, ... duc d'Orleans, ... en revenant de l'ostel de la Royne, qui est près de la porte Barbette, vers l'église des Blans Manteaus, accompagné moult petitement selon son estat, ... fu par VIII ou X hommes armez ... tué et murtri” (Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Publ. par A. Tuetey. P., 1885. T. 1. P. 206).

⁷⁸ Enquête de prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans / Ed. par P. Raymond // BEC. 1865. T. 26. P. 215–249, здесь P. 216–218.

⁷⁹ “...qui estoit le plus grant de ce royaume après le Roy et ses enfans” (Journal de Nicolas de Baye. P. 207).

⁸⁰ Enquête de prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans. P. 243–244.

⁸¹ “Et adonc, le duc Jehan de Bourgongne... eut doubtaunce et crainte, et pour ce, tira il à part le roy Loys et le duc de Berry, son oncle, et en brief leur confessa et dist que par l'introduction du dyable il avoit fait faire cet homicide par Raoulet d'Actonville et ses complices” (Monstrelet E. de. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq. P., 1890. T. 1. P. 162)

шестого ноября, не дожидаясь нового заседания королевского совета, герцог Бургундский спешно покинул Париж и укрылся в своих владениях во Фландрии.

Последующие события, развернувшиеся во французской столице, хорошо нам известны⁸². Новость о совершенном Жаном Бесстрашным преступлении разлетелась по городу мгновенно⁸³ и показалась жителям Парижа совершенно невероятной, ведь многие из них знали, что герцог Бургундский, долгие годы враждовавший со своим двоюродным братом, всего за несколько дней до убийства, 20 ноября, торжественно с ним помирился, поклявшись в «искренней любви и братской дружбе» (*bon amour et fraternité*), и скрепил этот договор совместным обедом у Жана Беррийского в Нельском замке⁸⁴.

Однако в признании Жана Бесстрашного никто, очевидно, не сомневался, а потому именно против него был подан судебный иск, с которым вдова Людовика Валентина Висконти обратилась к Карлу VI, добившись от него права на опеку над собственными детьми, на управление частью земель покойного супруга, а также обещания примерно наказать его убийцу⁸⁵. Тем не менее, данное обещание осталось невыполненным: 8 марта 1408 г. в присутствии наследника престола, членов королевской семьи и многочисленных представителей знати Жан Пти (ок. 1360–1411), доктор теологии, профессор Парижского университета, а с 1406 г. советник Жана Бесстрашного⁸⁶, огласил составленное им «Оправдани-

⁸² См. о них прежде всего: *Guenée B. Un meurtre, une société.*

⁸³ “Ce jour, a esté dit et puplié de plusieurs que le duc de Bourgoigne... disoit et maintenoit qu'il avoit fait occire le duc d'Orleans, son cousin germain, par Rolet d'Auquetonville et autres, et sur ce s'est au jour d'ui parti de Paris” (*Journal de Nicolas de Baye. P. 208*).

⁸⁴ *Coville A. Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Genève, 1974. P. 384–387.*

⁸⁵ *Guenée B. Un meurtre, une société. P. 185, 203–208.*

⁸⁶ Так Жан Пти описал себя (или, скорее, был охарактеризован переписчиком) в заключительных строках «Оправдания»: “...la Justification du duc de Bourgogne, conte de flandres, d'arthetais et de bourgogne sur le fait de la mort du duc d'orleans proposee publiquement par la bouche de maistre jehan [le petit] docteur en theologie et conseiller du dit duc de bourgogne en l'ostel de saint paul” (*Jean Petit. Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, sur le fait de la mort du duc d'Orléans // BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 78*). Уточнение *le petit* было добавлено в Ms. fr. 5733 к основному тексту позднее, вероятно, в XVI в.: оно сделано на полях, другой рукой и другими чернилами. Из пятнадцати рукописей с текстом «Оправдания», дошедших до наших дней, данный кодекс – наравне с Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657 – считается лучшим. Они оба были изготовлены по заказу Жана Бесстрашного и, по всей видимости, предназначались для него лично или для членов его семьи: *Coville A. Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408) // BEC. 1911. T. 72. P. 57–91, здесь P. 72–77*. Полный текст сочинения Жана Пти остается до сих пор неизданным, его неточное и неполное изложение содержится, в частности, в «Хронике» Ангеррана де Монстреле (*Monstrelet E. de. Op. cit. T. 1. P. 177–242*) и в «Хронике» Пьера Кошона (*Chronique normande de Pierre Cochon. P. 224–237*).

е»⁸⁷, в котором обвинил Людовика Орлеанского в тирании и намерении завладеть французским престолом.

В действительности, как известно, существовало *три* различных документа, оправдывавших действия герцога Бургундского. Первый из них был составлен Симоном де Со, канцлером Жана Бесстрашного, уже в декабре 1407 г. и тогда же зачитан им в Генте, где собрались члены семьи и приближенные герцога. До нас этот текст, к сожалению, не дошел, однако, возможно, он послужил основой для второго варианта «Оправдания».

Еще один текст, также не доживший до наших дней, писался уже группой авторов, в которую, помимо Симона де Со, входили Жан Пти, Андре Котен, Николя де Савиньи, Пьер де Мариньи и Гийом Эври – советники Жана Бесстрашного. В первой половине января 1408 г. их совместное заявление было заслушано в Амьене на встрече герцога с его дядьями Людовиком Анжуйским и Жаном Беррийским, согласившимися стать посредниками между ним и королевским двором. По мнению Альфреда Ковиля, главным автором этого сочинения являлся Жан Пти, а потому именно ему Жан Бесстрашный поручил создание последнего, третьего, «Оправдания», которое и было зачитано во дворце Сен-Поль в Париже⁸⁸.

Историки неоднократно обращались к тексту этого сочинения⁸⁹, но в первую очередь их интересовала интерпретация сугубо *политических* мотивов, которыми, по мнению Жана Пти, руководствовался герцог Бургундский, замышляя убийство Людовика Орлеанского. Этим причинам действительно была посвящена большая часть «Оправдания», где автор чрезвычайно подробно описывал все преступления, совершенные родным братом Карла VI. Тот якобы наводнил страну своими военными отрядами, которые занимались разбоем, убийствами и поджогами, насиловали женщин. Он также поставил на все сколько-нибудь значимые должности преданных ему лично людей и существенно повысил налоги и подати – так, что они стали «невыносимыми», делая вид, что собранные столь недостойным образом деньги необходимы ему, дабы продолжать войну с «врагами королевства». В действительности же он, по сути дела, клад их в собственный карман и тратил на свои личные нужды⁹⁰.

⁸⁷ О подготовке этого заседания см. подробнее: Coville A. Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne. P. 61–63.

⁸⁸ Альфред Ковиль высказывал предположение, что третье «Оправдание» могло и не являться оригинальным произведением, но было идентично амьенскому варианту. Однако установить связь между этими двумя текстами не удастся в связи с утратой одного из них: Ibid. P. 58–61.

⁸⁹ См., в частности: Ibid. P. 84–89; Guenée B. Un meurtre, une société. P. 190–199; Gorzolla P. Op. cit. S. 129–135, 375–381.

⁹⁰ «...qui tient gens d'armes sur le pais qui ne font aultre chose que mengier et exiller le poure peuple, pillier, rober, raenconner, occir, tuer gens et prendre femmes à force. Et avec ce met capitaines es chateaulx, forteresces, ponts, et passages du dit royaulme. Et fait mettre sur tailles et empruns intollerables feignant que c'est pour mener la guerre contre les anemis dudit royaulme. Et aprez quant ils sont levees cueillies et mises ou

Все эти действия были, по мнению Жана Пти, предприняты Людовиком Валуа с намерением «ослабить короля и королевство и укрепить [собственные позиции], дабы достичь своей поистине гнусной цели – отнять у брата корону и власть в стране»⁹¹. Вот почему в «Оправдании» герцог Орлеанский был прямо назван «подлым и непокорным предателем» своего венценосного брата⁹², а его поступки – отнесены к категории тяжких уголовных преступлений, наносящих урон королевскому величию (*lese maieste royal*)⁹³. Именно так, развивал далее свою мысль Жан Пти, Людовик – на месте которого мог оказаться «любой подданный и вассал» правителя – превратился в конце концов в *истинного тирана*, угрожающего благополучию всего королевства, и должен был поплатиться за это смертью⁹⁴. Уничтожение такого человека, согласно «моральному, естественному и Божественному праву», являлось деянием не только справедливым и достойным похвалы, но и в высшей степени законным, и для его осуществления не требовалось чьего-либо соизволения или приказа⁹⁵. Таким образом, герцога Бургундского, по мнению Жана Пти, следовало полностью оправдать, о чем свидетельствовала и миниатюра, размещенная в самом начале двух основных списков «Оправдания» (Илл. 5)⁹⁶. На ней в аллегорической форме была изображена последняя схватка двух принцев крови: на волка, пытающегося стащить корону

tresor du Roy les emble, prent et ravist par sa force et puissance” (*Jean Petit*. Op. cit. Fol. 55–55v).

⁹¹ “...fait aleances aux anemis adversaires et malveullans des dis Roy et royaulme. En entencion de afflembier les dis Roy et royaulme apourier et se rendre plusfort et pluspuissant pour obtenir sa mauvaie et dampnee intencion. C’est assavoir de obtenir la couronne et seigneurie dudit Royaulme” (*Ibid.* Fol. 55v).

⁹² “...il doit estre pugny comme ... traistre du Roy faulx et desloyal a son souverain seigneur” (*Ibid.* Fol. 51v).

⁹³ “Et suppose pour verite que c’est le gregneur pechie qui soit ou puist estre que crime de lese maieste royal. Et la cause si est. Car c’est la plus noble chose et la plus digne qui puist estre que maieste royal. Et pour ce on ne peut faire gregneur pechie ne gregneur crime que de iniurier maieste royal” (*Ibid.* Fol. 13).

⁹⁴ “Il et tout tel subiect et vassal ainsy faisant doit estre puny comme tyrant faulx et desloyal aux dis Roy et Royaulme” (*Ibid.* Fol. 55v–56, курсив мой – О.Т.). “...et ainsy fu tirant et desloyal a son prince et souverain seigneur et a la chose publique du dit royaulme” (*Ibid.* Fol. 70v, курсив мой – О.Т.).

⁹⁵ “Il est licite a ung chascun subiect sans quelconques mandement ou commandement selon les loys moral, naturel et divine de occire ou faire occir ycellui traistre desloial et tirant et non pas tant seulement licite mes honorable et meritore” (*Ibid.* Fol. 34).

⁹⁶ *Ibid.* Fol. 2v. Бернар Гене полагал, что миниатюра – как и копии «Оправдания», в которых она присутствует, – была заказана самим Жаном Бесстрашным: *Guenée B. Un meurtre, une société*. P. 197. Рисунок пером, в общих чертах, хотя и в зеркальном отображении повторяющий данную миниатюру, присутствует еще в одном кодексе, содержащем сочинение Жана Пти. Эта копия также датируется 1408 г., но выполнена она на бумаге, а не на пергамене: *Chantilly, Musée Condé. Ms. 878. Fol. 2.*

с французской лилии, напал лев, наносящий ему смертельный удар лапой. Сцена сопровождалась соответствующим четверостишием⁹⁷.

Однако интересовало советника Жана Бесстрашного не только преступление против персоны короля. Политику герцога Орлеанского он также характеризовал как направленную против Божественного величия – против установлений самого Господа и его Церкви, т.е. как *lese maieste divine*⁹⁸. Желание заполучить корону и власть в королевстве привело Людовика, по мнению автора «Оправдания», к тому, что он окружил себя знатоками магии⁹⁹ и сам в результате превратился в колдуна, стремясь умертвить Карла VI при помощи заколдованного оружия и колец, порчи, заговоров и прочих злодеяний¹⁰⁰. При этом он покушался на жизнь не только самого правителя, но и его детей¹⁰¹, вступив в преступный сговор с герцогом Милана Джан Галеаццо Висконти, который желал видеть свою дочь единственной королевой Франции¹⁰². Вот почему Людовик пытался извести Карла VI и наследника престола при помощи

⁹⁷ “Par force le leu rompt et tyre / A ses dens et gris la couronne / Et le lyon par tresgrant ire / De sa pate grant coup luy donne” (*Jean Petit*. Op. cit. Fol. 2v). Тот же текст с единственным разночтением (*le leu rompt et tire*) воспроизводится в двух других рукописях: Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v; Musée Condé. Ms. 878. Fol. 1v.

⁹⁸ “Pourquoy il est assavoir qu’il est II manieres de maieste royal, l’une est divine et perpetuelle, l’autre est humaine et temporele... Je treuve II manieres de crimes de lese maieste royal. Le premier est crime de lese maieste divine. Et le second est crime de lese maieste humaine. Item il est assavoir que crime de lese maieste divine separt en II degrez. Le premier degre est quant on fait directement iniure ou offence au souverain seigneur et Roy qui est nostre Dieu et nostre createur comme tout ceulx qui commectent crime de heresie et ydolatrie. Le second degre est quant on fait iniure directement contre l’espouse de nostre souverain roy et seigneur nostre sauveur Jhesucrist. C’est assavoir contre sainte Eglise” (*Jean Petit*. Op. cit. Fol. 13–13v).

⁹⁹ К сюжету о вымышленных пособниках герцога Орлеанского – колдунах и некромантах – Жан Пти возвращался неоднократно на страницах своего сочинения. Все они, по мнению автора, помогали Людовику в изготовлении различных зелий и в наведении порчи на короля: Ibid. Fol. 50–52, 58–61v, 65v.

¹⁰⁰ “...tout subiect et vassal qui appenseement en machinant contre la sancte de son Roy... pour le faire mourir... par convoitise d’avoir la couronne et seigneurie fait consacrer ou... exsecrer espees, dagues, badelaires ou couteaux, verges d’or ou agneaux dedyer ou nom des dyables par nygromanciens faisans invocacions, caracteres, sorceries, charoys, supersticions et malefices... Il et tous ceux qui ce font ne commettent pas seulement crime de lese maieste humaine en premier degre. Mais commettent crime de lese maieste divine en premier degre” (Ibid. Fol. 49v–50). См. также: Ibid. Fol. 57v–58.

¹⁰¹ “...icelluy crimineulx duc a commis et perpetrez pour parvenir a sa mauvaie et dampnable intencion c’est assavoir a la tres noble et tres haulte couronne et seignourie de France et la tollir et substraire au roy nostre sire et a sa generacion” (Ibid. Fol. 75, курсив мой – О.Т.).

¹⁰² История Джан Галеаццо была рассказана Жаном Пти в мельчайших подробностях, включая эпизод с отравлением дяди герцога, Барнабо Висконти, и последующим захватом власти в Ломбардии: Ibid. Fol. 62v–64 v.

отравленных яблок¹⁰³. Таким образом, прямо не называя имени Валентины Висконти, Жан Пти, тем не менее, пересказывал те же самые слухи, которые ранее передавали Мишель Пентуэн, Эташ Дешан, Оноре Бове и Жан Фруассар и которые в итоге заставили молодую женщину покинуть Париж в 1396 г.¹⁰⁴ Под пером советника Жана Бесстрашного герцог Орлеанский с легкостью превращался в колдуна прежде всего потому, что этому способствовала его жена-ведьма.

«Двойное преступление» Людовика Орлеанского – направленное как против Бога, так и против земного правителя – заслуживало, по мнению автора «Оправдания», «двойной смерти» – казни и «вечного проклятия в геенне огненной»¹⁰⁵.

***

Учитывая, насколько плодотворно Жан Пти использовал те обвинения, что несколькими годами ранее высказывались в адрес Валентины Висконти, а теперь оказались предъявлены и ее покойному супругу, Алан Маршандис предположил, что советник Жана Бесстрашного вдохновлялся в данном случае «Хроникой» Жана Фруассара¹⁰⁶, хотя ничто в тексте трактата на это не указывало. В свою очередь, Бернар Гене настаивал, что в определении тирании – безусловно, главной темы всего «Оправдания» – легко различимы следы влияния Аристотеля, Григория Великого и Бартоло да Сассоферрато¹⁰⁷. Тем не менее, если внимательно изучить многочисленные ссылки, присутствующие в тексте, то из всех перечисленных авторов мы найдем упоминания об одном лишь Григории¹⁰⁸. В то же время, вне внимания французского историка оказался, как это ни удивительно, еще один из важнейших для Жана Пти авторитетов – Иоанн Солсберийский,

¹⁰³ “...qui par convoitise de venir a la couronne et segneurie dun Royaulme machine a faire empoisonner par pommes empoisonnees et venismeuses ou aultrement le Roy dudit Royaulme et ses enfans” (Ibid. Fol. 55). Эта история была рассказана в «Оправдании» дважды, см. также: Ibid. Fol. 73v-75.

¹⁰⁴ Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 2. P. 407; Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 261.

¹⁰⁵ “Il et tout tel subiect et vassal que ainssy fait est tyran traître et desloyal aux dis roy et royaulme et commet crime de lese maieste en premier et en seconde degrez... Et est digne de si villaine mort que la terre se oeure soubz ses piez et le transloutisse en corps et en ame” (Jean Petit. Op. cit. Fol. 54–54v). “Et comme crimineux de crime de lese maieste... est digne de double mort. C’est assavoir premiere et seconde id est morte corporal et eterna dampnacione scilicet in ignem eternum qui paratus est dyabolo et angelis suis matth. XXV” (Ibid. Fol. 56, курсив мой – О.Т.). Жан Пти ссылался в этом пассаже на Евангелие от Матфея: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мат. 25: 41).

¹⁰⁶ Marchandise A. Op. cit. P. 88.

¹⁰⁷ Guenée B. Un meurtre, une société. P. 192–194.

¹⁰⁸ Jean Petit. Op. cit. Fol. 31v, 33.

который был не только назван по имени: в «Оправдании» приводилась обширная цитата из «Поликратика», касавшаяся убийства тирана и законности подобного насильственного акта¹⁰⁹.

Как я упоминала ранее, в трудах западноевропейских авторов эпохи позднего Средневековья, уже знакомых с трудами Аристотеля, достаточно сложно вычлняются те идеи их предшественников, которыми они вдохновлялись, рассуждая о тирании¹¹⁰. Тем не менее, многие положения Жана Пти позволяют, на мой взгляд, с уверенностью утверждать, что именно «Поликратик» оказал на советника герцога Бургундского существенное влияние.

Тесная связь между двумя трактатами заметна прежде всего по тому, какое внимание в «Оправдании» уделялось проблеме распущенности и разврата, царивших при дворе правителя. Именно похоть Жан Пти объявлял первейшей причиной любого зла¹¹¹, именно она, с его точки зрения, подталкивала человека к отказу от истинной католической веры и заставляла предаваться запретным магическим практикам¹¹². Вместе же похоть и склонность к занятиям колдовством вели к узурпации власти¹¹³. К идентичному выводу, как мы помним, приходил и Иоанн Солсберийский: в «Поликратике» похоть также увязывалась с колдовством¹¹⁴ и с завистью, которая в конце концов превращала человека в тирана¹¹⁵.

¹⁰⁹ "La seconde auctorite est salesberiensis sacre theologie eximii doctoris in suo policratico... sic dicentis. Amico adulari non licet sed aures tyranni mulcere licitum est. Si namque scilicet tyranno licet adulari quem licet occidere. C'est a dire en francois. Il n'est licite a nul de flater so ami mais est licite de adoulcir les oreilles du tyran et endormir par belles paroles. Car puis qu'il est licite de occire le dit tyran il est licite de lui blandir par paroles et par signes" (Ibid. Fol. 35, курсив мой – О.Т.). Любопытно, что Жан Пти цитировал оригинальный латинский текст Солсберийца и сам переводил его на французский, не используя, по-видимому, труд Дени Фульша.

¹¹⁰ См. выше: Глава 1, прим. 88.

¹¹¹ Здесь в подтверждение своих слов Жан Пти вставлял в «Оправдание» рифмованные строки: "Dame convoitise est de tous maux la racyne / Plus qu'on est en ses las et on tient la doctrine / Apostas elle a fait aucuns tant l'ont amee / Les aultres desloiaulx bien est chose dampnee" (Jean Petit. Op. cit. Fol. 10).

¹¹² "C'est assavoir que dame convoitise a fait plusieurs estre apostas renoyer la foy catholique, ydolatrer et aourer les ydoles" (Ibid. Fol. 14v).

¹¹³ "Tout subiect et vassal qui par convoitise, barat, sortileges et mal engin machine contre le salut corporel de son roy... pour lui tollir et soubstraire sa tresnoble et treshaulte seignourie peche... et commet si horrible crime... de lese maieste" (Ibid. Fol. 31, курсив мой – О.Т.). "...il y doit avoir gregneur punicion ordonnee pour obvier aux perilz qui en peuvent advenir pour les reffraindre de la temptacion de l'enemi d'enfer et de convoitise" (Ibid. Fol. 33v, курсив мой – О.Т.). См. также: Ibid. Fol. 49v, 57.

¹¹⁴ "Non enim in sola immunditia vel gula consistunt opera carnis... ut sunt fornicatio, immunditia, avaritia, impudicitia, luxuria, idolorum servitus, veneficia, inimicitiae, contentiones, emulationes, irae, rixae, dissensiones, hereses, sectae, invidiae, homicidia, ebrietates, commesationes, et similia, quae qui committunt, regnum Dei non possidebunt" (Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 2. P. 210).

¹¹⁵ "Ad parricidii facinus in fratrem patriarchas excitavit invidia, ut nec impune revelare licuerit gratiam quam Spiritus innocenti monstrabat in sompnis" (Ibid. P. 213). В дан-

Не случайно в трактате Жана Пти, как и в сочинении английского схоластика, возникал образ Люцифера, возжелавшего не просто сравниться в могуществе с Богом, но полностью лишиться своего Творца власти, «узурпировав его честь и владения». Не случайно и здесь звучал мотив угодного Господу убийства тирана: дьявол был повержен архангелом Михаилом, который вступил с этим «неверным в битву и убил его», восстановив тем самым справедливость¹¹⁶. Не случайно многочисленные примеры из истории, приводимые и в «Оправдании», и в «Поликратике», должны были свидетельствовать о том, что правитель, поддавшись чарам распутниц и под их влиянием пристрастившись к колдовству, приведет своих подданных к гибели¹¹⁷.

Как следствие, в том же ключе трактовался у Жана Пти и преступный образ Людовика Орлеанского. Он сообщал, что некий монах-колдун изготовил для герцога заговоренный жезл, коснувшись которым любой женщины, можно было вызвать ее любовь¹¹⁸. Вооружившись этим магическим атрибутом, Людовик якобы все ночи напролет проводил с блудницами¹¹⁹. Что же касается его тяги к колдовству, то о ней прямо сообщал не только текст «Оправдания». На миниатюре из двух дошедших до нас парадных копий трактата герцог Орлеанский был представлен в образе волка – животного дьявола (Илл. 5)¹²⁰. Во всяком случае сам Жан Пти явно именно так и считал, обвиняя Людовика в том, что в качестве колдовского зелья он использовал не только прах казненных

ном случае Иоанн отсылал к истории Иосифа и его братьев, позавидовавших его снам о будущей власти и пожелавших ее отобрать: Быт. 37: 5–8.

¹¹⁶ “Le tiers exemple est de st. michiel l’archange qui sans mandement ou commandement quelconques de dieu ne d’aultres mais tant seulement meu d’amour naturele occist lucifer le tyrant et desloyal a dieu son Roy et souverain seigneur pour ce que le dit lucifer machinoit et usurper une partie de l’honneur et seigneurie de dieu” (Jean Petit. Op. cit. Fol. 44–44v, курсив мой – О.Т.). Этот сюжет возникал в «Оправдании» дважды, см. также: Ibid. Fol. 22v. Ср.: “Imago quaedam divinitatis est princeps et tirannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago... Imago deitatis, princeps amandus venerandus est et colendus; tirannus, pravitatis imago, plerumque etiam occidendus” (Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 2. P. 345).

¹¹⁷ См., к примеру, историю некоего «герцога Замбии», полюбившего язычницу-моавитку: “...le quel fu si espris de convoitise de delectacion charnelle de l’amour d’une dame payenne... elle ne se vouloit acorder a faire sa volente si ne adouroit ses ydoles. Il adoura lesdictes ydoles et les fist adourer a plusieurs de ses subiects” (Jean Petit. Op. cit. Fol. 19v). Жан Пти возвращался к этой поучительной истории еще раз: Ibid. Fol. 44.

¹¹⁸ “Item ledit crimineux duc d’orleans fist faire ung aultre sortilege par le dit moyne d’une verge du boys... lequel sortilege parfait ladite verge devoit avoir telle vertu par ars et paccion dyabolique que celui qui la porteroit sur soy feroit la volente de toutes les femmes” (Ibid. Fol. 61–61v).

¹¹⁹ “Car il est vray que presque toutes les nuis il se envyroit iouait aux dez et gesoit avec les femmes dissolutes” (Ibid. Fol. 64 v).

¹²⁰ Sansy D. Bestiaire des juifs, bestiaire du diable // Micrologus. Natura, scienze e società medievali. 2000. T. 8. P. 561–579.

на виселице преступников, но и «кости и шерсть волка, [животного] неблагородного»¹²¹.

Таким образом, заимствуя для своего сочинения одну из важнейших тем (убийство тирана угодно Богу), которую действительно развивали и Аристотель, и Григорий Великий, и Иоанн Солсберийский, Жан Пти использовал для оправдания герцога Бургундского и более изощренную аргументацию. Прямо обвиняя Людовика Орлеанского в распутстве и занятиях колдовством, он создавал все тот же образ «дурного советника» правителя, что в свое время возник на страницах «Поликратика». Такому человеку, безусловно, не было места при королевском дворе, а потому действия Жана Бесстрашного оказались восприняты слушателями Жана Пти как абсолютно легитимные, как несущие спасение и благо монарху и его стране.

***

Можно было бы ожидать, что слухи о Людовике Орлеанском и Валентине Висконти будут воспроизводиться во французских сочинениях на протяжении долгих лет: ведь формально их признали виновными в самом страшном преступлении – в посягательстве на жизнь короля (*lèse-majesté*). Тем не менее, многие авторы, писавшие в первые десятилетия XV в., ни об этих злодеяниях, ни о слухах, роившихся вокруг герцогини Орлеанской в 1393–1396 гг., даже не упоминали.

Мы не найдем и намека на них в многочисленных произведениях Кристины Пизанской, в 1406–1407 гг. отзывавшейся о Валентине как об «исключительно мудрой, доброй и высоконравственной» даме, уделявшей особое внимание воспитанию и образованию своих детей¹²². Анонимный автор *Geste des nobles françois*, созданной около 1429 г., сообщал лишь о слушаниях по делу об убийстве Людовика Орлеанского и о справедливом возмездии, которое требовала его вдова¹²³. Что же касается Жана Жувенеля дез Урсена, то в «Истории Карла VI» (ок. 1431 г.) он упоминал о слухах, ходивших по Парижу, но категорически отказывался в них верить, приписывая их «дурным языкам»¹²⁴. Даже некоторые пробургундски настроенные авторы – Ангерран де Монстреле или Пьер Кошон – не

¹²¹ “Et avec ce porter sur soy en ung drapel liez ou cousus des ossemens des peulz du lieu deshonneste et de la pouldre d’aucuns des os d’ycellui mort despendu” (*Jean Petit*. Op. cit. Fol. 49v).

¹²² “...la tres sage, bonne et vertueuse duchesse sa femme, laquelle comme celle qui prise et honneure le bien de savoir et de science est diligent come prudent mere que en lettres et toutes vertus soient ses enfans tres bien instruis et appris” (*Christine de Pizan*. Le Livre du corps de policie / Ed. par A.J. Kennedy. P., 1998. P. 147).

¹²³ Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot, suivie de la Chronique normande de Pierre Cochon relative aux règnes de Charles VI et de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1859. P. 118–119, 123.

¹²⁴ “Et comme souvent il y a de mauvaises langues, on disoit et publioient aucuns qu’elle l’avoit ensorcelé, par le moyen de son pere le duc de Milan, qui estoit Lombard, et qu’en

спешили давать собственную оценку недавним событиям, довольствуясь лишь неполным воспроизведением на страницах своих хроник текста «Оправдания» Жана Пти¹²⁵.

Обвинения в адрес герцогов Орлеанских в полной мере воспроизводились лишь в *Geste des ducs de Bourgogne*, созданной в 20-е гг. XV в., а также в «Хронодромоне» Жана Брандона, написанном в 1428 г. Оба автора исключительно подробно пересказывали все положения трактата Пти: не были забыты и слухи о Джан Галеаццо Висконти и Ломбардии, о Валентине – ведьме и отравительнице, о Людовике – распутнике и колдуне¹²⁶. Анонимный автор «Жесты» и вовсе, очевидно, имел под рукой одну из двух упоминавшихся выше парадных рукописей «Оправдания», иначе сложно представить, откуда в его тексте возникли образы льва, уничтожившего волка¹²⁷, и Люцифера, поверженного архангелом Михаилом¹²⁸.

Таким образом, отклики более поздних авторов также, на мой взгляд, подтверждали, что сплетни о Валентине Висконти – ведьме и распутнице – с самого начала носили характер политический, т.е. имели отношение не к «объективной» оценке текущих событий, но к пропаганде герцогов Бургундских¹²⁹.

---

son pays on usoit de telles choses” (*Juvénal des Ursins J. Histoire de Charles VI, roi de France* / Ed. par L.-G. Michaud et J.-J.-F. Poujoulat. P., 1836. T. 2. P. 394).

¹²⁵ *Monstrelet E. de. Op. cit. T. 1. P. 177–242; Chronique normande de Pierre Cochon. P. 224–237.*

¹²⁶ *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique* / Ed. par J. Kervin de Lettenhove. Bruxelles, 1870–1876. T. 2. P. 259–572, здесь P. 260–291, 306–327; *Brandon J. Chronodromon seu cursus temporum* // *Ibid.* T. 1. P. 1–166, здесь P. 36, 110, 114–117.

¹²⁷ “Mais Dieux y ouvra tant par sa grâce divine / Qu’un lion envoia, qui vint de grant ravine, / Avoecques lui mainte beste courant par le gaudine. / Si vint un arondiel de delà le marine, / Que le lupart tramist, à le rouge poitrine, / Avoecques mainte arondielle mieux volant que chine, / Qui avoient les biecs plus poignans que d’espine, / Dont ils biersèrent fort ces leus de fausse orine; / Et les nobles lions qui sur eux ont cuerine. / Les firent reculer hors de celle saizine” (*Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne. P. 260*).

¹²⁸ “Qu’il se vot conparer à Dieu qui tout créa, / Et veut estre haus Dieus. Tant s’en avancha / Que sains Michieus l’arcangles son malisse avisa / Sans license de Dieu: ains ne li commanda. / Prist le blason de foy, à son col l’enbiercha, / L’espée de justice en se main empungna, / Pour sien Dieu souverain le bataille enchierqua. / O les IX légions d’angles qu’il ajousla, / Contre Luciabel sains Michiel s’en ala; / De mort perpétuelle l’ocist et condampna, / Lui et tout son coliége en infier il condampna” (*Ibid. P. 320*).

¹²⁹ Как представляется, на этом фоне пробургундские политические симпатии Жана Фруассара также становятся очевиднее, о чем ранее в историографии уже высказывалось предположение: *Veenstra J.R. Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France: Text and Context of Laurens Pignon’s “Contre les devineurs” (1411). Leiden; N.Y; Cologne, 1998. P. 83. Подробнее о реакции французских и бургундских интеллектуалов на «Оправдание» Жана Пти см.: Guenée B. Un meurtre, une société. P. 201–221; Jollivet L. La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435 // *Questes. 2018. T. 39.**

Любопытно при этом отметить, что еще одна скандальная история, связанная с поведением Людовика Орлеанского при дворе, осталась практически невостребованной в 1408 г., в момент оправдания Жана Бесстрашного. Речь шла о предполагаемой любовной связи родного брата Карла VI с его супругой, королевой Изабеллой Баварской.

Судя по всему, этот слух появился примерно в то же время, что и небылицы, которые рассказывали в Париже о Валентине Висконти. В частности, мельком о нем упоминал Жан Пти, уточнявший, что у преступления против королевского величия имеется несколько уровней: первый касается персоны самого правителя, а второй – его супруги, и настаивал, что Людовик виновен и в том, и в другом¹³⁰, поскольку он посеял раздор между королем и королевой, заставив Карла VI возненавидеть свою жену и желать ее смерти. Однако советник Жана Бесстрашного не вдавался в причины этой размолвки, т.е. ни словом не обмолвился о возможной любовной связи между герцогом Орлеанским и Изабеллой¹³¹.

Впрочем, подобное умолчание было вполне объяснимо, поскольку на момент составления и оглашения «Оправдания» между королевой и Жаном Бесстрашным существовал своеобразный «пакт о ненападении»: спустя всего три месяца после слушаний во дворце Сен-Поль, в июне 1408 г., Мишель Валуа, дочь Изабеллы и Карла VI, вышла замуж за старшего сына герцога Бургундского Филиппа¹³². Девятого марта 1409 г. в Шартрском соборе в присутствии монарха, его семьи и ближайших родственников Жан Бесстрашный получил официальное прощение за убийство герцога Орлеанского, а вместе с ним – практически неограниченную власть в стране¹³³. В сложившейся ситуации любые обвинения в адрес супруги правителя становились невыгодны ни одной из политических группировок при французском дворе.

Тем не менее, об этих обвинениях вспомнили сразу же, как только изменилась расстановка сил в королевстве. В апреле 1417 г. Изабелла Баварская лишилась какого бы то ни было влияния на Карла VI, который – в очередном приступе безумия – отправил супругу на жительство в Тур, предварительно распустив ее двор. Подобная немилость была воспринята

P. 91–112; *Eadem*. Le milieu humaniste français et la réhabilitation de la mémoire de Louis d'Orléans // *Humanisme et politique en France à la fin du Moyen Age* / Ed. par C. Bozzolo, C. Gauvard, H. Millet. P., 2018. P. 141–157.

¹³⁰ “Item il est assavoir que crime de lese maieste humaine separt en plusieurs degrez... Le premier est quant le iniure ou offence est directement contre la personne du prince. Le second est quant le iniure ou offence est directement contre la personne de son espouse” (Jean Petit. Op. cit. Fol. 13v-14, курсив мой – О.Т.).

¹³¹ “Tout subiect qui par fraude, barat et faulx donner a entendre met sedicion entre le Roy et la Roygne d'un Royaulme en faisant a croire a la dicte Roygne que le Roy la hait tant qu'il est tout delibere de la faire mourir, elle et ses dis enfans” (Ibid. Fol. 53). См. также: Ibid. Fol. 71v-73v.

¹³² Adams T. The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria. Baltimore, 2010. P. 17–19, 21–23.

¹³³ Guenée B. Un meurtre, une société. P. 219–231.

многими современниками как наказание за распутное поведение королевы. Внезапная смерть в том же месяце дофина Жана, находившегося под сильным влиянием герцога Бургундского, лишь усугубила сложившуюся ситуацию. Нового наследника престола, будущего короля Карла VII, окружали представители партии арманьяков – главные противники Жана Бесстрашного, а потому герцог и его советники вновь обратились к старой истории о якобы имевшей место любовной связи Изабеллы и Людовика Орлеанского, от которой и родился дофин Карл. Умело распространяемые слухи привели в результате к настоящему кризису власти во Франции – к подписанию в 1420 г. договора в Труа, согласно которому королева признавалась виновной в адюльтере, а ее единственный оставшийся на тот момент в живых сын¹³⁴ объявлялся незаконнорожденным¹³⁵.

Образ Изабеллы Баварской как развратной правительницы, погубившей свою страну, мы встречаем во многих сочинениях, созданных после 1420 г. Но если изначально данный образ строился преимущественно на библейских примерах, то начиная с весны 1429 г. супруга Карла VI постоянно сравнивалась с совершенно реальной женщиной – с молодой особой, только-только появившейся при королевском дворе. То была Жанна д'Арк, история которой, с точки зрения современников, также вполне укладывалась в схему, некогда предложенную Иоанном Солсберийским. И в глазах противников французского дофина Карла, и даже в глазах некоторых его сторонников Орлеанская Дева являлась той, что стала ближайшим советницей и помощницей правителя, используя для этого свои чары и колдовство.

¹³⁴ Помимо дофина Жана, умершего 4 апреля 1417 г., королевская чета ранее потеряла еще двух сыновей и наследников престола – Карла († 1401) и Людовика († 1415).

¹³⁵ Подробнее о противостоянии партий арманьяков (поддерживавших Карла, нового герцога Орлеанского) и бургиньонов (сторонников Жана Бесстрашного), а также о распускаемых этими последними слухах см.: *Famiglietti R. C. The Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392–1420. N.Y., 1986; Pons N. Information et rumeurs: quelques points de vue sur des événements de la guerre civile en France (1407–1420) // Revue historique. 1997. Т. 602. Р. 409–433; Offenstadt N. Guerre civile et espace public à la fin du Moyen Age: la lutte des Armagnacs et des Bourguignons // La politisation: conflits et construction du politique depuis le Moyen Age / Sous la dir. de L. Bourquin et Ph. Hamon. Rennes, 2010. Р. 111–129.*

ГЛАВА 4

Король и его «помощницы»

Жанна д'Арк появилась в Шиноне, где располагался тогда французский королевский двор, ранней весной 1429 г. Она желала увидеться с дофином Карлом, дабы сообщить ему, что только ее участие в военных действиях сможет защитить Францию от английского нашествия и принести победу в Столетней войне. Встреча состоялась, и девушке каким-то образом удалось убедить будущего короля в своей миссии¹. Возможно, впрочем, что за нее это сделали его собственные советники, использовавшие в пропагандистских целях давно известные пророчества о пришествии некой девы, которая спасет страну.

Об этих предсказаниях вспоминали многие свидетели на процессе по реабилитации Жанны д'Арк 1456 г. Доктор теологии Пьер Миге ссылаясь, к примеру, на так называемое пророчество Мерлина, которое он якобы вычитал в старинной книге и которое рассказывало о деве, придущей «из дубравы, расположенной в Лотарингии»². Жан Бастард Орлеанский³, также знавший о словах Мерлина, уточнял в своих показаниях, что дева эта должна была явиться «на спинах [французских] лучников и [выступить] против них (т.е. против англичан – О.Т.)»⁴. Королевский адвокат Жан Барбен передавал рассказ профессора теологии Жана Эро, лично встречавшегося с Жанной в Шиноне и якобы слышавшего пророчество

¹ О подробностях этой встречи и о легендах, которыми она оказалась окутана уже в 1429 г., см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 21–80.

² “Dicit etiam ipse testis quod alias in quodam libro antiquo, ubi recitabatur professio Merlini, invenit scriptum quod debebat venire quedam puella ex quodam nemore canuto, de partibus Lotharingie” (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1977–1988. 5 vol. T. 1. P. 415).

³ Жан являлся сыном Людовика Орлеанского от его любовницы Мариэтт д'Энгьен. Отец официально признал своего бастарда, и он воспитывался Валентиной Висконти. Когда его сводный брат Карл, новый герцог Орлеанский, оказался в плену после битвы при Азенкуре в 1415 г., Жан возглавил партию арманьяков – сторонников дофина Карла, на службу к которому он поступил в 1417 г. В 1439 г. в благодарность за верность Карл VII даровал ему титул графа Дюнуа: *Wagner J.A.* Encyclopedia of the Hundred Years War. Westport; L., 2006. P. 175–176; *Contamine Ph., Bouzy O., Hélyar X.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012. P. 674–676.

⁴ “...fuit transmissa dicto comiti de Chuffort una cedula papyrea, in qua continebantur quatuor versus, facientes mentionem quod una Puella ventura est *du Bois Chanu*, et equitaret super dorsum arcitenentium, et contra ipsos” (Procès en nullité. T. 1. P. 325).

Марии Авиньонской о пришествии «девы в доспехах»⁵. Вполне вероятно, что Жанна д'Арк и сама знала об этих предсказаниях и использовала их для достижения своих целей⁶.

Так или иначе, но после допросов в Пуатье, где девушке пришлось доказывать искренность и чистоту своих намерений перед членами парламента и представителями церкви, никто из окружения дофина не сомневался в ее избранности. Жанна получила статус военачальника⁷, обрела все соответствующие ему атрибуты (прежде всего, оружие и доспехи) и во главе армии двинулась к осажденному англичанами Орлеану, чтобы уже в мае 1429 г. освободить его. Так началась ее блестящая, хотя и недолгая военная и политическая карьера.

Современники Девы, однако, никогда не воспринимали ее только как одного из командиров французской армии; ее роль была для них несравнимо больше. По мнению многих, Жанна д'Арк выступала *от имени дофина*: он передал ей всю власть, «какую только может иметь король», все имеющиеся в его распоряжении средства и силы⁸. Мало того, что Карл подчинил ей всех прочих своих военачальников⁹ – она буквально «создавала» французскую армию, своим авторитетом обеспечивая приток в нее новых сил¹⁰. По мнению Жоржа Шателена, захватив девушку в плен, англичане «радовались больше, чем если бы им удалось заполучить в свои руки короля»¹¹. Неслучайно Ги Пап, известный юрист и президент парла-

⁵ «...quedam Puella, que veniret post eam, eadem arma portaret et regnum Francie ab inimicis liberaret. Et credebatur firmiter quod ipsa Johanna esset illa de qua ipsa Maria d'Avignon fuerat locuta» (Ibid. P. 375).

⁶ Bouzy O. Prédiction et récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 1990. № 14. P. 39–47; Koopmans J. Jeanne d'Arc auteur de sa propre légende // Jeanne d'Arc entre les nations / Etudes réunies par T. Hoenselaars et J. Koopmans. Amsterdam; Atlanta, 1998. P. 5–15.

⁷ «Voicy ung vaillant champion et capitaine pour recupérer le royaume de France!» (Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. P., 1841–1849. 5 vol. T. 4. P. 327); «...elle estoit cappitaine et chief de guerre» (Ibid. P. 427).

⁸ См., например: «...et qu'il failloit que le roy lui baillast telle puissance que le roy pourroit finer» (Chartier J. Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. P. 68); «...[le roi] mit toute sa conduite et ressource entre ses mains» (Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 278).

⁹ «Et de nos genz preux et habiles / Principale chevetaine» (Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d'Arc / Ed. by A. J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977. V. 285–286).

¹⁰ «Outre plus, venoient chascun jour en l'ost gens de toutes pars, et avoient prins les François en eulx moult grant couraige et hardement pour la venue de ladite Jehanne la Pucelle, laquelle tenoient plussieurs estre venue de par Dieu, car ses oeuvres et gouvernement le démonstroient assez» (Chartier J. Op. cit. P. 84).

¹¹ «Lequel, plus joyeux que s'il eust eu ung roy entre ses mains, l'ammena astivement à Marigny, et là, la tint en sa garde» (Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 447).

мента в Гренобле, писал в 70-х гг. XV в., что «эта Дева *правила* в течение трех или четырех лет»¹² (Илл. 6).

Такое присвоение Жанной д'Арк функций правителя не должно нас удивлять. Насколько можно судить, современники событий находили подобное положение дел вполне естественным, воспринимая девушку прежде всего как антитезу Изабеллы Баварской. И действительно это сравнение приходило на ум первым, учитывая бытовавшие в то время и известные многим предсказания, согласно которым Францию, «погубленную женщиной, должна была спасти дева»¹³.

***

Изабелла Баварская, возможно, и не являлась в реальности злым гением Франции. Но в том, что именно из-за ее вызывающего аморального поведения на страну обрушились все бедствия, жители королевства не сомневались. Как отмечал Бернар Гене, обстоятельства складывались против супруги Карла VI. Она была иностранкой, слишком привязанной к своей родне и окружившей себя немецкими слугами. Она плохо говорила по-французски. Наконец, она любила роскошь, и ее запросы считались неуместными в столь тяжелое военное время¹⁴.

Но самое главное, безусловно, заключалось в том, что политическое влияние Изабеллы Баварской постоянно росло – по мере того, как приступы безумия Карла VI становились все продолжительнее. С 1401 г. королева являлась соправительницей своего супруга и замещала его в моменты помешательства¹⁵. На ней лежала опека наследника престола, а также разрешение конфликтных ситуаций между ближайшими родственниками короля, прежде всего между герцогом Бургундским и герцогом Орлеанским, каждый из которых пытался перехватить первенство в делах управления страной. Таким образом, Изабелла находилась в довольно сложном положении, постоянно лавируя между двумя политическими партиями.

В первые годы XV в., когда симпатии королевы склонились на сторону Людовика Орлеанского, Жан Бесстрашный, едва успев стать герцогом Бургундским после смерти своего отца Филиппа Смелого, начал кампанию по ее дискредитации. На Пасху 1405 г. Жак Легран, известный в парижских ученых кругах монах-августинец, прочел перед супругой монарха, а затем перед самим Карлом VI и его приближенными

¹² “Quae Puella *regnavit* tribus vel quator annis” (Ibid. P. 534, курсив мой – О.Т.).

¹³ Эти пророчества приводили на процессе по реабилитации жители Домпреми, родной деревни Жанны. См., например: “...et ipsa dicebat eidem tasti quod volebat ire ad Franciam, versus dalphinum, ad faciendum eumdem coronare, dicendo: ‘Nonne alias dictum fuit quod Francia *per mulierem desolaretur, et postea per virginem restaurari debebat?*’” (Procès en nullité. T. 1. P. 296, курсив мой – О.Т.). См. также: Ibid. P. 298.

¹⁴ Guenée B. Un meurtre, une société. P. 147–148.

¹⁵ Ibid. P. 161–168.

проповедь, в которой резко осудил нравы, царившие при дворе Изабеллы. Он обвинял ее дам в склонности к роскоши, пьянству и разврату, заявлял, что среди них «правит одна лишь Венера», а сама королева не только потворствует этим «дьявольским оргиям», но и принимает в них участие¹⁶.

Мишель Пентуэн, пересказавший в своей «Хронике» речь Леграна, и сам был настроен весьма критично по отношению к Изабелле Баварской. Он утверждал, что ее правление тиранично: она не заботится о защите страны, но думает лишь о собственной выгоде, о роскоши и услаждении тела. Более того, во всех этих преступлениях оказывался, по мнению монаха из Сен-Дени, также виновен и Людовик Орлеанский – главный сообщник королевы, ставший ее правой рукой в делах управления¹⁷. От этих, более или менее реальных фактов оставалось сделать всего один шаг, чтобы превратить герцога в любовника супруги Карла VI.

Намеки на неподобающее поведение Изабеллы и Людовика мы находим уже в *Songe véritable*, анонимном стихотворном памфлете, датированном 1406 г. Автор устами Разума (*Raison*) обвинял герцога не только в бездарной внутренней и внешней политике, но и в том, что с возрастом тот становится все более похотливым, а это ведет к «гибели души и тела» и к потере репутации¹⁸. Ставя Людовику в пример достойнейших правителей прошлого (Вильгельма Завоевателя, Александра Македонского и Карла Великого), Разум утверждал, что ни один из них не достиг вершин власти, обогащаясь за счет подданных и предаваясь азартным играм и разврату¹⁹. Что же касается королевы, то ее Разум прямо называл уродливой женщиной, которая совершенно напрасно не прислушивается к доводам рассудка и не обращает внимания на мнение окружаю-

¹⁶ "...in tua curia domina Venus solium occupans, ipsi eciam obsequuntur ebrietas et commesacio, que noctes vertunt in diem, continuantes choreas dissolutas. Hex maledicte et infernales pedissece, curiam assidue ambientes, mores viresque enervant plurimum..." Ad dissolutionem eciam habituum, cujus inventrix regina fuerat principalis, descendens, cum ipsam multipliciter reprobasset" (Chronique du Religieux de Saint-Denis. T. 3. P. 268).

¹⁷ "Cum emergencia in regno non modo commendabilia sed et note subiacencia ex officio scribenda suscepim, quod tamen ejus gubernacula moderanda cum summa incuria regina et dux Aurelianus susceperant, dum rex solita egritudine vexaretur, regnicole cum displicencia maxima perferebant... Ultra, quod tyrannidem sapere dicebatur, velud in miseriis ultimis regnicolarum congaunderent... De protectione regni nil curantes, ipsi dulcissimum erat in diviciis gloriari et in deliciis corporeis assidue conversari (Ibid. P. 266).

¹⁸ "Car tant plus viel tu deviendras, / En convoitise te tendras / Par quoy acquerras le grant blasme / Et en perdras et corps et ame" (Le songe véritable, pamphlet politique d'un parisien du XVe siècle / Ed. par H. Moranvillé. P., 1870. P. 73–74).

¹⁹ "Pas ne furent puissans ne riches / Par estre convoiteux ne chiches, / Ne par jouer au dez ne au tables. Ne eulx enyvrer aux baings n'a tables / N'en d'autres bobans ne délices, / N'en puterie, n'en malvais vices; Ains le gaignerent par proescs, / Par leurs bontés, par leurs largesses" (Ibid. P. 76).

щих²⁰. Он предрекал ей скорую потерю бывшего могущества и советовал быть готовой к «ударам Судьбы»²¹.

В столь же завуалированном виде слухи о любовной связи Изабеллы Баварской с Людовиком Орлеанским присутствовали, как я уже отмечала, в «Оправдании герцога Бургундского» Жана Пти 1408 г. Однако после 1417 г., а особенно – после заключения договора в Труа в 1420 г., эти сплетни начали распространяться с новой силой – и во Франции, и в других европейских странах.

В договоре, текст которого практически без изменений оказался скопирован не только в официальных документах королевской канцелярии и регистрах Парижского парламента, но воспроизводился во множестве сочинений французских и английских хронистов²², сообщалось, что единственным наследником Карла VI отныне становится английский король Генрих V²³, и самым подробным образом прописывались его новые права и обязанности. Что же касается французского дофина Карла (будущего Карла VII), то он упоминался здесь всего дважды. В статье 12 речь шла о том, что Генриху следует подчинить своей власти все «мятежные города, замки, деревни и области, [а также] подданных, примкнувших к партии, обычно именуемой [партией] дофина или арманьяков»²⁴. А в статье 29 давалось весьма туманное объяснение, почему претензии Карла на престол не являются более легитимными: это связывалось с «ужасными и немыслимыми преступлениями и проступками», совершенными им²⁵. Их содержание в тексте не раскрывалось, однако современникам событий было очевидно, что речь шла об убийстве герцога Жана Бесстрашного 10 сентября 1419 г. на мосту Монтро во время его переговоров с дофином, которого бургундцы единодушно считали зачинщиком этой расправы²⁶.

²⁰ “Toy, Roynе, dame Ysabeau / Envelopée en laide peau, / Se devers moy bientost ne viens. / Je te touldray trestous les tiens, / Et te menray à tel meschief / Que tu n’aras membre ne chief / Qui ne te tremble de fort ire” (Ibid. P. 80).

²¹ “Maiz ne te veuil ores plus dire, / Pour ce que femme a pou de honte / Et font de mes diz pou de compte. / Maiz en la fin t’en souvendra / Quant Fortune sur toy vendra. / Or t’avisés et t’en prens garde, / Et à bien faire plus ne tarde” (Ibid.).

²² *Traité conclu à Troyes entre Charles VI et Henri V le 21 mai 1420* // *Les grands traités de la guerre de Cent ans* / Ed. par E. Cosneau. P., 1889. P. 100–115, здесь P. 102.

²³ “Item, est accordé que nous, durant nostre vie, nommerons, appellerons et escrirons nostredit filz, le Roy Henry, en langue françoise par ceste manière ‘nostre très chier filz, Henry, Roy d’Angleterre, héritier de France’ et, en langue latine, par cette manière ‘Noster precarissimus filius, Henricus, Rex Anglie, heres Francie’” (Ibid. P. 110).

²⁴ “...à mectre en nostre obéissance toutes et chascunes citez, villes, chastiaux, lieux, pays et personnes dedens nostre royaume désobéissans à nous et rebelles, tenans la partie ou estans de lapartie vulgaument appellée du Daulphin et d’Armignac” (Ibid. P. 106).

²⁵ “...considéré les orribles et énormes crimes et deliz perpetrez oudit royaume de France par Charles, soy disant Daulphin de Viennois...” (Ibid. P. 113, курсив мой – О.Т.).

²⁶ Подробнее о разных версиях убийства Жана Бесстрашного, представленных в источниках XV в., см.: *Cockshaw P. L’assassinat du duc Jean de Bourgogne*

Естественно, в договоре не было сказано ни слова о предполагаемом адюльтере Изабеллы Баварской, поскольку подобный факт бросал бы тень на достоинство самого Карла VI. Тем не менее, многие формулировки совершенно недвусмысленно указывали на то, что французский монарх отныне не считает дофина *собственным* отпрыском. В отличие от присутствовавших в тексте бесконечных ссылок на «нашего дражайшего сына» Генриха V и «нашего дражайшего сына» Филиппа III Доброго, герцога Бургундского (наследника Жана Бесстрашного)²⁷, данное определение применительно к Карлу не было использовано ни разу. Более того, «так называемый дофин» (*soy disant Daulphin*) оказывался исключен из числа особ французской «королевской крови», в отличие от английского монарха²⁸, отпраздновавшего помолвку с «нашей возлюбленной дочерью» Екатериной Валуа как раз накануне подписания договора, 20 мая 1420 г.²⁹ Иными словами, подданным Карла VI прямо давали понять, что последний из его сыновей признан незаконнорожденным, а потому лишается права престолонаследования.

Эту идею особенно поддерживали пробургундски настроенные авторы – например, анонимный создатель *Pastoralet* (1422–1425 гг.), в тексте которого ощущалось сильное влияние «Хроник» Жана Фруассара, *Songe veritable* и «Оправдания» Жана Пти³⁰. Об Изабелле Баварской

à Montereau: étude des sources // Les Pays-Bas bourguignons, histoire et institutions. Mélanges André Uyttebrouck / Sous la dir. de J.-M. Duvosquel, J. Nazet et A. Vanrie. Bruxelles, 1996. P. 145–162; Peyronnet G. L'assassinat du duc de Bourgogne Jean sans Peur sur le pont de Montereau (10 septembre 1419) // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 2005. № 29. P. 7–73; Courroux P. Enguerrand de Monstrelet et les assassinats de Louis d'Orléans et Jean sans Peur // Medium Aevum. 2015. Vol. 84 (1). P. 89–108. На русском языке см.: Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159–180.

²⁷ “...très hault prince et nostre très chier filz Henry, Roy d’Angleterre, héritier de France” (Traité conclu à Troyes. P. 102); “...nostre très chier filz, Phelippe, duc de Bourgoigne” (Ibid. P. 108, 112).

²⁸ “...donrons et ferons donner et faire à nostredit filz, le Roy Henry, lectres patentes approbatoires et confirmatoires de nostredict compaignie, de nostredit filz, Phelippe, duc de Bourgoigne, et des autres de nostre sang royal...” (Ibid. P. 113–114).

²⁹ “...pour ce que, par l’aliance du mariage fait, pour le bien de ladicte paix, entre nostredit filz, le Roy Henry, et nostre très chièrre et très amée fille, Katherine, il est devenu nostre filz et de nostre très chièrre et très améc compaignie, la Roïne” (Ibid. P. 103).

³⁰ Lefèvre S. Pastoralet // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 1101–1102. В прозаическом прологе, предпосланном основному тексту, анонимный автор посвящал свое творение памяти Жана Бесстрашного, который «преданно любил Карла VI, королевство [Франции] и [заботился] о его благе, за что в результате погиб»: “Et sachent tous qui cest présent livre verront, q’il est fais principalement à l’onneur et loenge de très-noble et très-excellent prinche Jehan duc de Bourgongne... qui en son tamps fu moult preux et vaillans, et tant loialmentama le roy Charle Sisime, le roialme et le bien de la chose publique qu’en la fin en morut”

здесь сообщалось буквально в первых строках, и автор, повторяя давно известные суждения Жака Леграна, утверждал, что при дворе ее правит Венера³¹. Поклоняясь этой богине, королева якобы предала своего супруга, за что многие ее порицают³². «Безумие, которое она «творила своим телом», отмечалось в *Pastoralet* далее, полностью обесчестило ее³³: ведь лучше было бы потерять все, «вплоть до натальной рубашки», нежели достоинство³⁴.

Еще более откровенен был Жан Брандон, в своем «Хронодромоне» 1428 г. прямо заявлявший о любовной связи Изабеллы с Людовиком Орлеанским³⁵. Автор *Geste des nobles françois* (1429 г.), несмотря на свои симпатии к партии арманьяков, также пересказывавший слухи, которые ходили о королеве, хотя и называл их «лживыми»³⁶. К середине XV в. те же домыслы подхватили и иностранные авторы. Так, Энео Сильвио Пикколомини (будущий папа римский Пий II) сообщал в *De viris illustribus* (1445–1450 гг.), что дофин Карл не мог быть сыном Карла VI, поскольку родился уже после того, как французский монарх полностью лишился рассудка³⁷. К той же идее он возвращался и позднее, утверждая, что Изабелла Баварская совершила адюльтер, а потому прямая линия наследования французского престола прервалась и королевство оказалось обречено на гибель³⁸.

(Le Pastoralet // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique. T. 2. P. 573–852, здесь P. 573).

³¹ “Quant j'entendy la renommée / Du hault bois de la place amée / Et qu'en tout le roial pourpris / N'avoit lieu de sy très-hault pris... / M'en sui au joli bois venus / Où l'en célébroit à Vénus / En lui offrant beaux roussignols / Bien chantans, jolis et mignos” (Ibid. P. 576).

³² “Car elle estoit gente et plaisans, / Mais en ce fu moult desplaisans / Que vers son ami se faussa. / Florentin amie fausse a. / Tout soit-il beaux, gens et adrois. / Vénus, ce qui ne fu pas drois, / Vulcan gherpy et Mars ama, / Et assés fu qui l'en blâma” (Ibid. P. 578).

³³ “Femme, pour vertus, ne beaulté, / N'aura honnour, tant soit jolie, / S'elle fait de son corps folie; Ne bien faire, dire ou penser, / Ne l'en poeent récompenser” (Ibid. P. 579).

³⁴ “Qu'elle soit en honnour remise. / Miex vaurroit jusqu'à la chemise / Tout perdre à femme que s'onnour: / Rien n'a, qui vit à déshonneur” (Ibid.).

³⁵ “Legi quoque gallice scriptum, duim Pariisius, ubi cum rege fratre suo dictus dux Ludovicus saepius amore reginae ac puellarum ejus esset, quadam vice convenisse Johannem ducem Burgundiae, qui, absente rege, sufferre non potuit ut cum regina se oblectaret dux Aurelianensis: quare stravit insidias, scilicet per quosdam qui mortem intulerunt” (Brandon J. Op. cit. P. 110, кypсив мой – O.T.).

³⁶ “...fist semer par cayemans et par tavernes faulses mençonges de la royne et du duc d'Orléans son frere” (Chronique de la Pucelle. P. 109).

³⁷ “Karolus VII, mortuo patre, admodum puer remansit. Itaque nonnulli eum minime regis filium, sed suppositum arbitrabantur” (Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus / A cura di A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 72).

³⁸ “...dalphinus tanquam ex adulterio genitus et perduellis exheres esto” (Pii Secundi Pontificis Maximi Commentarii / Ed. by I. Bellus, I. Borokai. Budapest, 1993. T. 1. P. 380)

Тема развратной правительницы (*regina nefanda*), своими интригами погубившей страну, в рамках которой рассматривалось аморальное поведение супруги Карла VI, была чрезвычайно популярна у средневековых авторов задолго до XV в. и восходила еще к Блаженному Августину³⁹. В IX в. она стала центральной в обвинениях, выдвинутых против Юдифи, второй жены Людовика Благочестивого, и Рихарды, супруги Карла III Толстого⁴⁰. Тогда же идею о том, что неурядицы в королевской семье напрямую затрагивают всех подданных, развивал в своем сочинении «О разводе Лотаря» Хинкмар Реймский: «Это дело касается всех христиан. Оно связано с королем и королевой, т.е. с христианином и христианкой, и, согласно брачному праву, данному Господом в Раю нашим прародителям, укрепляется церковью и подтверждается Богом через человеческие и божественные установления»⁴¹. В X в. Лиутпранд Кремонский в своем «Антападосисе» противопоставлял похотливых итальянских принцесс «святым» представительницам германских королевских домов, дабы подчеркнуть законность притязаний императора Священной Римской империи Оттона I (962–973) на итальянские владения⁴². Для средневековых мыслителей двор правителя воплощал в себе все королевство. И именно королева несла моральную ответственность за порядок и спокойствие, царящие там. Следовательно, она сама обязана была быть поистине безупречной. Если же ее подозревали или прямо обвиняли в сексуальной распущенности и иных прегрешениях, она дис-

³⁹ *Roversi Monaco F.* Regine e principesse nella narrazione storica medievale // *Genere e Storia: percorsi* / A cura di C. Casanova e V. Lagioia. Bologna, 2014. P. 21–28, особенно P. 24–26; *Bührer-Thierry G.* La reine adultère // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1992. № 35. P. 299–312.

⁴⁰ См. выше: Глава 1, прим. 66. Подробнее см.: *Stafford P.* Queens, Concubines, and Dowagers. The King's Wife in the Early Middle Ages. Georgia, 1983. P. 79–86.

⁴¹ «...quia talis est causa et in tam eminentissimis personis et in huiusmodi ordine, quae ab omnibus erit ut necesse cognosci, ita etiam ponderari; quoniam, ut Caelestinus scribit, universalis ecclesia quacumque novitate pulsatur. Est enim inter regem regum et regem terrenum in lege prima primo homini in paradiso data et a deo et homine in evangelio roborata, est etiam de causa nobis hactenus inaudita, ex qua subtiliter necesse erit auctoritates sacras revolvere et leges Christianas interrogare, pontificalem auctoritatem in sui examinatione sincero et cauto gressu incedere et quemque Christianum a recto itinere non deviare» (*Hincmar von Reims*. Op. cit. S. 132). Подробнее см.: *Buc Ph.* The Dangers of Ritual. P. 56–57, 64–66.

⁴² *La Rocca C.* Liutprando da Cremona e il paradigma femminile di dissoluzione dei Carolingi // *Agire da donna. Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI–X)* / A cura di C. La Rocca. Turnhout, 2007. P. 291–307; *Buc Ph.* The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton, 2001. P. 19–20, 27; *Idem.* Italian Hussies and German Matrons. Liutprand of Cremona on Dynastic Legitimacy // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 207–225; *Colonna E.* Figure femminili in Liutprando da Cremona // *Quaderni medievali*. 1982. T. 14. P. 29–60.

кредитировала и своего супруга-монарха, и саму идею высшей светской власти⁴³.

Особенно важно это оказывалось в тех случаях, когда королева являлась соправительницей своего супруга (*consors regni*), разделяя с ним власть и ответственность за страну. Термин *consortium* в средневековой Европе начал использоваться очень рано, поскольку мы обнаруживаем его уже в коронационных чинах, датируемых 800–900 гг.: «...и как ты позволил царице Есфири приблизиться... к брачному ложу царя Артаксеркса и к управлению его царством, точно так же позволь милосердно своей служанке Н., присутствующей здесь,... стать достойной супругой нашего величественного короля и участвовать [в управлении] его королевством»⁴⁴. Как отмечала Женевьева Бюрер-Тьерри, иудейка Есфирь, спасшая свой народ от полного его истребления амаликитянином Аманом, воспринималась в Средние века не просто как образец добропорядочности. В ней еще со времен св. Иеронима видели персонификацию Церкви, что сближало ее с фигурой Девы Марии, культ которой был необыкновенно популярен в европейских странах⁴⁵ и которой, как следствие, противопоставлялась королева, совершившая адюльтер и предавшая тем самым не только своего супруга, но и свою страну⁴⁶.

⁴³ Airlie S. Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II // *Past and Present*. 1998. Т. 161. P. 3–38; De Jong M. *Sacrum palatium et ecclesia*. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790–840) // *AHSS*. 2003. № 6. P. 1243–1269, особенно P. 1258–1265.

⁴⁴ “...ut sicut Hester reginam...ad regis Assueris thalamum regnique eius consortium transire fecisti, ita hanc famulam tuam N... ad dignam sublimenque regis nostri copulam regnique sui participium misericorditer transire concedas...” (*Ordines coronationis imperialis*. Die Ordines für die Weihe und Krönung des Kaisers und der Kaiserin / Hrsg. von R. Elze. Hannover, 1960. S. 6); “Respice propitius super hanc famulam tuam martali iunctam consortio, quae tua se expetit protectione muniri” (*Ordines coronationis Franciae*. Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R. A. Jackson. Philadelphia, 1995. P. 85).

⁴⁵ Bühner-Thierry G. Op. cit. P. 300. О культе Девы Марии в Средние века см.: Iogna-Prat D. Le culte de la Vierge sous le règne de Charles le Chauve // *Cahiers Saint-Michel de Cuxà*. 1992. Т. 23. P. 97–116; Marie. Le culte de la Vierge dans la société médiévale / *Etudes réunies par D. Iogna-Prat, E. Palazzo, D. Russo*. P., 1996; Schreiner K. *Maria Patrona*. La sainte Vierge comme figure des villes, territoires et nations à la fin du Moyen Age et au début des temps modernes // *Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne* / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 133–153.

⁴⁶ Являясь *consors regni*, королева-изменщица нарушала не только обеты, принятые ею лично супругу, но и условия символического договора, заключаемого монархом с его страной в момент коронации и рассматривавшегося в эпоху Средневековья и Нового времени как брачный союз. Подробнее об этой аналогии см.: Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018. С. 76–96.

Не случайно и французские авторы рубежа XIV–XV вв. постоянно возвращались к теме целомудрия своих правительниц. Так, в анонимном *Mesnagier de Paris* (1392–1394 гг.) утверждалось, что любая женщина, вышедшая замуж за правителя и ставшая королевой, «не должна целовать ни одного мужчину – ни отца, ни брата, ни [иного] родственника – за исключением короля, пока он жив»⁴⁷. Жоффруа де Ла Тур Ландри в «Книге наставлений дочерям» (1371–1373 гг.) пересказывал поучительную историю о том, как взошедший на престол незаконнорожденный сын королевы Неаполя вверг свою страну в пучину войны, насилия и разрухи⁴⁸. В «Письме к Изабелле Баварской» (1405 г.) Кристина Пизанская призвала свою давнюю патронессу не уподобляться «распутной, жестокой и извращенной» Иезавели⁴⁹, но следовать примеру Есфири и Девы Марии⁵⁰.

Именно на противопоставлении королевы Франции этим положительным библейским образцам и основывалось восприятие Изабеллы в годы, последовавшие за подписанием договора в Труа⁵¹. В частности, в письме Псевдо-Барбаро, анонимного итальянского гуманиста, сообщалось, что «французская столица – что [кажется] совершенно удивительным – как будто населена не одним народом, но многими. Здесь собрались все короли и герцоги. Без сомнения, это – последнее пристанище знати, а о многочисленных представителях королевского дома, восходящих к Карлу [Великому], говорят, что в их жилах течет кровь

⁴⁷ “Item, dit l'en aussi que les roynes depuis qu'elles sont mariees jamais elles ne baiseronr homme – ne pere, ne frere, ne parent – fors que le roy, tant comme il vivra” (Le *Mesnagier de Paris* / Texte édité par G.E. Brereton et J.M. Ferrier. P., 1994. P. 152).

⁴⁸ “Il est contenu ès croniques de Napples qu'il y ot une fole royne qui ne garda pas son corps nettement ne loyamment à son seigneur, et tant qu'elle conçut un filz d'ung autre que du roy son seigneur. Si advint que icelluy fut roy après la mort du roy, ...et prenoit amendes et tailles, et efforçoit femmes et usoit de mauvaïse vie, tellement que il encommença guerres à ses voisins et à ses barons, et tant que le royaulme fut en essil et en povreté par moult long temps” (Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles / Ed. par A. de Montaiglon. P., 1854. P. 119). Какие именно «хроники Неаполя» читал Ж. де Ла Тур Ландри, историками до сих пор не установлено: Крылова Ю.П. Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014. С. 133–134.

⁴⁹ “...des perverses, crueuses et ennemies de nature humaine: si comme la faulse royne Jesabel” (*Pizan Ch. de. Lettre à Isabelle de Bavière, reine de France* // Thomassy R. Essai sur les écrits politiques de Christine de Pizan, suivi d'une notice littéraire et de pièces inédites. P., 1838. P. 133–140, здесь P. 137).

⁵⁰ “...si comme la vaillant saige royne Hester, qui par son sens et bènignité appaisa l'yre du roy Assuaire, tant que revocquer fist la sentence donnée contre le pueple condamné à mort” (Ibid. P. 136–137). “Encore vous dis-je que, tout ainsi comme la royne du ciel, mère de Dieu, est appelée mere de toute chrétienté, doit estre dicte et appelée toute saige et bonne royne, mère et confortarresse, et advocate de ses subjez et de son pueple” (Ibid. P. 137–138).

⁵¹ Adams T. The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria. P. 114–124.

матери Господа»⁵². Именно поэтому, по мнению автора письма, весь мир жаждал завязать отношения с французским двором и обращал свои взоры к Парижу, где уже находились многие европейские принцы со своими свитами⁵³. Однако, эта благословенная земля оказалась под угрозой, и причиной тому – недостойное поведение принцев крови и, что гораздо важнее, самой королевы, признавшей в совершении адюльтера, который опозорил всю династию⁵⁴. Иными словами, Изабелла здесь прямо противопоставлялась Деве Марии, и именно на этой антитезе строилось пророчество о пришествии некой девы, которая, подобно Богородице, спасет Францию.

***

Письмо Псевдо-Барбаро было написано в июле-сентябре 1429 г. и стало одним из первых откликов на появление на исторической сцене Жанны д'Арк. К этому времени она не только приняла участие в снятии английской осады с Орлеана и в освобождении городов в долине Луары, но и сопровождала дофина Карла в Реймс, где 17 июля 1429 г. он был помазан и коронован как Карл VII. Эти несомненные военные и политические победы придали французам сил, они же заставили их сторонников поверить в то, что Жанна – посланница самого Господа и она защитит королевство точно так же, как Дева Мария всегда защищала род людской, являясь его главной заступницей перед лицом Всевышнего.

Таким образом, именно в письме Псевдо-Барбаро Изабелла Баварская, приведшая, по мнению современников, Францию на край гибели, оказывалась недвусмысленно противопоставлена не только главной героине Нового Завета, но и Жанне д'Арк – «воплощению» Девы Марии

⁵² "Parisia rerum caput quod oppidum, mirum dictu, non uno populo sed multis ex gentibus haberi atque impleri putavisses. Illic regum omnium ac ducum conventus fieri; unum illud relique nobilitatis haud dubium domicilium esse. Quippe a Carolo repetita tot principum serie, velut dotalem hunc genetricis Dei sanguinem referunt" (Gilli P. *L'épopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain: édition et traduction de la lettre du pseudo-Barbaro (1429)* // *Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc*. 1996. № 20. P. 4–26, здесь P. 10).

⁵³ "Propinquitatibus et affinitatibus multi coniunctissimi, cum nemo non cupissime tante ac tam celebrate domus, amicitiam speraret. Eo itaque fiebat, velut ad comunem omnium tyrannorum Reginam concursus, ut saepe mirari necesse esset, tot gentium principes cum pro se quisque multa equitum milia, vel ad dignitatis speciem vel ad corporis dignitatem... duceret posse intra unius urbis moenia contineri" (Ibid. P. 10).

⁵⁴ "Verum haec omnia eo usque divina processit impatientia, tum Gallorum procerum superbia unius prelii momento ad Brittanos ceciderant. Captus rex huiusce regis, captiva soror, nec multo post Brittanici regis uxor facta, captiva mater, quae ne iustus heres paternum regnum capescere: proh inauditum scelus, incognitam feminae vesaniam, *confessa est iuvenem se ex adulterio peperisse*" (Ibid. P. 11, курсив мой – О.Т.). Подробнее о восприятии итальянцами ситуации, сложившейся во Франции в первой половине XV в., см.: Gilli P. *Au miroir de l'humanisme*. P. 94–97.

на земле. Это сравнение мы встречаем, к примеру, в письме Джованни да Молино, посланном в Венецию из Авиньона 30 июня 1429 г. и включенном затем в хронику Антонио Морозини: «Как Он спас человечество с помощью женщины, т.е. Пресвятой Девы Марии, точно так же Он спас лучшую часть христианского мира с помощью этой юной девушки, что является прекрасным подтверждением [силы] нашей веры»⁵⁵. Более сложным и более образным выглядело сравнение, использованное Кристиной Пизанской в *Ditié de Jeanne d'Arc*, законченном 31 июля 1429 г. Она писала о своей героине как о «...той, / кто даст Франции [испытать] из [материнской] груди / мира и сладкого питья»⁵⁶. Та же аналогия в конце XV в. была использована Матье Томассеном, который, ссылаясь «на трактат упомянутой Кристины» (*le traictié de laditte Christine*), писал: «От Девы Марии [пришло] спасение и укрепление всего рода человеческого, а от этой Девы Жанны – восстановление и спасение Французского королевства, которое пало столь низко и закончило бы [свое существование], если бы она не появилась»⁵⁷.

Казалось бы, в образе Жанны д'Арк для ее современников совпали все те черты, которыми традиционно наделялась Богоматерь: девушка принесла обет безбрачия; она явилась «во Францию», дабы защитить королевство от его врагов; наконец, ее воспринимали как безусловного военного лидера и если не соправительницу монарха, то как его верную помощницу – в отличие от Изабеллы Баварской⁵⁸. И все же далеко не все сторонники дофина изначально видели в Орлеанской Деве спасительницу страны.

Выжидательную позицию занял, в частности, один из ближайших советников Карла Жак Желю, епископ Амбрена, поддерживавший активную переписку с дофином, его супругой и придворными весной 1429 г.⁵⁹

⁵⁵ “E vede con che muodo l'a aidado Dio, chomo per una femena, zioè Nostra donna santa Maria, che salve l'umana generacion, chusy per questa donzela pura e neta l'a salvado la plu bela parte de cristade” (*Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France* / Ed. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. P., 1901. T. 3 (1429–1433). P. 80).

⁵⁶ “...et celle / Qui donne à France la mamelle / De paix et douce norriture” (*Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d'Arc*. V. 188–190). Как отмечала Кристина МакВебб, девой, выступающей одновременно в роли матери, в Средние века считалась только Мария: McWebb C. *Joan of Arc and Christine de Pizan: The Symbiosis of Two Warriors in the “Ditié de Jehanne d'Arc”* // *Fresh Verdicts on Joan of Arc* / Ed. by B. Wheeler, C.T. Wood. N.Y., 1999. P. 133–144, здесь P. 140.

⁵⁷ “...par la Pucelle Vierge Marie la réparation et la restauration de tout le humain lignaige; et par ladite Pucelle Jehanne la réparation et restauration du royaume de France qui estoit du tout en bas, jusques a prendre fin se ne fist venue” (*Quicherat J. Op. cit.* T. 4. P. 310).

⁵⁸ Подробнее о сравнении Жанны д'Арк с Девой Марией см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 235–245.

⁵⁹ Оригиналы этих писем не сохранились, и нам они известны по позднейшей копии: Fornier M. *Histoire générale des Alpes Maritimes ou Cottiennes*. 3 vol. P., 1890–1892. T. 2. P. 313–320.

Он изначально призывал остерегаться никому не известной особы, явившейся в Шинон, подозревая, что Жанна может оказаться ведьмой⁶⁰. Ведь она происходила из Лотарингии, располагавшейся слишком близко от герцогства Бургундского – не только политического противника Франции⁶¹, но и, по мнению современников, одного из рассадников колдовства. Недаром Желю упоминал о некой «новой секте», к которой, возможно, принадлежала девушка: речь, вне всякого сомнения, шла уже не о представителях какого-то еретического учения, но об организации ведьм и колдунов⁶².

Пытаясь всячески обосновать свою точку зрения, епископ Амбрена ссылаясь на историю об императоре Александре Македонском, приблизившем к себе иноземную «королеву», которая притворилась, что влюблена в него, но на самом деле задумала его отравить⁶³. Эта легенда стала известна в Западной Европе благодаря сборнику *Secretum secretorum*, в XII в. переведенному на латынь с арабского и с конца XIII в. пользовавшемуся огромной популярностью⁶⁴. Несмотря на то, что в романах об Александре Македонском данная история никогда, насколько можно судить, не упоминалась⁶⁵, в дидактических сочинениях, в особенности посвященных делам управления, она встречалась регулярно вплоть до начала Нового времени⁶⁶.

⁶⁰ “...il ne croit pas qu’il faille aisément et de léger s’arrester au discours d’une fille, et paysanne et solitaire, et fragile et tant susceptible d’illusions” (Ibid. P. 314).

⁶¹ “...il en escrit à Sa Majesté mesmes et à la Rayne, en leur remonstrant l’importance qu’il y avoit à bien sonder et recognoître cette fille, pour ce que toutes choses la devoient rendre suspecte. Premièrement le pais de Lorraine, frontière de ses ennemis, le Bourguignon et le Lorrain” (Ibid.).

⁶² “...qu’il fault bien faire esplucher son esprit à personnes sçavantes et pieuses, sur sa conversation, sur sa croyance, sur les nouveautez quelle avance si elle ne seroient point le leurre, envoyée de quelque *nouvelle secte*” (Ibid. P. 315, курсив мой – О.Т.). Подробнее см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 86–87.

⁶³ “Il luy baille l’exemple d’Alexandre, qu’une rayne voulut empoisonner et qui, pour cet effect, avoit esté nourrie de poisons, et puis, envoyée à ce roy, sur la croyance qu’il se laisseroit prendre aux amours de cette grâce, vraye boîte à poisons” (Fornier M. Op. cit. P. 315).

⁶⁴ Lorée D. Le statut du *Secret des secrets* dans la diffusion encyclopédique du Moyen Age // Encyclopédies médiévales: discours et savoirs. Rennes, 1998. P. 155–171; Fery-Hue F. Secret des secrets // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. P. 1366–1370. См. также выше: Глава 2, прим. 63.

⁶⁵ Gaullier-Bougassas C. Alexander and Aristotle in the French Alexander Romances // The Medieval French Alexander / Ed. by D. Maddox and S. Sturm-Maddox. N.Y., 2002. P. 57–73, здесь P. 59; Bellon-Méguelle H. Mourir de *laide mort* despite. L’empoisonnement d’Alexandre dans la littérature française médiévale // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2009. T. 17. P. 141–160.

⁶⁶ Насколько можно судить, наиболее полным исследованием, посвященным этому сюжету, до сих пор является статья В. Херца: Hertz W. Die Sage vom Giftmädchen // Gesammelte Abhandlungen von Wilhelm Hertz / Hrsg. von F. von der Leyen. Stuttgart; Berlin, 1905. S. 156–277.

Таким образом, мысль Жака Желю развивалась в полном соответствии с теорией Иоанна Солсберийского. С его точки зрения, женщина, обретающаяся при дворе, также не могла быть никем иным как куртизанкой, да еще и занимающейся колдовством. И хотя после допросов Жанны д'Арк, проведенных советниками дофина Карла в Шиноне и Пуатье весной 1429 г., эта тема очень быстро исчезла из официальных документов и прочих сочинений тех, кто причислял себя к сторонникам французов⁶⁷, их противники – англичане и бургундцы – продолжили развивать ее чрезвычайно активно.

Уже в июле 1429 г. в письме, направленном Генриху VI, регент Франции герцог Бедфорд писал, что причиной всех бед, постигших английское войско, был страх, который испытывали его солдаты перед «ученицей и ищейкой дьявола, называемой Девой и использующей гнусные чары и колдовство»⁶⁸. «Проституткой и ведьмой», по сообщению анонимного информатора Антонио Морозини из Брюгге от 9 июля того же года, называли Жанну англичане во время снятия осады с Орлеана⁶⁹. «Проституткой в обличье девственницы» и «женщиной, выдающей себя за девственницу», считал девушку и анонимный автор так называемого «Английского ответа» – отклика противников французов на стихотворное пророчество *Virgo puellares*, созданное весной-летом 1429 г. и подтверждавшее божественный характер миссии Девы⁷⁰.

В сентябре 1429 г. в послании Карлу VII герцог Бедфорд заявлял, что победы французских войск добыты не силой оружия, но при помощи «испорченных и подверженных суевериям людей и прежде всего этой непристойной и уродливой женщины, которая одевается как мужчина и ведет развратный образ жизни»⁷¹. В «Ответе парижского клирика», написанном в конце 1429 г. или в первые месяцы 1430 г. членом Парижского парламента, симпатизирующим англичанам, говорилось, что Жанна «похоже, занимается колдовством»⁷². В сентябре 1430 г. в решении Гене-

⁶⁷ Жак Желю сразу же после освобождения Орлеана также изменил свое мнение о Деве: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 69–72.

⁶⁸ “A greet strook upon your people... caused in grete partie... of lakke of sadde beleve, and of unlevefulle doubte that thei hadde of a disciple and lyme of the Feende, called the Pucelle, that used fals enchauntements and sorcerie” (Quicherat J. Op. cit. T. 5. P. 136, курсив мой – О.Т.).

⁶⁹ “E entrase con le vituarie e refreschamento dentro da Oriens, che may Ingelexi non avè argumento a muoverse, bem cridava contra la dita a dirli vilania, e che l'iera una putana e incantatrixe” (Chronique d'Antonio Morosini. P. 114–115, курсив мой – О.Т.).

⁷⁰ “meretrix quoque dicta puella”, “virgo viraginea” (цит. по: Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000. P. 66–67).

⁷¹ “Vous aidies plus de gens supperstitieus et reprouvés, comme d'une femme desordonnée et diffamée, estant en habit d'homme et de gouvernement dissolu” (Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 341).

⁷² “Ut fertur, videtur uti sortilegiis” (Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. Réponse d'un clerc parisien à l'apologie de la Pucelle par Gerson // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1906. T. 43. P. 161–179, здесь P. 178).

ральных штатов Нормандии девушка была названа «колдуньей и предводительницей войск дофина»⁷³. В продолжении «Хроники Брута», созданном в 1430–1431 гг., она именовалась «ведьмой Франции, которую [ее сторонники] называют Девой»⁷⁴.

Однако своего апогея идея о том, что Жанна д'Арк – распутница и ведьма в одном лице, безусловно, достигла на процессе 1431 г., который состоялся в Руане, неофициальной столице английской Франции, и на котором девушку уже *официально* обвинили в занятиях проституцией и колдовством.

***

В списке статей предварительного обвинения, составленном прокурором трибунала Жаном д'Эстиве и зачитанном 27–28 марта 1431 г., эти сюжеты возникали в первых же строках:

«VIII. Также Жанна, когда ей было примерно 20 лет, по своему собственному желанию и без разрешения отца и матери, отправилась в город Нефшато в Лотарингии и на какое-то время нанялась на службу к содержательнице постоялого двора по прозвищу Рыжая. Там постоянно собирались женщины дурного поведения, и останавливались солдаты. Жанна также жила там, иногда общалась с этими женщинами, иногда водила овец на пастбище и лошадей на водопой... IX. Также Жанна, находясь там в услужении, привлекла к церковному суду города Туля некоего юношу, обещавшего на ней жениться. Для участия в процессе она несколько раз ездила в Туль... Этот юноша, поняв, с какими женщинами она знакома, отказался взять ее в жены. Он умер, и это дело до сих пор не закрыто. А Жанна с досады впоследствии эту службу оставила»⁷⁵.

⁷³ “Jehanne la Pucelle que l'en dit estre sorcière, personne de guerre, conduisant les ostz du Daulphin” (Quicherat J. Op. cit. T. 5. P. 179, курсив мой – О.Т.).

⁷⁴ “...the wycch of fraunce, that was callid the pusshell” (цит. по: Clin-Meyer M.-V. Jeanne d'Arc sorcière? // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. 1987. № 11. P. 17–18, курсив мой – О.Т.). Подробнее об английских откликах на эпопею Жанны д'Арк, возникших еще при жизни героини, см.: Orgelfinger G. Joan of Arc in the English imagination, 1429–1829. University Park, 2019. P. 13–35.

⁷⁵ “VIII. Item dicta Iohanna, circa vicesimum annum etatis eius, propria voluntate et absque licencia dictorum patris et matris, transivit ad villam Novocastro in Lotharingia et ibidem servivit per aliqua tempora cuidam mulieri hospite nunciate La Rousse, ubi morantur continue iuvenes plures mulieres incontinentes et eciam hospitantur ut plurimum gentes guerre. In quo hospicio dicta Iohanna sic commorans aliquando stabat cum dictis mulieribus, aliquando ducebat oves ad campos, et equos aliquando ducebat ad aquatum... IX. Item dicta Iohanna, existens in dicto servicio, traxit in causam coram officiali Tullensi, causa matrimonii, quendam iuvenem, in prosecucione cause pluries eundo ad dictam civitatem Tullensem... Qui quidem iuvenis sciens eam conversatam esse cum dictis mulieribus, renuens eam desposare, decessit pendente processu. Ex quo dicta Iohanna, ex impaciencia, recessit a dicto servicio” (Procès de

Во второй раз к теме проституции и колдовства Жан д'Эстиве обращался в связи с военной карьерой девушки, т.е. с той непосредственной помощью, которую она оказала дофину Карлу:

«LIII. Также против воли Господа и святых Жанна, проявив высокомерие и гордость, присвоила себе главенство над мужчинами, выступая в качестве военачальника и предводителя армии... LIV. Также Жанна бесстыдно жила среди мужчин, отказываясь от общества женщин, принимая услуги только от мужчин и требуя, чтобы они помогали ей как в интимных надобностях, так и в ее тайных делах, что никогда не было свойственно ни одной целомудренной и благочестивой женщине»⁷⁶.

В тексте статей присутствовали, таким образом, все необходимые компоненты, чтобы выдвинуть обвинение в распутном образе жизни: постоянный двор, в Средние века слишком часто являвшийся публичным домом; проживающие там проститутки; их вечные клиенты – солдаты; репутация самой героини, безвозвратно испорченная подобным соседством⁷⁷. Туманное упоминание неких «тайных дел» вполне могло служить завуалированным намеком на занятия колдовством⁷⁸, тем более что прозвище хозяйки таверны – *La Rousse* (Рыжая) – свидетельствовало не только о том, что это была женщина недостойного поведения, но и о том, что она, весьма вероятно, являлась ведьмой⁷⁹.

Обвинение Жанны д'Арк в проституции всего единожды становилось предметом специального рассмотрения. Пытаясь понять, почему оно исчезло из окончательного приговора, Сюзен Шибанофф отмечала, что оно никак не соответствовало основной статье обвинения – ношению девушкой мужской одежды (т.е., по мнению американской иссле-

condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Tisset, Y. Lanhers. 3 vol. P., 1960–1971. T. 1. P. 200–201).

⁷⁶ “Item, contra precepta Dei et sanctorum, dicta Iohanna assumpsit sibi presumptuose et superbe dominacionem in et supra viros, se constituendo caput et ducem exercitus aliquando numerosi XVI millium virorum... Item ipsa Iohanna inverecunde incessit cum viris, recusans habere consorcia aut obsequia mulierum, sed tantum virorum, quos sibi servire voluit in officiis privatis camere sue et suis secretis rebus. Quod nunquam de aliqua muliere pudica et devota visum est vel auditum” (Ibid. P. 262–263).

⁷⁷ В данном случае речь шла о так называемых оседлых (т.е. постоянно проживавших в одном месте) проститутках. О различиях между деревенскими и городскими, оседлыми и бродячими, «банными» и «секретными» проститутками в средневековой Европе см.: *Rossiaud J. Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010. P. 99–140.*

⁷⁸ См. также прим. 101 и 104.

⁷⁹ Рыжий цвет в эпоху Средневековья всегда имел сугубо негативные коннотации. Рыжеволосыми или одетыми в платья соответствующего оттенка в этот период часто изображали проститутток: *Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012. С. 210–224.* Однако тот же самый цвет уже в XV в. начали использовать для описания и изображения ведьм. Подробнее см. ниже: Глава 10.

довательницы, трансвестизму): сознательно выбрав этот образ, Жанна, с точки зрения судей, перестала быть женщиной. Как следствие, первоначальная идея видеть в ней обычную проститутку к концу процесса оказалась отринута⁸⁰.

Логичные рассуждения С. Шибанофф разбивались, тем не менее, об один-единственный факт. Обвинение Орлеанской Девы в развратном образе жизни в действительности никуда не исчезало, оно присутствовало и в тексте окончательного приговора по ее делу и занимало в нем почетное первое место: «...когда ей было примерно 17 лет, она покинула отчий дом против воли родителей и примкнула к солдатам, проводя с ними день и ночь и почти никогда не имея подле себя никого из женщин»⁸¹.

Наличие статей, посвященных проституции, а вместе с тем и колдовству, в действительности нельзя было объяснять вне общего контекста процесса 1431 г., т.е. без учета *всего* списка предварительных статей обвинения, составленного Жаном д'Эстиве. Он, как это и было принято в подобных случаях, начинался с утверждения полномочий присутствовавших на процессе судей как в уголовных делах, так и в делах веры (статья I). Однако очень быстро – уже со второй статьи – прокурор трибунала переходил к конкретным обвинениям в адрес Жанны д'Арк. И самым первым, что ей инкриминировалось, оказывалось колдовство: «Также обвиняемая творила и изготовляла многочисленные зелья, распространяла суеверия, предсказывала будущее, позволяла почитать себя и поклоняться себе, вызывала демонов и злых духов, советовалась с ними, водила с ними знакомство, заключала с ними договоры и соглашения, которыми затем пользовалась»⁸².

Та же тема последовательно развивалась в статье IV, где говорилось, что «магическим искусствам», ремеслу предсказаний и наведению порчи Жанна научилась у старых женщин в ее родной деревне Домреми, жители которой с давних времен были известны умением колдовать⁸³. Последнее обстоятельство подтверждалось статьями V и VI, повествующими о «чудесном дереве» и об источнике, где, по слухам, обитали злые духи, именуемые феями, и куда односельчане Жанны приходили ночью

⁸⁰ Schibanoff S. True Lies: Trasvestism and Idolatry in the Trial of Joan of Arc // Fresh Verdicts on Joan of Arc. P. 31–60.

⁸¹ “...sine scitu et contra voluntatem parentum suorum, dum esset etatis septemdecim annorum vel eocirca, domum paternam egressa fuit ac multitudini hominum arma sequencium sociata, die nocteque cum eis conversando, nunquam aut raro aliam mulierem secum habens” (Procès de condamnation. T. 1. P. 291).

⁸² “...dicta rea...quamplura sortilegia et supersticiones fecit, composuit, miscuit et ordinavit; divinata est, et se permisit adorari et venerari; et demones ac malignos spiritus invocavit, eos consuluit, cum eis frequentavit pactaque, tractatus et convecriones iniit, fecit et habuit et eis usa est...” (Ibid. P. 193).

⁸³ “...fuit... per aliquas vetulas mulieres assuefacta et imbuta ad utendum sortilegiis, divinacionibus et aliis supersticios operibus sive magicis artibus; quarum villarum plures habitantes notati fuerunt ab antiquo uti predictis maleficiis” (Ibid. P. 196).

танцевать и петь, а также вызывать демонов и творить свои злые дела⁸⁴. Статья VII завершала тему колдовства: здесь рассказывалось о мандрагоре, которую девушка «имела обыкновение носить на груди, надеясь с ее помощью обрести богатство»⁸⁵. Любопытно, что магические свойства мандрагоры, с точки зрения людей Средневековья, помогали ее владельцу не только разбогатеть – не менее важным считалось ее использование в качестве сильнейшего приворотного средства. Не случайно анонимный автор *Mesnagier de Paris*, ссылаясь на *Catholicon* доминиканца Иоганна Бальба (1286 г.), советовал своим читательницам использовать корень этого растения или его плоды для повышения фертильности⁸⁶. Таким образом, упоминание о мандрагоре в списке д'Эстиве уточняло суть дела: Жанна д'Арк подозревалась не просто в занятиях колдовством, но – имплицитно – в склонности к любовной магии, которую применительно ко двору любого правителя Иоанн Солсберийский выделял особо⁸⁷.

Как будто в подтверждение его теории следующие статьи предварительного обвинения оказывались посвящены началу политической карьеры Орлеанской Девы и были связаны непосредственно с ее пребыванием в Нефшато. В статье X сообщалось, что именно в тот момент, когда она оставила службу у хозяйки постоялого двора, ей начали являться св. Михаил, св. Екатерина и св. Маргарита, настаивавшие на ее отъезде «во Францию», дабы снять осаду с Орлеана, короновать дофина Карла и изгнать английских захватчиков. Под влиянием этих «голосов» Жанна покинула отчий дом против воли своих родителей и отправилась в Вокулер к Роберу Бодрикуру⁸⁸.

⁸⁴ "...conversari dicuntur maligni spiritus dicti Fata, gallice *faees*, cum quibus utentes sortilegiis consueverunt de nocte coreizare, circuientes dictos arborem et fontem" (Ibid. P. 197). "Item dicta Iohanna solita frequentare dictos fontem et arborem, et sepius nocte... dicendo et cantando... certas canciones et carmina cum certis invocacionibus, sortilegiis et aliis maleficiis" (Ibid. P. 198).

⁸⁵ "Item dicta Iohanna aliquando consuevit portare mendragoram in sinu suo, sperans, per medium illius, habere prosperam fortunam in diviciis et rebus temporalibus..." (Ibid. P. 199).

⁸⁶ "*Catholicon* dist, ce m'est advis, que bien peuent estre herbes et rachines, et que le fruit vault a femmes brehaignes pour aidier a concepvoir" (Le Mesnagier de Paris. P. 176). Сочинение И. Бальба на протяжении всего Средневековья пользовалось большой популярностью (Ibid. P. 177, n. 1). Об отношении к мандрагоре в Античности и в Средние века см. также: Топоров В. Н. Мандрагора // Мифы народов мира. Т. 2. С. 102; Le Roy Ladurie E. La sorcière de Jasmin. P., 1983. P. 35–49.

⁸⁷ Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici. T. 1. P. 218–219, 245.

⁸⁸ "Item, post recessum a dicto servicio de *La Rousse*, dicta Iohanna, dicens se habuisse et habere continuo a quinque annis visiones et appariciones sancti Michaelis et sanctorum Katherine et Margarete, et signanter tunc per eos sibi ex parte Dei revelatum fuisse quod levaret obsidionem Aurelianensem et quod faceret coronari Karolum quem dicit regem suum, et expelleret omnes adversarios suos a regno Francie, invitis patre et matre atque contradicentibus, recessit ab eis et proprio motu ac sponte ivit ad Robertum de Baudricourt, capitaneum ville de *Vaucoulour*" (Procès de condamnation. T. 1. P. 201). Тому же сюжету была посвящена и статья XI: Ibid. P. 204–205.

Уход женщины из дома рассматривался в Средние века как событие крайне предосудительное, поскольку оно неминуемо вело к социальной деградации беглянки, к ее превращению в падшую женщину, а иногда – и в ведьму⁸⁹. Не случайно автор «Хроники Девы», созданной в Орлеане в 1460-е гг., счел необходимым подробно описать обстоятельства отъезда Жанны д'Арк из Домреми, всячески оправдывая ее поступок и утверждая, что она «вовсе не хотела их (родителей – О.Т.) обесчестить и не боялась их, но не осмелилась сказать им об этом, поскольку сомневалась, что они позволят ей осуществить задуманное»⁹⁰. Намерение Жанны «одеться в мужское платье, сесть верхом на лошадь и отправиться к королю» вызвало у Робера де Бодрикура, по мнению автора «Дневника осады Орлеана» (1460-е гг.), лишь смех и желание отдать ее солдатам «для сексуальных утех»⁹¹. Особое звучание на этом фоне приобретал и упомянутый в статье X списка д'Эстиве сон отца Жанны о ее возможном уходе из дома вслед за военными: Жак д'Арк якобы говорил своим сыновьям, что предпочел бы своими собственными руками утопить дочь, но не допустить подобного позора – превращения девушки в армейскую проститутку⁹².

В данном контексте совершенно особое звучание приобретало и обвинение в ношении Жанной мужского костюма (статьи XII–XVI)⁹³. Ведь женщины, сопровождавшие в Средние века войско, обычно носили именно такое платье. Немецкий хронист Эберхард Виндеке, посвятив-

⁸⁹ Подробнее см.: *Brundage J.A.* Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987. P. 248, 389–390; *Karras R.M.* The Latin Vocabulary of Illicit Sex in English Ecclesiastical Court Records // *Journal of Medieval Latin*. 1992. № 2. P. 1–17; *Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448). Lausanne, 1995. P. 97–116; *Maier E.* Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484). Lausanne, 1996. P. 338–339.

⁹⁰ “...laquelle, un jour, sans congé de père ou de mère (non mie qu'elle ne les eust en grand honneur et révérence, et les craignoit et doubtoit; mais elle ne s'osoit descouvrir à eux, pour doubte qu'ils ne luy empeschassent son entreprinse), s'en vint à Vaucouleurs” (*Chronique de la Pucelle*. P. 271).

⁹¹ “Pour quoy elle s'en alla devers messire Robert de Bodricourt, et lui raconta sa vision, lui priant et requérant que pour le très grant bien et prouffit du roy et du royaume, il la vouldist habiller en habit d'homme, la monter d'un cheval, et faire mener devers le roy... Mais pour lors, ne plusieurs jours après, ne le voulut croire, ainçois ne s'en faisoit que mocquet, et reputoit sa vision fantasies et folles ymaginations, combien que, cuidant faire servir ses gens d'elle en péché charnel, il la retint” (*Journal du siège d'Orléans, 1428–1429, augmenté de plusieurs documents, notamment des comptes de ville* / Ed. par P. Charpentier, Ch. Cuissard. Orléans, 1896. P. 35).

⁹² “Interrogata de sompniis patris sui concernentibus eam et suum recessum: respondit quod mater sua pluries dixit ei adhuc cum patre esistenti, quod pater suus dixerat se habuisse somnia quod dicta Iohanna erat itura cum gentibus armorum... Item audivit a matre sua patrem dicere fratribus suis in hunc modum: Vere, si ego putarem rem contingere quam somniavi de filia, ego vellem quod vos submergeretis eam; et nisi faceretis, egomet eam submergerem” (*Procès de condamnation*. T. 1. P. 204).

⁹³ *Ibid.* P. 171–179.

ший в «Книге об императоре Сигизмунде» (ок. 1380–1440 гг.) несколько страниц Орлеанской Девы, пересказывал, в частности, легендарную историю об изгнании проституток из французского лагеря. Как сообщал автор, передвигались эти дамы верхом и были одеты в доспехи, а потому никто – кроме самой Жанны – не мог заподозрить, что это – женщины⁹⁴.

В письмах о помиловании первой половины XV в., которые получали французские солдаты, можно встретить достаточно упоминаний о *femmes de péché, ribaudes, garses, barcelettes*, бывших их «подружками» или «служанками». По мнению Филиппа Контамина, постоянное присутствие «проституток в мужском платье» или «девушек в одежде пажей» в армии дофина Карла в полной мере объясняло негативное отношение его противников к Жанне д'Арк, одетой точно так же⁹⁵. Они обзывали ее «развратницей и проституткой»⁹⁶, «проституткой арманьяков»⁹⁷, «проституткой и ведьмой»⁹⁸. Целый «букет» обидных прозвищ был собран в «Мистерии об осаде Орлеана» (рубеж XV–XVI вв.), где также переплелись обвинения в проституции и колдовстве⁹⁹ (Илл. 7).

На мой взгляд, список Жана д'Эстиве был специально выстроен таким образом, чтобы упоминания о мужском костюме Девы шли сразу после рассказа о постоялом дворе и его подозрительной хозяйке. Познакомившись с девицами легкого поведения и став одной из них, а затем покинув навсегда отчий дом, Жанна, с точки зрения прокурора суда, отправилась под Орлеан вовсе не в качестве военачальника, а как обычная армейская проститутка.

Этапы ее пути из Вокулера в Шинон, из Шинона в Сент-Катрин-де-Фьербуа, а оттуда – под стены осажденного Орлеана были восстановлены в следующих статьях обвинения (XVII–XXIII). Однако в описание

⁹⁴ “Do was ein man under dem here, der hatte sine bülen bi ime, und reit gewoppent, das man sie nit kante. Und do sie all uf das velt koment, do sprach die Maget zu den andern herren und capitaniën: “Es ist ein wip under unserm volg”. Do seiten sie alle, sie enwusten keine under in” (*Lefèvre-Pontalis G. Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Eberhard Windecke. P., 1903. P. 184–185*). “Also vant sie die zwo varn[de] dochter uf ein zit, also sie aberittent, wann sie seite vorhin, daz wiber under dem harst weren” (*Ibid. P. 186–187*).

⁹⁵ “garse habillée en habit d'homme”, “jeune file vestue en habit de page” (цит. по: *Contamine Ph. Guerre, Etat et société à la fin du Moyen Age. Etudes sur les armées des rois de France, 1337–1495. P., 1972. P. 451*).

⁹⁶ “...lequel la diffama moult de langage, comme (la) clamer ribaude et putain” (*Journal d'un bourgeois de Paris / Ed. par C. Beaune. P., 1990. P. 258*).

⁹⁷ “la putain des Armignacz” (*Procès en nullité. T. 1. P. 394*).

⁹⁸ “...e entrase con le vituarie e refreschamento dentro da Oriens, che may Ingelexi non avè argumento a muoverse, bem cridava contra la dita a dirli vilania, e che l'iera una putana e incantatrixe” (*Chronique d'Antonio Morosini. P. 114*).

⁹⁹ По мнению автора мистерии, англичане обращались к Жанне не иначе, как к *putin publique, fauce putin, ribaude, garce*, а также *sorciere, enchanteuse, vaudoise, deablesse, dyable d'enfer* (*Le Mistere du siege d'Orleans / Edition critique de V.L. Hamblin. Genève, 2002. P. 468, 485–487, 489, 490, 493–495, 505–508, 518, 525, 526, 528*).

хода военных кампаний оказались включены теперь уже прямые указания на то, что Жанна использовала для достижения своих целей исключительно колдовство. Жан д'Эстиве утверждал, что девушка пообещала дофину Карлу три вещи: снять осаду с Орлеана, короновать его в Реймсе и избавить его от противников, которых «с помощью [магического] искусства она или убьет или прогонит прочь»¹⁰⁰. Для придания большего веса своим словам она «использовала предсказания, повествуя о нравах, жизни и тайных деяниях некоторых людей..., похваляясь, что узнала об этом посредством [данных ей] откровений»¹⁰¹. Лишь при помощи демонов она смогла отыскать меч в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа¹⁰², и даже содержание письма, посланного девушкой англичанам, свидетельствовало о ее связи со «злыми духами», которые выступали ее постоянными советчиками¹⁰³.

Итог размышлениям д'Эстиве на тему колдовства подводила статья XXXIII: «Также Жанна самонадеянно и дерзко похвалялась, что [может] предвидеть будущее, ведает прошлое и [может] узнать о делах тайных, происходящих в настоящем, присваивая себе, простому и невежественному человеческому созданию, то, что мы приписываем Божественному»¹⁰⁴. Победы Девы, утверждал прокурор руанского трибунала, оказались добыты несправедливым путем – посредством магии, к которой эта проститутка была особенно склонна. Воспользовавшись женскими чарами и завоевав доверие дофина Карла, она при помощи колдовства давала ему ложные обещания: то были не откровения Свыше (*revelatio*), как она всех уверяла, но дьявольские иллюзии (*divinatio*), прельщавшие ее правителя.

Представленная в таком виде история Жанны д'Арк вполне укладывалась в схему, некогда предложенную Иоанном Солсберийским. Тем не менее, «Поликратик» отнюдь не являлся единственным источником вдохновения для Жана д'Эстиве. Трактат знаменитого английского схоластика вовсе не затрагивал тему военной помощи, которую король мог получить от женщины, приближенной к его особе, тогда как прокурор руанского трибунала делал на ней главный акцент и использовал в данном случае иные авторитетные тексты.

¹⁰⁰ “...et tercium quod vindicaret eum de suis adversariis, eosque omnes sua arte aut interficeret aut expelleret de hoc regno” (Procès de condamnation. T. 1. P. 214).

¹⁰¹ “...usa est *divinationibus*, detegendo mores, vitam et occulta facta aliquorum..., iactando se illa cognoscere per *revelacionem*” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

¹⁰² “Item dicta Iohanna, demones consulendo et utendo *divinacionibus*, misit quesitum quandam ensem absconsum in ecclesia Beate Katherine de Fierbois” (Ibid. P. 216, курсив мой – О.Т.).

¹⁰³ “Ex quarum licterarum tenore clare constat dictam Iohannam a malignis spiritibus illusam esse et eos frequenter consulere in eius agendis” (Ibid. P. 222).

¹⁰⁴ “Item quod Iohanna presumptuose et temerarie se iactavit et iactat quod prescit futura, preterita prescivit et presentia occulta seu latencia, quod *divinitati* attribuitur, sibi, humane creature simplici et indocte, attribuendo” (Ibid. P. 230, курсив мой – О.Т.).

В списке д'Эстиве – да и во всех прочих откликах современников на военные победы Жанны д'Арк – основное внимание всегда уделялось снятию осады с Орлеана. Захват его англичанами означал бы, по видимому, их окончательную победу и конец Столетней войны, поистине трагический для Франции¹⁰⁵. Так, к примеру, считал венецианский купец Панкратио Джустиниани, писавший отцу из Брюгге 10 мая 1429 г.: «...если бы англичане взяли Орлеан, они легко смогли бы стать хозяевами Франции и отправить дофина в богадельню»¹⁰⁶.

Важнейшая для средневековой политической культуры тема снятия осады с города была знакома европейским интеллектуалам прежде всего по библейским текстам. А потому совершенно не случайно первое место в ряду героинь прошлого, с которыми сравнивали Жанну д'Арк, занимала ветхозаветная Юдифь, спасшая свою родную Ветулию от войск Олоферна. Откликаясь на снятие осады с Орлеана в мае 1429 г., Жак Желю отмечал, что Господь способен даровать победу даже представительнице слабого пола¹⁰⁷, и добавлял: «С Божьей помощью и женщина может осуществить месть, как это сделали Юдифь и Есфирь»¹⁰⁸. В то же время Жан Жерсон, канцлер Парижского университета, сравнивал подвиг, совершенный Жанной, с «не менее чудесными» деяниями Деборы, св. Екатерины, Юдифи и Иуды Маккавея¹⁰⁹, а Кристина Пизанская считала, что она и вовсе превзошла их всех¹¹⁰. Немецкий теолог Генрих фон Горкум, автор трактата *De quadam puella*, созданного летом 1429 г., отмечал, что французская героиня – как в свое время Дебора, Есфирь и Юдифь – спа-

¹⁰⁵ Подробнее о военной и политической ситуации, складывавшейся во Франции в ходе Столетней войны в первой трети XV в., см.: Rogers C.J. Henry V's Military Strategy in 1415 // *The Hundred Years War: A Wider Focus* / Ed. by L.J.A. Villalon and D.J. Kagay. Leiden; Boston, 2005. P. 399–428; De Vries K. Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999. P. 8–30, 57–68.

¹⁰⁶ “...se i diti avese prexo Horiens, se poderia de lizier al tuto farse signory de Franza, e mandar el Dolfin per pan a l'ospedal” (*Chronique d'Antonio Morosini*. P. 16).

¹⁰⁷ “Attamen in Dei potentiam relata nullam admirationem inducere debent, quia in paucis veluti in multis, victoriam etiam sexus muliebris interventu aequaliter praestare potest, ut in Debbora factum exstitit” (*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio* // Lanéry d'Arc P. *Mémoires et consultation en faveur de Jeanne d'Arc*. P., 1889. P. 565–600, здесь P. 572).

¹⁰⁸ “Mulieres etiam, ut Judith et Esther nutu divino etiam vindictam exercuerunt” (*Ibid*. P. 578).

¹⁰⁹ “Exempla possunt induci de Debbora et de sancta Katharina in conversione non minus miraculosa..., et aliis multis, ut de Judith et de Juda Machabeo” (*Procès en nullité*. T. 2. P. 37).

¹¹⁰ “Plus a fait ceste Pucelle / Que Hester, Judith et Delbora / Qui furent dames de grant pris, / Par lesqueles Dieu restora / Son pueple...” (*Christine de Pizan*. *Ditié de Jeanne d'Arc*. V. 216–220).

сет свой народ¹¹¹. Таким образом, для современников событий Жанна, безусловно, являлась новой Юдифью, а Орлеан – новой Ветулией¹¹².

Любопытно, что в некоторых более поздних откликах на события мая 1429 г., например, в «Хронике Турне», девушка уподоблялась исключительно этой библейской героине¹¹³. В рукописи «Защитника дам» Мартина Ле Франка, выполненной около 1451 г. в Аррасе и преподнесенной Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, на миниатюре были представлены вместе «дама Юдифь», выходящая из палатки Олоферна и сжимающая в правой руке его голову, и Орлеанская Дева с копьем в правой руке и со щитом – в левой (Илл. 8)¹¹⁴. В «Сводном изложении» инквизитора Франции Жана Бреалья, составленном по материалам процесса о реабилитации 1456 г., осада Орлеана сравнивалась исключительно с осадой Ветулии¹¹⁵.

Тем не менее, история Юдифи обладала на протяжении Средневековья не только положительными коннотациями. Сам библейский текст был изначально известен в трех разных вариантах, хотя главная сюжетная линия оставалась практически неизменной: речь шла об убийстве предводителя вражеского войска, совершенном женщиной во имя освобождения своего родного города. В «классической» версии Олоферн, генерал Навуходоносора, царя Ассирии, осаждал Ветулию. В еврейских мидрашах (комментариях на библейские тексты) он подступал под стены Иерусалима. Наконец, в некоторых византийских источниках он становился военачальником Дария и также пытался захватить Иерусалим¹¹⁶.

Что же касается поведения главной героини, то здесь расхождений существовало меньше: все авторы признавали, что Юдифь стремилась соблазнить Олоферна, заставить его возжелать ее – чтобы остаться с ним наедине и убить, добыв таким образом победу для своего народа. Тем не менее, двусмысленность поведения молодой женщины ставила под сомнение чистоту ее помыслов и благородство достигнутой цели. Именно с этих позиций рассматривала «Книгу Юдифи» талмудическая традиция, не включавшая ее в число канонических. В некоторых мидрашах Олоферн

¹¹¹ “Hinc exemplariter procedendo legitur de Delbora, Hester et Judith impetratam fore populo dei salutem” (Quicherat J. Op. cit. T. 3. P. 415).

¹¹² Duparc P. La délivrance d'Orléans et la mission de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, octobre 1979. P., 1982. P. 153–158.

¹¹³ “...anchiènement femmes avoient fait merveilles, comme Judith et aultres” (Chronique de Tournai // Recueil des chroniques de Flandre. T. 3. P. 406).

¹¹⁴ Martin Le Franc. Le Champion des dames // BNF. Ms. fr. 12476. Fol. 101v.

¹¹⁵ “Unde ipse pius adjutor Deus in tribulatione tunc clementer et in opportunitate succurrit, quando maxime et ad extremum sibi necesse fuit; sicuti populo israelitico, de salute desperanti in Bethulia crudeliter obsessio, concessa est probissima Judith in summo necessitatis articulo, ut eum ab oppressione cui succumbebat liberaret...” (Procès en nullité. T. 2. P. 410).

¹¹⁶ Judith, Book of // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1975. T. 10. Col. 452–462; Judith (Livre de) // Catholicisme. Hier, aujourd'hui, demain / Encyclopédie publiée sous la dir. de G. Jacquemet. P., 1967. T. 6. Col. 1158–1165.

прямо предлагал своей гостье переспать с ним, и она отвечала, что только за этим к нему и явилась. Когда же героиня возвращалась в город, стража не пускала ее, подозревая, что в лагере врагов она завела себе любовника¹¹⁷.

Именно талмудическая традиция оказала влияние на трактовку этой истории у Оригена, который полагал, что Юдифь заключила с Олоферном договор: она должна была омыться у источника, а затем разделить ложе с ассирийским военачальником¹¹⁸. Точно так же излагал события и византийский историк V в. Иоанн Малала: полководец не мог не влюбиться в молодую красивую женщину, она ответила ему взаимностью и оставалась в его палатке в течение трех дней и ночей¹¹⁹. Св. Иероним признавал сдержанность евреев в отношении «Книги Юдифи», однако в своем переводе Библии он попытался сгладить впечатление, производимое поступком героини, подчеркнув его *разовый* характер¹²⁰. С Вульгаты, как представляется, и началась постепенная идеализация событий, произошедших в лагере ассирийцев: Юдифь из *бесстрашной* женщины в конце концов стала *безупречной*. Именно так представлял ее себе Рабан Мавр, полагавший главным отрицательным персонажем этой истории слугу Олоферна Вагао, всячески подталкивавшего молодую женщину к грехопадению; она же, вверив себя Всевышнему, демонстрировала исключительную добродетель¹²¹.

Таким образом, в культуре средневековой Европы оказались восприняты и продолжали развиваться две традиции восприятия библейской героини. С одной стороны, Юдифь видели в образе Церкви или второй Девы Марии – спасительницы избранного народа, чьи моральные качества не ставились под сомнение. С подобной точкой зрения мы сталкиваемся, к примеру, у Рабана Мавра¹²², в *Glossa ordinaria* XIII в.¹²³ или

¹¹⁷ Dubarle A.-M. Judith. Formes et sens des diverses traditions. Rome, 1966. P. 80–102, 168.

¹¹⁸ Ibid. P. 112–113.

¹¹⁹ «Некая Юдифь, еврейская женщина, замыслила на Олоферна, обещая ему предать евреев, и тайно пришла к Олоферну. И увидел Олоферн ее красоту и проникся похотью к ней. И сказала она ему: «Повели, чтобы никто не подходил к тебе, пока я буду у тебя, потому что приходят многие, чтобы блудить со мною». И поверил он ей и остался с ней один, а все отошли. Три дня она была у него и, пока он спал, собравшись с духом, отсекла ему голову» (Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 177).

¹²⁰ Dubarle A.-M. Op. cit. P. 44, 176–177; Stocker M. Judith. Sexual Warrior. Women and Power in Western Culture. New Haven; L., 1998. P. 4, 67–82.

¹²¹ «Quae Vagao Judith persuadet, ad illicitas pertinent voluptates, quae autem Judith respondit, boni animi ostendit virtutes, ille provocat ad libidinis luxum, illa se paratam testatur ad coelestis imperii iussum» (Beati Rabani Mauri Expositio in Librum Judith // PL. T. 109. Col. 539–615, здесь Col. 571).

¹²² «Illis ergo omnibus ornamentis se sancta Ecclesia ornat, quia omnium virtutum decore se illustrare certat» (Ibid. Col. 565).

¹²³ «Judith, id est Ecclesia, commendat praesbyteris portam. Id est castrorum Dei sollicitam custodiam, ut pervigili et solerti cura contra hostium insidias semper parati assistant et

во французском сборнике *exempla* начала XIV в. *Ci nous dit*¹²⁴. С другой стороны, на некоторых средневековых авторов, безусловно, оказали влияние еврейская и византийская традиция, рассматривавшие Юдифь как падшую женщину, добившуюся победы над Олоферном обманным путем. Интересно, что такое восприятие библейской истории было особенно характерно для конца XIV–XV вв. Мы встречаем, его к примеру, в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера¹²⁵, в «Мистерии Ветхого Завета»¹²⁶ или в «Мистерии о Юдифи и Олоферне», где двусмысленные отношения главных героев обыгрывались буквально в каждой фразе¹²⁷. Чего стоит одна лишь сцена в палатке, в ходе которой Вагао заявлял, что хозяин и его гостя ночью «сделают себе симпатичного маленького Олоферна»¹²⁸, а Юдифь отвечала, что, несмотря на грозящую ей диффамацию, она отдаст Олоферну свое сердце, и предлагала немедленно лечь в постель¹²⁹.

Двойственное восприятие библейской героини у средневековых авторов не могло не отразиться на их отношении и к Жанне д'Арк. С этой точки зрения наибольший интерес представляет, безусловно, отклик анонимного парижского горожанина, бывшего современником событий. Давая собственную оценку тому факту, что Дева – после стольких одержанных ею побед – не смогла взять Париж, он сравнивал ее саму с Олоферном, чьим замыслом Господь не дал осуществиться, послав к нему Юдифь¹³⁰.

Сторонники французов оспаривали такое прочтение, ведь победа под Орлеаном представлялась им подлинным чудом. «Это сделано Богом», замечал Жан Жерсон и добавлял: «...ясные знаки указывали, что Царь

---

orationibus muniti” (Glossa ordinaria // PL. T. 113. Col. 731–740, здесь Col. 736).

¹²⁴ “Ci nous dit comment la bele Judith enyvra Oliferne et le tua en dormant pour ce qu'il vouloit destruire Jerusalem; et pendi sa teste aus murs de la cité. Et quant sa gent la virent, si s'en alerent confus. En ceste maniere fusmes nous delivrez d'enfer par la douce vierge Marie, qui est la bele Judith. Et la pardirent li dyables lour pouair et par son dous fruit. Et ainssi sonmes nous par lui delivré des anemis comme ciz de Jurasalem furent d'Oliferne par la bele Judith” (Ci nous dit / Recueil d'exemples moraux, publié par G. Blangez. 2 vol. P., 1979–1986. T. 1. P. 42).

¹²⁵ Brown E. Biblical Women in the Merchant's Tale: Feminism, Antifeminism and Beyond // Viator. 1974. Vol. 5. P. 387–412.

¹²⁶ Dubarle A.-M. Op. cit. P. 113.

¹²⁷ Runnalls G.A. Judith et Holofernès: mystère religieux ou mélodrame comique? // Moyen Age. 1989. № 1. P. 75–104.

¹²⁸ “Ung beau petit Holofernès / Ferez ceste nuit” (Jean Molinet (?). Le Mystère de Judith et Holofernès / Ed. critique par G.A. Runnalls. Genève, 1995. V. 2130–2131).

¹²⁹ “Je crains fort le diffame, / Mais non pourtant, mon trescher seigneur, / Du tout je vous donne mon cueur. / Couchez vous premier, moy après” (Ibid. V. 2126–2129).

¹³⁰ “Pucelle, qui leur avait promis que sans nulle faute ils gagneraient à celui assaut la ville de Paris par force... mais Dieu qui mua la grande entreprise d'Holoferne par une femme nommée Judith ordonna par sa pitié autrement qu'ils ne pensaient” (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 267).

небесный выбрал ее (Жанну – О.Т.) в качестве своего знаменосца, дабы наказать врагов правого дела и оказать помощь его сторонникам»¹³¹. «В субботу..., седьмого мая, милостью Господа Нашего и как по волшебству... была снята осада с крепости Турель, которую держали англичане», записывал в своем дневнике орлеанец Гийом Жиро¹³². «Никогда чудо, насколько я помню, не было столь очевидно, поскольку Бог помог своим сторонникам», заявляла Кристина Пизанская¹³³.

Таким образом, победа под Орлеаном свидетельствовала о том, что отныне Господь пребывает на стороне французов и их война является справедливой. «Это случилось потому, что в Его интересах (в интересах Бога – О.Т.) было, чтобы англичане, у которых много сил, проиграли... Да пребудет Господь всемогущий, и пусть он молится за благо христиан!», отмечал Панкратио Джустиниани¹³⁴. Наиболее же ясно мысль об избранности французского народа выразил Матье Томассен: «Таким образом, восстановление и отвоевание Франции стало чудом. И пусть знает каждый, что Господь показывал и показывает ежедневно, что он любил и любит Французское королевство и специально избрал его в качестве своего наследия, чтобы с Божьей помощью поддерживать и унаследовать католическую веру, а потому Господь не хочет его гибели. Но из всех знаков любви, которые Господь даровал Франции, не было другого такого же великого и чудесного, как эта Дева»¹³⁵. Еще важнее, с точки зрения политической пропаганды, являлась связь между победами Жанны д'Арк и законностью притязаний дофина Карла на французский престол, которую они подтверждали¹³⁶. В 1456 г. эта мысль стала одним из основных лейтмотивов процесса по реабилитации Орлеанской Девы¹³⁷.

¹³¹ «A Domino factum est istud... ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos» (Procès en nullité. T. 2. P. 38–39).

¹³² «Le samedi... VIIe jour dudit mois de may, par la grace Nostre Seigneur et aussi comme par miracle,... fut levé le siege que lesdiz Anglois avoient mis es Thorelles» (Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 283).

¹³³ «Onc miracle, si com je tiens / Ne fut plus cler, car Dieu aux siens / Aida...» (Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d'Arc. V. 260–261).

¹³⁴ «E questo perche per luy fa, che questi Ingelexi sia arquanto batudi che ly son potenti, e ly altrj verizando, se vada chonsumando con grandio afano. E Dio, che può tuto, sia e priega al bem de Christiani!» (Chronique d'Antonio Morosini. P. 38–39).

¹³⁵ «Par ainsy, le restaurement de France et recouvrement a esté moult merueilleux. Et sache ung chascun que Dieu a monstré et monstre ung chascun jour qu'il a aimé et aime le royaume de France et l'a especialement esleu pour son propre heritage, et pour, par le moyen de luy, entretenir la sainte foy catholique et la remettre de tout sus; et par ce Dieu ne le veut pas laisser perdre. Mais sur tous les signes d'amour que Dieu a envoyez au royaume de France, il n'y en a point eu de si grant ne de si merueilleux comme ceste Pucelle» (Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 312).

¹³⁶ Beaune C. Naissance de la nation France. P. 183–186.

¹³⁷ «Cum itaque ipsa Johanna ad liberandum hoc regnum ab his calamitatibus et miseriis se missam dixerit... Sed et justa fuit causa ob quam missam se asseruit, videlicet

Тем не менее, двойное обвинение Жанны д'Арк в сексуальной распущенности и колдовстве, которое попытались таким образом отвести от нее сторонники Карла VII, дабы укрепить его собственные позиции, далеко не сразу оказалось забыто. Оно регулярно возникало в последующие столетия, причем не только у английских авторов, как можно было бы подумать, но и у их французских коллег, которые точно так же сомневались в безгрешности Девы и чистоте ее помыслов¹³⁸. Эта устойчивая традиция как нельзя лучше, с моей точки зрения, демонстрирует, насколько живучей оказалась схема, предложенная в середине XII в. Иоанном Солсберийским, насколько большую роль она играла в политической культуре европейского общества не только эпохи Средневековья, но и Нового времени.

Вместе с тем, история Жанны д'Арк – как и история Валентины Висконти – показывает, что процессы, названные Жаком Шиффоло политико-религиозными, отнюдь не прекратили свое существование в начале XIV в., но продолжались и позднее, став более продуманными и более изощренными в плане обвинений, хотя и затрагивали те же самые – высшие – слои общества. Их долгую жизнь обеспечивала в том числе и теория Иоанна Солсберийского.

---

ut dominus noster rex Karolus restitueretur in regnum suum et subditi sui, quos tyrannica potestate Anglici sibi subegerant” (Procès en nullité. Т. 2. Р. 230). См. также: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 194–201.

¹³⁸ Подробнее см.: Orgelfinger G. Op. cit. Р. 72, 94, 98–99, 106, 120, 124–125; Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 345–360, 402–422.

На защите отечества

ГЛАВА 5

Королевство дьявола

Как мы помним, одной из основных проблем, рассмотренных в «Поликратике» Иоанна Солсберийского, являлось присутствие при дворе правителя дурных советников, склоняющих его к принятию неверных решений в делах управления страной. Среди них особо опасаться следовало, по мнению английского схоластика, ведьм и колдунов, подталкивающих своих сеньоров на путь разврата, – идея, получившая самое широкое распространение в последующие века как в Англии, так и на континенте. Однако вместе с тем Иоанн предупреждал читателей о еще большей опасности, которую таило в себе подобное соседство: король или любой иной правитель, подпавший под столь тлетворное влияние, автоматически оказывался в лапах дьявола и становился тираном, т.е. самим Люцифером¹. Власть такого человека приносила лишь страдания его подданным и гибель всей стране². Эта идея также получила развитие у европейских интеллектуалов³.

Но если светский правитель мог обернуться истинным дьяволом, то и обратная ситуация, с точки зрения людей Средневековья, была вполне допустима. Нечистый – при помощи своих адептов, ведьм и колдунов, – оказывался способен создать *собственное* королевство, причем не в геенне огненной, а на земле.

Антитеза Царство Божие / царство дьявола возникла уже в первые века христианства. Так, Псевдо-Климент в «Гомилиях» (II или III в.н.э.) рассуждал о «гармонии зла» (*mali harmonia*), т.е. о созданном Господом подлунном мире, в котором правят злоба и несправедливость. Ему противопоставлялось вечное Царствие Божье, располагающееся на небесах и преисполненное справедливости⁴. Человек же, как существо, на-

¹ “Imago quaedam divinitatis est princeps et tyrannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago, siquidem illum imitatur qui affectavit sedem ponere ad aquilonem et similis esse Altissimo, bonitate tamen deducta” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 2. P. 345).

² “Omnis autem potestas bona, quoniam ab eo est a quo solo omnia et sola sunt bona. Utenti tamen interdum bona non est aut patienti sed mala, licet quod ad universitatem sit bona, illo faciente qui bene utitur malis nostris” (*Ibid.* P. 359).

³ См. подробнее: Глава 1.

⁴ “Tum Petrus: Jam audite, inquit, veritatem de recta mali harmonia. Deus duobus regnis definitis duo quoque aeva constituit, malo praesentem mundum assignans, quia brevis temporis spatium permanet celeriterque transit, bono autem se daturum promisit mundum futurum, grande quippe atque aeternum... Quapropter etiam duae viae,

деленное свободой воли, мог сам выбирать, которое из двух «царств» предпочесть⁵.

Христианские авторы определяли царство дьявола и его местоположение по-разному. Это мог быть и ад, и земное «государство», и отдельные народы – например, библейские Гог и Магог⁶, вполне реальные евреи или арабы⁷, а также все грешники в целом, без какой бы то ни было географической или этнографической привязки. Последний вариант подробно разрабатывался Блаженным Августином: его система двух Градов описывалась в категориях морально-нравственных – как два «сообщества», состоящие из истинно верующих и их противников⁸.

Однако, если существовали подобные «государства», то в них имелись и соответствующие властители – Господь и дьявол, его вечный соперник⁹. И если у Псевдо-Климента они еще не были четко обозначены¹⁰, то Августин говорил о них прямо¹¹, как, впрочем, и его ученик Проспер Аквитанский (ок. 390 – ок. 460)¹². Дьявол при этом, как и Иисус Христос, описывался именно как *светский* правитель – восседающий на троне¹³,

---

aequitatis ac iniquitatis, propositae, duo quoque, regna definita sunt, alterum coelorum appellatum, alterum eorum, qui nunc in terra regnant” (S. Clementis I Homiliae viginti // PG. T. 2. Col. 20–468, здесь Col. 447, 450).

⁵ “Ac hominem creavit libero arbitrio praeditum, ut facultate polleret inclinandi ad agenda, quae ei placeret” (Ibid. Col. 447).

⁶ «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их – как песок морской» (Откр. 20: 7).

⁷ Майзульс М.Р. Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха. М., 2021. С. 36–41; Он же. Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии. М., 2022. С. 9–24, 159–163.

⁸ “Quas etiam mystice appellamus civitates duas, hoc est duas societates hominem: quarum est una quae praedestinata est in aeternum regnare cum Deo; altera, aeternum supplicium subire cum diabolo” (Augustinus. De civitate Dei. Col. 437):

⁹ О дьяволе как постоянном сопернике Бога см. прежде всего: Махов А.Е. Дьявол – *imitator* или *aemulator* Бога? // Одиссей. Человек в истории – 2014. М., 2016. С. 225–238.

¹⁰ “Ac similiter duo reges constituti sunt, quorum alter praesenti ac temporaneo mundo regnare et pernicie malorum gaudere lege tenetur; alter autem, rex et ipse, futuri quidem aevi, universam diligit naturam humanam” (S. Clementis I Homiliae viginti. Col. 450).

¹¹ См. прим. 8.

¹² “Quem vero rectorem habent iniqui, nisi diabolus? Cum et fideles non habeant nisi Christum” (S. Prosperi Aquitani Expositio Psalmorum // PL. T. 51. Col. 277–426, здесь Col. 405).

¹³ Как дьявола-правителя (*princeps*) над его подданными-демонами, восседающим на престоле (*solium*), описывал Нечистого, к примеру, Иоанн Кассиан (ок. 360 – ок. 435): “Cumque finita solemnitate refecturus lassum corpus paululum resedisset, repente coepit catervas daemonum undique confluentium innumerabiles intueri, quae infinita constipatione atque ordine longissimo procedentes, aliae praeibant principem suum, aliae sequebantur. Qui tandem aliquando et magnitudine procerior cunctis,

одетый «в царские одежды, диадему из драгоценных камней и золота и в золотые же башмаки»¹⁴.

Под стать правителю в воображении средневековых интеллектуалов возникал и собирательный образ его подданных. Прежде всего ими представлялись все без исключения грешники, погрязшие в пороках и не желающие исповедоваться в своих проступках. «Как святые – члены Христа, так нечестивые – члены дьявола», замечал Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) в «Толкованиях на псалмы»¹⁵. Следом, что было совершенно логично, под власть Нечистого оказывались «отданы» еретики, отрицавшие христианские догматы, презиравшие истинную церковь и, таким образом, отказывавшиеся от самого Господа: «Еретик отделяется от Бога живого и истинного и присоединяется к дьяволу и ангелам его»¹⁶. Сюда же, с точки зрения средневековых авторов и их читателей, относились и ведьмы с колдунами, которые со временем выделились в самостоятельную группу грешников и начали именоваться сектой¹⁷.

Поначалу – в полном соответствии с христианской экзегезой – адепты Нечистого описывались как поклоняющиеся другому божеству. В этом

---

et aspectu terribilior, advenit, ac posito solio cum in tribunali quodam sublimissimo consedisset” (*Joannis Cassiani Vigintiquatuor collationes* // PL. T. 49. Col. 477–1328, Col. 748).

¹⁴ Согласно Сульпицию Северу (363–410/429), представ именно в таком образе, дьявол искушал св. Мартина Турского: *Сульпиций Север. Житие святого Мартина, епископа и исповедника* // Сульпиций Север. Сочинения / Пер. А.И. Донченко. М., 1999. С. 91–115, здесь С. 112–113. См. также: *Махов А.Е.* Указ. соч. С. 232–233.

¹⁵ “Elenim sicut sancti membra sunt Christi, ita impii membra sunt diaboli” (*Sancti Ambrosii Mediolanensis Enarrationes in psalmos duodecim* // PL. T. 14. Col. 921–1180, здесь Col. 965). Перевод А.Е. Махова: *Махов А.Е. Hostis antiquus*. Категории и образы средневековой христианской демонологии. М., 2006. С. 360.

¹⁶ “Haereticus enim separatur a Deo vivo et vero, et conjungitur diabolo et angelis ejus” (*Vitae patrum sive Historiae eremiticae libri decem* // PL. T. 73. Col. 752). Перевод А.Е. Махова: *Махов А.Е. Hostis antiquus*. С. 360. Подробнее о еретиках-подданных дьявола см.: *Sullivan K. The Inner Lives of Medieval Inquisitors*. Chicago, 2011. P. 8–9, 40–41, 86–89, 108–109, 121–122; *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age* / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé. Rennes, 2017; *Майзульс М.Р.* Воображаемый враг; *Зеленина Г.С.* Огненный враг марранов. Жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб., 2018. С. 43–92, 275–305, 347–365.

¹⁷ Определение «секта» применительно к женщинам и мужчинам, склонным к колдовству и иным магическим практикам, возникло уже в «Декрете» Грациана 1140 г.: “Episcopi, eorumque ministri omnibus viribus elaborare studeant, ut perniciosam et a zabulo inventam sortilegam et magicam artem ex parrochiis suis penitus eradicent, et si aliquem virum aut mulierem huiusmodi sceleris sectatorem inveniunt, turpiter dehonestatum de parrochiis suis eiciant” (*Decretum magistri Gratiani*. Col. 1030, курсив мой – О.Т.). О различиях между еретическими и ведовскими сектами, проявившихся уже в первых демонологических сочинениях и в материалах судебных процессов, см.: *Sullivan K.* Op. cit. P. 171, 182–183, 187, 254; *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 92–112.

качестве в каноне *Episcopi* (IX в.), как я уже упоминала, фигурировала языческая Диана¹⁸. Однако в «Декретах» Бурхарда Вормсского (XI в.) в качестве предводителя ведьм и колдунов выступал уже сам дьявол¹⁹. Та же идея развивалась и в последующие века. Конрад Марбургский († 1233), первый инквизитор, действовавший в германских землях и жестоко расправлявшийся с местными катарами и вальденсами, полагал своих противников не просто еретиками, но «зловредной сектой [сторонников] Люцифера» (*pestifera secta Luciferanorum*), на встречи с которым они являются под покровом ночи и которому приносят клятву верности, целуя в зад²⁰. В сборнике поучительных «примеров» монаха-доминиканца Этьена де Бурбона (ок. 1180–1261) оказалась собрана целая серия подобных историй. Здесь рассказывалось, в частности, о крестьянине, якобы столкнувшемся с кавалькадой демонов под предводительством дьявола в образе короля Артура, а затем побывавшем у них во дворце на пиру, где он видел «множество мужчин и женщин, которые веселились, танцевали и вкушали превосходные блюда»²¹. Другой «пример» был посвящен некой женщине, арестованной за занятия колдовством и поведавшей судьям о своих регулярных визитах на подобные же ночные сборища, куда она являлась по приказу своего «господина Люцифера»²².

В том же XIII столетии Фома Аквинский, разрабатывая концепцию сознательного договора человека с дьяволом, подчеркивал тем самым мысль о том, что Сатана может вербовать сторонников в мире земном и создавать из них собственных адептов, преданных лично ему²³. Как

¹⁸ "...credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudo mulierum equitare super quasdam bestias" (*Reginonis abbatis Prumiensis Libri duo*. S. 355). Подробнее см. выше: Глава 1.

¹⁹ "Nam innumera multitudo, hac falsa opinione decepta, haec vera esse credit, et credendo a recta fide deviat, et in errore paganorum volvitur, cum aliquid divinitatis aut nominis extra unum Deum esse arbitrat. Sed diabolus transformat se in diversarum personarum species atque similitudines, et mentem, quam captivam tenet, in somnis deludens" (*Burchardus Wortatiensis*. Op. cit. Col. 963).

²⁰ Sullivan K. Op. cit. P. 86–87, 198.

²¹ "Et cum quereret ab uno illorum qui essent, respondit quod essent de familia regis Arturi, ad cujus curiam propinquam venirent, ut ibi bene sibi esset. Et visum fuit dicto rustico quod sequeretur eos, et quod intraret in maxima et nobilissima palacia, et [videret] milites et dominas ludentes et choreizantes, comedentes et bibentes nobilia fercula" (*Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon* / Publ. par A. Lecoy de la Marche. P., 1877. P. 321).

²² "Quedam mulier, capta in quibusdam maleficiis, accusavit plures et illos qui capti detinebantur, dicens cum lacrimis quod magistram quandam [habuerat] que eam frequenter duxerat ad quemdam locum subterraneum, ubi conveniebat multitudo hominum et mulierum cum luminibus torticiorum et candelarum, circumdantes quamdam cuffam plenam aqua que erat in medio, in cujus medio erat hasta affixa; et magister eorum adjurabat Luciferum per barbam suam et per potenciam quod veniret ad eos, et per multa alia" (*Ibid*. P. 322–323).

²³ "Unde etiam imagines quas astronomicas vocant, ex operatione daemonum habent effectum. Cuius signum est quod necesse est eis inscribi quosdam characteres, qui

представляется, эта идея лежала и в основе рассуждений Николая Эймериха (ок. 1316–1399), доминиканского теолога, занимавшего пост Великого инквизитора Арагонского королевства. Вторая часть его «Учебника инквизитора», созданного около 1376 г., была полностью посвящена описанию различных еретических сект, с которыми автору довелось иметь дело и среди которых нашлось место для тех, «кто вызывает демонов» (*Daemones invocantes*)²⁴. Эймерих описывал этих людей как членов новой секты²⁵, как своеобразную «анти-церковь», во главе которой стоит не Господь, но дьявол²⁶: в его честь служат мессы, преклоняют колени, возносят молитвы, зажигают свечи и даже постятся²⁷.

Еще более подробное описание ведовской секты давалось в самом конце XIV в. в анонимном трактате «Ошибки еретической [секты] вальденсов», созданном под впечатлением от прошедших в Штирии в 1392–1398 гг. процессов против местных вальденсов. После изложения всех фактов, известных ему о данном учении, анонимный автор отмечал также существование другой, «еще более ужасной» секты, деяния которой отличались, с его точки зрения, от занятий обычных еретиков. Эти отступники, писал он, поклонялись дьяволу, которого считали «братом Бога», приносили ему в жертву собственных детей, отвергали церковные таинства, отрицали непорочность Девы Марии, устраивали встречи в тайных местах, расположенных под землей, и предавались там «отвратительному разврату, смешиваясь и совокупляясь с кем только захотят»²⁸.

---

naturaliter ad nihil operantur: non enim est figura actionis naturalis principium. Sed in hoc distant astronomicae imagines a nigromanticis, quod in nigromanticis fiunt expressae invocationes et praestigia quaedam, unde pertinent ad expressa pacta cum daemonibus inita; sed in aliis imaginibus sunt quaedam tacita pacta per quaedam figurarum seu characterum signa" (*Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae. P. 331–332*).

²⁴ Eymerich N. Directorium inquisitorum. Rome, 1578. P. 234–241.

²⁵ "Quidam autem alii sunt sortilegi et divinatores non meri, sed ad haereses contracti, ut sunt daemonibus honorem latriae vel duliae impendentes, puerum rebaptizantes, vel similia facientes" (Ibid. P. 234, курсив мой – О.Т.).

²⁶ "Et isto modo sacerdotes Baal ipsum invocabant, sanguinem proprium et animalia offerendo" (Ibid. P. 236).

²⁷ "Invocantes namque daemones quantum ad modum trifarie variantur... In praedictis enim et aliis nonnullis libris, et inquisitionibus apparet, quod quidam daemones invocantes, manifeste exhibent honorem latriae daemonibus invocatis, utpote eis sacrificando, adorando, orationes execrabiles effundendo, se daemonibus devovendo, obedientiam promittendo, aliquid se facturos pro daemonibus asserendo, per talem daemonem iurando, per nomen alcuius superioris daemonis istum quem invocant adjurando, laudes daemonum vel cantus in eius reverentiam promendo, genua flectendo, prostrationes faciendo" (Ibid. P. 235).

²⁸ "Quidam sunt haeretici alius sectae pessimae, qui tenent quosdam diabolicos articulos, quorum pauci subscibentur: Primo adorant Luciferum et credunt eum esse Deum fratrem, injuriose de coelo detrusum et se cum ipso regnatos; pueros eorum ei immolant... Ad loca subterranea, quae communiter 'Buskeller' quod nescio interpretare, dicuntur, conveniunt, permixturas, concupiscentias et abominabiles luxurias exercent.

Насколько можно судить, именно от этих размышлений о ведовских сектах и отталкивались все последующие авторы – теологи и профессиональные демонологи эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Первые сочинения, специально посвященные проблеме колдовства как следствия незаконного и противоестественного союза человека с дьяволом и его демонами, начали появляться в Западной Европе еще в 1430–1440 гг. Важно отметить, что никто из их создателей, упоминавших о царстве Сатаны, не рассматривал его как явление *отдаленного* будущего, не связывал его с пришествием Антихриста и концом времен²⁹. Их герои действовали здесь и сейчас, создавая *земное* королевство дьявола. Таким образом, рождалась совершенно новая теория, согласно которой речь шла уже не столько об антитезе Царствия Божьего, сколько о вполне реальном государственном образовании, о попытках Нечистого заменить собой светских правителей.

***

В основе данной демонологической концепции лежали, безусловно, постоянно развивающиеся и совершенствующиеся представления о шабаше как главном месте встреч адептов Сатаны³⁰. С одной стороны, для его описания также активно использовался религиозный дискурс, в рамках которого шабаш представлялся извращенной пародией на христианскую церковь с присущими ей ритуалами и обрядами. Именно так прежде всего обстояло дело в альпийском регионе (в Дофине, Провансе, в романской Швейцарии и на севере Италии), где возникли первые европейские демонологические сочинения и прошли самые ранние ведовские процессы³¹, а также в соседних герцогстве Бургундском и Французском

Beatam virginem post Christi partum dicunt non mansisse castam, sed plures filios habuisse. Corpus Christi et omnia alia sacramenta non credunt” (Errores haereticorum Waldensium // Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer / Hrsg. von I. von Döllinger. München, 1890. S. 335–343, здесь S. 341–342).

²⁹ Махов А.Е. *Hostis antiquus*. С. 47–60.

³⁰ Обзор различных мнений специалистов о происхождении самой идеи шабаша см. в: Mercier F. L'essor de la sorcellerie au Moyen Age: mythe ou réalité? // Structures et dynamiques religieuses dans les sociétés de l'Occident latin (1179–1449) / Ed. par M.-M. de Cevins, J.-M. Matz. Rennes, 2010. P. 399–407.

³¹ Ostorero M. Op. cit. P. 162–182; Strobino S. Françoise sauvée des flammes? Une valaisane accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996. P. 73–90; Maier E., Ostorero M. Utz Tremp K. Le pouvoir de l'inquisition // Les pays romands au Moyen Age / Sous la dir. de A. Paravicini Bagliani, J.-P. Felber, J.-D. Morerod, V. Pasche. Lausanne, 1997. P. 247–258; Paravicini Bagliani A. La genèse du sabbat des sorciers et des sorcières. Bern, 2003. Альтернативную версию зарождения европейской демонологии на Пиренеях в начале XV в. предложил не так давно Николя Герзи: Gherzi N. Poisons, sorcières et lande de bouc // Cahiers de recherches médiévales. 2009. T. 17. P. 103–120.

королевстве³². С другой стороны, уже в этих описаниях можно было легко обнаружить массу чисто светских элементов, отсылавших в том числе к властным отношениям, складывавшимся, по мнению средневековых авторов, между дьяволом и его присными.

Любопытно, что изначально наиболее четко выраженной идеей в светском образе шабаша являлось его восприятие как праздника³³. И хотя для судей соборища ведьм и колдунов сами по себе оставались совершенно неприемлемым и противным религии фактом, обвиняемые практически всегда описывали их как счастливые моменты – как встречи, на которых происходило все то, чего они были лишены в повседневной жизни, где исполнялись их заветные желания, где царили веселье и вседозволенность. Подобное отношение проявлялось уже в терминологии, которую использовали арестованные в ходе допросов. Так, на процессе 1448 г. в Веве обвиняемый Жак Дюрье называл собрание своих сообщников «пирушкой» (*comestio*) и заявлял, что «там можно отлично провести время»³⁴. Немецкий хронист Ганс Фрюнд, чьи краткие заметки о ведовских процессах, имевших место в диоцезе Сиона в 1430-е гг., принято считать самым ранним средневековым демонологическим сочинением³⁵, передавал признания местных жителей, рассказывавших на допросах о том, как они веселились на еженедельных собраниях в чужих винных погребах, куда попадали совершенно беспрепятственно и без ведома хозяев³⁶.

Интересно, что и сам термин «шабаш», который возник уже в XV в., возможно, также отчасти восходил к понятию «праздник». Жан-Патрис Буде указал в свое время на существование специфического выражения *sabbativis noctibus*, использованное два раза в синодальных статутах епископа Сен-Мало в 1434 г. Французский историк предположил, что речь

³² Ostorero M. Le diable au sabbat. Littérature démonologique et sorcellerie (1440–1460). Lausanne, 2011; Тогоева О.И. Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы.

³³ Подробнее о возникновении и развитии именно такой концепции шабаша, получившей распространение не только в альпийском регионе, но и в других странах Западной, а также Центральной и Восточной Европы, см.: Тогоева О.И. Шабаш как праздник // Жизнь как праздник. Интерпретация культурных кодов – 2007 / Отв. ред. В.Ю. Михайлин. Саратов, 2007. С. 101–119.

³⁴ “Et fuerunt presentes in comestione... Nos erimus bene recepti isto sero » (Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. P. 208, 224).

³⁵ Ammann-Doubliez C. La première chasse aux sorciers en Valais (1428–1436?) // L'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.–1440c.) réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tremp, en coll. avec C. Chêne. Lausanne, 1999. P. 63–98, здесь P. 90–93.

³⁶ “Und kamen denn zesamen in der lúten kellre, da der beste win inne waz; da lepten sy dann wol und furen aber dann, dar sy wolten” (Fründ H. Rapport sur la chasse aux sorciers et sorcières menée dès 1428 dans le diocèse de Sion // L'imaginaire du sabbat. P. 23–45, здесь P. 34).

в данном случае шла о «веселых праздничных бдениях», происходивших обычно в церквах с субботы на воскресенье³⁷ (Илл. 9).

Сходство между *sabbativis noctibus* и встречами ведьм и колдунов проявлялось прежде всего в ночном времени их проведения. В материалах судебных процессов, имевших место в альпийском регионе, обычно упоминались либо ночь с понедельника на вторник, либо – что встречалось в текстах значительно чаще и что впоследствии превратилось в устойчивый демонологический топос, характерный для всех стран Западной Европы, – ночь с четверга на пятницу³⁸. Иными словами, собрания членов секты, согласно их самым ранним описаниям, проходили не просто в темное время суток, но в будни, когда соседи предполагаемых ведьм и колдунов даже не помышляли об отдыхе, оставляя свои скромные увеселения на конец недели. Такое противопоставление прежде всего подчеркивало разницу между любым знакомым людям по их повседневной жизни празднеством и шабашем – особым торжеством для избранных. Представляя собой совершенную выдумку, данная идея сформировалась и укоренилась в сознании средневековых обывателей по принципу «от противного»: зная традиционные дни отдыха, легко было вообразить себе то, что в эту норму не укладывалось.

Не менее важным элементом зарождающегося образа являлись описания мест встреч членов ведовской секты – всегда тайных и никому не ведомых. В отличие от обычного праздника, проходящего на улицах города или деревни, в ратуше или на рыночной площади, шабаш устраивался там, куда в буквальном смысле слова не ступала нога человека: в лесах, лугах или горах, которые располагались вне обитаемого пространства, а потому не были знакомы местным жителям. Так, в 1438 г. Эймоне Можета из Эпесса прямо заявлял о том, что «он не может сказать точно, где они собирались, но ему говорили, что это где-то в окрестностях Базеля»³⁹. На процессе Пьера Шедаля, Франсуазы Барра и Пьеретт

³⁷ *Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M. Aux sources du sabbat. Lectures croisées de "L'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.-1440c.)" // Médiévales. 2002. T. 42. P. 161.*

³⁸ Об этом, в частности, свидетельствовал в 1448 г. Жак Дюрье: "Item interrogatus quantis vicibus et quibus diebus ibant ad synagogam, qui delatus respondit quod ipsi ibant bis in septimana, videlicet die lune et die iovis" (*Ostorero M. "Folâtrer avec les démons". P. 228*). Та же ситуация наблюдалась и на французских ведовских процессах. В 1431 г. в Руане на вопрос судей, знает ли она кого-либо, кто летал бы с «феями» по воздуху, Жанна д'Арк дала отрицательный ответ, уточнив, что «слышала, будто это происходит по четвергам, но совершенно в это не верит и полагает [подобное] колдовством»: "Interrogata an ipsa scit aliquid de illis qui vadunt, gallice *l'erre avec les fees*. Respondit quod ipsa nunquam fuit nec scit aliquid sed bene audivit loqui, et quod ibant in die iovis. Sed in hoc non credit, et credit quod hoc non sit nisi sortilegium" (*Procès de condamnation. T. 1. P. 178*).

³⁹ "Sed vere nesciret dicere locum ad quem iverunt, nisi quod dicebant illi qui ibi aderant quod erant prope Basileam" (*Le procès d'Aymonet Maugetaz d'Epesses, en 1438 // L'imaginaire du sabbat. P. 339–353, здесь P. 346*).

Тротта, состоявшемся в Шерминьоне в 1467 г., упоминалось о встречах «около скал Веркорен», «где-то в лесу Сьерра», «на лугах близ Ланса»⁴⁰. Жанетт Баратье, осужденная в Веде в 1480 г., признавалась, что на шабаш она отправлялась в «некое место, [расположенное] около Кубли»⁴¹.

И все же в остальном перед зрителями в суде или перед читателями демонологических сочинений представало типичное описание городско-го или деревенского средневекового праздника с характерными для него обильным столом и увеселениями. Анонимный автор трактата «Ошибки вальденсов», написанного во второй половине 30-х гг. XV в. предположительно в Аосте, с негодованием отмечал, что вступление новичков в ведовскую секту «празднуется на самом что ни на есть непотребном банкете»⁴². Здесь, согласно показаниям обвиняемых, подавали разнообразнейшие яства высшего качества: мясо, хлеб и вино никогда не заканчивались, и все присутствующие могли есть и пить столько, сколько им было угодно⁴³. Похожую картину рисовал и Мартин Ле Франк (ок. 1410–1461), секретарь герцога Амадея VIII Савойского, а впоследствии прево Лозанны. В его главном произведении, поэме «Защитник дам» (1441–1442 гг.), присутствовала идея шабаша как праздника, на котором царит веселье и все танцуют, где всем с избытком хватает угощения и где можно отведать всего, чего только пожелаешь⁴⁴. Подобные рассказы, вне

⁴⁰ Strobino S. Op. cit. P. 123–135.

⁴¹ “Eandem Johannetam delatam eundem demon in quodam loco vocato Apud Escubly” (Maier E. Op. cit. P. 230).

⁴² “Hiis peractis, omnes illius secte pestifere festinantes letantur de adventu novi heretici, comedentes que apud illos sunt... convivioque sceleratissimo sic peracto” (Errores gazariorum, seu illorum qui scopam vel baculum equitare probantur // *Imaginaire du sabbat*. P. 277–299, здесь P. 290). О постепенном «превращении» вальденсов из членов еретической секты в ведьм и колдунов см.: Behringer W. How Waldensians Became Witches: Heretics and Their Journey to the Other World // *Communicating with the Spirits* / Ed. by G. Klaniczay and E. Pócs. Budapest; N.Y., 2005. P. 155–192.

⁴³ В 1453 г. Гийом Аделин убеждал своих судей, что желание до отвала наесться и напиться для многих являлось единственной причиной вступления в секту: Ostorero M. Un predicateur au cachot: Guillaume Adeline et le sabbat // *Medievaux*. 2003. № 44. P. 73–96, здесь P. 73. На процессе 1477 г. Джордана де Болм также упоминала о достаточном для всех количестве еды и питья: “Item interrogata si comedebant satis, dixit quod satis comedebant et bibeant” (Maier E. Op. cit. P. 356). Образ изобилия на шабаше присутствовал также в трактате судьи из Дофине Клода Толозана (ок. 1436 г.): “Oppinantur eciam tales infideles ibidem comedere et bibere sine diminuncione aliquando” (Tholosan C. Ut magorum et maleficiorum errores // *Imaginaire du sabbat*. P. 361–415, здесь P. 368). Оригинальное название этого сочинения не сохранилось, поэтому в историографии оно традиционно именуется по первой строчке: «Дабы ошибки магов и колдунов стали известны несведущим» (*Ut magorum et maleficiorum errores manifesti ignorantibus fiant*) (Ibid. P. 362).

⁴⁴ “Aulx aultres les danses plaisoient / Et aux pluseurs mengier et boire. / La en habondance trouvoient / De tout plus qu'on ne porroit croire” (Le Franc M. Le Champion des Dames / Ed. par R. Deschaux. P., 1999. V. 17477–17480).

всякого сомнения, оказывались чрезвычайно близки к весьма популярным на протяжении всей эпохи Средневековья и раннего Нового времени описаниям волшебной страны Кокань, края изобилия и счастья⁴⁵. Только под нажимом судей (а часто – в результате пыток) в признаниях обвиняемых появлялись указания на антропофагию – детальные описания блюд, приготовленных из «сладкого мяса» убитых младенцев⁴⁶.

Чуть более поздние демонологические трактаты, создававшиеся в герцогстве Бургундском и на восточных границах Французского королевства, рисовали очень похожую картину шабаша: если довериться этим текстам, местные ведьмы и колдуны также собирались ночью в отдаленных местах, чтобы как следует повеселиться, плотно закусить и выпить, а также придаться танцам и сексуальному разврату. Вне всякого сомнения, авторы этих сочинений испытывали на себе сильное влияние своих альпийских коллег⁴⁷: все рассмотренные выше развлечения членов ведовских сект были самым подробным образом описаны и в «Короткой [истории] лионских вальденсов», датирующейся 1430–1450 гг.⁴⁸, и в «Сборнике дел о вальденсах», составленном около 1460 г. в Аппасе⁴⁹, и в «Поношении секты вальденсов» Жана Тинктора, написанных там же и в тот же год⁵⁰. Согласно анонимному автору «Сборника дел», шабаш вообще более всего напоминал его участникам небесный рай, настолько многочисленные наслаждения он им дарил⁵¹.

И все же, чем дальше на Запад распространялись идеи демологов, тем слабее становился образ шабаша-праздника. Во второй половине XV в. во Французском королевстве были созданы «Трактат против призывающих демонов» (ок. 1452 г.) Жана Вине, магистра теологии и инкви-

⁴⁵ Becker K. La tradition française des récits sur le pays de Cocagne, du *Fabliau de Cocaigue* (milieu du XIIIe siècle) à la *Description du pays de Caucagne* (vers 1600) // *Nouvelles en mouvement* (XIIIe–XVIe siècles) / Ed. par J.-Cl. Mühlethaler et M. Lecco, Alessandria, 2021. P. 1–24; Demerson G. Cocagne, utopie populaire? // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1981. T. 59 (3). P. 529–553.

⁴⁶ Maier E. Op. cit. P. 57, 68, 90; Ostorero M. «Folâtrer avec les démons». P. 219, 223; Pfister L. *L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommartin* (1498). Lausanne, 1997. P. 129.

⁴⁷ Подробнейший анализ этих сочинений в сопоставлении с трактатами, происходившими из альпийского региона, см. в: Guérin A. *A la table du Diable. Les nourritures diaboliques dans l'imaginaire du sabbat au XVe siècle*. Rennes, 2014.

⁴⁸ Vauderye de Lyonois en brief // *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* // Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901. S. 188–195, здесь S. 191–192.

⁴⁹ *Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum* // *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns*. S. 149–183, здесь S. 159–163.

⁵⁰ Tinctor J. *Invectives contre la secte de vauderie* / Ed. par E. van Balberghe et F. Duval. Tournai; Louvain-La-Neuve, 1999. P. 104–105, 191.

⁵¹ «...anima vero hominis interit cum corpore, quemadmodum canis et cuiuslibet bruti, neque post mortem restat calidum aut frigidum, vel delicie aut afflictiones, paradus aut infernus, sed sola illa est paradus, quam in suis congregacionibus ostendit, ut dicit, ubi omnes voluptates pro nutu habentur» (*Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum*. S. 161).

зителя Каркассона⁵²; «Бич еретиков-чародеев» (1458 г.) Николя Жакье, члена ордена доминиканцев и инквизитора по делам веры в Лилле⁵³; «Бич колдунов» (1460–1462 гг.) Пьера Мамори, доктора теологии и профессора университета Пуатье⁵⁴; и «Диалог об опровержении магических искусств» (1500 г.) Симфорьена Шампье, врача из Лиона⁵⁵. Только в двух последних текстах присутствовало вполне светское описание шабаша, знакомое нам по более ранним произведениям⁵⁶.

Что же касается Ж. Вине и Н. Жакье, то они практически не уделяли внимания тому, как именно происходили тайные собрания ведьм и колдунов: в большей степени они были заняты размышлениями на тему *возможности* контактов человека с дьяволом и его демонами, самой природы – реальной или выдуманной – подобных встреч. В отличие от своих альпийских коллег, преимущественно опиравшихся на материалы судебной практики⁵⁷, первые французские демонологи черпали знания из книжной культуры, прежде всего – из произведений Блаженного Августина, Фомы Аквинского, других средневековых теологов, а также из библейских текстов. Вне всякого сомнения, на их понимание колдовства

⁵² Vinet J. *Tractatus contra demonum invocatores*. Cologne, 1487 (далее ссылки даются на соответствующие части и главы; пагинация отсутствует).

⁵³ Jacquier N. *Flagellum hereticorum fascinariorum*. Francfort, 1481 (далее ссылки даются на главы трактата; пагинация отсутствует).

⁵⁴ Mamoris P. *Flagellum maleficorum*. Lyon, [1489]. В издании отсутствует пагинация и не пронумерованы разделы трактата, поэтому ссылки на них даются условно и заключены в скобки.

⁵⁵ Champier S. *Dialogus in magicarum artium destructionem* / Ed. by B.P. Copenhaver, D. Amundsen // Copenhaver B.P. *Symphorien Champier and the Reception of the Occultist Tradition in Renaissance France*. La Haye, 1978. P. 243–319.

⁵⁶ "...realiter se dicebant nocte ad loca remota deferri a demone, ubi cum magna multitudine aliorum maleficorum sua que sabba vocant nocte, coreando, cantando, comedendo et bibendo celebrant" (Mamoris P. Op. cit. [Cap. 2]). "Unde sepe est et credo sepius que tales sic delusi se existimant ire nocte cum demone coreare cum mulieribus, commisceri bibere et manducare, aliquos ledere vel occidere, intrare caveas ad hauriendum vinum" (Champier S. Op. cit. P. 288).

⁵⁷ Так, Ганс Фрюнд опирался в своих размышлениях на материалы ведевских процессов, проходивших в 1420–1428 гг. в Вале (Сионский диоцез): Fründ H. Op. cit. P. 40–42; Ammann-Doubliez C. Op. cit. P. 80–81. Автор *Errores gazariorum* ссыался на материалы отдельных дел в самом тексте своего трактата: *Errores gazariorum*. P. 294, 296–298, 328–329. Клод Толозан обобщил впечатления от проведенных им лично более ста ведевских процессов: *Tholosan Cl.* Op. cit. P. 375. Анонимные сочинения из Лиона и Арраса были написаны непосредственно по следам массовых гонений на «вальденсов» в этих регионах: Mercier F. *D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460)* // *La sorcellerie et la ville* / Ed. par A. Follain, M. Simon. Strasbourg, 2018. P. 31–50; *Idem.* *La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation* (Lyon, vers 1430–1440?) // *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles)* / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz Tremp. Florence, 2010. P. 27–44.

и сопутствующих ему явлений огромное влияние оказала также традиция, заложенная постановлениями Парижского университета конца XIV в., в которых и магические практики ведьм и колдунов, и их рассказы о контактах с дьяволом трактовались исключительно как иллюзии, насланные самими демонами⁵⁸.

Однако, как только речь заходила об описании шабаша как встречи *правителя* со своими *подданными*, все без исключения европейские демонологи – альпийские, бургундские и французские – проявляли удивительное единодушие, пусть даже и выражали свое мнение по-разному.

***

Идея о том, что на своих сборищах ведьмы и колдуны сталкиваются лицом к лицу не просто с неким новым божеством, ради которого они отреклись от Христа и церковных догматов, но именно со светским властителем, присутствовала в самых ранних средневековых текстах, посвященных данной проблеме. Собственно, уже в IX в. в каноне *Episcopi* языческая Диана объявлялась не только богиней, но и «повелительницей» ведьм, которые вынуждены были исполнять ее приказы⁵⁹. В XIII в. в поучительных «примерах» Этьена де Бурбона дьявол фигурировал в образе короля Артура⁶⁰, а Конрад Марбургский полагал, что преследуемые им немецкие вальденсы клянутся Нечистому в верности⁶¹.

Принесение подобной клятвы (оммажа) на протяжении всей эпохи Средневековья рассматривалось как исключительно *светский* институт, как личная связь, устанавливаемая между владетельным сеньором и его вассалом. Речь шла не только и не столько от отношениях зависимости, сколько о взаимовыгодном военном и экономическом союзе, нарушение которого считалось недопустимым для обеих сторон. Традиционным жестом оформления подобного договора были сложенные ладони вассала, которые сеньор принимал в свои руки, однако он мог быть дополнен и усилен коленопреклоненной позой человека, приносящего оммаж, а также сопровождаться поцелуем, которым обменивались участники ритуала⁶². Как отмечала С.Б. Кулаева, вероятным прообразом данной процедуры являлось поведение пленника, вынужденного подавать победителю сложенные руки, дабы их стянули веревкой. Любопытно, что именно так в сценах Страшного суда или взвешивания душ оказывались представлены грешники, после смерти попадающие под власть дьявола. Не

⁵⁸ Подробнее см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 112–127; *Она же.* Шабаш ведьм. С. 31–39.

⁵⁹ “...eiusque ilusionibus velut dominae obedire, et certis noctibus ad eius servitium evocari” (*Reginonis abbatis Prumiensis Libri duo*. S. 355).

⁶⁰ См. прим. 21.

⁶¹ См. прим. 20.

⁶² *Кулаева С.Б.* Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа // *Одиссей. Человек в истории* – 2002. М., 2002. С. 151–168.

менее показательными являлись и миниатюры, иллюстрировавшие историю Теофила, заключившего договор с Нечистым: часто он изображался коленопреклоненным и/или с веревкой, накинутой на шею⁶³ (Илл. 10, 11).

Учитывая вышесказанное, не вызывает удивления тот факт, что практически все без исключения европейские демонологические трактаты, а также хроники, художественные произведения и, естественно, судебные протоколы XV в. постоянно упоминали о принесении ведьмами и колдунами клятвы верности дьяволу во время их встреч на шабаше⁶⁴. И если, к примеру, Ганс Фрюнд еще довольно неопределенно писал о некоем «соглашении» (*übereinkomen*), которое заключали со «злым духом» его будущие адепты⁶⁵, то в более поздних текстах говорилось уже конкретно об оммаже. Таково было мнение анонимных авторов «Ошибок вальденсов»⁶⁶, «Короткой [истории] лионских вальденсов»⁶⁷ и «Сборника дел о вальденсах»⁶⁸. Так же рассуждали Иоганн Нидер в «Муравейнике», писавшемся в 1431–1449 гг.⁶⁹; Жан Вине⁷⁰, который также обозна-

⁶³ Там же. С. 157–161; Пильгун А.В. Потусторонний мир Средневековья: рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западноевропейских рукописей IX–XV веков. М., 2019. С. 294–297.

⁶⁴ Одним из немногих исключений был Николя Жакье, описывавший процедуру вступления в ведовскую секту как оборотную сторону таинства крещения: “Faciunt enim omnes fascinari demonibus professionem omnino contrariam professioni, quam in ingressu christiane religionis fecerant Deo, baptismum suscipiendo, qui est ingressus et ianua ipsius christiane religionis” (*Jacquier N. Op. cit. Cap. 7*).

⁶⁵ “Und ee dz er sy woʼlte leren, so muʼsten sy sich dem boʼsen geiste eigenen und damitte verloungen gottes und aller siner heiligen, des heiligen cristenen touffes und der helgen kilchen, und sich im dienstbar machen und im zinßhaftig ze sinde ierlich mit ettwz dingen, nemlich mit einem swartzen schaf oder lamb, dz ander mit eim meß haber, eins mit eim gelid ab sinem libe nach sinem tode und mit andern diensten, alz si selber denn des übereinkomen mit im und er mit inen, alz si selber des sidher veriehen hand” (*Fründ H. Op. cit. P. 32*). Комментировавшая этот пассаж Катрин Утц Тремп отмечала, тем не менее, что речь шла именно о принесении оммажа: *Utz Tremp K. Commentaire // L'imaginaire du sabbat. P. 53–97, здесь P. 55*.

⁶⁶ “Quod audito, diabolus iuramentum fidelitatis a seducto exigit in modum qui sequitur” (*Errores gazariorum. P. 288*).

⁶⁷ “Item ipsi impii apostate prefati homagio prius, ut dictum est, cum omni reverencia possibili facto, dant se illi demoni, quem adorant, et ipsum quidem in magistrum, alii vero et magis communiter in deum suum recipiunt, promictentes eidem sub debito iuramenti, se nullum alium deum deinceps adoraturos seu habituros” (*Vauderye de Lyonois en brief. S. 190*).

⁶⁸ “Et in contemptum precipue magni magistri mundi, ut loquitur presidens, denudat recepta sua posteriora et denudata celo ostendit. Quibus, ut premititur, sic factis, genibus provoluta adorat demonem et homagium facit” (*Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum. S. 159*).

⁶⁹ “Deinde omagium prestare magisterulo, id est parvo magistro. Ita enim demonem et non aliter vocant” (*Nider J. Formicarius // L'imaginaire du sabbat. P. 99–199, здесь P. 156*).

⁷⁰ “Ad refocillandum corda, si respisci valeant vel voluerunt, aliquorum modernorum ydolatrarum, qui demones invocant, eos adorant, ab ipsis responsa prestolantur et

чал союз с Нечистым через понятие *confederati*, происходившее от *foedus* (договор о сотрудничестве)⁷¹; Пьер Мамори⁷² и Симфорьен Шампье⁷³. Впрочем, первые европейские демонологи могли и не использовать сам термин «оммаж», но процедуру вступления в ведовскую секту они описывали в полном соответствии с ритуалом принесения клятвы верности, требовавшим преклонения коленей, вложения рук⁷⁴ и обмена поцелуем⁷⁵.

Что же касается самой секты, то ее наши авторы представляли себе как организованное и строго иерархизированное сообщество, число членов которого постоянно увеличивалось⁷⁶. Так полагал, в частности, Ганс Фрюнд: по его словам, арестованные в Сионском диоцезе ведьмы и колдуны уверяли судей на допросах, что всего через год они избрали бы себе собственного короля, поскольку их стало бы очень много⁷⁷. Для

acceptant, eis homagium faciunt et tributum solvunt" (Vinet J. Op. cit. Incipit).

⁷¹ "Utrum demon sua naturali virtute possit sibi confederatos januis domos introducere et dictis januis clausis remanentibus extraducere" (Ibid. Pt. II. Cap. 9, курсив мой – О.Т.).

⁷² "Ubi homagium demoni sub figura hominis vel bestie, de corpore, veste vel aliis bonis exterioribus faciebant" (Mamoris P. Op. cit. [Cap. 2]).

⁷³ "Plurimi sunt fascinatores qui dicunt se ad demoniaca sabbata nocte ire vel ad demonibus deportari... ubi homagium faciunt dyabolo" (Champier S. Op. cit. P. 288).

⁷⁴ "...noscunt ad vindictam vel luxuriam inclinos possethenus juxta eorum sacramentum in manibus dyaboli prestitum" (Tholosan Cl. Op. cit. P. 364). "Item dant se in anima et corpore diabolo, genibus flexis, ipsum adorando,... et osculando in pede, manu et ore" (Ibid. P. 400).

⁷⁵ Следует, конечно, отметить, что в данном случае речь шла не о поцелуе в уста, ведьмы и колдуны были вынуждены целовать дьявола в зад: "...et postea se convertit in speciem cati nigri, et omnes qui ibi erant, venerunt ad osculandum eidem in culo" (Le procès d'Aymonet Maugetaz. P. 346); "Et in signi homagii osculatur diabolium in humana vel – ut premititur – in alia specie apparentem, et in culo vel ano, dando ei pro tributo unum membrum sui corporis post mortem" (Errores gazariorum. P. 290); "Diabolium sub aliqua figura in posteriori dato osculo venerari" (Mamoris P. Op. cit. [Cap. 11]). О связи такого поцелуя с ритуалом принесения вассальной клятвы верности см. подробнее: Шрайнер К. «Да лобзает он меня лобзаньем уст своих» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 155–192.

⁷⁶ Автор «Короткой [истории] лионских вальденсов», к примеру, описывал ведовскую секту как союз нескольких мелких сообществ, объединенных под властью центрального, во главе которого стоял сам дьявол: "In hiis eciam maioribus convencionibus assunt demones, sed illorum synagogis unus presidet, alii autem quasi assistentes subservire videntur, et de multis particularibus synagogis ad istas dicti perversi ydolatre undequaque confluent" (Vauderye de Lyonois en brief. S. 192).

⁷⁷ "Und wz ir als vil worden, das sy meintent, mo^echtten sy noch ein jare gerichssnet han, so wolttten sy einen kúng haben uffgeworffen under inen selben" (Fründ H. Op. cit. P. 42). Об угрозе, исходящей от секты для всего христианского мира, также сообщал в своем «Поношении» Жан Тинктор: "C'est la tres maudicte et detestable secte qui s'appelle des vaudois qui, au pourchas du tres cruel et senglent ennemy du gendre humain, s'est en ces derreniers jours eslevee et, a present, tres piteusement a infectionné grande partie de la crestienté" (Tinctor J. Op. cit. P. 46).

прочих же демонологов именно дьявол являлся истинным светским государем для своих сторонников. «Повелителем Люцифером» (*principem Luciferum*), «правителем над всеми демонами» (*principem omnium demonorum*) и «князем тьмы» (*prince des tenebres*) именовали его анонимный автор «Сборника дел о вальденсах», Жан Тинктор и Иоганн Нидер⁷⁸, который также упоминал о тираническом характере власти Нечистого⁷⁹. Так же, по всей видимости, считал и автор «Короткой [истории] лионских вальденсов», отмечавший, что дьявол повелевает всеми прочими демонами, которые являются его подчиненными, вынужденными исполнять все его приказы⁸⁰. А Клод Толозан уточнял, что на шабаше ведьмы и колдуны встречают своего «господина и властителя земель», восседающего на троне⁸¹, что подтверждалось и более поздним рисунком к «Хроникам» Иоганна Якова Вика (Илл. 9).

Несколько иначе решалась данная проблема в трудах французских демонологов, которые предпочитали, скорее, не теоретизировать, но обращаться к конкретным поучительным «примерам». Более того, здесь, как мне представляется, отчасти получила развитие давняя идея Иоанна Солсберийского, настаивавшего, что влияние ведьмы или колдуна, оказавшихся в числе придворных, превращает правителя в адепта дьявола или в самого Люцефера. Именно с этих позиций Жан Вине излагал историю об Амадее VIII Савойском (1383–1451) и президенте его совета Жане Лагере, который околдовал герцога, полностью подчинил его своей воле, но в 1417 г. был казнен как некромант⁸². Пьер Мамори делился

⁷⁸ *Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum*. S. 161; *Nider J.* Op. cit. P. 180; *Tinctore J.* Op. cit. P. 64.

⁷⁹ “Sed vicit Christi miles huius ursi tirannidem, quia virtutum alas iam assumpserat” (*Nider J.* Op. cit. P. 168).

⁸⁰ “Presidetque ibidem unus demon, et quandoque plures sunt, sed illi uni tanquam subservientes atque obedientes sunt. Qui quidem demon prefatos apostatas suos docet et erudit, quatenus sibi debeant obedire et servire legique et mandatis eius omnino is parere” (*Vauderye de Lyonois en brief*. S. 191). Идентичное устройство ведовской секты во главе с дьяволом описывали на своих процессах 1484 и 1498 гг. соответственно Антуан де Вerveкс, проживавший в окрестностях Женевского озера, и Пьер Менетрей из Доммартена: *Maier E.* Op. cit. P. 89–101; *Pfister L.* Op. cit. P. 155–172.

⁸¹ “Et ibidem est maior dyabolus et princeps provincie cui, sedenti in cathedra” (*Tholosan Cl.* Op. cit. P. 368). Тот же образ, как мы помним, в свое время использовали Иоанн Кассиан и Сульпиций Север: см. прим. 13, 14.

⁸² “De diebus etiam meis magister Johannes Legereti presidens in venerabili consilio Sabaudie fuit decapitatus et corpus acefalum in patibulo suspensum pro eo quod ymagines nygromanticas componebat ad malefaciendum bone memorie primum Sabaudie ducem” (*Vinet J.* Op. cit. Pt. II. Cap. 1). Жан Лагере обвинялся в том, что вместе с врачом-греком Михаилом Диссипатисом и призванных на помощь демонов изготовил несколько заговоренных восковых фигурок герцога, которые и использовал в своих политических манипуляциях: *Ostorero M.* *Le diable au sabbat*. P. 445. В 1435 г. Амадей VIII отказался от престола, принял монашеский постриг, а на Базельском церковном соборе (1431–1449 гг.) был избран папой

с читателями сведениями о ставших ему известными случаях «катоптро-
мантии» (*catoptromancie*): ведьмы, владевшие этим искусством, могли
посредством «образов и символов», возникавших в воде или в зеркалах,
узнавать о намерениях любого правителя – «короля Англии или египет-
ского султана»⁸³. Что же касается Николя Жакье, то он, рассуждая о ре-
альности дьявола, приводил пример, почерпнутый из «Исторического
зеркала» Винсента из Бове об искушении св. Мартина Турского, перед
которым Нечистый предстал в «королевских одеяниях» и с короной на
голове⁸⁴. Не менее показательной оказывалась и история о св. Теофиле,
позаимствованная из того же источника: явившись на встречу с Сата-
ной, монах якобы застал его сидящим на троне в окружении «мини-
стров» и – в обмен на обещание помощи – был вынужден принести ему
клятву верности⁸⁵.

Таким образом, в рамках европейской демонологической традиции,
начавшей активно складываться в XV в., ведовская секта действительно
вполне последовательно изображалась не только как пародия на христи-
анскую церковь, но и как светское государство, правителем которого вы-
ступал сам Нечистый. Как следствие, подданные такого монарха также
претерпевали определенные метаморфозы: традиционно мужское обще-
ство Средневековья уступало в данном случае своему антиподу – союзу,
где господствовали женщины.

римским под именем Феликса V. Однако в 1449 г. герцога признали антипапой, и он сложил полномочия, обвиненный в том, что действовал по наущению «без-
божников и дурных женщин, которые отреклись от Господа, обратились к Са-
тане и были соращены иллюзиями демонов», т.е. оказался под влиянием ведьм
и колдунов, «коих столь много в его родной стране»: *Ginzburg C. Le sabbat des sorcières*. P., 1992. P. 270.

⁸³ “Compertum est alios qui in speculo vel in aqua aspicientes ministerio demonum aspiciebant et aspicere volentibus monstrabant ymagines et simulachra regum vel magnarum personarum ex quorum aspectu veraciter indicabant de statu et dispositione illorum, ita quod poterat ille magicus in Franciam indicare de statu et dispositione regis Anglie, vel soldani Egipto. Et mulieres tali arte utentes apud gentiles sigalas vocabant” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 1]*).

⁸⁴ “Item legitur de eodem beato Martino in XVIII libro capitulo XVIII Speculi hystorialis quod quodam die dyabolus, luce purpurea circumtectus, indutus veste regia, dyademat ex gemmis auroque redimitus, calceis auro illitis, sereno ore, facie leta, oranti Martino in cella astitit” (*Jacquier N. Op. cit. Cap. 3*). Эта история, естественно, опиралась на рассказ Сульпиция Севера (см. прим. 14), у которого ее также позаимствовал Иаков Ворагинский: «Однажды диавол явился Мартину в облике царя, облаченного в пурпур, увенчанного короной и обутого в золотые сандали» (*Иаков Ворагинский. Золотая легенда / Пер. И.И. Аникьева и И.В. Кувшинской. М., 2018. Т. 2. С. 479*).

⁸⁵ “Illo hoc itaque respondente, subito ostendit albos clamidarios cum multitudine candelarum clamantes, et in medio principem sedentem erat enim dyabolus, et ministri eius... Audiens Theophilus respondit se facturum omnia que diceret, cepitque osculari pedes eius, et rogare eum” (*Jacquier N. Op. cit. Cap. 4*).

Как я уже отмечала, в самых ранних средневековых текстах, посвященных проблеме колдовства, собрание ведовской секты описывалось как встреча прежде всего представительниц слабого пола: такова была точка зрения и автора канона *Episcopi*, и Бурхарда Вормсского⁸⁶. Именно женщины, писал автор «Декретов», утверждают, что по ночам путешествуют в компании демонов, «также принявших женский облик»⁸⁷. Они клянутся, что могут ночью пройти сквозь запертые двери, оставив в доме спящих мужей (которые, следовательно, не имели, по мнению автора, никакого отношения к магическим практикам). Они якобы преодолевают огромные расстояния вместе с другими такими же «жертвами обмана» (*simili errore deceptis*), убивают христиан, жарят и поедают их мясо, а вместо сердца вкладывают им затем кусочек дерева или пучок соломы⁸⁸. Таким образом, для Бурхарда, относившегося к колдовству как к иллюзии, оставалось тем не менее совершенно очевидным, что подобные выдумки – удел исключительно женщин.

Представления о ночных встречах с Дианой в XV в. легли в основу демонологической концепции *полета* на шабаш: их следы мы можем обнаружить уже в самых первых сочинениях такого рода. С этой точки зрения, особый интерес, безусловно, представлял «Муравейник» Иоганна Нидера, который, как, впрочем, и многие его коллеги, не верил в реальность шабаша и почитал его иллюзией, насланной дьяволом. Именно поэтому значительная часть рассуждений о колдовстве оказалась помещена им в главу, посвященную снам. Здесь, в частности, рассказывалось о пожилой женщине, якобы полностью лишившейся рассудка и уверявшей всех, что по ночам она путешествует с Дианой и своими товарками⁸⁹. Эту историю старуха поведала священнику-доминиканцу, который вознамерился доказать всю ошибочность подобных верований и попросил у своей визави разрешения понаблюдать за тем, как она отправится в полет. Учитывая характер повествования, представлявшего собой типичный поучительный «пример», легко представить, что же случилось затем: крестьянка уселась в установленный на табуретку таз, «в котором обычно готовила тесто», намазала себя некими «снадобьями», произнесла магические заклинания и... провалилась в сон⁹⁰. В этом

⁸⁶ См. выше: Глава 1, прим. 51, 53.

⁸⁷ “Se affirmant necessario et ex praecepto facere debere, id est cum daemonum turba in similitudinem mulierum transformatam... et in eorum se consortio annumeratam esse” (*Burchardus Wortatiensis*. Op. cit. Col. 962).

⁸⁸ Ibid. Col. 973.

⁸⁹ “Preceptore enim meo referente audiui, quod pater quidam nostri ordinis villagium quoddam intravit, ubi feminam quandam invenit dementatam in tantum, ut nocturno tempore se cum Dyana et aliis feminis transferri crederet per aera” (*Nider J.* Op. cit. P. 134).

⁹⁰ “At illa cubellam in qua pasta formari solet supra scampnum positam intravit et sedere ibi cepit, applicatisque verbis maleficis et unguento reclinato capite obdormivit” (Ibid. P. 136).

состоянии «при помощи демона» она начала грезить, и ей казалось, что она устремилась на встречу с Венерой. Она принялась рассказывать из стороны в сторону, повалилась на землю и проснулась, когда таз ударил ее по голове⁹¹.

Оставив в стороне поучительную сторону данного «примера», стоит обратить внимание на тот факт, что Нидер рассказывал своим читателям исключительно о женщинах. Именно они, с его точки зрения, якобы отправлялись на встречу с Дианой, именно они полагали себя ее подручными, о мужчинах же в данном тексте речь не шла вовсе. В том же ключе описывал секту ведьм и Мартин Ле Франк⁹² (Илл. 12). Впрочем, даже у тех авторов, которые допускали участие в шабаше мужчин (например, у Ганса Фрюнда или анонимного автора «Ошибок вальденсов»), сама идея полета оказывалась связана прежде всего со сферой женского. На это указывали те средства, которые якобы использовали ведьмы и колдуны, чтобы добраться до места своих встреч, и которые являлись предметами исключительно домашнего обихода, т.е. входили в сферу деятельности женщин: метлы, палки, табуретки, тазы и кадки (Илл. 13)⁹³. И если Ганс Фрюнд полагал, что подобным образом перемещаются представители обоих полов, то в материалах судебных дел из Дофине и Во утверждалось, что обвиняемые-мужчины вынуждены прибегать к помощи демонов, которые якобы оборачивались различными животными с целью доставить адептов дьявола на шабаш⁹⁴.

Возвращаясь к Иоганну Нидеру, следует отметить, что «Муравейник» был не единственным его произведением, посвященным проблемам колдовства. Интерес также представляет более позднее сочинение – «Наставление в Божественных законах» (*Praeceptorum divine leges*), в котором немецкий теолог вновь обращался к теме путешествия на шабаш и вновь использовал для его описания поучительный «пример». Речь в нем шла о старухе, которая уверяла своего собеседника, проповедника

⁹¹ “Statimque opere demonis sompnia de domina Venere et de aliis supersticionibus tam forcia habuit, ut in iubilo quoddam voce submissa clamitaret. Et in hiis plausibus motis manibus, cubellam cui insidebat nimis movet, que de alto scampno precipitanter ruens, vetule subiacentis caput non modicum contrivit” (Ibid.).

⁹² “Ne dit il que du diable est pire / Qui cuide que dame Jouenne / Ou de nuit ou de jour s'en tire / Vëoir la deesse Dyenne?” (*Le Franc M.* Op. cit. V. 17849–17852).

⁹³ См., к примеру: “Ouch wie der bo's geist sÿ nachttes umbe tru'g von einem berg uff den andern, und wie er sÿ lert salber machen, dz sy die stu'l salbten und dann daruff dar ritten usser eim dorff in das ander und uss einem schloss in das ander” (*Fründ H.* Op. cit. P. 34).

⁹⁴ Так, некое неизвестное животное (черный бык или жеребец), способное нести сразу двух взрослых мужчин, упоминалось в деле Эймоне Можета: *Le procès d'Aumonet Maugetaz*. P. 344. В материалах дела Жана Бари, рассмотренного в Дофине в 1443 г., сообщалось, что обвиняемый отправлялся на шабаш верхом на свинье, под видом которой в действительности скрывался демон по имени Аше-ра: *Paravy P. De la chrétienté romaine à la Reforme en Dauphiné. Évêques, fidèles et déviants (vers 1340-vers 1530). Rome, 1993. P. 816–821.*

доминиканца, в том, что каждую ночь отправляется на встречу с Иродиадой или Венерой⁹⁵, проходящую, по ее словам, на горе *Heuberg*⁹⁶. Как отмечала Катрин Шен, в основе этого рассказа лежала распространенная как в германских, так и в итальянских землях идея о существовании *Venusberg*, т.е. горы Венеры, где якобы обитали демоны, куда прилетали женщины и где не было места представителям противоположного пола. Те немногие мужчины, которые все же туда попадали, обычно завязывали любовные отношения с собиравшимися там дамами⁹⁷.

Мизогинные идеи питали и описания тех запретных практик, использованию которых якобы обучались на шабаше члены ведовской секты и которые представляли угрозу для истинных христиан. К ним прежде всего относились действия, направленные против таинства брака. Наиболее подробно они оказались описаны в «Ошибках вальденсов»: анонимный автор полагал, что при вступлении в секту ведьмы и колдуны обязаны не только приносить клятву верности своему новому господину, но и обещать ему приложить все силы, дабы не допустить заключения новых брачных союзов⁹⁸. Очевидно, что подобные представления были прежде всего связаны с верой в существование любовной магии – одной из наиболее древних магических практик, являвшейся сферой деятельности преимущественно женщин, как отмечал в свое время и Иоанн Солсберийский⁹⁹. В позднее Средневековье участниками подобного колдовства по-прежнему считались в основном женщины, главной целью которых было разрушение уже существовавшего или планировавшегося брачного союза того или иного человека, его «отворот» от будущей супруги и «приворот» к заказчице. Французская судебная практика XIV–XV вв., в частности, не знала ни одного случая, когда к любовной ма-

⁹⁵ “Exemplum fertur de vetula, quam cum convertere non posset frater predicator, ad hanc ex conducto venit frater, quando in cubella se transituram dixit versus dominam Herodiadem vel Venerem” (цит. по: *Chène C. Commentaire // L'imaginaire du sabbat. P. 201–265, здесь P. 211*).

⁹⁶ “Als ainost aime, du sass in aim mult, du stund uff aim tisch, und wand ouch, sie wölt über den Höwberg faren” (Ibid. P. 212).

⁹⁷ Ibid. P. 218–219. Об итальянском происхождении данной легенды см.: *Soederhjelm W. Antoine de La Sale et la légende de Tannhäuser // Mémoires de la Société Néo-Philologique à Helsingfors. 1897. T. 2. P. 101–167; Loehmann O. Die Entstehung der Tannhäusersage // Fabula. 1960. Bd. 3. S. 224–253*. Подобная трактовка шабаша, безусловно, напоминала о царстве фей из средневековых рыцарских романов или о королевстве амазонок, каким его представляли авторы, начиная с Античности и заканчивая XVI в.: *Ferlampin C. Op. cit.; Salvat M. Amazonia: le royaume de Femminie // La représentation de l'Antiquité au Moyen Age / Publ. par D. Buschinger et A. Crepin. Wien, 1982. P. 229–241; James-Raoul D. Les Amazones au Moyen Age // En quête d'utopies / Textes réunis par C. Thomasset et D. James-Raoul. P., 2005. P. 195–230*.

⁹⁸ “Quo audito, diabolis iuramentum fidelitatis a seducto exigit in modum qui sequitur... quod omnia matrimonia que poterit impedire, pro posse impedi et per sortilega et alia maleficia” (Errores gazariorum. P. 288).

⁹⁹ См. выше: Глава 1, прим. 62.

гии прибегал мужчина, и только в одном деле обвиняемым в привороте выступал колдун¹⁰⁰. Похожая ситуация складывалась и в Англии XVI–XVII вв., где в разгар охоты на ведьм практически не велось преследование мужчин-колдунов¹⁰¹.

Связанной с занятиями любовной магией и противодействием заключению церковного брака являлась и тема сексуальных девиаций, т.е. отклонений в интимных отношениях, складывавшихся между членами секты на шабаше. Основное внимание в ходе ведовских процессов, по единодушному мнению исследователей, судьи всегда уделяли поведению женщин, их любовным связям с демонами и самим дьяволом¹⁰². Например, Жана Вине более всего интересовало, может ли у представителей адских сил, совокупляющихся с ведьмами, появиться потомство: этому сюжету он посвятил специальный раздел своего труда, в котором положительно отвечал на данный вопрос¹⁰³. Так же полагал и Пьер Мамори: «Нет никаких сомнений в том, что демон может сношаться с женщинами» (Илл. 14)¹⁰⁴.

Проблема, как мне кажется, заключалась, однако, не только в предвзятом отношении к обвиняемым со стороны судебных чиновников и демонологов, не только в признании изначальной ущербности представительниц слабого пола, считавшихся в большей степени подверженными влиянию потусторонних сил¹⁰⁵. Речь шла в том числе и о понимании ведовской секты как изначальной женской организации. Именно поэтому Мартин Ле Франк писал о «женщине, [вышедшей] замуж за дьявола»¹⁰⁶, на процессе Жака Дюрье 1448 г. говорилось о «женщине-королеве ша-

¹⁰⁰ Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 116–117.

¹⁰¹ См. ниже: Главы 8 и 9.

¹⁰² См., к примеру: Maier E. Op. cit. P. 73–86; Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. P. 113–116; Pfister L. Op. cit. P. 69–82, 85–105, 156; Modestin G. Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne, 1999. P. 121–122.

¹⁰³ “Ex premissis infertur probabiliter quod deposiciones et confessiones quarumdam mulierum, que confitentur se cum demonibus coire, non sunt tamquam false et impossibiles reputande” (Vinet J. Op. cit. Pt. II. Cap. 5).

¹⁰⁴ “Quod demon cum mulieribus coeundi gracia permisceatur non est dubium reputandum” (Mamoris P. Op. cit. [Cap. 11]). Похожую трактовку сексуальной оргии на шабаше мы находим и у Николя Жакье: Jacquier N. Op. cit. Cap. 6.

¹⁰⁵ О чрезмерной впечатлительности и легковёрности женщин, приводящих их зачастую в лапы дьявола и описанных в трудах теологов XV в., см. подробнее: Тогоева О.И. “Idiotas, ac sine litteris mulierculas”? Жан Жерсон и проблема женской святости // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / Под ред. С.А. Яцык. М., 2018. С. 143–158.

¹⁰⁶ “O Dieu, quel horreur! / Vray Dieu, que la couple est notable! / O vray Dieu, Jhesus, quel erreur! / La femme est mariee au dyable!” (Le Franc M. Op. cit. V. 17533–17536). Данный образ, очевидно, являлся развитием темы Смерти как супруги дьявола и как антитезы Девы Марии, соправительницы Иисуса Христа в Его царствии: Махов А.Е. *Hostis antiquus*. С. 360; Он же. Дьявол – imitator. С. 233–234.

баша»¹⁰⁷, а в показаниях обвиняемых в колдовстве жителей Лотарингии в XVI в. в подробностях описывалась сама свадьба с Нечистым¹⁰⁸. Именно поэтому и Пьер Мамори уподоблял шабаш древним вакханалиям – изначально, как известно, оргиастическим празднествам в честь языческого бога Вакха, участие в которых принимали исключительно женщины¹⁰⁹.

Наконец, с женским началом оказывались связаны в представлении ученых демонологов XV в. и практики, направленные против таинства крещения: каннибализм и детоубийство. Судя по текстам трактатов и по материалам ведовских процессов, подобные преступления в равной степени совершали как женщины, так и мужчины¹¹⁰. Однако в «Муравейнике» Иоганна Нидера, весьма подробно перечислявшего свои источники информации и приводившего показания обвиняемых в качестве подтверждения собственной правдивости, само описание каннибализма на шабаше оказывалось вложено в уста именно ведьмы, а не колдуна¹¹¹. Тот же подход мы наблюдаем, к примеру, в проповеди Бернардина Сиенского (1380–1444), прочитанной в 1427 г. В ней говорилось об аресте в Риме некоей ведьмы, признавшей на допросе в том, что она убила собственного сына, измельчила его тело и съела его. Тем же образом она якобы расправилась еще с тридцатью детьми, чья кровь затем была использована для приготовления магического зелья, позволявшего ей превращаться в кошку¹¹². В одном из наиболее показательных с этой точки зрения дел – процессе Жанетт Баратье (1477–1484 гг.) – обвиняемая на допросе признавалась, что дьявол требовал от нее избавиться от еще не рожденного ребенка и отдать ему его тело¹¹³.

Сказанное выше, на мой взгляд, вполне убедительно демонстрирует, что многие демонологи XV в. – как теоретики, так и практики – задумывались об особой роли женщин на шабаше и в организации всей деятельности секты. Однако наиболее полное свое воплощение эти идеи нашли в «Защитнике дам» Мартина Ле Франка. При описании встреч адептов дьявола автор ни разу не упомянул о наличии среди них мужчин, а его рассказ о сексуальных оргиях, якобы происходящих на шаба-

¹⁰⁷ Ostorero M. "Folâtrer avec les démons". P. 88.

¹⁰⁸ Biesel E. Les descriptions du sabbat dans les confessions des inculpés lorrains et trévirois / Le sabbat des sorciers en Europe: XVe–XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 183–197.

¹⁰⁹ "Quod autem demones talia que sabbata vocant constituerint principium non accepit a tempore nostro, quoniam ab antiquo festa demoniaca apud aliquos frequentata leguntur. Ait enim Augustinus De civitate Dei x^o viii^o libro... Facilia sunt igitur apud demones ista fieri" (Mamoris P. Op. cit. [Cap. 11]).

¹¹⁰ Так полагал, к примеру, Жан Вине: "Ipsi tributum solvunt et, quod beluarum excedit ferocitatem, interdum proprios natos et frequenter infantes alienos demonibus immolant" (Vinet J. Op. cit. Pt. II. Cap. 1).

¹¹¹ "Cum autem Petrus quesivisset a quadam capta malefica, per quem modum infantes comederent, illa respondit" (Nider J. Op. cit. P. 154).

¹¹² Chène C. Op. cit. P. 240.

¹¹³ Maier E. Op. cit. P. 73–86.

ше, касался лишь любовных утех, которым предавались женщины и демоны¹¹⁴. Именно так представлял себе эти тайные сборища Противник (*Adversaire*) главного героя поэмы. Самому же Защитнику (*Champion*) приходилось в данной ситуации прибегать к чрезвычайно изощренной аргументации. С одной стороны, он пытался выставить своих героинь жертвами иллюзий, насланных демонами, и заявлял, что не верит в то, что они летают по воздуху «как какой-нибудь дрозд»¹¹⁵. С другой стороны, призванный отстаивать нравственность представительниц слабого пола, он понимал, насколько обвинение в склонности к фантазиям унижает их достоинство. Именно поэтому Защитник настаивал на *всеобщем* характере занятий магией, вводя в свое повествование рассказ об алхимиках-мужчинах – ученых колдунах, получивших специальное образование в университетах Толедо и Саламанки в отличие от женщин, местом обучения которых становился именно шабаш¹¹⁶. Мартин Ле Франк оказывался, таким образом, не в состоянии дать окончательный ответ на вопрос, является ли ведовская секта реальностью или нет, однако – как и многие его коллеги – настаивал на ее безусловно женском характере.

***

Как же европейские демонологи XV в. предлагали бороться с зарождающимся у них на глазах королевством дьявола? Любопытно, что из всех наших авторов только двое действительно задавались этим вопросом и находили внятный ответ на него. Первым из них был Клод Толозан, в трактате *Ut magorum et maleficiorum errores* 1436 г. прямо заявлявший, что преследование людей, занимающихся колдовством, вне всякого сомнения, относится к ведению церкви, однако если ее представители не справляются со столь великой напастью, им на помощь обязаны прийти светские государи¹¹⁷. Именно они должны бороться с безбожниками в своих землях, не оставляя их в живых и не позволяя их отпрыскам распространять далее нечестивые верования¹¹⁸. Основанием для подобных утверждений служила уверенность Толозана в том, что колдовство представляет собой убийство, т.е. более тяжкий проступок, нежели то, в котором преступник признается добровольно¹¹⁹. Данное умозаключение не

¹¹⁴ *Le Franc M.* Op. cit. V. 17389–17390, 17393–17424, 17425–17432.

¹¹⁵ “Ja ne croyay tant que je vive / Que femme corporellement / Voit par l’air comme melle ou grive, / Dist le champion prestement” (*Ibid.* V. 17633–17636).

¹¹⁶ *Ibid.* V. 18145–18176.

¹¹⁷ “Ecclesia jurisdictionem suam prius exerceat; et si illa non sufficit, ejus imperfectum suppleat gladius secularis” (*Tholosan Cl.* Op. cit. P. 386).

¹¹⁸ “Et Cyprianus, in Nono genere abusiois, dicit: Rex debet impios de terra perdere et non sinere vivere et filios suos non sinere impie agere” (*Ibid.* P. 376).

¹¹⁹ “Unum non est obmictendum pro curia seculari quia hic agitur de homicidio quanto aliter gravius, saltim contra illum qui confitetur homicidia et de illo absque dubio

было собственным изобретением судьи из Дофине: оно присутствовало в рассуждениях французских юристов уже с конца XIII в.¹²⁰, а потому не вызывает удивления тот факт, что Толозан призывал именно королевских чиновников обратить особое внимание на ведьм и колдунов.

Идентичных взглядов придерживался и Жан Тинктор, писавший почти на 30 лет позднее. Для него адепты дьявола являлись «предателями, восставшими против Божественного света истинной веры»¹²¹. Как справедливо отмечал Франк Мерсье, подобная лексика в большей степени соответствовала светскому уголовному преследованию, нежели церковному суду¹²². А потому и бороться с подобными преступниками надлежало монарху или любому иному владетельному сеньору – дабы избавить вверенные его заботам земли, своих подданных и себя самого от их тлетворного влияния¹²³. Ибо созданное на земле королевство дьявола, по мнению Жана Тинктора, несло людям «падение нравов, презрение к законам и праву, к [ценности человеческой] жизни, к общественному благу, к почитанию Господа». «Все придет в упадок и беспорядок, – ответственно заявлял бургундский демонолог, – Нечестивые узурпируют земли и власть, а святые и смиренные будут страдать и в отчаянии просить милостыню. Войны, убийства, распри и насилие поглотят королевства и города, злодеи одержат верх над людьми достойными. И мы не увидим

---

cognoscet iudex temporalis” (Ibid. P. 398). К этой мысли автор возвращался неоднократно: Ibid. P. 402, 412.

¹²⁰ Уже Филипп де Бомануар (1252–1296) отмечал в «Кутюмах Бовези», что если колдовство повлекло за собой чью-то смерть, оно должно наказываться смертной казнью и, следовательно, рассматриваться в светском суде: “Et adonques a la supplicacion de sainte Eglise la justice laie doit prendre teus manieres de gens. Et tele puet estre l'erreur que cil qui est pris a mort deservie, si comme se l'en voit apertement que la sorcerie de quoi il usoiert puet metre a mort homme ou fame” (*Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis* / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899–1900. T. 1. P. 163).

¹²¹ “Ces traitres vaudois, que ma plume persecute a present, ne sont pas tresbuchiez en ceste forsenerie par aveuglement de tenebreuse ygnorance, par fragilité de plaisir humain ou par excès de tendre et douce amour, ains se y sont plongez de leur vouldonté par une ahurtee obstinacion d'erreur, voyans et sachans qu'ilz faisoient et, *se rebellans contre la divine lumiere de sainte foy*, ont dit à Dieu, en leur cuer, ... pars toy et t'esloinge de nous, nous ne voulons avoir la cognoissance de tes voyes” (*Tinctor J. Op. cit.* P. 54, курсив мой – О.Т.).

¹²² Mercier F. La vauderie d'Arras. Une chasse aux sorcières à l'automne du Moyen Age. Rennes, 2006. P. 109–121.

¹²³ “Pour vray, tres noblez princes, il est plus cler que la lumiere du mydy que riens ne vous puet avenir plus salutaire ne de greigneur loenge que avoir une tres ardante jalousie a garder et conserver les solempnelez institutions de Dieu et de sa sainte Eglise, comme vous soyez ordonnez à la deffence de la chose publique crestienne, et ne povéz avoir plus glorieuse et honnourable occupacion en ce monde que vacquer en toute diligence à la punition et extermination de ceulx qui commettent si execrables malefices” (*Tinctor J. Op. cit.* P. 77).

в наших владениях ничего кроме отвратительных злодеяний, мятежей и раздоров»¹²⁴.

Впрочем, с точки зрения демонологов второй половины XV в., существование ведовских сект, угрожавших миру и спокойствию всех без исключения европейских стран, могло стать не только *причиной* описанных Жаном Тинктором страданий добропорядочных христиан. Вполне допустимой представлялась и обратная ситуация, при которой распространение ведьм и колдунов объявлялось *следствием* войны и сопутствующего ей всеобщего падения нравов, разрухи и насилия. Именно на такой позиции стоял уже известный нам французский демонолог Пьер Мамори, к анализу весьма специфических взглядов которого мы теперь и обратимся.

¹²⁴ "Il ne sera lors aucune discipline de meurs, observance de loix, ordre de justice, humanité de vie, protection et deffence de la chose publique, ne crainte et reverence de Dieu. Tout sera en confusion et desroy... Les mauvais usurperont les seignouries et gouvernemens et le saint et humble peuple gémira et mendiera en desolacion... Lors, guerres, murtres, debas, seditions forsenneront es royaumes et cités... les villains entreprendront sur les nobles. L'en ne verra parmy les citez que execrables mauvaistie, rebellions et contredits" (Ibid. P. 66).

ГЛАВА 6

Обратная сторона войны

«Н а протяжении долгого времени, что продолжались нашествия англичан, Господь позволял, чтобы Французское королевство бесчисленное число раз подвергалось разорению и опустошению. Многие знатные люди – как со стороны французов, так и со стороны англичан – пролили свою кровь в военных сражениях. Иностранцы и варвары, языка и нравов которых [мы] не знали, были взбудоражены [возможностью] участвовать в этих битвах, но не для того, чтобы оказать помощь своим союзникам, а для того, чтобы безостановочно грабить [французские] города и села. Эти воины были знакомы с колдовством и заклинаниями, которые, согласно поэтам и ораторам, широко применялись язычниками. Они научили [пользоваться] ими французов, до нашествия [этих чужестранцев] незнакомых с подобными магическими практиками. Вот почему во Франции на протяжении уже почти ста лет люди обоего пола творят неописуемые и ужасные злодеяния»¹.

Такими словами начинался «Бич колдунов» (*Flagellum maleficorum*) Пьера Мамори, доктора теологии и профессора университета Пуатье, написанный им в 1460–1462 гг. Как я уже упоминала, данное сочинение являлось одним из самых первых демонологических трудов, созданных во Франции: чуть раньше свет увидели «Трактат против призывающих демонов» инквизитора Каркассона Жана Вине и «Бич еретиков-чародеев» инквизитора Лилля Николя Жакье. У каждого из этих текстов имелись свои особенности, но их авторы – в отличие от профессора из Пуатье – отнюдь не связывали появление во французских землях многочисленных ведьм и колдунов с последствиями Столетней войны, т.е. с непосредственным влиянием англичан и прочих «варваров» на культурное развитие своих соотечественников. На этом фоне сочинение

¹ “Quoniam tempore multo nimis Anglorum invasionibus nobile et omni sapientia plenum Deo permittente multipliciter vastatum regnum Francie fuit atque depopulatum nobili multorum sanguine in bellis effuso atque parte pro altera aut Francorum vel [...] pro parte Anglorum, externe gentes et barbare causa magis villas depopulandi et agros quam alias gentes armate venerunt, quarum ignota lingua et mores extranei erant. Hee siquidem bellicose gentes carminationes et maleficia, quibus legimus in oratoribus et poetis usos fuisse ab antiquo gentiles, multos e populo Francorum docuere perneciter, qui prius talia sortilegia vel maleficia nesciebant, ex quo factum est ut plures in regno Francie utriusque homines sexus indicibilia nefandaque mala quasi a seculo christianis inaudita machinati fuerunt” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 1]*).

Пьера Мамори выделял совершенно уникальный подход к вопросу происхождения колдовства, а также – к оценке самой войны, на момент создания *Flagellum maleficorum* только-только завершившейся².

Как Жан Вине, так и Николя Жакье придерживались весьма традиционного для Средневековья (как, впрочем, и для периода раннего Нового времени) взгляда на языческие корни магических практик³. По мнению инквизитора Каркассона, все они без исключения были придуманы в глубокой древности⁴. Несмотря на то, что он – как и многие другие демонологи XV в. – рассматривал договор, заключенный человеком с дьяволом, как принесение вассальной клятвы верности⁵, Жан Вине именовал ведьм и колдунов XV в. «современными идолопоклонниками» (*modernis ydolatris*), поскольку они, по его мнению, почитали дьявола, как ранее язычники – своих многочисленных божеств⁶. Той же позиции придерживался и Николя Жакье. Он отмечал, что в поклонении Нечистому заключалось главное преступление членов ведовской секты, и хотя идея королевства дьявола была ему близка⁷, он рассматривал шабаш в том числе и как место отправления подлинного религиозного культа. Не случайно для его описания инквизитор Лилля использовал понятие *congregatio*, в эпоху Средневековья обозначавшее синод, т.е. собрание церковных иерархов, монастырскую общину, членов одного капитула или университета⁸. По мнению Николя Жакье, очень часто в ведовскую секту вступали не только обычные мужчины и женщины, но и священники, что делало ее существование особенно опасным⁹.

² В 1435 г. в Аррасе был заключен договор между французами и бургундцами, по которому герцог Филипп Добрый признал Карла VII королем и перешел на его сторону в военном противостоянии, сильно ослабив позиции англичан. Любопытно, что с сообщением о мирном договоре к Генриху VI Ланкастеру был послан уже известный нам Николя Жакье, состоявший на службе у герцога Бургундского: *Ostorero M. Le diable au sabbat*. P. 124–127. В 1449–1450 гг. королевским войскам удалось освободить от неприятеля Нормандию, а в 1451 г. – Аквитанию. Официальный конец Столетней войне положила капитуляция английского гарнизона Бордо 19 октября 1453 г.: *Fraioli D. Joan of Arc and the Hundred Years War*. Westport, 2005. P. 107–109, 153–156; *Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии*. М., 2001. С. 326–328, 340–351.

³ Эта традиция брала свое начало в трудах Блаженного Августина. См. о ней выше: Глава 2, прим. 28.

⁴ “*Artas magicas Zabulon invenit, et inter homines Zoroastres rex Bragmanorum eas praticavit*” (*Vinet J. Op. cit. Pt. III. Cap. 1*).

⁵ См. выше: Глава 5, прим. 70.

⁶ Этот пассаж начинался у Жана Вине со ссылки на канон *Episcopi*: “*In secunda [parte] reprehenduntur specialiter quedam mulieres que dicunt se de nocte equitare cum dyana dea paganorum. In tercia [parte] que dyabolo ita deludit eas que se credunt pati in corpore quod in animo patiunt*” (*Vinet J. Op. cit. Pt. II. Cap. 1*).

⁷ См. выше: Глава 5, прим. 84–85.

⁸ *Weijers O. Terminologie des universités au XIIIe siècle*. Rome, 1987. P. 63–69.

⁹ “*In hac autem fascineriorum secta sive synagoga conveniunt non solum mulieres, sed viri et, quod deterius est, eciam ecclesiastici et religiosi*” (*Jacquier N. Op. cit. Cap. 7*).

В отличие от его коллег-демологов, Пьера Мамори в значительно меньшей степени интересовали языческие суеверия, из которых традиционно выводили средневековые магические «искусства», а «идолопоклонники» и вовсе не упоминались в *Flagellum maleficorum*¹⁰. Для профессора из Пуатье колдовство представлялось явлением исключительно современной ему повседневной жизни. В посвящении епископу Санта Луи де Рошешуару, по просьбе которого он и написал трактат, автор сообщал, что «ненасытная чума злонамеренного колдовства распространилась ныне так, как никогда ранее во [Французском] королевстве»¹¹. С дотошностью этнографа¹² Мамори описывал ставшие ему известными по собственному опыту или по свидетельствам достойных доверия очевидцев подробности конкретных *maleficia*, получивших хождение в Пуату в середине XV в. Он рассказывал читателям об импотенции и прочих болезнях, вызванных применением магических снадобий; о таинственном исчезновении из погребов запасов вина и молока; о внезапно приходящих грозах и ураганах, губящих урожай на полях; о некромантии и чудесных превращениях людей в волков и прочих зверей. Он приводил формулы заклинаний, позволяющих избавиться от надоедливых насекомых, и описывал различные гадательные практики¹³.

Однако за этими детальными рассказами Пьер Мамори отнюдь не забывал свой главный тезис, вынесенный в пролог к трактату: множество из запретных «искусств», которым предавались его соотечественники, по его мнению, были занесены во Францию в ходе Столетней войны англичанами и/или их союзниками. К этому вопросу на страницах «Бича колдунов» он возвращался неоднократно.

Так, он подробно пересказывал историю, якобы поведенную ему настоятелем монастыря Беневента в Лимузене, которому она стала известной от одного из очевидцев событий, некоего Персевента де ла Ривьера. Во время оккупации Франции англичанами один из них пригласил этого сеньора на ужин, а когда тот явился, заявил: «Если хотите, я сделаю так, что лучшее вино из Ваших подвалов, где оно [сейчас] находится, польется [на нашем столе] без того, чтобы кто-то спускался в погреб и приносил его. Я проделаю дыру в деревянной доске, и вино потечет из нее». Так оно и вышло к огромному изумлению де ла Ривьера, изначально не поверившего своему хозяину. Когда же в погреба послали слугу, дабы сравнить вино из кувшина и из бочки, оно, естественно, оказалось иден-

¹⁰ Впрочем, Пьер Мамори разделял мнение Жана Вине о древнем происхождении колдовства: “*Primus inventor artis magice fuit Zoroastres rex Bactrianorum*” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 4]*).

¹¹ “*Reverendissime pater et domine honorandissime, domine Ludovice de Rupecavardi, [...] iussistis ut tractatum contra maleficos, quorum pestis nunc serpit amara nimis in regno componerem*” (*Ibid. [Incipit]*).

¹² Именно так в свое время определила стиль работы Пьера Мамори швейцарская исследовательница Мартина Остореро: *Ostorero M. Le diable au sabbat. P. 517–518*.

¹³ В основном этим описаниям была посвящена глава трактата под названием “*Variorum maleficorum inducta narratio*”: *Mamoris P. Op. cit. [Cap. 1]*.

тичным. Аббат Беневента, которому Персевент рассказал об этом удивительном происшествии, счел англичанина колдуном, которому помогал в его фокусе дьявол, и повелел своему сеньору покаяться¹⁴.

С превратностями Столетней войны связывал Пьер Мамори и широко распространившуюся во Франции практику ауспий – предсказаний грядущих событий по полету птиц. Многие, писал он, верили, что сороки могут предвещать наступление армии противника: если их стая налетала на тот или иной французский город, жители знали, что нужно, собрав все свои ценные вещи, укрыться в крепости. Он и сам видел однажды такого вестника беды в небе над Буржем: сорока металась из стороны в сторону, и было совершенно неясно, что именно она предвещает. В результате кто-то из собравшихся предположил, что город все же будет захвачен и разорен англичанами, как и произошло в тот же день. Однако, справедливо заключал Мамори, сложно оказалось понять, было ли поведение птицы добрым знаком для жителей или же она являлась посланником демонических сил¹⁵.

Не менее популярными, чем ауспии, с началом военных действий во Франции стали и обращения к колдунам и ведьмам, якобы способным при помощи заклятий и заговоров исцелять солдат или их боевых коней от ран, полученных в сражении¹⁶. Впрочем, как свидетельствуют архивы

¹⁴ “Narravit mihi Lemovicis venerandus et vita probatus et generosus dominus et primus abbas Benaventis Lemovicensis diocesis quod audierat nobilem virum, Persevandum de Riperia dicentem quod eo tempore quo regnum Francorum exteris gentibus bellicosis occupabatur, quidam ex illis eidem Persevando qui eum ad prandendum secum invitaverat, dixit: ‘Faciam si vellitis afferri inter vina de meliori cavea tamen vestra ubi vinum est nullo modo aperta et nemine apportante, sed perforabo lignum aliquid et ex foramine vinum elicietur’. Hec Persevandus impossibile reputavit, sed facto foramine in ligno quodam dum ex inde videntibus cunctis est vinum eliquatum et in vase receptum. Tunc missum est ad caveam et de eodem vase per famulum unum allatum et repertum est idem esse vinum, cum eo quod a foramine ligni fuerat extractum. Dixit quod penitebat eum hoc fecisse, quoniam arte demonis factum erat” (Ibid.).

¹⁵ “De hoc augurio audiavi tempore quo armigere gentes de villa ad villam discurrunt in Francia loquentem quendam et dicentem, quod sepe contingebat avec quas picas vocamus precedere et pronunciare adventum gentium armatarum in villis ad quas gentes ille venture, ex quo in cole ville utensilia a domibus ad fortaressia asportabant, ne a predonibus caperentur. Vidi ego in Bituria [...] picam garrientem modo dissueto feriendo terram et trahendo caudam super humum per saltis incompósitos, ex cuius aspectu dixit quidam quod illo die gentes armorum venture essent ad villam cuius dicta [...]. Circa tamen finem illius diei inspirate armigere gentes ad predictam villam venerunt, que damna multa pluribus intulerunt. Utrum aves ille a bono spiritu ducte adventum predantium armigerorum, ut caveret populus annunciant, vel maligni spiritus in deceptionum simplicitate aves illas impellerent, sed veraciter narro que vidi” (Ibid. [Cap. 12]).

¹⁶ “Notum est etiam quod quidam sola prolacione verborum clavatos equos sanabant, dum tamen sub umbra crucis alicui vel sub testitudine non transirent, quoniam tunc prior redibat infirmitas carminacionibus, etiam vulnera lesum in bellis non omnia sed multa sanabant” (Ibid. [Cap. 1]).

королевской канцелярии, далеко не всегда подобное «лечение» оказывалось успешным: неудачливых приспешников дьявола арестовывали, приговаривали к смертной казни, и они вынуждены были обращаться за помилованием. Именно так произошло в 1387 г. с некой Масе Валетт, которая настаивала в своем обращении к королю, что смерть якобы убитого ею Тено Невё наступила отнюдь не в результате ее «врачебного» вмешательства¹⁷. Погибший, получивший удар ножом в военной стычке, обратился к Масе за помощью, и она попыталась облегчить его страдания, однако использовала для этого «только заговоры, но никакой медицины или [другого] лечения»¹⁸. Иными словами, она не изготовила для него специального зелья, и то, что Тено умер от полученного ранения через два с половиной месяца, по мнению просительницы, вовсе не было связано с ее действиями, а потому сам факт колдовства в ее случае не мог рассматриваться как реально имевший место.

В 1446 г. королевское прощение было даровано Этьену де Фонтане, также признанному виновным в том, что его врачевание не принесло желанного результата. Как сообщалось в письме о помиловании, «подобными снадобьями и заговорами нельзя вылечить никого, и об этом известно абсолютно всем в Лионе [и его окрестностях]»¹⁹. Похожая история повторилась и в 1458 г., когда колдун Жан Пейнно оказался помилован, несмотря на то, что пытался излечить от полученных ран английского пленника по имени Гийом при помощи заговоров²⁰. Лучник скончался через 11 дней, однако королевские чиновники полностью оправдали просителя на том основании, что помимо слов он не использовал в своей врачебной практике ничего недозволенного. Зная, возможно, о подобных судебных казусах, Пьер Мамори, тем не менее, уверял своих читателей в том, что обращение к ведьмам и колдунам в военное время счита-

¹⁷ ANF. JJ 131, fol. 86v, № 142 (a. 1387).

¹⁸ "...charmé de paroles seulement, sanz autre medicine ou garison" (Ibid.). Вполне возможно, упоминание в тексте данного письма неких специальных научных знаний, необходимых для лечения больных, но отсутствовавших, согласно показаниям Масе Валетт, у нее самой, было связано с крайне негативным отношением к разного рода целителям, распространившимся в это время во Французском королевстве. С конца XIII в. по начало XV в. здесь развернулась настоящая война представителей медицинского факультета Парижского университета и, как следствие, профессиональных врачей с деревенскими знахарками, которые почитались ими не просто как неучи, но как опасные для окружающих и их здоровья osoby: *Agrimi J., Crisciani C. Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la vetula (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281-1308; Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 140-141.*

¹⁹ "De telles sorceries et fectureries on ne puet jamais guerir, comme est commune renomée et fame publique par le pais de Lyonnais" (ANF. JJ 178, fol. 29v, a. 1446).

²⁰ "...se fist comme l'en dit charmer par un franc archier" (ANF. JJ 189, fol. 73, № 157, a. 1458).

лось во Франции более действенным средством, нежели вмешательство хирургов²¹.

Впрочем, многие из описанных в *Flagellum maleficorum* разновидностей колдовства имели, скорее, книжное происхождение и не отсылали к реальным событиям. Так, история с вином, свободно перемещавшимся в пространстве, из рассказа Персевента де ла Ривьера в действительности представляла собой классический поучительный «пример». Именно в этом качестве она использовалась уже в сочинениях ранних средневековых теологов, например, у Ноткера Заики (840–912), бенедиктинца из Санкт-Галленского монастыря, или у Гийома Овернского (1190–1249), советника и духовника французского короля Людовика IX Святого²². Подробный рассказ о бочках в монастырском подвале, которые как по волшебству то наполнялись вином, то пустели, присутствовал и в «Императорских досугах» (*Otia imperialia*) – сборнике различных курьезов, составленном Гервасием Тильберийским (ок. 1150–1222/1235) для императора Оттона IV Брауншвейгского (1175/1176–1218): это удивительное событие автор также связывал с происками местных ведьм²³. Около 1320 г. «Досуги» были переведены с латыни Жаном де Винье²⁴, и можно предположить, что Пьер Мамори знал этот текст, хотя прямо на него не ссылаясь. Во всяком случае в материалах французской судебной практики данный мотив не упоминался – в отличие от ведовских процессов, имевших место в альпийском регионе²⁵. Тем не менее, ни в одном из этих источников речь не шла о пагубном влиянии *иностранцев* на местное

²¹ “Quo tempore non volebant chirurgicos secum habere, quia plus operabatur in eis carminacio quam medicina” (*Mamoris P.* Op. cit. [Cap. 1]). О популярности подобного «лечения» во Франции XIV–XV вв. см. подробнее: *Braun P.* Charmé de paroles seulement // *Braun P.* Droits en devenir. Limoges, 1998. P. 291–308.

²² *Ostorero M.* Le diable au sabbat. P. 522.

²³ *Gervais de Tilbury.* Le livre des merveilles. Divertissement pour un empereur (troisième partie) / Trad. de A. Duchesne. P., 1992. P. 95–96.

²⁴ *Gerner D.-P.* La traduction des *Otia imperialia* de Gervais de Tilbury par Jean de Vignay dans le manuscrit Rothschild n° 3805 de la Bibliothèque nationale de Paris: édition et étude // *Perspectives médiévales.* 1998. T. 24. P. 72–77; *Pignatelli C.* Jean de Vignay et Jean d'Antioche traducteurs des *Otia imperialia* de Gervais de Tilbury: style, syntaxe, vocabulaire // *Le moyen français. Le traitement du texte: édition, appareil critique, glossaire, traitement électronique* / Ed. par Cl. Buridant. Strasbourg, 2000. P. 223–252. О Жане де Винье см. выше: Глава 2, прим. 70.

²⁵ На уже неоднократно упоминавшемся выше процессе 1448 г. Жак Дюрье из Веве признавался, что на шабаше он и его товарищи «пили отличное вино, принадлежавшее [некому] Перро из Шайи. Когда же его (Жака – О.Т.) спросили, кто принес это вино, он ответил “Никто”, но добавил, что оно появлялось из дыры, проделанной в дереве» (*Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. P. 228–231). В том же году на процессе в Шампване (кантон Во) Пьер Шава утверждал, что вино на шабаше свободно вытекало из отверстия в скале (*per rupem ex quodam foramine*): *Inquisition et sorcellerie en Suisse romande. Le registre Ac 29 des Archives cantonales vaudoises (1438–1528)* / Ed. par M. Ostorero et K. Utz Tremp, avec collaboration de G. Modestin. Lausanne, 2007. P. 48–49.

население, и, похоже, наш автор, живописуя безобразное поведение англичан во Франции, сознательно не обращался к трудам предшественников, хотя во многих иных разделах его трактата ссылки на авторитеты поражали своими масштабами²⁶. Как представляется, в данном случае профессор из Пуатье придавал значение именно *личному* опыту – как собственному, так и своих информаторов.

При этом Пьер Мамори действительно более или менее точно определял временной промежуток, когда занятия колдовством, по его мнению, приобрели во Французском королевстве массовый характер, ведь первые крупные ведовские (или политико-религиозные) процессы прошли здесь уже в начале XIV в.²⁷ Таким образом, период в «почти 100 лет» (*quasi a seculo*), заявленный автором «Бича колдунов», вполне подтверждался материалами судебной практики, а вместе с тем совпадал со временем Столетней войны²⁸.

²⁶ Список авторитетных авторов, на которых ссылался Пьер Мамори, был поистине огромен. В *Flagellum maleficorum* присутствовали обширные заимствования из Блаженного Августина, Беды Достопочтенного, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Бонавентуры, Гийома Овернского и многих других средневековых теологов: *Mamoris P. Op. cit.* [Сар. 5, 6, 7, 8, 11]. Автор прекрасно знал также труды библейских комментаторов и античных авторов (Овидия, Плиния, Вергилия, Лукиана, Галена) и приводил суждения знатоков канонического права и глоссаторов: *Ibid.* [Сар. 4, 5]. Например, упоминавшийся выше вопрос о возможности сексуальных контактов между ведьмами и демонами (см.: Глава 5, прим. 102) Пьер Мамори рассматривал с опорой на сочинения Августина, Авиценны, Иакова Ворагинского и Гийома Овернского: *Mamoris P. Op. cit.* [Сар. 11]. Через отсылки к античной литературе и «Граду Божьему» Августина описывался и сам шабаш: “*Ars vero utens veneno non ad intoxicacionem, sed ad mutationem effigiei humane vocatur veneficium, de qua loquitur Augustinus XVIII De civitate Dei, ubi introduxit eos qui transformati fuerunt in lupos, in volucres et in equos... In arte vero utenti sacrificio expressus apparet cultus demonum, de quo loquitur Augustinus De civitate supradicto libro, ubi ponit quod apud Archades, hii qui comedebant de sacrificio Licei mutati sunt in lupos*” (*Ibid.* [Сар. 12]).

²⁷ См. выше: Введение.

²⁸ В связи с этой датировкой любопытно еще раз вернуться к возникновению самого названия *Столетней войны*. Как представляется, Пьер Мамори стал одним из первых, если не самым первым автором, кто ограничил длительность военного конфликта между Францией и Англией именно таким периодом времени. Жан-Мари Мёглен, последние годы занимавшийся данным вопросом и уже посвятивший ему ряд публикаций, полагает, что впервые определение «Столетняя война» (*hundertjährigen Kriege*) было упомянуто в труде немецкого историка Иоганна фон Мюллера (*Müller J. von. Der Geschichte schweizerischer Eidgenossenschaft. Leipzig, 1786. Bd. 2. S. 148*), переведенном на французский в 1795 г.: *Moeglin J.-M. “La Guerre de Cent Ans”: une création historiographique? // Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2010. № 2. P. 843–862*, здесь P. 862. Таким образом, французский исследователь не учел иные, помимо сугубо исторического и историографического, контексты, в которых понятие «Столетняя война» могло возникнуть – например, как это ни странно, демонологические трактаты.

Тем не менее, ни один из предшественников Пьера Мамори не связывал рост популярности колдовства во Франции с нашествием англичан. Мы не найдем подобных рассуждений не только у его коллег-демологов, Николя Жакье и Жан Вине, но и у более ранних авторов – например, у составителей официального «Постановления» Парижского университета 1398 г., касавшегося иллюзорной сущности колдовства²⁹, или в трудах Жана Жерсона первой трети XV в.³⁰ Более того, мы не встретим их и у авторов, далеких от теологических проблем, в частности, у французских хронистов, весьма неплохо осведомленных о магических практиках, распространенных в их родном королевстве.

Так, Мишель Пентуэн, монах из Сен-Дени, писал, что в начале XV в. колдовством во Франции занимались буквально все жители, и именно поэтому так сильна оказывалась вера в то, что приступы безумия Карла VI были вызваны наведенной на него порчей: «Многие сеньоры и простые люди полагали, что король был околдован. Использование магических практик, к сожалению, распространилось во Франции в то время повсеместно, как среди мужчин, так и среди женщин, к какому бы сословию они ни принадлежали»³¹. Собственно, и короля, по сообщению хрониста, пробовали лечить такими же «незаконными» способами, принимая при дворе местных колдунов, выдававших себя за врачей³², или обращаясь к ним за консультациями с целью узнать причину недуга монарха³³. Точно так же в прологе к «Мистерии об осаде Орлеана» говорилось, что прибывшие осенью 1428 г. во Францию Томас Солсбери и Уильям Гласдейл навестили в Шартре знаменитого астролога – мэтра Жана де Буйона. По мнению английских военачальников, он «предска-

²⁹ *Determinatio solennelle de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, condamnant vingt-huit articles relatifs à la magie (19 septembre 1398)* / Ed. par J.-P. Boudet // *Revue Mabillon*. 2001. Vol. 12. P. 147–154. Подробнее о «Постановлении» см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 122–124.

³⁰ Разнообразным аспектам колдовства Жан Жерсон посвятил целую серию трактатов: *Contra superstitiosam dierum observantiam*, *Trilogium astrologiae theologizatae*, *De erroribus circa artem magicam*, *Contra superstitionem sculpturae leonis*: *Gerson J.* *Oeuvres complètes* / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960–1975. T. 10. P. 77–134. О восприятии Ж. Жерсоном колдовства см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 124–127.

³¹ “Nobilium et ignobilium major pars astruebat regem sic maleficiis et veneficiis detendum, quibus in regno Francie multi utriusque sexus et ordinis tunc pro dolor! utebantur” (*Chronique du Religieux de Saint-Denis*. T. 2. P. 24).

³² “...cum decuriones nobiles solitam regis egritudinem curare licitis et illicitis indifferenter procurarent, dominus Ludovicus Sacri Cesaris, Francie marescallus, duos superstitiosos viros ab oris Guienne destinavit Parisius, et, ut fama publica referebat, in medicina et arte magica quamplurimum eruditos” (*Ibid.* P. 542).

³³ “...quidam ex curialibus predictos apostatas adeuntes, tanquam Belsebuth consulturi, quesierunt cur rex sic recidivasset... et quamvis superstitionibus minime credendum sit, inde tamen plurimi letati sunt, credentes per istos posse sciri veritas maleficii, quo vexari regem indubitanter credebant” (*Ibid.* P. 544–546).

зывает истинные события и отвечал на любые вопросы»³⁴, а потому они собирались узнать у него, какая судьба ждет их на континенте³⁵.

Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что мысль об иностранном происхождении различных магических практик была не совсем чужда французским авторам XIV–XV вв. Слухи о Валентине и Джан Галеаццо Висконти, якобы причастных к болезни Карла VI, поддерживали не только хронисты и советники королевской семьи³⁶, но и обыватели. Даже Мишель Пентуэн, отказывавшийся верить в подобные небылицы, отмечал: «Чернь упорствовала во мнении, что на государя навели порчу посредством колдовства и что винить в этом совершенно очевидно следует герцога Милана»³⁷. Возможно, на данную традицию и опирался Пьер Мамори, когда писал об английском пагубном влиянии на культуру и повседневную жизнь своей страны.

Своеобразие позиции автора *Flagellum maleficorum* заключалось лишь в том, что он, в отличие от Мишеля Пентуэна и неизвестного создателя «Мистерии об осаде Орлеана», категорически отказывался видеть в самих французах виновников подобных злодеяний и списывал все происходившие в королевстве ужасы на иностранцев, какой бы национальности они ни были³⁸. Что же касается собственных соотечественников, то – как добросовестный исследователь феномена колдовства – он все же упоминал об одном своем знакомом из Пуатье, человеке «достойной репутации и больших знаний», который пробовал заняться геомантией, но очень быстро отказался от этого пагубного времяпрепровождения. Однажды, когда в дверь его дома постучали, он, прежде чем открыть, начертил магические фигуры, по которым понял, что посетитель «одет во что-то красное, и в его костюме имеется [некое] отверстие». Так и оказалось в действительности: на голове гостя была красная шапка, а на одежде красовалась прогрызенная мышами дыра. Ученый заподозрил, что его «откровение» носит дьявольский характер, забросил геомантию и сжег книгу, по которой предавался гаданию. Дабы усилить эффект от этой истории и подчеркнуть изначальное отсутствие у французов склонности к занятиям колдовством, Мамори добавлял, что рассказ его абсо-

³⁴ “Maistre Jehan de Boillons, / qui devigne la chose vraye, / et de toutes choses respont” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 107).

³⁵ “Je vous pry que nous y aillons / savoir de nous qu’il vouldra dire, / ne quelle fortune nous aurons” (Ibid. P. 105).

³⁶ См. выше: Глава 3.

³⁷ “Multi in regno Francie nobiles et ignobiles mordo simili laborabant, et, ut vulgus asserabat, maleficiis et sortilegiis detenti, hiisque et regem illaqueatum, et, quod verissimile erat, hoc a domino Mediolani procedebat” (Chronique du Religieux de Saint-Denis. T. 2. P. 404).

³⁸ Такой подход никоим образом не соответствовал реальному положению дел, поскольку на стороне англичан сражалось внушительное количество французов, нормандцев и гасконцев: Калмыкова Е. В. Образ войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 248–252, 286–288, 306–307; Guiffan J. Histoire de l’anglophobie en France. Rennes, 2004. P. 41–45.

лютно правдив, поскольку узнал он о случившемся от самого незадачливого геоманта³⁹.

Напротив, чтобы лишний раз напомнить своим читателям о том, что магические практики распространились среди жителей королевства в результате войны и были принесены людьми пришлыми, Пьер Мамори вводил в повествование не только английских, но и других иностранных персонажей. Так, к упоминавшейся выше истории о колдуне, занимавшемся катоптромавтией⁴⁰, он делал важное уточнение, что подобными предсказаниями зарабатывали себе на жизнь и расселившиеся по всей Франции в годы войны цыгане⁴¹. Эту информацию подтверждал, в частности, Парижский горожанин, сообщавший в записи от 17 августа 1427 г., что цыганские «ведьмы» наводнили столицу королевства и обычно поджидают путников у городских ворот, где гадают им по руке⁴².

Пьер Мамори ссылался также на личные воспоминания о встрече с ним в Пуатье «знатном варваре» (*barbarus quidam nobilis homo*), который своими заговорами сумел изгнать из города заплонивших его ворон⁴³. Имелся у него и рассказ об испанце, случайно оказавшемся в диоцезе Санта и буквально спасшем при помощи магии местное аббатство, страдавшее от нашествия сов. Зайдя в монастырь, колдун якобы воткнул некий ключ в деревянную дощечку, и все птицы в ту же минуту исчезли. Таких чужестранцев, добавлял Мамори, в окрестностях Пуатье встречалось в то время множество: они помогали избавиться и от крыс, и от волков, и от кроликов, и от голубей⁴⁴.

³⁹ “Vidi ego Pictavis magnum virum in fama et sciencia qui geomancie studens [...]. Qui die uno, dum pulsaret quidam ad ostium sue domus, precepit famulo ut modicum differret ostium aperire; interim fecit figuram, ut virtute illius divinaret quid quereretur ad ostium pulsans. Qua facta et inspecta, dicit hic: ‘Qui venit ad nos aliquid rubeum affert perforatum’, et aperto ostio veniens rubeum birrum offert; quem ille accipiens cum graciарum actione et ipsum perspicuens, invenit in eo foramen a muribus factum in illo. Ex quo admiratus timuit ut aliquid malignum lateret in illa arte et sprexit artem et artis librum combussit. Scio quod ipse mihi ipsa narravit” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 11]*, курсив мой – О.Т.).

⁴⁰ См. выше: Глава 5, прим. 83.

⁴¹ “Et mulieres tali arte utentes apud gentiles sigalas vocabant” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 1]*). Термин *sigale* происходил от греческого *atsinganos*: *Ostorero M. Le diable au sabbat. P. 524–525*.

⁴² “En la compagnie avoit sorcières qui regardaient ès mains des gens et disient ce qui advenu leur était ou à advenir... Et qui pis était, en parlant aux créatures, par art magique, ou autrement, ou par l'ennemi d'enfer, ou par entregent d'habilité, faisaient vider les bourses au gens” (*Journal d'un bourgeois de Paris. P. 237–238*).

⁴³ “Fertur hoc tempore nostro quod cum Pictavis multitudo corvorum et potissime in locis macellorum vicinis esset, quos ego pluries vidi, barbarus quidam nobilis homo infirmitate acceptus cum ex crocitacione eorum tedio afficeretur, illos per coniuraciones a tota civitate fecit extorres” (*Mamoris P. Op. cit. [Cap. 1]*).

⁴⁴ “Fuerunt alii qui mures a domo una vel a tota aliqua villa per coniuraciones fugabant. Ibidem de lupis a patria, de colombis a columbario, vel a nemoribus dum glandes erant vel cuniculos a garenis fugabant, numquam ad eadem loca reversuros” (*Ibid.*).

Появление в тексте «Бича колдунов» упоминания об пришлое испанце оказывалось особенно симптоматично: Толедо и Саламанка, как полагали европейцы XV в., являлись признанными центрами изучения магических искусств, о чем, как мы помним, сообщал Мартин Ле Франк в своем «Защитнике дам». Рассказывая о процессе над бретонским бароном Жилем де Ре, состоявшемся в 1440 г., поэт отмечал, что тот, вступив в поисках богатства и славы в сговор с дьяволом, уподобился ученым испанским мужам – алхимикам и некромантам⁴⁵.

Другое дело, что еще одним таким «учебным» центром, по столь же распространенному мнению, являлся французский Орлеан. Так, в истории Франклина из «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера (конец XIV в.) сообщалось о несчастном Аврелии, который позаимствовал книгу по магии у своего знакомого орлеанского студента-юриста, дабы заставить исчезнуть черные скалы с бретонской стороны Ла-Манша и тем самым развеять страхи Доригены, своей возлюбленной:

Отправиться нам надо в Орлеан,
Где школяра, быть может, мы найдем,
Что с лунными жилищами знаком
И сведущ в магии. Он, безусловно,
Избавит брата от тоски любовной⁴⁶.

По мнению автора учебника французского языка *Manières de langage*, впервые опубликованного в Лондоне в 1396 г. и выдержавшего два переиздания в 1399 и 1415 гг., в Орлеане преподавали как право, так и некромантию⁴⁷. Однако ни малейших намеков на столь разнообразное французское университетское образование у Пьера Мамори мы не найдем, как, впрочем, не найдем и отсылок к реальному (и весьма скромному) положению дел с преследованием колдовства в самой Англии в позднее Средневековье. Наиболее ранние ведовские процессы, материалы которых дошли до нас, состоялись здесь лишь в самом конце XV в. и относились к ведению церковного суда. Что же касается светского законодательства, то в нем подобные преступления начали систематически упоминаться лишь с середины XVI в., прежде всего в биллях Генриха VIII от 1542 г. и Эдуарда VI от 1547 г.⁴⁸

⁴⁵ “Leverrent escole a Toulette / Ou le dyable, pour le grand vice / Du neufviesme, avoit la colette [...] Va en Espagne a Salamanque: / Encores y a quel que soit / Sachant jouer de la main manque... Mais pour qouy d’Espagne contons / Et de trop long temps seulement? / Va t’en, si demande aux Bretons / Qu’ilz ont veu nouvelement, / Quatorze ans et plus, longement: / Ung nommé mareschal de Rais / A forgié ung enchantement / Le plus horrible de jamais” (*Le Franc M.* Op. cit. V. 18150–18160, 18177–18184).

⁴⁶ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 1996. С. 565.

⁴⁷ Ostorero M. Le diable au sabbat. P. 506.

⁴⁸ Игина Ю. Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009. С. 63–75. См. также ниже: Главы 8 и 9.

В этой ситуации возникает закономерный вопрос, почему же Пьер Мамори испытывал такую ненависть к иностранцам и, в частности, к англичанам и почему именно в них он видел главных виновников распространения колдовства в современной ему Франции. Конечно, он был очевидцем событий Столетней войны – но точно такими же очевидцами являлись Жан Вине и Николя Жакье. А потому думается, что разгадка данного феномена кроется исключительно в особенностях *личной биографии* нашего автора.

***

Пьер Мамори окончил университет Пуатье, в 1456 г. занял в нем должность профессора теологии и преподавал по крайней мере до 1463 г.⁴⁹ Данное учебное заведение было основано в 1431 г., после того как сюда, вслед за дофином Карлом (будущим Карлом VII), в 1418 г. переместилось значительное число парижских теологов, вынужденных оставить *alma mater* из-за захвата Парижа бургундцами⁵⁰. Именно здесь проходил первый процесс над Жанной д'Арк, когда о ее намерениях и о характере получаемых ею откровений девушку допрашивали верные дофину университетские доктора⁵¹. Несколько ее судей – Жан Ламбер, Пьер Сеген и Гийом Мери – вероятно, являлись непосредственными наставниками Мамори в годы его учебы⁵². Общее благоприятное мнение, составленное королевскими советниками о Деве, а также в целом сугубо профранцузские настроения, которые на протяжении всего XV в. царили в городе очевидно, не могли не сказаться на личности и взглядах нашего демонолога, во всяком злодеянии видевшего проиоски англичан.

Стоит добавить, что Пьеру Мамори было, безусловно, хорошо известно и то бедственное положение, в котором оказалась вся территория Пуату в результате военных действий⁵³. Особый урон понесли местные церковные владения, не по одному разу разорявшиеся солдатами и мародерами. Как отмечал Робер Фавро, в годы Столетней войны подобные нападения (продолжавшиеся даже после заключения мирного договора в Аррасе в 1435 г.) привели к резкому снижению монастырских дохо-

⁴⁹ *Bonsargent M.* Note sur Pierre Mamoris, curé de Saint-Opportune de Poitiers, et sur cette église // *Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest.* 1856–1858. 1ère série. T. 8 P. 1–12; *Favreau R.* L'Université de Poitiers et la société poitevine à la fin du Moyen Age // *Les Universités à la fin du Moyen Age. Actes du Congrès international de Louvain* 26–30 mai 1975. Louvain, 1978. P. 549–583, здесь P. 578–579.

⁵⁰ *Verger J.* Les gens de savoir en Europe à la fin du Moyen Age. P., 1997. P. 67–69
Neuville D. Le Parlement royal à Poitiers (1418–1436) // *Revue historique.* 1878. № 6 P. 1–28, 272–314.

⁵¹ *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 29–80.

⁵² *Ostorero M.* Le diable au sabbat. P. 166–170.

⁵³ Подробнее о разорении Пуату см.: *Denifle H.* La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de Cent ans. 2 vol. P., 1889–1890. T. 2. P. 282–287, 431–432, 568–570, 592–765.

дов, сокращению числа аббатств и закрытию множества приходов, что не могло не повлиять на религиозные практики населения, которому не к кому стало обратиться за поддержкой и наставлением⁵⁴. Будучи капелланом (с 1443 г.), а впоследствии кюре церкви Сен-Оппортюн в Пуатье⁵⁵, Пьер Мамори знал об этих бедах не понаслышке. Вот почему он прямо сообщал на страницах своего трактата об «ослабшей» за время войны католической вере и «сомнительном знании христианской доктрины», которые толкали его соотечественников прямо в лапы дьявола⁵⁶. Более того, он полагал, что многие французские священнослужители отрекались в военное время от Господа и переходили на службу к Сатане, вступая в ведовские секты и поддерживая таким образом англичан⁵⁷.

И все же главные противники французов в Столетней войне ни в де-монологическом, ни в политическом дискурсе второй половины XV в. практически никогда не выступали знатоками магических практик. Пожалуй, лишь у Карла Орлеанского (1394–1465) в сочинениях, относившихся к 1450–1453 гг., когда герцог вернулся из лондонского плена, присутствовало сравнение военных действий англичан с шабашем и, что особенно любопытно, с тиранией⁵⁸. В переиздании 1415 г. упоминавшегося выше учебника французского языка *Manières de langage* профессиональные занятия некромантией также приписывались уже не французам, а их противникам⁵⁹.

Вместе с тем Пьеру Мамори должно было быть прекрасно известно, что столь нелюбимые им англичане полагали именно его соотечественников людьми, склонными к использованию колдовства⁶⁰. Во всяком случае, главную надежду Карла VII – Жанну д'Арк – они без сомнений причисляли к ведьмам, а ее помощь королевским войскам списывали на действие магии. Так, анонимный автор ранней версии «Лондонской хроники», созданной около 1432 г., уделил всего несколько слов французской национальной героине – и лишь для того, чтобы назвать ее «лживой ведьмой», которую ее соплеменники почитали как провидицу и даже как «почтенную богиню»⁶¹. Неизвестный автор нормандской хроники, дати-

⁵⁴ Le diocèse de Poitiers / Sous la dir. de R. Favreau. P., 1988. P. 70–74.

⁵⁵ *Bonservant* M. Op. cit. P. 4; *Favreau* R. Op. cit. P. 578–579.

⁵⁶ “Quod autem deportentur misere persone hesitantes in fide et in doctrina divine legis dubie, satis notum est ex relatu multorum et ex effectibus inde secutis” (*Mamoris* P. Op. cit. [Cap. 11]).

⁵⁷ “Et ad hec sabbat compertum est, licet raro, viros ecclesiasticos et religiosos venisse” (*Ibid.* [Cap. 2]). В данном случае позиция Пьера Мамори оказывалась близкой к трактовке ведовской секты у его коллеги, Николя Жакье (см. прим. 9).

⁵⁸ “Et les Anglois menoient leur sabbat / en grans pompes, baubans et tiranie” (*Charles d'Orléans. Poésies* / Ed. par P. Champion. 2 vol. P., 1923–1927. T. 1. P. 157).

⁵⁹ *Ostorero* M. Le diable au sabbat. P. 506.

⁶⁰ Подобные обвинения высказывались английскими хронистами уже в первой половине XIV в.: *Калмыкова* Е. В. Указ. соч. С. 314–315.

⁶¹ “Ther was a woman takyn y-armed in the ffield with many other worthy capyteyns, the whiche was called Pucell de Dieux, a false witche, ffor thurh her power the dolphyn &

рующей 1439 г., сообщал, что противники видели в девушке колдунью, чьи победы были добыты при помощи заговоров, танцев и иных магических практик⁶².

Этот образ сохранялся в английских источниках и позднее. В частности, в самом первом антиведовском памфлете «Краткий трактат, демонстрирующий отвратительную скверну магических наук», опубликованном в Лондоне в 1561 г., его автор Фрэнсис Кокс уверял своих читателей в том, что «некая девица, называемая Божьей Девой, знаток подобных [магических] наук,... своим искусством добилась того, чтобы французы чудесным образом побеждали в военных операциях»⁶³, хотя на самом деле то были «происки дьявола и [настоящее] колдовство», которое Господь допустил лишь для наставления этих грешников⁶⁴. В «Хронике английских королей» Ричарда Бейкера, впервые увидевшей свет в 1635 г., выдержавшей 12 изданий с 1643 по 1733 г. и ставшей для соотечественников автора главным источником знаний по средневековой истории, Жанна д'Арк вновь была названа «ведьмой и обманщицей [французского] короля и его подданных, которая после многочисленных обещаний раскрыть свое тайное искусство... была сожжена в Руане»⁶⁵ (Илл. 15).

Ту же особенность в отношении англичан к французам и их Деве подмечали и сторонние наблюдатели. Так, об использовании Жанной колдовских, с точки зрения ее противников, амулетов писал Уолтер Боуэр, продолжатель «Шотландских хроник» Джона Фордана⁶⁶. По мнению уже упоминавшегося выше Мартина Ле Франка, девушка была осуждена не за военные преступления и не за впадение в ересь, а за занятия некро-

---

alle oure adversariis trusted hooly to have conqueard ayen all ffraunce, and never to have hadde the wors in place that she hadde ben Inne, ffor they helden hire amongst hem ffor a prophetesse and a worthy goddessse" (цит. по: *Waugh W. T. Joan of Arc in English Sources of the Fifteenth Century // Historical Essays in Honor of James Tait / Ed. by J. G. Edwards, V. H. Galbraith, E. F. Jacob. Manchester, 1933. P. 387–398, здесь P. 392*). Об источниковедческих особенностях «Лондонской хроники» см.: *Orgelfinger G. Op. cit. P. 37–42*.

⁶² "Elle fut emprisonnée... et questionnée par les plus grans hommes, et sages et grignours clers de tout leur party pour savoir ses vittores, qu'elle avoit euez sur eulz, estoient faictes par enchantemens, caraulx ou autrement" (*Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 344*).

⁶³ "...a certayne mayde, experte in these sciences, called La pucelle de dieu,... who by her knowledge caused the Frenchmen marveyulously too prevayle in their marciall affaires" (*Coxe F. Short Treatise declaringe the detestable wickednesse of magicall sciences. L., 1561. Fol. BIIII*).

⁶⁴ "Bur almighty God, whiche... suffereth suche sorcerye and dyvelishe wayes too prospere and raygne, too the correction of sinners" (*Ibid.*).

⁶⁵ "...Sorceress, and deceiver of the King and his subjects, she was (after many delaies of promise to discove secret practises...) publicly burnt at Roan" (*Baker R. A Chronicle of the Kings of England. L., 1670. P. 184*).

⁶⁶ "Detulit enim in indice manus sinistrae anulum quem quasi continue intueri solita fuit, sicut mihi retulit qui haec vidit" (*Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 480*).

мантией⁶⁷. А анонимный автор «Книги предательств Франции», созданной после 1464 г. и носившей ярко выраженную пробургундскую направленность, видел в Жанне обычную ведьму с «дьяволом в животе»⁶⁸. Даже если Пьер Мамори не знал этих текстов, он совершенно точно был наслышан о процессе, возбужденном против Орлеанской Девы в 1431 г., в ходе которого подозрениям в ее приверженности колдовству было уделено исключительное внимание⁶⁹. Таким образом, можно предположить, что свою демонологическую концепцию наш автор выстраивал «от противного», выдвигая против англичан те же самые обвинения, которые они высказывали в адрес французов.

***

Так или иначе, но в том, что касается собственно демонологической литературы эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, трактат Пьера Мамори остался совершенно уникальным явлением. Хотя он и имел определенный успех у читателей⁷⁰, ни один другой французский автор XV–XVI вв., посвятивший себя описанию сложных отношений, складывающихся между человеком и дьяволом, не придавал им столь ярко выраженного *национального* характера. Мы не найдем подобных рассуждений в сочинении Жана Винсента «Книга, [направленная] против магических искусств» – следующем по времени французском демонологическом трактате, который был закончен около 1475 г. и автор которого не просто читал *Flagellum maleficorum*, но и неоднократно на него ссылался⁷¹. Отсутствовали они и в «Диалоге об опровержении магических искусств» Симфорьена Шампье, изданном в 1500 г. в том же Лионе, где впервые был опубликован «Бич колдунов»⁷².

⁶⁷ “Force aussy cil qui lui disoit / Qu’elle usast de ceste pratique, / Pluiseurs des Anglois avoisoit / User de l’art nigromantique” (*Le Franc M.* Op. cit. V. 16889–16892).

⁶⁸ “Celle quy avoit le déable au ventre” (*Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l’histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 1–258, здесь P. 197).*

⁶⁹ См. выше: Глава 4.

⁷⁰ Трактат Пьера Мамори дошел до нас всего в двух рукописях, однако он выдержал 5 изданий в 1486–1669 гг.: *Ostorero M. Le diable au sabbat. P. 177–198.*

⁷¹ Жан Винсент позаимствовал у Пьера Мамори некоторые идеи, касающиеся физического облика демонов, контактов с ними в повседневной жизни, а также иллюзий, насылаемых дьяволом на человека в состоянии сна: *Vincent J. Liber adversus magicas artes et eos qui dicunt artibus eisdem nullam inesse efficaciam // BNF. Ms. lat. 3446. Fol. 12–35, здесь Fol. 16–16v, 27–27v.* Любопытно, что в единственной дошедшей до нас рукописи, содержащей трактат Ж. Винсента, он оказался переписан вместе с «Краткой [историей] лионских вальденсов» и «Сборником дел о вальденсах»: *Ibid. Fol. 36–57, 58–62.*

⁷² Об особенностях заимствований Симфорьена Шампье из «Бича колдунов» П. Мамори см.: *Copenhaver B.P. Op. cit. P. 159–160, 172–173, 191–196.*

Однако, с точки зрения политической культуры, сочинение Пьера Мамори вполне укладывалось в начавшую формироваться во Франции уже во второй половине XV в. традицию наделять бывших военных противников всеми возможными отрицательными чертами, вплоть до их ассоциации с поклонниками Сатаны, т.е. с вероотступниками и колдунами. В частности, в упоминавшейся выше «Мистерии об осаде Орлеана», созданной на рубеже XV–XVI вв., рассказывалось о разграблении английскими солдатами аббатства Нотр-Дам-де-Клери под Орлеаном, что для автора стало поводом именовать их «сарацинами», т.е. неверными, пренебрегающими истинной христианской религией⁷³.

Подобные взгляды продолжили активно развиваться во Франции и в раннее Новое время – в связи с переходом большинства англичан в протестантизм⁷⁴. Так, в 1599 г. Бероальд де Вервиль писал, что в ходе Столетней войны на стороне французов действовали ангелы, тогда как их противникам оказывали помощь исключительно демоны⁷⁵. Для Жана Ордаля в 1612 г. противостояние двух наций являлось конфликтом истинных католиков и язычников⁷⁶. Николя Вернуль в 1631 г. уподоблял англичан не просто врагам истинной веры, но «массагетам», против которых следует начать новый крестовый поход⁷⁷. Ту же мысль развивал и Антуан Дюбретон, называя Францию «подлинно христианским королевством» (*Royaume vrayment Chretien*), а Англию – «варварской» страной (*la barbarie des ennemis*), которая, победи она в Столетней войне, могла бы подчинить себе также Испанию, Италию, Германию и прочие народы⁷⁸. Наконец, Франсуа д'Обиньяк в 1647 г. писал, что для англичан

⁷³ “Vous allez pis que Sarrazins / a la bonne Dame honoree, / qui est par tout tant reclamee, / et luy faites ce desplaisir!” (Le Mistere du siege d’Orleans. P. 132). Данный эпизод, вероятно, имел место в действительности, поскольку он также упоминался в «Журнале осады Орлеана»: “Et cependant vint iceluy conte de Salebery piller le lieu et esglise de Nostre Dame de Cléry, dont il fist tres mal, car pour iceluy temps, il n’y avoit homme d’armes qui y osast riens prendre qu’il n’en fust incontinant puny, comme chascun scet” (Journal du siège d’Orléans. P. 142).

⁷⁴ См. об этом, в частности: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 345–360; *Audisio G.* Les Vaudois. Naissance, vie et mort d’une dissidence (XIIe–XVIe siècles). Turin, 1989. P. 110–112, 259–265.

⁷⁵ *Béroalde de Verville F.* La pucelle d’Orléans: sous le sujet de cette magnanime pucelle est représentée une fille vaillante, chaste, sçavante et belle. P., 1599. Fol. 188–188v.

⁷⁶ “Non est superstitioni, sed religioni tribuendum, quod conversis et poenitentibus prospere evenit. Vera religio superstitionem sociam non patitur, falsa, mera impietas est, et superstitione impietatem” (*Hordal J.* Heroinae nobilissime Ioannae Darc Lotharingae vulgo Aurelianensis Puellae Historia. Pont-Masson, 1612. P. 209).

⁷⁷ “Fama occiduos I pete iberos, / Et Massagetas Indosque nigros, / Sol ubi roseo surgit ab ortu, / Pexisque comis aurora parens” (*Nicolai Vernulaei* Ioanne Darcia vulgo Puella Aurelianensis tragoedia // *Nicolai Vernulaei*... Tragoediae decem. Louvain, 1631. P. 294–378, здесь P. 340).

⁷⁸ “Car cette ville (i.e. Orléans) et la France prise, qui estoit le plus puissant Royaume du monde, par quelles forces, je vous prie, l’Espagne, l’Italie, l’Allemagne, et les autres

Илл. 1 – Папа римский Сильвестр II и дьявол. Миниатюра из *Chronicon pontificum et imperatorum*. Heidelberg, Universitätsbibliothek. Cod. Pal. germ. 137, fol. 216v (1460 г.).

Илл. 3 – Первый приступ помешательства Карла VI. Миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара. BNF. Ms. fr. 2646, fol. 153v (XV в.).

Илл. 2 – Тиранин в облике дьявола. Амброджо Лоренцетти. Аллегория дурного правления и его последствий, 1338–1339 гг. (фрагмент).

Илл. 4 – Убийство Людовика Орлеанского. Миниатюра из «Краткой хроники королей Франции». BNE NAF Ms. 4811, fol. 17 (1450-е гг.).

Илл. 5 – Последняя схватка Людовика Орлеанского и Жана Бесстрашного. Миниатюра из «Оправдания» Жана Пти. Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657, fol. 1v (1408 г.).

Илл. 6 – Жанна д’Арк как «помощница» короля. Миниатюра из «Вигилий на смерть Карла VII» Марциала Овернского. BNF Ms. fr. 5054, fol. 62 (ок. 1484 г.).

Илл. 7 – Проститутки в военной лагере. Миниатюра из «Хроник Эно». Bruxelles, Bibliothèque royale. Ms. 9242, fol. 196 (1448–1468 гг.).

Илл. 8 – Юдифь и Жанна д'Арк. Миниатюра из «Защитника дам» Мартина Ле Франка. BNF. Ms. fr. 12476, fol. 101v (ок. 1451 г.).

Илл. 10 – Договор Теофила с дьяволом. Псалтирь королевы Ингеборги. Chantilly. Musée Condé. Ms. 9, fol. 35v (ок. 1195 г.).

Илл. 9 – Шабаш. Рисунок к «Хроникам» Иоганна Якоба Вика. Zurich, Zentralbibliothek. Ms. F. 19, fol. 147v (1570 г.).

Илл. 11 – Договор Теофила с дьяволом. Миниатюра из иллюстрированной Библии. Haag, Koninklijke Bibliotheek. Ms. 76 F 5, fol. 41 (ок. 1190–1200 гг.).

Илл. 12 – Ведьмы, летящие на шабаш. Миниатюра из «Защитника дам» Мартина Ле Франка.
BNE Ms. fr. 12476, fol. 105v (ок. 1451 г.).

Илл. 14 – Ведьма и дьявол. Гравюра из трактата «О ламиях» Ульриха Молитора. 1489 г.

Илл. 13 – Ведьма-левша, летящая на шабаш. Миниатюра из «Защитника дам» Мартина Ле Франка. Grenoble, Bibliothèque municipale.
Ms. 352 rés., fol. 344 (ок. 1470 г.).

Илл. 15 – Уильям Гамильтон. Жанна д'Арк и ее злые духи. Иллюстрация к «Генриху VI» Уильяма Шекспира. 1795 г.

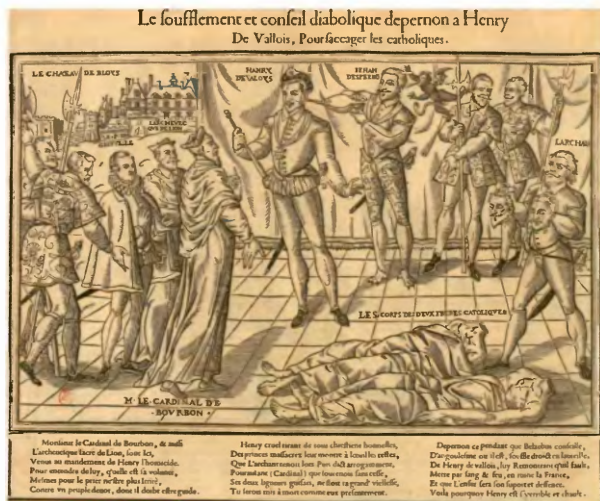
Илл. 17 – Одержимая на сеансе экзорцизма. Миниатюра из «Жития и чудес св. Франциска Ассизского» Бонавентуры. BNF. NAF. Ms. 28640, fol. 84 (ок. 1480 г.).

Илл. 16 – Библейская волшебница, превратившаяся в ведьму.
Корнелис ван Остзанен.
Саул и Аэндорская ведьма.
1526 г.

Илл. 18 – Генрих III, прислушивающийся к советам герцога д'Эпернона, которому в свою очередь нашептывает на ухо демон.

Гравюра из сборника памфлетов, составленного Пьером де л'Этуалем. 1589 г.

Илл. 19 – Генрих III в облике дьявола. Гравюра из сборника памфлетов, составленного Пьером де л'Этуалем. 1589 г.

Илл. 20 – Яков Стюарт председательствует на судебном слушании в Норт-Берике. Гравюра из памфлета «Новости из Шотландии». 1591 г.

Илл. 21 – Шабаш ведьм в Норт-Берике: изображение тонущего корабля в верхнем углу отсылает к личной истории Якова Стюарта. Гравюра из памфлета «Новости из Шотландии». 1591 г.

Witches Apprehended, Examined and Executed, for notable villanies by them committed both by Land and Water.

With a strange and most true triall how to know whether a woman be a Witch or not.

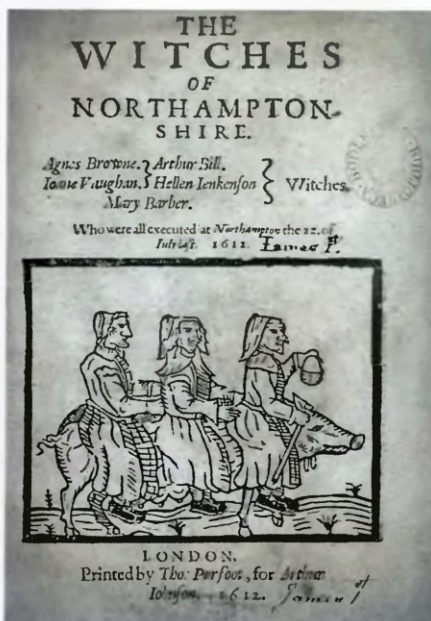

Printed at London for Edward Merchant, and are to be sold at his shop over against the Crosse in Pauls Church-yard 1619.

Илл. 22 – Ордалия плаванием, использованная в деле Мэри Саттон. Титульный лист памфлета «Опознанные ведьмы». 1613 г.

Илл. 23 – Мэтью Хопкинс, генеральный охотник на ведьм, и его жертвы в окружении фауны. Гравюра из трактата М. Хопкинса «Ответы на некоторые вопросы». 1647 г.

Илл. 24 – Агнес Браун, Рэтрин Гардинер и Джоан Лукас верхом на свиньи-фамиляре. Титульный лист памфлета «Ведьмы Нортгемптоншира». 1612 г.

Илл. 25 – Процедура «наблюдения» в повседневной жизни: арест доктора Джона Фиана. Гравюра из памфлета «Новости из Шотландии», 1591 г.

Илл. 26 – Повесившийся Иуда. Миниатюра Жана Фуке из «Часослова Этьена Шевалье», Chantilly. Musée Condé. Ms. 71 (1452–1460 гг.).

Илл. 27 –
Повесившийся
Иуда. Миниатюра
Жана Коломба
из «Роскошного
часослова герцога
Беррийского».
Chantilly.
Musée Condé.
Ms. 65, fol. 147v
(1485–1486 гг.)

Илл. 28 – Рыжий
Иуда. Миниатюра
из немецкого
молитвенника.
Wien, Österreichische
Nationalbibliothek.
Ms. Cod 1244,
fol. 176v.
(кон. XII в.).

Илл. 29 – Женщина, спешащая на ночную встречу с языческой богиней Дианой (прообраз шабаша). Маргиналия из «Декрета» Грациана. Lyon, Bibliothèque municipale. Ms. 5128, fol. 100 (1300–1350 гг.).

Илл. 30 – Шабаш ведьм. Миниатюра из «Поношения секты вальденсов» Жана Тинктора. Bruxelles, Bibliothèque royale. Ms. 11209, fol. 3 (ок.1460 г.).

Илл. 31 – Шабаш ведьм. Миниатюра из «Поношения секты вальденсов» Жана Тинктора. BNE Ms. fr. 961, fol. 1 (ок. 1470 г.).

Илл. 32 – Собирище рыжеволосых ведьм на шабаше. Ганс Бальдунг. Ведьмы. 1508 г.

Илл. 33 – Рыжеволосые ведьмы под следствием.
Рисунок из «Хроник» Иоганна Якоба Вика.
Zurich, Zentralbibliothek. Ms. F 26, fol. 226. 1577 г.

Илл. 35 – Ведьма-левша. Миниатюра
из «Письма Офеи Гектору» Кристины
Пизанской. BNF. Ms. fr. 848, fol. 19v (нач. XV в.).

Илл. 34 – Иуда-левша. Мастер главного алтаря
Тегернзее. Христос в Гефсиманском саду.
1445–1446 гг. (фрагмент).

Илл. 36 – Ведьма-левша.
Гравюра из памфлета
«Подлинное, удивительное
и истинное разоблачение
ведьмы». 1643 г.

Илл. 37 – Ведьмы и колдуны
на шабаше. Гравюра
из «Собрания злодеяний [ведьм]»
Франческо Мария Гуаццо. 1626 г.

Илл. 38 – Ведьма-правша.
Гравюра из памфлета
«Исключительно странное
и удивительное разоблачение
трех ведьм из Варбойс». 1593 г.

Илл. 39 – Агнец Божий. Хуберт и Ян ван Эйки. Центральная часть створчатого алтаря из католического кафедрального собора св. Бавона в Генте. 1432 г. (фрагмент).

Илл. 40 – Демон тщеславия. Иллюстрация к «Рыцарю Башни», немецкому переводу дидактического трактата Жоффруа де Ла Тур Ландри. 1493 г.

Илл. 41 – Грешник со змеей, вылезающей изо рта. Миниатюра из «Пассионария» Вайссенау. Cologne, Fondation Martin Bodmer. Cod. Bodmer 127, fol. 234 (XII в.).

Илл. 42 – Грешники в аду. Миниатюра из альманаха «Компост и календарь пастухов». Angers, Bibliothèque municipale. Ms. SA 3390, fol. 35v. 1493 г.

Илл. 43 – Одержимый
на сеансе экзорцизма
Миниатюра
из «Пассионария»
Вайссенау.
Cologne, Fondation
Martin Bodmer.
Cod. Bodmer 127,
fol. 191 (XII в.).

Илл. 44 – Ведьмы
за работой. Гравюра
из трактата «О ламиях»
Ульриха Молитора.
1489 г.

все французские солдаты, сражавшиеся с ними, представлялись «колдунами» (*les Magiciens*), хотя в действительности дело обстояло равным счетом наоборот: французам как истинным католикам, как избранному народу всегда помогал сам Господь, тогда как их противники, отринувшие веру отцов, превратились в слуг Сатаны⁷⁹.

Трудно сказать, в какой степени негативная оценка нового вероисповедания англичан во французских сочинениях XVI–XVII вв. опиралась на рассуждения Пьера Мамори. Мы не можем с уверенностью судить о том, читали ли упомянутые выше авторы его «Бич колдунов». Одно, тем не менее, остается совершенно ясным: взгляды ученого демонолога из Пуатье отразили ту остроту противостояния двух наций в Столетней войне, каким оно ощущалось многими его современниками во второй половине XV в. И обвинение в том, что именно англичане занесли на французскую землю увлечение колдовскими практиками, стало одной из лучших иллюстраций этого долгого конфликта.

---

peuples de l'Europe eussent pû se garantir des mains de ces insulaires" (*Dubretton A. Histoire du siège d'Orléans, et de la Pucelle Ieane. P., 1631. P. 317*).

⁷⁹ В уста Жанны д'Арк Франсуа д'Обиньяк вкладывал такие слова, обращенные к англичанам: "Si vous allegez mes victoires pour des preuves de Magie, vous ne devez pas oublier ce genereux Dunois, car c'est à luy que la plus grande gloire en est deuë... Il portoit dans vostre Camp l'effroy, la honte et la mort, selon vos maximes il est u grand Magicien... Faites-luy donc son procez, comme à moy, mais faictes-le encore à tous nos Chevalliers, à tous nos soldats, à tous nos François, car ils seront tous Magiciens contre vous" (*Aubignac F.H. de. La pucelle d'Orléans. P., 1642. P. 109–110*).

ГЛАВА 7

Жан Боден

в поисках мира, порядка и гармонии

Борьба с ведьмами и колдунами, к которой в той или иной форме призывали европейские демонологи XV в., обращаясь к светским и церковным правителям, по умолчанию предполагала одно важнейшее условие – близкое знакомство с теми, кто являлся адептами дьявола. Пьер Мамори, уверенный в том, что занесенное из-за границы в результате Столетней войны колдовство практически погубило Французское королевство, уделял этому вопросу особое внимание. В своем *Flagellum maleficorum* он предлагал читателям ознакомиться с подробнейшим списком различных магических практик, способных причинить вред как отдельным людям, так и всему христианскому сообществу в целом.

Всего в трактате профессора из Пуатье оказались описаны 30 видов колдовства, которые автор объединил в девять групп, согласно принципу воздействия на человека: посредством взгляда (*fascinatio*), заклинания (*incantatio*), письменного заговора (*breviaria*), амулетов (*ligatura*), ядов (*veneficium*), жертвоприношений демонам (*cultum demonis*), начертания знаков и символов (*caractoria*), изображений человека (*imaginararia*) и иллюзий (*prestigium*)¹. Непосредственным источником вдохновения для Пьера Мамори, как он сам чистосердечно признавался, служил труд Жирала Ота (1285–1349), французского теолога и генерального министра ордена францисканцев в 1329–1342 гг., – его комментарии на «Сентенции» Петра Ломбардского († 1160)².

Из этого же сочинения Пьер Мамори позаимствовал и перечень гадательных практик (*divinatio*), разделив их – вслед за своим предшественником – на две большие категории: на предсказания, сделанные с помощью демонов, и на ворожбу по знакам и символам (куда оказались включены и ауспиции, и геомантия, и астрология, и хиромантия, и многое другое). Столь сложная классификация колдовства отчасти, безусловно, восходила к «Этимологиям» Исидора Севильского, в восьмой книге ко-

¹ *Mamoris P.* Op. cit. [Cap. 12].

² “Geraldus Odonis in Secundo Sentenciarum ad longum scribit et ex scripturis multis recitat veritatem, dicens quod experientia nos docet et ex multis passibus sacre scripture instruimur quod XXXta sunt modi artium magicarum quas demon invenit, quarum modi sic distinguntur, quia omnis ars magica aut ordinatur ad solam noticiam vel ad efficaciam” (Ibid.).

торых давалось описание примерно двадцати магических «искусств», однако Жираль От, а вслед за ним и Пьер Мамори, существенно расширили этот список³. Важнейшее отличие концепции профессора из Пуатье заключалось также в том, что *любое* из подобных умений оказывалось у него связано с влиянием Нечистого, с его непосредственным участием во всех злодеяниях, творимых ведьмами и колдунами⁴.

«Дьявол – создатель всех этих и многих других [магических практик]» – такими словами завершал Пьер Мамори свой подробнейший рассказ⁵, дабы в который раз донести до читателей главную мысль трактата: ведовская секта представляет собой не просто злую пародию на христианскую церковь, это – строго иерархизированное сообщество, которое подчиняется собственному правителю и у каждого члена которого имеется своя узкая специализация. Как отмечала Мартина Остореро, разработанную автором *Flagellum maleficorum* классификацию адептов дьявола по профессиональному признаку следует признать крайне редким для европейской демонологии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени явлением⁶. Действительно, мы не найдем ее ни у современников, ни у последователей Пьера Мамори – Жана Вине, Николя Жакье или Симфорьена Шампье. Тем не менее, именно этот принцип описания ведовской секты был взят на вооружение следующим поколением французских демологов и в первую очередь его самым ярким представителем – Жаном Боденом.

***

Среди европейских демологов XVI–XVII вв. Жан Боден (1530–1596) всегда занимал особое место. И не потому, что он, как полагали некоторые исследователи, полностью отрицал реальность колдовства. И не потому, что он, как думали другие, оказал исключительное влияние на развитие последующих демонологических теорий. И даже не потому, что его сочинения, как считали третьи, спровоцировали существенный рост судебных преследований ведьм и колдунов в Западной Европе⁷. Главное

³ *Sancti Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum libri XX*. Col. 310–314. О классификации магических практик, составленной Исидором Севильским, см. подробнее: *Klingshirn W.B.* Isidor of Seville's Taxinomy of Magicians and Diviners // *Traditio*. 2003. T. 58. P. 59–89.

⁴ «Et ad istam speciem maleficii omnes alie novem reducuntur. Idcirco communi nomine maleficium nominatur et utentes malefici vocabulo communi dicuntur, eo quod ad maleficiendum diabolus eos per illas artes inducit» (*Mamoris P.* Op. cit. [Cap. 12]).

⁵ «Omnium istorum et plurimum aliorum, diabolus inventor fuit» (*Ibid.*).

⁶ *Ostorero M.* Le diable au sabbat. P. 371–384.

⁷ Все эти гипотезы долгое время бытовали в историографии, пересмотрены они оказались лишь во второй половине XX в. Подробнее см.: *Monter E.W.* Inflation and Witchcraft: The Case of Jean Bodin // *Action and Conviction in Early Modern Europe* / Ed. by T. Rabb, J. Siegel. Princeton, 1969. P. 371–389; *Pearl J.L.* Le rôle énigmatique de la «Démonomanie» dans la chasse aux sorcières // *Actes du colloque Jean Bodin*

отличие концепции Ж. Бодена заключалось, на мой взгляд, прежде всего в его стремлении создать *систему*, в рамках которой любому факту или явлению нашлось бы свое место и свое объяснение⁸.

Поискам этой системы, ведущей к установлению полной гармонии в окружающем мире (как видимом, так и воображаемом), были посвящены все без исключения работы французского мыслителя. Но если в «Метод легкого познания истории» (1566 г.) речь шла прежде всего о принципах постижения исторических закономерностей⁹, а в «Шести книгах о государстве» (1576 г.) – о создании идеальной формы управления обществом и об установлении социального порядка¹⁰, то «Демонomania колдунов», впервые опубликованная в 1580 г. и переиздававшаяся при жизни автора еще 4 раза¹¹, оказалась посвящена весьма специфической теме. Для Жана Бодена, называвшего себя «человеком порядка» (*l'homme bien réglé*)¹², главной задачей в данном случае стал поиск обстоятельств, мешающих поддержанию всеобщей гармонии, и путей их устранения. Первопричиной же и самой сутью беспорядка, царившего, с его точки зрения, во всех сферах современной ему жизни во Франции,

(24–27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. 2 vol. T. 2. P. 403–410; Jacques-Chaquin N. La “Démonomanie des sorciers”: une lecture philosophique et politique de la sorcellerie // Jean Bodin: Nature, histoire, droit et politique / Ed. Yv.-Ch. Zarka. P., 1996. P. 43–70; Venard M. Jean Bodin et les sorciers. La “Démonomanie” est-elle une aberration dans l’œuvre de Jean Bodin? // L’œuvre de Jean Bodin: actes du colloque tenue à Lyon à l’occasion du quatrième centenaire de sa mort, 11–13 janvier 1996. P., 2004. P. 447–458.

⁸ См., в частности: Préaud M. “La Démonomanie”, fille de la “République” // Actes du colloque Jean Bodin. T. 2. P. 419–428; Petitat A. L’Ecartèlement: Jean Bodin, les sorcières et la rationalisation du surnaturel // Revue européenne des sciences sociales. 1992. № 30. P. 79–100; Pearl J.L. Introduction // Bodin J. On the Demon-Mania of Witches / Transl. by R.A. Scott. Toronto, 1995. P. 9–34, здесь P. 11–12, 26.

⁹ Bodin J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. P., 1566. См. также русский перевод: Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., прим. М.С. Бобковой. М., 2000. Подробнее о «Метод легкого познания истории» и его основных сюжетах см.: Бобкова М.С. Жан Боден и его трактат «Метод легкого познания истории» // Боден Ж. Метод легкого познания истории. С. 332–360. Об общих местах в «Метод» и «Демонomanии» см.: Petitat A. Op. cit.

¹⁰ Bodin J. Les six livres de la République. P., 1576. Подробнее об основных идеях, изложенных в «Шести книгах о государстве», и об их связи с главной темой «Демонomanии» см.: Préaud M. Op. cit.; Clark S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. Oxford, 1997. P. 668–675.

¹¹ Bodin J. De la démonomanie des sorciers. P., 1580. Следующие издания «Демонomanии» вышли в 1582, 1586, 1587 и 1593 гг., всего же до 1616 г. трактат был опубликован 11 раз: Isaac M.-T. “De la démonomanie des sorciers”: histoire d’un livre à travers ses éditions // Actes du colloque Jean Bodin. T. 2. P. 377–391.

¹² Именно так Боден именовал себя в «Шести книгах о государстве»: Bodin J. Les six livres de la République. P. 7. См. также: Préaud M. Op. cit. P. 425–426; Clark S. Op. cit. P. 677–678.

он почитал исключительно колдовство¹³. Как следствие, основное внимание в «Демонomanии» было отдано изучению ведовских сект, их описанию и классификации, столь же необходимой, по мнению автора, для развития и самого существования общества, как знание истории и основ государственности¹⁴.

Данное заключение логично вытекало из общей идеи иерархичного строения земного и небесного миров, позаимствованной Жаном Боденом у Псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.)¹⁵. Согласно его теории, в мире небесном гармонией управлял сам Господь, придававший смысл всему сущему и обладавший всей полнотой власти над явлениями природы, «дикиими животными» и человеком¹⁶. Связующим звеном в этой стройной системе выступали добрые и злые «духи» (*esprits*), во всем подчинявшиеся Всевышнему¹⁷. В мире земном, однако, помимо Господа действовали еще и собственно люди, которые – в соответствии с дарованной им Свыше свободой воли (*franc arbitre*) – могли выбирать «советчиков» (*esprits conducteurs*) как среди ангелов, так и среди демонов¹⁸. Данное обстоятельство, по мнению автора, и вело прежде всего к хаосу, поскольку те, кто «склонялся на сторону зла», избирали несправедливый путь и превращались в приспешников дьявола – в ведьм и колдунов, основных противников Божественных установлений и общественного порядка¹⁹.

¹³ “Or s’il y eut oncques moyen d’appaiser l’ire de Dieu, d’obtenir sa benediction, ... de diminuer le nombre des meschans, ... et de punir les meschancez les plus detestables que l’esprit humain peut imaginer, c’est de chastier à toute rigueur les Sorciers” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 196).

¹⁴ Насколько можно судить, впервые в историографии идею рассматривать «Демонomanию» как попытку «систематизации знаний о колдовстве и магии» высказал в 1992 г. французский историк А. Петита: *Petit A. Un système de preuve empirico-métaphysique: Jean Bodin et la sorcellerie // Revue européenne des sciences sociales*. 1992. № 30. P. 39–78, здесь P. 45. Он, однако, не стал развивать данную гипотезу, сосредоточившись на изучении принципов создания Жаном Боденом доказательной базы для своих выкладок.

¹⁵ Подробнее о трактате «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия см.: Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М., 2000. С. 113–124. Об использовании этих идей Жаном Боденом см.: Houdard S. *Les sciences du diable: 4 discours sur la sorcellerie, XVe–XVIIe siècles*. P., 1992. P. 57–103.

¹⁶ “Aussi faut-il confesser par necessité, qu’il n’y a que Dieu, qui peut rendre raison de toutes choses. Car il faut une science infinie, qui ne peut estre ny és hommes, ny és Anges, ny en creature du monde” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Préface). “Car on void que ce grand Dieu de nature a lié toutes choses par moyens, qui s’accordent aux extremités, et composé l’harmonie du monde intellegible, celeste, et elementaire par moyens et liasons indissolubles” (*Ibid.* Fol. 7).

¹⁷ *Ibid.* Fol. 5v–7v.

¹⁸ “Puis doncques que les Anges sont bons, et les Diables mauvais, aussi les hommes ont le franc arbitre pour estre bons, ou mauvais” (*Ibid.* Fol. 8).

¹⁹ “Celuy qui s’adonne, et tourne ses pensees à tout mal et meschanceté, alors son ame degene en nature diabolique” (*Ibid.* Fol. 9).

Занятия магическими «искусствами», таким образом, представлялись французскому демонологу – как в свое время Клоду Толозану, Жану Тинктору и Пьеру Мамори – самым опасным уголовным преступлением²⁰. Он называл их «оскорблением божественного и человеческого величества», т.е. нарушением воли как Господа, так и земного правителя²¹. Иными словами, колдовство, с его точки зрения, оказывалось противно любой форме религии²², которая в свою очередь всегда выступала главным оплотом государства²³. Подданными (*subjects*) Сатаны могли стать представители любых сословий и даже «папы римские, императоры и принцы»²⁴, и с этим королевством дьявола, созданным на земле, надлежало бороться именно правителю и его чиновникам («магистратам», в терминологии автора): преследовать ведьм и колдунов в судебном порядке и добиваться для них смертных приговоров, дабы не допускать роста преступности, поддерживать порядок в обществе и в государстве²⁵. Не случайно «Демонomania» оказалась посвящена Кристофу де Ту (1508–1582), президенту Парижского Парламента с 1554 г., советнику королей Генриха II (1519–1559), Карла IX (1550–1574) и Генриха III (1551–1589).

Однако, отмечал далее Жан Боден, ничто так не огорчает Господа, как вид судей, которые не уделяют должного внимания колдовству, пытаются не замечать его проявлений и даже не верят в них, позволяя ведьмам и колдунам оставаться безнаказанными²⁶. Подобное поведение королев-

²⁰ “Il n’y a crimes qui soient à beaucoup pres si execrables que cestuy-cy, ou qui meritent peines plus grievees” (Ibid. Préface).

²¹ “A plus forte raison celuy est coupable qui a sceu le crime de leze Majesté divine et humaine, et la plus detestable qui peut estre, et la recele” (Ibid. Fol. 185v, курсив мой – О.Т.).

²² “La profession premiere des sorciers est de renier Dieu et toute religion” (Ibid. Fol. 217, курсив мой – О.Т.). Рассматривая колдовство как предательство по отношению к Господу и к любой религии, Жан Боден тем самым весьма отличался от прочих французских демонологов раннего Нового времени, для которых данное преступление было прежде всего направлено против католицизма: Pearl J.L. Introduction. P. 23.

²³ Об этом Жан Боден писал еще в «Шести книгах о государстве»: “La religion... c’est... le principal fondement de la puissance des Monarques, de l’exécution des loix, de l’obéissance des sugets, de la reverence des magistrats, de la crainte de malfaire, et de l’amitié mutuelle envers un chacun” (Bodin J. Les six livres de la République. P. 509).

²⁴ “Sathan a de loyaux sujets de tous Estats, et de toutes qualitez... il y a eu plusieurs Papes, Empereurs, et autres Princes lesquels fe font laissé piper aux Sorciers, et en fin avoir esté précipitez malheureusement par Sathan” (Idem. De la démonomanie des sorciers. Préface).

²⁵ “Ainsi le peuple est tresheureux qui a des sages Gouverneurs, de bons magistrats, et sur tout de bons pasteurs, qui le sçachent bien instruire: alors les malings esprits ny feront par long sejour” (Ibid. Fol. 122). “C’est doncques chose bien fort salutaire à tout le corps d’une republique de rechercher diligemment, et punir severement les Sorciers” (Ibid. Fol. 166).

²⁶ “Or il n’y a rien qui desplaie tant à Dieu, que de voir les Juges... dissimuler les blasphemes horribles contre la Majesté de Dieu, comme ceux que j’ay recité des Sorciers” (Ibid. Fol. 198v).

ских чиновников, с его точки зрения, уже само по себе могло стать причиной дисгармонии, поскольку навлекало на людей Божий гнев и многочисленные бедствия²⁷. Единственным верным средством предотвратить подобные несчастья являлась, по мнению Ж. Бодена, попытка *научить* правителей и их магистратов разбираться в сути магических практик, понимать их особенности и различия.

Таким образом, именно классификация ведьм и колдунов заняла в «Демономании» совершенно особое место, причем отличительным свойством данного сочинения стал не только поиск возможности упорядочить знания самого автора и его предшественников о колдовстве, но и создание некоего практического руководства, необходимого для борьбы с подобными преступлениями²⁸. Иными словами, Жан Боден попытался выстроить достаточно четкую *иерархию* ведьм и колдунов, руководствуясь при этом сразу несколькими показателями: половой принадлежностью своих героев, их социальным происхождением и образом, сферой их преступных интересов, а также системой уголовных наказаний, полагающихся, с его точки зрения, различным категориям ведьм и колдунов. Этот подход разительно отличался от предложенного в свое время Пьером Мамори, который, как мы помним, предлагал классифицировать адептов дьявола лишь по «профессиональному» признаку. Тем не менее, Боден, безусловно, читал трактат своего пуатевинского коллеги и, вполне возможно, основывался на его выкладках²⁹.

***

О том, что стремление упорядочить знания демонологов XV–XVI вв. действительно присутствовало у автора «Демономании», свидетельствовало уже введение к трактату, где, в частности, упоминался конкретный ведовской процесс, имевший место в 1578 г. в бальяже Лана³⁰. Речь шла о некой Жанне Арвиле, которую в ходе следствия признали «весьма

²⁷ “Et s’il est ainsi que le juge est coupable, et doit souffrir la peine de leze Maïesté, qui a remis ou diminué la peine de leze Maïesté, comme dit la loy; combien plus est coupable le juge qui remet ou diminue la peine de celui qui est coupable de leze Maïesté Divine” (Ibid. Fol. 206v).

²⁸ “Je me suis advisé de faire ce traicté que j’ay intitulé, Demonomanie des sorciers, pour la rage qu’ils ont de courir apres les Diables pour servir d’avertissement à tous ceux qui le verront” (Ibid. Préface). См. также: Roussineau G. Peur et répression du mal dans la “Démonomanie des sorciers” de Jean Bodin // Actes du colloque Jean Bodin. T. 2. P. 411–418, здесь P. 411, 416; Pearl J.L. Le rôle énigmatique de la “Démonomanie”. P. 408–410.

²⁹ «Бич колдунов» Пьера Мамори упоминался уже во введении к «Демономании»: “Je mettray un exemple memorable, que Pierre Mamor en un petit livre des Lamies a remarqué d’un nommé M. Guillaume de Line, Docteur en Théologie qui fut accusé et condamné comme Sorcier” (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Préface, курсив мой – О.Т.). См. также: Ibid. Fol. 97v, 152, 157v.

³⁰ В 1576 г. Жан Боден стал королевским судьей в бальяже Лана: Houdard S. Op. cit. P. 57. Таким образом, он лично принимал участие в суде над Жанной Арвиле.

опасной ведьмой» (*une fort grande Sorcière*), но приговор в отношении которой вызвал у местных судей разногласия. При оценке реального ущерба, нанесенного преступницей, их мнения разделились: одни предложили в качестве наказания сожжение живьем, другие – казнь через повешение³¹. Что же касается Жана Бодена, то определение, данное им Жанне Арвиле, уже само по себе намекало, что у него, очевидно, имелись довольно четкие представления о разных типах колдовства. Вместе с тем оно напоминало классификацию преступников, выработанную в конце XIV в. секретарем королевского уголовного суда Парижа Аломом Кашмаре в его «Регистре Шатле», где обычный «вор» (*larron*), «опасный вор» (*fort larron*) и «очень опасный вор» (*très fort larron*), т.е. рецидивист, различались по качеству и количеству украденного³². Сборник Кашмаре, который, весьма вероятно, был знаком Жану Бодену³³, являлся не просто собранием интересных судебных казусов, но представлял собой своеобразный «учебник» по судопроизводству, демонстрировавший взгляды автора на идеальный уголовный процесс³⁴. Точно так же и «Демонomanия» призвана была стать сводом систематизированных знаний о колдовстве и о методах борьбы с ним.

³¹ “Mais fur la forme et genre de mort il y en eut quelqu’un plus doux, et d’un naturel plus pitoyable, qui estoit d’avis qu’il suffisoit de la faire pendre. Les autres, après avoir examiné les crimes detestables, et les peines establies par les loix Divines et humaines, et mesmement la coustume generale de toute la Chrestienté, et gardée en ce Royaume de toute ancienneté, furent d’avis qu’elle devoit estre condennée à estre bruslée vive” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Préface*).

³² Именно воровству как наиболее опасному уголовному преступлению Алом Кашмаре уделит основное внимание в своем регистре: из 124 описанных им процессов 62 касались самых разнообразных краж. Материалы многих из них содержали упомянутую выше классификацию: *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 1. Р. 6–8, 40–41, 138–142, 218–220, 244–253, 326–327; Т. 2. Р. 12–15, 27–28, 74–76, 168–171.

³³ Данная гипотеза подтверждается ссылкой Жана Бодена на материалы процесса 1390 г., возбужденного против Марион ла Друатюрьер и Марго де ла Барр и описанного в «Регистре Шатле»: *Ibid.* Т. 1. Р. 328–361. Согласно приговору по этому делу, вся полнота власти при расследовании случаев колдовства во Французском королевстве отныне принадлежала светским судьям: “Mais depuis la cognoissance fust attribuee aux Juges laiz, privativement aux gens d’Eglise par arrest du mesme Parlement l’an mil trois cens nonante, qui fut saintement ordonné” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 167v*). Подробнее об этом процессе см.: *Тогоева О.И. «Истинная правда»*. С. 122–146; *Она же*. Еретичка, ставшая святой. С. 120–121.

³⁴ О политическом и правовом значении «Регистра Шатле» см. прежде всего: *Gauvard C. La criminalité parisienne à la fin du Moyen Age: une criminalité ordinaire? // Villes, bonnes villes, cités et capitals. Mélanges offerts à B. Chevalier. Tours, 1989. Р. 361–370; Eadem. La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Age // Le pénal dans tout ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles) / Sous la dir. de X. Rousseaux et R. Levy. Bruxelles, 1997. Р. 81–112; Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 93–121, 244–248.*

Свою попытку представить классификацию всех групп ведьм и колдунов Жан Боден начинал с самого главного вопроса – с общих причин повсеместного распространения колдовства. Поскольку Господь, писал он, управляет всем в этом мире, именно Он отвечает за все добрые и злые поступки людей, а также – за любые неясные человеку явления³⁵. К этим последним французский демонолог относил и колдовство: вот почему, по его мнению, многие из его современников отказывались верить в то, что не поддавалось рациональному объяснению³⁶. Однако для Бодена существование ведьм и колдунов было реальностью, о чем свидетельствовали материалы проведенных им лично многочисленных ведовских процессов, рассказы других опытных судей, демонологические трактаты, но более всего – признания самих обвиняемых³⁷. Люди, которым Господь даровал свободу выбора и которые обратились за советом не к ангелам, но к демонам, действительно превращались в слуг Сатаны: «при помощи дьявольских средств» они «сознательно» пытались достичь самых разнообразных целей³⁸.

На первый взгляд, данное определение выглядело весьма простым и понятным. Тем не менее, Жан Боден предупреждал своих читателей, что обращение человека за помощью к силам зла не всегда происходит осознанно. Напротив, часто его выбор становится результатом случайности или ошибки, делается по легкомыслию или из любопытства, ибо многие люди ищут встречи с дьяволом, «надеясь, что они смогут разорвать с ним отношения, когда захотят»³⁹. «Колдуны не похожи друг на друга», – отмечал демонолог⁴⁰ и пояснял, что главным их различием является именно способ установления контактов с Нечистым и его демонами. Некоторые «вовсе не вызывают злых духов» себе на помощь и могут даже не подозревать, что уже вступили в преступные отношения с Сатаной, который в действительности только и ждет, чтобы вмешаться в жизнь того или иного человека. Другие же, напротив, знают об этой особенности дьявола и совершенно сознательно используют его демонов в собственных целях⁴¹.

³⁵ Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Préface.

³⁶ “Aussi doit on reputer pour fols et insensez, ceux là qui voyent les actions estranges des Sorciers, et des esprits, et neantmoins parce qu’ils ne peuvent comprendre la cause, ou quelle est impossible par nature, n’en veulent rien croire” (Ibid.).

³⁷ “...on voit les procez faicts contre les Sorciers d’Allemagne, de France, d’Italie, d’Espagne, en ce que nous avons par escrit et voyons par chacun jour les tesmoignages infinis, les recollemens, confrontations, convictions, confessions, esquelles ont persisté jusques à la mort ceux qu’on a exécutez” (Ibid.).

³⁸ “Sorcier est celuy qui par moyens Diaboliques sciemment s’efforce de parvenir à quelque chose” (Ibid. Fol. 1).

³⁹ “Il y a des personnes si miserables qu’ils se gettent du meilleur sens qu’ils ont aux filets de Satan: les uns par curiosité, les autres pour faire preuve de ses belles promesses, estimans qu’ilz s’en pourront retirer quand ils voudront” (Ibid. Fol. 127v).

⁴⁰ “Les Sorciers ne sont pas tous d’une qualité” (Ibid. Fol. 59v).

⁴¹ “La plupart de ceux qui usent de telles liasons n’ont point de convention expresse avec le Diable, et ne l’invoquent point, mais il est bien certain, qu’il est tousjours avec telles gens” (Ibid. Fol. 59v).

Таким образом, прославленный французский демонолог различал прежде всего две *основные* группы ведьм и колдунов. Одну из них составляли те, кто прибегал в своей повседневной жизни к помощи вполне безобидных на первый взгляд средств (таинственных знаков, магических символов, трав и животных), но при этом не вызывал дьявола и, как следствие, не заключал с ним «сознательного договора» (*convention expresse*)⁴². Сюда относились, в частности, специалисты в «орнеомантии», «кристалломантии», «катоптромагии», «онимантии» и прочих «науках» подобного рода⁴³. К ним примыкали любители магии (как белой, так и черной) и некроманты⁴⁴.

В то же время, по мнению автора «Демономании», к представителям первой группы ведьм и колдунов нельзя было отнести, к примеру, знатоков астрологии, поскольку понимание расположения звезд на небе и особенностей их влияния на людей дается Богом⁴⁵. Впрочем, оговаривался Боден, астрологи не должны судить о состоянии души человека, о его грехах и добродетелях, а уж тем более о его отношении к религии: подобные домыслы, с точки зрения французского демонолога, являлись

⁴² Ibid. Fol. 38v. В данном случае Жан Боден ссылаясь на теорию «сознательного» (*expressa pacta*) и «случайного» (*tacita pacta*) договора с дьяволом, разработанную Фомой Аквинским (см. выше: Глава 2, прим. 89). Этот принцип классификации ведьм и колдунов отличался от предложенного Пьером Мамори, который опирался на труды Исидора Севильского и Жирала Ота. Идея различать приспешников Нечистого по характеру заключенного между ними соглашения лежала в основе трактата Николая Эймериха «Против невежественных астрологов и некромантов» (*Contra astrologos imperitos atque nigromanticos*, 1395–1396 гг.), а также была задействована в «Молоте ведьм», который в большой степени опирался на труды Эймериха: Véronèse J. Le *Contra astrologos imperitos atque nigromanticos* (1395–1396) de Nicolas Eymerich (O.P.): contexte de rédaction, classification des arts magiques et divinatoires, édition critique partielle // *Chasses aux sorcières et démonologie*. P. 271–329; Mackay C.S. *The Hammer of Witches. A Complete Translation of the Malleus Maleficarum*. Cambridge, 2009. P. 30–31, 37–39. В свою очередь, Жан Боден во многом использовал наработки не только Пьера Мамори, но и Генриха Крамера: Bodin J. *De la démonomanie des sorciers*. Préface; Fol. 59, 78, 86, 97, 105–107, 117v, 141, 150v, 151v, 155v, etc. Таким образом, система классификации, предложенная им в «Демономании», носила *синтетический* характер, поскольку являла собой попытку совместить сразу две предшествующие традиции.

⁴³ Как пояснял Жан Боден, под «орнеомантией» (*Orneomantie*) следовало понимать использование в колдовских целях наблюдений за полетом птиц (*mouvements des oyseaux*) под «кристалломантией» (*Crystallomantie*) – использование стекол (*glaces*), под «катоптромагией» (*Catoptromantie*) – использование зеркал (*miroüers*), под «онимантией» (*Onymantie*) – использование «неких снадобий» (*certaines confectiões*) и произнесение магических заклинаний (*quelques paroles*): Ibid. Fol. 45, 60.

⁴⁴ Ibid. Fol. 51v, 53v, 69, 73–73v.

⁴⁵ “Et à dire vray, le Ciel est un tresbeau theatre de la louage de Dieu, et plus on cognoist les effects de ces lumieres celestes, plus on est ravi à louer Dieu” (Ibid. Fol. 32).

нарушением воли Господа и полнейшим безумием⁴⁶. Астрологам, таким образом, следовало заниматься исключительно «естественными» (т.е. вполне законными) предсказаниями, касающимися влияния небесных светил на физическое и душевное состояние того или иного человека⁴⁷. Точно так же Жан Боден предлагал относиться и к занятиям Каббалой – наукой, «полученной от Господа посредством Его ангелов и пророков и переданной из уст в уста»⁴⁸. Если поклонники данного учения не использовали Священное Писание «для наведения порчи», они не могли быть отнесены к ведьмам и колдунам⁴⁹.

Учитывая, что представители выделенной Боденом первой группы ведьм и колдунов не помышляли о сознательном вызове дьявола и даже не подозревали, что их занятия могут быть инспирированы силами зла, их следовало, по мнению автора, именовать «случайными» (*involontaires*) приспешниками Сатаны. К ним прежде всего относились простые необразованные люди, становившиеся легкой добычей Нечистого, несмотря на то, что они «не отказывались от веры в Бога» (*n'ont pas renoncé à Dieu*). Тем не менее, Боден не считал их жертвами дьявола, напротив, для него они были самыми настоящими преступниками, которых следовало судить по всей строгости закона. В отношении этих людей в качестве наказания он предлагал для первого раза прибегать к штрафам и публичному покаянию и только при повторном обвинении – к казни⁵⁰. Если же колдуном становился человек образованный, по незнанию или по простоте душевной полагавший, что под видом «молитв, постов, жертвоприношений, церковных процессий» он просит помощи не у дьявола, но у Господа, он уже при первом аресте заслуживал смертного приговора, несмотря на то, что действовал без всякого умысла⁵¹.

Согласно классификации Жана Бодена, к первой выделенной им группе относились также и те, кто, желая узнать будущее, найти сокровище или излечиться от болезни, обращался за помощью не к самому Сатане, но к уже перешедшим на его сторону ведьмам и колдунам⁵². Такими вопросами могли интересоваться как образованные, так и совершенно неграмотные люди: все они заключали с силами зла договор «по умолчанию» (*convention tacite*), поскольку использовали в своих целях «дьявольские средства, изготовленные ведьмами при помощи самого Нечи-

⁴⁶ “C’est impiété de s’en enquerir, et non seulement impiété, ains aussi une extreme folie” (Ibid. Fol. 33).

⁴⁷ Ibid. Fol. 34–36.

⁴⁸ “La Cabale, c’est à dire, Sapience receuë de Dieu, par le moyen de ses Anges et Prophetes de bouche en bouche” (Ibid. Fol. 63–63v).

⁴⁹ “Car c’est une imposture Diabolique de prendre l’escripture sainte, pour en user comme de charmes, et jamais les anciens Hebrieux n’y ont pensé” (Ibid. Fol. 66).

⁵⁰ Ibid. Fol. 215–216v.

⁵¹ Ibid. Fol. 16–18, 216–216v.

⁵² Ibid. Fol. 42v–43, 128, 144v–145.

стого»⁵³. Впрочем, в некоторых случаях их поступки можно было считать вполне простительными, поскольку, отмечал французский демонолог, существовали и значительно более опасные проявления колдовства.

К ним прежде всего относились действия тех ведьм и колдунов, которых Жан Боден определял во вторую группу выстроенной им иерархии. Это были люди, которые *добровольно* шли на контакт с дьяволом, заключали с ним письменный договор и сознательно использовали его возможности в своих целях (*sorciers volontaires*). Именно их колдовство признавалось автором «Демонологии» самым ужасным в мире, впрочем, его было значительно проще распознать, в отличие от действий «случайных» пособников Сатаны. Обычно представителей второй группы узнавали по тайным «отметинам» (*signes*), оставленным на их телах дьяволом⁵⁴: у мужчин они прятались «под левой подмышкой» или под веками, а у женщин – на бедрах, на пояснице или «в интимных местах»⁵⁵. Однако главным их отличием всегда оставался «сознательный договор» (*convention expresse*) с Нечистым, подписанный кровью и предполагавший отказ от веры в Господа и в его таинства, обещание поклоняться дьяволу, насылать порчу и болезни на людей и на их скот, доводить их до смерти⁵⁶. Данное соглашение включало в себя также обязательство регулярно присутствовать на шабаше (*Sabbath*), вступать в сексуальные отношения с Сатаной и его демонами, привлекать в ведовскую секту (*secte*) все новых и новых участников⁵⁷.

Все эти особенности отношений с дьяволом были перечислены уже в материалах процесса Жанны Арвилье, на которые Жан Боден ссылался во введении к «Демонии». То же самое дело указывало, что наиболее опасными представителями второй выделенной им группы ведьм и колдунов автор полагал *женщин*, о чем прямо сообщал своим читателям⁵⁸. Именно их главным преступным ремеслом оказывалось, с его точки зрения, доведение людей до смерти или насылание на них неизлечимых болезней⁵⁹. Именно они препятствовали воспроизводству рода человеческого: убивали новорожденных и маленьких детей, прерывали беременности и вмешивались в интимные отношения супругов⁶⁰. При этом сами ведьмы имели постоянные сексуальные контакты с дьяволом и его демонами и производили на свет детей, которые уже с момента

⁵³ “Ils usent des moyens Diaboliques executez par les Sorciers à l’ayde du Diable” (Ibid. Fol. 43).

⁵⁴ “Les plus grands Sorciers ne sont point marquez, ou bien en lieu si secret, qu’il est quasi impossible de les decouvrir” (Ibid. Fol. 193).

⁵⁵ Ibid. Fol. 79v-80. Подробнее о предполагаемой внешности ведьм и колдунов см. ниже: Часть 3.

⁵⁶ Ibid. Fol. 79v-81.

⁵⁷ Ibid. Fol. 82v, 86–87v.

⁵⁸ “Les femmes ordinairement sont demoniaques plustost que les hommes” (Ibid. Fol. 226v).

⁵⁹ Ibid. Fol. 84–89v.

⁶⁰ Ibid. Fol. 57v-59v, 207.

рождения являлись пособниками Сатаны⁶¹. Они также принуждали своих близких (мужей и особенно дочерей) отказываться от истинной веры и вступать в их преступные секты⁶². «Достаточно всего одной ведьмы, чтобы сбить с пути истинного целую семью», – заявлял Жан Боден⁶³, вторая, сам, возможно, того не зная, своим ученым коллегам, приходившим к тем же выводам еще в XV в.

К мужчинам же, занимающимся колдовством, французский демонолог не испытывал такой ненависти, как к женщинам. Напротив, он полагал, что большинство из них обращается за помощью к дьяволу по ошибке или случайно. Тем не менее, он отмечал, что некоторые представители сильного пола умышленно избирают колдовство своим ремеслом. В частности, только мужчины, с его точки зрения, могли становиться оборотнями (*Lycanthropes*) – пусть даже они и пользовались для этого услугами ведьм, обладавших искусством превращения человека в животное⁶⁴. Сюда же относились «колдуны-куртизаны» (*Sorciers courtisans*) – образованные люди, выдающимся умом и знаниями завлекающие в свои сети королей и их советников, римских пап и императоров⁶⁵. Все эти правители использовали «колдунов-куртизанов» в своих целях как неосознанно, так и умышленно и, таким образом, также становились приспешниками Сатаны или же погибали в результате наведенной на них порчи.

В подтверждение своих слов Боден не только ссылаясь на «Поликратик» Иоанна Солсберийского⁶⁶, но и приводил конкретные поучительные «примеры». Так, он пересказывал историю визита библейского Саула к Аэндорской волшебнице, прямо называя эту последнюю ведьмой⁶⁷

⁶¹ “De la copulation des Daemons avec les femmes... proviennent des hommes diaboliques, que les Hebreux appellent Rochoth, et qu'ils disent estre Diables en figure humaine” (Ibid. Fol. 4). См. также: Ibid. Fol. 104–107.

⁶² “Car il n'y a rien plus ordinaire que les meres seduisent leurs filles, et les dedient à Sathan, et souvent si tost qu'elles sont nées” (Ibid. Fol. 169v).

⁶³ “Il ne faut qu'une Sorciere, pour gaster toute une famille” (Ibid. Fol. 99–99v).

⁶⁴ Ibid. Fol. 95v–96, 99v, 100–102v.

⁶⁵ “Quant à ce qui est dit que Satan cherche les Princes superbes et hommes hautains, celà s'est veu, et voit encores que les Princes qui ont laissé Dieu se laissent captiver miserablement à Satan par le moyen des Sorciers, et s'en trouve beaucoup qu'il a pipez” (Ibid. Fol. 120v). См. также: Ibid. Fol. 166–166v, 219.

⁶⁶ “Suetone dit que Neron fut cinq ans bon Prince. Et de faict Trajan disoit qu'il ne trouvoit point son pareil és cinq premiers ans, mais depuis qu'il se fut adonné aux sorceries, dit le mesme Autheur, jamais il n'y eut Sorcier qui en fust plus diffamé” (Ibid. Fol. 121). Как представляется, под «Траяном» Жан Боден подразумевал Иоанна Солсберийского, ссылавшегося в «Поликратике» на *Institutio Traiani* См. выше: Глава 1, прим. 83.

⁶⁷ “...alors Saul dist qu'on luy trovast une Sorcière, qui eust un esprit Diabolique, pour fçavoir l'issue de la bataille” (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 26v, курсив мой – О.Т.). Об иконографии Аэндорской волшебницы, постепенно в эпоху Средневековья и раннее Новое время превратившейся в ведьму, см. подробнее: Зотов С.Ю., Харман Д.Д. Средневековая магия. Визуальная история ведьм и колдунов. М., 2022. С. 70–79.

(Илл. 16); вспоминал о преступлении Ангеррана де Мариньи, пытавшегося погубить Людовика X⁶⁸; критиковал Карла IX за прощение, дарованное колдуну по прозвищу «Три лестницы» (*Trois eschelles*)⁶⁹. Дурные советники, по мнению Жана Бодена, представляли особую опасность для общества, поскольку прежде всего должны были отвечать за поддержание порядка. Однако, превратившись в «сторонников Сатаны», они лишь навлекали на своих правителей и их подданных Божий гнев и всевозможные несчастья – болезни, голод и войны⁷⁰.

«Народ таков, каков его правитель», – писал Жан Боден⁷¹, однако он готов был признать, что существуют и другие образованные, а потому весьма опасные для окружающих колдуны, сознательно избравшие путь служения дьяволу. К ним, в частности, относились «священники, проповедники и пасторы», несмотря на то, что представители всех без исключения религий (в том числе языческих) выступали против колдовства⁷². Таким образом, служители культа, по мнению автора, превращались в наиболее отвратительных колдунов⁷³: они являлись «предателями» Господа и Его таинств, которые в действительности должны были «свято охранять»⁷⁴.

Помимо священников к группе особо опасных колдунов относились и магистраты. Чиновник, позволяющий ведьмам и колдунам избежать справедливого наказания, поддерживал «правление Сатаны» (*le regne de Sathan*), а потому, безусловно, и сам становился преступником (*Magistrat Sorcier*)⁷⁵. То же касалось врачей и судей, часто не воспринимающих колдовство как серьезную угрозу для общества⁷⁶. Однако «наилучшими по-

⁶⁸ “...le procès d’Enguerrand de Marigny estoit principalement fondé sur les images de cire conjurees, par le moyen desquelles, il estoit accusé d’avoir voulu tuer le Roy” (Ibid. Préface).

⁶⁹ К этой истории Боден возвращался неоднократно: Ibid. Fol. 122v, 151, 166v-167.

⁷⁰ “Joint aussi que les Princes font une grande injure à Dieu de pardonner si horribles meschancetez commises directement contre sa Majesté, veu que le moindre Prince vange ses injures capitalement. Aussi ceux-là qui font evader les Sorciers, ou qui n’en font punition à toute rigueur, se peuvent assurer qu’ils seront abandonez de Dieu à la mercy des Sorciers. Et le pays qui les endurera, sera battu de pestes, famines et guerres, et ceux qui en feront la vengeance, seront bénits de Dieu” (Ibid. Fol. 216 v).

⁷¹ “Le peuple est tel que le Prince. Et si le Prince est Sorcier, les mignons et courtisans, puis le peuple y est attiré, et par consequent à toutes impietés” (Ibid. Fol. 120v-121).

⁷² “Toutes les sectes, qui jamais ont esté, ont decerné peines contre les Sorciers” (Ibid. Préface).

⁷³ “Quand le Prestre ou le pasteur a paction avec Sathan,... il fait d’un sacrifice une sorcellerie detestable” (Ibid. Fol. 210v).

⁷⁴ Ibid. Fol. 210v-211. В данном случае Жан Боден совпадал во мнениях с Николя Жакье и Пьером Мамори: Глава 6, прим. 9, 57.

⁷⁵ “...aussi faut que le Magistrat Sorcier, qui doit punir les sorciers, ou qui les fait evader, soit puny à la rigueur” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 211v).

⁷⁶ “Il a des Roys, des Princes, des prestres, des prescheurs, en plusieurs lieux des Juges, des Médecins” (Ibid. Fol. 219).

собниками» (*meilleurs subjects*) Сатаны французский демонолог полагал тех, кто содействовал появлению все новых и новых ведьм и колдунов, тех, кто завлекал невинные души в свои сети умными речами⁷⁷. Иными словами, Боден выступал против писателей и их издателей, публиковавших сочинения о тайнах природы и пытавшихся постичь правила мировой гармонии, установленные Господом, а потому известные лишь Ему. Именно эти люди совершали истинное святотатство: они заключали договор с дьяволом и должны были быть уничтожены как «одна из наиболее опасных угроз для государства»⁷⁸.

Особую нелюбовь французского демонолога вызывали Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), немецкий натурфилософ, врач и богослов эпохи Возрождения⁷⁹, и его ученик Иоганн Вейер (1515–1588), личный врач Вильгельма V, герцога Клевского (1516–1592)⁸⁰. В 1563 г. Вейер издал собственный труд «О кознях демонов»⁸¹, который уже в 1565 г. был переведен на немецкий⁸², в 1567 г. – на французский⁸³, а в 1584 г. – на английский язык⁸⁴. Эта книга вызвала полнейшее неприятие Жана Бодена, поскольку в ней вера в колдовство объяснялась всего лишь меланхолией

⁷⁷ “Mais il n’a point de meilleurs subjects à son gré, que ceux qui font les autres sorciers, et qui les attirent par dits, ou par escrits, en ses filets” (Ibid. Fol. 219v).

⁷⁸ “Sur laquelle hypothese on peut dire que le maistre en l’art Diabolique, duquel on imprime les oeuvres avec beaux privileges, a fondé toutes les sorceries et invocations de Diables, qu’on imprime partout avec privilege des Princes, qui est l’une des plus dangereuses pestes des Republiques” (Ibid. Fol. 19v).

⁷⁹ “Agrippa... a esté toute sa vie le plus grand Sorcier qui fut de son temps” ((bid. Fol. 20). См. также: Ibid. Fol. 62, 219v. В трактате «О сокровенной философии», опубликованном в 1531 г., Агриппа представил собственную научную систему, связав алхимию, магию и астрологию и объединив неоплатоническое и каббалистическое учения с магией и оккультизмом: *Йейтс Ф. А.* Указ. соч. С. 125–137; *Акопян О. Л.* Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV – начала XVI в.) // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 76–92.

⁸⁰ *Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. Fol. 54v, 90v.

⁸¹ *Wier J.* De Praestigiis daemonum et incantationibus ac venificiis libri V. Bâle, 1563.

⁸² *Idem.* Von verzeuberungen, verblendungen, auch sonst viel und mancherley gepler des Teuffels vnnd seines ganzen Heers. Basel, 1565.

⁸³ Перевод был выполнен врачом Жаком Гревеном (ок. 1539–1570): *Idem.* Cinq livres de l’imposture et tromperie des diables, des enchantements et sorcelleries. P., 1567.

⁸⁴ Автором перевода стал английский врач и яростный критик самой идеи существования злокозненного колдовства Реджинальд Скот (до 1538–1599), который включил его в собственный (анти)демонологический трактат: *Scot R.* The Discoverie of Witchcraft, Wherein the lewde dealing of witches and witchmongers is notably detected, the knaverie of conjurors, the impietie of inchanters, the follie of soothsaiers, the impudent falsehood of cousenors, the infidelitie of atheists, the pestilent practises of Pythonists, the curiositie of figurecasters, the vanitie of dreamers, the begger lie art of Alcumystrie, The abomination of idolatrie, the horrible art of poisoning, the vertue and power of naturall magicke, and all the conveiances of legierdemaine and juggling are deciphered: and many other things opened, which have long been hidden, howbeit verie necessarie to be known. L., 1584.

(психическим заболеванием, свойственным женщинам) и, таким образом, объявлялась заблуждением, а не реальностью. Критике взглядов своего немецкого коллеги автор «Демонomanии» посвятил отдельную главу⁸⁵, в которой приходил к выводу, что Вейера следует признать «великим колдуном» (*grand Sorcier*), ибо он рассматривает ведьм всего лишь как *инструмент* Сатаны, а не как его главных пособников, использующих дьявольские силы в своих преступных целях⁸⁶.

Тем не менее, нужно отметить, что французский демонолог допускал существование *иных* отношений между дьяволом и людьми. Он выделял в самостоятельную группу тех, кто становился, по его мнению, *жертвами* Нечистого⁸⁷. Это были одержимые женщины, телом и душой которых без их ведома завладевали демоны⁸⁸, и от истинных ведьм они отличались так же, как «старые шлюхи» от «изнасилованной девственницы»⁸⁹. Иными словами, одержимыми Жан Боден полагал исключительно представительниц слабого пола и считал, что их «порабощение» дьяволом происходило при помощи ведьм⁹⁰. Подобная точка зрения была широко распространена в Европе XVI в.⁹¹: жертву дьявола можно было легко уз-

⁸⁵ Refutation des opinions de Jean Wier // Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 218–252.

⁸⁶ “Il ne faut donc pas dire comme fait Wier... que si le Sathan use des Sorciers comme d'instruments, les Sorciers ne soyent point pubissables... Car la Sorciere use de malings esprits pour instruments de mal faire, et pour executer ses meschantes entreprises” (Ibid. Fol. 239). Подробнее о полемике Жана Бодена и Иоганна Вейера см.: Martin C. Bodin's reception of Johann Weyer in De la démonomanie des sorciers // The Reception of Bodin / Ed. by H.A. Lloyd. Leiden, 2013. P. 117–135; Тогоева О.И. Римская теория договорного права в полемике Иоганна Вейера и Жана Бодена // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 10. Вып. 9 (84).

⁸⁷ “Je ne mets point en dispute s'il y a des personnes assiegees par les malins esprits” (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 153v).

⁸⁸ “Car combien que celui qui n'appelle, et n'invoque le malin esprit ... ne soit pas du tout si mechant que celui qui l'appelle, et le prie, et le reçoit. Si est ce que l'un et l'autre est digne de mort, et l'un et l'autre est vray Sorcier. Et non pas celui qui n'a point invoqué, ny appellé le Diable: ains qui est possédé, et assiégué par iceluy” (Ibid. Fol. 75v).

⁸⁹ “Chacun sçait la différence qu'il y a entre les sorcieres, qui se sont vouées, consacrees, et dediees à Sathan, qui sont comme *les paillardes abandonnées*, et celle qui est assiegee de l'esprit maling, qui est comme *la vierge pudique ravie par force*” (Ibid. Fol. 247v, курсив мой – О.Т.).

⁹⁰ “Comme peut estre il advint en Alemaigne au monastere de Kentorp, que les religieuses dudict monastere furent toutes assiegees des malins esprits, qui disoyent que c'estoit la cuisiniere du monastere nommée Elsekame, laquelle le confessa, et qu'elle estoit sorciere, et que par meschantes prières, et sacrifices elle avoit envoyé le Diable en leurs corps, et fut bruslee” (Ibid. Fol. 76).

⁹¹ Идея о том, что ведьмы помогают дьяволу и его демонам овладевать телами и душами своих жертв, была отвергнута лишь в XVII в. Отныне демонологи полагали, что подобный «контакт» происходит без посредников: Soman A. Le sabbat des sorciers: preuve juridique // Le sabbat des sorciers en Europe: XV–XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 85–99,

нать по способности говорить с закрытым ртом или с высунутым языком, по умению изъясняться на латыни, греческом или иврите, которых она никогда специально не изучала⁹².

Однако, предупреждал далее Жан Боден, необходимо различать одержимых и раскаявшихся в своих преступных деяниях ведьм. Если члены секты по собственному желанию решали оставить службу у Сатаны, он начинал преследовать их, мучать физически, сводить с ума, а иногда даже доводить до смерти⁹³. В подобной ситуации ведьму действительно можно было рассматривать как одержимую, которую запрещалось преследовать в судебном порядке. В отношении этих обвиняемых следовало использовать исключительно церковные средства, позволяющие изгнать из человека демона: освященную воду, заклинания, исповедь, святые таинства, реликвии, но прежде всего – молитву⁹⁴ (Илл. 17).

Однако, если ведьма или колдун упорствовали в своих заблуждениях, они заслуживали суда, даже если их отношения с дьяволом возникли случайно и/или неосознанно. Во всех подобных случаях, писал Жан Боден, следует прибегать к смертной казни через сожжение⁹⁵, и приговор не должен быть смягчен ни для представительниц слабого пола, ни для несовершеннолетних, ни для сумасшедших, ни даже для тех, кто лишь обратился за помощью к ведьме или колдуну⁹⁶. Тем не менее, наказание всегда назначалось в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного дела и зависело от тяжести совершенного преступления и от наличия доказательной базы⁹⁷.

здесь P. 95–97; *Levack B. The Decline and End of Witchcraft Prosecutions // Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 1–93, здесь P. 14–15, 49–52; Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183–205; Она же. «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация». Отчет аббата д'Обиньяка об одержимых Лудена (1637 г.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 4. М., 2015. С. 19–38; Она же. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: Демоны одержимых во Франции XVI века // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 5. М., 2016. С. 239–258.*

⁹² *Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 76v, 154.*

⁹³ “...si un Sorcier ayant faict profession et convention expresse avec le Diable pour jamais, quitte son service, et qu'il se repente de ce qu'il a faict sans prier Dieu, il sera mal traicté, tourmenté et batu” (Ibid. Fol. 155).

⁹⁴ Ibid. 156–159v.

⁹⁵ “Il n'y a point de meschanceté plus digne de feu” (Ibid. Fol. 108). См. также: Ibid. Fol. 165–166.

⁹⁶ Ibid. Fol. 192–192v, 200–200v, 212v–213.

⁹⁷ “Il faut decerner la peine selon la grandeur du forfait” (Ibid. Fol. 108). “La peine des sorciers... doit estre aggravée, ou modérée pour la grandeur de la preuve, et des forfaits” (Ibid. Fol. 194v).

Таким образом, в созданную им иерархическую систему различных групп ведьм и колдунов Жан Боден включал также классификацию полагающихся им наказаний⁹⁸. Для тех, кто стал последователем дьявола случайно, а не по злему умыслу, он все же предлагал определенные послабления. На них, в частности, могли рассчитывать преступники, обратившиеся за помощью к Сатане и его демонам, дабы излечиться от тяжелой болезни: если речь шла о простом человеке, в первый раз его можно было даже простить, во второй – наказать «телесно» и только в третий – приговорить к смерти⁹⁹. Если речь шла о геомантах, то их рекомендовалось оштрафовать и заставить принести покаяние, затем – осудить на публичное избиение и клеймение и только после казнить. Что же касается тех, кто избрал своим ремеслом избавление людей от наведенной на них порчи, усмирение ураганов, ливней и града, им следовало запретить «выдавать себя за врачей» и заниматься подобным промыслом под страхом телесных наказаний. Точно так же необходимо было, по мнению автора, поступать и с хиромантами, чьи книги, тем не менее, подлежали обязательному сожжению¹⁰⁰.

Если же судьи вообще не были уверены в том, что они арестовали настоящую ведьму, если собранных ими доказательств ее вины оказывалось недостаточно, отсутствовали признание обвиняемой, показания свидетелей и даже слухи о ее дурной репутации¹⁰¹, женщину следовало освободить либо наказать, не прибегая к смертной казни: штрафом, конфискацией имущества, публичным избиением, клеймением или пожизненным тюремным заключением. Единственной мерой, против которой возражал Ж. Боден, являлось изгнание предполагаемой ведьмы из города: по мнению французского демонолога, если такая особа действительно оказывалась виновной, ей достаточно было просто уехать из родных мест и затеряться в чужом городе, чтобы вновь приняться за свое преступное ремесло¹⁰².

Большинство же ведьм и колдунов, сознательно заключивших сделку с дьяволом, вне всякого сомнения, заслуживали, с точки зрения Ж. Бодена, смертной казни через сожжение¹⁰³, особенно – если их злонамеренные действия повлекли за собой чью-то смерть¹⁰⁴. В данном случае

⁹⁸ “La difference d’entre les Sorciers est bien fort notable, et qui doit estre bien entendue pour la diversité des jugemens qu’il faut donner” (Ibid. Fol. 79).

⁹⁹ Ibid. Fol. 215–215v.

¹⁰⁰ Ibid. Fol. 208–208v.

¹⁰¹ Ibid. Fol. 172v, 181–181v, 187, 189–189v, 201v–202.

¹⁰² “Car c’est chose ordinaire aux Sorciers de changer de lieu en autre, quand on les a descouverts, portans la peste par tout” (Ibid. Fol. 202v).

¹⁰³ “On ordonne contre eux à rostir, et brusler les Sorciers à petit feu... sans parler des peines eternelles qui leur sont preparees” (Ibid. Fol. 165v).

¹⁰⁴ “Et si avec le crime de sorcellerie on verifie... que la Sorciere ait faict mourir quelqu’un, le crime est encores plus grand, et mesmes si c’est un enfant” (Ibid. Fol. 201v).

они оказывались виновными в многочисленных убийствах (*homicides*) и должны были предстать перед судом как уголовные преступники¹⁰⁵. Впрочем, и в этой жесткой схеме находилось место для исключений. Так, священника или пастора, посвятившего себя Сатане, но не заключившего с ним договор, следовало изгнать навечно из собственного прихода, диоцеза или страны¹⁰⁶. Если же обвиняемый не достиг совершеннолетия (т.е. 18 лет), смерть через сожжение могла быть заменена на повешение¹⁰⁷.

Иными словами, судьям надлежало, по мнению Жана Бодена, принимать во внимание особенности *каждого* конкретного преступления и в зависимости от этого выносить приговор¹⁰⁸. Вот почему некоторых из тех, кто сознательно встал на путь служения дьяволу, следовало наказывать более сурово. В частности, в отношении «колдунов-куртизанов» французский демонолог предлагал в обязательном порядке использовать пытки (которые он рассматривал как отдельный вид наказания) и последующее распятие¹⁰⁹. «Колдунов-магистратов» также надлежало преследовать «со всей строгостью» (хотя автор и не пояснял, в чем именно заключается эта строгость)¹¹⁰. Следующими по степени общественной опасности в его классификации оказывались ведьмы – матери семейств, вовлекавшие в отношения с Нечистым собственных дочерей. Сами девушки заслуживали прощения, Впрочем, лишь в том случае, «если они предварительно дали показания против своих матерей»¹¹¹.

Что касается ведьм и колдунов, раскаявшихся уже в ходе следствия, их также, по мнению Жана Бодена, не следовало оставлять безнаказанными¹¹². Единственным исключением признавалась ситуация, при которой против человека не было выдвинуто обвинение, но он добровольно явился в суд и свидетельствовал против себя самого: он мог быть освобожден от ответственности с тем, чтобы впоследствии указать на соб-

¹⁰⁵ “Car si l’homicide ne laisse pas pour la repentance d’estre mis à mort, pourquoy le Sorcier mille fois plus coupable evadera il?” (Ibid. Fol. 213v). Таким образом, Жан Боден развивал идеи, высказывавшиеся французскими юристами еще во второй половине XIII в.: Глава 5, прим. 120.

¹⁰⁶ “Et par ainsy, le Prestre ou ministre qui sera atteint et convaincu d’avoir usé des sortileges..., qui se font mesmes sans expresse invocation du diable mérite la mort, et les autres d’estre bannis” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 211).

¹⁰⁷ Ibid. Fol. 212–212v.

¹⁰⁸ “Il faut bien prendre garde à la distinction de sortileges, pour juger l’enormité et gravité d’entre les Sorciers, qui ont convention expresse avec le diable, et ceux qui usent de ligatures et autres arts de sortileges” (Ibid. Fol. 209v).

¹⁰⁹ “...qu’il soie exposé aux tormens et crucié sans avoir esgard à sa qualité” (Ibid. Fol. 200v).

¹¹⁰ “Après les prestres et ministres de Dieu, les magistrats qui sont gardes et depositaires de la justice, doivent estre recerchez et punis à la rigueur s’il s’en trouve” (Ibid. Fol. 211v).

¹¹¹ “...quant aux filles, si elles ont accusé leurs mères auparavant, qu’elles feussent prevenuës, elles meritent pardon” (Ibid. Fol. 212).

¹¹² Ibid. Fol. 213–213v.

ственных сообщников¹¹³. Подобных обвиняемых французский демонолог именовал – как и самого себя – «людьми порядка», которые чувствуют «необходимость подчиняться» и доставляют окружающим столь незначительное беспокойство, что закон допускает смягчение их участи¹¹⁴.

Таким образом, понятия «порядок», «иерархия», «классификация» оставались центральными для описания, данного Жаном Боденом сообществу ведьм и колдунов в «Демономании». Вспоминая многочисленные уголовные дела, ссылаясь на теологические и демонологические трактаты своих коллег¹¹⁵, приводя примеры из собственного судебного опыта, прославленный мыслитель пытался найти гармонию в окружавшем его хаосе, что для француза XVI в., пережившего ужасы Религиозных войн и, как кажется, до конца так и не определившегося с собственным вероисповеданием¹¹⁶, было более чем логично. Безусловно, выстроенная им система оказывалась далека от идеала, и в ней имелись определенные лакуны и темные места. Так, остается пока неясным, по каким причинам Жан Боден включил в свое сочинение полный текст торжественного «Постановления» Парижского университета от 19 сентября 1398 г.¹¹⁷

¹¹³ “Mais celui qui confesse sans estre accusé ny prevenu, ny atteint, et qui peut estre convaincu et se repent, et accuse les complices, cestuy là merite pardon... La vie luy doit estre laissez... pour loyer d'avoir accusé ses complices” (Ibid. Fol. 214).

¹¹⁴ “En ce cas les loix ont accoustumé d'absoudre ceux qui eu nécessité d'obeir, et de ne punir à la rigueur, ains adoucir la peine de ceux qui ont bien peu desobeir” (Ibid. Fol. 214v, курсив мой – О.Т.).

¹¹⁵ Вероятно, наиболее авторитетным сочинением для Жана Бодена являлся «Молот ведьм», на который он ссылался постоянно (см. прим. 42). Тем не менее, он также упоминал имена Жиралья Ота (Ibid. Fol. 90), Ульриха Молитора (Ibid. Fol. 90, 115v) и Иоганна Нидера (Ibid. Fol. 113v). Что же касается трудов средневековых теологов, то пальма первенства отдавалась в «Демономании» Блаженному Августину и Фоме Аквинскому.

¹¹⁶ Подробнее о проблеме вероисповедания Жана Бодена, который, возможно, на какое-то время переходил из католицизма в протестантизм или просто сочувствовал «новой религии», см.: Roussineau G. Op. cit. P. 412–413; Бобкова М.С. Указ. соч. С. 334–352; Она же. Жан Боден: история жизни в эпоху катастроф // История через личность. Историческая биография сегодня / По ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 265–306. Любопытно, что в «Демономании колдунов» присутствовали ссылки на Жана Кальвина, Филиппа Меланхтона, а также на Ламбера Дано (ок. 1530–1595), французского юриста и богослова-кальвиниста, который в 1574 г. опубликовал в Женеве собственный труд, посвященный реальности колдовства и методам борьбы с ведовскими сектами: Daneau L. Les sorciers, dialogue très utile et très nécessaire pour ce temps. Genève, 1574. Этот текст, очевидно, был очень хорошо известен Бодену: Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 30v, 32v, 82, 85, 114v, 135v, 141, 154.

¹¹⁷ “Determinatio Parisiis facta per aliam facultatem theologicam. Anno Domini M. CCCXVIII super quibusdam superstitionibus noviter exorcis” (Ibid.). «Постановление» было помещено в «Демономании» сразу после введения и до основного текста. Та же схема расположения сохранялась во всех переизданиях трактата, выпущенных в XVI в. Любопытно, что также во всех изданиях присутствовала и ошибка в датировке «Постановления» – 1318 г. вместо 1398 г.

Если допустить, что автор рассматривал данный документ как важнейший для себя источник *официальной информации*¹¹⁸, совершенно невозможно понять, почему он так настаивал на реальности колдовства и его отличии от ереси¹¹⁹, тогда как университетские теологи придерживались противоположной точки зрения: для них это была всего лишь иллюзия, насланная дьяволом, а потому – одна из разновидностей еретических заблуждений¹²⁰.

Не менее сложной представляется и проблема *необходимости* колдовства, неоднократно поднимаемая Жаном Боденом на страницах «Демонomanии». С одной стороны, он отмечал полную подчиненность членов секты воле дьявола, с их помощью всячески досаждающего людям¹²¹. С другой стороны, по мнению демонолога, ведьмы и колдуны сами являлись «хозяевами» Сатаны, что полностью противоречило его же первоначальному заключению¹²². Вместе с тем главной идеей трактата оставался тезис о величии Господа, создавшего все сущее и им управляющего¹²³. Дабы преподать урок своим добропорядочным «подданным» и примерно наказать злонамеренных, Он, по мнению автора, использовал любые средства, в том числе собственно дьявола и его присных¹²⁴. Если имя Бога оскверняют, если Ему наносят урон, рассуждал Боден, Он насылает несчастья, войны и болезни на мир людей и действует посредством дьявола, ведьм и колдунов¹²⁵, которые, таким образом, становятся

¹¹⁸ Жан-Патрис Буде полагал, что подобная отсылка была необходима Жану Бодену, поскольку никаких иных официальных документов, проясняющих позицию французской католической церкви относительно колдовства, вплоть до конца XVI в. не появилось: *Boudet J.-P. La postérité des condamnations de la magie à Paris en 1398 // Chasses aux sorcières et démonologie. P. 331–347.*

¹¹⁹ “Il faut remarquer la difference de ce crime à l’heresie simple... Car le Sorcier... ne se contente pas de renier Dieu, pour changer et prendre une autre religion, mais il renonce à toute religion” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 196v*).

¹²⁰ Расхождения Ж. Бодена с официальной позицией католической церкви по этим вопросам привели в результате к тому, что в 1596 г. (т.е. в год смерти автора) «Демонomanия колдунов» была включена в индекс запрещенных папским престолом книг. Тем не менее, она продолжила издаваться: *Williams G.S. Defining Dominion. The Discourses of Magic and Witchcraft in Early Modern France and Germany. Michigan, 1999. P. 184.*

¹²¹ *Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 66v, 109v, 111v.*

¹²² “La Sorciere use de malings esprits pour instruments de mal faire, et pour executer ses meschantes entreprises” (*Ibid. Fol. 239*).

¹²³ “Car quoy qui se face en ce monde, en fin le tout se rapporte, et reüssit à la gloire de Dieu” (*Ibid. Fol. 5*). “Dieu est la premiere cause eternelle, et... de luy dependent toutes choses” (*Ibid. Fol. 28*).

¹²⁴ “Et faut croire qu’il n’est rien fait, soit par les Daemons, soit par les Sorciers, qui ne se face par une juste jugement de Dieu qui le permet, soit pour chastier ceux qui le meritent, soit pour tenter, et fortifier les bons” (*Ibid. Fol. 111–111v*).

¹²⁵ “Et tout ainsi que Dieu envoie les pestes, guerres, et famines par le ministere des malins esprits, executeurs de sa Justice, aussi faict il des Sorciers, et principalement quand le nom de Dieu est blasphemé” (*Ibid. Fol. 122–122v*).

не только самой *сутью* царящего в мире беспорядка, но служат *инструментом* Божественного возмездия¹²⁶. Бездействие правителей и их магистратов, по мнению французского демонолога, безусловно, вело к увеличению сообщества ведьм и колдунов, но вместе с тем оно разрасталось и благодаря вмешательству самого Господа, который контролировал этих преступников и использовал в собственных целях.

Данные противоречия – далеко не единственные из тех, что мы встречаем на страницах «Демонологии». И, тем не менее, в этом сочинении, безусловно, присутствовала попытка первой всесторонней научной классификации ведьм и колдунов, что сильно отличало данный демонологический трактат от предшествовавших ему. Полагая ведьм и колдунов наиболее существенным бедствием для раздираемого религиозными противоречиями французского общества XVI в., Жан Боден предлагал современникам узнать своего главного врага в лицо, дабы быть готовыми к борьбе с ним. Только всестороннее систематическое изучение данного явления и могло, с его точки зрения, способствовать восстановлению гармонии в земном мире. Таким образом, главная тема всего творчества Жана Бодена находила в «Демономании» столь же масштабное и продуманное воплощение, как до того – в «Методе легкого познания истории» и «Шести книгах о государстве», что заставляет рассматривать эти произведения как три составные части единого целого, как развернутое учение о принципах установления и поддержания общественного порядка.

¹²⁶ «Quant aux malins Esprits ils servent aussi à la gloire de Dieu, comme executeurs, et bourreaux de sa haute justice, et si ne font rien que par une juste permission de Dieu» (Ibid. Fol. 6).

ГЛАВА 8

Яков Стюарт и его охотники на ведьм

В момент создания «Демонии колдунов» Жан Боден, как мы помним, являлся обычным судьей в городе Лан, где он мог бесконечно ратовать за искоренение ведовских сект в стране, призывая короля покончить раз и навсегда со всеми адептами дьявола и восстановить надлежащий социальный порядок. Проблема, однако, заключалась в том, что обращался он с этими призывами к Генриху III, ставшему французским монархом в 1574 г. и очень быстро снискавшему дурную славу у своих подданных.

Личность короля, склонного, скорее, к интеллектуальному, нежели к ратному труду, к роскоши и гедонизму, вызывала критику как со стороны гугенотов, так и со стороны ярых католиков. Привычка окружать себя фаворитами (миньонами), осыпая их деньгами и привилегиями, привела к возникновению слухов о нетрадиционной сексуальной ориентации Генриха: его открыто обвиняли в связях с мужчинами, несмотря на внушительное число королевских любовниц, имена которых были доподлинно известны современникам¹. Очень быстро сторонники Католической лиги дополнили «черную легенду» о монархе и другими значимыми деталями – рассказами о его неподдельном интересе к магии и колдовству, которым он якобы обучался сначала у венецианцев, а затем – у собственных миньонов во главе с Жан-Луи де Ногаре, герцогом д'Эперноном (Илл. 18). Впрочем, под конец жизни Генриха III многие его соотечественники искренне полагали, что он являлся сыном ведьмы – Екатерины Медичи, а потому уже родился колдуном.

С личными качествами короля – гомосексуала, гермафродита, пособника дьявола и даже насильника монашек² – французы связывали все несчастья, происходившие в период его правления в стране: религиозные войны, голод, финансовый кризис, эпидемии, разруху и пол-

¹ См. прежде всего: *Cameron K. Henri III, a Maligned or Malignant King? Aspects of the Satirical Iconography of Henri de Valois*. Exeter, 1978. P. 81–84, 121–134. Критику историографической традиции, поддерживавшей версию о гомосексуальности Генриха III, см. в: *Crawford K.B. Love, Sodomy, and Scandal. Controlling the Sexual Reputation of Henry III // Journal of the History of Sexuality*. 2003. Vol. 12 (4). P. 513–542.

² Об этом грехе Генриха III сообщал, в частности, Пьер де л'Этуаль: “En cet an 1580, sur que le roi, nonobstant la peste et la guerre qui travailloient son pauvre peuple de tous les côtés, ne laissait d'aller voir les nonnains, et ne bougeait de leurs couvents et abbayes, à leur faire l'amour” (цит. по: *Yardeni M. Henri III sorcier // Henri III et son temps / Etudes réunies par R. Sauzet*. P., 1992. P. 57–66, здесь P. 64).

ную деградацию населения³. Ученые демонологи – как, например, Пьер Креспе (1543–1594), один из самых ярких проповедников Католической лиги, – не только подчеркивали влияние, которое оказывали на Генриха III его советники-колдуны, но и прямо называли монарха Сатаной⁴ (Илл. 19). Та же идея развивалась в многочисленных анонимных памфлетах, выходивших как при жизни, так и сразу после убийства короля⁵. В частности, в сочинении «Ужасные вещи, изложенные в письме Генриху Валуа» рассказывалось о том, что французский правитель пользуется услугами ведьм, которых поселил у себя в Лувре и которые предоставили ему в услужение личного демона по имени Терагон⁶. С их помощью, утверждал автор памфлета, во дворце творятся страшные дела, и любой добрый христианин, пребывающий в окружении монарха, без сомнения погибнет – «по причине [развязанной] войны, наведенной порчи, предательства или из-за [влияния] беспутных женщин»⁷. Как подлинную секту адептов дьявола описывал двор и автор «Колдовских дел Генриха Валуа»⁸, также сообщавший, что для своих преступных занятий король и его миньоны используют магические амулеты, бумаги с таинственными символами, яды, зелья и волшебные зеркала, хранящиеся в сундуке у герцога д'Эпернона⁹. Подробный перечень этих артефактов приводился и в других памфлетах, однако

³ Davis N.Z. Les cultures du peuple. P., 1980. P. 251–307.

⁴ “Sathan tasche à arracher la foy des coeurs et introduire un athéisme par le moyen de l'hérésie et des mauvais ars qui se pratiquent impunement en la France... Les complices de Sathan qui luy font service, qui sont de son escolle, et luy ont presté serment, sont advancez par son moyen, ont l'oreille des Roys, commandent, ordonnent, taillent et roignent... Mignons de Sathan respectez” (*Crespet P. Deux livres de la hayne du Satan et malins esprits contre l'homme et de l'homme contre eux*. P., 1589. P. 42–43).

⁵ Второго августа 1589 г. Генрих III был заколот монахом-доминиканцем Жаком Клеманом. Гибель короля стала прямым следствием убийства 23 и 24 декабря 1588 г. в Блуа руководителей Католической лиги – герцога Генриха де Гиза и его брата Людовика, кардинала Лотарингского.

⁶ “Vous sçavez bien, que lors vous donnastes liberté à tous Sorciers, enchanteurs, et autres devinateurs, de tenir libres escholes et chambres de vostre Louvre, et mesmes dans vostre Cabinet, à chacun d'iceux un heure le jour, pour mieux vous en instruire... Vous sçavez bien, qu'ils vous ont donné un esprit familier en jouyssance... nommé Teragon” (Les choses horribles contenues en une lettre envoyee a Henry de Valois par un Enfant de Paris, le vingthuitiesme de Janvier 1589. P., 1589. P. 4).

⁷ “Car la verité est telle, que tout homme ayant l'ame bonne accompagnant Henry, tous y seront perdus, par Guerre, ou par Sort, ou par Charmes, ou par Femmes desbordees et trahison” (Ibid. P. 9–10).

⁸ “Et a ce propos nous parlerons de Henry de Valois, de Despernon et de ses autres mignons, lesquels quasi publicquement faisoient profession de la sorcellerie” (Les Sorcelleries de Henri de Valois et les oblations qu'il faisait au diable dans le bois de Vincennes. Lyon, 1589. P. 2).

⁹ “On a trouvé chez d'Esperton un coffre pleins de papiers de sorceleries, ausquels y avait divers mots Ebreux, Caldaïques, Latins et plusieurs caracteres incognues; des rondeaux ou cernes, autour desquels il y avait diverses écritures et figures; même des miroirs,

здесь их владельцем назывался Марк Мирон, личный врач Генриха III¹⁰. Своеобразный итог этим инсинуациям подводил в своем «Дневнике» Пьер де л'Этуаль (1546–1611): по его мнению, подданные именовали своего правителя не просто адептом дьявола, творящим ужасные деяния, но «коварным тираном», достойным лишь поношения¹¹. Таким образом, парижский интеллектуал, буквально повторял выводы, сделанные за 400 лет до того в «Поликратике» Иоанна Солсберийского: монарх, обратившийся за помощью к ведьмам и к самому Нечистому, терял способность мудро и справедливо управлять собственной страной и превращался в узурпатора власти¹².

Впрочем, Жан Боден не замечал или не желал замечать подобных обвинений. В 1576 г. знаменитый демонолог решительно выступил против начала очередной войны с гугенотами, которую инициировал Генрих III, был заподозрен в сочувствии идеям протестантизма, впал в немилость и оказался отлучен от двора¹³. Исключительно положительный образ короля, данный в «Демономании колдунов» и не подвергавшийся ни малейшим изменениям во всех ее изданиях, вышедших при жизни автора, возможно, являлся попыткой Бодена вернуть себе расположение монарха, а вместе с ним – и утраченные привилегии¹⁴: Генрих III был представлен в трактате как полная противоположность своего предшественника Карла IX, слишком легко, по мнению демонолога, прощавше-

---

onguents et drogues avec des verges blanches, lesquelles semblaient être de coudrier» (Ibid. P. 8).

¹⁰ Charmes et caracteres de sorcellerie de Henri de Valoys trouvez en la maison de Miron son premier Medecin et Conseiller ordinaire de son Conseil Privé. P., 1589; Les moeurs, humeurs et comportements de Henry de Valois, representez au vray depuis sa naissance. P., 1589. P. 86–87.

¹¹ “Le mercredi, jour des cendres, Lincestre dit en son sermon qu’il ne prêcherait point l’Evangile, pour ce qu’il était commun, et que chacun le savait, mais qu’il prêcherait la vie, gestes et faits abominables de *ce perfide tyran Henri de Valois* contre lequel il dégorgea une infinité de vilainies et injures, disant qu’il invoquait les diables” (цит. по: Yardeni M. Op. cit. P. 65, курсив мой – О.Т.).

¹² Подробнее о сугубо негативном образе Генриха III в направленных против него пропагандистских сочинениях сторонников Католической лиги см.: Poirier G. Le témoignage dans les libelles et les pamphlets politiques contre Henri III // “Des bruits courent”: rumeurs et propagande au temps des Valois / Sous la dir. de L. Vaillancourt. P., 2017. P. 235–247; Конелев Д.Н. Сотворение врага: убийство в Блуа и десакрализация короля Генриха III // Религия, церковь, общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2016. Вып. 5. С. 158–197.

¹³ Couzinet M.-D. Note biographique sur Jean Bodin // Jean Bodin. Nature, histoire, droit et politique / Sous la dir. de Y. Ch. Zarka. P., 1996. P. 233–244, здесь P. 241–242; Бобкова М.С. Жан Боден: история жизни. С. 293–294.

¹⁴ В 1576–1579 гг. Жан Боден регулярно участвовал в заседаниях Академии дворца (прообраза Французской академии), которая собиралась дважды в неделю в присутствии самого Генриха III: Lloyd H.A. Jean Bodin, “this Pre-eminent Man of France”. An Intellectual Biography. Oxford, 2017. P. 242.

го преступления ведьм и колдунов¹⁵. Тем не менее, примирения с правителем Франции так и не произошло. Какое-то время Боден состоял при персоне Франсуа Алансонского, младшего брата и вечного противника Генриха III, но после его смерти в 1584 г. навсегда обосновался в Лане, получив должность королевского прокурора¹⁶. Не успел увидеть выдающийся юрист и результатов правления следующего французского монарха – он умер всего через два года после того, как Генрих IV (1553–1610), приняв католицизм, торжественно вступил в Париж 22 марта 1594 г.

И все же еще при жизни Жана Бодена нашелся по крайней мере один европейский правитель, который отнесся к его рассуждениям крайне серьезно. Это был Яков VI Стюарт (1566–1625), на протяжении всей своей жизни интересовавшийся демонологией и оказавший самое непосредственное влияние на развитие этих идей в Шотландии и Англии.

***

Конечно, о колдовстве жители Британских островов знали и раньше. Уже в XII в. магические практики начали рассматриваться здесь как преступление, представляющее опасность для окружающих; тогда же, как мы помним, они подверглись жесткой критике в «Поликратике» Иоанна Солсберийского. Однако, как отмечала Ю.Ф. Игина, в Англии до середины XVI в. ведовских процессов проводилось крайне мало: в частности, в лондонском диоцезе с 1475 по 1640 г. было рассмотрено всего 24 таких дела¹⁷. Первый же королевский правовой акт, посвященный колдовству, его разновидностям и методам борьбы с ним, появился в 1542 г. в правление Генриха VIII, за ним последовали билль Эдуарда VI 1547 г. и, наконец, акт Елизаветы I 1563 г.¹⁸ В том же году был опубликован и первый шотландский акт, результатом чего стали громкие процессы 1568 г.¹⁹, а 1590–1591 гг. ознаменовались и вовсе настоящей охотой на ведьм и колдунов, проживавших в округе Ист-Лотиан: за два года здесь оказались арестованы около 70 человек. Данное расследование неоднократно привлекало внимание исследователей прежде всего потому, что его материалы дошли до нас в максимально полном объеме, чего нельзя сказать, к примеру, об английских делах о колдовстве конца XVI в.

¹⁵ “Et d'autant que ceste impiete la regnoit du temps de Charles. 9. plus que jamais, le Roy Henry troisieme à sa venue fist un edict tressainct contre les blasphemateurs” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 122v*). “Depuis peu a peu on a ouvert les yeux, et mesmement depuis la mort du Roy Charles neufiesme les juges n'ont plus fait les difficultez que on faisoit sous le regne de Charles neufiesme” (*Ibid. Fol. 167*).

¹⁶ *Couzinet M.-D. Op. cit. P. 242–243.*

¹⁷ *Игина Ю.Ф. Указ. соч. С. 64–65.*

¹⁸ Подробный анализ этих документов см.: Там же. С. 67–79.

¹⁹ *Witchcraft in Early Modern Scotland: James VI's Demonology and the North Berwick Witches / Ed. by L. Normand, G. Roberts. Liverpool, 2000. P. 5, 78–80; Wasser M. Scotland's First Witch-Hunt: The Eastern Witch-Hunt of 1568–1569 // Scottish Witches and Witch-Hunters / Ed. by J. Goodare. L.; N.Y., 2013. P. 17–33.*

Причина столь удивительной сохранности судебных документов крылась в том немаловажном обстоятельстве, что процесс в Норт-Берике касался непосредственно персоны короля и был связан с событиями его личной жизни.

Двадцатого августа 1589 г. в Копенгагене был заключен брак по доверенности между Яковом VI и датской принцессой Анной, сестрой Кристиана IV: от имени шотландского монарха в церемонии участвовал Джордж Кейт, 5-й граф Маришаль. Уже 1 сентября того же года юная королева отплыла в Эдинбург, однако сильнейший шторм заставил корабль свернуть с намеченного курса и направиться в Осло. Туда же 28 октября прибыл сам Яков VI, и свадьба была сыграна повторно – 23 ноября 1589 г. Супруги задержались в Норвегии и Дании до весны 1590 г., и в это время, как полагают исследователи, у молодого короля появилась возможность познакомиться не только с местными интеллектуалами (известно, что он встречался с астрономом Тихо Браге и теологом Нильсом Геммингсенем), но и с континентальной демонологической традицией, которой сами датчане интересовались весьма активно. Отбыв в Шотландию в апреле 1590 г., Яков и Анна вновь с трудом избежали гибели в шторме, а уже в Эдинбурге их догнало известие о том, что шесть датских ведьм были казнены за то, что якобы наслали эту бурю²⁰.

Процесс в шотландском Норт-Берике, однако, не был вызван этими событиями: до поры до времени он развивался по своему собственному сценарию, который – как и во многих других подобных случаях – предусматривал обвинения в наведении порчи на местных жителей, предсказания скорой смерти, отравления, неудачные попытки излечения и т.п.²¹ Тем не менее, возвращение Якова VI из опасного путешествия, обстоятельства которого стали, очевидно, известны многим его подданным, привело к появлению новых и весьма неожиданных признаний со стороны арестованных – теперь они настаивали, что вступили в сговор со своими датскими «коллегами»²², а затем, когда им не удалось потопить королевский корабль²³, попытались при помощи восковой фигурки (*picture*

²⁰ Ibid. P. 19–21, 29–38; Willumsen L.H. Witchcraft against Royal Danish Ships in 1589 and the Transnational Transfer of Ideas // International Review of Scottish Studies. 2020. Vol. 45. P. 54–99.

²¹ См., к примеру, показания Агнес Сэмпсон: “She confesses that a sickness being taken of man be laid on some living creature, either man or beast, that cometh first over that which is laid in their way and she willing to lay that sickness on a dog, it lighted on one William Douglas” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 137).

²² “Gillie confesses that in the midst of the firth they met with the [] of Coppenhown, where after they had gotten her name they commoned together” (Ibid. P. 136, показания Джилли Дункан).

²³ “She confesses the bill was to raise the storm for staying of the queen’s coming home” (Ibid. P. 137). “She confesses that the devil said the ministers would destroy the king and all Scotland, and if he would use his counsel he should destroy them. She confesses the delivering of the bill to Gillie Duncan by the clerk. She confesses that the devil said it should be hard to the king to come home and that the queen should never come

of wax), заколдованной самим дьяволом, извести Якова уже на родине²⁴. За этим преступлением, по словам обвиняемых, стоял никто иной как уроженец Ист-Лотиана Фрэнсис Стюарт, граф Ботуэлл, лорд-адмирал Шотландии с 1581 г., в конце 1580-х гг. перешедший в оппозицию к Якову VI²⁵. Как следствие, с осени 1590 г. монарх лично присутствовал на заседаниях в Норт-Берике, допрашивал подозреваемых, сопровождал их на пытку, а также участвовал в вынесении смертного приговора двум главным обвиняемым – Агнес Сэмпсон, повитухе из Хамби, и доктору Джону Фиану, школьному учителю из Престонпанса²⁶ (Илл. 20).

Результатом этого знаменитого процесса стало издание сразу нескольких важных текстов. Уже в 1591 г. был опубликован памфлет «Новости из Шотландии», где подробно излагались детали следствия и признания основных подозреваемых²⁷. Его автором, по всей видимости, стал Джеймс Кармайкл (1542/3–1628), министр пресвитерианской Церкви Шотландии²⁸. Сообщенные им сведения легли в основу трагедии «Макбет» Уильяма Шекспира, которая была впервые представлена публике в 1606 г. и открывалась сценой грозы, во время которой три ведьмы, поджидая на пустыре главного героя пьесы, похвалялись, что могут вызвать бурю на море²⁹ (Илл. 21).

---

except the king fetched her. She enquired whether the king would have lads or lasses. He answered that he should have lads and then lasses” (Ibid. P. 139, показания Джилли Дункан). См. также: Ibid. P. 148, 228, 233.

²⁴ “She confesses the picture of wax at Acheson’s Haven delivered to Agnes Sampson, which was wambled in a white clout or a piece white paper of the length of an arm, and that it gaid about fra hand to hand and fra her to Gillie Duncan. Every one said a word or two, having it in their hand. The devil appeared like a quoyle of hay at this convention... They spake all ‘James the Sixth’ amongst them handling the picture” (Ibid. P. 159, показания Бессии Томсон). См. также: Ibid. P. 164, 168–169, 172–173.

²⁵ “Item, declares that Anne Sampson said to the devil ‘Take there the picture of James Stewart, prince of Scotland. And I ask of you, Master Mahoun, t that I may have this turn wrought and done, to wrack him for my Lord Bothwell’s sake and for the gold and silver that het has promised and should give us, with victual to me and my bairns” (Ibid. P. 173). Дело графа Ботуэлла было выделено в отдельное производство: Ibid. P. 275–287.

²⁶ “...the said Janet depones in presence of his Majesty...” (Ibid. P. 187, показания Джейн Кеннеди). См. также: Ibid. P. 144, 146, 175, 250, 259.

²⁷ Ibid. P. 309–326.

²⁸ Ibid. P. 290–293.

²⁹ «Плывет на “Тигре” муж ее в Алеппо, / А я на днище решета / Пушусь, как крыса без хвоста, / За ним, за ним, за ним в погоню. / А я подую в решето. / Благодарю тебя за то. / Я тоже ветров напущу. / А я своими угощу. / Дуновеньем их задеты / Все края и страны света, / Как по компасу штурвал / Направление б ни держал» (Шекспир В. Макбет // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 14 т. М., 1994. Т. 8. С. 480–481, перевод Б. Пастернака). Ср. с текстом «Новостей из Шотландии»: “Again it is confessed, that the said christened cat was the cause that the king’s Majesty’s ship, at his coming forth of Denmark, had a contrary wind to the rest of his ships then being in his company, which thing was most strange and true, as the king’s Majesty

Однако наиболее важным итогом процесса в Норт-Берике явилось создание первого шотландского демонологического трактата – «Демонологии в форме диалога», автором которой стал сам Яков VI³⁰ и которая оказала наиболее существенное влияние на Шекспира и его восприятие колдовства³¹. Впервые это сочинение было напечатано в Эдинбурге в 1597 г., второе же издание вышло в Лондоне в 1603 г. – в тот год, когда Яков Стюарт после смерти Елизаветы I взошел на английский трон под именем Якова I. Именно с его правлением историки обычно связывают начало самого активного преследования ведьм в обоих королевствах: в новом акте 1604 г. колдовство определялось как светское уголовное преступление, расследование которого отныне сосредотачивалось в руках государства, а не церкви³².

***

Оценка Яковом Стюартом колдовства как злонамеренного деяния, представляющего опасность для всех без исключения жителей королевства, оказалась очень близка идеям, высказанным в свое время Жаном

---

acknowledgeth; for when the rest of the ships had a fair and good wind, then was the wind contrary and altogether against his Majesty. And further, the said witch declared that his Majesty had never come safely from the sea, if his faith had not prevailed above their intentions” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 317).

³⁰ *James I, King of England. Daemonologie, in Forme of a Dialogue, Divided into three Bookes. L., 1603.* Pamфлет «Новости из Шотландии» вошел в первое издание трактата в качестве заключительной главы и впоследствии всегда в нем воспроизводился: Ibid. P. 82–108.

³¹ В «Демонологии» также упоминалась способность ведьм вызывать бурю на море, что явно отсылало к воспоминаниям Якова VI о пережитом в 1590 г. путешествии из Дании: “They can rayse stormes and tempestes in the aire, either upon Sea or land, though not universally, but in such a particular place and prescribed boundes, as God will permitte them so to trouble. Which likewise is verie easie to be discerned from anie other naturall tempestes that are meteores, in respect of the suddaine and violent raising thereof, together with the short induring of the same” (Ibid. P. 46). См. также: *Stoll E.E. Source and Motive in Macbeth and Othello // The Review of English Studies. 1943. T. 19 (73). P. 25–32.*

³² “...if any pson or persons... shall use practise or exercise any Invocation or Conjuratioun of any evill and spirit, or shall consult covenant with entertaine employ feede or rewarde any evill and wicked Spirit to or for any intent or pupose; or take any dead man woman or child out of his her or their grave or any other place where the dead body resteth, or the skin, bone or any other parte of any dead person, to be employed or used in any manner of Witchcrafte, Sorcerie, Charme or Incantment; or shall use practise or exercise any Witchcrafte, Sorcerie, Charme or Incantment wherebie any pson shall be killed destroyed wasted consumed pined or lamed in his or her bodie, or any parte therof; then... shall suffer pains of deathe as a Felon or Felons, and shall loose the priviledge and benefit of Cleargie and Sanctuarie” (An Act against Conjuratioun, Witchcraft and dealing with evil and wicked spirits // <http://www.witchtrials.co.uk/act1604.html>, курсив мой – О.Т.).

Боденом. Собственно, именно на его теоретические выкладки и опирался трактат монарха, о чем тот прямо сообщал уже в предисловии³³. Из «Демономании» оказалась позаимствована даже структура «Демонологии», первая часть которой была посвящена самому явлению колдовства, а вторая – проблемам судопроизводства³⁴. Использовал король и терминологию Бодена (определение магии, магистратов и даже дьявола как инструмента Господа)³⁵, и его классификацию демонов³⁶. Как и французский демонолог, Яков был совершенно уверен в реальности колдовства³⁷ и в том, что среди адептов дьявола преобладают особы слабого пола³⁸. Он также полагал, что магические практики, к которым прибегают мужчины и женщины³⁹, разнятся – как разнятся и их отношения с Нечистым⁴⁰. Как следствие, он – вслед за своим главным авторитетом –

³³ Яков предуведомлял своих читателей, что не стал подробно описывать многообразные колдовские практики и ход следствия по конкретным делам, предлагая желающим изучить эти вопросы обратиться непосредственно к «Демономании колдунов»: "...and who likes to be curious in these thinges, he may reade, if he will here of their practises, BODINVS Dæmonomanie, collected with greater diligence, then written with judgement, together with their confessions, that have bene at this time apprehened" (*James I, King of England*. Op. cit. P. XV).

³⁴ Общее построение «Демонологии» было описано уже в предисловии: Ibid. P. XII–XIII. Форма диалога, которую избрал для своего сочинения король, также широко использовалась в демонологических трактатах континентальной Европы, например, в «Муравейнике» Иоганна Нидера, в «Защитнике дам» Мартина Ле Франка и в «Диалоге об опровержении магических искусств» Симфоньена Шампье.

³⁵ *James I, King of England*. Op. cit. P. XIV, 8, 24, 50–51, 75, 77.

³⁶ Ibid. P. 56–58.

³⁷ Как заявлял Яков уже в предисловии, причиной, по которой он взялся за перо, было желание доказать реальность колдовства и необходимость бороться с ним самыми жестокими мерами: "The fearefull aboundinge at this time in this countrie, of these detestable slaves of the Devill, the Witches or enchaunters, hath moved me (beloved reader) to dispatch in post, this following treatise of mine, not in any wise (as I protest) to serve for a shew of my learning and ingine, but onely (mooved of conscience) to preasse thereby, so farre as I can, to resolve the doubting harts of many; both that such assaultes of Sathan are most certainly practized, and that the instrumentes thereof, merits most severly to be punished" (Ibid. P. XI).

³⁸ "What can be the cause that there are twentie women given to that craft, where ther is one man? The reason is easie, for as that sexe is frailer then man is, so is it easier to be intrapped in these grosse snares of the Devill, as was over well proved to be true, by the Serpents deceiving of Eva at the beginning, which makes him the homelier with that sexe sensine" (Ibid. P. 43–44).

³⁹ "There are principallie two sortes, whereunto all the partes of that unhappie arte are redacted; whereof the one is called Magie or Necromancie, the other Sorcerie or Witchcraft" (Ibid. P. 7).

⁴⁰ "Surelie, the difference vulgare put betwixt them, is verrie merrie, and in a maner true; for they say, that the Witches ar servantes onelie, and slaves to the Devil; but the Necromanciers are his maisters and commanders" (Ibid. P. 9).

настаивал, что за различные виды колдовства полагается строго дифференцированное наказание⁴¹.

Однако наиболее пристальное внимание Яков Стюарт, как и полагалось монарху, уделял проблеме влияния членов ведовской секты на правителя и его окружение. Как и Жан Боден, он признавал, что и сам король, и его советники и судьи могут оказаться адептами дьявола⁴², что ведет к установлению тиранического правления во вверенной их заботам стране⁴³. В подтверждение своих слов – и вновь вслед за французским демонологом – он приводил истории Саула, обратившегося за помощью к ведьме, и египетского фараона, чьи жрецы, вступившие в спор с Моисеем, в действительности являлись настоящими колдунами⁴⁴. Таким образом, Яков приходил к тем же самым выводам, что и автор «Демономании»: магические «искусства», будучи порождением хаоса и дьявола⁴⁵, представляли собой одну из главных опасностей для королевства, дело спасения которого следовало рассматривать как прямую обязанность правителя⁴⁶.

⁴¹ "So they who ignorantly proves these practiques, which I cal the devilles rudiments, unknowing them to be bailes, casten out by him, for trapping such as God will permit to fall in his hands. This kinde of folkes I saie, no doubt, ar to be judged the best of, in respect they use no invocation nor help of him (by their knowledge at least) in these turnes, and so have never entred themselves in Sathans service" (Ibid. P. 15).

⁴² "...and as they deceive their schollers in this, so do they, in imprinting in them the opinion that there are so manie Princes, Dukes, and Kinges amongst them, everie one commanding fewer or mo Legions, and impyring in divers artes, and quarters of the earth" (Ibid. P. 21). См. также: Ibid. P. 75–76.

⁴³ "Secondlie it is plaine, where wicked Pharaohs wise-men imitated ane number of Moses miracles, to harden the tyrants heart there by. Thirdly, said not Samuell to Saull, that disobedience is as the sinne of Witch-craft?" (Ibid. P. 5, курсив мой – О.Т.). "...so by diverse waies use they their practises, answering to these meanes, which first the Devill, used as instrumentes in them; though al tending to one end: To wit, the enlarging of Sathans tyrannie, and crossing of the propagation of the Kingdome of CHRIST, so farre as lyeth in the possibilitie, either of the one or other sorte, or of the Devill their Master" (Ibid. P. 34, курсив мой – О.Т.).

⁴⁴ "...all these wise men of Pharaoh were Magicians of art: As likewise it appeares wel that the Pythonisse, with whom Saul consulted, was of that same profession: and so was Simon Magus. But yee omitted to speake of the Lawe of God, wherein are all Magicians, Divines, Enchanters, Sorcerers, Witches, and whatsover of that kinde that consultes with the Devill, plainelie prohibited, and alike threatned against. And besides that, she who had the Spirite of Python, in the Actes, whose Spirite was put to silence by the Apostle, could be no other thing but a verie Sorcerer or Witch" (Ibid. P. 29). См. также: Ibid. P. 22, 26, 28.

⁴⁵ "So all the rest falling away from God, are given over in the handes of the Devill that enemye, to beare his Image: and being once so given over, the greatest and the grossest impietie, is the pleasantest, and most delytefull unto them" (Ibid. P. 6).

⁴⁶ "If they be but apprehended and deteined by anie private person, upon other private respectes, their power no doubt either in escaping, or in doing hurte, is no lesse nor ever it was before. But if on the other parte, their apprehending and detention be by the lawfull Magistrate, upon the just respectes of their guiltinesse in that craft, their power is then no greater then before that ever they medled with their master. For where God

Все это, однако, не означало, что английский и шотландский король разделял абсолютно все идеи Жана Бодена. Так, он полагал, что метки дьявола могут оставаться только у женщин, тогда как мужчины договор с Нечистым вынуждены подписывать собственной кровью⁴⁷. В отличие от автора «Демономании», Яков не верил в существование оборотней⁴⁸, а инкубов и суккубов описывал как чистую экзотику, встречающуюся лишь на севере Европы⁴⁹. Выдумкой или, вернее, насланной демонами иллюзией полагал он и шабаш, следуя в этом вопросе традиции, заложенной канонем *Episcopi*⁵⁰.

Однако значительно более существенным было различие в подходах к судопроизводству в делах о колдовстве. Король, в отличие от своего континентального коллеги, не видел необходимости проявлять какое бы то ни было снисхождение к членам ведовских сект, предлагая наказывать любого из них по всей строгости закона⁵¹. При этом в позиции Якова со времени его участия в процессе 1590–1591 гг. в Норт-Берике произошли любопытные изменения. Если в материалах данного дела и в памфлете «Новости из Шотландии» речь шла исключительно об использовании пытки с целью получить признание обвиняемых⁵², то в «Демонологии» этот проверенный метод оказывался далеко не самым главным. Отныне король советовал делать ставку на показания других арестованных ведьм и колдунов⁵³.

Впрочем, сразу же оговаривался Яков, чаще всего подобные «свидетели» руководствовались в своих обвинениях слухами, а не достоверной информацией⁵⁴. А потому монарх предлагал два более надежных сред-

beginnes justlie to strike by his lawfull Lieutenentes, it is not in the Devilles power to defraude or bereave him of the office, or effect of his powerfull and revenging Scepter" (Ibid. P. 50–51).

⁴⁷ "One word onlie I omitted; concerning the forme of making of this contract, which is either written with the Magicians owne bloud: or else being agreed upon... touches him in some parte, though peradventure no marke remaine: as it doth with all Witches" (*James I, King of England. Op. cit. P. 23*).

⁴⁸ Ibid. P. 61.

⁴⁹ Ibid. P. 66–69.

⁵⁰ Ibid. 73–74. Возможно, впрочем, что данную традицию Яков воспринял опосредованно – например, через «Поликратик» Иоанна Солсберийского. См. выше: Глава I, прим. 62.

⁵¹ "No doubt, for as I said, speaking of Magie, the consulters, trusters in, over-seers, interteiners or sturrers up of these craftes-folkes, are equallie guiltie with themselves that are the practisers" (*James I, King of England. Op. cit. P. 78*).

⁵² Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 314, 318.

⁵³ "But in my opinion, since in a mater of treason against the Prince, barnes or wives, or never so diffamed persons, may of our law serve for sufficient witnesses and proofes. I thinke surely that by a far greater reason, such witnesses may be sufficient in matters of high treason against God. For who but Witches can be prooves, and so witnesses of the doings of Witches" (*James I, King of England. Op. cit. P. 79*).

⁵⁴ "And besides that, I think it hath ben seldome harde tell of, that any whome persones guiltie of that crime accused, as having knowen them to be their marrowes by eye-sight,

ства – поиски метки дьявола и ордалию холодной водой (*aqua frigida, judicium aquae*), т.е. так называемое плавание, когда человека, заподозренного в занятиях колдовством, связывали по рукам и ногам и на длинной веревке опускали в реку, запруду или какой-то иной водоем и наблюдали за его поведением. Если арестованный начинал тонуть, его признавали невиновным; в противном же случае несчастного ждала пытка, на которой от него добывались признательных показаний, и смертная казнь. Яков Стюарт писал:

«Существуют еще два достойных способа [дознания], которые могут быть использованы на их (ведовских – О.Т.) процессах. Один состоит в том, чтобы найти метку [дьявола] и испробовать ее чувствительность. Второй же [представляет собой] плавание в воде... Господь указал (в качестве сверхъестественного знака ужасающей нечестивости ведьм), что вода не примет их в свои глубины, которые бы [могли] смыть с них святую воду крещения, и откажет им в этой милости»⁵⁵.

Обращаясь к своим читателям, монарх выражал надежду, что его соображения окажутся полезными в деле борьбы с ведьмами и колдунами, и рекомендовал принять его «добрые пожелания» в сфере судопроизводства как руководство к действию⁵⁶. И хотя в результате реформ Генриха III (1207–1272) использование ордалий было запрещено Парламентом еще в 1219 г.⁵⁷, местные суды отнеслись к советам, содержащимся в королевской «Демонологии», весьма серьезно, о чем свидетельствуют многочисленные антиведовские памфлеты, издававшиеся в Англии и Шотландии с конца XVI вплоть до 30-х гг. XVIII в.

and not by hear-say” (Ibid. P. 80).

⁵⁵ “There are two other good helpes that may be used for their trial: the one is the finding of their marke, and the trying the insensiblenes thereof. The other is their fleeting on the water... God hath appoynted (for a super-naturall signe of the monstrous impietie of the Witches) that the water shal refuse to receive them in her bosom, that have shaken off them the sacred Water of Baptisme, and wilfullie refused the benefite thereof” (Ibid. P. 80–81). Важно отметить интересное противоречие, возникавшее на страницах «Демонологии»: будучи горячим приверженцем ордалии холодной водой и связывая ее действие с таинством крещения, Яков, тем не менее, крайне скептически отзывался о целебных свойствах святой воды в делах об одержимости. Данная позиция, безусловно, объяснялась вероисповеданием монарха, поскольку его критика была направлена против «папистов», т.е. против католиков, использующих этот метод в процедуре экзорцизма: Ibid. P. 17–18, 70–71.

⁵⁶ “And so wishing my pains in this Treatise (beloved Reader) to be effectual, in arming al them that reades the same, against these above mentioned erroours, and recommending my good will to thy friendly acceptation” (Ibid. P. XV).

⁵⁷ Blackstone W. Commentaries on the Law of England. Clark, 2007. T. 1. P. 1731–1732; Kerr M.H., Forsyth R.D., Pleyley M.J. Cold Water and Hot Iron: Trial by Ordeal in England // Journal of Interdisciplinary History. 1992. T. 22 (4). P. 573–595; Bartlett R. Trial by Fire and Water: The Medieval Judicial Ordeal. Oxford, 1986. P. 13–33.

До нас дошло около семидесяти подобных текстов, большинство из которых были анонимными, но основывались на материалах реальных ведовских процессов⁵⁸. Эти сочинения, которых исследователи часто именуют прообразом современных газет и журналов⁵⁹, могли носить сугубо информационный характер (т.е. кратко пересказывали детали одного или нескольких конкретных дел) или же касаться особенностей процедуры, представляя собой, таким образом, своеобразные инструкции для судей. В целом же, высокие тиражи и относительная дешевизна превращали антиведовские памфлеты в весьма популярное чтение для англичан самого разного социального статуса и достатка, тем более, если учесть, что в XVI–XVII вв. около 60% населения королевства являлись грамотными⁶⁰.

***

Одним из наиболее ярких свидетельств того, что «частное» мнение Якова Стюарта об ордалии холодной водой, высказанное им в «Демонологии», было воспринято как прямое руководство к действию, может служить анонимный памфлет 1612 г. «Ведьмы Нортгемптоншира», в котором, в частности, излагались детали процесса, возбужденного против некоего Артура Билла, жителя городка Рондс в графстве Нортгемптон. Молодой человек, славившийся, как сообщал автор, «порочной жизнью и дурной репутацией», обвинялся в том, что навел порчу на некую Марту Эспин, в результате чего она умерла⁶¹. А поскольку семейство Билл (т.е. сам Артур, а также его отец с матерью) было «всем известно» своей склонностью к занятиям колдовством, местный суд решил провести ордалию – «испытание, которое, как многие думают, никогда не подводит»: они связали всех троих по рукам и ногам и бросили в реку. Увидев, что никто из несчастных не тонет, но лишь «плавает на поверхности воды», чиновники пришли к единодушному мнению, что имеют дело с колдуна-

⁵⁸ Подробнее об антиведовских памфлетах как источниках по английской демонологии см.: *Rosen B. Witchcraft in England 1558–1618. Amherst, 1991; Gibson M. Reading Witchcraft: Stories of Early English Witches. L.; N.Y., 1999; Игуна Ю.Ф. Указ. соч. С. 144–181. Полный список памфлетов см.: Millar Ch.-R. Witchcraft, the Devil, and Emotion in Early Modern England. L.; N.Y., 2017. P. 187–198.*

⁵⁹ *Игуна Ю.Ф. Указ. соч. С. 146–148.*

⁶⁰ *Bennett H.S. English Books and Readers, 1475 to 1557. Cambridge, 1970. P. 28–37; Игуна Ю.Ф. Указ. соч. С. 147–150.*

⁶¹ “This Arthur Bill was accused that he should bewitch the body of one Martha Aspine alias Jeames, the daughter of one Edward Aspine of the same towne, to death. But this matter remaining doubtfull that it could not be cleerely tryed upon him, hee beeing strongly suspected before, by bewitching of divers kinds of cattle, to be guilty of that crime, And beeing also publicquely knowne to bee of an evill life and reputation, together with his father and mother” (*Anon. The Witches of Northamptonshire (1612) // Early Modern Witches. Witchcraft Cases in Contemporary Writing / Ed. by M. Gibson. L.; N.Y., 2000. P. 158–172, здесь P. 166).*

ми⁶². Их подозрения, бывшие до того момента «не слишком обоснованными», теперь оказались полностью подтвержденными⁶³.

Любопытно, однако, что, описывая данную процедуру, автор памфлета не просто следовал некоему общественному мнению относительно пользы ордалии. Он *дословно* цитировал текст «Демонологии» Якова Стюарта, хотя и не называл его по имени⁶⁴. Иными словами, он полностью оправдывал действия властей Рондса, подводя под них серьезную теоретическую базу и ссылаясь на самый высокий авторитет – мнение короля.

Не менее показательным являлся и памфлет 1613 г. «Опознанные ведьмы», в котором рассказывалась история матушки Саттон и ее дочери Мэри, проживавших в Милтоне (графство Бедфорд). Пользовавшиеся поначалу отменной репутацией у горожан⁶⁵, они утратили их доверие после внезапной кончины сына мастера Энгера, местного мельника. Расследование, предпринятое горожанами (без малейшего участия со стороны судебных властей), показало, что Генри Саттон, незаконнорожденный отпрыск Мэри, как-то раз развлекался, швыряя грязные камни в мельничную плотину, был пойман и получил пару оплеух от помощника мельника⁶⁶.

Именно это событие и послужило началом последующих несчастий в семье мастера Энгера. Поначалу ему никто не верил, и жители Милтона лишь смеялись над его рассказами⁶⁷, однако затем слухи поползли по всему Бедфордширу⁶⁸. В смерти мальчика обвинили Мэри Саттон, но прямых доказательств ее преступления не нашлось, и горожане реши-

⁶² “The Justices and other officers (thereby purposing to trie the said Arthur by an experiment that (many thinke) never failes) caused them all to bee bound, and their Thumbs and great Toes to bee tied acrossse, and so threw the father, mother and sonne, and none of them sunke, but all floated upon the water” (Ibid. P. 166–167).

⁶³ “These three, the Father, Mother and Sonne, beeing thus seene floating upon the water, the suspicion that was before not well grounded, was now confirmed” (Ibid. P. 167).

⁶⁴ “God hath appointed (for a supernaturall signe of the monstrous impiety of Witches) that the Element of water should refuse to receive them in her bosome, that have shaken from them the sacred water of Baptisme, and wilfully refused the benefit thereof by making that breach and fall from God in participating thus vildly with the Spirits of Beliall” (Ibid.). Ср.: прим. 55.

⁶⁵ “This widow Sutton having beene dwelling a long time in the foresaid, towne of Milton, and not suspected as then to have beene a practiser in this divellish exercise of witchcraft” (Anon. *Witches Apprehended* (1613) // *Early Modern Witches*. P. 266–275, здесь P. 268).

⁶⁶ “In the time of these aforesaid losses happened to Master Enger, one Henry Sutton, the bastard son of Mary Sutton... coming to play himselfe about the Mill damme, fell to throwing in of stones, dirt, and filth... he came to him, and giving him a little blow or two on the eare” (Ibid. P. 268–269).

⁶⁷ “As hee was coming to Towne, some wondered, all laughed” (Ibid. P. 270).

⁶⁸ “The report of this was carried up and downe all Bedford-shire, and this Marie Suttons wicked and lewde courses being rumored as well abroad” (Ibid. P. 273).

ли действовать иначе. Они отправились в дом предполагаемой ведьмы, схватили ее и отвели на мельницу, где самостоятельно провели *judicium aquae*, связав молодую женщину и пустив ее «поплавать» в реке⁶⁹. Поскольку обвиняемая не тонула, а покачивалась на воде «как дощечка» (*like a plante*), участники экзекуции препроводили ее к местному судье, и дело завершилось признательными показаниями матери и дочери Саттон и их казнью⁷⁰ (Илл. 22).

Если следовать *формальным* требованиям назначения любой ордалии, прибегать к подобному испытанию жители Милтона (как, впрочем, и судебные власти Рондса в Нортгемптоншире) не имели никакого права. Обратиться к Божьему суду мог предложить только сам подозреваемый и только после того, как против него подавалось официальное заявление в соответствующие инстанции⁷¹. Возможно, именно по этой причине автор «Опознанных ведьм» аргументировал подобное, не слишком легитимное решение своих героев ссылкой на совет, якобы полученный от некоего приятеля мастера Энгера, оказавшегося в Милтоне проездом⁷². Любопытно, что родом этот человек был с севера страны (о чем в тексте сообщалось отдельно⁷³) и теоретически мог знать об использовании «плавания» в Нортгемптоншире годом ранее. Если же знакомый мельника являлся чистой воды литературной выдумкой, его появление на страницах памфлета тем более интересно: ведь в повествование он вводился специально для того, чтобы оправдать применение ордалии.

Более того, как отмечала Мэрион Гибсон, сам автор памфлета всерьез рассматривал свое сочинение как *инструкцию*, как руководство к действию для будущих читателей. Не случайно в его название он вынес

⁶⁹ “The morrow after Master Enger road into the fields where Mary Sutton was, having some of his men to accompany him,... they assayed to binde her on horse-backe... and brought her home to his house, and shutting up his Mill gates... when being throwne in the first time shee sunke some two foote into the water with a fall, but rose againe, and floated upon the water like a planke” (Ibid. P. 274–275).

⁷⁰ “But for this matter of Master Enger at the last Assises... and the confessions severally taken both of old Mother Sutton and her daughter Mary, found them guiltie in al former objections. So that arraigned at Bedford on Munday the thirtieth of March last past, they had a just conviction, and on Tuesday the next day after they were executed” (Ibid. P. 275).

⁷¹ О правилах проведения Божьего суда в средневековой Европе см.: *Тогоева О.И.* Ордалия // *Православная энциклопедия*. Т. 53. М., 2019. С. 104–106.

⁷² “His friend... advised him to take them, or any one of them to his Mill damme..., and then binding their armes crosse, stripping them into their Smocks, and leaving their legges at libertie, throw them into the water, yet least they should not bee Witches, and that their lives might not be in danger of drowning, let there be a roape tyed about their middles, so long that it may reach from one side of your damme to the other, where on each side let one of your men stand, that if she chance to sinke they may draw her up and preserve her” (*Anon.* Witches Apprehended. P. 274).

⁷³ “There came a Gentleman a friend of his forth of the North, that travelling towards London sojourned with him all night” (Ibid.).

указание на проведение *judicium aquae* – как «наиболее надежного испытания»⁷⁴. И хотя имя Якова Стюарта вновь не фигурировало в тексте, высказанные им идеи, безусловно, лежали в основе памфлета.

Тем не менее, довольно скоро эти идеи были подвергнуты сомнению. Первым, насколько можно судить, с критикой «Демонологии» и предложенных в ней методов следствия выступил Уильям Перкинс (1558–1602), пуританин, получивший образование, а затем преподававший в Кембридже. Профессиональную карьеру он начал в должности тюремного священника, но благодаря своим многочисленным сочинениям, по авторитетности превосходившим в Англии труды Жана Кальвина (1509–1564), получил известность как один из самых влиятельных теологов⁷⁵.

В трактате «Рассуждение о нечестивом искусстве колдовства», впервые опубликованном в 1608 г., т.е. еще при жизни Якова Стюарта, а затем неоднократно переиздававшемся, Перкинс ясно давал понять, что единственным способом доказать виновность человека, подозреваемого в занятиях колдовством, является получение его признания на пытке (или «на нескольких сеансах пытки»)⁷⁶. Никакие виды ордалии – ни испытание каленым железом, ни поиски меток дьявола, ни «плавание» – для этих целей, с его точки зрения, не подходили, поскольку были «далеки от того, чтобы считаться достаточными доказательствами [вины]», и более всего сами напоминали колдовство⁷⁷.

⁷⁴ “Witches Apprehended, Examined and Executed, for notable villanies by them committed both by Land and Water. With a strange and *most true triall* how to know whether a woman be a Witch or not” (Ibid. P. 267, курсив мой – О.Т.). См. подробнее: Gibson M. Op. cit. P. 142–143.

⁷⁵ О Уильяме Перкинсе см.: Patterson W.B. William Perkins and the Making of a Protestant England. Oxford, 2014.

⁷⁶ “Touching the manner of Examination, there be two kinds of proceeding; either by a single Question, or by some Torture” (Perkins W. A Discourse of the Damned Art of Witchcraft. Cambridge, 1618. P. 643). Возможно, на столь жесткую позицию автора оказали влияние континентальные демонологические концепции – и прежде всего идеи Жана Бодена, который лично посетил Англию в 1581 г. Французский демонолог состоял в свите Франсуа Анжуйского и участвовал в переговорах о заключении брака между принцем и Елизаветой I. Известно, что Боден также встречался со знаменитым математиком и астрологом Джоном Ди и посетил Кембридж, где был приятно удивлен, узнав, какой популярностью пользуются в университете его «Шесть книг о государстве»: Couzinet M.-D. Op. cit. P. 242; Blair A. The Theater of Nature. Jean Bodin and Renaissance Science. Princeton, 1997. P. 11–12; Burgess G. Bodin in the English Revolution // The Reception of Bodin. P. 387–407. О знакомстве англичан с «Демонией колдунов» см. подробнее: Тогоева О.И. Жан Боден и английская демонология XVI–XVII вв. // ЭНЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111).

⁷⁷ “All these proofes are so farre from being sufficient, that some of them, if not all, are after a sort practises of Witchcraft, having in them no power or vertue to detect a Sorcerer, either by Gods ordinance in the creation, or by any speciall appointment since” (Perkins W. Op. cit. P. 643).

Впрочем, отмечал далее автор, первые два вида Божьего суда использовались лишь в давние времена, а потому и речь о них вести не стоит. Значительно более важным ему казалось принизить значение *judicium aquae*, которое по-прежнему применялось в английских судах на том основании, что ведьма, «заключив договор с дьяволом, отвергла таинство крещения, а потому между нею и водой возникло взаимное отчуждение»⁷⁸. Подобное утверждение, напрямую отсылавшее к процитированному выше пассажи из «Демонологии» Якова Стюарта⁷⁹, по мнению Уильяма Перкинса, не имело под собой оснований: «Не всякая вода является крещенской, но лишь та, что используется непосредственно во время крещения, ни до, ни после. Элемент, не использованный во время таинства, не [относится к] таинству, он вновь используется как обычно»⁸⁰. Таким образом, с точки зрения кембриджского теолога, единственным законным доказательством вины в любом ведовском процессе могло выступать лишь чистосердечное признание арестованного. Это же мнение разделяли и другие английские авторы, близкие к церковным и судебным кругам.

Одним из них был Джон Котта (1575?–1650?), еще один сторонник кальвинизма и выпускник Кембриджа, врач по образованию. В отличие от У. Перкинса, он, впрочем, покинул их общую *alma mater* и обосновался в уже знакомом нам Нортгемптоне, где пользовался покровительством сэра Уильяма Тейта, местного шерифа и члена парламента с 1614 г.⁸¹ В 1624 г. Котта опубликовал собственный труд, посвященный проблемам колдовства и ведению ведовских процессов, – «Непреложная истина и явная ведьма», в котором также подверг критике идеи короля⁸².

Не называя имя Якова Стюарта напрямую, автор отмечал: «Обычно считается», что вода не допускает в свои глубины предполагаемых ведьм⁸³, однако подобное явление следует отнести к природным, а не к сверхъестественным (т.е. к проявлению воли Господа), поскольку спо-

⁷⁸ “And yet to justify the casting of a Witch into the water, it is alledged, that having made a covenant with the devil, she hath renounced her Baptisms, and hereupon their growes an Antipathie, betweene her and water” (Ibid.).

⁷⁹ Сочинение У. Перкинса вышло посмертно. Тем не менее, совершенно очевидно, что он читал «Демонологию» Якова Стюарта в ее первом, эдинбургском издании 1597 г.

⁸⁰ “This allegation serves to no purpose: for all water is not the water of Baptisme, but that only which is used in the very act of Baptisme, and not before nor after. The element out of the use of the Sacrament, is no Sacrament, but returnes againe to his common use” (Ibid. P. 643–644).

⁸¹ О Джоне Котта см.: Burstein S.R. Demonology and Medicine in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Folklore. 1956. Vol. 67 (1). P. 16–33.

⁸² Cotta J. The Infalible True and Assured Witch or The Second Edition of the Tryall of Witch-Craft Shewing the Right and True Methode of the Discoverie. L., 1624.

⁸³ “It is vulgarly credited, that the casting of supposed Witches bound into the water, and the water refusing or not suffering them to sinke within her bosome or bowels, is an infalible detection that such are Witches” (Ibid. P. 127).

способность удержаться на поверхности водоема часто достигается при помощи различных трав и снадобий, а не при помощи дьявола⁸⁴. Если же «некоторые люди» продолжают настаивать, что в «плавании» предполагаемых ведьм и колдунов проявляется Божий промысел, отсылающий к таинству крещения, уместно задаться вопросом, почему во время евхаристии изо рта этих подозреваемых не вылетают вино и хлеб⁸⁵. Подобную «ордалию» также вполне можно было бы использовать в судебных целях, однако если ее не считают подходящим средством дознания, то и испытание холодной водой следует признать никуда не годным⁸⁶.

Столь же жесткую позицию по отношению к *judicium aquae* занимал Ричард Бернард (1568–1641), еще один кальвинист-пуританин и выпускник Кембриджа, с 1612 г. служивший священником в Баткомбе (графство Сомерсет)⁸⁷. В 1627 г. он опубликовал «Пособие для мировых судей», которое пользовалось огромным успехом: его переиздания последовали сразу же, в 1629 и 1630 гг.

Аргументация Р. Бернарда была близка системе доказательств «от противного», предложенной Джоном Котта. Его также интересовали различные «отвратительные» испытания, которым подвергают подозреваемых в занятиях колдовством людей: подсовывают им какую-нибудь вещь под порог дома или подкладывают ее под стул; сжигают кусочек одежды, принадлежащей жертве «ведьмы», дабы та мучилась от боли; сжигают с той же целью заболевшую скотину, и т.д.⁸⁸ Подобные «ордалии», по мнению автора, более всего напоминали «жертвоприношения

⁸⁴ “Those things which are naturall, necessarily and ever produce their effect... This Almighty God in his holy writ doth confirme, and long and aged experience of many hundreths of yeares hath successively witnessed, wherein the ancient records of all learned writers, have ever testified innumerable medicinal herbs and drugges, certainly and truely to bee ever the same” (Ibid. P. 129).

⁸⁵ “The reason why some men suppose it should be of God, is, for that the water is an element which is used in Baptisme, and therefore by the miraculous and extraordinary power of God, doth reject and refuse those who have renounced their vows and promise thereby, made unto God, of which sort are Witches. If this reason be sound and good, why should not Bread and Wine, being elements in that Sacrement of the Eucharist, be likewise noted and observed to turne backe, or fly away from the thraotes, mouthes, and teeth of Witches?” (Ibid. P. 131).

⁸⁶ “And why for that cause, should not Bread and Wine become as infallible markes and testimonies unto the detection of Witches? If the reason be good in the first, it must necessarily be the same in the second; and if it faile in the second, it cannot be good or sound in the first” (Ibid.).

⁸⁷ О Ричарде Бернарде см.: Narveson K.R. Richard Bernard // The Dictionary of Literary Biography. Vol. 281: British Rhetoricians and Logicians, 1500–1660. Detroit, 2003. P. 14–25.

⁸⁸ “To put something under the threshold, where the suspected goeth in, or under the stoole where he or she sitteth, and many such witchery tricks and illusions of Satan to be detested. To burne some cloathes in which the sicke party lyeth, for to torment the Witch; to burne part of the creature in paine; to burne alius one, to saue the rest” (Bernard R. A Guide to Grand Jury Men. L., 1629. P. 226).

дьяволу, которых истинным христианам следует гнушаться»⁸⁹. К ним же, с его точки зрения, относилась и ордалия холодной водой, которую «некоторые полагают законным [средством]» для поиска ведьм и колдунов⁹⁰.

В подтверждение своих слов Бернард ссылаясь на уже знакомое нам дело Мэри Саттон 1613 г., которое «справедливо подверг критике доктор Котта», считавший подобное расследование «противоестественным» и более похожим не на проявление Божьей воли, т.е. на чудо, но на происки дьявола⁹¹. Единственным же законным способом доказать обвинение в колдовстве, по мнению автора, могло стать лишь признание человека о заключении договора с Нечистым, без которого вынесение приговора оказывалось невозможно⁹².

***

Резкая критика правовых идей короля Якова, содержащаяся во всех упомянутых выше сочинениях, в действительности имела под собой глубоко религиозное основание. И Уильям Перкинс, и Джон Котта, и Ричард Бернард являлись *пуританами*, т.е. последователями кальвинизма, которых очень многое не устраивало в политике первого английского правителя из династии Стюартов. Как и члены Парламента, они возражали против проекта брака наследника престола Карла с испанской инфантой, что привело бы к союзу с католиками накануне вступления страны в Тридцатилетнюю войну⁹³. Еще большее их недовольство вызывало усиление в яacobинской Англии арминиан – представителей протестантизма, ратующих за решающую роль свободы воли человека в деле его спасения в противовес кальвинистской доктрине предопределения⁹⁴.

⁸⁹ "These are execrable sacrifices made to the divell, to be abhorred of all true Christians" (Ibid.).

⁹⁰ "Some think it lawfull to try one suspected, by casting him or her into the water, and binde their armes acrossse: and if they sinke not, but doe swim, then to be iudged Witches" (Ibid.).

⁹¹ "But Doctor Cotta doth by many reasons, dissuade from this tryall, as not naturall, nor according to reason in nature, and therefore must come from some other power, but not of God: for that were a miracle, which wee are not now to expect from God, and therefore this strange worke is from the Diuell" (Ibid. P. 227).

⁹² "To convict any one of witchcraft, is to prove a league made with the Deuil. In this only act standeth the very reality of a Witch; without which neither she nor he (howsoever suspected and great shoves of probability concurring) are not to bee condemned for witches" (Ibid. P. 229).

⁹³ Croft P. King James. Basingstoke; N.Y., 2003. P. 118–121; Willson D.H. King James VI and I. L., 1963. P. 243, 423, 431–435.

⁹⁴ Подробнее об этом противостоянии см.: Atherton I., Como D. The Burning of Edward Wightman: Puritanism, Prelacy and the Politics of Heresy in Early Modern England // English Historical Review. 2006. Vol. 120 (489). P. 1215–1250; Pinson J.M. Will the Real Arminius Please Stand Up? A Study of the Theology of Jacobus Arminius in Light of His Interpreters // A Journal of Christian Thought. 2003. T. 2. P. 121–139; Willson D.H. Op. cit. P. 240–241.

Наконец, именно пуритане выступали за реформу англиканской церкви, желая полностью очистить ее от влияния католических идей и, в частности, от проповеди божественной природы королевской власти⁹⁵.

Что же касается влияния этих религиозных кругов на развитие английского судопроизводства, то его, как представляется, еще предстоит оценить по достоинству. Однако, можно со всей определенностью утверждать, что заочное противостояние между Яковом Стюартом и пуританами по этим вопросам продолжилось и после смерти короля, о чем свидетельствует трактат Ричарда Бернарда. Скептицизм, присущий упомянутым выше авторам в трактовке природы ордалии и логично протекавший из их сомнений относительно самого концепта божественного чуда, их призыв обращаться при расследовании дел о колдовстве к более рациональной системе доказательств были, как кажется, восприняты многими английскими судьями. В дошедших до нас антиведовских памфлетах 1620–1640-х гг. мы практически не находим описаний процессов, где применялась бы ордалия холодной водой.

Возможно, последним случаем, когда это испытание было проведено на законных основаниях, стало дело из Фавершама (графство Кент), завершившееся 29 сентября 1645 г. Здесь «плаванию» оказалась подвергнута некая Джейн Хотт, которая была настолько уверена в своей невиновности, что *сама* (как, впрочем, и следовало поступать при Божьем суде) предложила судьям испытать ее, уверяя, что она «обязательно утонет». Тем не менее, ее предсказание не сбылось, и Джейн была приговорена к смерти вместе со своими товарками по несчастью⁹⁶. Любопытно, однако, что анонимный автор, дабы подчеркнуть бессмысленность подобного доказательства вины, вводил в повествование фигуру дьявола – весьма редкого персонажа для английских антиведовских памфлетов XVII в.⁹⁷ Именно он, как якобы признавалась Джейн Хотт, подговорил ее потребовать проведения *judicium aquae*, а потом, «сидя на перекладине моста, смеялся над ней»⁹⁸.

⁹⁵ Webster T. Early Stuart Puritanism // The Cambridge Companion to Puritanism. Cambridge, 2008. P. 48–66; Durston Ch., Eales J. Introduction: The Puritan Ethos, 1560–1700 // The Culture of English Puritanism, 1560–1700. L., 1996. P. 1–31. Я благодарна А.Ю. Серегинной за консультации по этим вопросам.

⁹⁶ “And stood to it very perversely that she was cleare of any such thing, and that if they put her into the Water to try her she should certainly sinke. But when she was put into the Water and it was apparent that she did flote upon the water...” (Anon. The examination, confession, triall, and execution, of Joane Williford, Joan Cariden, and Jane Hott. L., 1645. P. 4).

⁹⁷ Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.: СПб., 2020. С. 205–220.

⁹⁸ “To whom she answered, That the Divell went with her all the way, and told her that she should sinke; but when she was in the Water he sate upon a Crosse-beame and laughed at her. These three were executed on Munday last” (Anon. The examination, confession, triall. P. 4).

Так или иначе, но в декабре 1645 г., в разгар Первой гражданской войны (1642–1646), полностью игнорируя давние рекомендации Якова Стюарта в сфере судопроизводства и сосредоточив свои усилия на борьбе с королевской властью в целом, Парламент запретил использование «плавания» в делах о колдовстве⁹⁹. Казалось бы, здравый смысл восторжествовал, и явно устаревшие методы борьбы с засильем ведьм и колдунов в Английском королевстве канули в лету. Тем не менее, заочные споры по этому вопросу между лондонскими юристами и судьями на местах продолжались еще несколько лет.

Свидетельством тому могут служить трактаты так называемых охотников на ведьм (*witch-finders*) – Мэтью Хопкинса (1619/1620–1647) и Джона Стерна († 1670), организовавших одно из самых крупных преследований людей, подозревавшихся в занятиях колдовством, в Эссексе, Саффолке и Норфолке¹⁰⁰. Пик их активности пришелся на 1645–1647 гг., когда арестованными оказались около двухсот человек, из которых 88 были казнены или умерли в тюрьме. Исследователи не без оснований полагают, что данная охота на ведьм стала одной из самых крупных в английской истории¹⁰¹.

Парадокс ситуации заключался в том, что Хопкинс и Стерн являлись пуританами¹⁰², однако не разделяли рационализма своих братьев по вере. Они не только широко применяли *judicium aquae*, но и всячески отстаивали собственные взгляды на судопроизводство, прямо ссылаясь на «Демонологию» Якова Стюарта. Их чрезмерное рвение привело в результате к тому, что против них самих были выдвинуты обвинения в превышении должностных полномочий.

Жалобы на используемые охотниками на ведьм методы следствия достигли в конце концов Парламента, который в августе 1645 г. распорядился отправить специальную комиссию, состоявшую из судей по ассизам (*Commission of Oyer and Termoner*)¹⁰³, в городок Бери-Сент-Эдмундс

⁹⁹ Cabell C. Witchfinder General. The Biography of Matthew Hopkins. Gloucestershire, 2006. P. 22; Early Modern Witches. P. 54, 56.

¹⁰⁰ Мэтью Хопкинс и Джон Стерн были не единственными охотниками на ведьм, которых знала Англия раннего Нового времени. В конце XVI в. в Эссексе действовал коллега наших героев Брайан Дарси. В 1612 г. в Ланкашире имелся свой охотник – Роджер Ноуэли, а в 1665 г. в Сомерсете слежку вел Роберт Хант. Подробнее см.: Maxwell-Stuart P.G. Witch Hunters. Professional Prickers, Unwitchers and Witch Finders of the Renaissance. Stroud, 2003.

¹⁰¹ Подробнее о ней см.: Gaskill M. Witchfinders. A Seventeenth-Century English Tragedy. L., 2005; Sharpe J. The Devil in East Anglia: the Matthew Hopkins trials reconsidered // Witchcraft in Early Modern Europe. Studies in Culture and belief / Ed. by J. Barry, M. Hester, G. Roberts. Cambridge, 1996. P. 237–255.

¹⁰² Davis S.F. Introduction // The Discovery of Witches and Witchcraft. The writings of witchfinders Matthew Hopkins and John Stearne / Ed. by S.F. Davis. L., 2007. P. VII–XX, здесь P. X–XII.

¹⁰³ Судьи по ассизам – светские судьи, в ведении которых и находились дела о колдовстве. Название комиссии – *Commission of Oyer and Termoner* – изначально

в Саффолке, где находились в то время Хопкинс и Стерн и где они приговорили к смерти шестнадцать из восемнадцати обвиняемых в колдовстве. Парламентский листок *Moderate Intelligencer* от 4–11 сентября 1645 г. выражал озабоченность столь высокими цифрами казненных¹⁰⁴. Очевидно, что именно эти события и послужили поводом для появления упомянутого выше указа Парламента о полном запрете использования *judicium aquae*, однако история Мэтью Хопкинса и Джона Стерна на этом не закончилась.

Масла в огонь подлил опубликованный в 1646 г. памфлет Джона Голя (1603?–1687), пуританина и последователя Уильяма Перкинса¹⁰⁵, главного оппонента М. Хопкинса, утверждавшего, что количество «подлинных ведьм» не столь велико, чтобы каждый раз посылать ради них за охотниками¹⁰⁶, поскольку те не просто ведут слежку за подозреваемыми, но претендуют на безошибочность, «присваивают себе чудесную силу Господа, или Христа, или проповедуемого Евангелия»¹⁰⁷.

Таким образом, в 1647 г. Мэтью Хопкинс был вынужден защищаться от вполне серьезных обвинений, выдвинутых против него уже в суде по ассизам Норфолка. Его трактат «Ответы на некоторые вопросы» представлял собой, собственно, короткие ответы на претензии, сформулированные следствием, одной из которых стало использование «отвратительного, бесчеловечного и беспощадного испытания... водой», что «не допустимо ни согласно закону, ни согласно разуму»¹⁰⁸. В свое оправдание Хопкинс ссылаясь ни на что иное, как на уже знакомый нам пассаж из «Демонологии» короля Якова¹⁰⁹.

Джон Стерн, являвшийся помощником Хопкинса в его борьбе с английскими ведьмами, пришел на помощь коллеге и в 1648 г. также опубликовал трактат в защиту применяемых ими методов дознания. Его

было заимствовано из французского права и буквально означает «Выслушать и постановить».

¹⁰⁴ Notestein W. A History of Witchcraft in England from 1558 to 1718. N.Y., 1965. P. 178.

¹⁰⁵ Burns W.E. Witch Hunts in Europe and America. Westport; L., 2003. P. 231.

¹⁰⁶ "This suspicion, though it bee but late, of a few, and those the under sort, yet is it enough to send for the Witch-searchers" (*Gaule J. Selecte Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft. L., 1646. P. 5*).

¹⁰⁷ "The Country people talke already, and that more frequently, of the infallible and wonderfull power of the Witchfinders; then they doe of God, or Christ, or the Gospell preached" (*Ibid. P. 93*).

¹⁰⁸ "But there hath been an abominable, inhumane, and unmercifull tryall of these poore creatures, by tying them, and heaving them into the water; a tryall non allowable by Law or conscience" (*Hopkins M. Certaine Queries answered, which have been and are likely to be objected against Matthew Hopkins, in his way of finding out Witches // The Discovery of Witches and Witchcraft. P. 3–8, здесь P. 5*).

¹⁰⁹ "King James in his *Demonology* saith, it is a certain rule, for (saith he) Witches deny their baptisme when they Covenant with the Devill, water being the sole element thereof, and therefore saith he, when they be heaved into the water, the water refuseth to receive them into her bosome... and suffers them to float" (*Ibid. P. 6*).

сочинение оказалось более пространным, а потому в нем нашлось место для развернутой аргументации действий охотников на ведьм. Стерн заявлял, что *рациональные* следственные мероприятия и особенно допрос свидетелей часто оказываются недостаточными, поскольку этими людьми могут двигать месть или ненависть, а слова и поступки обвиняемых бывают поняты неправильно¹¹⁰. Он признавал, что в таком же положении судьи иногда оказываются и после проведения ордалий, а потому они не должны использоваться в качестве *доказательств* вины, поскольку это незаконно (*unlawfull*). Однако, они совершенно легальны в качестве способа упрочить *подозрения* окружающих и основания для принятия решения о пытке¹¹¹. В подтверждение своих слов Джон Стерн приводил дело некой Элизабет Кларк из города Мэннигтри в Эссексе¹¹², которую он подверг процедуре плавания, а затем арестовал. Любопытно, что женщина угрожала напустить на охотника одного из своих фамилиаров, дабы тот отомстил за хозяйку, подвергшуюся уже, очевидно, запрещенной официально ордалии¹¹³.

Сложно сказать, насколько система аргументации, предложенная Мэтью Хопкинсом и Джоном Стерном, убедила их противников, однако слушания по превышению ими должностных полномочий никаких серьезных последствий для них лично не имели¹¹⁴. Тем не менее, вероятно, именно с этих событий и следует отсчитывать время окончательного отказа от Божьего суда в английских ведовских процессах: эпизодически «плавание» еще упоминалось в источниках, однако преимущественно в негативном ключе. Так, в 1716 г. к ордалии холодной водой прибегнул некий Джон Динли в графстве Ворчестер, однако результаты его деятельности оказались поставлены под сомнение, поскольку выяснилось, что Динли был мертвецки пьян и сразу же после проведения испытания отправился купаться голышом в той же запруде¹¹⁵. В 1751 г. *judicium aquae* проводилось в Тринге (Хертфордшир), и в результате один из участни-

¹¹⁰ "Witnesses may faigne their accusations out of malice, being transported with rage and uncharitableness, and desire of revenge... Some for words, or deeds, taken in the worst sense" (Stearne J. A Confirmation and Discovery of Witch Craft // The Discovery of Witches and Witchcraft. P. 9–50, здесь P. 33–34).

¹¹¹ "Yet to proceed as I have said, I cannot deny, but those may be just grounds of suspicion, and cause of questioning them, but not alwayes certaine" (Ibid. P. 34).

¹¹² Магистраты именно этого города в 1645 г. первыми обратились к М. Хопкинсу и Дж. Стерну с предложением начать в графстве поиски людей, занимающихся колдовством. Это обстоятельство дает возможность датировать дело Элизабет Кларк примерно 1646–1647 гг.

¹¹³ "...she answered that they came double in severall shapes, but said, one was still to come, which was to teare mee in peeces, then I asked her why, she said, because I would have swome her, and told me that now shee would bee even with mee" (Ibid. P. 22).

¹¹⁴ Davis S.F. Op. cit. P. XIV–XV.

¹¹⁵ New Perspectives on Witchcraft / Ed. by B.P. Levack. T. 4. L.; N.Y., 2001. P. 143.

ков экзекуции оказался повешен за убийство женщины, несправедливо обвиненной в колдовстве¹¹⁶.

Таким образом, история активного использования *judicium aquae* в Английском королевстве, начавшаяся с трактата Якова Стюарта, завершилась полным отказом от идей, высказанных в его «Демонологии». В противостоянии двух точек зрения на расследование дел о колдовстве победил Парламент, опиравшийся на мнение просвещенных рационалистов, возможно, испытывавших к своему правителю личную неприязнь, замешанную на религиозных чувствах. И все же некоторые особенности судопроизводства, которых не знала континентальная Европа, но о которых писал английский и шотландский монарх, сохранялись на Британских островах на протяжении веков, позволяя участвовать в преследовании предполагаемых ведьм и колдунов практически всем подданным двух королевств. Речь шла о весьма специфической процедуре «наблюдения», к рассмотрению которой мы теперь и обратимся.

¹¹⁶ Игина Ю. Ф. Указ. соч. С. 118.

ГЛАВА 9

Суд – дело каждого?

В 1647 г. в Лондоне был издан короткий трактат «Ответы на некоторые вопросы». Его автором стал уже знакомый нам Мэтью Хопкинс, сын пуританского викария из Саффолка и генеральный охотник на ведьм (*Witchfinder General*), как он сам себя именовал. Пик его деятельности, как я уже упоминала, пришелся на 1645–1647 гг., когда Хопкинс в компании с Джоном Стерном сумел арестовать и привести к суду около 200 человек, подозреваемых в занятиях колдовством. Тем не менее, на публикацию собственного сочинения печально знаменитого охотника на ведьм подвигло отнюдь не желание похвастаться успехами или передать профессиональный опыт молодым коллегам: под конец жизни¹ он сам оказался под следствием, в ходе которого был обвинен в превышении должностных полномочий². Преступление Хопкинса заключалось в излишнем усердии, с которым он добивался признательных показаний от своих жертв, иными словами – в применении не только разнообразных ордалий, но и пыток в ходе следствия, что к середине XVII в. в Английском королевстве было официально запрещено³.

¹ В 1647 г. Мэтью Хопкинс скоропостижно скончался от туберкулеза в возрасте 27 лет.

² Обвинение настаивало, что Хопкинс сам являлся колдуном и получил от дьявола некую книгу, где были перечислены имена всех английских ведьм. Иначе, как полагали судьи, невозможно было бы раскрыть столько дел о колдовстве: “That he must needs be the greatest Witch, Sorcerer, and Wizzard himselfe, else he could not doe it... If he never went so farre as is before mentioned, yet for certaine he met with the Devill, and cheated him of his Booke, wherein were written all the Witches names in England” (*Hopkins M. Op. cit. P. 3*). Та же самая «черная книга» упоминалась и в материалах дела из Норт-Берика 1590–1591 гг. Согласно показаниям обвиняемых, сверяясь с ней, дьявол производил переключку своих «верных слуг», собравшихся на шабаше: “And having a black book in his hand, called on every one of them, desiring them all to be good servants to him and he should be a good master to them, and they should have enough and never want for” (*Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 257*, показания Барбары Напье); “The devil start up himself in the pulpit, like a mickle black man and called every man by his name, and every one answered, ‘Here, master!’” (*Ibid. P. 244*, показания Агнес Сэмпсон). Обвинение Мэтью Хопкинса породило затем слухи о том, что генеральный охотник на ведьм был подвергнут «плаванию», хотя к тому моменту подобная ордалия была уже официально запрещена в Англии: *Cabell C. Op. cit. P. 74*.

³ На этот запрет ссылался и сам Мэтью Хопкинс, утверждая, что он его не нарушал: “He utterly denies a confession of a Witch, which is drawn from her by flattery...”

В свое оправдание генеральный охотник заявлял, что его действия никак не могут быть классифицированы как нелегитимные, поскольку к физическому насилию в своей работе он не прибегал. Процедура, которую он использовал, по его словам, носила совершенно иное название – *the watching*, т.е. «наблюдение» за подозреваемыми, будь то в повседневной жизни или уже в тюрьме⁴.

Подробнее об этой интересной особенности английского судопроизводства мы узнаем из трактата Джона Стерна, помощника Мэтью Хопкинса. Именно он в 1645 г. получил от магистратов города Мэннигтри предложение начать в графстве Саффолк поиски людей, занимавшихся колдовством. Он же пришел на помощь своему коллеге, попытавшись также доказать, что действия охотников на ведьм являлись абсолютно законными.

В отличие от Хопкинса, который явно торопился, составляя ответы на вопросы судей⁵, Джон Стерн сочинил весьма обстоятельный трактат, посвященный как событиям недавнего прошлого, так и «теоретическим» вопросам демонологии. С его точки зрения, *the watching* являлось практически обязательным этапом следствия в делах о колдовстве. Речь при этом шла отнюдь не о доносах или свидетельских показаниях, как то было принято в континентальной Европе⁶, но о совершенно особой *парасудебной* процедуре, направленной на сбор предварительной информации о том или ином человеке и осуществляемой не судебными чиновниками, а рядовыми гражданами, к которым относились и сами охотники на ведьм.

Впрочем, ни Мэтью Хопкинса, ни Джона Стерна нельзя было назвать новаторами в сфере английского судопроизводства, поскольку

He utterly denyes a confession of a Witch, when she confesseth any improbability, impossibility... He utterly denyes a confession of a Witch, when it is interrogated to her, and words put into her mouth, to be of any force or effect" (*Hopkins M. Op. cit. P. 6–7*).

⁴ "He utterly denyes that confession of a Witch to be of any validity, when it is drawn from her by any torture or violence whatsoever; although *after watching, walking, or swimming*, diverse have suffered, yet paradvantage Magistrates with much care and diligence did solely and fully examine them after sleep, and consideration sufficient" (*Ibid. P. 6*, курсив мой – О.Т.).

⁵ С.Ф. Дэвис, издатель трактата М. Хопкинса, полагал, что либо автор не посчитал необходимым подробно отвечать на вопросы судей, либо он понимал, что дни его сочтены, а потому спешил представить публике свои аргументы: *Davis S.F. Op. cit. P. XX*.

⁶ О способах возбуждения дел о колдовстве в континентальной Европе см., в частности: *Gauvard C. Renommée d'être sorcières: quatre femmes devant le prévôt de Paris en 1390–1391 // Milieux naturels, espaces sociaux: Etudes offertes à Robert Delort. P., 1997. P. 703–716* (русский перевод: Говар К. Прослывшие ведьмами: четыре женщины, осужденные прево Парижа в 1390–1391 годы // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 3. М., 2000. С. 221–236); *Gauvard C. Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Ed. par J. Kerhervé et A. Rigaudière. P., 1999. Vol. 1. P. 85–111*.

вопрос о необходимости «наблюдения» поднимался уже в конце XVI в. Так, в анонимном памфлете «Раскрытие ужасающих дел [о колдовстве]» 1579 г. специально подчеркивалось, что *the watching* – совсем не то же самое, что поиск вещественных улик, оценка репутации подозреваемого или сбор предварительной информации самими судьями⁷. О существенной разнице, имеющейся между предварительным опросом местных жителей и свидетельскими показаниями, полученными уже в ходе процесса, сообщалось также в памфлете «Задержание и признание трех отъявленных ведьм» 1589 г.⁸ А Ричард Галис в своем «Коротком трактате» 1579 г. прямо заявлял, что «наблюдение» должно вестись прежде всего за повседневной жизнью предполагаемых ведьм или колдунов, дабы понимать, «как и на что они живут, кому служат и как проводят время»⁹. Подобные сведения могли стать первым прямым доказательством вины того или иного подозреваемого и предоставляли законную возможность арестовать его, заключить в тюрьму и пытаться, добиваясь признания¹⁰.

Впрочем, согласно Джону Стерну, процедура *watching* включала в себя два разных «уровня». Первый из них действительно представлял собой негласное наблюдение. Охотники на ведьм прибывали в тот или иной город и жили в нем некоторое время, оценивая поведение окружающих (всех или кого-то конкретно): их манеру общения с соседями, круг знакомств, профессиональные занятия и досуг, отношения в семье¹¹ и черты

⁷ “If therefore thou be assured that by neighbour, either in bodie, familie, or gooddes is impaired by damnable witchcrafte, or perceivest by information, or other wise ought of such devises” (*Anon. A Detection of damnable driftes* (1579) // *Early Modern Witches*. P. 41–49, здесь P. 42).

⁸ “...according to the coppies both of the offendours confession by examination, and their accusations regestred” (*Anon. The Apprehension and confession of three notorious Witches* (1589) // *Early Modern Witches*. P. 129–137, здесь P. 131). Ср. с рассказом о процессе 1582 г. над группой ведьм и колдунов из Эссекса, целиком выстроенном на показаниях свидетелей: *W.W. A true and just Recorde* (1582) // *Early Modern Witches*. P. 72–124.

⁹ “[...] how and after what sorte they lived, whome they served and how they had employed their time” (*Galis R. A brief treatise* (1579) // *Early Modern Witches*. P. 50–71, здесь P. 62).

¹⁰ Мэтью Хопкинс специально оговаривал в своих «Ответах», что прежде всего следует провести процедуру «наблюдения» за предполагаемой ведьмой, осмотреть ее саму, обыскать ее дом и только после этого переходить к допросам в суде: “Yes, in brief he will declare what confession of a Witch is of validity and force in his judgement, to hang a Witch. When a Witch is first found with teats, then sequestered from her house,... and then without any of the before-mentioned hard usages or questions put to her, doth of her own accord declare what was the occasion of the Devils appearing to her” (*Hopkins M. Op. cit.* P. 7).

¹¹ Подразумевалось, что ведьма или колдун могли унаследовать свое преступное ремесло от старших родственников. См., к примеру: “And beeing also publicly knowne to bee of an evil life and reputation, together with his father and mother” (*Anon. The Witches of Northamptonshire*. P. 166); “She confesses that she learned her skill and her prayer from her father who told her that if her prayer stopped the patient

характера, которые могли бы навести на подозрения в занятиях колдовством¹². Рекомендовалось также завести знакомство с этими людьми и/или под благовидным предлогом проникнуть в их дома и произвести их тайный осмотр¹³.

Если подозрения охотников на ведьм подтверждались, наступал второй этап *watching* – круглосуточное наблюдение за подозреваемыми после их ареста и помещения в тюрьму¹⁴. Здесь в ход шли уже совсем иные методы: запрет на сон, еду и питье¹⁵, связывание по рукам и ногам, лишение возможности присесть или принуждение к бегу по камере без остановки. Мэтью Хопкинс, к примеру, так описывал один из процессов 1644 г. в Мэннигтри (Эссекс), в которых он принимал участие: «По просьбе суда они не давали ей спать две или три ночи, ожидая, что в это время к ней явятся ее фамилиары»¹⁶. В другой раз с той же целью «наблюдатели» заставили свою жертву ходить без остановки по камере на протяжении всей ночи, не давая ей ни минуты отдыха¹⁷. Таким образом, все перечисленные выше действия предпринимались не для того, чтобы силой выбить из предполагаемых ведьмы или колдуна признавательные показания, но чтобы заставить их вызвать себе на помощь своих домашних духов (*Familiars* или *Imps*)¹⁸ (Илл. 23).

Фамилиары являлись еще одной особенностью островной демонологии раннего Нового времени; континентальная Европа не была с ними знакома. Английские же авторы полагали, что человек, занимающийся колдовством, творит свои преступления при помощи личных помощников, обычно принимающих облик животных¹⁹. Связь фамилиаров с дьяволом и, как следствие, их демоническая природа далеко не всегда пола-

---

would die; if it stopped not he would live” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 143, показания Агнес Сэмпсон).

¹² Stearne J. Op. cit. P. 20–22.

¹³ Обыск мог быть проведен и самими судебными чиновниками: Anon. The severall factes of Witch-crafte (1585) // Early Modern Witches. P. 125–128, здесь P. 128; Anon. The severall practises of Johane Harrison and her daughter (1606) // Early Modern Witches. P. 151–157, здесь P. 152–153.

¹⁴ “...keepe her 24. hours with a diligent eye” (Hopkins M. Op. cit. P. 4).

¹⁵ “But you watched them, and kept them from meat, drinke, or rest, and so made them say what you would” (Stearne J. Op. cit. P. 21).

¹⁶ “So upon command from the Justice, they were to keep her from sleep two or three nights, expecting in that time to see her familiars” (Hopkins M. Op. cit. P. 3).

¹⁷ “It was in the same beginning of this discovery, and the meaning of walking them at the highest extent of cruelty, was only they to walke about themselves the night they were watched, only to keepe them walking” (Ibid. P. 5).

¹⁸ “For the watching, it is not to use violence, or extremity to force them to confesse, but onely the keeping is, first, to see whether any of their spirits, or familiars come to or meere them” (Stearne J. Op. cit. P. 21).

¹⁹ Valetta F. Witchcraft, Magic and Superstition in England, 1640–1670. L., 2000. P. 27–60; Millar Ch.-R. Op. cit. P. 48–115.

гались обязательным условием их присутствия в жизни людей²⁰, однако само их наличие было для окружающих верным признаком того, что их хозяева являются членами ведовской секты.

Как следствие, если в ходе «наблюдения», проводимого в тюрьме, устанавливалось наличие фамилиаров в камере заключенного, оно рассматривалось как законный повод для назначения пытки. Если же духи оставались невидимыми, они, как считалось, оставляли на теле своего хозяина весьма характерные отметины (царапины, синяки, укусы и т.д.), что также свидетельствовало о виновности подозреваемого²¹. Вот почему арестованные старались ни в коем случае не допустить появления духов рядом с собой. Так, в анонимном памфлете «Истинное и удивительное заключение» 1579 г. рассказывалось о деле некой Элизабет Стил из Виндзора, которая в ходе допросов призналась, что «как только она оказалась... в тюрьме, ее Банни, или фамилиар, пришел к ней в облике черной кошки и мог бы помочь опознать ее, но она прогнала его, надеясь на спасение»²². В памфлете Томаса Поттса «Удивительное разоблачение ведьм» 1612 г. сообщалось как раз о такой ситуации: фамилиар старухи Чэттокс по имени Фэнси появился именно в тот момент, когда она предстала перед судьями, «чтобы обвинить ее»²³. А Мэтью Хопкинс со знанием дела заявлял, что приезд охотника на ведьм в любой город вызывал настоящую панику среди его будущих жертв. Заслышав о его приближении, они пытались сбуть с рук своих фамилиаров, передавая их на время знакомым, родственникам и даже собственным малым детям²⁴. На этом

²⁰ Данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных в современной историографии. Подробнее см.: *Sharpe J. Witchcraft in Early Modern England*. Harlow, 2001. P. 10–14, 16–21; *Johnstone N. The Devil and Demonism in Early Modern England*. Cambridge, 2006. P. 9–21; *Millar Ch.-R. Op. cit.* P. 48–60. На русском языке: *Игина Ю.Ф.* Указ. соч. С. 211–243; *Она же.* Изображая ведьму: иконография ведьм в английской памфлетной литературе раннего Нового времени // *Одиссей. Человек в истории* – 2010/2011. М., 2012. С. 199–241; *Серегина А.Ю.* Указ. соч. С. 205–220.

²¹ *Stearne J. Op. cit.* P. 21–22.

²² “...as she came with Jhon Brome who brought her to the Gaile, her Bunne or Familiar came to her in the likenesse of a black Catte, and would have had her awaie, but she banished hym, hoping for favour” (*Anon. A Rehearsall both straung and true* (1579) // *Early Modern Witches*. P. 33–40, здесь P. 39).

²³ “Which was about the very day the Witches of the Forrest of Pendle were sent to Lancaster. Now was the time for the Seminarie to instruct, accuse, and call into question these poore women: for the wrinkles of an old wives face is good evidence to the Jurie against a Witch... But old Chattox had Fancie, besides her withered face, to accuse her” (*Potts T. The Wonderfull Discoverie of Witches* (1612) // *Early Modern Witches*. P. 173–265, здесь P. 224). Подробнее о Томасе Поттсе и связи его памфлета с «Демонологией» Якова Стюарта см.: *Pumfrey S. Potts, plots and politics: James I's Demonologie and The Wonderfull Discoverie of Witches* // *The Lancashire Witches. Histories and Stories* / Ed. by R. Poole. Manchester, 2002. P. 22–41.

²⁴ “...as if a Witch hear a month or two before that the Witch-finder (as they call him) is comming, they will, and have put out their Imps to others to suckle them, even to their

фоне весьма забавно смотрелся пассаж из памфлета «Ведьмы Нортгемптоншира» 1612 г., рассказывавший об Агнес Браун, Рэтрин (sic!) Гардинер и Джоан Лукас, разъезжавших ночью по городу на огромной свинье, что не могло остаться незамеченным окружающими и послужило поводом для их последующего ареста²⁵ (Илл. 24).

Как уже отмечалось выше, континентальная Европа не знала подобных тонкостей уголовного судопроизводства, а потому английская практика является одним из наиболее востребованных сюжетов в современной историографии. Речь в этих исследованиях ведется преимущественно о деятельности самих охотников на ведьм, однако сочинения Мэтью Хопкинса и Джона Стерна, как, впрочем, и антиведовские памфлеты XVI–XVII вв., дают возможность предположить, что поисками женщин (или – в очень небольшом числе случаев – мужчин²⁶), подозреваемых в занятиях колдовством, в английских городах раннего Нового времени занимались не только подобные «специалисты». Значительно чаще *the watching* (вернее, его первый этап) являлось заботой *всей* местной общины.

***

Любопытно, что в «Демонологии» Якова Стюарта практически отсутствовали какие бы то ни было теоретические размышления о процедуре «наблюдения». Здесь упоминалось лишь о том, что люди, обвиненные в занятиях колдовством, должны быть «*всем* известны своей дурной жизнью и репутацией»²⁷. Тем не менее, английский монарх довольно точно описывал душевное состояние и поведение подобных подозреваемых: обычный для них мрачный настрой, одиночество, отсутствие семьи, привычку прогуливаться по полям или лежать в кровати в неположенное время. Этими отличительными чертами, уверял Яков, пользуется дьявол, чтобы завлечь человека в свои сети²⁸. Однако такие особенности поведения становились заметны и окружающим, если они

---

owne young and tender children” (Hopkins M. Op. cit. P. 4, курсив мой – О.Т.).

²⁵ “It was credibly reported that some fortnight before their apprehension, this Agnes Browne, one Ratherine Gardiner, and one Joane Lucas... did ride one night to a place (not above a mile off) called Ravenstrop, all upon a Sowes backe, to see one mother Rhoades” (Anon. The Witches of Northamptonshire. P. 166).

²⁶ Как заявлял Джон Стерн, большинство подозреваемых в занятиях колдовством «совершенно очевидно» являлись женщинами: “Yet of Witches in generall, there be commonly more women then men. *This is evident*” (Stearne J. Op. cit. P. 19, курсив мой – О.Т.).

²⁷ “...were at the least *publickly knowen* to be of a very evil life and reputation” (James I, King of England. Op. cit. P. 80, курсив мой – О.Т.).

²⁸ “And finding them in an utter despair, for one of these two former causes that I have spoken of; he prepares the way by feeding them craftely in their humour, and filling them further and further with despaire, while he finde the time proper to discover himself unto them. At which time, either upon their walking solitarie in the fieldes, or

обращались к процедуре «наблюдения», о чем свидетельствовали антиведовские памфлеты. С этой точки зрения, особый интерес представляла гравюра, украшавшая первое издание «Новостей из Шотландии» 1591 г. На ней была изображена сцена ареста подозреваемого в колдовстве доктора Джона Фиана, однако в тюрьму его препровождали отнюдь не судебные чиновники: его тащила, держа за ухо, обычная женщина (Илл. 25). Любопытно, что данный иконографический сюжет, как отмечали издатели памфлета, не разрабатывался специально для него, он был взят из уже готовых печатных форм²⁹. Таким образом, сама процедура *watching* и ее последствия оказывались хорошо знакомы и издателям, и их читателям.

В трактатах Мэтью Хопкинса и Джона Стерна, верных идеям автора «Демонологии», также содержались указания на участие в «наблюдении» – причем совершенно добровольное – рядовых жителей английских городов и деревень. В частности, процедура прокалывания меток на теле предполагаемой ведьмы (т.е. тех самых следов, которые якобы оставляли фамилиары³⁰), по их словам, всегда проводилась в присутствии «двенадцати наиболее достойных жителей округа», которые совсем не обязательно бывали знакомы с задержанной женщиной лично³¹. Возможно, что такой коллективный характер первого этапа *watching* был связан с более ранней практикой судопроизводства, принятой в королевстве, – с идеей о том, что каждый добропорядочный член общества не только может, но и *должен* стать представителем судебной власти: принцип работы так называемого манориального английского суда заключался в том, что решения в нем выносились *всеми* держателями манора. Только в 1250–1350 гг. данная практика была постепенно заменена на суд жюри присяжных, когда от манора для принятия решений выдвигались 12 (реже – 24 или 36) человек³².

Не менее любопытным являлся весьма, надо полагать, распространенный обычай схватить предполагаемых ведьму или колдуна и подвести их к телу якобы убитого ими человека. Как сообщал Джон Стерн, из

---

else lying panning in their bed; but alwaies without the company of any other, he either by a voyce, or in likenesse of a man inquires of them, what troubles them” (32).

²⁹ Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 119.

³⁰ Прокалывание представляло собой вариант ордалии, поскольку ожидалось, что из ранки может потечь кровь. Если же она не появлялась, данное обстоятельство рассматривалось как доказательство вины арестованной женщины. Подробнее см. ниже: Глава 12.

³¹ “...for their private judgments alone, it is most false and untrue, for never was any man tryes by search of his body, *but commonly a dozen of the ablest men in the parish or else where*, were present,... which marks not only he, and his company attest to be very suspicious, but all beholders, the skilfulest of them” (Hopkins M. Op. cit. P. 4, курсив мой – О.Т.).

³² Подробнее см.: Винокурова М.В. Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // СВ. 2022. Вып. 83 (1). С. 92–118.

трупа в этом случае должна была начать течь «свежая кровь»³³. Этот вариант ордалии был хорошо известен в континентальной Европе³⁴, вспоминал о нем и Уильям Шекспир в «Ричарде III» (ок. 1591 г.), описывая убийство Генриха VI герцогом Глостером, которого леди Анна прямо называла припешником дьявола:

О, посмотрите, джентельмены, раны
Застылые открылись, кровь течет! —
Красней, красней, обрубок безобразный;
Перед тобою льется кровь
Из жил холодных, где уж нету крови.
Неслыханный и дикий твой поступок
Неслыханнейший вызвал здесь потоп.
Бог, кровь ты создал, отомсти за смерть!
Земля, кровь пьешь ты, отомсти за смерть!
О небо, молнией убей убийцу!
Как королевскую ты кровь пожрала,
Что выпущена дьявольской рукой»³⁵.

И Мэтью Хопкинс, и Джон Стерн также упоминали о *специальном* приглашении охотников на ведьм в каждый конкретный населенный пункт, жители которого желали избавиться от возможного соседства с ведьмами и колдунами³⁶. Однако такое приглашение уже само по себе

³³ “Also I have read that a Witch, in some cases, hath been brought to a dead party, who hath been suspected to have been bewitched by that Witch, to touch the dead corps; which was no sooner touched by the Witch, but the corps bles fresh blood” (Stearne J. Op. cit. P. 47).

³⁴ О нем, в частности, как о само собой разумеющемся факте сообщал в «Молоте ведьм» Генрих Крамер: «...рана, зараженная духом убийцы, притягивает к себе зараженный воздух. Если убийца проходит мимо, то кровь вытекает, так как в присутствии убийцы попавший в рану воздух начинает колебаться и производить кровотоечение. Другие ученые приводят еще другие основания и говорят, что это кровотоечение указывает на крик убитого из земли и именно вследствие проклятия тяготеющего на первом убийце – Каине» (Шпенгер Я., *История культуры*. Г. Указ. соч. С. 93). См. подробнее: Platelle H. La voix du sang: le cadavre qui saigne en présence de son meurtrier // La piété populaire au Moyen Age. Actes du 99e Congrès national des sociétés savantes, Besançon, 1974. P., 1977. P. 161–179; Vincensini J.-J. Entre pensée savante et raison narrative. Le clerc médiéval et le motif du “saignement accusateur” (ou “cruentation”) // Par les mots et les textes. Mélanges de langue, de littérature et d’histoire des sciences médiévales offerts à Claude Thomasset / Etudes réunies par D. Jacquart, D. James-Raoul et O. Soutet. P., 2005. P. 833–858.

³⁵ Шекспир В. Ричард III // Шекспир В. Полное собрание сочинений. М., 1993. Т. 3. С. 435 (пер. А. Радловой).

³⁶ “He never went to any towne or place, but they rode, writ, or sent often for him, and were (for oght he knew) glad of him” (Hopkins M. Op. cit. P. 8). “And as for taking any

подразумевало, что у местной общины должны были иметься хотя бы какие-то предварительные основания для подобных действий. Иными словами, горожане самостоятельно и еще до приезда охотников включались в «наблюдение», о чем прямо сообщал Стерн в заключении к своему трактату, оправдывая себя и своего напарника за излишнее, как казалось многим, рвение и уверяя читателей в том, что они никогда не прибегали к излишней жестокости, не брали взятки и никому специально не покровительствовали³⁷.

Участие всей общины в расследовании дел о колдовстве ясно прослеживается и по антиведовским памфлетам, хотя далеко не все из них дают возможность говорить о подобной парасудебной практике. Периодически встречающиеся уточнения – «как многие заявляли»³⁸, «было установлено, благодаря явным и бесспорным доказательствам, [предоставленным] ее достойными соседями»³⁹, «если будет подтверждено соседями..., [что она] занимается проклятым колдовством»⁴⁰ – на первый взгляд, наводят на предположение о том, что речь шла о ссылке на обычное общественное мнение, т.е. на слухи о репутации того или иного человека, которые и в континентальной Европе часто становились поводом для возбуждения дел о колдовстве. В их распространении главная роль всегда отводилась непосредственным соседям предполагаемых ведьм и колдунов⁴¹.

Однако некоторые английские памфлеты позволяют с уверенностью утверждать, что слухами дело вовсе не ограничивалось. Многие авторы XVII в. отмечали, что наличие в городе или в деревне подозрительных лиц угрожает не только знакомым с ними жителям, но и в целом *всей* христианской общине – «всему народу и населению», «разным и случай-

---

money, or other thing, by way of bribe or gift, I never did, to the value of one peny, neither one way or nor other, but what I openly took in the view of the Townsmen where I came" (*Stearne J. Op. cit. P. 50*).

³⁷ "And in truth, concerning him who is dead (i.e. Hopkins), who likewise was an agent in the businesse, for my part, I never knew that he either unjustly favoured any, or received bribes, or use such extremity as was reported of him; onely at first, before he or I ever went, many Towns used extremity of themselves, which after was laid on us" (*Ibid.*).

³⁸ "She had kept this Cat, by the space of xv. or xvi. yeare, and as some saye (though untruly) beinge wery of it" (*Anon. The Examination and Confession of certaine Wyches (1566) // Early Modern Witches. P. 10–24, здесь P. 18*).

³⁹ "...found by manifest and undeniable proffes of her honest neighbors" (*Anon. A Rehearsall both straung and true. P. 35*).

⁴⁰ "If therefore thou be assured that by neighbour... is impaired by damnable witchcrafte" (*Anon. A Detection of damnable driftes. P. 42*).

⁴¹ Об отношениях ведьм и колдунов с их соседями см. прежде всего: *Briggs R. Witches and Neighbours. The Social and Cultural Context of European Witchcraft. L., 1996. О роли слухов в возбуждении дел о колдовстве см.: Тогоева О.И. Дела плоти. С. 183–201.*

ным людям», «всем жителям»⁴². Так, в «Новостях из Шотландии» 1591 г. сообщалось, что слава о докторе Джоне Фиане как об искусном колдуне, заключившем сделку с дьяволом, распространилась по всей стране, несмотря на его юный возраст⁴³. Томас Поттс, описывая в памфлете «Удивительное разоблачение ведьм» 1612 г. похождения некой Элизабет Девайс из Сомлсбери, заявлял, что ее репутация отъявленной ведьмы была известна «всему графству [Ланкашир]»⁴⁴. А потому и бороться с этими врагами следовало всем вместе⁴⁵. Более того, иногда сплетням и вовсе не доверяли, предпочитая проверить их лично, т.е. при помощи «наблюдения», как о том сообщалось в памфлете «Ведьмы Нортгемптоншира» 1612 г.: «Услышав рассказы соседей, подтвердил свои подозрения в том, что это было ничто иное как колдовство»⁴⁶. Не менее часто возникала и ситуация, при которой одно-единственное преступление сводило на «нет» былую репутацию человека, и в этом случае также могло помочь только коллективное «наблюдение»: «Она долгое время подозревалась в [совершении] этого преступления [жителями] города, где проживала, что в конце концов оказалось правдой»⁴⁷.

О том, что процедурой *watching* мог заниматься в Англии буквально любой человек, говорили на процессах и сами обвиняемые. Даже если принять во внимание вынужденный характер их показаний, тенденция, тем не менее, оставалась неизменной. Так, согласно памфлету «Истинное и удивительное заключение» 1579 г., матушка Маргарет из Эббингтона, признавая вину, сообщала судьям, что якобы заплатила своей сообщнице – более молодой и неопытной ведьме – некоторую сумму денег, дабы та «никому не раскрывала их секретов», в частности, о том,

⁴² "...being by him examined, and found...to be a leude, malicious, and hurtfull woman to the people and inhabitants thereabouts" (*Anon. A Rehearsall both straung and true. P. 35*); "Their craft and practices, they have used it upon divers and sundry persons..." (*Galis R. Op. cit. P. 68*); "...hath by them been practised to the great hurt of the Inhabitaunts" (*Ibid. P. 71*).

⁴³ "The report whereof made all men imagine that he did work it by the devil, without whom it could never have been so sufficiently effected; and thereupon the name of the said Dr Fian (who was but a very young man) began to grow so common among the people of Scotland that he was secretly nominated for a notable conjurer" (*Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 321, курсив мой – О.Т.*).

⁴⁴ "Such in generall was the common opinion of the Countrey where she dwelt that no man neere her, neither his wife, children, goods, or cattell should be secure or free from danger" (*Potts T. Op. cit. P. 199, курсив мой – О.Т.*). "A very dangerous Witch of a long continuance, generally suspected and feared in all parts of the Countrey, and of all good people neare her, and not without great cause" (*Ibid. P. 247, курсив мой – О.Т.*).

⁴⁵ "Our Enimies that we are to fight against are in number three: The world, the Flesh, and the Dyvell" (*Anon. A Most Wicked worke of a wretched Witch (1592) // Early Modern Witches. P. 138–145, здесь P. 140*).

⁴⁶ "...heard by report of the neighbours... having confirmed his suspition that it was nothing else but Witch-craft" (*Anon. The Witches of Northamptonshire. P. 164*).

⁴⁷ "Beeing long suspected in the Towne where she dwelt of that crime, which afterwards proved true" (*Ibid. P. 162*).

где и как происходят встречи местной колдовской секты⁴⁸. Анонимный автор памфлета 1582 г. «Правдивый и точный рассказ» передавал слова Элис Менфилд, которая «имела четырех фамилиаров, или духов, но не принесла бы их [никогда] домой из страха, что кто-нибудь их увидит или за ними проследят»⁴⁹. Точно так же в своем трактате 1648 г. Джон Стерн упоминал некоего Джона Скарфа, к которому якобы явился фамилиар в облике огромной серой крысы, которого он из опасения быть пойманным долгое время прятал в коробе⁵⁰.

Подобные страхи не были лишены оснований. Именно о такой встрече рассказывал Ричард Бурд, один из свидетелей по делу 1585 г., материалы которого легли в основу памфлета «Несколько фактов о колдовстве». На допросе он показал, что прогуливался как-то раз со своей собакой по улицам города и вдруг увидел перед собой зайца, удивился и пошел за ним. Тот же заскочил в дом матушки Аткинс, известной в округе ведьмы, и наблюдатель понял, что это ее фамилиар и что слухи оказались верны⁵¹. В «Коротком трактате» 1579 г. Ричард Галис жаловался на полное невнимание местных магистратов к проблеме колдовства в его родном Виндзоре⁵², что вынудило его вести собственное расследование и собирать доказательства вины некой матушки Даттон⁵³. Усилия его увенчались успехом, и он лично отвел ведьму в суд, предварительно связав ее веревкой⁵⁴.

Если же подобным «наблюдением» решали заняться сами жертвы предполагаемой ведьмы, то они могли также пригласить в свою компанию родственников и знакомых, дабы, к примеру, обыскать дом подозреваемой, как произошло с уже упоминавшейся матушкой Маргарет из Эббингтона⁵⁵. Они же вынуждали к подобным действиям и местных судебных чиновников: в 1585 г. в городке Стенмор (Эссекс) семейство

⁴⁸ "Mother Margaret came to her and gave her money, charynh her in any wise *not to detecte their secretes*" (Anon. A Rehearsall both straung and true. P. 36, курсив мой – О.Т.).

⁴⁹ "She had foure Impes or spirits the whiche shee woulde not carrie with her to the house, *for feare they shoulde be espied or seene*" (W.W. A true and just Recorde. P. 104, курсив мой – О.Т.).

⁵⁰ "...there came a thing into his house of a gray colour, of the bignesse of a great Rat, of about a quarter of an ell long, which he tooke up and put into a box, and kept it some certaine time there" (Stearne J. Op. cit. P. 33).

⁵¹ "The man taking heartie grace himselfe, followed so nighe, that he saw her take in at one Mother Atkyns house, whome before that time he knew to be a notorious witch" (Anon. The severall factes of Witch-crafte. P. 141–142).

⁵² "The little regarde and great necligence of Magistrates in these our dayes..." (Galis R. Op. cit. P. 53).

⁵³ "I determind hap what hap might, when convenient leysure might serve to bring the said Mother Dutton ... before the Magistrates" (Ibid. P. 55).

⁵⁴ "Then finding a Carte rope harde by, I bounde it about her myddle, and layde the rope on my shoulder" (Ibid. P. 64).

⁵⁵ Anon. A Rehearsall both straung and true. P. 39.

Фринд, не в силах самостоятельно справиться с досаждавшей им ведьмой Маргарет Харкет, было вынуждено обратиться за помощью к властям⁵⁶. Совершенно посторонние люди помогали порой препроводить ту или иную ведьму в тюрьму, откликнувшись на просьбу о помощи от якобы пострадавшего от ее чар человека. Именно такую ситуацию описывал некий житель Ройстона (не названный в тексте по имени) на процессе 1606 г., возбужденном против Джоан Харрисон: прохожие бросились на ее поиски, услышав его крики⁵⁷. А уже знакомая нам Элизабет Стил в своих показаниях в 1579 г. уточняла, что явилась в суд «по собственному почину», а не по воле «четырех, пяти или большего [числа] лучших людей Виндзора»⁵⁸.

Одним из наиболее показательных примеров того, как городская община объединялась для борьбы с местным колдовством в ходе процедуры «наблюдения» являлось уже упоминавшееся выше дело матушки Саттон и ее дочери Мэри, описанное в памфлете «Опознанные ведьмы» 1613 г. Помимо того, что жители г. Милтон в Бедфордшире самостоятельно провели в отношении молодой женщины ордалию холодной водой, заставив ее плавать в реке⁵⁹, они также прибегли к процедуре прокалывания меток, якобы оставленных на ее теле фамилиарами, т.е. использовали еще один вариант Божьего суда⁶⁰. Убедившись, что имеют дело с ведьмой, горожане попытались выбить из нее признание в совершенных ею преступлениях. Однако женщина молчала, а потому – и только после проведенной столь тщательно процедуры «наблюдения» – жители Милтона сочли возможным препроводить свою жертву в тюрьму и передать ее официальным властям⁶¹.

Похоже развивались события и в случае с арестом Элизабет Сойер из Эдмонта. Перипетии этого дела были описаны в памфлете Генри Гудкоула «Удивительное разоблачение Элизабет Сойер» 1621 г. Впрочем, на сей раз обвиняемая – в отличие от Мэри Саттон – изначально

⁵⁶ “After whose death the Townes men made complaint of her dealinge to the Justice, who commaunded one Maister Norwood a Gentleman in the Towne to go search her house” (Anon. *The severall factes of Witch-crafte*. P. 128).

⁵⁷ “At that word help, the Wich, in comes one of his fellowes runs in hast, and asked him what they should helpe the Witch? Oh (quoth he) to the gallows, for I am undone by her. Well, yet out he runs, wherefor thay night she would not be found” (Anon. *The severall practises of Johane Harrison and her daughter*. P. 156–157).

⁵⁸ “She saieith, that... fower or five, or more of the best men in Windsor, should not have brought her to the Gaile, but she came of her owne accorde” (Anon. *A Rehearsall both straung and true*. P. 39).

⁵⁹ См. выше: Глава 8, прим. 69.

⁶⁰ “Then he commanded her to be taken out, and had women readie that searched her, and found under her left thigh a kind of Teat, which after the Bastard sonne confest her Spirits in severall shapes as Cats, Moales, etc. used to sucke her” (Anon. *Witches Apprehended*. P. 275).

⁶¹ “When Master Enger began to accuse her... All which she constantly denied, and stood in defiance with him till being carried towards a Justice” (Ibid.).

была известна местным жителям своей дурной репутацией. Вернее сказать, у них имелись «подозрения» на ее счет, которые затем переросли в «огромную уверенность» благодаря «странной и внезапной» смерти нескольких приютских сирот и соседского скота⁶².

Чтобы добыть неоспоримые доказательства своей правоты, горожане Эдмонта, как и их коллеги из Милтона несколькими годами ранее, прибегли к ордалии. Они украли часть соломы, которая устилала крышу дома Элизабет, и сожгли ее, ожидая, что к их костру явится именно тот человек, кто виновен в произошедших убийствах⁶³. А поскольку (что вполне естественно) этим человеком оказалась сама Соьер, она была передана в руки местного мирового судьи Артура Робинсона⁶⁴. Вместе с тем горожане уведомили чиновника, что – опять же по их «наблюдениям» – на теле женщины присутствует «тайная и странная отметина», которая «подогревает их подозрения» в том, что она может оказаться ведьмой. И действительно, как рассказывал далее автор памфлета, после ареста приглашенные специально матроны осмотрели Элизабет и нашли на ней нужную метку, что стало еще одним доказательством ее безусловной вины⁶⁵.

Любопытно, что Генри Гудкоул (1586–1641), бывший тюремным священником⁶⁶, негативно оценивал использование горожанами ордалии, называя ее «старым нелепым обычаем» (*an old ridiculous custome*)⁶⁷. Более того, когда в том же 1621 г. по мотивам его памфлета была написана и представлена публике трагикомедия «Ведьма из Эдмонта», в ней уже отсутствовала сцена сжигания соломы; изъятая она оказалась и в опубликованном варианте пьесы, увидевшем свет в 1658 г.⁶⁸

⁶² “Stil having his former long suspition of her, by the information of her neighbours that dwelt about her; from suspition, to proceed to great presumptions, seeing the death of Nurse-children and Cattell, strangely and suddenly to happen” (*Goodcole H. The wonderfull discoverie of Elizabeth Sawyer, a Witch (1621) // Early Modern Witches. P. 299–315, здесь P. 303*).

⁶³ “And to finde out who should bee the author of this mischiefe, *an old ridiculous custome* was used, which was to plucke the Thatch of her house, and to burne it, and it being so burnd, the author of such mischiefe should presently then come” (*Ibid.*, курсив мой – О.Т.).

⁶⁴ “And it was observed and affirmed to the Court, that Elizabeth Sawyer would presently frequent the house of them that burnt the thatch which they pluckt of her house, and come without any sending for” (*Ibid.*).

⁶⁵ “An Information was given unto him by some of her Neighbours, that this Elizabeth Sawyer had a private and strange marke on her body, by which their suspition was confirmed against her” (*Ibid.* P. 306).

⁶⁶ *Goodwin G. Goodcole, Henry // Dictionary of National Biography. L., 1885–1900. T. 22. P. 119.*

⁶⁷ См. прим. 63.

⁶⁸ *Rowley W., Dekker T., Ford J. The Witch of Edmonton. L., 1658. Подробный разбор пьесы см.: Shokhan R.A. The Staging of Witchcraft and a “Spectacle of Strangeness”. Witchcraft at Court and the Globe. L., 2014. P. 65–74.*

Тем не менее, в 1632 г. тот же самый метод опознания ведьмы использовали Джоан и Элиас Фрай из Дорчестера, подозревавшие некую Марджери Эйдин в том, что она навела порчу на их дочь. Супружеская пара в компании с мясником Роджером Паунси вновь пустили в дело соломку, устилавшую крышу дома «ведьмы», однако желанного результата не добились: городские судьи категорически отказались рассматривать данное дело, ограничившись увещеваниями в адрес как обвинителей, так и обвиняемой. Та же участь постигла в 1634 г. и Ричарда Шори, еще одного жителя Дорчестера, подозревавшего своего соседа Джона Мерифилда в занятиях колдовством и попытавшегося доказать это, устроив костер из деревянной обшивки его дома. В результате в суд был вызван сам Ричард⁶⁹.

В 1648 г. уже знакомый нам охотник на ведьм Джон Стерн вспоминал ставший ему известным по рассказам очевидцев случай, произошедший в городке Сент-Неотс в Хантингтоншире. Местные жители *трижды* пытались самостоятельно подтвердить свои подозрения относительно некой неназванной особы. Два раза они осматривали ее с ног до головы на предмет наличия ведьминских меток, но ничего не находили. Наконец, они прибегли к ордалии холодной водой, которая и помогла им доказать, что женщина действительно занимается колдовством. Мало того, что она «уверенно плавала» на поверхности воды, в этот момент рядом с местом экзекуции появился и ее фамилиар – огромный пес «[размером] больше мастифа»⁷⁰.

***

Истории Мэри Саттон, Элизабет Соьер, Марджери Эйдин и некоторых других героинь антиведовских памфлетов позволяют наглядно убедиться в том, о чем косвенно или слишком завуалированно говорилось в других рассмотренных выше сочинениях. В процедуре *watching*, составлявшей основу английского судопроизводства раннего Нового времени и традиционно приписываемой в историографии исключительно охотникам на ведьм, в действительности оказывалось задействовано значительно большее число людей. Охотники, которых периодически приглашали в тот или иной город, становились в этой системе вторичным (и далеко не всегда обязательным) элементом. Первый этап «наблюдения» обычно проводился силами самих жителей и являлся тем фун-

⁶⁹ Elmer P. Witchcraft, Witch-Hunting, and Politics in Early Modern England. Oxford, 2016. P. 86.

⁷⁰ “But there is one, a very remarkable thing concerning this, that was done at Saint Neotts, in Huntingdonshire, of a woman that had been searched two or three times, and not found, for they can hide their marks sometimes,... yet was still in great suspicion of many of the Townsmen to be guilty... and the rather, for that she fled... So at her returne some would swim her, and did, she swum apparently... But as I have heard, and in part from the man himself, where the act should be done, A Dog was seen in his yard, which a Mastie Dog would not size on” (Stearne J. Op. cit. P. 24).

даментом, на котором строилась вся система судопроизводства в делах о колдовстве.

Действия горожан при этом не рассматривались как доноительство, всегда обладавшее строго индивидуальным, *частным* характером. *The watching*, которым занимались английские обыватели, являлось *коллективным* занятием и, как следствие, могло быть чревато коллективной ответственностью перед властями. Через подобное «наблюдение» городская или деревенская община сохраняла и укрепляла свою целостность, выбирая один из наиболее простых, но от того не менее действенных способов самосохранения – создание общего для всех врага и победу над ним⁷¹.

Речь при этом шла отнюдь не только (и не столько) о борьбе английских протестантов с «папистами», т.е. с их собственными соотечественниками, продолжавшими тайно или явно исповедовать католическую веру. Безусловно, подобные рассуждения можно встретить в антиведовских памфлетах XVI–XVII вв.⁷², однако, насколько можно судить, в большинстве случаев данное противостояние не являлось решающим⁷³. Значительно важнее оказывалось единение жителей одного поселения перед лицом куда более опасного противника – дьявола и его приспешников, которые не подчинялись более Господу, в мыслях и поступках предавая истинную христианскую веру. И особенности судебной процедуры, официально признаваемой в Англии раннего Нового времени полностью легитимной, оказывали им в этой борьбе весьма эффективную помощь.

Вот почему «наблюдение» сохранило свои позиции и после того, как ведовские процессы в королевстве полностью канули в лету. Еще в XVIII в. – в связи с полнейшим отсутствием в английских городах профессиональной полиции⁷⁴ – данная процедура (или по крайней мере ее первый этап) с успехом использовалась применительно к вора-

⁷¹ Об идее общего врага, против которого объединяется община, столь характерной как для мира животных, так и для мира людей, см. подробнее: *Лоренц К. Агрессия. Так называемое «зло»*. М., 1994. С. 80–85; *Эко У. Сотвори себе врага* // *Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю* / Пер. Я. Арькова, М. Визель, Е. Степанцева. М., 2014. С. 7–20.

⁷² См., к примеру: *Anon. The Examination and Confession of certaine Wytches*. P. 24 (обвиняемая упоминала, что молилась в церкви на латыни, что являлось признанной практикой католиков); *Anon. The Examination of John Walsh (1566)* // *Early Modern Witches*. P. 25–32, здесь P. 26–28 (перечень наиболее опасных католиков-колдунов, а именно пап римских).

⁷³ О некоторых весьма показательных исключениях из этого правила см.: *Серегина А. Ю. Указ. соч.* С. 205–220.

⁷⁴ Вплоть до XIX в. функция надзора была возложена в Англии опять-таки на местные общины, и только акт Роберта Пиля 1829 г. положил начало формированию полицейских управлений: *Lyman J.L. The Metropolitan Police Act of 1829: An Analysis of Certain Events Influencing the Passage and Character of the Metropolitan Police Act in England* // *Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1964. Т. 55 (1). P. 141–154.

рецидивистам. Простым обывателям предлагалось приглядываться к окружающим на улицах, в торговых рядах или в судах, т.е. в местах особого скопления горожан, и выявлять среди них подозрительных личностей. Из местной судебной практики в том же столетии процедура «наблюдения» оказалась заимствована и в России⁷⁵, а в самой Англии, возможно, послужила одним из источников вдохновения для Иеремии Бентама (1748–1832) и его знаменитого трактата «Паноптикон, или Надзорный дом», написанного в 1786–1787 гг.⁷⁶ Не случайно здесь постоянно обыгрывалось выражение «всевидающее око»⁷⁷, которое впервые, насколько можно судить, было использовано еще в 1627 г. в «Пособии для мировых судей» Ричарда Бернарда, посвященном, как мы помним, проблемам колдовства и методам борьбы с ним⁷⁸. Не случайно Иеремия Бентам упоминал и о «великом открытом трибунале мира», также отсылавшем к процедуре «наблюдения», поскольку должен был, по мнению автора, свидетельствовать о преступлениях заключенных и состоять из всех, кто навещал их в тюрьме⁷⁹. Не случайно в тексте «Паноптикона»

⁷⁵ Акельев Е.В. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // *Ab imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.

⁷⁶ *Bentham J. Panopticon, or the Inspection-house. Containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, houses of industry, work-houses, poor-houses, lazarettos, manufactories, hospitals, mad-houses, and schools. With a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Crecheff in White Russia to a friend in England, by Jeremy Bentham of Lincoln's Inn, esquire. Dublin, 1791.* Подробнее о степени влияния процедуры «наблюдения» на теорию «паноптизма» Иеремии Бентама см.: Тогоева О.И. «Паноптикон» Иеремии Бентама и его возможные истоки // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 3 (76). С. 15–23.

⁷⁷ “It is obvious that, in all these instances, the more constantly *the persons to be inspected are under the eyes of the persons who should inspect them*, the more perfectly will the purpose of the establishment have been attained” (*Bentham J. Op. cit.* P. 40, курсив мой – О.Т.). “The notion, indeed, of most parents is, I believe, that children cannot be too much *under the master's eye*; and if man were a consistent animal, none who entertain that notion but should be fonder of the principle the farther they saw it pursued” (*Ibid.* P. 63, курсив мой – О.Т.).

⁷⁸ “The prooffe of the first, if no further presumptions can bee made, *may cause a watchfull eye over the suspected*, and doe deserve a sharpe admonition from authoritie, that the party take heede, for increasing iustly of any such, though light suspicions, for the time to come, and so to send her or him home againe, if the Law will permit. The second sort, which are great presumptions, being iustified by some witnesses, are iust strong presumptions” (*Bernard R. Op. cit.* P. 240, курсив мой – О.Т.).

⁷⁹ “You see, I take for granted as a matter of course, that under the necessary regulations for preventing interruption and disturbance, the doors of these establishments will be, as, without very special reasons to the contrary, the doors of all public establishments ought to be, thrown wide open to the body of the curious at large – *the great open committee of the tribunal of the world*” (*Bentham J. Op. cit.* P. 46, курсив мой – О.Т.).

говорилося и о том, что практика *watching* уже могла использоваться ранее некими «изобретательными» предшественниками автора, но была отвергнута наиболее «рассудительными» из них⁸⁰. Возможно, в данном случае Иеремия Бентам ссылался на постановление английского Парламента 1645 г., в котором выражалась озабоченность излишне активной деятельностью охотников на ведьм и их методами работы. А может быть, он имел в виду трактаты самих Мэтью Хопкинса и Джона Стерна, полагавших искоренение всех адептов дьявола важнейшей задачей не только государства и его правителя, но и всех без исключения подданных.

---

⁸⁰ “I should suppose the inspection principle must long ago have occurred to the ingenious, and been rejected by the judicious, could I, after all my efforts, conceive a reason for the rejection” (Ibid. P. 66).

Изображая ведьму

ГЛАВА 10

Иуда Искарriot и рыжая левша

Процедура «наблюдения», получившая распространение в Англии раннего Нового времени для выявления ведьм и колдунов, предполагала не только выяснение подробностей повседневной жизни подозреваемых, их родственных и дружеских связей, их привычек и сферы профессиональных интересов. Не менее важной оказывалась *внешность* человека, продавшего душу дьяволу, ведь и он сам должен был, вероятно, каким-то образом выделяться на общем фоне, обладать некими чертами, которые указывали бы на его преступный промысел. Однако в действительности этот вопрос начал интересовать европейских интеллектуалов задолго до XVI–XVII вв.

Идея визуального отличия «Другого» или «Чужого», к кому бы эти эпитеты ни относились, появилась еще в Античности, когда жители далеких неведомых стран изображались и описывались не просто как иноземцы, чьи обычаи, повадки и даже язык понять было невозможно, но как люди, сама внешность которых выдавала их инаковость¹. С наступлением же эпохи Средневековья и принятием христианской религии как единственно возможной эта группа чужаков оказалась очень быстро дополнена, причем не по географическому, а по морально-нравственному принципу. Теперь «Другими» именовались и иноверцы

---

¹ Так, Плиний Старший (22/24–79) посвятил большую часть седьмой книги своей «Естественной истории» описанию странных племен, проживающих, по его мнению, на границах ойкумены: «Но не обычаи и нравы мы намерены теперь рассматривать: ведь они не поддаются исчислению и их почти столько же, сколько и объединений людей. Однако, как я полагаю, некоторые из них не должны быть оставлены без внимания, и особенно у тех, что живут наиболее далеко от моря, и у которых, естественно, таковые могут показаться для многих странными и невероятными. Кто же верил в существование эфиопов, прежде чем познакомился с ними? Да и что не кажется чудом, когда впервые узнаешь о чем-либо? Сколь о многом говорят, что этого не может быть, пока это не случится на самом деле?» (Плиний Старший. Естественная история. Кн. 7 / Пер. и коммент. А.А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2009. Вып. 17. С. 211–242, здесь С. 213). См. также: Kappler C.-C. Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen Age. P., 1999; Эко У. История уродства / Науч. ред. Е.А. Костюкович. М., 2014. С. 23–41.

(прежде всего мусульмане и иудеи)², и еретики³, и обычные грешники⁴. Все они, с точки зрения средневековых авторов и художников, обладали практически идентичными и весьма запоминающимися чертами лица (негроидными или восточными), имели торчащие дыбом волосы, крючковатые носы и звериный оскал, часто являлись носителями врожденных уродств, бывали одеты в неподобающие одежды, носили странное оружие, и т.п. В основе подобных изображений очень часто лежали сугубо христологические мотивы – прежде всего сцены Страстей, в которых палачи Иисуса Христа традиционно наделялись перечисленными выше признаками⁵.

Те же христологические мотивы часто использовались и для описания средневековых преступников⁶, однако в данном случае совершенно особое место в цепочке ассоциаций отводилось не общей теме Страстей⁷, но образу Иуды Искарриота – двенадцатого апостола, но также лжеца, вора и предателя Господа⁸. Иконографический сюжет повесившегося на дереве Иуды (часто – с выпадающими из живота внутренностями) получил в эпоху Средневековья самое широкое распространение: мы наблюдаем его, к примеру, на барельефе собора Сен-Лазар в Отене (XII в.), на миниатюрах из «Часослова Этьена Шевалье» Жана Фуке (1452–1460 гг.) или

² Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 317–345; Майзус М.Р. Воображаемый враг; Зеленина Г.С. Указ. соч. С. 33–43.

³ Trivellone A. L'hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l'Occident médiéval, de l'époque carolingienne à l'Inquisition. Turnhout, 2009; Eadem. Le Mont-Cassin, une fabrique de l'hérésie au XIe siècle // Aux marges de l'hérésie. P. 239–273.

⁴ См., в частности: Сидоров А.И. Изображая зло: демоны и грешники глазами каролингских художников // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории - 2020 / Под ред. О.И. Тогоева и И.Н. Данилевского. Вып. 15. М., 2020. С. 42–61. На русском материале: Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семиотика образа. М., 2011. С. 97–130.

⁵ См. прежде всего: Mellinkoff R. Outcasts. Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages. Berkley, 1993. 2 vol.

⁶ Jacob R. Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Age à l'âge classique. P., 1994. P. 176–178.

⁷ Исключение, пожалуй, составлял образ Христа как идеального преступника, на которого следовало равняться всем людям, преступившим закон: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 257–281.

⁸ «Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарriot, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор: он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Иоан. 12: 4–6). Ту же историю передавал в XIII в. и Иаков Ворaginiнский: «Господь сделал Иуду Своим учеником, а затем из числа учеников избрал апостолом. Он приблизил к себе и возлюбил Иуду настолько, что поставил распоряжаться деньгами того ученика, который впоследствии предал Его. Ведь Иуда носил ларец и крал из него все, что подавали Христу» (Иаков Ворaginiнский. Указ. соч. Т. 1. С. 259).

из «Роскошного часослова герцога Беррийского» Жана Коломба (1485–1486 гг.)⁹ (Илл. 26, 27).

Однако в тот же период в иконографии Иуды возникли и другие, не менее устойчивые, но значительно более важные для нашей темы мотивы. Среди них прежде всего следует указать на цвет волос главного героя: начиная с каролингского времени (но особенно с середины XIII в.) он – как и некоторые другие известные предатели (Каин, Далила, Саул, Ганелон) – стал неизменно изображаться *рыжим*. Впервые возникнув в германских землях, данная традиция постепенно захватила всю Западную Европу, хотя в Италии и Испании подобные изображения двенадцатого апостола встречались достаточно редко¹⁰.

Как отмечал Мишель Пастуро, именно образ рыжего Иуды оказал влияние на иконографию других изменников, мятежников и предателей: постепенно такой цвет волос и/или бороды превратился в отличительный признак *любого* из них. Все, кто, с точки зрения людей Средневековья, занимались бесчестным или незаконным делом, должны были оказаться рыжими. В таком образе регулярно представляли судебные чиновники, обманывавшие своих сеньоров или их подданных; проститутки, менялы и ростовщики, наживавшиеся на клиентах; фальшивомонетчики, наносившие урон экономике всех без исключения западноевропейских стран; палачи, жонглеры и даже хирурги¹¹. Стоит добавить, что помимо волос менялся и цвет кожи предполагаемых или явных предателей, и цвет их одежды, которые также становились рыжими, о чем свидетельствуют, к примеру, фигура Иуды на миниатюре из немецкого молитвенника 1160–1170 гг. (Илл. 28) или платья армейских проституток из рукописи «Хроник Эно» 1448–1468 гг. (Илл. 7).

Удивительно, но, перечисляя различные категории средневековых предателей, Мишель Пастуро по какой-то причине забыл упомянуть еще одну важную группу – *ведьм и колдунов*, весь образ жизни которых, подчиняясь лишь правилам, установленным дьяволом, противоречил основным принципам человеческого общежития, расценивался как предательство христианской веры, как отказ от исполнения Божественных установлений. Такое восприятие колдовства прослеживалось, как я уже упоминала, по материалам самых ранних ведовских процессов, имевших место в альпийском регионе, а также по созданным здесь первым демонологическим сочинениям¹².

Исследователи уже неоднократно отмечали, насколько тесной оказывалась в этих текстах связь между описаниями ведовских сект и ан-

⁹ Об иконографии Иуды Искариота см. прежде всего: *Porte W. Judas Ischarioth in der bildenden Kunst*. Berlin, 1883; *Mellinkoff R.* Op. cit. T. 1. P. 145–159.

¹⁰ Подробнее см.: *Майзульс М.Р.* Воображаемый враг. С. 335–361; *Пастуро М.* Указ. соч. С. 210–224; *Mellinkoff R.* Judas's Red Hair and the Jews // *Journal of Jewish Art*. 1982. № 9. P. 31–46.

¹¹ *Пастуро М.* Указ. соч. С. 212.

¹² См. выше: Глава 5.

тисемитскими настроениями, царившими в социуме¹³. Достаточно сказать, что на протяжении всего XV столетия для обозначения шабаша постоянно использовался термин «синагога», совершенно недвусмысленно указывавший на крайне напряженные отношения, складывавшиеся в данном регионе между христианской и еврейской общинами¹⁴. Это определение встречалось и в протоколах допросов жителей Фрайбурга, где первые ведовские процессы прошли в 1399, 1429 и 1430 гг.¹⁵, и в анонимных «Ошибках вальденсов» второй половины 1430-х гг.¹⁶, и в трактате Клода Толозана 1436 г.¹⁷, и в «Защитнике дам» Мартина Ле Франка (1441–1442 гг.)¹⁸. Из этих документов термин «синагога» перешел в бургундские, а затем и во французские демонологические трактаты: мы обнаруживаем его, к примеру, в «Сборнике дел о вальденсах» 1460 г.¹⁹ и в «Биче еретиков-чародеев» Николя Жакье 1458 г.²⁰ А автор «Короткой [истории] лионских вальденсов» (1430–1450 гг.) и вовсе за-

¹³ *Imaginaire du sabbat*. P. 319, 323–327, 519, 522; *Ostorero M. Le diable au sabbat*. P. 57–61.

¹⁴ В данном контексте термин «синагога», вне всякого сомнения, отсылал к Откровению Иоанна Богослова: «Знаю твои дела, и скорбь, и нищету, – впрочем ты богат, – и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но – сборище сатанинское (*synagoga Satanae*)» (Отк. 2: 9).

¹⁵ “Sed tamen ipsam non vidit in dicta synagoga, sed solum perpendit ex verbis, que dicta Marguereta sibi dixerat” (Quellen zur Geschichte der Waldenser von Freiburg im Üchtland (1399–1439) / Hrsg. von K. Utz Tremp. Hannover, 2000. S. 372); “Et ultra dixit, debite interrogata, quod antiquitus synagoga seu conventicula eorum tenebatur in domo illius de Murten” (Ibid. S. 341). См. также: Ibid. S. 359, 371, 372.

¹⁶ “Dat sibi unam pixidem ungento plenam et baculum ceteraque omnia, cum quibus debet seductus ire ad synagogam” (Errores gazariorum. P. 290). “Ipsis existentibus in loco synagoge, seducens diabolo, rationabilis creature inimico, seductum presentare satagit” (Ibid. P. 288).

¹⁷ “Et asserunt se ire longe aliqui super virga uncta sagimine pueri et pulvere subscripto cum mictu dyaboli, et nonnulli super bestiis et scobis, tenentes synagogam, obsculantes dtabolum, ipsiusque precepto se adinvicem carnaliter cognoscentes” (Tholozan C. Op. cit. P. 368).

¹⁸ “Je vouloye tout ce mescroire / Et disoye: c’est advertin / De teste, quant le me fist croire / Une aultre que vis le matin, / Disant: ‘Jay Sohier et Quotin / Veu danser et mener la gogue, / Et sachiez que Grec et Latin / Viennent a nostre sinagogue” (Le Franc M. Op. cit. V. 17537–17544).

¹⁹ “De modo congregacionis et synagoge pro prima vice” (Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum. S. 159).

²⁰ “Nam fide dignae personae, cum iuramento examinatae, retulerunt, se de nocte ambulando pro suis negotiis per aliquas vias caute vidisse et percepisse, deo volente, congregationem sive synagogam dictorum fascinariorum, apparente inter eos aliqua luce, qua satis deprehendi poterant, atque se aliquas personas ibidem cognovisse, in quarum praesentia postea, me qui haec scribo praesente et iuramentum recipiente, iudicialiter asseveraverunt ipsae personae fide dignae, se vidisse dictas personas fascinarias in dicta synagoga, exprimendo circumstantias eorum, quae ibidem gerebant” (Jacquier N. Op. cit. Cap. 7).

являл, что ночные встречи с Сатаной «обычно и традиционно именуются Синагогой»²¹.

Что же касается самих ведъм и колдунов, то одной из главных тем в их описаниях становилась измена, которую они совершали по отношению к Господу и Его таинствам. Авторы демонологических трактатов называли их «предателями веры»²², «мятежниками»²³, «неверными»²⁴ и «вероотступниками»²⁵. Впрочем, и сам дьявол именовался здесь «лжецом», «мерзким воришкой» и уподоблялся «судье или адвокату», помощи которого совершенно напрасно ищут его адепты²⁶.

На этом фоне, однако, особо выделялся уже упоминавшийся выше трактат «Ошибки вальденсов» (*Errorres gazariorum*). Показательно, что итальянским словом *gazarii* с начала XIII в. обозначали представителей самых разных еретических сект (патаренов, катаров), однако с конца XIV в. оно также использовалось по отношению к вальденсам Северной Италии, под которыми здесь подразумевались ведъмы и колдуны²⁷.

²¹ “Ipsi equidem nocturnis boris retro post Sathanam abeuntes, quidam peditando, quidam supra malignum spiritum in aliqua horribili effigie eis apparentem, alii supra aliquem baculum equitando ad quandam convencionem, eciam quandoque multum procul et distanter, vadunt, que apud quosdam eorum galilee dicitur ‘le Fait’, apud alios ‘le Martinet’, sed vulgariter magis et communiter la Synagogue nuncupatur” (Vauderye de Lyonois in brief. P. 189, курсив мой – О.Т.).

²² “Sed adversus haereticos huius sectae non potest populo provideri, quia suis maleficiis molestant caeteros etiam nolentes et non praevidentes, quia omnes huiusmodi haeretici sunt proditores et simulatores, nec possunt praecaveri a ceteris fidelibus, quin ab eis perturbentur” (Jacquier N. Op. cit. Cap. 27).

²³ “Postquam vero illecti sunt carnali voluptate, desperant de eternis, quod est temptare deum et dubitare de eius potencia. Tune vero ad ultimum fiunt rebelles fidei” (Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum. S. 182).

²⁴ “Quod demones possunt transportare corpora hominum de loco in locum, consensientibus maxime ipsis hominibus et deo permittente propter peccata ipsorum hominum et eorum infidelitatem, cuique in philosophicis et sacris litteris erudito notissimum est” (Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum. S. 150). “...dicitur, quod qui talia credit non est fidelis, cum nulla possit fleri mutatio sine creatore, qui omnia fecit” (Vinet J. Op. cit. Pt. I. Cap. 1).

²⁵ “Valdenses ipsos ex sua essenciali et formali professione ac recepcione ad congregacionem esse apostatas a fide, ydolatras et criminosos crimine lese maiestatis divine” (Ibid. S. 165).

²⁶ “Cellui dyable en fourme de cat / Parmy le monde tournoyot, / Et comme juge ou advocat / Toutes requestes escoutoit. / Chascun tel honneur lui faisoit / Coome a Dieu, aussy le faulx gars / Unga et aultres resjouissoit / Par parolles et par regars” (Le Franc M. Op. cit. V. 17489–17496). “Puis ung chascun s’en revenoit / Comme vent, sus son bastonchiel: / Telle puissance lui donnoit / Sathan, ce mauvais larronchiel” (Ibid. V. 17501–17504).

²⁷ Andenmatten B., Utz Tremp K. De l’hérésie à la sorcellerie: l’inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420–1445) et l’affermissement de l’inquisition en Suisse romande // Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte. 1992. Bd. 86. S. 69–119, здесь S. 99–100; Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. P. 174–182; *Errorres gazariorum*. P. 301–303.

Не менее любопытной представляется фигура автора сочинения, всегда считавшегося анонимным. Однако недавно Мартина Остореро высказала предположение, что его создателем мог оказаться Понс Фужейрон, генеральный инквизитор альпийского региона, Дофине и Авиньона в первой половине XV в.²⁸ Именно этому человеку была адресована булла 1409 г. папы римского Александра V, в которой сообщалось о роли евреев о возникновении ведовских сект:

«Некоторые христиане и иудеи создали новые секты... и среди них [имеются] многочисленные колдуны, прорицатели, вызыватели демонов, заклинатели, использующие заговоры, подверженные суевериям люди, предсказатели-авгуры, прибегающие к ужасным и запрещенным практикам, портящие и сбивающие с пути истинного многих христиан»²⁹.

«Ошибки вальденсов» стали первым сочинением, в котором демонологическая концепция колдовства обрела полностью законченный вид. Основное внимание было уделено здесь повседневной жизни ведовской секты, правилам вступления в нее и отношениям ее членов с нечистыми силами. Именно в *Errorēs gazariōrum* впервые появилось упоминание дьявола, который лично привлекал на свою сторону новых адептов при помощи посредников – людей, уже вступивших в преступное сообщество (*in societate*)³⁰. Нечистый обычно представал перед ними в виде черного кота (*cati nigri*), которому следовало принести оммаж, поцеловав в зад и пообещав после смерти отдать частицу собственного тела³¹. Необходимо было также пообещать хранить верность дьяволу и всему «сообществу» и никогда не раскрывать его секреты посторонним³².

²⁸ Ostorero M. Le diable au sabbat. P. 58; *Eadem*. Des papes face à la sorcellerie démoniaque (1409–1459): une dilatation du champ de l'hérésie? // Aux marges de l'hérésie. P. 153–184.

²⁹ “Quod nonnulli christiani et perfidi Iudei infra eosdem terminos constituti novas sectas... suntque etiam infra eosdem terminos multi christiani et iudei sortilegi, divini, demonum invocatores, carminatores, coniuratores, superstitiosi, augures, utentes artibus nefariis et prohibitis, quibus christianum populum seu plerosque simplices illarum partium maculant et pervertunt” (Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 16–17, курсив мой – О.Т.). Текст буллы затем дословно воспроизводился в посланиях Мартина V от 3 февраля 1418 г. и Евгения IV от 24 февраля 1434 г.: Ibid. S. 17.

³⁰ “Ipsis existentibus in loco synagoge, seducens diabolo, rationabilis creature inimico, seductum presentare satagit” (*Errorēs gazariōrum*. P. 288).

³¹ “Et in signi homagii osculatur diabolum in humana vel – ut premittitur – in alia specie apparentem, et in culo vel ano, dando ei pro tributo unum membrum sui corporis post mortem” (Ibid. P. 290).

³² “Quo audito, diabolus iuramentum fidelitatis a seducto exigit in modum qui sequitur. Primo iurat quod erit fidelis magistro presidenti totique societati. 2° quod omnes quos poterit societati aggregare, pro posse agregabit. 3° quod usque ad mortem non revelabit secreta predictae secte” (Ibid. P. 288).

Встречи ведьм и колдунов, названные в тексте «синагогами» (*in loco synagoge*), описывались в «Ошибках» чрезвычайно подробно. Автор обращал внимание на подробности церемонии принятия в секту новых членов³³, описывал в деталях последующие банкет, танцы и сексуальные оргии, на которых царили полная свобода и вседозволенность³⁴. Все эти явления расценивались им как абсолютная реальность, недаром он постоянно ссылаясь на признания приспешников дьявола, сделанные в суде³⁵, как поступали в XV в. и многие другие демонологи³⁶.

Однако один пассаж из «Ошибок вальденсов», также посвященный шабашу, представлял совершенно особый интерес. Описывая многочисленные зелья, которые использовали ведьмы и колдуны для наведения порчи на окружающих, автор подробно останавливался на следующем рецепте:

«Также, когда в руки этих ужасных созданий попадает человек с рыжими волосами, являющийся не членом секты, но истинным католиком, они раздевают его догола и привязывают к лавке так, чтобы он не мог пошевелить ни руками, ни другими частями тела. После этого они помещают на него ядовитых животных, и наиболее отвратительные и жестокие члены секты заставляют их грызть его плоть. От укусов и от попавшего в [раны] яда [этот человек] в конце концов умирает. Тогда они подвешивают его за ноги и устанавливают под ним сосуд из стекла или глины, чтобы собрать в него жидкости и яды, вытекающие из его рта и других отверстий. После чего [из этих жидкостей], перемешанных с детскими внутренностями и ядовитыми животными, которые ранее использовались для доведения человека до смерти, они при помощи дьявола готовят свое колдовское зелье, способное убить любого, на кого оно попадет»³⁷.

³³ «Persistentesque in illis usque ad medium noctis vel circa, et non ultra, quia hec est hora eorum et potestas tenebrarum» (Ibid. P. 296).

³⁴ Ibid. P. 290. Интересно, что в специальной литературе полностью отрицается существование в материалах ведовских процессов вплоть до XVI в. описаний гомосексуальных контактов, о которых упоминал, в частности, автор «Ошибок вальденсов»: Herzog T. The Demons' Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola's "Strix" // Sixteenth Century Journal. 2003. T. 34 (1). P. 53–72.

³⁵ «Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta» (Errores gazariorum. P. 298). См. также: Ibid. P. 294, 296.

³⁶ См. выше: Глава 5.

³⁷ «Item predicti pestiferi cum possunt habere unum rufum hominem non quidem de secta, sed fidelem catholicam, expoliant eum nudum, eum ligantes super scampnum taliter quod neque manus neque cetera membra movere potest. Quo ligato, circumquaque adducuntur animalia venerata, que coguntur ubique eum mordere per homines aliquos de ipsa secta magis immisericordes et crudeles taliter et adeo quod pauper homo in illis tormentis existens exspirat et moritur suffocaturque a veneno. Quo mortuo, suspendunt eum per pedes, ponentes sub ore eius aliquod vas vitreum vel terreum ad tenendum immunditias et venenum, per os et per alios meatus hominis distillantes.

Связь данного пассажа с историей Иуды Искарюта уже отмечалась исследователями. По их мнению, на нее прежде всего указывала весьма специфическая смерть человека, попавшего в руки членов ведовской секты, – повешение вверх ногами, представлявшее собой ничто иное как пародию на Распятие Христа³⁸. Вместе с тем подобное «наказание», безусловно, отсылало и к так называемой еврейской казни, которая полагалась любому иудею, совершившему тяжкое уголовное преступление (прежде всего, воровство и измену): такого человека вешали вверх ногами, а по бокам помещали двух голодных собак, пожиравших его живьем³⁹.

Не менее интересным элементом рассказа следует признать и выделявшиеся из тела жертвы жидкости, которые якобы собирали ведьмы. Эта деталь отсылала уже непосредственно к истории Иуды Искарюта – в том виде, в котором она получила широкую известность в Средние века и оказалась, в частности, изложена в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского.

Апокрифический рассказ о предателе Иисуса Христа располагался здесь в житии святого апостола Матфея, и его сюжет отчасти основывался на истории Эдипа. Иуда, не знавший с рождения своих родителей, якобы убивал в юности отца и женился на собственной матери, после чего во искупление совершенного греха отправлялся к Сыну Божьему и становился одним из его учеников⁴⁰. Затем следовали предательство и самоубийство героя, описанные Иаковом Ворагинским особенно ярко:

«Поэтому он предал Господа за десятую часть денег, которые можно было бы выручить за проданное миро, то есть за триста денариев. Рассказавшись, Иуда вернул те деньги и, уйдя прочь, удавился в петле. После того как Иуда удавился, *расселось чрево его, и выпали все внутренности его* (Деян 1, 18)⁴¹. Но уста его остались не затронутыми, и ничто не излилось через них: ведь не подобало, чтобы позорно осквернились уста, коснувшиеся преславных уст Господних. Но подобало, чтобы плоть, запят-

---

Qua recollectione facta, cum pinguedine suspensorum in partibulo et interioribus puerorum ac etiam animalibus venenatis predictis, que hominem interfecerunt veneno, ministerio diabolico unguentum aliud conficiunt, quod solo tactu interficit omnes homines” (Errores gazariorum. P. 292, курсив мой – О.Т.). О зелье, одно прикосновение к которому убивает человека, упоминалось также в 1448 г. в показаниях Жака Дюрье: *Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”*. P. 196.

³⁸ *Imaginaire du sabbat*. P. 323–327.

³⁹ О еврейской казни см. подробнее: *Тогоева О.И. «Истинная правда»*. С. 222–254.

⁴⁰ *Иаков Ворагинский*. Указ. соч. Т. 1. С. 258–259. См. подробнее об этом сюжете: Boureau A. *L'inceste de Judas. Essai sur la genèse de la haine antisémite au XIIe siècle* // Boureau A. *L'événement sans fin. Récit et christianisme au Moyen Age*. P., 1993. P. 209–230.

⁴¹ Именно такой вариант смерти Иуды был представлен на миниатюрах из «Часослова Этьена Шевалье» и из «Роскошного часослова герцога Беррийского» XV в. (Илл. 26, 27).

навшая себя предательством, распалась на части, и петля стянула горло, сквозь которое исходил голос предателя. Тот, кто нанес оскорбление ангелам на небесах и людям на земле, принял смерть в воздухе⁴². Так Иуда был отлучен от мест, где пребывают люди и ангелы, и оставлен в воздухе вместе с демонами»⁴³.

Важным оказывалось и указание на цвет волос человека, которого ведьмы и колдуны, согласно автору «Ошибок вальденсов», подвешивали за ноги. Тема вероломства вообще и отступничества Иуды Искарота в частности обыгрывалась здесь, как мне кажется, особенно изящно, поскольку рыжим оказывался не предатель Иисуса Христа, но истинный католик, который в данном случае изменял идеалам собственно ведовской секты, за что и нес соответствующее наказание.

Любопытно отметить, что упоминание рыжего цвета в столь специфическом контексте встречалось и в материалах средневековой судебной практики. Так, в списке обвинений, выдвинутых в 1431 г. против Жанны д'Арк, присутствовала статья, посвященная пребыванию девушки в городе Нефшато в Лотарингии, где она якобы проживала с другими женщинами «неподобающего поведения» на постоялом дворе, хозяйка которого откликалась на прозвище Рыжая (*La Rousse*)⁴⁴. В 1498 г. некая Изабель Пера, чей процесс проходил в Доммартене (Швейцария), сообщала на допросе, что при вступлении в секту дьявол требовал от нее отречься от Девы Марии, но она отказалась это сделать. Тем не менее, она много раз присутствовала на шабаше, участники которого обзывали Богородицу «Рыжей»⁴⁵.

Эти данные, однако, не означают, что тема отступничества Иуды всегда трактовалась средневековыми демонологами в столь оригинальном ключе. Напротив, в большинстве случаев речь все же шла о стандартной аналогии, когда предателю Сына Божьего уподоблялись сами ведьмы и колдуны. Автор «Ошибок вальденсов» в заключении к своему трактату отмечал, что члены преступной секты на первый взгляд практически неотличимы от обычных католиков. Более того, их можно легко принять за самых примерных прихожан, ибо в течение года они регулярно посещают мессу и исповедуются. Однако на самом деле, сообщал он далее, ведьмы и колдуны причащаются «точно так же как предатель Иуда», ко-

⁴² О близости образа подвешенного в воздухе Иуды описаниям казни средневековых преступников см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 112–114.

⁴³ *Иаков Ворагинский.* Указ. соч. Т. 1. С. 260.

⁴⁴ «Item dicta Iohanna, circa vicesimum annum etatis eius, propria voluntate et absque licencia dictorum patris et matris, transivit ad villam Novocastro in Lotharingia et ibidem servivit per aliqua tempora cuidam mulieri hospite nunciate *La Rousse*, ubi morantur continue iuvenes plures mulieres incontinentes et eciam hospitantur ut plurimum gentes guerre» (Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. T. 1. P. 200). См. выше: Глава 4, прим. 79.

⁴⁵ *Pfister L.* Op. cit. P. 70.

торый принял хлеб, обмокнутый в вино из рук Христа⁴⁶, т.е. делают это из страха, что демонстративный отказ от таинств может их выдать и их отступничество будет раскрыто⁴⁷.

Прямая отсылка к евангельскому тексту, в котором фигура Иуды Искарриота ассоциировалась с Сатаной, толкающим людей на путь греха⁴⁸, особенно интересна применительно к восприятию ведьм и колдунов в Средние века. С точки зрения демонологов того времени, именно дьявол – как и в случае с Иудой – стоял за всеми действиями членов преступной секты: ему они приносили оммаж, отказываясь таким образом от верности Христу и его учению. Такое понимание проблемы присутствовало и в материалах судебных дел. Так, на процессе 1467 г. некая Пьеретт Тротта из Веркорена (Швейцария) обвинялась в связи с Нечистым, который совратил ее и сделал своим adeptом. Явившись к женщине в первый раз, дьявол предстал перед ней в образе черного человека с крючковатым носом и в высоком волосатом колпаке, приказав называть себя Иудой⁴⁹.

Однако еще более четко связь между предателем Христа и adeptами дьявола прослеживалась по изобразительному материалу. Несмотря на то, что от эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени «портретов» членов ведовских сект сохранилось не слишком много, мы можем, как мне кажется, говорить об определенной тенденции в визуализации темы колдовства-предательства. И в первую очередь касалась она рыжего цвета.

Наиболее раннее, на мой взгляд, подобное изображение сохранилось в рукописи с текстом «Декрета» Грациана и комментариями к нему итальянского юриста Бартоломео из Брешии († 1258). Манускрипт был создан в Болонье около 1340 г. и известен специалистам своими весьма фривольными маргиналиями, одна из которых представляла собой рисунок абсолютно нагой женщины, летящей прочь на монстре-фаллосе⁵⁰ (Илл. 29). Куда именно устремлялась эта особа, художник не намекал,

⁴⁶ «Сказав это, Иисус возмущился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит... Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту» (Иоан. 13: 21–22, 26).

⁴⁷ “Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta inter ceteros fideles videntur esse meliores et communiter audiunt missam, sepe confitentes, capientes sacram eukaristie ad instar Iude traditoris, malitiam suam paliantes etc., et hoc ne, si se retraherent a sacrorum perceptione, deprehenderentur eorum malitia” (Errores gazariorum. P. 286, курсив мой – О.Т.).

⁴⁸ Ср.: «И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» (Иоан. 13: 27).

⁴⁹ Strobino F. Op. cit. P. 74, 130–135.

⁵⁰ Подробнее о таком типе средневековых изображений см.: Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. Парадоксы средневековой иконографии. М., 2018. С. 53–68.

однако рыжий цвет ее волос заставляет предположить, что в данном случае мы, возможно, имеем дело с одним из первых изображений средневековой ведьмы, отправляющейся на шабаш, который, тем не менее, сам Грациан почитал иллюзией⁵¹.

Значительно более уверенно мы можем судить о миниатюрах, украшавших рукописи «Защитника дам» Мартина Ле Франка 1451 г. и «Поношения секты вальденсов» Жана Тинктора 1460–1470 гг. Здесь рыжими изображались и волосы собравшихся на свою встречу адептов дьявола, и их платья (Илл. 12, 30, 31). И уж совсем очевидной связь средневекового образа Иуды Искариота с более поздней иконографией ведьм оказалась на картинах Ганса Бальдунга 1508 г. и Корнелиса ван Остзанена 1526 г. или на рисунках к «Хроникам» Иоганна Якоба Вика 1570–1577 гг., где рыжими становились не только волосы и одежда членов секты, но и сам дьявол и его демоны⁵² (Илл. 9, 16, 32, 33).

И все же следует отметить, что негативное восприятие рыжего цвета не являлось отличительной чертой эпохи Средневековья. По мнению Мишеля Пастуро, данная традиция имела давние и весьма различные корни: не только библейские, но также греко-романские и германские. Кроме того, рыжий цвет не всегда указывал исключительно на отрицательных персонажей и, в частности, на предателей, подтверждением чему могла служить иконография библейского царя Давида. Однако еще более важным представляется тот факт, что и сам Иисус Христос начиная с XII в. регулярно изображался рыжеволосым – точно так же, как и Иуда. Таким образом, с точки зрения Мишеля Пастуро, подчеркивалась не столько дистанция между этими персонажами, сколько их близость – близость их судеб, близость, возникающая между жертвой и ее палачом⁵³.

Данное наблюдение имеет, как мне представляется, непосредственное отношение к другой особенности средневековой иконографии Иуды Искариота, который примерно с XIV в. начал изображаться преимущественно *левшой*. Отныне его рыжих волос и одежд, а также звероподобного лица оказывалось уже недостаточно, чтобы выделить двенадцатого апостола из группы учеников Иисуса Христа. А потому все значимые действия Иуда совершал теперь левой рукой: ею он сжимал кошелек с 30-ю сребренниками, прятал за спиной ворованную рыбу, брал хлеб в сцене Тайной Вечери и даже прилаживал веревку к суку, на котором собирался повеситься⁵⁴ (Илл. 34).

⁵¹ “Sortilegi sunt qui sub nomine fictae religionis... divinationes scientiam profitentur” (Decretum magistri Gratiani. Col. 1020, курсив мой – О.Т.). Подробнее о концепции колдовства, изложенной в «Декрете» Грациана, см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 94–96.

⁵² См. также: Зотов С.О., Харман Д.Д. Указ. соч. С. 116, 121, 123–124, 138, 160, 240.

⁵³ Пастуро М. Указ. соч. С. 213–214. О реальной, а не воображаемой, близости, которая порой возникала между средневековыми преступниками, их тюремщиками и палачами, см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 39–40.

⁵⁴ Пастуро М. Указ. соч. С. 221–224.

В сходном ключе развивались и концепции демонологов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, для которых очень часто ведьмы и колдуны оказывались левшами. В частности, автор «Ошибок вальденсов», ссылаясь на показания Жана д'Этрубля и «многих других», отмечал, что при вступлении человека в секту, дьявол не только требует от него принести клятву верности. При помощи некоего «инструмента» он прокалывает левую руку своего нового адепта и, используя кровь как чернила, составляет письменный договор, который держит всегда при себе⁵⁵.

То же внимание к левой руке (но также к левой ноге и в целом к левой стороне тела) прослеживалось и по материалам судебных дел XV–XVII вв. В 1448 г. уже знакомый нам Жак Дюрье заявлял в суде, что члены его секты узнавали друг друга по метке в форме лягушки, расположенной под левым глазом⁵⁶. В 1449 г. на процессе, состоявшемся в Лозанне, некий Нико Фюрни признавал, что был вынужден пообещать Нечистому отдать ему «после смерти» мизинец левой руки, дабы подтвердить их союз, а Пьер Антуан сообщал, что с теми же целями собирался пожертвовать ноготь с пальца левой ноги⁵⁷. В 1477 г. в городке Шавано (Савойя) Антония Роз рассказывала в суде, что на первой же встрече с дьяволом рассталась с мизинцем левой руки, а кроме того должна была левой ногой наступить на изображение креста, брошенное на землю, в знак вечной преданности Нечистому⁵⁸. В 1498 г. Пьер Менетрей из Доммартена уверял суд, что он якобы устроил настоящий торг с дьяволом, который требовал отдать ему и тело, и душу, а будущий колдун соглашался лишь на ноготь с большого пальца левой ноги⁵⁹. В 1589 г. в Челмсфорде (Эссекс) Джоан

⁵⁵ “Item secundum confessionem Johannis de Stipulis et aliorum combustorum, quando unus noviter intrat sectam illam, prestito – ut premititur – iuramento fidelitatis et facto homagio, diabolus cum certo instrumento de sinistra manu seducti extrahit sanguinem, cum quo sanguine scribit in una carta certam scripturam quam apud se custodit; et hoc quamplures de secta viderant, prout testificati fuerunt” (Errores gazariorum. P. 296, курсив мой – О. Т.).

⁵⁶ Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. P. 230–231.

⁵⁷ “...dando sibi ungulam magne pedis sinistri post mortem in signum homagii”; “Et hoc facto homagio per dictum Nycodum dedit in signum homagii terciam partem parvi digiti sui manus sinistre post mortem” (цит. по: Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières (XIVe–XVIIe siècles) // Micrologus. 2005. T. 13. P. 359–388, здесь P. 362).

⁵⁸ “Confitetur insuper quod dictus demon, eius magister, eam signavit in parvo digito manus sinistre sue, quem semper a post habuit mortificatum, et eidem demoni ad eius importunam instantiam dedit animam suam, deinde crucem quamdam nemore confectam et ad terram prostratam pede suo sinistro conculcavit et fregit in del despectum” (Processus formatus ex sacre inquisitionis fidei officio, instante eiusdem sacre fidei inquisitionis procuratore, contra Anthoniam uxorem Johannis Rose de Villario Chabodi, parochie s. Jorii, Gebennensis diocesis // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 488–499, здесь S. 493–494, курсив мой – О. Т.).

⁵⁹ Pfister L. Op. cit. P. 240–241, 262–265.

Прентис призналась, что фамилиар по имени Феррет оставил свою метку на ее левой щеке⁶⁰. Наконец, на процессе 1651 г. в кантоне Во отдельное заседание оказалось посвящено меткам дьявола: у Жанны Тиссо ее обнаружили под левой рукой, а у Николарды Голли – на левом плече. Что же касается третьей обвиняемой, Мадлен Гриффон, то она поведала судьям поистине трагическую историю о том, что при встрече дьявол, не спрашивая ее согласия, повалил ее на землю и вонзил когти в левый бок настолько глубоко, что в этом месте у нее на всю жизнь остался шрам⁶¹.

Внимание к левой стороне тела вообще и к левой руке в частности мы обнаруживаем и на тех редких изображениях ведьм, которые дошли до нас от эпохи Средневековья и раннего Нового времени. На уже знакомом нам маргинальном рисунке из «Декрета» Грациана женщина верхом на монстре-фаллосе устремлялась именно в левую сторону (Илл. 29). На миниатюрах из «Защитника дам» Мартина Ле Франка 1451 и 1470 гг. ведьмы левой рукой направляли свои метлы (Илл. 12, 13), а на иллюстрации к «Письму Офеи Гектору» Кристины Пизанской (нач. XV в.) их товарка точно так же собирала лягушек для своего колдовского зелья (Илл. 35). Похожих и весьма многочисленных ведьм-левшей мы встречаем на гравюрах к английским антиведовским памфлетам (Илл. 36) или, к примеру, к изданию «Собрания злодеяний [ведьм]» Франческо Мария Гуаццо 1626 г.⁶² (Илл. 37).

Данный иллюстративный материал, безусловно, не означает, что все без исключения члены ведовских сект представлялись людям Средневековья рыжими и/или левшами. Например, на гравюре из анонимного английского памфлета «Исключительно странное и удивительное разоблачение трех ведьм из Варбойс» 1593 г. перед читателями представала пожилая дама, кормившая своих фамилиаров с ложки, зажатой в правой руке (Илл. 38). Точно так же использование именно правой руки при заключении договора с дьяволом упоминалось в материалах некоторых ведовских процессов в альпийском регионе⁶³.

И тем не менее, внимание демоологов, судей, а вместе с ними и художников эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени к левой стороне – стороне не Господа, но дьявола⁶⁴ – отрицать нельзя. Об этом, в частности, свидетельствовали уже упоминавшиеся выше иллю-

⁶⁰ "Item, the saide examine furthermore saith and confesseth, that the saide Ferret divers times after appeered unto her alwaies at the time when she was going to bed, and the last time he appeered unto her was about seaven weekes last past, at which time she going to bed, the Ferrit leapt upon her left shoulder, and sucked blood out of her lefte cheek, and that doone: he demaunded of her what she had for him to doo?" (Anon. The Apprehension and confession of three notorious Witches. P. 135–136).

⁶¹ Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières. P. 368–369.

⁶² См. также: Зотов С.О., Харман Д.Д. Указ. соч. С. 28, 53–54, 63, 67, 87, 133, 140, 154, 165.

⁶³ Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières. P. 362–363, 366, 368–369.

⁶⁴ Ср.: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мат. 25: 41).

страции к «Поношению секты вальденсов» Жана Тинктора (Илл. 30, 31), на которых сам Нечистый (в облике белого козла) был развернут в левую сторону, в отличие от своего возможного прототипа – смотрящего вправо Агнца Божьего с центральной части створчатого алтаря из католического кафедрального собора св. Бавона в Генте⁶⁵ (Илл. 39).

О том же говорили и французские миниатюры первой половины XV в., изображавшие убийство Людовика Орлеанского, в большинстве своем опиравшиеся на текст отчета королевского прево Парижа Гийома Тиньонвиля, в котором сообщалось, что герцогу отрубили именно левую руку – возможно, из-за его репутации колдуна⁶⁶. Так поступил, к примеру, художник, работавший над «Краткой хроникой королей Франции» (1450-е гг.)⁶⁷ (Илл. 4). Любопытно, что и на миниатюрах из парадных рукописей «Оправдания» Жана Пти 1408 г.⁶⁸, где последняя схватка Людовика с Жаном Бесстрашным была представлена в аллегорической форме и принцы крови изображены в облике волка и льва соответственно, герцог Орлеанский пытался именно левой лапой притянуть к себе корону Франции (Илл. 5)⁶⁹.

Наконец, следует вспомнить и антиведовский памфлет «Новости из Шотландии» 1591 г. с его достаточно богатой иконографической программой. На одной из гравюр, сопровождавших текст, художник запечатлел воображаемую встречу дьявола с его приспешниками на шабаше (Илл. 21). Прямо перед кафедрой, с которой выступал перед собравшимися Нечистый, восседал доктор Джон Фиан, служивший в секте, по свидетельству многих его поделельников, писцом⁷⁰. На гравюре бывший

⁶⁵ Как известно, Гентский алтарь, творение Хуберта и Яна ван Эйков, освятили 6 мая 1432 г. Миниатюры к трактату Жана Тинктора были выполнены в 1460–1470 гг., т.е. художник вполне мог скопировать данный образ, заменив Агнца на козла – животное дьявола. О правой и левой сторонах изображения на Гентском алтаре см. подробнее: Успенский Б.А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М., 2013. С. 23–34, 147–149.

⁶⁶ “Item que son poing senestre estoit couppé tout hors du bras entre le pousse et la première jointe du bras. Item que son bras destre estoit rompu tant que le maistre os sailloit dehors au droit du coude, ouquel bras avoit avecques ce une grant plaie” (Enquête de prévôt de Paris sur l’assassinat de Louis, duc d’Orléans. P. 217, курсив мой – О.Т.).

⁶⁷ Chronique abrégée des rois de France // BNF. NAF. Ms. 4811. Fol. 17.

⁶⁸ См. о них выше: Глава 3, прим. 96, 97, 120.

⁶⁹ Справедливости ради, следует упомянуть, что по крайней мере на одной, более поздней миниатюре в сцене гибели Людовика Орлеанского художник изобразил отрубленной *правую* руку: L’Abrégé de la Chronique d’Enguerrand de Monstrelet // BNF. Ms. fr. 2680. Fol. 52 (ок. 1470–1480 гг.).

⁷⁰ “[C]onfesses that John Fian their clerk made a letter” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 151, показания Джилли Дункан). “First, that at the general meetings of those witches he was always present; that he was clerk to all those that were in subjection to the devil’s service bearing the name of witches; that alway he did take their oaths for their true service to the devil, and that he wrote for them such matters as the devil still pleased to command him” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 318, «Новости из Шотландии»).

школьный учитель оказался представлен левшой (как, впрочем, и некоторые другие присутствующие), и в данном случае гравер попытался обыграть те сведения, которые содержались и в материалах следствия, и в «Новостях из Шотландии». В этих текстах неоднократно повторялось, что доктор Фиан всегда занимал место слева от своего господина⁷¹, но поскольку изобразить такую сцену художник по каким-то причинам не сумел, он наградил своего героя леворукостью, дополнительно подчеркнув тем самым преступный характер его действий⁷².

***

Безусловно, рассуждать о существовании некоей *устойчивой* традиции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени в восприятии ведьм и колдунов исключительно как левшей представляется мне преждевременным. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с определенным смещением в понимании дихотомии правое/левое, с переносом смысла, подобным описанной выше ситуации с идентичным цветом волос у Иисуса Христа и Иуды Искариота: изображение адептов дьявола праворукими или леворукими вполне могло указывать на то, что *любой* человек способен вступить на путь зла. Впрочем, этот сюжет заслуживает дальнейшего детального изучения.

Одно остается, тем не менее, ясным. Тема предательства Иуды, вне всякого сомнения, имела самое непосредственное отношение к формированию образа приспешников дьявола, к оценке угрозы, которую представляли для окружающих члены ведовских сект. С точки зрения людей XV–XVII вв., эти «Другие» предавали христианскую общину, саму веру,

⁷¹ “Item, filed for being in North Berwick kirk at a convention with Satan and other witches, where Satan made a devilish sermon, where *the said John sat upon the left side of the pulpit nearest him*” (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 229, показания Джона Фиана, курсив мой – О.Т.). “John Fian was ever nearest to the devil *at his left elbow*” (Ibid. P. 245, показания Агнес Сэмпсон, курсив мой – О.Т.). “John Fian blew up the kirk doors and blew in the lights, which were like mickle black candles held in an old man’s hand round about the pulpit. And the devil start up in the pulpit... Robert Grierson and John Fian *stood on his left hand*” (Ibid. P. 257, показания Барба-ры Напье, курсив мой – О.Т.).

⁷² Любопытный – и значительно более ранний – пример критического отношения к левой руке подметил А.И. Сидоров в своей рецензии на монографию М.Р. Майзульса «Мышеловка святого Иосифа». Несмотря на то, что в тексте «Жития и чудес святого Людовика» Гийома де Сен-Патю (1330–1340 гг.) речь шла об исцелении *левой* руки некой Оранж де Фонтене, на миниатюре, сопровождавшей этот рассказ, почерневшей от болезни оказалась изображена *правая* конечность. Иными словами, художник счел возможным поправить автора, дабы лишний раз подчеркнуть праведный характер намерений Оранж, а также безусловную святость покойного французского короля: Майзульс М.Р. Мышеловка святого Иосифа. Как средневековый образ говорит со зрителем. М., 2019. С. 324–325; Сидоров А.И. Рец. на: Майзульс М. Мышеловка святого Иосифа. Как средневековый образ говорит со зрителем. М., 2019 // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 248–254.

избирая своим учителем Нечистого вместо Сына Божьего, точно так же, как Иуда предавал Иисуса Христа. Данная аналогия, таким образом, служила *нравственным* обоснованием охоты на ведьм, самого уголовного преследования подобного преступления. И все же она не слишком сильно приближала современников к пониманию того, как должна была *выглядеть* истинная ведьма, какие черты лица и особенности мимики выделяли ее на общем фоне. Рыжие волосы и леворукость, отличительные признаки приспешников дьявола, которыми наделяли их письменные и иконографические источники, далеко не всегда соответствовали реальности и, как мы только что видели, не являлись неизменными. Особенности физиогномики ведьмы в рамках данного дискурса не рассматривались, однако этот вопрос представляется крайне любопытным, тем более что он никогда ранее не поднимался в историографии. К анализу этой проблемы мы теперь и обратимся.

ГЛАВА 11

Невидимое лицо ведьмы

«У нее были космы точно веник из сухих веток – не для того, чтобы очищать дома от копоти и паутины, но чтобы коптить и покрывать чернотой сердца; лоб словно гемузский камень, чтоб затачивать нож страха, рассекающий груди; ее глаза были – кометы, предвещавшие дрожь в коленках, червей в кишках, озноб дыхания, колики души, понос тела. Лицом она внушала ужас, взглядом – трепет, шагами – отчаяние, словами – недержание. Пасть у нее была клыкастой, точно у кабана, огромной, как у чудища, оскаленной, словно у того, кто мучится столбняком, слюнявой, как у мула»¹.

Такими словами описывал настоящую колдунью неаполитанский поэт и писатель Джамбаттиста Базиле (1566–1632), чья двухтомная «Сказка сказок» (*Lo cunto de li cunti overo Lo trattenemiento de peccerille*) вышла в 1634–1636 гг. и стала первым в истории европейской литературы сборником волшебного фольклора, уже в конце XVII столетия получившим европейскую известность. В 1674 г. «Сказка» была опубликована в издательстве Антонио Булифона в Неаполе² и послужила источником вдохновения для Шарля Перро (1628–1703) и его «Сказок моей матушки Гусыни» 1697 г.: у Базиле прославленный литератор позаимствовал сюжеты «Золушки», «Кота в сапогах», «Спящей красавицы» и «Подарков фей». Впрочем, «портреты» французских ведьм также были весьма похожи на неаполитанские:

«У Людоеда было семь дочерей – еще маленьких. Все эти маленькие людоедки отличались прекрасным цветом лица, потому что ели сырое мясо, так же как и их отец: но глазки у них были серые и совсем круглые, носы крючковатые, а рты огромные, с длинными зубами, очень острыми и посаженными весьма редко. Они были еще не очень злые, но подава-

¹ Базиле Дж. Голубка // Базиле Дж. Сказка сказок, или Забава для малых ребят / Пер. с неап. П. Епифанова. СПб., 2016. С. 216–228, здесь С. 220.

² Сюзанна Маньянини высказывала предположение, что «Сказка сказок» добралась до Франции тремя разными путями. В 1685 г. ее мог приобрести для короля Людовика XIV (1638–1715) Жан Мабильон, в 1686 г. он же мог сделать заказ на дополнительные экземпляры, наконец, книгу мог привезти сам Антонио Булифон, вернувшийся на родину в 1687 г.: *Magnanini S. Postulated Routes from Naples to Paris: The Printer Antonio Bulifon and Giambattista Basile's Fairy Tales in Seventeenth Century France // Marvels and Tales. 2007. Vol. 21 (1). P. 78–92.*

ли большие надежды, ибо уже кусали маленьких детей, чтобы сосать их кровь»³.

В 1812 г. перевод «Сказки сказок» Джамбаттиста Базиле вышел в Германии с предисловием Якоба и Вильгельма Гримм, которые не только высоко оценили этот сборник⁴, но и позаимствовали из него некоторые сюжеты – например, для своей версии «Гензеля и Гретель»:

«Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что вырвали из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

– Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды – молока с оладьями, присыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха, только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чуют близость человека»⁵.

Именно эти произведения XVII–XIX вв., а также иллюстрации к ним прежде всего повлияли на наши современные представления о том, какой должна быть настоящая ведьма. Мы совершенно уверены в том, что ее всегда можно узнать по старому морщинистому лицу, покрытому бородавками; большому крючковатому носу; выступающим зубам и толстым губам; пронзительному неприятному взгляду; по глазам разного цвета и седым космам. Именно такой образ колдуньи очень быстро проник в изобразительное искусство, в кинематограф и мультипликацию XX в.: достаточно вспомнить иллюстрации Ивана Билибина к сказкам А.С. Пушкина, многочисленные роли Георгия Миллера в фильмах Александра Роу⁶, героинь Уолта Диснея или Хаяо Миядзаки.

³ Перро Ш. Мальчик с пальчик // Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / Пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; под ред. А. Андрес. М., 1986. С. 69–77, здесь С. 74.

⁴ *Jacob und Wilhelm Grimm. Schriften und Reden* / Hrsg. von L. Deneke. Stuttgart, 1985. S. 108–110.

⁵ Грим В., Грим Я. Гензель и Гретель // Грим В., Грим Я. Сказки / Пер. Г. Петникова. М., 2004. С. 91–99, здесь С. 95–96.

⁶ См. воспоминания Г. Миллера о том, как рождался его знаменитый образ Бабы-Яги: «В Ялте я старушку увидел – коз пасла на Чайной горке. Старая-престарая

Тем не менее, если развитие устойчивого и вполне стереотипного образа ведьмы в Новое и Новейшее время мы проследить в состоянии, истоки этой традиции до сих пор остаются неисследованными. Мы не знаем, что происходило в европейской культуре до того, как Джамбаттиста Базиле, Шарль Перро, а вслед за ними братья Гримм собрали и опубликовали сказочные нарративы, подвергнув их при этом иногда поверхностной, а иногда – весьма существенной обработке. Иными словами, следует обратиться к текстам эпохи Средневековья и раннего Нового времени, чтобы попытаться понять, как в них описывалась физиогномика истинных ведьм и колдунов и как ее особенности помогали современникам выявлять адептов дьявола среди себе подобных.

***

Как я уже упоминала, концепция «Другого» – чужака, иностранца, иноверца, грешника или преступника – была разработана средневековыми авторами достаточно рано⁷. При этом описания или изображения человеческого лица занимали в их трудах не последнее место, поскольку внешность – как и поступки – должна была выдавать порочный образ жизни того или иного индивида. Наиболее близкими к ведьмам и колдунам в данном контексте оказывались грешники – люди, не слушавшие слова Господа, отказавшиеся от истинной веры, презревшие христианские догматы и таинства и, таким образом, обратившиеся к Сатане.

Описаниями метаморфоз, которые претерпевало тело грешника вследствие его безрассудного поведения, были полны средневековые тексты и прежде всего – собрания поучительных «примеров» (*exempla*), используемых в проповедях местными священниками и монахами странствующих орденов для устрашения и наставления верующих. Многочисленные истории эти кочевали из сборника в сборник, но характерно, что огромная их часть касалась именно лица человека, нарушившего Божественные установления и несущего за свой проступок наказание – как при жизни, так и после смерти⁸.

Так, из исключительно популярной на протяжении всего Средневековья «Всеобщей пчелиной благодати» (*Bonum universale de apibus*) Фома Кантерпрейского (ок. 1256–1263 гг.) многими авторами был заимствован рассказ о неблагодарном сыне, прячущем от своего впавшего в ни-

---

гречанка, сгорбленная, нос крючком, недобрый взгляд, в руках короткая палочка. Чем не Баба-яга?... А еще обильный материал мне дала соседка по коммуналке. Характер у нее был ужасный, склочница, ей надо было обязательно кого-нибудь поссорить» (Богданова Т. Георгий Милляр: «Я не мужчина... Я баба-Яга» // Аргументы и факты. 3.11.2003. № 21).

⁷ См. выше: Глава 10.

⁸ База данных по многочисленным сборникам поучительных «примеров» была составлена и продолжает пополняться сотрудниками «Группы исторической антропологии средневекового Запада» при Высшей школе социальных наук в Париже: *Thesaurus Exemplorum Medii Aevi* // www.ehess.fr/gahom/thema/.

щету отца жареного гуся: когда молодой человек собирался поужинать в одиночестве, гусь оборачивался жабой и прилипал к лицу грешника⁹. Монах-доминиканец Этьен де Бурбон (ок. 1180–1261) в своем знаменитом сборнике «О различных материях, пригодных для проповеди» (*De diversis materiis praedicabilibus*, ок. 1250 г.) повествовал о некой девице, отвлекавшей прихожан в церкви неуместными песнями и танцами и пораженной за это ужасной болезнью, от которой ее кожа покрылась нарывами¹⁰. Он же рассказывал о священнике, учившего приходских детей преследовать женщин, злоупотреблявших румянами, и кричать им вслед: «Изыди, рыжая, со своей ядовитой шкурой!»¹¹, а также о нечистых на руку адвокатах, языки которых после смерти увеличивались в размерах и распухали, на них мог вырасти тростник, а сами их рты превращались в пасть крокодила¹². В проповедях еще одного доминиканца, Винсента Феррье (1350–1419), присутствовали похожие поучительные истории – например, о благочестивой женщине, просившей Господа помочь ей наставить на путь истинный мужа-грешника. В результате лицо последнего деформировалось до такой степени, что его начали сторониться соседи, а сам он боялся смотреться в зеркало – вплоть до того момента, пока не раскаялся и не исповедовался¹³.

⁹ *Thomas de Cantimpré. Les exemples du "Livre des abeilles". Une vision médiévale / Ed. par H. Platteau. Turnhout, 1997. P. 119–121. Подробнее об этом сюжете см.: Berlioz J. L'homme au crapaud. Genèse d'un exemplum médiéval // Tradition et histoire dans la culture populaire. Rencontre autour de l'oeuvre de J.-M. Guilcher, Grenoble, Musée dauphinois, 20–21 janvier 1989. Grenoble, 1990. P. 169–203; Idem. Crapauds et cadavres dans la littérature exemplaire (XIIe–XIVe siècles) // Micrologus. 1999. T. 7. P. 231–246.*

¹⁰ "Item audiui a fratribus [quod] apud Andegavensem urbem accidit quod quedam juvencula in festivis diebus, cum alii irent ad sermonem, alias socias convocabat ad choreas, et prope plateam ubi fiebat sermo ita alte cantabat, quod sermonem impendebat, nec correpta sepe desistere volebat. Cum autem semel hoc faceret, a demone arrepta fuit, et tot pustulis fuit percussa, quod tota inflata et infecta et corrupta videbatur" (Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon. P. 161).

¹¹ "Se peccatrices ostendere vel apparere non erubescunt. Sicut enim serpentes et dracones, quanto sunt rufiores, tanto venenaciores, sic mulieres, quanto sunt in capite rufiores, tanto videntur esse interius venenaciores. Fui ego [in quadam villa] ubi nulla talis mulier audebat intrare; sacerdos enim, timens infici parrochiam suam hoc veneno, instruxerat pueros ita quod, quociens mulier meretricio habitu ornata et croceata in parrochia tota apparebat, pueri clamabant posteam: 'Egredere, rosselle, cum venenosa pelle!'" (Ibid. P. 239).

¹² "Vidi ego aliquos percussos subito et admisisse usum rationis et linguae per multos annos, usque ad exitum. Cuidam, ut dicitur in Summa de Viciis, lingua in morte visa est velocius moveri arundine; alteri labium inferius moveri visum est velocius labio cocodrilli; lingua alterius exivit extra os; de alio legi quod [lingua] ita crevit post mortem et intumuit, quod videbatur perforando sudarium late protensa" (Ibid. P. 380).

¹³ *Cátedra P.M. Sermón, sociedad y literatura en la Edad Media. San Vicente Ferrer en Castilla (1411–1412). Salamanca, 1994. P. 46.*

Наиболее же яркий и запоминающийся, на мой взгляд, «пример» приводил Жак де Витри (1160/1170–1240) в *Sermones vulgares*. В назидание людям женатым здесь рассказывалась знаменитая история о дьяволе и его девяти дочерях, рожденных от Похоти – «очень некрасивой женщины, в сердце которой горел огонь зловредных желаний, а потому она была черна, как уголья, ее глаза опухли от гордыни, у нее имелись длинный, кривой нос, ставший таким благодаря ее хитроумным махинациям, большие уши, похожие на лопухи из-за ее любопытства, и рот, зияющий и зловонный по причине ее безобразной несправедливой болтовни»¹⁴.

Из сборников поучительных «примеров» истории об изменившихся в лице под воздействием разнообразных грехов нерадивых прихожанах перешли и в другие жанры литературы, в частности, в дидактические сочинения, также призванные наставлять людей Средневековья в вере и нормах поведения в обществе. Одним из них стала «Книга поучений дочерям» анжуйского рыцаря Жоффруа де Ла Тур Ландри, написанная в 1371–1373 гг. Будучи авторским произведением, данный трактат, тем не менее, в большой степени являлся компиляцией разнообразных рассказов, почерпнутых из самых разных источников: «Этимологий» Исихора Севильского, трудов Иеронима и Григория Великого, «Золотой легенды» Иакова Воррагинского, «Романа о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена и т.д. В том числе, использовал Жоффруа де Ла Тур Ландри и сборник *exempla* – «Зерцало праведных женщин» (*Miroir des bonnes femmes*) неизвестного монаха-францисканца, созданное в 1280–1290 гг.¹⁵

Среди самых разнообразных «примеров» из античной, библейской и средневековой истории здесь присутствовал, в частности, рассказ о даме, которая кормила мясом своих собак вместо того, чтобы раздавать милостыню и поддерживать бедняков и сирот. А потому в момент смерти рядом с женщиной появились два черных пса, принявшихся вылизывать ей лицо; как только дама умерла, ее рот стал черным как уголь¹⁶. Далее следовала история о грешнице, постоянно опаздывавшей в церковь на службу: она слишком много времени проводила перед зеркалом и в конце концов, как-то раз взглянув на свое отражение, увидела смотрящий на нее зад дьявола¹⁷. Этот сюжет был чрезвычайно популярен в литературе эпохи Средневековья и раннего Нового времени, он

¹⁴ Prêcher d'exemples. Récits de prédicateurs du Moyen Age / Ed. par J.-Cl. Schmitt. P., 1985. P. 61–62, 66–67.

¹⁵ Подробнее о методах работы Жоффруа де Ла Тур Ландри и использованных им более ранних сочинениях см.: Крылова Ю.П. Указ. соч. С. 126–142, 156–164.

¹⁶ «Cy advint que la dame acoucha au lit malade de la mort, et y avint telles merveilles que l'en vit tout appertement sur son lit deux petits chiens noirs, et, quand elle transit, ilz estoient entour sa bouche et lui leshoient le bec, et, quand elle fut transie, l'om lui vit la bouche toute noire, que ilz avoient lechée, comme charbons» (Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry. P. 45).

¹⁷ «Et si comme il pleust à Dieu, si comme pour exemplaire, ainsi comme elle se miroit à celle heure, elle vit à rebours l'ennemy ou mirouer qui lui monstroient son derrière, si lait, si horrible, que la dame issy hors de son sens comme demoniacle» (Ibid. P. 70).

присутствовал уже у Жака де Витри¹⁸, а особую известность получил благодаря иллюстрациям, выполненным для немецкого перевода «Книги поучений», который был опубликован в 1493 г. под названием «Рыцарь Башни»¹⁹ (Илл. 40). Еще одна история Жоффруа де Ла Тур Ландри рассказывала о женщине, после смерти которой дьявол не просто забрал ее душу в ад, но полностью изуродовал ее лицо: он запустил когти в ее брови, скулы и лоб, добрался до мозга и вонзил в него раскаленные иглы. Произошло же это потому, что при жизни дама уделяла слишком много внимания своей внешности и всячески прихорашивалась, пытаясь переделать то, как создал ее Господь²⁰.

Средневековая иконография не отставала от письменных источников в изображении людей, чьи лица претерпели страшные метаморфозы из-за совершенных грехов. Так, лжепророки часто представляли на миниатюрах с лягушками и змеями, вылезающими изо рта и символизирующими обманные речи, которыми их авторы завлекали в свои сети простодушных верующих (Илл. 41). Нечестивцы, попавшие в ад, изображались с вылезающими из орбит глазами, оскаленными зубами и/или с высунутыми языками (Илл. 42)²¹. Не менее популярным мотивом являлись, к примеру, стоящие дыбом волосы или крючковатые носы (Илл. 43)²².

¹⁸ “Hujusmodi autem mulieres quando ad publicum exire vel etiam ire debent, magnam diei partem in apparatu suo consumunt. *Quant Aeliz fu levee, et quant ele fu lavee, et la messe fu chantee, et deable l'ont emportee*, quod est: Quando Aeliz de lecto surrexit, et lota fuit, et in speculo aspexit, et vestita et ornata fuit, jam cruces ad processionem tulerant, et missam cantaverant, et demones eam tulerunt qui comites ejus fuerunt” (The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques de Vitry / Ed. by T.F. Crane. L., 1890. P. 114).

¹⁹ *Marquard vom Stein. Der Ritter von Turn. Bâle, 1493.* Авторство гравюр, украшавших это издание, до сих пор иногда приписывается Альбрехту Дюреру (1471–1528).

²⁰ “Il veoit appartenant que un ennemy la tenoit d'une de ses griffes par les cheveux et par la tresse, comme un lion tient sa proie, si qu'elle ne pouoit la teste remuer ne çà ne là, et puis lui mettoit alesnes et aiguilles ardans par les sourcilz, et par les temples, et par le front jusques à la cervelle... l'ange l'asseura et luy dist qu'elle l'avoyt bien desservy; sy demanda pourquoy et il respondy: Pour ce qu'elle s'estoit fardée et peinte le visaige pour plaire au monde, et que c'estoit un des pires pechiez qui feust et qui plus desplaisoit à Dieu” (Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry. P. 109). Подробнее о женских грехах, связанных с изменением внешности, и об их оценке средневековыми моралистами см.: Крылова Ю.П. «Ты плохо меня создал, я сделала себя лучше...» (Мужской взгляд на украшение женской внешности, XIV в.) // Социальная история – 2003: Женская и гендерная история. М., 2003. С. 80–89.

²¹ О высунутом языке как знаке греха см.: *Жакоб Р.* Когда судьи показывают язык // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 193–234, здесь С. 206–215. Большой иконографический материал собран в: *Пильгун А.В.* Указ. соч. С. 316–319, 322–329, 338–340, 348–349, 361, 375.

²² О символике стоящих дыбом волос и выдающихся носов см.: *Сидоров А.И.* Изображая зло; *Майзус М.Р.* Воображаемый враг. С. 208–236.

Если обычный безбожник, согласно средневековым авторам и художникам, мог измениться под влиянием Нечистого лишь в худшую сторону, то ведьму от него отделял буквально один шаг, поскольку и она отвергла Господа, предавала его и приносила клятву верности совсем другому господину – владыке ада. И тем не менее, лицо грешника в средневековых текстах и на миниатюрах описывалось и изображалось регулярно, тогда как лицо ведьмы, к сожалению, в них столь же регулярно отсутствовало: в ранних демонологических трактатах и уж тем более в материалах судебных дел речь шла преимущественно о *действиях* человека, заподозренного в занятиях колдовством, нежели об особенностях его физиогномики. Мы не найдем ничего похожего ни в документах, происходящих из альпийского региона и из Бургундии, ни в первых французских демонологических сочинениях, хотя их авторы широко использовали поучительные «примеры» в качестве структурообразующих элементов повествования. Так, разделы о возможном совокуплении ведьмы с дьяволом и у Жана Вине, и у Николя Жакье, и у Пьера Мамори были целиком построены на разнообразных *exempla*. По тому же принципу подбирались истории о наказаниях, которые ждут этих безбожников в аду, или о путешествиях ведьм и колдунов на шабаш²³. Тем не менее, о *лицах* приспешников дьявола французские авторы, насколько можно судить, не упоминали. Только в «Диалоге об опровержении магических искусств» Симфорьена Шампье 1500 г. приводился один поучительный «пример», напоминающий историю, рассказанную в свое время Жоффруа де Ла Тур Ландри, – о женщине, душой и телом которой овладел Нечистый, поскольку она чрезмерно любила румяна²⁴.

Что же касается заимствований из материалов судебных дел, имевших место во Французском королевстве в XV в., то их в ранних демонологических трактатах и вовсе не встречалось. Впрочем, и в самих этих документах описания лиц ведьм и колдунов отсутствовали: мы не найдем их ни в протоколах следствия или в приговорах, ни в письмах о помиловании, ни в списках задержанных; нет их даже в показаниях свидетелей.

Единственным, о чем все же сообщали французские демонологи, был *особый взгляд* ведьмы, при помощи которого она могла повлиять на поведение или на самочувствие человека, околдовав его: о нем писали Жан Вине и Николя Жакье, однако ни один из них не уточнял, какой именно это должен быть взгляд²⁵. Только Симфорьен Шампье упоминал мельком о колдуньях, имеющих «по два зрачка в каждом глазу», но тут же огова-

²³ Этот вопрос подробно рассмотрела в свое время Мартина Остореро: *Ostorero M. Le diable au sabbat*. P. 276–277, 302–305, 323–329, 353–354, 364–365, 391–394, 400–405.

²⁴ “...facto autem mane, magis erubescens vultum hominum que dei illuc profecta est. Mox aut ut oratorium ubi erant reliquie sancti sebastiani ingressa est, dyabolus eam arripuit et coram omnibus vexare cepit” (*Symphorien Champier*. Op. cit. P. 310).

²⁵ *Ostorero M. Le diable au sabbat*. P. 431–433, 453–456.

ривался, ссылаясь на Плиния Старшего, что этих опасных женщин можно встретить лишь в Иллирии и в племени трибаллов, т.е. на Балканах²⁶.

Не уделялось никакого внимания лицу ведьмы и в ранней континентальной иконографии. Собственно, в первых изданиях перечисленных выше французских трактатов иллюстрации вообще отсутствовали. Уже знакомые нам персонажи с миниатюр к «Декрету» Грациана, «Защитнику дам» Мартина Ле Франка или к «Поношению секты вальденсов» Жана Тинктора отличались лишь рыжим цветом волос, в остальном же их внешность ничем не напоминала об их дьявольской «профессии» (Илл. 12, 29, 30, 31). Тот же подход демонстрировали и более поздние европейские художники: например, на знаменитых иллюстрациях к трактату Ульриха Молитора «О ламиях» 1489 г. приспешники дьявола опознавались лишь потому, что на гравюрах были запечатлены их злодеяния, лица же их ничего не говорили о связи с Нечистым (Илл. 14, 44).

Похожая ситуация сохранялась в странах Западной Европы и в раннее Новое время. Хотя демонологических трактатов публиковалось все больше, проблема физиогномики ведьм и колдунов здесь по-прежнему не поднималась. Пожалуй, единственное исключение составлял все тот же особый взгляд ведьмы, однако новое поколение «специалистов» высказывало по этому вопросу диаметрально противоположное мнение. Так, Жан Боден в своей «Демонии колдунов» 1580 г. ответственно заявлял, что «слепающий взгляд ведьмы» нельзя использовать в качестве доказательства ее вины²⁷. Вместо него он предлагал обращать внимание на поведение той или иной женщины в повседневной жизни: если при

²⁶ “Idem feminas quosque que ubique *duplices pupillas habeant visu effascinare, plinius affirmat feminas esse in illiriis et tabalis que visu effascinent*” (*Symphorien Champier*. Op. cit. P. 272). Плиний Старший действительно писал о таких женщинах: «Исигон и Нимфодор передают, что в той же Африке есть семьи, которые занимаются колдовством; от их похвалы гибнут луга, засыхают деревья, угасают младенцы. Исигон добавляет, что такого же рода люди есть среди трибаллов и иллириев (они околдовывают взглядом и убивают тех, на кого долго пристально смотрят ненавистным, по преимуществу, взором); что зло их глаз больше ощущают взрослые; и то (что особенно примечательно), что у них в каждом глазу по два зрачка» (Плиний Старший. Указ. соч. С. 214).

²⁷ “Mais il ne faut pas prendre pour une presumption du droict les esblouissements des yeux que font les Sorciers” (*Jean Bodin. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 187v). Любопытно, что в данном случае Жан Боден явно противоречил «Молоту ведьм», одному из своих наиболее авторитетных источников, в котором самым подробным образом – со ссылкой на Фому Аквинского – рассматривался вопрос о «дурном глазе» ведьмы: «Так же и святой Фома разбирает это чародейство... Он полагает, что вследствие сильного душевного напряжения происходит изменение и перемещение в элементах тела. Это изменение происходит главным образом в глазах, и из них исходит излучение. Таким образом глаза заражают воздух на определенное значительное расстояние... Если душа неудержимо клонится ко злу, как это бывает в особенности у женщин, то это происходит, как нами ранее указано. Их взгляд ядовит и несет порчу» (Шпенгер Я., Институт Г. Указ. соч. С. 91–92).

встрече она опускала взгляд или старалась не смотреть в глаза своему визави, это можно было считать верным признаком ее колдовской натуры²⁸.

Не менее важным для судебного расследования полагал Жан Боден и поиски так называемой метки дьявола на теле предполагаемой ведьмы или колдуна, хотя и предупреждал своих читателей, что найти подобный след очень непросто, поскольку обычно располагается он в потайных местах²⁹. И хотя очень многие европейские демонологи полностью разделяли точку зрения прославленного французского юриста, метки все же не относились к собственным отличительным чертам подозреваемых в занятиях колдовством и ничего не давали для понимания того, как выглядели эти люди в обычной жизни, т.е. до того, как бывали арестованы, обысканы и осмотрены в тюрьме или в суде³⁰.

Что же касается самой внешности предполагаемых ведьм и колдунов и особенностей их мимики, то можно было бы предположить, что французская судебная практика эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени также обращала большее внимание на действия обвиняемых, а не на их физиогномику. Такая гипотеза вполне имела бы право на существование, поскольку во Французском королевстве уже с конца XIV столетия колдовство считалось особо тяжким уголовным преступлением, и его расследованием занимались исключительно светские суды, для которых на первом месте оказывалась не общая греховность человека, но его конкретные злодеяния³¹.

Тем не менее, данное обстоятельство не объясняет полностью особенности французской демонологии. Поскольку в XVI–XVII вв. существовал по крайней мере еще один регион, где суды также являлись светскими, но внимание внешности ведьм (и, в частности, их лицам) уделялось самое непосредственное – точно так же, как во многих поучительных «примерах» уделялось внимание физиогномике грешника, подчинившего свою жизнь дьяволу.

***

Этой западноевропейской страной было Английское королевство, где охота на ведьм, как мы уже знаем, началась только с конца XVI в. и где

²⁸ “Les autres indices sont la contenance du Sorcier, qui baille ordinairement la veuë contre terre, et n’ose regarder en face” (*Jean Bodin. De la démonomanie des sorciers.* Fol. 190).

²⁹ “Les plus grands Sorciers ne sont point marquez, ou bien en lieu si secret, qu’il est quasi impossible de les descouvrir... Ce seroit bien une presumption tres-violente, et suffisante avec d’autres indices, pour proceder à la condamnation” (*Ibid.* Fol. 193).

³⁰ Подробнее о метках дьявола и связанных с ними судебных процедурах см. ниже: Глава 12.

³¹ Как я упоминала, уже в конце XIII в. о таком понимании колдовства писал французский юрист, знаток обычного права Филипп де Бомануар: Глава 5, прим. 120.

демонологическая теория развивалась во многом под влиянием континентальных концепций³². Тем не менее – в отличие от своих альпийских, бургундских и французских коллег – местные судьи и знатоки колдовства уделяли совершенно особое внимание проблеме физиогномики ведьм и колдунов. Они описывали их самым подробнейшим образом, и очень часто эти словесные «портреты» напоминали те, что затем возникали в волшебных нарративах.

Если взглянуть на гравюры, которые иногда сопровождали английские антиведовские памфлеты, то на них обычно представала довольно пожилая женщина, опирающаяся на костыли или на палку, а ее главной отличительной чертой можно было бы назвать выдающийся нос³³ (Илл. 23, 24, 36, 38). Большинство текстов подтверждали этот чисто визуальный образ. Как писал в 1584 г. в «Разоблачении колдовства» Реджинальд Скот, ведьмами обычно оказываются старухи: у них бледный мрачный вид, сморщенные обезображенные лица, на которых лежит печать меланхолии, вызывающая у окружающих ужас³⁴.

Эту точку зрения разделяли и авторы XVII в. Ричард Бернард в 1628 г. и Джон Стерн в 1648 г. также подчеркивали особо меланхолический и грустный взгляд тех, кто занимается колдовством³⁵. Ведьмы обычно имели отчужденный вид, их глаза горели нездоровым огнем или гневом³⁶. Такие женщины никогда не плакали³⁷ или же, напротив, слишком охотно проливали слезы³⁸. Брови, губы, уши, щеки, лоб, шея и, есте-

³² О влиянии «Демонии колдунов» Жана Бодена на «Демонологию» Якова Стюарта см. выше: Глава 8. Знакомство с этим трудом демонстрировали и авторы антиведовских памфлетов и трактатов, прямо или косвенно на него ссылавшиеся: *W.W. A true and just Recorde*. P. 76; *Bernard R. Op. cit.* P. 72, 86–88, 107, 113–114, 124, 147–153, 158–159, 169, 189–191; *Anon. The Shee-Devil of Petticoat-Lane*. L., 1666. P. 8. Особенно активно цитировал Жана Бодена английский врач Реджинальд Скот, весьма критически относившийся к идеям своего французского коллеги: *Reginald Scot. Op. cit.* P. 32–34, 40, 93–99, 125, 132, 140–142.

³³ Подробнее об этих изображениях см.: Игина Ю. Ф. Изображая ведьму.

³⁴ “One sort of such as are said to bee witches, are women which be commonly old, lame, bleare-eied, pale, fowle, and full of wrinkles... They are leane and deformed, shewing melancholie in their faces, to the horror of all that see them” (*Scot R. Op. cit.* P. 7).

³⁵ “When any fall into a passionate sorrow, accompanied with solitarinesse, for some losse, as did a woman for the death of her child: in which sorrowfull melancholy moode, the Divell offered himselfe to comfort her” (*Bernard R. Op. cit.* P. 116); “...the Devill offers himself to comfort such in their sorrowfull melancholy mood” (*Stearne J. Op. cit.* P. 15).

³⁶ “Besides of late dayes her very countenance was estranged, her eyes were fiery and hollow, her speech fell and envious” (*Anon. The Wonderful Discovery of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower* (1619) // *Early Modern Witches*. P. 276–298, здесь P. 285).

³⁷ “Their hearts are so hardened, that not so much as their eyes are able to shead teares” (*Anon. The Witches of Northamptonshire*. P. 167). О даре слез, которого якобы были лишены те, кто продал душу дьяволу, см. ниже: Глава 12.

³⁸ “Examine with great submission and many teares, confessed that she had two spirites” (*W.W. A true and just Recorde*. P. 96); “In the end being openly charged with all this in

ственно, другие части тела ведьмы покрывали синяками и укусы – метки дьявола или фамилиаров³⁹. Ее уши могли быть разного размера⁴⁰. Слабое зрение вынуждало ее носить очки⁴¹ – или же она и вовсе оказывалась совершенно слепой⁴².

Присутствовали в памфлетах и более развернутые и весьма оригинальные описания. Так, в 1592 г. некий Ричард Бёрт из Вудхолла (Мидлсекс) свидетельствовал против матушки Аткинс, «зловреднейшей ведьмы», которая всегда опускала голову при встрече с ним и никогда с ним не разговаривала⁴³. В «Памятной записке о некоторых известнейших ведьмах» 1595 г. рассказывалось о матушке Арнольд из Гластонбери (Соммерсетшир), у которой при осмотре в суде внезапно появилась «черная как смоль» опухоль в горле, которая вызвала у обвиняемой икоту и неспособность говорить⁴⁴. В памфлете «Некоторые [магические] практики Джоан Харрисон и ее дочери» 1606 г. сообщалось, что у арестованной был крайне угрюмый взгляд, непропорционально большой нос, пере-

---

open Court; with weeping teares she humbly acknowledged them to be true, and cried out unto God for Mercy and forgiveness of her sinnes and humbly prayed my Lord to be mercifull unto Anne Redfearne her daughter” (*Potts T. Op. cit. P. 198*).

³⁹ “Hee sucketh in divers parts of the body, as on the crowne of the head, as the boyes of Bradley; on the brests under the paps, as Alison Devices; on the thighes, as Mother Suttons and Marie her daughters; under the right eare, as Joane Willimots; under the left flanke, as Hellen Greenes; the necke, as Philip Flowers; in the secret parts, as Margret Flowers; the chinue, as Mother Samuels of Warboys” (*Bernard R. Op. cit. P. 124–125*).

⁴⁰ “The said Edward saith, yt he and wife being at Colchester, this last weeke, they went together unto the Castle, to speake wt Ursley Kemp, and then entring into talke wt her, saith, he asked her if she could tell what sicknes or diseases his wife had, wherunto ye said Ursley then told him, yt his wife was forspoken or bewitched, he then asked her by whom, she told him it was by a woman yt dwelt in their town, saying, that ye party *hath one of her eares lesse then ye other*, and hath also a moole under one of her armes, and hath also in her yard a great woodstacke” (*W. W. A true and just Recorde. P. 119*, курсив мой – О.Т.).

⁴¹ “...the Witch put on her Spectacles, and demanding seven shillings of the Maid which, she received, she opened three Books” (*Bower E. Doctor Lamb revived, or, Witchcraft condemn’d in Anne Bodenham. L., 1653. P. 2*).

⁴² “This Anne Whittle, alias Chattox, was a very old withered spent and decreped creature, her sight almost gone” (*Potts T. Op. cit. P. 191*).

⁴³ “It hapned the said Richard Burt a month after, meeting hir neere to his maisters barne, and given hir the time of the daye, like a perverse woman, like a perillous waspe, like a pestiferous witch, incensed with hate at the sight of him downe hir head, not daigning to speake” (*Anon. A Most Wicked worke of a wretched Witch. P. 142*).

⁴⁴ “Many other mischeifs might be heere numbred, but I meane not to stand long uppon these detestable actions only this to be noted, that beeing often examined, when she was to answere suddainely there rose in her throate a swelling as bigge as a mans fist, black as pitch, and then she seemed to have the hitchcough, as though she would speake but could not” (*Anon. A memoriall of certaine most notorious witches (1595) // Early Modern Witches. P. 146–150, здесь P. 149–150*).

кошенное и похоже на кусок сырого мяса лицо⁴⁵. В 1612 г. Томас Поттс сообщал, что у Элизабет Девайс от рождения левый глаз располагался ниже правого, и один смотрел вниз, а другой вверх; никто из судей никогда ничего подобного не встречал⁴⁶. Автор добавлял также, что выглядели глаза обвиняемой запавшими и восклицал: «Спаси нас от нее, Господи!»⁴⁷. Точно так же товарка Элизабет, матушка Аткинс, казалась настолько страшной и свирепой, что соседи при встрече с ней роняли все, что несли в тот момент в руках⁴⁸. Что же касается Джона Стерна, охотника на ведьм, то он также предлагал обращать внимание на царапины на лицах подозреваемых, которые, по его мнению, часто являлись результатом их драк с жертвами колдовства и, следовательно, могли рассматриваться как явные признаки вины⁴⁹. Таким образом, согласно английским демонологическим памфлетам и трактатам, буквально любые особенности физиогномики женщин наводили на разумные подозрения об их связи с дьяволом.

Столь пристальное внимание, которое обращали на лицо предполагаемых ведьм и колдунов английские авторы, заставляет, конечно, задаться вопросом, откуда появилась данная традиция. Совершенно очевидно, что манера детального описания адептов Нечистого не была заимствована из континентальной демонологической теории, но являлась чисто местной, островной особенностью. На мой взгляд, она была в большой степени связана с тонкостями судебной процедуры, принятой в английских судах в делах о колдовстве, т.е. с тем самым обычаем «наблюдения», о котором речь шла выше⁵⁰. Соседи или специально приглашенные охотники на ведьм подсматривали не только за тем, куда ходит та или иная женщина, заподозренная в занятиях колдовством, не только за ее отношениями в семье или с друзьями. Они также оценивали ее внешность и особенности мимики – и по одному этому делали далеко идущие вы-

⁴⁵ “This Witch came in, and stood gloting upon them... I cannot abide a nose of that fashion, or else turne your face ye wrong side outward, it may look like raw flesh for flyes to blow maggots in” (Anon. The severall practises of Johane Harrison and her daughter. P. 156).

⁴⁶ “This odious Witch was branded with a preposterous marke in Nature, even from her birth which was her left eye, standing lower then the other; the one looking downe, the other looking up, so strangely deformed, as the best that were present in that Honorable assembly, and great Audience, did affirme, they had not often seene the like” (Potts T. Op. cit. P. 202).

⁴⁷ “Her eyes are sunke in her head, GOD blesse us from her” (Ibid. P. 224).

⁴⁸ “Atkins did dwell, looking so grislie and fiercelie that waie, that he tore and rent al that came in his hands” (Ibid. P. 143).

⁴⁹ “This childe being very sick, was set in a chair, and held in it; but as soon as the party who was suspected came in, on a sudden it arose of it self, and got hold of her face to scratch her, as its strength would afford, she not stirring. Here you may observe the former Confessions, where the Witch confessed, that after she was scratched, she had no further power over that party; for this woman stood still” (Stearne J. Op. cit. P. 36).

⁵⁰ См. выше: Глава 9.

воды. Совершенно не случайно Джон Стерн писал в 1648 г.: «Стоит лишь взглянуть на женщину, и сразу становится понятно, что она – ведьма»⁵¹.

Не менее «полезным» оказывался и второй этап процедуры «наблюдения», проходивший уже в тюрьме. Здесь, как мы помним, судебные чиновники или все те же охотники на ведьм пытались заставить своих жертв вызвать к себе на подмогу фамилиаров. Те же, проявляя недовольство и настоящую агрессию по отношению к своим хозяевам, кусали и щипали их, оставляя на теле – и в том числе на лице – видимые всем окружающим отметины⁵². А поскольку фамилиары, по общему мнению, питались кровью, то эти ранки никогда полностью не исчезали, они оставались заметными – иногда на протяжении всей жизни ведьмы⁵³.

Вместе с тем внимание английских судей и демонологов к лицам предполагаемых адептов Сатаны могло объясняться и еще одним важным обстоятельством. Если для континентальной традиции было характерно включать в описание шабаша обязательный поцелуй в зад, которым якобы награждали дьявола его собравшиеся на встречу приспешники⁵⁴ (Илл. 37), то на Британских островах значительно большее распространение получил поцелуй в губы, которым якобы обменивался с членами секты Нечистый⁵⁵. Единственные два упоминания *osculum infame* содержались в уже знакомых нам материалах процесса в Норт-Берике

⁵¹ “Yet I say, if those which look to them be carefull, it is to be discerned” (Stearne J. Op. cit. P. 23).

⁵² Anon. The Examination and Confession of certaine Wytches. P. 19 (лицо и рука), P. 23 (лицо и нос); W.W. A true and just Recorde. P. 94 (плечо); Anon. The Apprehension and confession of three notorious Witches. P. 135–136 (левая щека); Anon. The Wonderful Discovery of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower. P. 293–294 (правое ухо и шея).

⁵³ “...and where she pricked herselfe there remayned a red spot, which was styl to be sene” (Anon. The Examination and Confession of certaine Wytches. P. 18); “...she fedde the same Ratte with bloode... the markes whereof evidently remeine” (Anon. A Rehearsall both straung and true. P. 37); “...the place thereof not hidden” (Galis R. Op. cit. P. 67); “The said Blacke-Dogge did with his mouth... sucke at her breast, a little below her Paps, which place did remaine blew half a yeare next after” (Potts T. Op. cit. P. 243).

⁵⁴ См. выше: Глава 5, прим. 75. Подробнее о возникновении и развитии данной концепции см.: Durrant J. The *osculum infame*: heresy, secular culture and the image of the witches’ sabbath // The Kiss in history / Ed. by K. Harvey. Manchester; N.Y., 2005. P. 36–61.

⁵⁵ См., к примеру: “But then steppeth forth the Divell, and not onely sheweth them the way, but prescribeth the manner of effecting the same, with facility and easinesse, assuring that hee himselfe will attend them in some familiar shape of Rat, Cat, Toad, Bird, Cricket, etc: yea effectuate whatsoever they shall demand or desire, and for their better assurance and corroboration of their credulity, they shall have palpable and forcible touches of sucking, pinching, kissing, closing, colling, and such like” (Anon. The Wonderful Discovery of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower. P. 282); “Then she was entertained; and as she confessed, the devill appeared, and first kissed the woman of the house, and so one after another, and at last her self; and so she was asked then if she were willing to be entred into their society” (Stearne J. Op. cit. P. 36).

1590–1591 гг., согласно которым поцелуем в зад члены секты награждали дьявола как при встрече на шабаше⁵⁶, так и при прощении⁵⁷, а также в анонимном памфлете 1619 г. «Удивительное разоблачение колдовства Маргарет и Филиппа Флауэр»⁵⁸.

Возможно, столь пристальное внимание англичан к проблеме физиогномики ведьм и колдунов как к доказательству их вины (вернее, как к поводу искать эти доказательства более тщательно) оказало «обратное» влияние на континентальных и, в частности, на французских авторов раннего Нового времени, не желавших принимать островную демонологическую традицию и подвергавших ее критике. Именно такое отношение, на мой взгляд, прослеживалось по тексту «Орлеанской Девы» (*Pucelle d'Orléans*, 1642 г.) Франсуа Эделена д'Обиньяка; речь здесь шла о судебном процессе, возбужденном против Жанны д'Арк и проходившем в Руане в 1431 г. В отличие от большинства действующих лиц, уверенных, что имеют дело с ведьмой, главный герой трагедии, граф Уорик⁵⁹, относился к девушке с большим сочувствием. Он прямо заявлял, что ее внешность нельзя рассматривать как неоспоримое доказательство вины,

⁵⁶ “He lifted up his gown and every one kissed his arse. The men were turned nine times about and the women six times” (*Witchcraft in Early Modern Scotland*. P. 138, показания Джилли Дункан). “Item, the said Agnes Sampson confessed that the devil being then at North Berwick kirk attending their coming in the habitt or likeness of a man, and seeing that they tarried over long, he *at their coming* enjoined them all to a penance, which was that they should kiss his buttocks in sign of duty to him; which being put over the pulpit bare, everyone did as he had enjoined them” (*Ibid*. P. 315, «Новости из Шотландии», курсив мой – О.Т.).

⁵⁷ “Then he commanded them to keep his commandments, which was to do all the evil they could. *Before they departed* they kissed all his arse” (*Ibid*. P. 147, показания Агнес Сэмпсон, курсив мой – О.Т.).

⁵⁸ “For hee would attend you in such prety formes of dog, cat, or Rat, that they should neither be terrified, nor any body else suspicious of the matter. Upon this they agree, and (as it should seeme) give away their soules for the service of such spirits, as he had promised them; *which filthy conditions were ratified with abhominable kisses*, and an odious sacrifice of blood, not leaving out certaine charmes and conjuartions with which the Divell deceived them, as though nothing could bee done without ceremony, and a solemnity of orderly ratification” (*Anon. The Wonderful Discovery of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower*. P. 287, курсив мой – О.Т.).

⁵⁹ В данном случае в трагедии д'Обиньяка была допущена историческая неточность. В 1431 г. в Руане находился Ричард Невилл, пятый граф Солсбери (ок. 1400–1460), прибывший в Нормандию с королем Генрихом VI. Графом Уорик стал старший сын графа, также носивший имя Ричард Невилл (1428–1471), – шестой граф Солсбери, кавалер Ордена Подвязки и одна из ключевых фигур Войны Алой и Белой Роз, заслуживший прозвище «Делатель королей» как человек, сыгравший важную роль в свержении сразу двух правителей – Генриха VI Ланкастера, а затем Эдуарда IV Йорка. Подробнее см.: Браун Е.Д. «Он создавал королей и свергал королей в свое удовольствие». Всемогущий Ричард Уорик // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2019 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 14. М., 2019. С. 31–45.

и его товарищи находятся во власти «иллюзий»⁶⁰. Когда же сама Жанна описывала, как она представляет себе истинную ведьму, она говорила только о злодеяниях, на которые способны адепты дьявола, но к которым она никогда не имела никакого отношения⁶¹. Таким образом, и для французов середины XVII столетия лицо ведьмы по-прежнему оставалось невидимым.

Единственным, пожалуй, что объединяло континентальных и английских авторов раннего Нового времени в вопросах демонологии, было их отношение к одержимости. В данном случае и те, и другие уделяли особое внимание внешности жертв дьявола и в подробностях описывали их черные высунутые языки, разинутые рты, из которых постоянно вытекала слюна, их закатывающиеся глаза, затуманенный взгляд, странную артикуляцию и прочие подобные же признаки⁶² (Илл. 17, 43). Впрочем, и здесь имелось одно, но важное различие. Французы всегда рассматривали ведьм и одержимых как две *различные* группы женщин, вступивших в отношения с Нечистым: для одних этот союз был сугубо добровольным, для вторых – насильственным⁶³. Для англичан же никакой разницы между ними не существовало. Такова была, к примеру, точка зрения Реджинальда Скота, писавшего, что на вид ведьма и одержимая ничем не различаются. Того же мнения придерживался и Яков Стюарт,

⁶⁰ "...il n'y a que les ames basse capables de ces visions chimeriques; pour moy je n'ay rien veu, et ne croyez pas que j'invente des fantomes contre une fille que j'estime innocente" (Aubignac F.H. d'. Op. cit. P. 21). См. также: Ibid. P. 24–25, 39.

⁶¹ "Que n'avez-vous instruit de vos Satellites pour soustenir qu'ils m'ont veuë souvent au milieu des tenebres, courir toute eschevelée, et sans ceinture, fouïller dans les sepultures des morts, couper en murmurant des herbes empoisonnées, chercher des serpens sous les ruïnes des vieux Palais, obscurir le tein de la lune, et mettre toute la nature dans le trouble et l'effroy? Au moins devriez-vous dire qu'estant bergere, j'ay fait mourir les troupeaux de mes voisins, et qu'étant gueriere je n'ay vaincu que par des terreurs Paniques suscitées par enchantement?" (Ibid. P. 105–106).

⁶² См., к примеру: Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 76v, 153; Blendecq Ch. Cinq histories admirables, esquelles est monsté comme miraculeusement par la vertu et puissance du S. Sacrement de l'Autel, a esté chassé Beelzebub Prince des diables. P., 1582. Fol. 12v, 48, 50, 64v, 66v, 80; Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédés de Loudun au mois de septembre 1637 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Ed. par R. Mandrou. P., 1979. P. 144–194, здесь P. 145–146, 148, 153, 155–159, 160–169, 180–184. Подробнее о внешности одержимых, какой ее представляли французы XVI–XVII вв., см.: Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демологов; Она же. «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация»; Она же. Почему французские дети иногда плюются едой? Случай одержимости Лорана Буассонне (Франция, 1582 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2018. Вып. 26. С. 25–40.

⁶³ "Car combien que celui qui n'appelle, et n'invoque le malin esprit... ne soit pas du tout si mechant que celui qui l'appelle, et le prie, et le reçoit. Si est ce que l'un et l'autre est digne de mort, et l'un et l'autre est vray Sorcier. Et non pas celui qui n'a point invoqué, ny appelé le Diable: ains qui est possédé, et assiégué par iceluy" (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 75v).

во многих иных демонологических вопросах занимавший диаметрально противоположную позицию⁶⁴.

И все же Реджинальд Скот, как мы помним, являлся скептиком, сомневающимся в самом существовании адептов дьявола и – как профессиональный врач – пытающимся рассматривать их не как опасных, но как больных людей⁶⁵. Однако его современники охотно верили словам антиведовских памфлетов и демонологических трактатов. Для них отнюдь не пустым звуком являлись известные слова Уильяма Шекспира:

«Есть лица, на которых преступленья
Чертят неизгладимые следы»⁶⁶.

С точки зрения английских демологов, судебных чиновников и обывателей, к любой женщине, какой бы милой и приветливой она ни казалась, следовало присмотреться повнимательнее. И сделать это было лучше в повседневной жизни. Именно тогда появлялась возможность увидеть ее истинное лицо и понять, с кем в действительности имеешь дело.

⁶⁴ Scot R. Op. cit. P. 513; *James I, King of England*. Op. cit. P. 29–30. Долгое время считалось, что в 1603 г., взойдя на английский престол, Яков Стюарт распорядился сжечь все доступные экземпляры «Разоблачения колдовства» Реджинальда Скота: *Estes L.L. Reginald Scot and His "Discoverie of Witchcraft". Religion and Science in the Opposition to the European Witch Craze // Church History*. 1983. Vol. 52 (4). P.444–456; *Almond Ph.C. King James I and the burning of Reginald Scot's "The Discoverie of Witchcraft": The invention of a tradition // Notes and Queries*. 2009. Vol. 56 (2). P. 209–213; *Idem. England's First Demonologist: Reginald Scot and "The Discoverie of Witchcraft"*. L.; N.Y., 2011. P. 13–21.

⁶⁵ Справедливости ради, стоит заметить, что не один лишь Реджинальд Скот сомневался в существовании колдовства или, по крайней мере, в непосредственной связи между внешностью женщины и ее склонностью к занятиям магическими практиками. В конце XVII в. эту зависимость категорически отверг еще один английский демонолог Ричард Бовет (1641–?), настаивавший, что уродство не следует считать доказательством связи человека с дьяволом и нужно искать более надежные доказательства вины. Настоящие ведьмы, писал он далее, – такие, как Иезавель, Жанна д'Арк и Джованна I Неаполитанская – имели «красивые лица», под которыми они умело скрывали свои черные помыслы: "Tho I must confess that there is no reason that any person (*by reason of those deformities which may be only the Effects of old Age, or the product of some disease*) should be presently Indicted and trust up for a Witch; nor can I Imagine that ever such a thing hath been in a Civilized Nation, without the concomitant circumstances of some other proofs: That would be a hard case indeed!... For we have no account of any very Nauseous deformity that sate on the forehead of Jesabel, Joan of Arc, or Joan Queen of Naples. And perhaps the Attempts of these Hellish Agents may pass with less Suspicion, when under the plausible disguise of a hansom Face" (*Bovet R. Pandaemonium, or, The devil's cloyster*. L., 1684. P. 82, курсив мой – О.Т.).

⁶⁶ Шекспир В. Сонет 93 // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 14. С. 250 (перевод С. Маршака). В оригинале эти строки звучали так: "In many's looks, the false heart's history / Is writ in moods and frowns and wrinkles strange".

ГЛАВА 12

Пытка, боль и слезы

И все же знания того, как может выглядеть настоящая ведьма и как она ведет себя в повседневной жизни, оказывалось недостаточно для вынесения приговора. Никакой суд – ни королевский, ни городской, ни церковный – не мог послать кого бы то ни было на смерть, не получив *признания* человека, заподозренного в занятиях колдовством¹. Таким образом, главным методом следствия на ведовских процессах всегда оставалась пытка – будь то в странах континентальной Европы или на Британских островах. И здесь судебные чиновники сталкивались порой с совершенно непредвиденным обстоятельством: многие обвиняемые оказывались в состоянии выдержать подобное насилие, а потому услышать от них «чистосердечное» признание вины никак не удавалось.

Не ставя под сомнение само существование ведовских сект и их теснейшую связь с дьяволом, люди эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, как кажется, не допускали и мысли, что способность пережить пытку (часто неоднократную) и при этом так и не начать давать показания могла быть связана всего лишь с исключительной физической и психологической выносливостью обвиняемых. Как судьи, так и ученые демонологи свято верили, что ведьмы и колдуны обладают некоторыми *физиологическими* особенностями, сама суть которых указывала на их преступную деятельность. Речь прежде всего шла о легендарной невосприимчивости приспешников дьявола к боли и об отсутствии у них дара слез.

***

Теоретические размышления о феномене боли в рамках европейской демонологии возникли далеко не сразу. Они полностью отсутствовали в трудах авторов раннего и развитого Средневековья (Блаженного Августина, Бурхарда Вормсского, Грациана, Фомы Аквинского) и появились лишь в XV в., когда европейские интеллектуалы начали задумываться не только и не столько о самой проблеме договора с Нечистым, сколько о *деталях* этой процедуры. Идея о том, что в момент заключения такого соглашения происходил некий физический контакт ведьмы или колдуна

¹ Признание обвиняемого, полученное под пыткой и в обязательном порядке повторенное после нее, т.е. «добровольно», уже в эпоху развитого Средневековья являлось обязательным условием вынесения приговора в уголовном суде: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 18–19, 100–103.

с Сатаной, логически приводила позднесредневековых авторов к разработке учения о метке дьявола, т.е. о *визуальном* подтверждении подобного договора. Заинтересованные стороны при этом могли, по мнению теологов и судей, контактировать либо в приватной обстановке, либо публично, т.е. на шабаше.

Физический контакт с владыкой ада изначально, уже на рубеже XIV–XV вв., как в судебных документах, так и в самых ранних демонологических трактатах описывался как *болезненный* опыт. Считалось, что дьявол всегда покушался на часть тела своего нового адепта: чаще всего на палец (преимущественно указательный), ноготь на руке или на ноге – обычно левых, а не правых, что подчеркивало негативный характер заключаемой сделки². На месте подобных «хирургических» вмешательств появлялись шрамы или отметины, которые на протяжении всей последующей жизни причиняли своим владельцам постоянную боль. Так, в 1459 г. Эйнард Фурнери, уроженка Дофине, признавалась на допросе, что при заключении договора с дьяволом тот положил лапу ей на плечо, после чего «она постоянно болела вплоть до того момента, когда отец инквизитор ее излечил»³. В 1477 г. в Савоие уже знакомая нам Антония Роз демонстрировала судьям шрам на левой руке и утверждала, что Нечистый оставил в этом месте свой след⁴.

Болезненность метки дьявола рассматривалась ранними европейскими демологами как одно из важнейших доказательств реальности происходящего: физическое страдание как будто подтверждало, что встреча с Нечистым происходила на самом деле, что она не являлась ничьим вымыслом: ведьмы и колдуны действительно собирались на шабаше, приводили туда новых членов секты, которые заключали договор о сотрудничестве с дьяволом. Таким образом, проблема боли на начальном этапе развития европейской демонологической теории встраивалась в бесконечную дискуссию о реальности или иллюзорности контактов с силами ада, собственно колдовства и самого существования секты ведьм⁵. Даже если посещение шабаша и обучение магическим «искусствам» все еще порой объявлялись выдумкой старых женщин, никто из авторов не ставил под сомнение тот факт, что встреча с Нечистым может произойти на самом деле⁶.

² Многочисленные примеры, происходящие из альпийского региона, см. в: Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières. P. 362–364.

³ "...que spatula apost fuit semper infirma, donec pater inquisitor ipsam sanaverit" (Marx J. L'Inquisition en Dauphiné. Etude sur le développement et la répression de l'hérésie et de la sorcellerie du XIVe siècle au début du règne de François Ier. P., 1914. P. 37).

⁴ "Confitetur insuper quod dictus demon, eius magister, eam signavit in parvo digito manus sinistre sue, quem semper a post habuit mortificatum, et eidem demoni ad eius importunam instantiam dedit animam suam" (Processus formatus... contra Anthoniam uxorem Johannis Rose. S. 493).

⁵ Подробнее о спорах по поводу реальности колдовства см.: Тогоева О.И. Реальность или иллюзия?

⁶ Подробнее о возникновении учения о метке дьявола в альпийском регионе см.: Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières.

Учение о метке дьявола впервые стало широко применяться в судебной практике альпийского региона, но уже со второй половины XV в. это доказательство вины постепенно превратилось в одно из основных для всей континентальной Европы, причем как в светских, так и в церковных процессах. Отныне метку начали искать не от случая к случаю, а целенаправленно, и, таким образом, процедура осмотра обвиняемых при аресте становилась обязательной. Тем не менее, не все демонологи эпохи позднего Средневековья в своих теоретических трактатах подтверждали само существование подобных отметин (и тем более болезненных ощущений от их присутствия на теле человека). Таких авторов, впрочем, было меньшинство, и все они исходили из гипотезы о невозможности для дьявола (или его демонов) обладать физической оболочкой: не имея собственного тела, Нечистый не мог причинить никакого ощутимого вреда своим жертвам. Так, из четырех демонологических трактатов, созданных во Французском королевстве во второй половине XV в., метка дьявола упоминалась только в одном – в «Биче еретиков-чародеев» 1458 г. Его автор, Николя Жакье, делал особый упор на материальности самого Сатаны, способного в физическом обличье являться как ветхозаветным пророкам и Иисусу Христу, так и различным католическим святым⁷. Как следствие, порча и болезни, насылаемые ведьмами при помощи демонов на окружающих, также представлялись Н. Жакье абсолютной реальностью, и он лишь высмеивал тех, кто в это не верит⁸. В частности, в подтверждение своих слов он приводил историю некоего молодого человека, представшего перед судом и рассказавшего, что в ведовскую секту он попал еще маленьким мальчиком:

«Когда он был ребенком и ему исполнилось пять или шесть лет, мать отвела его вместе с младшим братом, которого она несла на руках, и сестрой на шабаш ведьм. Она представила своих трех детей демону, который явился им в образе козла и заявил, что он [отныне] будет их хозяином и господином и что он принесет им много добра. Мать заставила детей прикоснуться к демону, положив руку на голову козла. Затем демон, который назвался Тонионом, дотронулся копытом до бедра [каждого] из детей и оставил [там] свою метку, имевшую форму фасолины»⁹.

⁷ “Apparuit itaque Diabolus Christo perceptibiliter, non solum secundum sensum visus, sed etiam ad sensum auditus, loquendo eidem verba praedicta. Similiter est ad sensum tactus, quia assumpsit eum in montem excelsum valde, ostendens ei omnia regna mundi et gloriam eorum. Hoc etiam modo frequentissime legitur, Daemones apparuisse pluribus sanctis perceptibiliter secundum sensus exteriores, tam in specie seu effigie humana, quam diversarum bestiarum” (*Jacquier N. Op. cit. Cap. 3*).

⁸ “Unde valde stulte se iactant nonnulli ignari, asserentes se non timere demones vel maleficos, nec eorum maleficia, nisi ipsi malefici appropinquant personaliter, huiusmodi se iactantibus aliquam rem venenatam eis ministraverunt in potu vel cibo, unde ledi possunt” (*Ibid. Cap. 13*).

⁹ “Hoc etiam anno scilicet millesimo CCCCmo LVIII° quidam iudicialiter sponte confessus fuit quod cum olim ipse esset iuvenis, scilicet quinque vel sex annorum,

У коллег Николя Жакье, Пьера Мамори и Жана Вине, метки дьявола не упоминались вовсе, поскольку, как оговаривался, к примеру, П. Мамори, «демоны способны перемещать [человеческие] тела сообразно собственному размеру, но [не могут] менять [их] форму»¹⁰. Наиболее же оригинальную позицию из всех ранних французских демонологов занимал Симфореен Шампье: в его «Диалоге об уничтожении магических искусств» также не говорилось о существовании меток дьявола, однако автор особое внимание уделял взгляду Нечистого и его влиянию на глаза будущей ведьмы, через которые в нее якобы проникали его «духи и фантазмы», буквально отравляя ее сердце и кровь¹¹. Как следствие, от взгляда теперь уже самой ведьмы страдали и ее жертвы, однако себе она никакого вреда причинить не могла¹². Возможно, данные теоретические построения С. Шампье объяснялись тем фактом, что он являлся не судьей (как Н. Жакье, П. Мамори и Ж. Вине), но врачом, а потому и проблема боли применительно к демонологическому дискурсу интересовала его особо.

К этому вопросу нам еще предстоит вернуться, а пока необходимо обратить внимание на еще одно важное замечание Симфореена Шампье – о том, что самой себе ведьма навредить не может. Подобная установка являлась свидетельством появления совершенно новой тенденции в европейской демонологии, которая постепенно начала набирать силу на рубеже XV–XVI вв. Согласно ей, в том месте, где дьявол оставлял свой «знак», человек никакой боли не испытывал. Более того, наличие такой метки позволяло предполагаемым ведьме или колдуну оставаться нечувствительными к страданиям, претерпеваемым в тюрьме и на пытках: метка выступала в данном случае специфическим оберегом от любого физического насилия.

Рождение этой новой концепции боли привело к тому, что поиски меток дьявола на теле обвиняемых лишь усилились. Множество судов как в континентальной Европе, так и в Англии если и не рассматривали по-

---

mater eius ipsum cum quodam fratre eius parvulo, quem inter brachia portabat, et cum quadam eius sorore duxit ad synagogam fascineriorum, et ipsos tres liberos demoni obtulit, apparenti in effigie cuiusdam hyrci, instruendo eos quod ille esset eorum dominus et magister, qui eis multa bona factururus esset; et fecit ipsa mater dictos liberos tangere dictum demonem manu super caput effigiei predicte, et ipse demon, quem vocabat Tonyon, omnes fratres predictos anteriori pede tetigit in eorum coxis et eis signum impressit indelebile, quod signum predictus ipse, qui hoc confitebatur deferebat, apparens ad quantitatem unius fabe” (Ibid.).

¹⁰ “Demon vero quia est superioris nature potest corpus proporcionatum sibi movere absque hoc quod sit eius actus sive forma ad locum, sed non ad formam” (*Mamoris P. Op. cit.* [Cap. 6]).

¹¹ “Fascinatio (ut aliqui poete volunt) est morbus qui ex spiritu fascinantis per oculos fascinati ad cor ipsi ingressu pervenit spiritus enim a cordis calore ex puriori sanguine generatur... Quamplur aut similes sibi radios per oculos quasi per vitreas fenestras emittit” (*Champier S. Op. cit.* P. 268).

¹² “Respondetur quia venenum non agit in ipsum, sed bene in aliud obiectum vel dicitur et melius quia mulieres consuete sunt in tali materia; ergo ei non nocet” (Ibid. P. 272).

добные «знаки» как полноценное доказательство вины, полагали их достаточным основанием для применения пыток и получения признания. Отныне демонологический дискурс раннего Нового времени приобрел вполне рациональный *медицинский* характер, поскольку для освидетельствования арестованных в суд стали систематически приглашать врачей. Таким образом, наличие метки (укуса, царапины, родинки, родимого пятна и т.п.) из обстоятельства, подтверждавшего лишь реальность договора с дьяволом, превратилось в медицинский факт, а также в вещественное доказательство существования самих адептов Нечистого.

Такую позицию занимал, в частности, Жан Боден: в своей «Демономании колдунов» он сообщал, что истинная ведьма на пытке никакой боли не чувствует, а потому судьи порой оказываются не в состоянии получить от нее признание¹³. Именно по этой причине, настаивал автор, и следует тщательно осматривать тела обвиняемых, ведь обнаружение меток дьявола может подтолкнуть таких преступников к раскаянию. И хотя найти подобные «знаки» сложно, их природа будет очевидна для любого врача или судьи, поскольку эти места – даже если проткнуть их иглой – оказываются совершенно невосприимчивы к боли¹⁴.

Ту же идею последовательно развивали другие французские демонологи, бывшие – как и Жан Боден – судьями или юристами и имевшие, таким образом, собственный опыт ведения ведовских процессов. О метках дьявола, при прикосновении к которым их обладатель не испытывает боли, писал, в частности, Николя Реми (1530–1616), занявший в 1591 г. пост генерального прокурора Лотарингии и получивший прозвище «Торквемада»¹⁵ за то, что отправил на костер около восьмисот человек, осужденных за колдовство. Основываясь на материалах этих дел, уже в 1592 г. он создал собственный труд «Демонолатрия», название которого отсылало к «Демономании» Жана Бодена и в котором Реми заявлял, что метки дьявола следует рассматривать как неоспоримое доказательство вины человека, а потому они часто являются основанием для назначения пытки¹⁶. Того же мнения придерживался и Анри Боре (1550–1619),

¹³ “Et quelquefois il empesche qu'ils ne tentent la question, comme l'escrit Spranger l'inquisiteur, qui n'est pas d'avis qu'on applique les sorcieres aisement à la question” (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 192).

¹⁴ “...les plus grands Sorciers ne font point marquez, ou bien en lieu si secret, qu'il est quasi impossible de les descouvrir. Car j'ay sceu d'un Gentil-homme de Vallois, qu'il y en a de marquez par le diable soubz la paupière de l'oeil, soubz la levre, et mesmes au fondement. Mais Trois-eschelles disoit, que ceux qui estoient marquez avoient comme une piste, ou pied de Lieure, et que l'endroit estoit insensible, encores qu'on y mist une aiguille jusques aux os. Ce seroit bien une presumption tres-violente, et suffisante avec d'autres indices, pour proceder à la condamnation” (Ibid. Fol. 193, курсив мой – О.Т.).

¹⁵ Томас де Торквемада (1420–1498) – первый великий инквизитор Испании, имя которого стало нарицательным для обозначения жестокого религиозного фанатика. См.: Зеленина Г.С. Указ. соч. С. 21–25.

¹⁶ “Atque eiusmodi vestigia illo ipso, quo a fide defecerunt, temporis momento, sibi a Daemone inscripta fuisse. Porro eius rei fidem praeterea facere ipsas cicatrices in leve

профессиональный юрист и автор популярнейшей «Уничжительной речи о колдунах» 1603 г., претерпевшей 12 переизданий за 20 лет¹⁷. Что же касается Пьера де Ланкра (1553–1631), королевского судьи из Бордо, возглавившего в 1609 г. настоящую охоту на ведьм в этом регионе, а в 1612 г. написавшего «Картину непостоянства злых ангелов и демонов», то он – как и Жан Боден – утверждал, что обычно метки дьявола тщательно скрыты от посторонних глаз, их нужно искать специально и изучать каждую из них по отдельности, протыкая иглой, поскольку в этих местах из тела человека не идет кровь¹⁸. Однако иногда, уточнял де Ланкр, метка может оказаться в левом глазу ведьмы и напоминать по форме лягушачью лапку¹⁹.

Как ни удивительно, но тот же подход демонстрировали и французские медики. Жак Фонтен, личный врач короля Генриха IV, в специальном сочинении «О метках ведьм и о реальных [случаях] одержимости дьяволом», опубликованном в 1611 г., отмечал, что ведьму и колдуна можно легко вычислить по подобным «знакам», и данная процедура – забота прежде всего врача или хирурга. Метки дьявола, по мнению автора, должны были иметь неестественный вид и оставаться нечувствительными к боли. Из них не выделялись никакие жидкости, располагались они в потайных местах, что затрудняло их нахождение, и более всего напоминали мертвую плоть. Если же при прокалывании из тела обвиняемого начинала идти кровь, его нельзя было признать виновным в занятиях колдовством и следовало поискать другие доказательства его преступной деятельности²⁰.

Утверждения демонологов вполне соответствовали судебной практике раннего Нового времени, в материалах которой также регулярно

---

callum obductas, si quis parum istis credulus periculum facere velit... Idque ita iam pro comperto habent rerum capitalium vindices, ut inde quaestionis ac tormentorum saepe initium faciant” (*Nicolai Remigii Daemonolatreiae libro tres. Coloniae Agrippinae, 1596. P. 18*).

¹⁷ *Boguet H. Discours execrable des sorciers. P., 1603. P. 106–108.*

¹⁸ *Pierre de Lancre. Tableau de l'inconstance des mauvais anges et démons. P., 1612. P. 184–195.*

¹⁹ “Une fille nous a dict, qui faisoit semblant de cognoistre les sorciers et sorcieres au premier trait d’œil qu’elle jettoit sur eux, que toutes celles de Biarrix estoient marquées en l’œil gauche, d’une marque semblable à une patte de crapaud” (*Ibid. P. 184*).

²⁰ “...après qu’il fut traduit, par autorité de la Cour, dans les prisons de ceste ville d’Aix, ce fut un commun desir d’un chascun, tant des Juges, que de toute autre qualité de personnes de le faire visiter judiciairement par les Medecins et Chirurgiens, pour voir s’il se trouveroit des marques sur sa personne, telles que les sorciers ont accoustumé d’avoir. Ce qui fut executé si heureusement (comme il sera plus particulièrement desduict cy apres) qu’on le trouva marqué en plusieurs endroits, ou l’on sourrait une esguille fort avant dans la chair, sans que ce miserable y eust aucun sentiment, encor que dans l’une desdites marques on eust taict entrer plus de trois doigts de l’esguille” (*Fontaine J. Des marques des sorciers et de réelle possession que le diable prend sur le corps des hommes. Sur le subject du procès de l’abominable et détestable sorcier Louys Gaufridy. P., 1611. P. 4–5*).

встречались упоминания о метке дьявола. Так, в 1603 г. она была обнаружена у Жана Гренье и располагалась на бедре: при прокалывании иглой из нее не выделялась кровь, и обвиняемый не чувствовал боли²¹. В 1606 г. Магдалена дез Эймар упоминала в своих показаниях метку, которую дьявол поставил ей на правый глаз, от чего она окривела²². А в 1634 г. священник Урбен Грандые, прославившийся на всю Францию тем, что якобы оказался причастен к многочисленным случаям одержимости среди монашек-урсулинок в Лудене, жаловался в своем письме о помиловании, что судьи раздели и искололи его всего иглами, но метки дьявола найти так и не смогли. Грандые также уточнял, что громко кричал от боли во время этой экзекуции, и данное обстоятельство, по его мнению, лишний раз доказывало, что он не являлся колдуном и договора с Нечистым не заключал²³.

На рубеже XVI–XVII вв. поиск меток дьявола охватил уже всю континентальную Европу. Добралась эта мода и до Англии, хотя и не получила здесь такого развития, как в альпийском регионе или во Франции. Тем не менее, подобный вариант заключения договора с Нечистым упоминался и в «Новостях из Шотландии» 1591 г.²⁴, и в «Демонологии» Якова Стюарта 1597 г.²⁵ Причем и сами обвиняемые, и их судьи настаивали на болезненности физического контакта с дьяволом, поскольку метки постоянно

²¹ "Ce qu'ayant déclaré, le juge luy fait montrer la marque qu'il dit ce Monsieur luy avait fait et est trouvée estre sur le ply du haut de la cuisse ronde en forme de cachet, laquelle on fait à l'instant éprouver au chirurgien qui y mettant une espingle jusqu'au milieu, se trouve estre sans aucun sentiment, ny qu'aucun sang en sorte" (Jean Grenier, prétendu lycanthrope (Bordeaux, 1603) // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. P. 33–109, здесь P. 51).

²² "...et après le diable dict à lad. dépposante qu'il la voulait marquer à l'œil droit et lad. dépp^e luy demanda pourquoy et led. diable luy dict que c'estait à cause qu'elle estait des siennes qu'il la voulait marquer, mais qu'il luy ferait point de mal; et de fait led diable mordit avec ses dents dans l'œil droit de lad. dépposante; et depuis led temps lad. dépp^e a fort peu veu dud. œil" (Magdeleine des Aymards, une fillette auvergnate qui a une longue expérience du sabbat (Riom, 1606) // Ibid. P. 17–31, здесь P. 22).

²³ "Monsieur Lauberdamon accompagné de quelques chirurgiens me fit despouiller tout nud pour voir sy j'estais marqué au coing du sabbat; l'on me picqua partout et mes cris tesmognèrent que je n'estois pas insensible; l'on dit pour lors que le diable m'avoit osté les marques" (Requête d'Urbain Grandier au roi Louis XIII, sans date, 1634 // Ibid. P. 121–133, здесь P. 129).

²⁴ "And that time, in sign that she was become his servant, he marked her in the right knee, which mark she believed to have been a hurt received by her from one of her bairns that was lying in the bed with her; which hurt was not hail for half a year" (Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 237, показания Агнес Сэмпсон).

²⁵ "At which time, before he proceede any further with them, he first perswades them to addict themselves to his service: which being easely obtained, he then discovers what he is unto them: makes them to renunce their God and Baptisme directlie, and gives them his marke upon some secreit place of their bodie, which remaines soare unhealed, while his next meeting with them, and thereafter ever insensible, how soever it be nipped or pricked by any, as is dailie proved, to give them a prooffe thereby, that as

давали о себе знать²⁶. На процессе 1582 г. шестилетний мальчик по имени Джон Селлз из Сент-Осита (Эссекс) признавался, что «некто черный» оставил отметину на его ноге, где при осмотре судьи обнаружили шрам и поврежденный ноготь²⁷. Еще одной интересной особенностью являлся тот факт, что английские ведьмы и колдуны отказывались от признательных показаний даже на пытке до тех пор, пока судьи не находили на них метку дьявола, которая как будто защищала их от мучений²⁸.

Вместе с тем английские интеллектуалы выдвинули собственную и весьма оригинальную концепцию боли применительно к демонологическому дискурсу. Помимо меток дьявола они, как я уже упоминала, описывали другие следы на теле обвиняемых, – укусы, царапины и синяки, оставленные фамилиарами²⁹. Считалось, что такие отметины не только крайне чувствительны – из них *должна* сочиться кровь, поскольку именно ею ведьмы и колдуны кормят своих домашних духов. Эта идея обыгрывалась, в частности, в «Генрихе VI» Уильяма Шекспира, в сцене, где Жанна д'Арк беседовала со своими «злыми духами» (Илл. 15):

То, что явились так поспешно вы,
Обычное доказывает рвенье.
Вы, духи – покровители мои,

in that doing, hee could hurte and heale them so all their ill and well doing thereafter, must depende upon him” (*James I, King of England*. Op. cit. P. 33).

²⁶ “Item, filed for suffering of himself to be marked by the devil with a rod the second night that he appeared to him in white araiment” (*Witchcraft in Early Modern Scotland*. P. 226, показания Джона Фиана). “And besides that, the intollerable dolour that they feele in that place, where he hath marked them, serves to waken them, and not to let them rest, while their next meeting againe” (*James I, King of England*. Op. cit. P. 33).

²⁷ “...and saith, yt one night there was a blacke thing like his sister, that tooke him by the legge and that hee cried out, saying, father, father, come helpe me and defende mee, for there is a blacke thing that hath me by the legge... Note also, it is to be considered, that there is a scarre to be seene of this examinats legge where it was taken, and also the naile of his little Toe is yet unperfect” (*W.W. A true and just Recorde*. P. 101–102).

²⁸ “And generally so long as the mark is not seen to those which search them, so long the parties that hath the mark will never confess anything” (*Ibid*. P. 314). Такой же точки зрения придерживался, к примеру, Анри Боре: *Boguet H.* Op. cit. P. 105–106. В альпийском регионе речь чаще шла о договоре с дьяволом, составленном на пергамене и подписанном кровью, который нужно было постоянно иметь при себе. В 1448 г. Жак Дюрье признавался в суде в наличии у него такого документа, он якобы прятал его подмышкой и был уверен, что тот поможет ему пережить пытку и не признаться в том, что он является колдуном: “Item magis interrogatus quod esset illud signum quod habebat sub brachio, dixit et sponte confessus est quod erat quoddam pergamenum quod demon strixerat ex sudore suo demonis et ex sanguine ipsius delati, et posuit sibi delato sub brachio cum unguibus Petrus Ruvinat; et dixit sibi quod nisi illud moveret veritatem numquam recognoscetur per aliquam torturam” (цит. по: *Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. P. 228–229).

²⁹ О разнице между двумя вариантами меток в английской демонологии см.: *Millar Ch.-R.* Op. cit. P. 59, 118, 160, 162.

Слетевшиеся из глубин подземных,
 Доставьте снова Франции победу!
 О! Не томите же меня молчаньем!
 Как я своею кровью вас кормила,
 Готова руку отрубить свою
 И вам отдать ее в залог успеха, —
 Вы только помогите мне теперь³⁰.

Подобные знаки, как писал Ричард Бернارد в «Пособии для мировых судей» 1627 г., могли покрывать «любые части тела» человека, занимающегося колдовством: макушку, грудь, шею, ноги, промежность, и т.д.³¹ Многочисленные английские памфлеты подтверждали эту мысль, и поисками именно этих следов, оставленных фамилиарами, как мы помним, занимались охотники на ведьм и судебные чиновники в ходе «наблюдения» за арестованными в тюрьме³².

Таким образом, в западноевропейском демонологическом дискурсе XVI–XVII вв. разрабатывались две противоположные концепции боли. И для континентальных авторов, и для их английских коллег метка дьявола и/или фамилиара в этот период стала важнейшим свидетельством того, что они имеют дело с ведьмами и колдунами, заключившими договор с Нечистым, а ее обнаружение позволяло без раздумий послать обвиняемого на пытку. Однако в первом случае подобные следы на теле подозреваемых постепенно переставали ассоциироваться с физической болью. Во втором же, напротив, эти два явления оказывались теснейшим образом связаны.

***

Невосприимчивость к боли – либо в самом месте нахождения метки дьявола, либо по причине простого ее наличия на теле подозреваемого – оказывалась не единственной особенностью поведения предполагаемых ведьм и колдунов, с точки зрения демологов раннего Нового времени. Второй такой особенностью они называли отсутствие *дара слез* у приспешников дьявола и подводили под эту концепцию солидное теоретическое основание.

Способность обильно проливать слезы считалась одним из признаков истинной святости практически с первых веков христианства, о чем,

³⁰ Шекспир В. Генрих VI // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 2. С. 520–522 (перевод Е. Бируковой).

³¹ “*Hee sucketh in divers parts of the body, as on the crowne of the head, as the boyes of Bradley; on the brests under the paps, as Alison Devices; on the thighes, as Mother Suttons and Marie her daughters; under the right eare, as Joane Willimots; under the left flancke, as Hellen Greenes; the necke, as Philip Flowers; in the secret parts, as Margret Flowers; the chinue, as Mother Samuels of Warboys*” (Bernard R. Op. cit. P. 124–125, курсив мой – О.Т.).

³² См. выше: Глава 9, прим. 21 и 65.

в частности, свидетельствовал текст Нагорной проповеди: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»³³. Особое звучание эти слова получили в позднее Средневековье, когда эмоциям и открытому выражению собственных чувств стали придавать важнейшее значение³⁴, что нашло отражение в том числе и в ходе канонизационных процессов XIII–XIV вв.: дар слез (*gratia lacrimarum*) упоминался в их материалах постоянно как отличительная черта тех, кто, по мнению официальной церкви, заслуживал чести именоваться святыми³⁵.

Как следствие, человек, лишенный способности заплакать, воспринимался в Средние века как грешник. Однако и ему могло быть уготовано спасение на Страшном суде: если он искренне раскаивался в своих заблуждениях или злодеяниях, слезы очищали его сердце, буквально смывая былые грехи. Образец подобного примерного поведения оказался также найден в Библии: это была история Марии Магдалины, слезы которой свидетельствовали не только об отказе от прошлой распутной жизни, но и о глубокой любви к Господу, что в конце концов позволило считать ее «блаженной грешницей» (*beata peccatrix*)³⁶. Однако заплакать, сожалея на исповеди о совершенных прегрешениях, мог лишь человек, верящий искренне, только такому христианину был доступен дар слез. Тот же, кто сомневался в собственной вере, по мнению средневековых теологов, склонялся к дьяволу, а потому подобной способности оказывался лишен: этого грешника ждала в конце жизни геенна огненная³⁷. Тракта́т «Об истинном и ложном покаянии», традиционно приписывавшийся авторству Блаженного Августина и подробно анализировавший данную дихотомию, пользовался огромной популярностью у средневековых интеллектуалов, на него ссылались Грациан, Петр Ломбардский и Петр Блуаский в XII в., Винсент из Бове и Фома Аквинский в XIII в.

Именно эти рассуждения, надо полагать, в раннее Новое время легли в основу демонологической концепции, согласно которой истинные ведьма или колдун не были в состоянии заплакать – ни в повседневной жизни, ни представ перед судом. Жан Боден прямо заявлял об этом

³³ Мф. 5: 2–5.

³⁴ Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988. P. 513–514; Miles M.R. A Complex Delight. The Secularization of the Breast, 1350–1750. L., 2008. P. 61–62.

³⁵ Vauchez A. Op. cit. P. 225, 341, 407, 422, 432, 512–513, 617, 621, 626; Weinstein D., Bell R.M. Saints and Society: The Two Worlds of Western Christendom, 1000–1700. Chicago; L., 1986. P. 125, 128, 131, 134, 137, 234.

³⁶ Miles M.R. Op. cit. P. 61–64; Jansen K.L. The Making of the Magdalen. Preaching and Popular Devotion in the Later Middle Ages. Princeton, 2001. P. 206–212, 215–216.

³⁷ Augustinus (?). De vera et falsa poenitentia // PL. T. 40. Col. 1113–1130, особенно Col. 1116, 1118. О даре слез, которые смывают совершенный грех и свидетельствуют о раскаянии, автор упоминал особо: Ibid. Col. 1123–1124.

в «Демонии колдунов»³⁸. Эту особенность, уверял он, его коллеги подтверждали не раз: в частности, одна из осужденных ведьм признавалась, что и она, и ее товарки в состоянии обычно выжать из себя не более трех слезинок, и то – лишь из правого глаза³⁹.

Мнение Бодена разделяли и другие европейские авторы. Так, для Анри Боге, также опиравшегося прежде всего на собственный судебный опыт, невозможность для истинного адепта дьявола заплакать являлась верным признаком его вины. Описывая один из процессов, в котором он принимал участие, юрист отмечал, что эту особенность некоего Гийома Вийермо подчеркнули в своих показаниях 23 свидетеля, утверждавшие, что обвиняемый «не проронил ни единой слезинки за всю свою жизнь». Впрочем, просьбу самого Боге заплакать в зале суда предполагаемый колдун также не смог исполнить⁴⁰.

Шотландский и английский король Яков Стюарт, во многом вдохновлявшийся опытом континентальных коллег, также верил в отсутствие у истинных ведьм дара слез. Он настоятельно рекомендовал своим подданным – и прежде всего судьям – обращать на данное обстоятельство особое внимание. Если в повседневной жизни такие женщины могут оказаться исключительно слезливыми, замечал монарх, то под следствием (где от них потребуют покаяться в грехах) они никогда не заплачут – или же это будут настоящие «крокодиловы слезы»⁴¹.

И все же, единодушие в вопросе о ведьмах и колдунах, лишенных дара слез, – как, впрочем, и в вопросе о метке дьявола – у европейских демонологов раннего Нового времени не наблюдалось. Вероятно, первым, кто крайне скептически отзывался о подобном доказательстве вины подозреваемых стал уже знакомый нам яростный критик самой идеи ведовских процессов Реджинальд Скот. Его трактат «Разоблаче-

³⁸ “L'autre presumption est si la Sorcière ne pleure point, qui est une des plus fortes presumptions que Paul Grilland, et les inquisiteurs ont remarqué pour en avoir fait executer bien grand nombre” (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 190v*).

³⁹ “Le Lieutenant de Ribemont, duquel j'ay parlé cy dessus, m'a dit que l'une des Sorcières, ausquelles il a faict le procès, confessa qu'elles ne peuvent ietter que trois larmes de l'oeil dextre: ce qui m'a semblé digne d'estre remarqué” (*Ibid.*).

⁴⁰ “Le bruit commun, qu'il estoit sorcier verifié par vingt trois temoins... Que l'on ne l'avoit jamais veu jeter une seule larme quelque effort qu'il eut fait de pleurer devant le Juge” (*Boguet H. Op. cit. P. 128*).

⁴¹ “No not so much as their eyes are able to shed teares (threaten and torture them as ye please) while first they repent (God not permitting them to dissemble their obstinacie in so horrible a crime) albeit the women kinde especially, be able other-ways to shed teares at every light occasion when they will, yea, although it were dissemblingly like the *Crocodiles*” (*James I, King of England. Op. cit. P. 81*). В памфлете «Новости из Шотландии» 1591 г. утверждалось, что дьявол при вступлении новых членов в его секту обещал им, что они никогда больше не будут плакать: “...he had many servants who should never want and should ail nothing so long as their hair was on, and should never let a tear fall from their eyn so long as they served him” (*Witchcraft in Early Modern Scotland. P. 227, показания Джона Фиана, курсив мой – О.Т.*).

ние колдовства» 1584 г. в большой степени представлял собой полемику с «Демономанией колдунов» Жана Бодена, имя которого встречалось у Скота буквально на каждой странице⁴². Не удивительно, что и вопросу о даре слез автор посвятил сразу три главы своего сочинения. Прежде всего, он уличал французского демонолога в противоречии: если ведьма действительно не может заплакать на суде, писал Реджинальд Скот, не стоило приводить в пример обвиняемую, способную проронить три слезинки из правого глаза⁴³. Он также ссылаясь на соображения медицинского характера, поскольку, по его наблюдениям, далеко не всякая женщина (даже достойная и уважаемая) оказывалась способной к пролитию слез⁴⁴. Наконец, английский врач приводил в подтверждение собственной точки зрения библейские примеры, справедливо замечая, что даже дурно воспитанные «дети Израиля», безусловно, плакали⁴⁵, как, впрочем, наверняка плачут и истинные ведьмы, попадая в ад⁴⁶.

Учитывая скептицизм Реджинальда Скота, не стоит особенно удивляться его рассуждениям о даре слез, которого якобы были полностью лишены ведьмы и колдуны: они выглядели совершенно логично на фоне его общего неприятия этих процессов и традиционных для них методов следствия. Интереснее, что столько же резко по данному вопросу высказывались демонологи, искренне верившие и в существование адептов дьявола, и в ту систему доказательств, которая использовалась в европейских судах. Одним из них был Пьер де Ланкр, отмечавший, что распространенная идея о том, что настоящая ведьма бывает не в состоянии заплакать перед судьями, не подтвердилась его собственным опытом: по крайней мере одна женщина, родом из Биаррица, «рассказала нам о [своем участии] в шабаше, рыдая так, как я никогда в жизни не видел»⁴⁷.

Не менее показательным было мнение Огюстена Николя (1622–1695), французского юриста, докладчика в Палате ходатайств, а затем государственного советника парламента Франш-Конте. В 1682 г. в Амстердаме он опубликовал трактат, получивший название «Явля-

⁴² См. выше: Глава 11, прим. 32.

⁴³ “Item, it is a vehement presumption if she cannot weepe, at the time of hir examination: and yet *Bodin* saith, that a witch may shed three drops out of hir right eie” (*Scot R. Op. cit.* P. 20–21).

⁴⁴ “But God knoweth, many an honest matrone cannot sometimes in the heavines of her heart shed teares; the which oftentimes are more readie and common with craftie queanes and strumpets, than with sober women” (*Ibid.* P. 22).

⁴⁵ “I am sure that the worst sort of the children of Israel wept bitterlie: yea, if there were any witches at all in Israel, they wept. For it is written, that all the children of Israel wept” (*Ibid.*).

⁴⁶ “Finallie, if there be any witches in hell, I am sure they weepe: for there is weeping, wailing, and gnashing of teeth” (*Ibid.*).

⁴⁷ “Une femme de Biarrix [...] nous parla du Sabbat pleurant aussi amerement que je vi jamais creature, tout à rebours des autres Sorcieres impenitentes qu'on dict ne pleurer jamais ou fort rarement” (*Pierre de Lancre. Op. cit.* P. 92).

ется ли пытка верным средством раскрытия тайных преступлений?», речь в котором шла исключительно о ведовских процессах. На них, по мнению автора, не следовало применять пытки, поскольку они никак не способствовали раскрытию преступлений. Огюстен Николя являлся, таким образом, одним из первых европейских юристов, открыто заявивших о том, что физическая боль, которую претерпевают обвиняемые в стенах суда, ведет к появлению лживых признательных показаний: люди оговаривают себя и своих близких, не в силах вынести страдания⁴⁸. Более того, полагая существование самих адептов дьявола реальным фактом, судья из Франш-Конте сомневался во многих, якобы характерных для них отличительных чертах и в том числе – в неспособности этих людей заплакать. В отличие от Реджинальда Скота, критиковавшего в данном вопросе Жана Бодена, Николя обращал все свое красноречие против Анри Боге, именуя отсутствие слезотечения «нелепым доказательством» и призывая в свидетели «инквизиторов Рима», т.е. папский престол⁴⁹.

Вопрос о даре слез, якобы несвойственном ведьмам и колдунам, так до конца и не был решен европейскими демонологами. К XVIII в. ведовские процессы сошли на нет даже в Англии, где они начались позднее всего⁵⁰, а потому отпала и необходимость дискутировать о том, способна ли ведьма заплакать. Однако противоречивые суждения по данному вопросу, которые высказывались на протяжении всего раннего Нового времени, а также их возможные истоки сами по себе заслуживают нашего внимания.

В качестве важнейшего (а иногда и единственного) источника вдохновения демонологов XVI–XVII вв. современная историография всегда единодушно признавала «Молот ведьм» – творение монаха-доминиканца Генриха Крамера (Инститориса)⁵¹. Выпущенный в 1487 г. в Шпайере *Malleus Maleficarum* в течение последующих 150 лет выдержал 28 переизданий в Германии, 11 – во Франции и 2 – в Италии. Именно на него

⁴⁸ Подробнее см.: Тогоева О.И. Каким не должен быть судья: Огюстен Николя и его трактат о недопустимости пыток (1682 г.) // Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2010. С. 255–270.

⁴⁹ “C’est ce qui a fait recevoir à cet Auteur (i.e. à Henry Boguet) pour un indice de sortilege de voir qu’un deferé de ce crime ne jette aucunes larmes, ... l’Inquisition de Rome defend de s’arrester à ces indices ridicules, et à ces Docteurs peu Philosophes” (Nicolas A. Si la torture est un moyen seur à vérifier les crimes secrets. Dissertation morale et juridique. Amsterdam, 1682. P. 221).

⁵⁰ Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. С. 75–84.

⁵¹ Houdard S. Op. cit. P. 27–56. Соавтором Г. Крамера традиционно считался инквизитор Якоб Шпренгер, однако современные специалисты полагают, что данное авторство являлось, скорее, номинальным, и имя Шпренгера было использовано Крамером для придания его труду большего веса: Broedel H.P. The “Malleus Maleficarum” and the Construction of Witchcraft: Theology and Popular Belief. Manchester, 2003. P. 18–19.

постоянно ссылаясь, в частности, Жан Боден – в том числе, рассуждая о способности ведьм заплакать⁵².

Проблема заключалась лишь в том, что в самом «Молоте ведьм» вопрос о даре слез решался весьма неоднозначным образом. Ему был посвящен вопрос 15 третьей части трактата, где Генрих Крамер рассматривал те признаки, по которым судья может узнать истинную ведьму. Неспособность заплакать он называл вернейшим доказательством того, что женщина продала душу дьяволу и окутана «колдовским упорством»: никакие угрозы, пытки или увещания не способны вызвать ее слезы. Конечно, она будет хитрить и изворачиваться, отмечал далее автор «Молота»: она попытается смочить глаза и щеки слюной и будет издавать плаксивые звуки, а потому судьям следует быть предельно внимательными, дабы вывести такую особу на чистую воду. Он даже приводил примерный текст увещания, при помощи которого чиновники или священники могут попытаться заставить ту или иную подозреваемую заплакать:

«Я заклинаю тебя горчайшими слезами, пролитыми нашим Спасителем и Господином Иисусом Христом на кресте для спасения мира. Я заклинаю тебя самыми горячими слезами преславной девы, его матери, пролитыми ею над его ранами в вечерний час, а также и всеми слезами, пролитыми здесь, на земле, всеми святыми и избранниками божьими, глаза которых бог отер теперь от каждой слезы для того, чтобы ты, поскольку ты невиновна, пролила бы слезы. Если же ты виновна, то слез не лей. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь»⁵³.

Однако далее Генрих Крамер предупреждал читателей, что подобный способ узнать правду помогает не всегда, поскольку находятся такие обвиняемые, которые могут *заставить* себя заплакать. Эти «лживые слезы» они способны проливать не только перед тюремными охранниками, но даже перед судьями, в том числе и на пытках. Женщины по природе своей вообще слезливы, справедливо отмечал автор, но в условиях уголовного преследования они могут воспользоваться помощью дьявола и – с Божьего позволения – начать плакать. В этой ситуации, заключал Крамер, судьям остается лишь опираться на показания достойных доверия свидетелей – в ином случае подозреваемую в занятиях колдовством особу придется освободить из заключения, а процесс против нее прекратить⁵⁴.

Таким образом, в самом тексте «Молота ведьм» возникало противоречие, неразрешимое даже для автора, хотя он и ссылаясь в данном пасса-

⁵² См. выше: Глава 7, прим. 42. Об особенностях заимствований из «Молота ведьм» у Жана Бодена см.: Schnyder A. Der "Malleus maleficarum", Fragen und Beobachtungen zu seiner Druckgeschichte sowie zur Rezeption bei Bodin, Binsfeld und Deltrio // Archiv für Kulturgeschichte. 1992. Bd. 74. S. 323–364.

⁵³ Шпенгер Я., Институторис Г. Указ. соч. С. 299–300.

⁵⁴ Там же. С. 300.

же на собственную судебную практику и на «мнение сведущих людей»⁵⁵. Впрочем, кто были эти последние, сказать затруднительно: в главном источнике вдохновения Генриха Крамера – «Учебнике инквизиторов» Николая Эймериха – не имелось ни единого упоминания о слезах ведьмы. Иными словами, читая *Malleus Maleficarum* последующие поколения демонологов не могли получить внятный ответ, способны ли приспешники дьявола заплакать или нет, что, по всей видимости, и повлекло за собой столь широкий разброс во мнениях.

***

Вместе с тем, в раннее Новое время европейские интеллектуалы начали разрабатывать совершенно иной – *скептический* – тип демонологического дискурса. Авторы подобных трактатов пытались научно доказать, что никакого колдовства не существует в принципе, а те, кого подозревают в подобных занятиях, в большинстве своем являются женщинами, страдающими меланхолией. Таким образом, концепт боли сменился в этих сочинениях на концепт *болезни*, причем не физической, но психической. Традиционно в историографии появление данной теории связывают с именем Иоганна Вейера, который отнюдь не считал обвиняемых ведьмами, т.е. пособниками дьявола и его демонов⁵⁶.

Сочинение Иоганна Вейера с самого начала подверглось активной критике со стороны его коллег. Главным камнем преткновения являлось его стойкое убеждение, что у больных меланхолией женщин мозг оказывался поврежден, что приводило к возникновению у них устойчивых иллюзий и видений, в которых они встречались с дьяволом, приносили ему оммаж, посещали шабаш, а также творили самые различные злодеяния при помощи или по инициативе демонов⁵⁷. Ничего этого, по мнению Вейера, в действительности не происходило, а потому многочисленные

⁵⁵ О даре слез, который использовался в качестве доказательства на процессах, шедших в германских землях, см.: Kounine L. *Imagining the Witch: Emotions, Gender, and Selfhood in Early Modern Germany*. Oxford, 2018. P. 55, 59–60, 72–75, 84, 104, 118–119, 124, 153, 171.

⁵⁶ Anglo S. *Melancholia and Witchcraft: The Debate between Wier, Bodin and Scot // Folie et déraison à la Renaissance. Colloque international tenu en novembre 1973 sous les auspices de la Fédération internationale des instituts et sociétés pour l'étude de la Renaissance*. Bruxelles, 1973. P. 209–222; Midelfort H.C.E. *Johann Weyer and the Transformation of the Insanity Defense // The German People and the Reformation / Ed. by R. Po-chia Hsia. N.Y., 1988. P. 234–262; Waardt H. de. Spiritualism and Medicine. The Religious Convictions of Johan Wier // The Sixteenth Century Journal*. 2011. Vol. 42 (2). P. 369–391.

⁵⁷ “Les gens plus sujets a estre assaillis de ces folies, sont ceux qui ont un temperament et complexion qui aisement obeit a une persuasion devenue telle, ou par les causes de dehors, ou estant touchee par les illusions du diable... Tels sont les melancholiques” (Wier J. *Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs*. P., 1579. P. 218).

ведовские процессы, современником которых был автор, с его точки зрения, касались невинных людей, которых нельзя было ни судить, ни тем более наказывать за их заблуждения⁵⁸. Их следовало *лечить* – причем не при помощи экзорцизма или иных церковных практик (с использованием мощей, реликвий или освященной воды), но сугубо медицинскими способами⁵⁹.

Справедливости ради стоит отметить, что у теории Иоганна Вейера имелись и сторонники, одним из которых был знаменитый врач Феликс Платтер (1536–1614), декан медицинского факультета Базельского университета⁶⁰. Однако противников у нее оказалось все же значительно больше, и главным среди них являлся, как мы помним, Жан Боден, возражавший против того, чтобы считать обвиняемых женщин душевнобольными, а также против того, что их признания, полученные насильственным путем, т.е. на пытке, не содержат правдивой информации⁶¹. Французский юрист полагал, что подобные рассуждения представляют собой не более чем «отговорки», а самого Вейера называл «доктором дьяволологии», «учеником и слугой великого колдуна Агриппы», желающим всего лишь отвести от себя подозрения⁶².

⁵⁸ “Si quelqu’un de son propre gre ou autrement avoit confesse un mesfait, lequel ou simplement ou pour certaines raisons et causes naturelles il n’auroit peu commettre, il n’en seroit puny” (Ibid. P. 721); “La volonté d’un esprit sain et entier est une volonté d’une chose possible... Mais un homme fol n’a ni raison ni volonté; dont il s’ensuit que l’on ne doit-on ainsi imputer aucune coulpe à celui, lequel ne rassis de son entendement” (Ibid. P. 725–726). Здесь Иоганн Вейер активно использовал ссылки на те пассажи из Дигест, что указывали на более мягкое обращение в суде с сумасшедшими (Dig. 1.18.13–14, 48.9.9, 47.10.3, 9.1.1, 9.2.5), с пожилыми людьми и с женщинами в целом (Dig. 3.2.13, 48.8.4.2, 48.19.16, 50.6.5). О знакомстве И. Вейера с римским правом см.: *Тогоева О. И.* Римская теория договорного права в полемике Иоганна Вейера и Жана Бодена.

⁵⁹ Wier J. *Histoires, disputes et discours*. P. 26, 108, 244.

⁶⁰ В частности, как и Иоганн Вейер, Феликс Платтер полагал, что душевнобольных следует лечить врачам, а не исповедникам или экзорцистам: *Diethelm O., Heffernan T.F.* Felix Platter and Psychiatry // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1 (1). P. 10–23.

⁶¹ “Car Wier est d’accord que les sorcieres ont communication et paction avec les diables, et qu’elles font beaucoup de meschancetez à l’aide du diable, et neantmoins au livre *De Lamiis*, il dit tantost qu’il n’y a point de paction, et tantost qu’on ne sçavroit le prouver, tantost qu’il ne faut pas croire la confession des sorcieres, et qu’elles s’abusent de penser faire ce qu’elles disent, et que c’est la maladie melacholique qui les tient” (*Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. Fol. 225v). Об исключительном внимании Бодена к самому институту судебного признания см. подробнее: *Krause V.* Listening to witches: Bodin’s use of confession in *De la démonomanie des sorciers* // *The Reception of Bodin*. P. 97–115. Иоганн Вейер действительно выступал против пытки, поскольку она, с его точки зрения, лишь затрудняла познание истины: *Wier J.* *Histoires, disputes et discours*. P. 212, 724.

⁶² “Nous voyons que Vvier escrit ce que le Docteur en diabolologie prechoit. D’avantage il fait bien à noter que Vvier confessa qu’il estoit disciple d’Agrippa, le plus grand sorcier

Впрочем, французский демонолог отказывал абсолютно всем женщинам, обвиняемым в колдовстве, в самой возможности заболеть. Представительницы слабого пола не могут умереть от меланхолии, писал он, и хотя по природе своей они более холодные и влажные, нежели мужчины, это не является признаком какого-либо недуга⁶³. В северных регионах Европы, по мнению автора, существовало огромное количество ведьм, но ни одна из них никогда не считалась больной⁶⁴. Женщины вообще здоровее мужчин, заявлял Боден далее, они не восприимчивы ко многим известным болезням, поскольку их организм способен самоочищаться в периоды менструаций⁶⁵.

Любопытными при этом оказывались даже не эти, в высшей степени оригинальные медицинские выкладки Жана Бодена, но то, что он подверг критике своего немецкого коллегу, не зная, возможно, что еще в 1500 г. его соотечественник Симфорьен Шампье, будучи, как и Иоганн Вейер, врачом, высказывал схожие идеи. Он писал, что признания предполагаемых ведьм в суде представляют собой по большей части ложь. И хотя, по мнению Шампье, истинные ведьмы все же существовали (и в данном пункте его рассуждения расходились с более поздней теорией Вейера), он признавал, что обвиняемыми на ведовских процессах могут стать самые обычные люди, которые сильно больны и которыми должны заниматься медики, а не судебные чиновники. Их следует подвергнуть примерно такому же лечению, как и в случае заболевания эпилепсией или меланхолией, которая, впрочем, имела для Симфорьена Шампье

---

qui fut onques de son aage, et non seulement il estoit son disciple, ains aussi son valet et serviteur" (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 219v). Подробнее о полемике Жана Бодена и Иоганна Вейера см.: *Тогоева О.И.* Римская теория договорного права к полемике Иоганна Вейера и Жана Бодена.

⁶³ "Il ne falloit donc pas attribuer les transports des Sorciers, leurs maléfices, et actions estranges à la melancholie, et beaucoup moins faire les femmes melancholiques, veu que l'antiquité a remarqué pour chose estrange, que jamais femme ne mourut de melancholie" (*Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Fol. 226).

⁶⁴ "Or les femmes naturellement sont froides et humides, come dit le mesme autheur, et tous les Grecs, Latins, et Arabes, s'accordent en ce point icy. Et pour ceste cause Galen dit aussi que l'homme estant d'un téperament chaut et sec, en region chaude et seiche et en Esté tombe en la maladie melacholique, ete néanmoins Olatis le grand, Gaspar Peuceus, Saxo Gramaticus. Et Wier mesmes est d'accord avec tous les inquisiteurs des sorciers d'Ailemagne, que souz la région arctique, où la mer glace, en Allemagne et aux monts des Alpes et de Savoye tout est plein de Sorcières" (*Ibid.*).

⁶⁵ "D'avantage Hippocrate au premier livre des maladies populaires, et Galen au mesme livre tiennent que les femmes generalmente sont plus saines que les hommes, pour les flueurs menstruales qui les guarentissent de mille maladies" (*Ibid.* Fol. 226v). Вслед за Жаном Боденом идею о здоровых и «упитанных» английских ведьмах развивал и Яков Стюарт: "...they are by the contrarie, I say, some of them rich and worldly-wise, some of them fatte or corpulent in their bodies, and most part of them altogether given over to the pleasures of the flesh, continual haunting of companie, and all kind of merrines, both lawfull and unlawfull, which are thinges directly contrary to the symptomes of Melancholie" (*James I, King of England*. Op. cit. P. 30, курсив мой – О.Т.).

двойное происхождение и либо настигала человека по естественным причинам (из-за пережитого им страха или огорчения), либо носила демонический характер⁶⁶.

Тот же двойственный подход к проблеме колдовства/болезни присутствовал и у Реджинальда Скота, который, как я уже упоминала, в 1585 г. перевел *De prestigiis daemonum* Иоганна Вейера на английский язык. По его мнению, далеко не всех арестованных по подозрению в занятиях колдовством женщин можно было назвать истинными ведьмами. Часть из них, как он полагал, на самом деле оказывались больны меланхолией: подобным «выжившим из ума старухам» должен был помочь, скорее, врач, нежели палач и заплочных дел мастер⁶⁷. Иными словами, для Реджинальда Скота концепты боли и болезни применительно к демонологическому дискурсу – так же, как, вероятно, и для Симфорьена Шампье, – получали особое звучание: само пребывание в суде и в тюрьме, испытание пыткой, вызывали у несчастных, больных женщин желание оговорить себя, признаться в занятиях колдовством, хотя все их слова в действительности являлись ложью.

Таким образом, уже в XV–XVI вв. отдельным европейским авторам-демонологам именно пытка представлялась некой *квинтэссенцией боли*, а вместе с тем – главным инструментом, при помощи которого судьи создавали ведьму буквально из любой женщины: не в силах вынести физические страдания, она признавалась во всем, в чем ее обвиняли, лишь бы прекратить мучения. Впрочем, касались эти рассуждения все же далеко не всех обвиняемых, а только тех, кого С. Шампье, И. Вейер или Р. Скот отказывались считать ведьмами.

Идея о том, что пытка приносит человеку лишь страдание, а потому данный метод в принципе не следует использовать в суде, достигла своего апогея к концу XVII в., в трактате Огюстена Николя, для которого был совершенно очевиден тот факт, насколько бессмысленным оказывается в ведовских процессах насилие над арестованными. По мнению судьи из Франш-Конте, физическая боль была для многих из них до такой степени нестерпимой, что они готовы были признаться в чем угодно, лишь бы прекратить страдания⁶⁸.

Казалось бы, Огюстен Николя, столь жестко критиковавший всех без исключения предшественников (и особенно Жана Бодена⁶⁹), впол-

⁶⁶ *Champlier S. Op. cit. P. 302–307.* В данном случае С. Шампье неверно трактовал меланхолию, поскольку приписывал больным ею способность говорить на незнакомых языках, что в действительности являлось признаком одержимости.

⁶⁷ “Howbeit, it is naturall to unnaturall people, and peculiar unto witchmongers, to pursue the poore, to accuse the simple, and to kill the innocent; suplieng in rigor and malice towards others, that which they themselves want in prooffe and discretion, or the other in offense or occasion” (*Scot R. Op. cit. P. VII–VIII, Epistle*).

⁶⁸ “Il faut souvent resister à l’empressement d’exposer un homme à la question, puisqu’il est constant que plusieurs, pour eviter ces douleurs, ont menti dans les tourmens” (*Nicolas A. Op. cit. P. 13*).

⁶⁹ *Ibid. P. 31, 128, 133, 142, 165–166.*

не, с нашей точки зрения, был готов сделать и следующий логический шаг – признать, что ведьм не существует в природе, а все арестованные по этому обвинению люди больны или травмированы в тюрьме. Однако, в его рассуждениях мы не найдем того подхода, который отчасти присутствовал в трудах Симфорьена Шампье, Иоганна Вейера и Реджинальда Скота. Напротив, Николя яростно полемизировал со своим немецким коллегой, полагая, что тот во многом ошибался⁷⁰. По мнению французского судьи, настоящие ведьмы существовали в реальности⁷¹, однако пытка не давала возможности их выявить, награждая обвиняемого лишь непереносимыми физическими страданиями, которые в свою очередь провоцировали глубокие душевные переживания, связанные с тем, что человек соврал следствию⁷². Вот почему, подводя своим рассуждениям Огюстен Николя, сам Господь повелел людям во всех их решениях избегать жестокости и насилия, которые несовместимы с понятиями человечности и христианского милосердия⁷³.

***

Таким образом, в демонологическом дискурсе раннего Нового времени наблюдался еще один явный и весьма любопытный парадокс. Оценка колдовства как психического заболевания и понимание физической боли на пытке как причины самооговора если и пересекались на страницах одного и того же трактата, никогда не сливались воедино, создавая некое синтетическое учение. Никто из упомянутых выше авторов не в состоянии был ответить на самый главный вопрос: «Существуют ли ведьмы на самом деле?». Даже такой опытный судья как Жан Боден в действительности противоречил сам себе. Описанные им ведьмы являлись по преимуществу *старыми* женщинами, и, тем не менее, он полагал, что любая из них может очиститься от каких бы то ни было заболеваний посредством менструаций. Иными словами, прославленный французский демонолог упускал из вида тот факт, что регулы с возрастом прекращаются, и обвиняемая в колдовстве на самом деле может страдать не физическим, а пси-

⁷⁰ “Ce n'est pas que Jean Wier n'ait tres-mal soutenu la cause qu'il avoit entreprise, sans doute par la compassion qu'il avoit de tant d'innocens et de pauvres femmes idiotes qu'il voyoit tous les jours perir parmy quelques veritables sorcieres en son pais; car enfin il choque d'abord l'autorité divine qui nous témoigne qu'il est des sorciers et qu'ils meritent la mort” (Ibid. P. 129).

⁷¹ “Passons de la puissance à l'acte, et ne nous contentons pas de prouver que cela se peut, mais achevons de prouver que celà se fait” (Ibid. P. 106).

⁷² “Aristote, Ciceron, Auguste, Ulpien, les Loix Romaines, saint Augustin, son Commentateur... Del Rio, Binsfeld, Farinace... tous les Criminalistes, tous les Canonistes, tous les Theologiens raisonnables sont contraints de confesser, que souvent l'innocent succombe à cette cruelle et mensongere sorte de preuve” (Ibid. P. 215–216).

⁷³ “Dieu nous a commandé exclusivement d'éviter en tous nos jugemens, tant dans le vieux que dans le nouveau Testament, qu'elle produit tous les jours des excès de cruauté indignes de nostre humanité, et de nom Chrestien” (Ibid. P. 218).

хическим недугом. Что же касается вопроса о том, как отличить больную женщину от здоровой ведьмы, то он так и остался нерешенным и для Симфорьена Шампье, и для Иоганна Вейера, и для Реджинальда Скота, и для Огюстена Николя. Их размышления о колдовстве и связанных с ним концептах физической боли и болезни во всей их противоречивости и недосказанности как нельзя лучше показывают, насколько дискретным было развитие европейской демонологии в XV–XVII вв. Вместе с тем рассмотренные выше сочинения демонстрируют существование не только некой общей «суммы знаний», но и наличие оригинальных и новых для своего времени идей и гипотез, к которым их авторы приходили как самостоятельно, так и опираясь на работы единомышленников. Изучение подобных взаимосвязей между отдельными сочинениями представляется важнейшим полем для дальнейших исследований, если мы стремимся к пониманию не только демонологического дискурса эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, но и в целом интеллектуальных веяний этого периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О пользе колдовства

Эта книга начиналась с размышлений о категории «непроизносимого» (*nefandum*), которую в 1990 г. Жак Шиффоло предложил использовать применительно к политико-религиозным процессам начала XIV в., получившим широкое распространение в Западной Европе. Закончить же свое исследование я позволю себе размышлениями о некоторых относительно недавних публикациях, способных, как мне кажется, изменить во многом наше понимание того, *как*, но самое главное *с какими целями* люди эпохи Средневековья и раннего Нового времени создавали концепцию колдовства.

В 2017 г. во Франции вышел объемный сборник статей под интригующим названием «У пределов ереси», посвященный полемике вокруг данного явления, разворачивавшейся на протяжении почти десяти столетий, с V по XIV в.¹ В обзорной вступительной статье редакторы этой коллективной монографии, Франк Мерсье и Изабель Розе, отмечали, что в течение многих десятилетий исследование средневековых ересей шло проторенной дорогой и чаще всего оборачивалось выявлением различных и, как тогда казалось, разрозненных сект, воспринимаемых как еще одна – наравне с язычниками, преступниками или нищими – маргинальная группа лиц, *сознательно* отмежеввавшихся от христианского сообщества².

В рамках данного подхода сама ересь интерпретировалась если не как патология, то по крайней мере как единичный опыт, как отрыв от «мнения большинства», от «коллективного сознания», т.е. от неких идеалов и умонастроений, присущих средневековому социуму в целом. Именно такой точки зрения придерживался Эммануэль Ле Руа Ладюри в своем знаменитом исследовании о деревне Монтайю, жители которой предста-

¹ Aux marges de l'hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Âge / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé. Rennes, 2017.

² Mercier F., Rosé I. Introduction // Ibid. P. 11–15.

вали на страницах его книги оторванными от прочего мира не только географически, но и идеологически³. Такова был и позиция Жан-Клода Шмитта, изложенная в его обобщающей «Истории маргиналов», к которым автор с легкостью относил и представителей еретических движений⁴. Те же взгляды разделял и Бронислав Геремек, записывая в ряды «проходимцев и обездоленных» буквально всех, о ком упоминали средневековые судебные архивы⁵.

Традиционная история придерживалась, таким образом, взгляда «из центра» религиозной ойкумены или, если угодно, взгляда «сверху вниз» – с высот католической религии на «отщепенцев», случайно или умышленно исповедовавших иные ценности, а потому пребывавших – в прямом и переносном смысле – на задворках цивилизованного мира. Такое понимание ересей современными историками как будто повторяло подход представителей средневековой официальной церкви и светской власти. Вот почему на протяжении десятилетий именно судебные архивы, содержащие материалы процессов против еретиков, являлись излюбленными источниками для изучения данного феномена. Вот почему и книга Э. Ле Руа Ладюри, и многие подобные ей исследования оказывались столь востребованными⁶.

Данный подход нельзя, конечно же, назвать полностью ошибочным. Скорее, следует говорить о том, что на протяжении долгого времени методология исторических исследований не могла разрешить важнейшую источниковедческую проблему – «непрозрачность» документов (прежде всего, судебных и церковных), касавшихся средневековых ересей, не могла преодолеть их официальный, а следовательно, предвзятый характер⁷. Созданные представителями власти, эти источники изначально предполагали взгляд на любую выявленную ересь как на отклонение от

³ *Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975.* Русский перевод: *Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001.* Нужно сказать, что своему видению проблемы автор не изменил и спустя 40 лет, что отчетливо заметно по его предисловию, предпосланному переводу работы английского историка Рене Вайса, вновь обратившегося к феномену Монтайю: *Le Roy Ladurie E. De Montaillou, village occitan, à la Yellow Cross de René Weis. Montaillou revisité // Weis R. Les derniers Cathares, 1290–1329. P., 2016. P. I–XXIII.* Первое издание монографии Р. Вайса вышло в 2000 г.: *Weis R. The Yellow Cross. The Story of the Last Cathars (1290–1329). L., 2000.*

⁴ *Schmitt J.-Cl. L'histoire des marginaux // Nouvelle histoire / Sous la dir. de J. Le Goff. P., 1988 (1978). P. 277–305.*

⁵ *Geremek B. Truands et misérables dans l'Europe moderne (1350–1600). P., 1980.*

⁶ См. также: *Hérésie et sociétés dans l'Europe preindustrielle (XIe–XVIIIe siècles) / Sous la dir. de J. Le Goff. P.; La Haye, 1968.*

⁷ На эту особенность средневековых текстов указала в 1999 г. Моник Зернер: *Zerner M. Hérésie // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval / Sous la dir. de J. Le Goff et J.-Cl. Schmitt. P., 1999.*

нормы, которая как для авторов текстов, так и для изучавших их историков представлялась единой и неделимой.

В полной мере эта источниковедческая проблема была осмыслена и артикулирована только в 1980–1990-е гг. Лишь осознав особенности источниковой базы, ученые обратились к тому, с чего, возможно, следовало начинать, – к исследованиям собственно религиозной «нормы», тех компонентов, которые ее составляли и определяли⁸. Отсюда оставалось сделать всего один шаг до совершенно нового подхода к изучению самих ересей – как продукта рефлексии образованных кругов средневекового общества: теологов, папской курии, монахов, церковных и светских судей. Как следствие, под вопрос оказалась поставлена декларируемая ранее «маргинальность» еретиков, наличие у которых зачастую строгой организации и собственных, четко сформулированных религиозных воззрений начало постепенно признаваться и изучаться⁹. Таким образом, медиевисты, наконец, подошли вплотную к пониманию того факта, что многие еретические учения создавались отнюдь не «отщепенцами», не были продуктом интеллектуальной деятельности низов общества, но вырабатывались и поддерживались весьма образованными людьми. Именно их ученым выкладкам противостоял церковный антиеретический дискурс, создание и уточнение которого, его *конструирование* выходит теперь на передний край исторических исследований.

Анализируя произошедшие за последние два десятилетия изменения в историографическом ландшафте, авторы коллективной монографии «У пределов ереси» отмечали, что для французских исследователей поворотным моментом в изучении данного феномена стало издание в 1998 г. сборника статей под редакцией Моник Зернер¹⁰. В заслугу своим коллегам Франк Мерсье и Изабель Розе ставили прежде всего новые методологические подходы к анализу документов, попытку выделить на сохранившемся до наших дней материале то, что на протяжении эпохи Средневековья признавалось ортодоксальной, истинной верой, т.е. той нормой, *отталкиваясь от которой* ранее определяли ересь¹¹. Новое прочтение источников повлекло за собой пристальное внимание к тонкостям со-

⁸ Одной из первых таких работ стало исследование Роберта Яна Мюра: Moore R.I. The Formation of a Persecuting Society. Power and Deviance in Western Europe, 950–1250. Oxford, 1987.

⁹ См., к примеру: Audisio G. Les Vaudois. Naissance, vie et mort d'une dissidence (XIIe–XVIe siècles). Turin, 1989; Théry J. L'hérésie des Bons Hommes. Comment nommer la dissidence religieuse non vaudoise ni béguine en Languedoc (XIIe – début du XIVe siècle) // Heresis. 2002. T. 36/37. P. 75–117; Brunn U. Des contestataires aux "Cathares". Discours de réforme et propagande antihérétique dans les pays du Rhin et de la Meuse avant l'Inquisition. P., 2006; Chiffolleau J., Balossino S. Valdensi e mondo comunale in Provenza nel Duecento // Valdensi medievali. Bilanci et prospettive di ricerca / A cura di M. Benedetti. Torino, 2009. P. 61–102.

¹⁰ Inventer l'hérésie? Discours polémiques et pouvoirs avant l'Inquisition / Sous la dir. de M. Zerner. Nice, 1998.

¹¹ Mercier F., Rosé I. Op. cit. P. 12.

ставления подобного рода документов, к проблемам текстологии и авторства тех или иных текстов, к определению той роли в их появлении на свет, что играли не только писцы или переписчики, но и заказчики, редакторы и иллюстраторы¹².

Логичным следствием такого подхода стал отказ от социологической перспективы исследований и признание факта, что ересь не существовала до того, как была объявлена ересью, т.е. неким отклонением от нормы. Напротив, «концепт ереси»¹³ создавался постепенно, он складывался по мере того, как все четче становились идеи средневековых интеллектуалов о самой католической вере, о ее допустимых границах, о ее норме.

Авторы коллективной монографии «У пределов ереси» настаивали – и подтверждали свою убежденность через анализ самых различных по жанровой принадлежности источников, – что понятие «ересь» не было раз и навсегда определенным: оно видоизменялось в зависимости от самых разных внешних обстоятельств и/или умонастроений конкретных авторов. Его границы оставались зыбки и непостоянны, но в то же время на каждом этапе развития средневековой мысли его содержание четко определялось через понятия греха и преступления, ему сопутствовали устойчивые и ясные метафоры и аналогии, в основе которых лежали по преимуществу библейские образы – прежде всего, Иуды Искарота, Симона Мага и Антихриста¹⁴.

Таким образом, исследование французских коллег было направлено прежде всего на то, чтобы очертить контуры представлений о ереси как об *общем* культурном феномене, проанализировать обстоятельства и методы конструирования данного концепта. И наиболее интересный вывод, к которому они приходили, заключался в констатации того факта, что очень часто (будь то в экзегетических сочинениях, патристике или в трудах поздних европейских теологов) ересь рассматривалась с точки зрения ее *пользы* для христианского учения – как некая *анти-модель*, необходимая для выработки основных догматов католицизма¹⁵.

Как следствие, ересь в определенной степени представлялась единым понятием для средневековых мыслителей, в отличие от авторов эпохи

¹² О множественности понятия «автор» для любого типа средневекового источника см.: Данилевский И.Н. Историческая текстология. М., 2018. С. 33–59.

¹³ Понятие, впервые введенное в научный оборот Виллемом Лурдо и Даниэлем Верхельстом: *The Concept of Heresy in the Middle Ages (11th–13th C.)* / Ed. by D. Verhelst, W. Lourdaux. Louvain, 1983. P. VII–VIII.

¹⁴ См., в частности: Rosé I. Simon le Magicien hérésiarque? L'invention de la *simoniaca heresis* par Grégoire le Grand // *Aux marges de l'hérésie*. P. 201–238; Toneatto V. Aux marges de la foi, aux confins de l'humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l'Antiquité au début du Moyen Age // *Ibid.* P. 19–52.

¹⁵ Bain E. Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle // *Ibid.* P. 53–83; Brunn U. Dialectique, dualité christologique et monisme institutionnel. La construction d'un monde sans division... avec les «manichéens» en marge (de Grégoire VII à Innocent III) // *Ibid.* P. 85–110.

поздней Античности, для которых существовал целый сонм разнообразных «заблуждений в вере»¹⁶. Средневековые, напротив, пытались, как кажется, выработать некую *общую идею* ереси – как неделимого явления, имеющего устойчивые и довольно жесткие характеристики: вот почему конкретизация данного концепта часто шла через описание и осознание феномена иноверчества¹⁷.

Но если концепт ереси позволял европейцам эпохи развитого Средневековья лучше представить себе *религиозную норму* – те рамки, в которые укладывалось или, вернее, должно было укладываться поведение рядового христианина, не нарушавшего церковную дисциплину и не отрицавшего догматы церкви, то точно так же – однако теперь применительно к *светской власти* – работал в XV–XVII столетиях концепт колдовства.

Именно с этих позиций я и попыталась рассмотреть «конструирование» данного культурного феномена и динамику отношения к нему в Западной Европе на протяжении эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Как мне представляется, «изобретение» колдовства в большой степени также оказалось связано с понятием *пользы* – пользы прежде всего для правителей, их советников и судебного аппарата в делах управления и поддержания порядка в социуме. Возможно, данный концепт являлся не самым главным элементом политической культуры XII–XVII вв., но, как мне кажется, весьма важной ее составляющей.

Трактовка колдовства и – шире – любого зла через понятие пользы в действительности присутствовала уже в «Поликратике» Иоанна Солсберийского, писавшего, что абсолютно все явления окружающего мира созданы Господом¹⁸. Данное утверждение подразумевало, что и люди, склонные к занятиям магическими искусствами, и дурные советники правителей также имеют Божественное происхождение. К этой

¹⁶ О понятии *hérésie générale*, противопоставленной ортодоксальной вере в целом, см.: Lauwers M. “Dicunt vivorum beneficia nichil prodesse defunctis”. Histoire d’un thème polémique (XIe–XIIe siècles) // *Inventer l’hérésie?* P. 157–192.

¹⁷ Подробнее о сборнике «У пределов ереси» см.: Тогоева О. И. Изобретая ересь. Рец. на: Aux marges de l’hérésie. Inventions, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé. Rennes, 2017 // CB. 2019. Вып. 80 (4). С. 211–222.

¹⁸ “Si vero Platonem sequimur qui asserit naturam esse Dei voluntatem, profecto nichil istorum evenit contra naturam, cum ille omnia quaecumque voluit fecerit. Ille quidem dum rerum causas exequitur, finem omnium divinam astruit bonitatem. Optimus est, inquit; porro ab optimo longe relegata est omnis invidia. Itaque consequenter cuncta sui similia, prout natura cuiusque beatitudinis capax esse poterat, effici voluit, quam quidem Dei voluntatem certissimam rerum originem esse si quis ponat, recte eum putare consentiam. Et quidem sapientia Dei et bonitas, quae rebus omnibus originem praebet, natura rectissime appellatur; contra quam utique nihil fit, quia dispositionem Dei nihil evacuat, aut causas quae in mente illius, qui fecit celos in intellectu, ab eterno constiterunt, suo privat effectu” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici*. T. 1. P. 85–86).

идее английский схоластик обращался в главе, посвященной превращению государя в тирана и в самого дьявола¹⁹. Его душой, заявлял Солсбериец, становятся еретики, схизматики и святотатцы, нарушающие Божественные установления, а его сердцем – нечестивые советники. Его глазами, ушами, языком и свободной рукой выступают официалы, судьи и юристы, приемлющие любую несправедливость, а вооруженной рукой – воины, готовые к насилию, которых «еще Цицерон именовал ворами». Наконец, его стопами являются все прочие отщепенцы, не исполняющие волю Господа и презирающие законы²⁰.

И тем не менее, писал далее автор «Поликратика», тираны также созданы Господом и поставлены его наместниками на земле²¹. Их существование необходимо, согласно Божественному замыслу, для того, чтобы современники понимали, что представляет из себя истинное зло, чтобы они знали, как с ним бороться, и – в соответствии с этими знаниями – могли скорректировать свои благородные устремления²². Ибо власть, дарованная Свыше, всегда остается добром и лишь в каком-то одном, конкретном случае способна обернуться чистым злом, которое нужно учиться распознавать²³. А потому это зло полезно для окружающих – точно так же, как бывает полезен черный цвет в живописи, хотя сам по себе он всегда остается непривлекательным²⁴.

Буквально слово в слово размышления Иоанна Солсберийского оказались повторены в конце XV в. в «Молоте ведьм». Генрих Крамер, задаваясь вопросом, «почему Бог с полным правом разрешает существование зла и колдовства в мире», сам же отвечал на него:

¹⁹ “Habet enim et res publica impiorum caput et membra sua, et quasi civilibus institutis legitimae rei publicae nititur esse conformis. Caput ergo eius tyrannus est imago diaboli” (Ibid. T. 2. P. 348).

²⁰ “...anima heretici scismatici sacrilegi sacerdotes et, ut verbo Plutarchi utar, praefecti religionis, impugnantes legem Domini; cor consiliarii impii, quasi senatus iniquitatis; oculi, aures, lingua, manus inermis, iudices et leges, officiales iniusti; manus armata, milites violenti, quos Cicero latrones appellat; pedes qui in ipsis humilioribus negotiis praeceptis Domini et legitimis institutis adversantur” (Ibid. P. 348–349).

²¹ “Amplius quidem adiciam; etiam tyranni gentium reprobati ab eterno ad mortem ministri Dei sunt et christi Domini appellantur” (Ibid. P. 359).

²² “Ministros Dei tamen tyrannos esse non abnego, qui in utroque primatu, scilicet animarum et corporum, iusto suo iudicio esse voluit per quos punirentur mali et corrigerentur et exercerentur boni” (Ibid. P. 358).

²³ “Omnis autem potestas bona, quoniam ab eo est a quo solo omnia et sola sunt bona. Utenti tamen interdum bona non est aut patienti sed mala, licet quod ad universitatem sit bona, illo faciente qui bene utitur malis nostris” (Ibid. P. 359).

²⁴ “Sicut enim in pictura fuscus aut niger color aut aliquis alius per se consideratus indecens est, et tamen in tota pictura decet; sic per se quaedam inspecta indecora et mala, relata ad universitatem bona apparent et pulchra, eo omnia sibi adaptante cuius omnia opera valde sunt bona. Ergo et tyranni potestas bona quidem est, tyrannide tamen nichil est peius” (Ibid.).

«Как же случается, что Бог попускает зло? Провидец-человек, видя зло, стремится тотчас же уничтожить его, так как он не может превратить зло в добро. Бог же, провидец Вселенной, может из зла извлечь добро. Ведь преследованиями тиранов укреплялось терпение мучеников, а чародеяниями ведьм происходило совершенствование праведников... Зло, случающееся с отдельными особями (например, повешение вора или закалывание какого-нибудь животного для человеческого питания), не совершается в ущерб совокупности особей, а помогает людям сохранить жизнь и пребывать в благоприятных условиях жизни. Таким образом, и для Вселенной происходит отсюда добро»²⁵.

В конце XVI в. ту же мысль развивал в «Демонии колдунов» Жан Боден, утверждавший, что Господь, по мнению «всех философов и теологов» и прежде всего Платона и Аристотеля, является первопричиной всего сущего и от него проистекают все явления и события в подлунном мире²⁶. Как следствие, и демоны и их владыка дьявол также были созданы Богом, они зависят только от него и подчиняются лишь его указаниям²⁷. И если имя Господа оскверняют, он насылает на своих земных подданных болезни, войны и голод и использует в качестве посланников силы ада²⁸. Ибо, подводя итог этим размышлениям Боден, Всевышний избрал дьявола для свершения собственного правосудия – чтобы наказывать дурных людей и укреплять в вере добрых христиан²⁹.

²⁵ Шпенгер Я., Институтис Г. Указ. соч. С. 145. Вопрос о пользе колдовства обсуждался на страницах «Молота ведьм» очень подробно. См.: Там же. С. 142–147, 161–164.

²⁶ «Or tous les Philofophes et Theologiens sont d'accord, que Dieu est la premiere cause eternelle, et que de luy dependent toutes choses. Car combien que Platon ait posé trois principes du monde, à sçavoir, Dieu, la matiere, et la forme,... il met Dieu par dessus toutes les causes, et hors la suite et ordre des causes. Aristote pareillement a démontré, qu'il faut par necessité, qu'il y ait un Dieu, premiere cause, de laquelle toutes les autres dependent» (Bodin J. De la démonomanie des sorciers. Fol. 28).

²⁷ «Car Dieu a dix mille moyens de chastier les hommes, et de grands thresors de vengeance, comme il dit, tantost par soymesmes, tantost par ses Anges, tantost par les diables, tantost par les hommes, tantost par les bestes. Bref toute la nature est preste à venger l'injure faite à Dieu» (Ibid. Fol. 109v). «Car on void en ce discours, que Satan ne peut user de sa puissance, sinon entant, et pourtant que Dieu luy permet. Mais si une fois il luy lasche la bride, on void de merueilleux exploits de Satan» (Ibid. Fol. 110v).

²⁸ «Et tout ainsi que Dieu envoie les pestes, guerres, et famines par le ministere des malins esprits, executeurs de sa justice, aussi faict il des Sorciers, et principalement quand le nom de Dieu est blasphemé, comme il est à present par tout, et avec telle impunité et licence que les petis enfans en font mestier» (Ibid. Fol. 122–122v).

²⁹ «Il faut attribuer la puissance à Dieu de tout cela, encores que cela soit fait par le ministere des diables ou autres esprits. Et faut croire qu'il n'est rien fait, soit par les Daemons, soit par les Sorciers, qui ne se face par une juste jugement de Dieu qui le permet, soit pour chastier ceux qui le meritent, soit pour tenter, et fortifier les bons» (Ibid. Fol. 111–111v).

Польза от существования колдовства заключалась таким образом в том, чтобы осознать величие Господа. Но в то же время оно оказывалось необходимым, чтобы понять, кто именно и как с этим явлением должен бороться: концепт колдовства помогал создавать образ нового врага, против которого объединялась не просто община истинно верующих, как это было во времена активной борьбы с еретическими сектами, но все светское государство во главе с правителем. Таким образом, ведьмы и колдуны были нужны не только для того, чтобы яснее представлять себе и всячески подчеркивать собственную – христианскую – идентичность, но и для того, чтобы понять, каким целям должны служить власть имущие³⁰.

Иными словами, концепт колдовства в определенной мере помогал осознанию того, что такое *светская* власть, как она создается, кто ее представляет и как она может оставаться добродетельной, т.е. направленной на поддержание мира и порядка в обществе. Вот почему на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени авторы-демонологи так много внимания уделяли проблемам войны и разрухи, связанной с засильем ведьм и колдунов; вот почему так подробно, еще со времен Иоанна Солсберийского, обсуждалась проблема дурных советников; вот почему обвинение в занятиях колдовством регулярно использовалось в политической пропаганде.

Когда Жак Шиффоло вводил в историографию понятие политико-религиозных процессов и определял время их существования началом XIV столетия, он предполагал, что развитие права и судопроизводства в последующие столетия позволило разграничить эти две сферы: занятия колдовством постепенно начали восприниматься как самостоятельный состав преступления, не связанный ни с ересью, ни с деяниями, носившими строго политический характер (как, например, военная измена). Столь жесткое разделение «политики» и магических практик (и всех связанных с ними идей и концепций) представляется мне слишком искусственным и надуманным, ведь Жак Шиффоло не рассматривал колдовство в точки зрения его пользы для общества и, в частности, для политических сил и правителей Западной Европы эпохи Средневековья и Нового времени, а судебное преследование магических «искусств» – как оружие в политической борьбе.

Впрочем, как кажется, и в современной историографии колдовство редко изучается именно с этих позиций. В ставшем уже классическим сборнике основных теоретических сочинений, посвященных данному культурному феномену и изданных Брайаном Леваком в 2005 г., отсутствовали даже ссылки на «Поликратик» Иоанна Солсберийского, и концепт колдовства как элемента светской политической культуры эпохи Средневековья и раннего Нового времени не рассматривался³¹. То же самое можно сказать и об огромном обобщающем труде *The Witchcraft*

³⁰ Эко У. Сотвори себе врага. С. 7, 18.

³¹ The witchcraft sourcebook / Ed. by B. Levack. N.Y.; L., 2005.

Reader, вышедшем в 2008 г., или о столь же внушительном по объему сборнике статей *Witchcraft, Demonology and Magic* 2020 г.: ни один из принявших в них участие авторов не обратил внимания на тот факт, что в создании данного концепта и в распространении представлений о нем как об исключительно опасном явлении принимали участие не только отцы Церкви, теологи и инквизиторы, но и светские авторы – судьи, врачи, книгопечатники, университетские профессора и даже сами правители³². Единственным, пожалуй, исключением на этом фоне стала уже неоднократно упоминавшаяся выше монография Петера Горзоллы³³, которая – при всех ее недостатках – оказалась посвящена той же теме, что стала главной и для моего исследования.

Как мне представляется, изучение той роли, что суждено было сыграть концепту злонамеренного колдовства в формировании политической культуры, о каких бы стране и периоде мы ни говорили, имеет большое будущее. Внимательный читатель, безусловно, должен был заметить, что в моей монографии акцент оказался сделан всего на нескольких крупных регионах Западной Европы – территории современной Швейцарии, Франции и Англии. Германские земли с их исключительно богатой и разнообразной демонологической традицией, а также итальянские города и Пиренейский полуостров остались практически вне поля моего зрения. Будем надеяться, что они дождутся исследователей, которые, возможно, заинтересуются местом и значением феномена колдовства в политической культуре этих стран.

³² The Witchcraft Reader / Ed. by D. Oldridge. N.Y.; L., 2008; Witchcraft, Demonology and Magic / Ed. by M. Montesano. Basel, 2020.

³³ Gorzolla P. Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster, 2019.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ – Средние века

AESC – Annales. Economies. Sociétés. Civilisations

ANF – Archives Nationales de France

BEC – Bibliothèque de l'école des chartes

BNF – Bibliothèque nationale de France

MA – Moyen Age

MGH – Monumenta Germaniae Historica

PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca / J.-P.Migne editus

PL – Patrologiae cursus completus. Series latina / J.-P. Migne editus

RH – Revue historique

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные документы

Archives Nationales de France (Paris)

Série JJ – Registres du Trésor des chartes.

Biblioteca Apostolica Vaticana (Citta` del Vaticano)

Reg. lat. 535 – *Hélinand de Froidmont*. Chronicon (XIIe s.).

Bibliothe`que nationale de France (Paris)

Ms. fr. 810 – *Honoré Bovet*. Vision du prieur de Salon (XIVe s.)

Ms. fr. 811 – *Honoré Bovet*. Apparicion maistre Jehan de Meun (a. 1398–1408).

Ms. fr. 2680 – L'Abbrégé de la Chronique d'Enguerrand de Monstrelet (a. 1470–1480).

Ms. fr. 5733 – *Jean Petit*. Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, sur le fait de la mort du duc d'Orléans (a. 1408).

Ms. fr. 9683 – *Vincent de Beauvais*. De la condition ou enseignement des enfans nobles (XVe s.).

Ms. fr. 12476 – *Martin Le Franc*. Le Champion des dames (a. 1451).

Ms. fr. 24287 – *Jean de Salisbury*. Policratique (a. 1372).

Ms. lat. 3446 – *Vincent J.* Liber adversus magicas artes et eos qui dicunt artibus eisdem nullam inesse efficaciam (XVe s.).

NAF. Ms. 4811 – Chronique abrégée des rois de France (a. 1450).

Muse, e Conde, (Chantilly)

Ms. 878 – *Jean Petit*. Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne (a. 1408).

Österreichische Nationalbibliothek (Wien)

Ms. 2657 – *Jean Petit*. Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne (a. 1408).

Опубликованные источники

Агобар, архиепископ Лионский. Две книги в пользу сыновей и против Юдифи, жены Людовика Благочестивого // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / Отв. ред. А.И. Сидоров. СПб., 2019. С. 237–247.

- Базиле Дж. Сказка сказок, или Забава для малых ребят / Пер. с неап. П. Епифанова. СПб., 2016.
- Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., прим. М.С. Бобковой. М., 2000.
- Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Пер. и комм. А.И. Венедиктова, ред. пер. А.Г. Габричевского. М., 1956.
- Вийон Ф. Стихи / Сост. Г.К. Косиков. М., 1984.
- Вильям Мальмсберийский. История английских королей / Пер. Т.И. Кузнецовой // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М., 1972. С. 388–402.
- Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. и прим. М.Л. Гаспарова. М., 1964.
- Гальфрид Монмутский. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подг. А.С. Бобович, А.Д. Михайлов, С.А. Ошеров. М., 1984. С. 5–137.
- Гомер. Одиссея / Пер. В.В. Вересаева под ред. И.И. Толстого. М., 1953.
- Григорий Турский. История франков / Пер., сост., примеч. В.Д. Савуковой. М., 1987.
- Грим В., Грим Я. Сказки / Пер. Г. Петникова. М., 2004.
- Иаков Ворагинский. Золотая легенда / Пер. И.И. Аникьева и И.В. Кувшинской. М., 2017–2018. Т. 1–2.
- Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
- Мап В. Забавы придворных / Изд. подг. Р.Л. Шмараков. СПб., 2020.
- Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подг. А.С. Бобович, А.Д. Михайлов, С.А. Ошеров. М., 1984. С. 171–193.
- Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / Пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; под ред. А. Андрес. М., 1986.
- Плиний Старший. Естественная история. Кн. 7 / Пер. и коммент. А.А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2009. Вып. 17. С. 211–242.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах / Изд. подг. М.Е. Грабарь-Пассек и С.П. Маркиш. М., 1963.
- Свита Эрлекина в латинской литературе XII века // Мап В. Забавы придворных. С. 201–213.
- Сульпиций Север. Сочинения / Пер. А.И. Донченко. М., 1999.
- Теган Трирский. Деяния императора Людовика // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / Отв. ред. А.И. Сидоров. СПб., 2019. С. 171–232.
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. О душе / Пер., вступ. ст. и комм. А.Ю. Братухина. СПб., 2004.
- Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 1996.
- Шекспир В. Полное собрание сочинений в 14 т. М., 1993–1994.
- Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990.
- An Act against Conjuraton, Witchcraft and dealing with evil and wicked spirits // <http://www.witchtrials.co.uk/act1604.html>.
- Aegidii Romani De regimine principum doctrina / Ed. par V. Courdaveaux. P., 1857.

- Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon / Publ. par A. Lecoy de la Marche. P., 1877.
- Anon. The Apprehension and confession of three notorious Witches (1589) // Early Modern Witches. P. 129–137.
- Anon. A Detection of damnable driftes (1579) // Early Modern Witches. P. 41–49.
- Anon. The Examination and Confession of certaine Wytches (1566) // Early Modern Witches. P. 10–24.
- Anon. The examination, confession, triall, and execution, of Joane Williford, Joan Cariden, and Jane Hott. L., 1645.
- Anon. The Examination of John Walsh (1566) // Early Modern Witches. P. 25–32.
- Anon. A memoriall of certaine most notorious witches (1595) // Early Modern Witches. P. 146–150.
- Anon. A Most Wicked worke of a wretched Witch (1592) // Early Modern Witches. P. 138–145.
- Anon. A Rehearsall both straung and true (1579) // Early Modern Witches. P. 33–40.
- Anon. The severall factes of Witch-crafte (1585) // Early Modern Witches. P. 125–128.
- Anon. The severall practises of Johane Harrison and her daughter (1606) // Early Modern Witches. P. 151–157.
- Anon. The Shee-Devil of Petticoat-Lane. L., 1666.
- Anon. Witches Apprehended (1613) // Early Modern Witches. P. 266–275.
- Anon. The Witches of Northamptonshire (1612) // Early Modern Witches. P. 158–172.
- Anon. The Wonderful Discovery of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower (1619) // Early Modern Witches. P. 276–298.
- Aubignac F.H. d'. La pucelle d'Orléans. P., 1642.
- Augustinus. De doctrina christiana // PL. T. 34. Col. 13–122.
- Augustinus. Sermo CCLXXVIII. De auguriis // PL. T. 39. Col. 2268–2271.
- Augustinus. De diversis quaestionibus ad Simplicianum // PL. T. 40. Col. 101–148.
- Augustinus. De octo Dulcitii quaestionibus // PL. T. 40. Col. 148–170.
- Augustinus. De civitate Dei // PL. T. 41. Col. 13–804.
- Augustinus. Contra Faustum Manichaeum libri XXXIII // PL. T. 42. Col. 207–518.
- Augustinus (?). De vera et falsa poenitentia // PL. T. 40. Col. 1113–1130.
- Baker R. A Chronicle of the Kings of England. L., 1670.
- Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899–1900.
- Bentham J. Panopticon, or the Inspection-house. Containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, houses of industry, work-houses, poor-houses, lazarettos, manufactories, hospitals, mad-houses, and schools. With a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Crecheff in White Russia to a friend in England, by Jeremy Bentham of Lincoln's Inn, esquire. Dublin, 1791.
- Bernard R. A Guide to Grand Jury Men. L., 1629.
- Béroalde de Verville F. La pucelle d'Orléans: sous le sujet de cette magnanime pucelle est représentée une fille vaillante, chaste, sçavante et belle. P., 1599.
- Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi... Tomus Quartus, qui Speculum Historiale inscribitur. S.l., 1624.
- Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi... Speculum quadruplex, naturale, doctrinale, morale, historiale. Duaci, 1624.

- Blendecq Ch.* Cinq histories admirables, esuelles est monsté comme miraculeusement par la vertu et puissance du S. Sacrement de l'Autel, a esté chassé Beelzebub Prince des diables. P., 1582.
- Bodin J.* Methodus ad facilem historiarum cognitionem. P., 1566.
- Bodin J.* Les six livres de la République. P., 1576.
- Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. P., 1580.
- Boguet H.* Discours execrable des sorciers. P., 1603.
- Boniface VIII en procès: articles d'accusation et dépositions des témoins (1303–1311) / Ed. par J. Coste.* Rome, 1995.
- Bovet R.* Pandaemonium, or, The devil's cloyster. L., 1684.
- Bower E.* Doctor Lamb revived, or, Witchcraft condemn'd in Anne Bodenham. L., 1653.
- Brandon J.* Chronodromon seu cursus temporum // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique / Ed. par J. Kervin de Lettenhove. Bruxelles, 1870–1876. T. 1. P. 1–166.
- Burchardus Wortatiensis.* Decretorum libri viginti // PL. T. 140. Col. 537–1058.
- Champier S.* Dialogus in magicarum artium destructionem / Ed. by B.P. Copenhaver, D. Amundsen // Copenhaver B.P. Symphorien Champier and the Reception of the Occultist Tradition in Renaissance France. La Haye, 1978. P. 243–319.
- Charles d'Orléans.* Poésies / Ed. par P. Champion. 2 vol. P., 1923–1927.
- Charmes et caracteres de sorcellerie de Henri de Valoys* trouvez en la maison de Miron son premier Medecin et Conseiller ordinaire de son Conseil Privé. P., 1589.
- Chartier J.* Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858.
- Les choses horribles contenues en une lettre envoyee a Henry de Valois par un Enfant de Paris, le vingthuitiesme de Janvier 1589.* P., 1589.
- Christine de Pizan.* Ditié de Jeanne d'Arc / Ed. by A.J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977.
- Christine de Pizan.* Le Livre du corps de police / Ed. par A.J. Kennedy. P., 1998.
- Chronique d'Antonio Morosini.* Extraits relatifs à l'histoire de France / Ed. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. P., 1901. T. 3 (1429–1433).
- Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot, suivie de la Chronique normande de Pierre Cochon relative aux règnes de Charles VI et de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville.* P., 1859.
- Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. par M.L. Bellaguet.* 6 vols. P., 1839–1852.
- Chronique normande de Pierre Cochon / Ed. par C. Robillard de Beaurepaire.* Rouen, 1870.
- Chronique parisienne anonyme de 1316 à 1339 précédée d'additions à la Chronique française dite de Guillaume de Nangis (1206–1316) / Ed. par A. Hellot.* P., 1885.
- Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393) / Ed. par S. Luce.* P., 1862.
- Chroniques des comtes d'Anjou et des seigneurs d'Amboise / Publ. par L. Halphen et R. Poupardin.* P., 1913.
- Ci nous dit / Recueil d'exemples moraux, publié par G. Blangez.* 2 vol. P., 1979–1986.
- S. Clementis I* Homiliae viginti // PG. T. 2. Col. 20–468.
- Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers.* P., 1971.
- Cotta J.* The Infallible True and Assured Witch or The Second Edition of the Tryall of Witch-Craft Shewing the Right and True Methode of the Discoverie. L., 1624.
- Coxe F.* Short Treatise declaringe the detestable wickednesse of magicall sciences. L., 1561.

- Crespet P.* Deux livres de la hayne du Satan et malins esprits contre l'homme et de l'homme contre eux. P., 1589.
- Daneau L.* Les sorciers, dialogue très utile et très nécessaire pour ce temps. Genève, 1574.
- Decretum magistri Gratiani // Corpus Iuris Canonici / Hrsg. von A. Friedberg.* Leipzig, 1879.
- Denis Foulechat.* Tyrans, princes et prêtres: Jean de Salisbury, Policratique IV et VIII / Ed. par C. Brucker. Montréal, 1987.
- Denis Foulechat.* Le Policratique de Jean de Salisbury, 1372, livres I-III / Ed. par C. Brucker. Genève, 1994.
- Deschamps E.* Œuvres complètes / Ed. par A.H.E. de Queux de Saint-Hilaire, G. Raynaud. P., 1878–1903.
- Determinatio solennelle de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, condamnant vingt-huit articles relatifs à la magie (19 septembre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon.* 2001. Vol. 12. P. 147–154.
- The Discovery of Witches and Witchcraft. The writings of witchfinders Matthew Hopkins and John Stearne / Ed. by S.F. Davis.* L., 2007.
- Dubretton A.* Histoire du siège d'Orléans, et de la Pucelle Ieane. P., 1631.
- Early Modern Witches. Witchcraft Cases in Contemporary Writing / Ed. by M. Gibson.* L.; N.Y., 2000.
- Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus / A cura di A. van Heck.* Città del Vaticano, 1991.
- Enquête de prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans / Ed. par P. Raymond // BEC.* 1865. T. 26. P. 215–249.
- Errores gazariorum, seu illorum qui scopam vel baculum equitare probantur // Imaginaire du sabbat.* P. 277–299.
- Errores haeticorum Waldensium // Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer / Hrsg. von I. von Döllinger.* München, 1890. S. 335–343.
- Sancti Eustathii archiepiscopi Antiocheni Contra Origenem de Engastrimytho dissertatio // PG.* T. 18. Col. 613–674.
- The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques de Vitry / Ed. by T.F. Crane.* L., 1890.
- Eymerich N.* Directorium inquisitorum. Rome, 1578.
- Fontaine J.* Des marques des sorciers et de réelle possession que le diable prend sur le corps des hommes. Sur le subject du procès de l'abominable et détestable sorcier Louys Gaufridy. P., 1611.
- Fornier M.* Histoire générale des Alpes Maritimes ou Cottiennes. 3 vol. P., 1890–1892.
- Fründ H.* Rapport sur la chasse aux sorciers et sorcières menée dès 1428 dans le diocèse de Sion // *Imaginaire du sabbat.* P. 23–45.
- Galis R.* A brief treatise (1579) // *Early Modern Witches.* P. 50–71.
- Gaule J.* Selecte Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft. L., 1646.
- Gerson J.* Oeuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960–1975.
- Gervais de Tilbury.* Le livre des merveilles. Divertissement pour un empereur (troisième partie) / Trad. de A. Duchesne. P., 1992.
- Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique / Ed. par J. Kervin de Lettenhove.* Bruxelles, 1870–1876. T. 2. P. 259–572.
- Gilbert de Tournai.* De modo addiscendi / A cura di E. Bonifacio. Torino, 1953.

- Grandes Chroniques de France / Ed. par J. Viard. 10 vols. P., 1920–1953.
- Gilli P. Lépopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain: édition et traduction de la lettre du pseudo-Barbaro (1429) // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 1996. № 20. P. 4–26.
- Glossa ordinaria // PL. T. 113. Col. 731–740.
- Goodcole H. The wonderfull discoverie of Elizabeth Sawyer, a Witch (1621) // Early Modern Witches. P. 299–315.
- Sancti Gregorii Magni Moraliū libri, sive Expositio in librum B. Job // PL. T. 75. Col. 510–1162.
- Guiberti de Tornaco Eruditio regum et principum / Ed. par A. de Poorter. Louvain, 1914.
- Helinandi Frigidi Montis monachi Sermones // PL. T. 212. Col. 481–721.
- Helinandi Frigidi Montis monachi Flores a Vincentio Bellovacensi collecti // PL. T. 212. Col. 721–1082.
- Hinkmar von Reims. De divortio Lotharii regis et Theutberga regina / Hrsg. von L. Böhringer // MGH. Leges, Concilia. Bd. 4 (1). Hannover, 1992.
- Hordal J. Heroinae nobilissime Ioannae Darc Lotharingae vulgo Aurelianensis Puellae Historia. Pont-Masson, 1612.
- L'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.–1440c.) réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tremp, en coll. avec C. Chêne. Lausanne, 1999.
- Institutoris H. Malleus Maleficarum in Tres Divisus Partes... Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. Frankfurt am Main, 1580.
- Inquisition et sorcellerie en Suisse romande. Le registre Ac 29 des Archives cantonales vaudoises (1438–1528) / Ed. par M. Ostorero et K. Utz Tremp, avec collaboration de G. Modestin. Lausanne, 2007.
- Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici / Recognovit C.C.I. Webb. T. 1–2. L., 1909.
- Jacob und Wilhelm Grimm. Schriften und Reden / Hrsg. von L. Deneke. Stuttgart, 1985.
- Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio // Lanéry d'Arc P. Mémoires et consultation en faveur de Jeanne d'Arc. P., 1889. P. 565–600.
- Jacquier N. Flagellum hereticorum fascinariorum. Francfort, 1481.
- James I, King of England. Daemonologie, in Forme of a Dialogue, Divided into three Bookes. L., 1603.
- Jean Grenier, prétendu lycanthrope (Bordeaux, 1603) // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. P. 33–109.
- Jean Molinet (?). Le Mystère de Judith et Holofernés / Ed. critique par G.A. Runnalls. Genève, 1995.
- Jean de Vignay. Miroir historial. 5 vol. P., 1495–1496.
- Joannis Cassiani Vigintiquatuor collationes // PL. T. 49. Col. 477–1328.
- Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Publ. par A. Tuetey. P., 1885.
- Journal d'un bourgeois de Paris / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- Journal du siège d'Orléans, 1428–1429, augmenté de plusieurs documents, notamment des comptes de ville / Ed. par P. Charpentier, Ch. Cuissard. Orléans, 1896.
- Juvénal des Ursins J. Histoire de Charles VI, roi de France / Ed. par L.-G. Michaud et J.-J.-F. Poujoulat. P., 1836.

- Lefèvre-Pontalis G.* Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Eberhard Windecke. P., 1903.
- The Letters of Peter of Celle* / Ed. by J. Haseldine. Oxford, 2001.
- Le Franc M.* Le Champion des Dames / Ed. par R. Deschaux. P., 1999.
- Le livre des sentences de l'inquisiteur Bernard Gui / Extraits choisis, traduits et présentés par J. Théry. P., 2018.
- Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 1–258.
- Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles / Ed. par A. de Montaiglon. P., 1854.
- Magdeleine des Aymards, une fillette auvergnate qui a une longue expérience du sabbat (Riom, 1606) // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. P. 17–31.
- Mamoris P.* Flagellum maleficorum. Lyon, [1489].
- Marquard vom Stein.* Der Ritter von Turn. Bâle, 1493.
- Le Mesnagier de Paris / Texte édité par G.E. Brereton et J.M. Ferrier. P., 1994.
- Le Mistere du siege d'Orleans / Edition critique de V.L. Hamblin. Genève, 2002.
- Les moeurs, humeurs et comportements de Henry de Valois, representez au vray depuis sa naissance. P., 1589.
- Monstrelet E. de.* La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq. P., 1890.
- Nicolai Remigii Daemonolatreiae libro tres.* Coloniae Agrippinae, 1596.
- Nicolai Vernulaei Ioanne Darcia vulgo Puella Aurelianensis tragoedia* // Nicolai Vernulaei... Tragoediae decem. Louvain, 1631. P. 294–378.
- Nicolas A.* Si la torture est un moyen seur à vérifier les crimes secrets. Dissertation morale et juridique. Amsterdam, 1682.
- Nider J.* Formicarius // L'imaginaire du sabbat. P. 99–199.
- Œuvres complètes de Froissart. Chroniques / Ed. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. 25 vol. Osnabruck, 1967.
- Ordines coronationis Franciae. Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 1995.
- Ordines coronationis imperialis. Die Ordines für die Weihe und Krönung des Kaisers und der Kaiserin / Hrsg. von R. Elze. Hannover, 1960.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1723–1849. 22 vols.
- Paschasii Radberti Epitaphium Arsenii, seu Vita venerabilis Walae* // PL. 120. Col. 1559–1650.
- Le Pastoralet // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique / Ed. par J. Kervin de Lettenhove. Bruxelles, 1870–1876. T. 2. P. 573–852.
- Perkins W.* A Discourse of the Damned Art of Witchcraft. Cambridge, 1618.
- Philippe de Mézières.* Le Songe du vieil pelerin / Ed. by G.W. Coopland. 2 vols. Cambridge, 1969.
- Pierre de Lancre.* Tableau de l'inconstance des mauvais anges et démons. P., 1612.
- Pii Secundi Pontificis Maximi Commentarii* / Ed. by I. Bellus, I. Borokai. Budapest, 1993.
- Pizan Ch. de.* Lettre à Isabelle de Bavière, reine de France // Thomassy R. Essai sur les écrits politiques de Christine de Pizan, suivi d'une notice littéraire et de pièces inédites. P., 1838. P. 133–140.

- Poenitentiale Vinniai // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 108–119.
- Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Ed. par R. Mandrou. P., 1979.
- Potts T. The Wonderfull Discoverie of Witches (1612) // Early Modern Witches. P. 173–265.
- Prêcher d'exemples. Récits de prédicateurs du Moyen Age / Ed. par J.-Cl. Schmitt. P., 1985.
- Le procès d'Aymonet Maugetaz d'Epesses, en 1438 // L'imaginaire du sabbat. P. 339–353.
- Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Tisset, Y. Lanhers. P., 1960–1971. 3 vol.
- Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1977–1988. 5 vol.
- Processus formatus ex sacre inquisitionis fidei officio, instante eiusdem sacre fidei inquisitionis procuratore, contra Anthoniam uxorem Johannis Rose de Villario Chabodi, parochie s. Jorii, Gebennensis diocesis // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 488–499.
- S. *Prosperi Aquitani* Expositio Psalmorum // PL. T. 51. Col. 277–426.
- Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter / Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901.
- Quellen zur Geschichte der Waldenser von Freiburg im Üchtland (1399–1439) / Hrsg. von K. Utz Tremp. Hannover, 2000.
- Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. P., 1841–1849. 5 vol.
- Beati Rabani Mauri* Expositio in Librum Judith // PL. T. 109. Col. 539–615.
- Recollectio casus, status et condicionis Valdensium ydolatrarum // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 149–183.
- Reginonis abbatis Prumiensis* Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Leipzig, 1840.
- Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vols. P., 1861.
- Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédées de Loudun au mois de septembre 1637 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. P. 144–194.
- Requête d'Urbain Grandier au roi Louis XIII, sans date, 1634 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. P. 121–133.
- Rowley W., Dekker T., Ford J. The Witch of Edmonton. L., 1658.
- Scot R. The Discoverie of Witchcraft, Wherein the lewde dealing of witches and witchmongers is notablie detected, the knaverie of conjurors, the impietie of inchanters, the follie of soothsaiers, the impudent falsehood of cousenors, the infidelitie of atheists, the pestilent practises of Pythonists, the curiositie of figurecasters, the vanitie of dreamers, the begger lie art of Alcumystrie, The abomination of idolatrie, the horrible art of poisoning, the vertue and power of naturall magicke, and all the conveiances of legierdemaine and juggling are deciphered: and many other things opened, which have long been hidden, howbeit verie necessarie to be known. L., 1584.
- Le Songe du Vergier / Ed. par M. Schnerb-Lièvre. 2 vols. P., 1982.
- Le songe véritable, pamphlet politique d'un parisien du XVe siècle / Ed. par H. Moranvillé. P., 1870.
- Les Sorcelleries de Henri de Valois et les oblations qu'il faisait au diable dans le bois de Vincennes. Lyon, 1589.
- Tholosan C. Ut magorum et maleficiorum errores // Imaginaire du sabbat. P. 361–415.

- Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae* // Sancti Thomae Aquinatis Opera omnia. Rome, 1897. T. IX.
- Thomas de Cantimpré. Les exemples du "Livre des abeilles". Une vision médiévale* / Ed. par H. Platelle. Turnhout, 1997.
- Tincto J. Invectives contre la secte de vauderie* / Ed. par E. van Balberghe et F. Duval. Tournai; Louvain-La-Neuve, 1999.
- Traité conclu à Troyes entre Charles VI et Henri V le 21 mai 1420* // Les grands traités de la guerre de Cent ans / Ed. par E. Cosneau. P., 1889. P. 100–115.
- Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. Réponse d'un clerc parisien à l'apologie de la Pucelle par Gerson* // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1906. T. 43. P. 161–179.
- Vauderye de Lyonois en brief* // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 188–195.
- Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium* / Ed. by A. Steiner. Cambridge, 1938.
- Vincentii Belvacensis De morali principis institutione* / Ed. by R.J. Schneider. Turnhout, 1995.
- Vinet J. Tractatus contra demonum invocatores*. Cologne, 1487.
- Vitae patrum sive Historiae eremiticae libri decem* // PL. T. 73.
- Wier J. De Praestigiis daemonum et incantationibus ac venificiis libri V*. Bâle, 1563.
- Wier J. Von verzeuberungen, verblendungen, auch sonst viel und mancherley gepler des Teuffels vnnd seines ganzen Heers*. Basel, 1565.
- Wier J. Cinq livres de l'imposture et tromperie des diables, des enchantements et sorcelleries*. P., 1567.
- Wier J. Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs*. P., 1579.
- Witchcraft in Early Modern Scotland: James VI's Demonology and the North Berwick Witches* / Ed. by L. Normand, G. Roberts. Liverpool, 2000.
- The witchcraft sourcebook* / Ed. by B. Levack. N.Y.; L., 2005.
- W.W. A true and just Recorde (1582)* // Early Modern Witches. P. 72–124.

Справочные издания

- Мифы народов мира* / Гл. ред. С.А. Токарев. 2 т. М., 1987.
- Catholicisme. Hier, aujourd'hui, demain* / Encyclopédie publiée sous la dir. de G. Jacquemet. P., 1967.
- Contamine Ph., Bouzy O., Hélyar X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire*. P., 2012.
- Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age* / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992.
- Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval* / Sous la dir. de J. Le Goff et J.-Cl. Schmitt. P., 1999.
- The Dictionary of Literary Biography. Vol. 281: British Rhetoricians and Logicians, 1500–1660*. Detroit, 2003.
- Dictionary of National Biography*. L., 1885–1900.
- Dizionario biografico delle donne lombarde* / A cura di R. Farina. Milano, 1995.
- Encyclopaedia Judaica*. Jerusalem, 1972–1976. 16 vol.

- Histoire littéraire de la France. Vol. 43 (1). P., 2005.
 The Jewish Encyclopedia / Ed. by I. Singer et al. N.Y., 1901–1906.
 Lexikon des Mittelalters. München, 2003. Bd. 1–9.
 Patar B. Dictionnaire des philosophes médiévaux. Montréal, 2007.
 Thesaurus Exemplorum Medii Aevi // www.ehess.fr/gahom/thema/.
 Wagner J.A. Encyclopedia of the Hundred Years War. Westport; L., 2006.

Литература

- Акельев Е.В. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // *Ab imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.
- Акопян О.Л. Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV – начала XVI в.) // *Диалог со временем*. 2016. Вып. 57. С. 76–92.
- Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семиотика образа. М., 2011.
- Барбер М. Процесс тамплиеров / Пер. И.А. Тогоевой. М., 1998.
- Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001.
- Бобкова М.С. Жан Боден и его трактат «Метод легкого познания истории» // Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., прим. М.С. Бобковой. М., 2000. С. 332–360.
- Бобкова М.С. Жан Боден: история жизни в эпоху катастроф // *История через личность. Историческая биография сегодня* / По ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 265–306.
- Богданова Т. Георгий Милляр: «Я не мужчина... Я баба-Яга» // *Аргументы и факты*. 3.11.2003. № 21.
- Браун Е.Д. «Он создавал королей и свергал королей в свое удовольствие». Всемогуший Ричард Уорик // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2019* / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 14. М., 2019. С. 31–45.
- Винокурова М.В. Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // *СВ*. 2022. Вып. 83 (1). С. 92–118.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. Е.В. Баевской и Э.М. Береговской. М., 2002.
- Гладков А.К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *СВ*. 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96.
- Говар К. Прославившие ведьмами: четыре женщины, осужденные прево Парижа в 1390–1391 годы // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2000* / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 3. М., 2000. С. 221–236.
- Давыдов Б.И., Зайцев Д.В. Аэндор // *Православная энциклопедия*. М., 2002. Т. 4. С. 231–232.
- Данилевский И.Н. Историческая текстология. М., 2018.
- Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. Ю.А. Гинзбург. М., 2000.
- Евдокимова Л.В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М., 2011.

- Жакоб Р. Когда судьи показывают язык // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 193–234.
- Зеленина Г.С. Огненный враг марранов. Жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб., 2018.
- Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. Парадоксы средневековой иконографии. М., 2018.
- Зотов С.Ю., Харман Д.Д. Средневековая магия. Визуальная история ведьм и колдунов. М., 2022.
- Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009.
- Игина Ю.Ф. Изображая ведьму: иконография ведьм в английской памфлетной литературе раннего Нового времени // Одиссей. Человек в истории – 2010/2011. М., 2012. С. 199–241.
- Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М., 2000.
- Калмыкова Е.В. Образ войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.
- Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М., 2014.
- Колла Э. При дворе безумного короля: Жизнь Валентины Миланской, герцогини Орлеанской / Пер. М. Некрасова. М., 2018.
- Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от Античности до наших дней / Пер. Е. Лебедевой. М., 2010.
- Копелев Д.Н. Сотворение врага: убийство в Блуа и десакрализация короля Генриха III // Религия, церковь, общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2016. Вып. 5. С. 158–197.
- Крылова Ю.П. «Ты плохо меня создал, я сделала себя лучше...» (Мужской взгляд на украшение женской внешности, XIV в.) // Социальная история – 2003: Женская и гендерная история. М., 2003. С. 80–89.
- Крылова Ю.П. Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014.
- Кулаева С.Б. Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа // Одиссей. Человек в истории – 2002. М., 2002. С. 151–168.
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. В.И. Матузовой. М., 2001.
- Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001.
- Лоренц К. Агрессия. Так называемое «зло». М., 1994.
- Луцицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
- Луцицкая С.И. Шахматы как метафора средневекового общества // Одиссей. Человек в истории – 2007. М., 2007. С. 127–147.
- Майзульс М.Р. Мышеловка святого Иосифа. Как средневековый образ говорит со зрителем. М., 2019.
- Майзульс М.Р. Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха. М., 2021.
- Майзульс М.Р. Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии. М., 2022.

- Махов А.Е. *Hostis antiquus*. Категории и образы средневековой христианской демонологии. М., 2006.
- Махов А.Е. Дьявол – *imitator* или *aemulator* Бога? // Одиссей. Человек в истории – 2014. М., 2016. С. 225–238.
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012.
- Пильгун А.В. Потусторонний мир Средневековья: рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западноевропейских рукописей IX–XV веков. М., 2019.
- Пономарева М.А. Интеллектуалы при дворе Карла V Мудрого: политическая мысль и стратегии письма. Магистерская диссертация, ОП «Медиевистика», ФГН НИУ ВШЭ. М., 2020 (на правах рукописи).
- Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.; СПб., 2020.
- Сидоров А.И. Рец. на: Майзульс М. Мышеловка святого Иосифа. Как средневековый образ говорит со зрителем. М., 2019 // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). С. 248–254.
- Сидоров А.И. Изображая зло: демоны и грешники глазами каролингских художников // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2020 / Под ред. О.И. Тогоева и И.Н. Данилевского. Вып. 15. М., 2020. С. 42–61.
- Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Тогоева О.И. Шабаш как праздник // Жизнь как праздник. Интерпретация культурных кодов – 2007 / Отв. ред. В.Ю. Михайлин. Саратов, 2007. С. 101–119.
- Тогоева О.И. Поиски «правды» в средневековом уголовном суде // Право в средневековом мире – 2008 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 182–195.
- Тогоева О.И. Каким не должен быть судья: Огюстен Николя и его трактат о недопустимости пыток (1682 г.) // Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2010. С. 255–270.
- Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII–XV вв.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 2. М., 2013. С. 59–88.
- Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демологов XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183–205.
- Тогоева О.И. Когда преступник – свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 403–436.
- Тогоева О.И. «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация». Отчет аббата д'Обиньяка об одержимых Лудена (1637 г.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 4. М., 2015. С. 19–38.
- Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016.
- Тогоева О.И. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: Демоны одержимых во Франции XVI века // In Umbra: Демонология как семиотическая

- система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 5. М., 2016. С. 239–258.
- Тогоева О.И. Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы // *In Umbra: Демонология как семиотическая система* / Отв. ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 6. М., 2017. С. 9–42.
- Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.
- Тогоева О.И. “Idiotas, ac sine litteris mulierculus”? Жан Жерсон и проблема женской святости // *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / Под ред. С.А. Яцык. М., 2018. С. 143–158.
- Тогоева О.И. Почему французские дети иногда плюются едой? Случай одержимости Лорана Буассонне (Франция, 1582 г.) // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. 2018. Вып. 26. С. 25–40.
- Тогоева О.И. Карл VII, Жанна д’Арк и легенда о Божественной инвеституре // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* – 2019 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 14. М., 2019. С. 17–30.
- Тогоева О.И. Римская теория договорного права в полемике Иоганна Вейера и Жана Бодена // *ЭНОЖ «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 9 (84).
- Тогоева О.И. Ордалия // *Православная энциклопедия*. Т. 53. М., 2019. С. 104–106.
- Тогоева О.И. Изобретая ересь. Рец. на: *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age* / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé. Rennes, 2017 // *СВ*. 2019. Вып. 80 (4). С. 211–222.
- Тогоева О.И. Нормы римского права и понятие юрисдикции во французских кутюме XIII в. // *ЭНОЖ «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 9 (107).
- Тогоева О.И. Жан Боден и английская демонология XVI–XVII вв. // *ЭНОЖ «История»*. 2022. Т. 13. Вып. 1 (111).
- Тогоева О.И. «Паноптикон» Иеремии Бентама и его возможные истоки // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 3 (76). С. 15–23.
- Успенский Б.А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М., 2013.
- Фавье Ж. Ангерран де Мариньи. Советник Филиппа IV Красивого / Пер. А.В. Лендовской. СПб., 2003.
- Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // *Человек XV столетия: грани идентичности* / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159–180.
- Шрайнер К. «Да лобзает он меня лобзаньем уст своих» // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 155–192.
- Эко У. Сотвори себе врага // *Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю* / Пер. Я. Арькова, М. Визель, Е. Степанцева. М., 2014. С. 7–20.
- Эко У. История уродства / Науч. ред. Е.А. Костюкович. М., 2014.
- Adams T. *The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria*. Baltimore, 2010.
- Adams T. *Between History and Fiction: Revisiting the Affaire de la Tour de Nesle* // *Viator*. 2012. Vol. 43 (2). P. 165–192.
- Agriani J., Crisciani C. *Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la vetula (XIIIe–XVe siècles)* // *AESC*. 1993. № 5. P. 1281–1308.
- Airlie S. *Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II* // *Past and Present*. 1998. T. 161. P. 3–38.

- Albe E. Autour de Jean XXII. Hugues Géraud, évêque de Cahors: L'affaire des poisons et envoûtements en 1317. Cahors, 1904.
- Allirot A.-H. *La male royne boiteuse: Jeanne de Bourgogne* // *Royautés imaginaires* / Ed. par A.-H. Allirot, G. Lecuppre, L. Scordia. Turnhout, 2005. P. 119–133.
- Almond Ph.C. King James I and the burning of Reginald Scot's "The Discoverie of Witchcraft": The invention of a tradition // *Notes and Queries*. 2009. Vol. 56 (2). P. 209–213.
- Almond Ph.C. England's First Demonologist: Reginald Scot and "The Discoverie of Witchcraft". L.; N.Y., 2011.
- Ammann-Doubliez C. La première chasse aux sorciers en Valais (1428–1436?) // *L'imaginaire du sabbat*. P. 63–98.
- Andenmatten B., Utz Tremp K. De l'hérésie à la sorcellerie: l'inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420–1445) et l'affermissement de l'inquisition en Suisse romande // *Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte*. 1992. Bd. 86. S. 69–119.
- Anglo S. Melancholia and Witchcraft: The Debate between Wier, Bodin and Scot // *Folie et déraison à la Renaissance. Colloque international tenu en novembre 1973 sous les auspices de la Fédération internationale des instituts et sociétés pour l'étude de la Renaissance*. Bruxelles, 1973. P. 209–222.
- Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M. Aux sources du sabbat. Lectures croisées de "L'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.–1440c.)" // *Médiévales*. 2002. T. 42.
- Arasse D. L'homme en perspective: les primitifs d'Italie. P., 2008.
- Atherton I., Como D. The Burning of Edward Wightman: Puritanism, Prelacy and the Politics of Heresy in Early Modern England // *English Historical Review*. 2006. Vol. 120 (489). P. 1215–1250.
- Audisio G. Les Vaudois. Naissance, vie et mort d'une dissidence (XIIe–XVIe siècles). Turin, 1989.
- Austrand F. Charles VI. La folie du roi. P., 1986.
- Aux marges de l'hérésie. Inventions, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Âge / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé. Rennes, 2017.
- Avril F. Le parcours exemplaire d'un enlumineur parisien à la fin du XIVe siècle. La carrière et l'œuvre du Maître du Policratique de Charles V // *De la sainteté à l'hagiographie. Genèse et usage de la Légende dorée* / Ed. par B. Fleith et F. Morenzoni. Genève, 2001. P. 266–282.
- Bailey M.D. From sorcery to witchcraft: clerical conceptions of magic in the later Middle Ages // *Speculum*. 2001. Vol. 76 (4). P. 960–990.
- Bailey M.D. The meanings of magic // *Magic, Ritual, and Witchcraft*. 2006. T. 1. P. 1–23.
- Bain E. Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle // *Aux marges de l'hérésie*. P. 53–83.
- Barker L.K. Ms. Bodl. Canon. Pat. Lat. 131 and a lost *Lactantius* of John of Salisbury: Evidence in search of a French critic of Thomas Becket // *Albion*. 1990. T. 22. P. 21–37.
- Barrau J. Ceci n'est pas un miroir, ou le *Policraticus* de Jean de Salisbury // *Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières* / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen; Havre, 2007. P. 87–111.
- Barrau J. La *conversio* de Jean de Salisbury: la Bible au service de Thomas Becket? // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2007. T. 199. P. 229–244.
- Bartlett R. Trial by Fire and Water: The Medieval Judicial Ordeal. Oxford, 1986.

- Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985.
- Beaune C. Clovis dans les miroirs dominicains du milieu du XIIIe à la fin du XIVe siècle // BEC. 1996. T. 154 (1). P. 113–129.
- Beaune C. La mauvaise reine des origines. Frédégonde aux XIVe et XVe siècles // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. 2001. T. 113 (1). P. 29–44.
- Becker K. La tradition française des récits sur le pays de Cocagne, du *Fabliaus de Cocaigne* (milieu du XIIIe siècle) à la *Description du pays de Caucagne* (vers 1600) // Nouvelles en mouvement (XIIIe–XVIe siècles) / Ed. par J.-Cl. Mühlethaler et M. Lecco, Alessandria, 2021. P. 1–24.
- Behringer W. How Waldensians Became Witches: Heretics and Their Journey to the Other World // Communicating with the Spirits / Ed. by G. Klaniczay and E. Pócs. Budapest; N.Y., 2005. P. 155–192.
- Bellon-Méguelle H. Mourir de laide mort despite. L'empoisonnement d'Alexandre dans la littérature française médiévale // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2009. T. 17. P. 141–160.
- Bennett H.S. English Books and Readers, 1475 to 1557. Cambridge, 1970.
- Berlioz J. L'homme au crapaud. Genèse d'un exemplum médiéval // Tradition et histoire dans la culture populaire. Rencontre autour de l'oeuvre de J.-M. Guilcher, Grenoble, Musée dauphinois, 20–21 janvier 1989. Grenoble, 1990. P. 169–203.
- Berlioz J. Crapauds et cadavres dans la littérature exemplaire (XIIe–XIVe siècles) // Micrologus. 1999. T. 7. P. 231–246.
- Biesel E. Les descriptions du sabbat dans les confessions des inculpés lorrains et trévirois / Le sabbat des sorciers en Europe: XVe–XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 183–197.
- Blackstone W. Commentaries on the Law of England. Clark, 2007.
- Blair A. The Theater of Nature. Jean Bodin and Renaissance Science. Princeton, 1997.
- Bonsergent M. Note sur Pierre Mamoris, curé de Saint-Opportune de Poitiers, et sur cette église // Bulletin de la société des antiquaires de l'Ouest. 1856–1858. Ire série. T. 8. P. 1–12.
- Boucheron P. The power of images: Sienna, 1338. L., 2018.
- Boudet J.-P. La postérité des condamnations de la magie à Paris en 1398 // Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles) / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz Tremp. Florence, 2010. P. 331–347.
- Boudet J.-P., Théry J. Le procès de Jean XXII contre l'archevêque d'Aix Robert de Mauvoisin: astrologie, arts prohibés et politique (1317–1318) // Cahiers de Fanjeaux. 2012. T. 45. P. 159–235.
- Boureau A. L'inceste de Judas. Essai sur la genèse de la haine antisémite au XIIe siècle // Boureau A. L'événement sans fin. Récit et christianisme au Moyen Age. P., 1993. P. 209–230.
- Boureau A. Satan hérétique. Naissance de la démonologie dans l'Occident médiéval (1280–1330). P., 2004.
- Bouzy O. Prédiction et récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 1990. № 14. P. 39–47.
- Braun P. La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1979. T. II. P. 257–278.

- Braun P. *Charmé de paroles seulement* // Braun P. *Droits en devenir*. Limoges, 1998. P. 291–308.
- Briggs R. *Witches and Neighbours. The Social and Cultural Context of European Witchcraft*. L., 1996.
- Broedel H.P. *The “Malleus Maleficarum” and the Construction of Witchcraft: Theology and Popular Belief*. Manchester, 2003.
- Brown E.A.R. *The Prince is Father of the King: The Character and Childhood of Philip the Fair of France* // *Mediaeval Studies*. 1987. Vol. 49. P. 282–334.
- Brown E.A.R. *Vincent de Beauvais and the *reditus regni francorum ad stirpem Caroli imperatoris** // *Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du colloque de Nancy, 1988* / Ed. par M. Paulmier-Foucart et S. Lusignan. P., 1990. P. 167–196.
- Brown E. *Biblical Women in the Merchant's Tale: Feminism, Antifeminism and Beyond* // *Viator*. 1974. Vol. 5. P. 387–412.
- Brown E.A.R. *Philip the Fair of France and His Family's Disgrace: The Adultery Scandal of 1314 Revealed, Recounted, Reimagined, and Redated* // *Mediaevistik*. 2019. Vol. 32. P. 71–103.
- Brown P. *Sorcery, Demons and the Rise of Christianity: From Late Antiquity into the Middle Ages* // Brown P. *Religion and Society in the Age of St. Augustine*. L., 1972. P. 119–146.
- Brucker C. *Quelques aspects du style de Denis Foulechat, traducteur de Charles V* // *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*. 1970. Bd. 80. S. 97–106.
- Brundage J.A. *Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe*. Chicago, 1987.
- Brunn U. *Des contestataires aux “Cathares”. Discours de réforme et propagande antihérétique dans les pays du Rhin et de la Meuse avant l'Inquisition*. P., 2006.
- Brunn U. *Dialectique, dualité christologique et monisme institutionnel. La construction d'un monde sans division... avec les “manichéens” en marge (de Grégoire VII à Innocent III)* // *Aux marges de l'hérésie*. P. 85–110.
- Buc Ph. *Italian Hussies and German Matrons. Liutprand of Cremona on Dinastic Legitimacy* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 207–225.
- Buc Ph. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton, 2001.
- Bührer-Thierry G. *La reine adultère* // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1992. № 35. P. 299–312.
- Burgess G. *Bodin in the English Revolution* // *The Reception of Bodin*. P. 387–407.
- Burns W.E. *Witch Hunts in Europe and America*. Westport; L., 2003.
- Burstein S.R. *Demonology and Medicine in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* // *Folklore*. 1956. Vol. 67 (1). P. 16–33.
- Cabell C. *Witchfinder General. The Biography of Matthew Hopkins*. Gloucestershire, 2006.
- Cameron K. *Henri III, a Maligned or Malignant King? Aspects of the Satirical Iconography of Henri de Valois*. Exeter, 1978.
- Carbasse J.-M. *Histoire du droit pénal et de la justice criminelle*. P., 2014.
- Cátedra P.M. *Sermón, sociedad y literatura en la Edad Media. San Vicente Ferrer en Castilla (1411–1412)*. Salamanca, 1994.
- Chauou A. *L'idéologie Plantagenêt: royauté arthurienne et monarchie politique dans l'espace Plantagenêt (XIIe–XIIIe siècles)*. Rennes, 2001.

- Chavannes-Mazel C.A. Problems in Translation, Transcription and Iconography: the *Miroir historial*, Books 1–8 // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du colloque de Nancy, 1988 / Ed. par M. Paulmier-Foucart et S. Lusignan. P., 1990. P. 345–374.
- Chazan M. L'Empire et l'histoire universelle. De Sigibert de Gembloux à Jean de Saint-Victor (XIIe–XIVe siècle). P., 1999.
- Chène C. Commentaire // L'imaginaire du sabbat. P. 201–265.
- Chiffolleau J. Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. P., 1984.
- Chiffolleau J. Dire l'indicible. Remarques sur la catégorie du *nefandum* du XIIe au XVe siècle // Annales. E.S.C. 1990. № 2. P. 289–324.
- Chiffolleau J., Balossino S. Valdensi e mondo comunale in Provenza nel Duecento // Valdensi medievali. Bilanci et prospettive di ricerca / A cura di M. Benedetti. Torino, 2009. P. 61–102.
- Christian-Nils R. La justice dans ses décors (XVe–XVIe siècles). Genève, 2006.
- Clark S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. Oxford, 1997.
- Clin-Meyer M.-V. Jeanne d'Arc sorcière? // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. 1987. № 11. P. 17–18.
- Cockshaw P. L'assassinat du duc Jean de Bourgogne à Montereau: étude des sources // Les Pays-Bas bourguignons, histoire et institutions. Mélanges André Uyttebrouck / Sous la dir. de J.-M. Duvoisquel, J. Nazet et A. Vanrie. Bruxelles, 1996. P. 145–162.
- Collard F. *Venenosa mulier coronata*. Variations sur la figure de la reine empoisonneuse dans l'Occident médiéval // Cahiers du CRISIMA. 2001. Vol. 5 (1): Reines et princesses au Moyen Age. P. 302–322.
- Collard F. *Veneficiis vel maleficiis*. Réflexions sur les relations entre le crime de poison et la sorcellerie dans l'Occident médiéval // Le Moyen Age. 2003. T. 109. P. 9–57.
- Collard F. La cosse envenimée: Fortunes et infortunes de Pierre de Latilly, évêque de Châlons, garde du sceau de Philippe le Bel // Etudes marnaises. 2014. T. 129. P. 40–52.
- Collard F., Heullant-Donat I. Deux autres Jeanne: figures de reines défigurées aux XIVe et XVe siècles // Une histoire pour un royaume, XIIe–XVe siècle / Ed. par A.-H. Alliot, M. Gaude-Ferragu, G. Lecuppre. P., 2010. P. 281–309.
- Collas E. Valentine de Milan, duchesse d'Orléans. P., 1911.
- Colonna E. Figure femminili in Liutprando da Cremona // Quaderni medievali. 1982. T. 14. P. 29–60.
- The Concept of Heresy in the Middle Ages (11th–13th C.) / Ed. by D. Verhelst, W. Lourdaux. Louvain, 1983.
- Contamine Ph. Guerre, Etat et société à la fin du Moyen Age. Etudes sur les armées des rois de France, 1337–1495. P., 1972.
- Copenhaver B.P. Symphorien Champier and the Reception of the Occultist Tradition in Renaissance France. La Haye, 1978.
- Cotts J.D. Peter of Blois and the Problem of the "Court" in the Late Twelfth Century // Anglo-Norman Studies 27. Proceedings of the Battle Conference 2004 / Ed. by J. Gillingham. Woodbridge, 2005. P. 68–84.
- Cotts J.D. Monks and clerks in search of the *Beata Schola*: Peter of Celle's warning to John of Salisbury reconsidered // Teaching and Learning in Northern Europe / Ed. by S.N. Vaughn, J. Rubinstein. Turnhout, 2006. P. 255–277.

- Courroux P. Enguerrand de Monstrelet et les assassinats de Louis d'Orléans et Jean sans Peur // *Medium Aevum*. 2015. Vol. 84 (1). P. 89–108.
- Couzinet M.-D. Note biographique sur Jean Bodin // Jean Bodin. *Nature, histoire, droit et politique* / Sous la dir. de Y. Ch. Zarka. P., 1996. P. 233–244.
- Coville A. Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408) // *BEC*. 1911. T. 72. P. 57–91.
- Coville A. Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Genève, 1974.
- Crawford K.B. Love, Sodomy, and Scandal. Controlling the Sexual Reputation of Henry III // *Journal of the History of Sexuality*. 2003. Vol. 12 (4). P. 513–542.
- Croenen G. Froissart et ses mécènes: quelques problèmes biographiques // Froissart dans sa forge. Colloque réuni à Paris, du 4 au 6 novembre 2004, par M. Michel Zink / Ed. par O. Bombarde. P., 2006. P. 9–32.
- Croft P. King James. Basingstoke; N.Y., 2003.
- Davis N.Z. Les cultures du peuple. P., 1980.
- De Jong M. *Sacrum palatium et ecclesia*. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790–840) // *AHSS*. 2003. № 6. P. 1243–1269.
- Delhaye Ph. La morale politique de Hélinand de Froidmont // *Littérature et religion. Mélanges offerts à J. Coppin à l'occasion de son quatre-vingtième anniversaire*. Lille, 1966. P. 107–117.
- Delisle L. Recherches sur la librairie de Charles V. 2 vols. P., 1907.
- Demerson G. Cocagne, utopie populaire? // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1981. T. 59 (3). P. 529–553.
- Denifle H. La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de Cent ans. 2 vol. P., 1889–1890.
- Denton J.H. Bernard Saisset and the Franco-papal Rift of December 1301 // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2007. T. 102 (2). P. 399–427.
- DeVries K. Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999.
- Dickinson J. The mediaeval conception of kingship and some of its limitations, as developed in the *Policraticus* of John of Salisbury // *Speculum*. 1926. Vol. 1 (3). P. 308–337.
- Diethelm O., Heffernan T.F. Felix Platter and Psychiatry // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1 (1). P. 10–23.
- Dines I. The Earliest Use of John of Salisbury's *Policraticus*: Third Family Bestiaries // *Viator*. 2013. T. 44. P. 107–118.
- Le diocèse de Poitiers / Sous la dir. de R. Favreau. P., 1988.
- Dubarle A.-M. Judith. Formes et sens des diverses traditions. Rome, 1966.
- Duchenne M.-Ch. Autour de 1254, une révision capétienne du *Speculum historiale* // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du colloque de Nancy, 1988 / Ed. par M. Paulmier-Foucart et S. Lusignan. P., 1990. P. 141–166.
- Duparc P. La délivrance d'Orléans et la mission de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, octobre 1979. P., 1982. P. 153–158.
- Durrant J. The *osculum infame*: heresy, secular culture and the image of the witches' sabbath // The kiss in history / Ed. by K. Harvey. Manchester; N.Y., 2005. P. 36–61.

- Durston Ch., Eales J. Introduction: The Puritan Ethos, 1560–1700 // The Culture of English Puritanism, 1560–1700. L., 1996. P. 1–31.
- Elmer P. Witchcraft, Witch-Hunting, and Politics in Early Modern England. Oxford, 2016.
- Elsmann T. Untersuchungen zur Rezeption der *Institutio Traiani*. Ein Beitrag zur Nachwirkung antiker und pseudoantiker Topoi im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. Stuttgart, 1994.
- Estes L.L. Reginald Scot and His “Discoverie of Witchcraft”. Religion and Science in the Opposition to the European Witch Craze // Church History. 1983. Vol. 52 (4). P. 444–456.
- Eustache Deschamps en son temps / Sous la dir. de J.-P. Boudet et H. Millet. P., 1997.
- Fama. The Politics of Talk and Reputation in Medieval Europe / Ed. by T. Fenster and D.L. Smail. Ithaca; L., 2003.
- Favreau R. L'Université de Poitiers et la société poitevine à la fin du Moyen Age // Les Universités à la fin du Moyen Age. Actes du Congrès international de Louvain 26–30 mai 1975. Louvain, 1978. P. 549–583.
- Ferlampin C. Le sabbat des vieilles barbues dans *Perceforest* // MA. 1993. № 3–4. P. 471–504.
- Forhan K.L. Salisburian stakes: The uses of “tyranny” in John of Salisbury’s “Policraticus” // History of Political Thought. 1990. Vol. 11 (3). P. 397–407.
- Fraher R.M. IV Lateran’s Revolution in Criminal Procedure: the Birth of *inquisitio*, the End of Ordeals and Innocent III’s Vision of Ecclesiastical Politics // *Studia in honorem eminentissimi cardinalis Alphonsi M. Stickler* / A cura di R.J. Castillo Lara. Roma, 1992. P. 97–111.
- Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000.
- Fraioli D. Joan of Arc and the Hundred Years War. Westport, 2005.
- Frugoni C. Pietro and Ambrogio Lorenzetti. Florence, 1988.
- Frunzeanu E. Les configurations de la *natura* dans le *Speculum maius* de Vincent de Beauvais. Ph D. en histoire. Montréal, 2007.
- Fryde N. The Roots of *Magna Carta*: opposition to the Plantagenets // Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages / Ed. by J. Canning and O.G. Oexle. Göttingen, 1998. P. 53–65.
- Gaskill M. Witchfinders. A Seventeenth-Century English Tragedy. L., 2005.
- Gaude-Ferragu M. La reine au Moyen Age. Le pouvoir au féminin, XIVe–XVe siècle. P., 2014.
- Gaullier-Bougassas C. Alexander and Aristotle in the French Alexander Romances // The Medieval French Alexander / Ed. by D. Maddox and S. Sturm-Maddox. N.Y., 2002. P. 57–73.
- Gauvard C. La criminalité parisienne à la fin du Moyen Age: une criminalité ordinaire? // Villes, bonnes villes, cités et capitals. Mélanges offerts à B. Chevalier. Tours, 1989. P. 361–370.
- Gauvard C. Rumeur et stéréotype à la fin du Moyen Age // La Circulation des nouvelles au Moyen Age. XXXe Congrès de la SHMES. Rome, 1994. P. 157–177.
- Gauvard C. La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Age // Le pénal dans tout ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles) / Sous la dir. de X. Rousseaux et R. Levy. Bruxelles, 1997. P. 81–112.
- Gauvard C. Renommée d’être sorcières: quatre femmes devant le prévot de Paris en 1390–1391 // Milieux naturels, espaces sociaux: Etudes offertes à Robert Delort. P., 1997. P. 703–716.

- Gauvard C. Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Ed. par J. Kerhervé et A. Rigaudière. P., 1999. Vol. 1. P. 85–111.
- Gauvard C. Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du XVe siècle // Hypothèses – 2000. P., 2001. P. 281–292.
- Genet J.-Ph. Saint Louis: le roi politique // Médiévales. 1998. T. 34. P. 25–34.
- Geremek B. Truands et misérables dans l'Europe moderne (1350–1600). P., 1980.
- Gerner D.-P. La traduction des *Otia imperialia* de Gervais de Tilbury par Jean de Vignay dans le manuscrit Rothschild n° 3805 de la Bibliothèque nationale de Paris: édition et étude // Perspectives médiévales. 1998. T. 24. P. 72–77.
- Gherzi N. Poisons, sorcières et lande de bouc // Cahiers de recherches médiévales. 2009. T. 17. P. 103–120.
- Gibson M. Reading Witchcraft: Stories of Early English Witches. L.; N.Y., 1999.
- Gilli P. Au miroir de l'humanisme. Les représentations de la France dans la culture savante italienne à la fin du Moyen Age (c.1360-c.1490). Rome, 1997.
- Ginzburg C. Le sabbat des sorcières. P., 1992.
- Gorzolla P. Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster, 2019.
- Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Guenée B. Un roi et son historien. Vingt études sur le règne de Charles VI et la "Chronique du Religieux de Saint-Denis". P., 2001.
- Guenée B. L'Opinion publique à la fin du Moyen Age d'après la "Chronique de Charles VI" du Religieux de Saint-Denis. P., 2002.
- Guenée B. La folie de Charles VI, le roi Bien-Aimé. P., 2004.
- Guérin A. A la table du Diable. Les nourritures diaboliques dans l'imaginaire du sabbat au XVe siècle. Rennes, 2014.
- Guiffan J. Histoire de l'anglophobie en France. Rennes, 2004.
- Guzman G. Vincent de Beauvais *Epistola actoris ad regem Ludovicum* // Vincent de Beauvais, intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du colloque de Nancy, 1988 / Ed. par M. Paulmier-Foucart et S. Lusignan. P., 1990. P. 57–85.
- Hérésie et sociétés dans l'Europe préindustrielle (XIe–XVIIIe siècles) / Sous la dir. de J. Le Goff. P.; La Haye, 1968.
- Hertz W. Die Sage vom Giftmädchen // Gesammelte Abhandlungen von Wilhelm Hertz / Hrsg. von F. von der Leyen. Stuttgart; Berlin, 1905. S. 156–277.
- Herzig T. The Demons' Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola's "Strix" // Sixteenth Century Journal. 2003. T. 34 (1). P. 53–72.
- Houdard S. Les sciences du diable: 4 discours sur la sorcellerie, XVe–XVIIe siècles. P., 1992.
- Inventer l'hérésie? Discours polémiques et pouvoirs avant l'Inquisition / Sous la dir. de M. Zerner. Nice, 1998.
- Iogna-Prat D. Le culte de la Vierge sous le règne de Charles le Chauve // Cahiers Saint-Michel de Cuxà. 1992. T. 23. P. 97–116.
- Isaac M.-T. "De la démonomanie des sorciers": histoire d'un livre à travers ses éditions // Actes du colloque Jean Bodin (24–27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. 2 vol. T. 2. P. 377–391.

- Jacob A., Léri J.-M. Paris. Vie et Histoire du 6e arrondissement. P., 1986.
- Jacob R. Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Age à l'âge classique. P., 1994.
- Jacques-Chaquin N. La "Démonomanie des sorciers": une lecture philosophique et politique de la sorcellerie // Jean Bodin: Nature, histoire, droit et politique / Ed. Yv.-Ch. Zarka. P., 1996. P. 43–70.
- James-Raoul D. Les Amazones au Moyen Age // En quête d'utopies / Textes réunis par C. Thomasset et D. James-Raoul. P., 2005. P. 195–230.
- Jansen K.L. The Making of the Magdalen. Preaching and Popular Devotion in the Later Middle Ages. Princeton, 2001.
- Johnstone N. The Devil and Demonism in Early Modern England. Cambridge, 2006.
- Jollivet L. La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435 // *Questes*. 2018. T. 39. P. 91–112.
- Jollivet L. Le milieu humaniste français et la réhabilitation de la mémoire de Louis d'Orléans // *Humanisme et politique en France à la fin du Moyen Age* / Ed. par C. Bozzolo, C. Gauvard, H. Millet. P., 2018. P. 141–157.
- Jones W.R. Political uses of sorcery in Medieval Europe // *The Historian*. 1972. Vol. 34 (4). P. 670–687.
- Kappler C.-C. Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen Age. P., 1999.
- Karras R.M. The Latin Vocabulary of Illicit Sex in English Ecclesiastical Court Records // *Journal of Medieval Latin*. 1992. № 2. P. 1–17.
- Kempshall M.S. The Rethoric of Gilles of Rome's *De Regimine Principum* // *Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières* / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen; Havre, 2007. P. 161–190.
- Kerner M. Randbemerkungen zur *Institutio Traiani* // *The World of John of Salisbury*. P. 203–206.
- Kerner M. Johannes von Salisbury im späteren Mittelalter // *Das Publikum politischer Theorie im 14. Jarhundert* / Hrsg. von J. Miethke. Munich, 1992. S. 25–47.
- Kerr M.H., Forsyth R.D., Pyley M.J. Cold Water and Hot Iron: Trial by Ordeal in England // *Journal of Interdisciplinary History*. 1992. T. 22 (4). P. 573–595.
- Kieckhefer R. European Witch Trials: their Foundations in Popular and Learned Culture, 1300–1500. L., 1976.
- Klingshirn W.B. Isidor of Seville's Taxinomy of Magicians and Diviners // *Traditio*. 2003. T. 58. P. 59–89.
- Knowles C. Jean de Vignay. Un traducteur du XIVe siècle // *Romania*. 1954. T. 75. P. 353–383.
- Koopmans J. Jeanne d'Arc auteur de sa propre legende // *Jeanne d'Arc entre les nations* / Etudes réunies par T. Hoenselaars et J. Koopmans. Amsterdam; Atlanta, 1998. P. 5–15.
- Kounine L. Imagining the Witch: Emotions, Gender, and Selfhood in Early Modern Germany. Oxford, 2018.
- Krause V. Listening to witches: Bodin's use of confession in *De la démonomanie des sorciers* // *The Reception of Bodin*. P. 97–115.
- Krynen J. Naturel. Essai sur l'argument de la Nature dans la pensée politique à la fin du Moyen Age // *Journal des savants*. 1982. № 2. P. 169–190.
- Krynen J. Genèse de l'Etat et histoire des idées politiques en France à la fin du Moyen Age // *Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984)*. Rome, 1985. P. 395–412.

- Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe-XVe siècles. P., 1993.
- Laarhoven J. van. Thou shalt not slay a tyrant! The so-called theory of John of Salisbury // The World of John of Salisbury. P. 319–341.
- Lacassagne M. Eustache Deschamps: “démonstration” contre “sortilèges” // Magie et illusion au Moyen Age. Aix-en-Provence, 1999. P. 294–305.
- Lachaud F. *De tyranno et principe* (Cambridge, Corpus Christi College, ms. 469): un pamphlet “britannique” contre la tyrannie d'Henri III? // Cahiers de Recherches Médiévales et Humanistes: Les Iles Britanniques: espaces et identités / Sous la dir. de J.-Ph. Genet. 2010. T. 19. P. 87–104.
- Lachaud F. Filiation and Context. The Medieval Afterlife of the *Policraticus* // A companion to John of Salisbury / Ed. by Ch. Grellard, F. Lachaud. Leiden; Boston, 2014. P. 377–438.
- Langlois Ch.-V. L'affaire du cardinal Francesco Caetani (avril 1316) // RH. 1897. Vol. 63. P. 56–71.
- La Rocca C. Liutprando da Cremona e il paradigma femminile di dissoluzione dei Carolingi // Agire da donna. Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI–X) / A cura di C. La Rocca. Turnhout, 2007. P. 291–307.
- Lauwers M. “Dicunt vivorum beneficia nichil prodesse defunctis”. Histoire d'un thème polémique (XIe-XIIe siècles) // Inventer l'hérésie? P. 157–192.
- Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975.
- Le Roy Ladurie E. La sorcière de Jasmin. P., 1983.
- Le Roy Ladurie E. De Montaillou, village occitan, à la Yellow Cross de René Weis. Montaillou revisité // Weis R. Les derniers Cathares, 1290–1329. P., 2016. P. I–XXIII.
- Levack B. The Decline and End of Witchcraft Prosecutions // Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 1–93.
- Levack B. The witch-hunt in early modern Europe. Edinburgh, 2006.
- Linder A. John of Salisbury's *Policraticus* in Thirteenth-Century England: the Evidence of ms Cambridge Corpus Christi College 469 // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1977. T. 40. P. 276–282.
- Linder A. The Knowledge of John of Salisbury in the Late Middle Ages // Studi medievali. 1977. T. 18. P. 315–366.
- Lloyd H.A. Jean Bodin, “this Pre-eminent Man of France”. An Intellectual Biography. Oxford, 2017.
- Loehmann O. Die Entstehung der Tannhäusersage // Fabula. 1960. Bd. 3. S. 224–253.
- Lorée D. Le statut du *Secret des secrets* dans la diffusion encyclopédique du Moyen Age // Encyclopédies médiévales: discours et savoirs. Rennes, 1998. P. 155–171.
- Luck G. Witches and Sorcerers in Classical Literature // Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 91–158.
- Lyman J.L. The Metropolitan Police Act of 1829: An Analysis of Certain Events Influencing the Passage and Character of the Metropolitan Police Act in England // Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. 1964. T. 55 (1). P. 141–154.
- Mackay C.S. The Hammer of Witches. A Complete Translation of the *Malleus Maleficarum*. Cambridge, 2009.

- Magnanini S.* Postulated Routes from Naples to Paris: The Printer Antonio Bulifon and Giambattista Basile's Fairy Tales in Seventeenth Century France // *Marvels and Tales*. 2007. Vol. 21 (1). P. 78–92.
- Maier Ch. T.* Crusade Propaganda and Ideology. Model Sermons for the Preaching of the Cross. Cambridge, 2000.
- Maier E.* Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484). Lausanne, 1996.
- Maier E., Ostorero M., Utz T.* Le pouvoir de l'inquisition // *Les pays romands au Moyen Age / Sous la dir. de A. Paravicini Bagliani, J.-P. Felber, J.-D. Morerod, V. Pasche*. Lausanne, 1997. P. 247–258.
- Marchandisse A.* Milan, les Visconti, l'union de Valentine et de Louis d'Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains // *Autour de XVe siècle. Journées d'étude en l'honneur d'Alberto Varvaro / Ed. par P. Moreno et G. Palumbo*. Genève, 2008. P. 82–103.
- Marchiori A.* "Forgier fins besans". Le *Songe du Vieil Pelerin* de Philippe de Mezières: projet sotériologique et pouvoir de l'écriture à la fin du XIVe siècle. Verona, 2014.
- Marie.* Le culte de la Vierge dans la société médiévale / *Etudes réunies par D. Iogna-Prat, E. Palazzo, D. Russo*. P., 1996.
- Martin C.* Bodin's reception of Johann Weyer in *De la démonomanie des sorciers* // *The Reception of Bodin*. P. 117–135.
- Marx J.* L'Inquisition en Dauphiné. Etude sur le développement et la répression de l'hérésie et de la sorcellerie du XIVe siècle au début du règne de François Ier. P., 1914.
- Maxwell-Stuart P. G.* Witch Hunters. Professional Prickers, Unwitchers and Witch Finders of the Renaissance. Stroud, 2003.
- McWebb C.* Joan of Arc and Christine de Pizan: The Symbiosis of Two Warriors in the "Ditié de Jehanne d'Arc" // *Fresh Verdicts on Joan of Arc / Ed. by B. Wheeler, C. T. Wood*. N.Y., 1999. P. 133–144.
- Mellinkoff R.* Judas's Red Hair and the Jews // *Journal of Jewish Art*. 1982. № 9. P. 31–46.
- Mellinkoff R.* Outcasts. Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages. Berkley, 1993. 2 vol.
- Mercier F.* La vauderie d'Arras. Une chasse aux sorcières à l'automne du Moyen Age. Rennes, 2006.
- Mercier F.* L'essor de la sorcellerie au Moyen Age: mythe ou réalité? // *Structures et dynamiques religieuses dans les sociétés de l'Occident latin (1179–1449) / Ed. par M.-M. de Cevins, J.-M. Matz*. Rennes, 2010. P. 399–407.
- Mercier F.* La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation (Lyon, vers 1430–1440?) // *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles) / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz T.* Florence, 2010. P. 27–44.
- Mercier F.* D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460) // *La sorcellerie et la ville / Ed. par A. Follain, M. Simon*. Strasbourg, 2018. P. 31–50.
- Mercier F., Rosé I.* Introduction // *Aux marges de l'hérésie*. P. 11–15.
- Michel N.* La première diffusion du *Policraticus* de Jean de Salisbury en France: l'apport du manuscrit Charleville-Mézières, BM, 151 // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2019. Vol. 246 (2). P. 161–176.

- Michel R. Le procès de Mateo et Galeazzo Visconti: l'accusation de sorcellerie et d'hérésie, Dante et l'affaire de l'envoûtement (1320) // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1909. T. 29. P. 269–327.
- Midelfort H.C.E. Johann Weyer and the Transformation of the Insanity Defense // *The German People and the Reformation* / Ed. by R. Po-chia Hsia. N.Y., 1988. P. 234–262.
- Miles M.R. A Complex Delight. The Secularization of the Breast, 1350–1750. L., 2008.
- Millar Ch.-R. Witchcraft, the Devil, and Emotion in Early Modern England. L.; N.Y., 2017.
- Modestin G. Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne, 1999.
- Moeglin J.-M. "La Guerre de Cent Ans": une création historiographique? // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2010. № 2. P. 843–862.
- Molnár P. De la morale à la science politique. La transformation du miroir des princes au milieu du XIIIe siècle // *L'Education au gouvernement et à la vie. La tradition des "règles de vie" de l'Antiquité au Moyen Age* / Ed. par P. Odorico. P., 2009. P. 181–204.
- Monter E.W. Inflation and Witchcraft: The Case of Jean Bodin // *Action and Conviction in Early Modern Europe* / Ed. by T. Rabb, J. Siegel. Princeton, 1969. P. 371–389.
- Moore R.I. The Formation of a Persecuting Society. Power and Deviance in Western Europe, 950–1250. Oxford, 1987.
- Moos P. von. The use of *exempla* in the *Policraticus* of John of Salisbury // *The World of John of Salisbury*. P. 207–261.
- Morel B. Justice et bien commun. Étude comparée de la fresque du bon gouvernement d'Ambrogio Lorenzetti et d'un manuscrit juridique bolonais // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*. 2001. T. 113 (1). P. 685–697.
- Müller J. von. Der Geschichten schweizerischer Eidgenossenschaft. Leipzig, 1786.
- Nederman C.J. A duty to kill: John of Salisbury's theory of tyrannicide // *The Revue of Politics*. 1988. Vol. 50 (3). P. 365–389.
- Nederman C.J. There are no "bad kings": Tyrannical characters and evil counselors in medieval political thought // *Evil lords. Theories and representations of tyranny from Antiquity to the Renaissance* / Ed. by N. Panou and H. Schadee. Oxford, 2018. P. 137–156.
- Neuville D. Le Parlement royal à Poitiers (1418–1436) // *Revue historique*. 1878. № 6. P. 1–28, 272–314.
- New Perspectives on Witchcraft / Ed. by B.P. Levack. T. 4. L.; N.Y., 2001.
- Notestein W. A History of Witchcraft in England from 1558 to 1718. N.Y., 1965.
- Olivier-Martin F. Histoire du droit français dès origines à la Révolution., P., 1992.
- Orgelfinger G. Joan of Arc in the English imagination, 1429–1829. University Park, 2019.
- Ostorero M. "Folâtrer avec les démons". Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448). Lausanne, 1995.
- Ostorero M. Un predicateur au cachot: Guillaume Adeline et le sabbat // *Medievals*. 2003. № 44. P. 73–96.
- Ostorero M. Les marques du diable sur le corps des sorcières (XIVe–XVIIe siècles) // *Micrologus*. 2005. T. 13. P. 359–388.
- Ostorero M. Le diable au sabbat. Littérature démonologique et sorcellerie (1440–1460). Lausanne, 2011.

- Ostorero M. Des papes face à la sorcellerie démoniaque (1409–1459): une dilatation du champ de l'hérésie? // Aux marges de l'hérésie. P. 153–184.
- Pancer N. Sans peur et sans vergogne. De l'honneur et des femmes aux premiers temps mérovingiens (VIe–VIIe siècles). P., 2001.
- Paravicini Bagliani A. La genèse du sabbat des sorciers et des sorcières. Bern, 2003.
- Paravy P. De la chrétienté romaine à la Reforme en Dauphiné. Évêques, fidèles et déviants (vers 1340-vers 1530). Rome, 1993.
- Patterson W.B. William Perkins and the Making of a Protestant England. Oxford, 2014.
- Paulmier M. Le portrait de César dans le *Speculum historiale* // Spicae. Cahiers de l'Atelier Vincent de Beauvais. 1978. T. 1. P. 71–90.
- Paulmier-Foucart M. Ecrire l'histoire au XIIIe siècle. Vincent de Beauvais et Hélinand de Froidmont // Annales de l'Est. 1981. Vol. 33. P. 49–70.
- Paulmier-Foucart M., Lusignan S. Vincent de Beauvais et l'histoire du *Speculum Maius* // Journal des savants. 1990. T. 1. P. 97–124.
- Pearl J.L. Le rôle énigmatique de la "Démonomanie" dans la chasse aux sorcières // Actes du colloque Jean Bodin (24–27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. 2 vol. T. 2. P. 403–410.
- Pearl J.L. Introduction // Bodin J. On the Demon-Mania of Witches / Transl. by R.A. Scott. Toronto, 1995. P. 9–34.
- Perret N.-L. Les traductions françaises du *De regimine principum* de Gilles de Rome. Parcours matériel, culturel et intellectuel d'un discours sur l'éducation. Leiden; Boston, 2011.
- Peters E. The magician, the witch, and the law. Philadelphia, 1978.
- Petit A. L'Ecartèlement: Jean Bodin, les sorcières et la rationalisation du surnaturel // Revue européenne des sciences sociales. 1992. № 30. P. 79–100.
- Petit A. Un système de preuve empirico-métaphisique: Jean Bodin et la sorcellerie // Revue européenne des sciences sociales. 1992. № 30. P. 39–78.
- Peyronnet G. L'assassinat du duc de Bourgogne Jean sans Peur sur le pont de Montereau (10 septembre 1419) // Bulletin de l'Association des amis du Centre Jeanne d'Arc. 2005. № 29. P. 7–73.
- Pfister L. L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommartin (1498). Lausanne, 1997.
- Pignatelli C. Jean de Vignay et Jean d'Antioche traducteurs des *Otia imperialia* de Gervais de Tilbury: style, syntaxe, vocabulaire // Le moyen français. Le traitement du texte: édition, appareil critique, glossaire, traitement électronique / Ed. par Cl. Buridant. Strasbourg, 2000. P. 223–252.
- Pinson J.M. Will the Real Arminius Please Stand Up? A Study of the Theology of Jacobus Arminius in Light of His Interpreters // A Journal of Christian Thought. 2003. T. 2. P. 121–139.
- Platelle H. La voix du sang: le cadavre qui saigne en présence de son meurtrier // La piété populaire au Moyen Age. Actes du 99e Congrès national des sociétés savantes, Besançon, 1974. P., 1977. P. 161–179.
- Poirier G. Le témoignage dans les libelles et les pamphlets politiques contre Henri III // "Des bruits courent": rumeurs et propagande au temps des Valois / Sous la dir. de L. Vaillancourt. P., 2017. P. 235–247.
- Poorter A. de. Un traité de pédagogie médiévale: le *De modo addiscendi* de Guibert de Tournai, O.F.M. Notes et extraits // Revue néo-scholastique de philosophie. 1922. Vol. 24. P. 195–228.

- Porte W. Judas Ischarioth in der bildenden Kunst. Berlin, 1883.
- Préaud M. "La Démonomanie", fille de la "République" // Actes du colloque Jean Bodin (24–27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. 2 vol. T. 2. P. 419–428.
- Provost A. On the Margins of the Templars' Trial: The Case of Bishop Guichard of Troyes // The Debate on the Trial of the Templars (1307–1314) / Ed. by J. Burgtorf, P.F. Crawford, H.J. Nicholson. L.; N.Y., 2016. P. 117–127.
- Pumfrey S. Potts, plots and politics: James I's *Demonologie* and *The Wonderfull Discoverie of Witches* // The Lancashire Witches. Histories and Stories / Ed. by R. Poole. Manchester, 2002. P. 22–41.
- The Reception of Bodin / Ed. by H.A. Lloyd. Leiden, 2013.
- Rigault A. Le procès de Guichard, évêque de Troyes (1308–1313). P., 1896.
- Rogers C.J. Henry V's Military Strategy in 1415 // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. by L.J.A. Villalon and D.J. Kagay. Leiden; Boston, 2005. P. 399–428.
- Rosé I. Simon le Magicien hérésiarque? L'invention de la *simoniaca heresis* par Grégoire le Grand // Aux marges de l'hérésie. P. 201–238.
- Rosen B. Witchcraft in England 1558–1618. Amherst, 1991.
- Rossiaud J. Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010.
- Roversi Monaco F. Regine e principesse nella narrazione storica medievale // Genere e Storia: percorsi / A cura di C. Casanova e V. Lagioia. Bologna, 2014. P. 21–28.
- Roussineau G. Peur et répression du mal dans la "Démonomanie des sorciers" de Jean Bodin // Actes du colloque Jean Bodin (24–27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. 2 vol. T. 2. P. 411–418.
- Runnalls G.A. Judith et Holofernès: mystère religieux ou mélodrame comique? // Moyen Age. 1989. № 1. P. 75–104.
- Salvat M. Amazonia: le royaume de Femminie // La représentation de l'Antiquité au Moyen Age / Publ. par D. Buschinger et A. Crepin. Wien, 1982. P. 229–241.
- Sample D.L. Philip VI's Mortal Enemy: Robert of Artois and the Beginning of the Hundred Years War // The Hundred Years War (Part II). Different Vistas / Ed. by L.J.A. Villalon and D.J. Kagay. Leiden; Boston, 2008. P. 261–284.
- Sansy D. Bestiaire des juifs, bestiaire du diable // Micrologus. Natura, scienze e società medievali. 2000. T. 8. P. 561–579.
- Schibanoff S. True Lies: Travestism and Idolatry in the Trial of Joan of Arc // Fresh Verdicts on Joan of Arc / Ed. by B. Wheeler, C.T. Wood. N.Y., 1999. P. 31–60.
- Schmidt T. Der Bonifaz-Prozess. Verfahren der Papstanklage in der Zeit Bonifaz'VIII und Clemens'V. Köln; Wien, 1989.
- Schmitt J.-Cl. L'histoire des marginaux // Nouvelle histoire / Sous la dir. de J. Le Goff. P., 1988 (1978). P. 277–305.
- Schnerb B. Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. P., 1988.
- Schnerb-Lièvre M. Evrart de Tremaugon et le Songe du Vergier // Romania. 1980. T. 101. P. 527–530.
- Schnyder A. Der "Malleus maleficarum", Fragen und Beobachtungen zu seiner Druckgeschichte sowie zur Rezeption bei Bodin, Binsfeld und Deltrio // Archiv für Kulturgeschichte. 1992. Bd. 74. S. 323–364.
- Schreiner K. Maria Patrona. La sainte Vierge comme figure des villes, territoires et nations à la fin du Moyen Age et au début des temps modernes // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 133–153.

- Sharpe J. The Devil in East Anglia: the Matthew Hopkins trials reconsidered // *Witchcraft in Early Modern Europe. Studies in Culture and belief* / Ed. by J. Barry, M. Hester, G. Roberts. Cambridge, 1996. P. 237–255.
- Sharpe J. *Witchcraft in Early Modern England*. Harlow, 2001.
- Shokhan R.A. The Staging of Witchcraft and a “Spectacle of Strangeness”. *Witchcraft at Court and the Globe*. L., 2014.
- Soederhjelm W. Antoine de La Sale et la légende de Tannhäuser // *Mémoires de la Société Néo-Philologique à Helsingfors*. 1897. T. 2. P. 101–167.
- Soman A. Le sabbat des sorciers: preuve juridique // *Le sabbat des sorciers en Europe: XVe–XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud*. Grenoble, 1993. P. 85–99.
- Stafford P. Queens, Concubines, and Dowagers. *The King's Wife in the Early Middle Ages*. Georgia, 1983.
- Steiner A. Guillaume Perrault and Vincent de Beauvais // *Speculum*. 1933. T. 8 (1). P. 51–58.
- Stocker M. Judith. *Sexual Warrior. Women and Power in Western Culture*. New Haven; L., 1998.
- Stoll E.E. Source and Motive in Macbeth and Othello // *The Review of English Studies*. 1943. T. 19 (73). P. 25–32.
- Strobino S. Françoise sauvée des flammes? Une valaisane accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996.
- Sullivan K. *The Inner Lives of Medieval Inquisitors*. Chicago, 2011.
- Swinford D. Dream interpretation and the organic metaphor of the State in John of Salisbury's *Policraticus* // *Journal of Medieval Religious Cultures*. 2012. Vol. 38 (1). P. 32–59.
- Théry J. L'hérésie des Bons Hommes. Comment nommer la dissidence religieuse non vaudoise ni béguine en Languedoc (XIIe – début du XIVe siècle) // *Heresis*. 2002. T. 36/37. P. 75–117.
- Théry J. Fama: l'opinion publique comme preuve judiciaire. Aperçu sur la révolution médiévale de l'inquisitoire (XIIe–XIVe s.) // *La preuve en justice, de l'Antiquité à nos jours / Sous la dir. de B. Lemesle*. Rennes, 2003. P. 119–147.
- Théry J. Allo scoppio del conflitto tra Bonifacio e Filippo il Bello: l'affare Saisset // *I poteri universali e la fondazione dello Studium Urbis. Il pontefice Bonifacio VIII dalla Unam sanctam allo schiaffo di Anagni*. Roma, 2008. P. 21–68.
- Théry J. Le pionnier de la théocratie royale. Guillaume de Nogaret et les conflits de Philippe le Bel avec la papauté // *Guillaume de Nogaret. Un Languedocien au service de la monarchie capétienne*. Nîmes, 2012. P. 101–128.
- Thorndike L. *History of Magic and Experimental Science*. T. 1–2. N.Y.; L., 1923.
- Toneatto V. Aux marges de la foi, aux confins de l'humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l'Antiquité au début du Moyen Age // *Aux marges de l'hérésie*. P. 19–52.
- Toxé Ph. La copula carnalis chez les canonistes médiévaux // *Mariage et sexualité au Moyen Age. Accord ou crise? / Sous la dir. de M. Rouche*. P., 2000. P. 123–133.
- Trivellone A. L'hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l'Occident médiéval, de l'époque carolingienne à l'Inquisition. Turnhout, 2009.
- Trivellone A. Le Mont-Cassin, une fabrique de l'hérésie au XIe siècle // *Aux marges de l'hérésie*. P. 239–273.

- Truitt E.R. Celestial divination and Arabic science in twelfth-century England: The history of Gerbert of Aurillac's talking head // *Journal of the history of ideas*. 2012. Vol. 73 (2). P. 201–222.
- Ullmann W. The Influence of John of Salisbury on Medieval Italian Jurists // *The English Historical Review*. 1944. T. 59. P. 384–392.
- Ullmann W. The Medieval Idea of Law as Represented by Lucas de Penna. A Study in Fourteenth-Century Legal Scholarship. L., 1946.
- Ullmann W. John of Salisbury's *Policraticus* in the Later Middle Ages // *Idem*. Jurisprudence in the Middle Ages. Collected Studies. L., 1980. P. 519–545.
- Utz Tremp K. Commentaire // *L'imaginaire du sabbat*. P. 53–97.
- Valetta F. Witchcraft, Magic and Superstition in England, 1640–1670. L., 2000.
- Vallée-Karcher A. Jeanne de Bourgogne, épouse de Philippe VI de Valois: une reine maudite? // *BEC*. 1980. T. 138 (1). P. 94–96.
- Van der Lugt M. Le ver, le démon et la Vierge. Les théories médiévales de la génération extraordinaire. P., 2004.
- Varvaro A. La Tragédie de l'Histoire: La dernière œuvre de Jean Froissart. P., 2011.
- Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988.
- Vecchio S. Le pouvoir au miroir du prédicateur: le *De eruditione principum* de Guillaume Peyraut // *La pathologie du pouvoir. Vices, crimes et délits des gouvernants: Antiquité, Moyen Age, époque moderne / Sous la dir. de P. Gilli*. Leiden; Boston, 2016. P. 263–281.
- Veenstra J.R. Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France: Text and Context of Laurens Pignon's "Contre les devineurs" (1411). Leiden; N.Y; Cologne, 1998.
- Venard M. Jean Bodin et les sorciers. La "Démonomanie" est-elle une aberration dans l'œuvre de Jean Bodin? // *L'œuvre de Jean Bodin: actes du colloque tenue à Lyon à l'occasion du quatrième centenaire de sa mort, 11–13 janvier 1996*. P., 2004. P. 447–458.
- Verger J. Les gens de savoir en Europe à la fin du Moyen Age. P., 1997.
- Véronèse J. Le *Contra astrologos imperitos atque nigromanticos* (1395–1396) de Nicolas Eymerich (O.P.): contexte de rédaction, classification des arts magiques et divinatoires, édition critique partielle // *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles) / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz Tremp*. Florence, 2010. P. 271–329.
- Vidal J.-M. Bernard Saisset, évêque de Pamiers (1232–1311) // *Revue des sciences religieuses*. 1926. T. 6. P. 177–198, 371–393.
- Vincensini J.-J. Entre pensée savante et raison narrative. Le clerc médiéval et le motif du "saignement accusateur" (ou "cruentation") // *Par les mots et les textes. Mélanges de langue, de littérature et d'histoire des sciences médiévales offerts à Claude Thomasset / Etudes réunies par D. Jacquart, D. James-Raoul et O. Soutet*. P., 2005. P. 833–858.
- Vincent de Beauvais and Alexander the Great. Studies on the *Speculum maius* and its translations into medieval vernaculars / Ed. by W.J. Aerts, E.R. Smits and J.B. Voorbij. Groningen, 1986.
- Waardt H. de. Spiritualism and Medicine. The Religious Convictions of Johan Wier // *The Sixteenth Century Journal*. 2011. Vol. 42 (2). P. 369–391.

- Wasser M. Scotland's First Witch-Hunt: The Eastern Witch-Hunt of 1568–1569 // *Scottish Witches and Witch-Hunters* / Ed. by J. Goodare. L.; N.Y., 2013. P. 17–33.
- Walter P. Merlin, L'Enfant-Vieillard // *L'imaginaire des âges de la vie* / Sous la dir. de D. Chauvin, J.L. Backès. Grenoble, 1996. P. 117–133.
- Walter P. Merlin ou le savoir du monde. P., 2000.
- Waugh W.T. Joan of Arc in English Sources of the Fifteenth Century // *Historical Essays in Honor of James Tait* / Ed. by J.G. Edwards, V.H. Galbraith, E.F. Jacob. Manchester, 1933. P. 387–398.
- Webster T. Early Stuart Puritanism // *The Cambridge Companion to Puritanism*. Cambridge, 2008. P. 48–66.
- Weijers O. Terminologie des universités au XIIIe siècle. Rome, 1987.
- Weinstein D., Bell R.M. Saints and Society: The Two Worlds of Western Christendom, 1000–1700. Chicago; L., 1986.
- Weis R. The Yellow Cross. The Story of the Last Cathars (1290–1329). L., 2000.
- Williams G.S. Defining Dominion. The Discourses of Magic and Witchcraft in Early Modern France and Germany. Michigan, 1999.
- Williamson J.B. Ysangrin and Hellequin's horde in *Le Songe du Vieil Pelerin* // Reinardus. 1988. T. 1. P. 175–188.
- Willson D.H. King James VI and I. L., 1963.
- Willumsen L.H. Witchcraft against Royal Danish Ships in 1589 and the Transnational Transfer of Ideas // *International Review of Scottish Studies*. 2020. Vol. 45. P. 54–99.
- Witchcraft, Demonology and Magic / Ed. by M. Montesano. Basel, 2020.
- The Witchcraft Reader / Ed. by D. Oldridge. N.Y.; L., 2008.
- The World of John of Salisbury / Ed. by M. Wilks. Oxford, 1984.
- Yardeni M. Henri III sorcier // *Henri III et son temps* / Etudes réunies par R. Sauzet. P., 1992. P. 57–66.
- Zink M. Littérature française du Moyen Age. P., 1992.
- Zink M. Froissart et le temps. P., 1998.

Указатель имен

- Августин, Аврелий – 17, 32, 33, 46,
97, 120, 129, 144, 149, 178, 255, 264
Авдовера, супруга Хильперика I – 50
Авиценна – 149
Агобар, архиепископ Лионский – 30
Агриппа Неттесгеймский – 173, 270
Адам – 44, 49
Аделин, Гийом – 127
Александр Македонский – 53, 93,
102
Александр V, папа римский – 228
Альберт Великий – 149
Амадей VIII, герцог Савойский –
127, 133
Аман – 24, 98
Амвросий Медиоланский – 121
Аммиан Марцеллин – 24
Анна Датская, супруга Якова VI (I)
Стюарта – 185
Ансельм Перипатетик – 25
Антипатр – 53
Антонов Д.И. – 14
Антуан, Пьер – 234
Арвиле, Жанна – 165, 166, 170
Аристотель – 12, 18, 35, 53–55, 83,
84, 86, 281
Арк, Жак д' – 108
Арк, Жанна д' – 89–92, 100–112,
114–116, 126, 154–157, 231, 252–
254, 262
Арманьяк, Жан д' – 56
Арнольд, матушка – 249
Артакеркс – 24
Артуа, Маго д' – 61
Артуа, Робер III д' – 61, 62
Артур – 24, 130
Астроном – 45
Аткинс, матушка – 249, 250
Ахав – 36
Аэндорская волшебница – 33, 171
Баба-Яга – 240
Бабенко К. – 14
Базиле, Джамбаттиста – 239–241
Бакус Г.В. – 14, 39
Бальб, Иоганн – 107
Бальдунг, Ганс – 233
Баратье, Жанетт – 127, 139
Барбен, Жан – 90
Бари, Жан – 136
Барр, Марго де ла – 166
Барра, Франсуаза – 126
Бартоломео из Брешии – 232
Беда Достопочтенный – 45, 149
Бейкер, Ричард – 156
Бекет, Томас – 18, 60
Бенедикт XI, папа римский – 10
Бентам, Иеремия – 219, 220
Бернар Клервоский – 23, 57
Бернард, герцог Септимании – 30
Бернард, Ричард – 197–199, 219, 248,
263
Бернардин Сиенский – 139
Бёрт, Ричард – 249
Билибин, Иван – 240
Билл, Артур – 192
Блуа, Пьер де – 37, 264
Бове, Оноре – 74, 75, 76, 77, 83
Бовет, Ричард – 254
Боге, Анри – 259, 262, 265, 267
Боден, Жан – 160–181, 183, 184,
188–190, 195, 246–248, 259, 260,
264–268, 270–273, 281
Бодрикур, Робер – 107, 108
Болм, Джордана де – 127
Бомануар, Филипп де – 141, 247
Бонавентура
(Джованни Фиданца), св. – 149
Бонифаций, св. – 46
Бонифаций VIII, папа римский – 8,
9, 10
Боуэр, Уолтер – 156
Браге, Тихо – 185
Брандон, Жан – 87, 96
Браун, Агнес – 209
Бреаль, Жан – 112
Буде Ж.-П. – 125, 179

- Буйон, Жан де – 150
 Булифон, Антонио – 239
 Бурбон, Этьен де – 122, 130, 242
 Бурд, Ричард – 214
 Буридан, Жан – 63
 Бурхард Вормсский – 27, 28, 29, 122, 135, 255
 Бушерон П. – 38
 Бюрер-Тьерри Ж. – 98
 Вагао – 113, 114
 Вазари, Джорджо – 39
 Вайс Р. – 276
 Вакх – 139
 Валент II, римский император – 24
 Валентиниан I, римский император – 24
 Валетт, Маса – 147
 Валуа, Екатерина, супруга Генриха V Ланкастера – 95
 Валуа, Жанна, супруга Робера III д'Артуа – 61
 Валуа, Изабелла, супруга Джана Галеаццо Висконти – 65, 74
 Валуа, Карл – 10, 60, 61, 62
 Валуа, Карл, дофин – 89
 Валуа, Мишель – 88
 Вальдрада – 30, 47, 48
 Варваро А. – 72
 Вейер, Иоганн – 173, 174, 269–274
 Венера – 23, 37, 93, 96, 136, 137
 Вerveкс, Антуан де – 133
 Вервиль, Бероальд де – 158
 Вергилий – 149
 Вернуль, Николя – 158
 Верхельст Д. – 278
 Вийермо, Гийом – 265
 Вийон, Франсуа – 63
 Вик, Иоганн Якоб – 133, 233
 Вильгельм I Завоеватель, король Англии – 93
 Вильгельм из Мёрбеке – 18
 Вильгельм V, герцог Клевский – 173
 Вильям Мальмсберийский – 24, 45
 Виндеке, Эберхард – 108
 Вине, Жан – 128, 129, 131, 133, 138, 139, 143–145, 150, 154, 161, 245, 258
 Винсент, Жан – 157
 Винсент из Бове – 42–44, 48–57, 76, 134, 264
 Винье, Жан де – 55, 56, 58, 148
 Вирсавия – 32
 Висконти, Барнабо – 82
 Висконти, Валентина – 64–66, 68–77, 79, 83, 86–88, 90, 116, 151
 Висконти, Галеаццо – 11
 Висконти, Джана Галеаццо – 65, 74, 82, 87, 151
 Висконти, Матео I – 10, 11
 Витри, Жак де – 243, 244
 Воскобойников О.С. – 14
 Гален – 149
 Галис, Ричард – 206, 214
 Гальсвинта, супруга Хильперика I – 50
 Гальфрид Монмутский – 24
 Ганелон – 225
 Гардинер, Рэтрин – 209
 Гвиберт Ножанский – 23
 Геммингсен, Нильс – 185
 Гене Б. – 40, 72, 81, 83, 92
 Генрих, герцог де Гиз – 182
 Генрих II Плантагенет, король Англии – 18, 40
 Генрих II, король Франции – 164
 Генрих III, император Священной Римской империи – 25
 Генрих III, король Англии – 191
 Генрих III, король Франции – 164, 181, 182 183 184
 Генрих IV, король Франции – 184, 260
 Генрих V Ланкастер, король Англии – 94, 95
 Генрих VI Ланкастер, король Англии – 103, 144, 211, 252
 Генрих VIII Тюдор, король Англии – 153, 184
 Геракл – 44
 Герберт Орильякский см. Сильвестр II
 Гervасий Тильберийский – 148
 Геремек Б. – 276
 Герзи Н. – 124
 Геро, Гуго – 10

- Гибсон М. – 194
 Гиз, Людовик де, кардинал
     Лотарингский – 182
 Гийом Овернский – 148, 149
 Гишар, епископ Труа – 9
 Гладков А.К. – 14
 Гласдейл, Уильям – 150
 Голли, Николарда – 235
 Голь, Джон – 201
 Гомер – 31
 Горзолла П. – 68, 283
 Горкум, Генрих фон – 111
 Грандье, Урбен – 261
 Грациан – 27, 28, 121, 232, 233, 235,
     246, 255, 264
 Гревен, Жак – 173
 Гренье, Жан – 261
 Григорий Великий – 32, 83, 86, 243
 Григорий Турский – 24, 29
 Гримм, Вильгельм – 240, 241
 Гримм, Якоб – 240, 241
 Гриффон, Мадлен – 235
 Гуаццо, Франческо Мария – 235
 Гуго, герцог Эльзаса – 47
 Гудкоул, Генри – 215, 216
 Давид – 32, 44, 233
 Дагоберт I, король франков – 46
 Далила – 225
 Даниил, пророк – 76
 Дано, Ламбер – 178
 Дарий – 112
 Дарси, Брайан – 200
 Даттон, матушка – 214
 Дебора – 111
 Девайс, Элизабет – 213, 250
 Делисье, Бернар – 10
 Дешан, Эсташ – 73–76, 83
 Джованна I, королева Неаполя – 254
 Джустиниани, Панкратио – 111, 115
 Ди, Джон – 195
 Диана – 26, 27, 28, 36, 49, 122, 130,
     135, 136
 Динли, Джон – 202
 Дисней, Уолт – 240
 Диссипатис, Михаил – 133
 Доден, Жан – 56, 57 58
 Дрё, Филипп де – 53
 Друатюрьер, Марион ла – 166
 Дункан, Джилли – 185, 186, 236
 Дунстан, архиепископ
     Кентерберийский – 48
 Дэвис С.Ф. – 205
 Дюбретон, Антуан – 158
 Дюрер, Альбрехт – 244
 Дюрье, Жак – 125, 126, 138, 148, 230,
     234, 262
 Ева – 49
 Евгений IV, папа римский – 228
 Евдокимова Е. – 14
 Евдокимова Л.В. – 14, 55, 57
 Евстафий Антиохийский – 33
 Екатерина, св. – 107, 111
 Елизавета I Тюдор, королева
     Англии – 184, 187, 195
 Елим – 24
 Есфирь – 98, 99, 111
 Ефимова М. – 14
 Жакье, Николя – 129, 131, 134, 138,
     143, 144, 150, 154, 155, 161, 172,
     226, 245, 257, 258
 Жан Бастард Орлеанский (граф
     Дюнуа) – 90
 Жан, герцог Беррийский – 56, 71,
     78, 79, 80
 Жан Бесстрашный, герцог
     Бургундский – 64, 78–84, 86, 88,
     89, 92, 94, 95, 236
 Жан, герцог Туреньский, дофин –
     89
 Жанна II Бургундская, супруга
     Филиппа V Длинного – 61, 63
 Жанна III Бургундская, супруга
     Филиппа VI Валуа – 55, 61, 62, 63
 Жанна Наваррская, супруга
     Филиппа IV Красивого – 9
 Желю, Жак – 101, 103, 111
 Жене Ж.-Ф. – 54
 Жерсон, Жан – 111, 114, 150
 Жильбер из Турне – 51–54, 57
 Жиро, Гийом – 115
 Зенк М. – 71
 Зернер М. – 276, 277
 Иаков Ворагинский – 134, 149, 224,
     230, 243

- Игина Ю. Ф. – 184
 Иезавель – 36, 99, 254
 Иероним Стридонский, св. – 57, 98, 113, 243
 Изабелла Баварская, супруга
 Карла VI Безумного – 65, 68, 78, 88, 89, 92–96, 99–101
 Иисус Христос – 9, 32, 120, 121, 130, 138, 201, 224, 230–233, 237, 238, 257, 268
 Иоанн, апостол – 226
 Иоанн II Добрый, король
 Франции – 56, 61
 Иоанн XXII, папа римский – 10, 60
 Иоанн Креститель – 28
 Иоанн Солсберийский – 12, 13, 17–23, 25, 26, 28–45, 47, 51–56, 58–60, 63, 76, 77, 83–86, 89, 103, 107, 110, 116, 119, 133, 137, 171, 183, 184, 190, 279, 280, 282
 Иорам – 36
 Иосиф – 85
 Ирод Филипп I – 28
 Ирод II Антипа – 28
 Иродиада – 27, 28, 49, 137
 Исидор Севильский – 17, 160, 161, 168, 243
 Иуда Искарот – 13, 223–225, 230–233, 237, 238, 278
 Иуда Маккавей – 111
 Каин – 211, 225
 Кальвин, Жан – 178, 195
 Кальпурния, супруга Юлия
 Цезаря – 31
 Капет, Гуго – 45
 Карл Великий – 93, 99
 Карл, герцог Орлеанский – 89, 90, 155
 Карл I Стюарт, король Англии – 198
 Карл V Мудрый, король Франции – 56, 58, 59, 65, 77
 Карл VI Безумный, король
 Франции – 56, 57, 64–72, 74, 77–80, 82, 88, 89, 92–97, 150, 151
 Карл VII, король Франции – 56, 89–91, 94–96, 100, 103, 105, 107, 109, 110, 115, 116, 144, 154, 155
 Карл IX, король Франции – 164, 172, 183
 Кармайкл, Джеймс – 186
 Кассиан, Иоанн – 120, 133
 Кастане, Бернар де – 60
 Каташинская А. – 14
 Кашмаре, Алом – 166
 Каэтани, Франческо – 10
 Кейт, Джордж, пятый граф
 Маришаль – 185
 Кеннеди, Джейн – 186
 Кларк, Элизабет – 202
 Клеман, Жак – 182
 Клеопатра – 31, 52
 Климент V, папа римский – 9
 Клиссон, Оливье де – 66
 Ковиль А. – 80
 Кокс, Фрэнсис – 156
 Колла Э. – 65
 Коломб, Жан – 225
 Конрад Марбургский – 122, 130
 Констанций II, римский
 император – 24
 Контамин Ф. – 109
 Котен, Андре – 80
 Котта, Джон – 196–198
 Кошон, Пьер – 62, 79, 86
 Крамер, Генрих – 39, 168, 211, 267–269, 280
 Краон, Пьер де – 66, 69
 Красовицкий А. – 14
 Креспе, Пьер – 182
 Кринен Ж. – 12
 Кристиан IV, король Дании – 185
 Кристина Пизанская – 86, 99, 101, 111, 115, 235
 Крылова Ю. П. – 14
 Кулаева С. Б. – 130
 Лагере, Жан – 133
 Лакассань М. – 74
 Ламбер, Жан – 154
 Ланкастер, Джон, герцог Бедфорд – 103
 Ланкр, Пьер де – 260, 266
 Ланьи, Жанна де – 60
 Латийи, Пьер де – 10
 Ла Тур Ландри, Жоффруа де – 99, 243–245

- Лашо Ф. – 35, 45
 Левак Б. – 282
 Легран, Жак – 92, 93, 96
 Ле Поршье, Жан – 67
 Ле Руа Ладюри Э. – 275, 276
 Ле Франк, Мартин – 112, 127, 136,
 138–140, 153, 156, 188, 226, 233,
 235, 245
 Лиутпранд Кремонский – 97
 Лоншам, Найджел де – 37
 Лоренцетти, Амброджио – 38–40
 Лоррис, Гийом де – 243
 Лотарь II, правитель Лотарингии –
 30, 47, 48
 Лузиньян С. – 48
 Лукас, Джоан – 209
 Лукиан – 149
 Лурдо В. – 278
 Людовик Благочестивый, король
 франков – 30, 47
 Людовик, герцог Бурбонский – 71,
 78
 Людовик, герцог Гиеннский,
 дофин – 89
 Людовик, герцог Орлеанский – 56,
 64–66, 68–71, 73, 74, 76–83, 85–90,
 92–94, 96, 236
 Людовик II Анжуйский, король
 Сицилии – 56, 78, 80
 Людовик II Немецкий – 47
 Людовик VIII, король Франции – 54
 Людовик IX Святой, король
 Франции – 8, 52, 53, 54, 55, 148
 Людовик X Сварливый, король
 Франции – 10, 60, 172
 Людовик XIV, король Франции –
 239
 Мабильон, Жан – 239
 Магомет – 47
 Майзульс М.Р. – 14, 237
 МакВебб К. – 101
 Малала, Иоанн – 113
 Мале, Жиль – 58
 Мамори, Пьер – 129, 132, 133, 138,
 139, 142–155, 157–161, 164, 165,
 168, 172, 245, 258
 Маньянини С. – 239
 Мап, Вальтер – 36, 37, 40
 Маргарет из Эббингтона – 213, 214
 Маргарита, св. – 107
 Маргарита из Бельвилетта – 9
 Маргарита Прованская, супруга
 Людовика IX Святого – 53
 Мариньи, Ангерран де – 10, 60, 63,
 172
 Мариньи, Жан де – 62
 Мариньи, Пьер де – 80
 Мария – 98–101, 113, 123, 138, 231
 Мария Авиньонская – 91
 Мария Магдалина – 264
 Марс – 37
 Мартин V, папа римский – 228
 Мартин Турский, св. – 121, 134
 Маршандис А. – 68, 70, 72, 76, 77, 83
 Матфей, апостол – 83, 230
 Махов А.Е. – 121
 Медичи, Екатерина – 181
 Мезьер, Филипп де – 57, 59
 Меланхтон, Филипп – 178
 Мен, Жан де – 243
 Менетрей, Пьер – 133, 234
 Менфилд, Элис – 214
 Мерефилд, Джон – 217
 Мери, Гийом – 154
 Мерлин – 24, 25, 90
 Мерсье Ф. – 141, 275, 277
 Мефтахудинов К.П. – 14, 32
 Мёглен Ж.-М. – 149
 Миге, Пьер – 90
 Милляр, Георгий – 240
 Минь Ж.П. – 42
 Мирон, Марк – 183
 Михаил, архангел – 85, 87, 107
 Миядзаки, Хаяо – 240
 Мовуазен, Робер де – 10, 60
 Можета, Эймоне – 126, 136
 Моисей – 24, 189
 Молино, Джованни да – 101
 Молитор, Ульрих – 178, 246
 Монс, Алипс де – 60
 Монтегю, Жан де – 74, 75
 Монстреле, Ангерран де – 79, 86
 Монтегю, Томас, четвертый граф
 Солсбери – 150

- Монфор, Жан де, герцог
Бретонский – 66
Морозини, Антонио – 101, 103
Мур Р.Я. – 277
Мюллер И. фон – 149
Навуходоносор – 24, 112
Напье, Барбара – 204, 237
Невё, Тено – 147
Невилл, Ричард, пятый граф
Солсбери – 252
Невилл, Ричард, шестой граф
Солсбери, граф Уорик – 252
Ненний – 24
Нидер, Иоганн – 131, 133, 135, 136,
139, 178, 188
Николя, Огюстен – 266, 267, 272–
274
Ногаре, Жан-Луи де, герцог
д'Эпернон – 181, 182
Ноткер Заика – 148
Ноуэлл, Роджер – 200
Обиньяк, Франсуа д' – 158, 159, 252
Овидий – 149
Одиссей – 31, 52
Октонвиль, Рауль д' – 78
Олоферн – 33, 112–114
Ордадь, Жан – 158
Ориген – 113
Остзанен, Корнелис ван – 233
Остореро М. – 145, 161, 228
От, Жираль – 160, 161, 168, 178
Оттон I, император Священной
Римской империи – 97
Оттон II, император Священной
Римской империи – 24
Оттон IV Брауншвейгский,
император Священной Римской
империи – 148
Охозий – 36
Павел, апостол – 23
Пап, Ги – 91
Пастуро М. – 225, 233
Паунси, Роджер – 217
Пасхазий Радберт – 30
Пейно, Жан – 147
Пейро, Гийом – 54
Пенелопа – 31
Пенна, Лука да – 37
Пентуэн, Мишель – 65, 70–75, 83,
93, 150, 151
Пера, Изабель – 231
Перкинс, Уильям – 195, 196, 198, 201
Перро из Шайи – 148
Перро, Шарль – 239, 241
Петита А. – 163
Петр из Целлы – 41
Петр Ломбардский – 160, 264
Петрарка – 57
Пикколомини, Энео Сильвио
(Пий II) – 96
Пиль, Роберт – 218
Платон – 281
Платтер, Феликс – 270
Плиний Старший – 149, 223, 246
Плутарх – 31, 32, 35
Полмье-Фукар М. – 48
Постренго, Гильельмо да – 37
Поттс, Томас – 208, 213
Прель, Рауль де – 10
Прентис, Джоан – 235
Прес, Пьер де – 10
Проспер Аквитанский – 120
Псевдо-Барбаро – 99, 100
Псевдо-Дионисий Ареопagit – 163
Псевдо-Климент – 119, 120
Псевдо-Турпин – 45
Пти, Жан – 41, 64, 79–88, 94, 95, 236
Пушкин А.С. – 240
Рабан Мавр – 47, 113
Рагнемод, епископ Парижа – 25
Ре, Жиль де – 153
Регинон Прюмский – 26, 28
Рейно Г. – 74
Реми, Николя – 259
Ривьер, Персевент де ла – 145, 146,
148
Рихарда, супруга Карла III
Толстого – 97
Ричард III Плантагенет, король
Англии – 211
Робер по прозвищу Англичанин –
61, 62
Робинсон, Артур – 216
Роже II, правитель Сицилии – 50

- Роз, Антония – 234, 256
 Розе И. – 275, 277
 Роу, Александр – 240
 Рошешуар, Луи де – 145
 Савиньи, Николя де – 80
 Самсон – 44
 Самуил – 33
 Сассофerratо, Бартоло да – 83
 Саттон, Генри – 193
 Саттон, матушка – 193, 194, 215
 Саттон, Мэри – 193, 194, 198, 215, 217
 Саул – 33, 171, 189, 225
 Светоний – 31, 32
 Сеген, Пьер – 154
 Селлз, Джон – 262
 Сен-Патю, Гийом де – 237
 Сен-Поль, Маго де – 62
 Сергей Павел – 24
 Серегина А.Ю. – 13, 199
 Сессе, Бернар – 8, 9
 Сидоров А.И. – 237
 Сильвестр II, папа римский – 24, 25
 Симон Маг – 278
 Скарф, Джон – 214
 Скот, Реджинальд – 173, 248, 253, 254, 265–267, 272–274
 Смирнова А. – 14
 Со, Симон де – 80
 Соьер, Элизабет – 215–217
 Стерн, Джон – 200–202, 204–206, 209–212, 214, 217, 220, 248, 250, 251
 Стил, Элизабет – 208, 215
 Стражников М. – 14
 Стюарт, Фрэнсис, граф Ботуэлл – 186
 Сульпиций Север – 121, 133
 Сусанна – 76
 Сэмпсон, Агнес – 185, 186, 204, 207, 237, 261
 Тейт, Уильям – 196
 Теофил – 131, 134
 Тертуллиан – 33
 Теутберга, супруга Лотаря II – 30, 48
 Тибо II Молодой, правитель Наварры – 53, 54
 Тинктор, Жан – 128, 132, 133, 141, 142, 164, 233, 236, 246
 Тиньонвиль, Гийом де – 78, 236
 Тиссо, Жанна – 235
 Толозан, Клод – 127, 129, 133, 140, 164, 226
 Томассен, Матье – 101, 115
 Томсон, Бесси – 186
 Торквемада, Томас де – 259
 Торндайк Л. – 17
 Тремогон, Эварар де – 59
 Тротта, Пьеретт – 127, 232
 Ту, Кристоф де – 164
 Урия – 32
 Урсен, Жан Жувенель дез – 86
 Утер Пендрагон – 24
 Утц Тремп К. – 131
 Фавро Р. – 154
 Феррье, Винсент – 242
 Фиан, Джон – 186, 210, 213, 236, 237, 262, 265
 Филипп II Август, король Франции – 53
 Филипп II Смелый, герцог Бургундский – 69, 71, 77, 92
 Филипп III Добрый, герцог Бургундский – 93, 112, 144
 Филипп III Смелый, король Франции – 52, 54, 88
 Филипп IV Красивый, король Франции – 8, 9, 10, 54, 60, 61
 Филипп V Длинный, король Франции – 61, 63
 Филипп VI Валуа, король Франции – 55, 61, 62, 63
 Филипп, герцог Орлеанский – 62
 Финниан – 25
 Флауэр, Маргарет – 252
 Флауэр, Филипп – 252
 Фома Аквинский – 12, 58, 122, 129, 149, 168, 178, 246, 255, 264
 Фома Кантерпрейский – 241
 Фонтане, Этьен де – 147
 Фонтен, Жак – 260
 Фонтене, Оранж де – 237
 Фордан, Джон – 156
 Фрай, Джоан – 217

- Фрай, Элиас – 217
 Франсуа, герцог Алансонский – 184, 195
 Фредегар – 45
 Фредегонда, супруга Хильперика I – 29, 50
 Фруассар, Жан – 65, 68–74, 76, 77, 83, 87, 95
 Фрюнд, Ганс – 125, 129, 131, 132, 136
 Фужейрон, Понс – 228
 Фуке, Жан – 224
 Фульк II Добрый – 45
 Фульша, Дени – 58, 59, 84
 Фурнери, Эйнар – 256
 Фюрни, Нико – 234
 Хант, Роберт – 200
 Харкет, Маргарет – 215
 Харман Д.Д. – 14, 38
 Харрисон, Джоан – 215, 249
 Херц В. – 102
 Хильперик I, король франков – 25
 Хинкмар Реймский – 30, 97
 Хлодвиг, король франков – 29
 Хольда – 27
 Хопкинс, Мэтью – 200–202, 204–211, 220
 Хотт, Джейн – 199
 Цирцея – 31
 Цицерон – 280
 Чессоле, Якопо да – 38
 Чосер, Джеффри – 114, 153
 Шава, Пьер – 148
 Шампье, Симфорьен – 129, 132, 157, 161, 188, 245, 258, 271–274
 Шантелу, Алипс де – 60
 Шателен, Жорж – 91
 Шатийон, Ги II де – 70
 Шедаль, Пьер – 126
 Шекспир, Уильям – 186, 211, 254, 262
 Шен К. – 137
 Шибанофф С. – 105, 106
 Шиффоло Ж. – 7, 8, 11, 12, 116, 275, 282
 Шкиль М. – 14
 Шмараков Р.Л. – 14
 Шмитт Ж.-К. – 276
 Шнайдер Р. – 51
 Шори, Ричард – 217
 Шпренгер, Якоб – 39, 267
 Эври, Гийом – 80
 Эгидий Римский – 54
 Эдвиг, король Англии – 48
 Эдип – 230
 Эдуард IV Йорк, король Англии – 56, 252
 Эдуард VI, король Англии – 153, 184
 Эйдин, Марджери – 217
 Эйк, Хуберт ван – 236
 Эйк, Ян ван – 236
 Эймар, Магдалена дез – 261
 Эймерих, Николай – 123, 168, 269
 Эйнхард – 45
 Элинант из Фруамона – 41–53, 56, 57
 Элсман Т. – 35
 Энгер, мастер – 193, 194
 Энгьен, Мариэтт д' – 90
 Эрлекин – 42, 49
 Эро, Жан – 90
 Эспин, Марта – 192
 Эстиве, Жан д' – 104–111
 Этельбальд, король Мерсии и Сассекса – 46
 Этрубль, Жан д' – 234
 Этуаль, Пьер де л' – 181, 183
 Юдифь – 33, 111–114
 Юдифь, супруга Людовика Благочестивого – 30, 47, 97
 Юлий Цезарь – 31, 52
 Яков VI (I) Стюарт, король Шотландии и Англии – 181, 184–193, 195, 196, 198–201, 203, 208, 209, 248, 253, 254, 261, 265, 271

SUMMARY

This book is an attempt to study the process of constructing the concept of witchcraft in close connection with the political culture of Western Europe of the Middle Ages and early Modern times. The author focuses less on the efforts of the church to rally the flock, but studies the conscious demarches of the secular authorities, who used the new phenomenon to create an image of their own enemy – a political enemy that threatens the foundations of the state system, the peace and the social order.

The study begins with a detailed analysis of the first secular political treatise of the Middle Ages – the *Polycraticus* of John of Salisbury (1159), in which the ruler's closest connection with witchcraft and its possible consequences was not just mentioned, but considered consistently and in detail. It was in this treatise that the rigid bundle of the king and the witch acquired its visible outlines and, perhaps, for the first time, the benefits of diabolical interference in the destinies of people were announced. For the ruler who follows the lead of witches and sorcerers, who listens to their advices, turns into a tyrant – a likeness of Lucifer on earth, and this transformation gives his subjects the legal right to kill him.

The influence that the *Polycraticus* had on European intellectuals of the 12th–14th centuries is explored in the second chapter of the book. The author studies not only the development of the ideas of John of Salisbury in the works of English authors (primarily in Walter Map's *De nugis curialium*), but traces this influence in French treatises and chronicles: in Hélinand de Froidmont's *Chronicon*, in Vincent de Beauvais's *Speculum majus*, as well as in his later writings *De eruditione filiorum nobilium* and *De morali principis institutione*, in Gilbert de Tournai's *Eruditio regum et principum*, which were written by order of the members of the French royal family. The author pays special attention to the work of the translators at the court of Charles V the Wise, thanks to which John of Salisbury's ideas about the role of witchcraft in the political culture became available at the turn of the 14th–15th centuries to a wider range of readers.

The first part of the book ends with some case-studies on the penetration of John of Salisbury's ideas into the real life of the French Kingdom and on their use in the political propaganda directed against Valentina Visconti, the sister-in-law of Charles VI the Mad, her husband Louis d'Orléans, as well as against Isabeau de Bavière, the wife of Charles VI, and Jeanne d'Arc, Charles VII's faithful assistant in the military affairs.

The second part of the book is devoted to the problem of the confrontation – a real war, which, according to the authors of the demonological treatises of the 15th–17th centuries, literally unfolded on their eyes between secular European rulers and the devil, who, as it seemed to them, created his earthly

kingdom and inhabited it with his own subjects. The author examines in detail the topic of the personal responsibility of the sovereign himself and of his judicial officials in the extermination of the witch sects and in the maintaining public order, developed by the authors of the demonological treatises in the Alpine region, in the Duchy of Burgundy, in the French Kingdom, in Scotland and in England: especially in the tractates of Claude Tholosan, Jean Tinctor, Pierre Mamoris, Jean Bodin and James Stuart. She is also studying the problem of the possible assistance that ordinary citizens could provide to the ruler in this matter by participating in the procedure of "watching" described in detail in the English demonological pamphlets and in the manuals for judges.

Finally, the third part of the book is devoted to the problem of recognition of a true witch, whose image was gradually created by the authors of the demonological treatises, by the judges, the doctors and the artists of the 15th–17th centuries. Three chapters are devoted, respectively, to the moral foundations of witch-hunting, which were based on the biblical story of Judas Iscariot, to the physiognomy of witches and sorcerers, as well as to their physiological differences, which, according to the demonologists of the 15th–17th centuries, allow to judge with confidence about the criminal craft of these people and successfully resist it.

In conclusion, the author reflects on the question of the usefulness of witchcraft, as it was imagined by the authors of the Late Middle Ages and early Modern times. It seems that this usefulness consisted not only in the awareness of greatness of God, who allows the existence of the devil, his demons and his minions and uses them to punish the earthly sinners. The concept of malicious witchcraft was also useful, according to the authors of the demonological treatises and the judges, because it allowed them to understand better the limits and the possibilities of the secular power, its main tasks for maintaining the peace and public order in their countries.

Зарецкий Ю.П.

Автобиографическое «Я» в Средние века и раннее Новое время

Книга посвящена исследованию автобиографических сочинений Средних веков и раннего Нового времени, относящихся к трем европейским культурным традициям: западно-христианской, восточно-христианской (русской) и иудейской. В центре ее внимания находятся «Записки о достопамятных деяниях» папы римского Пия II (Энеа Сильвио Пикколомини), «Книга жизни» монахини-кармелитки Тересы Авильской, «Житие» лидера русского Раскола протопопа Аввакума, «Жизнь Иегуды» венецианского раввина Леоне да Модена, «Мемуары» еврейской купчихи Гликль из Хамельна. В исследовании анализируются также десятки других западноевропейских и русских автобиографических рассказов, созданных в Европе до начала Нового времени. В первой части книги *A fontibus ad hominem*, обращенной к личному содержанию этих рассказов, читатель найдет ответы на вопросы, касающиеся, в частности, того, что автобиографические тексты в действительности сообщают о жизнях их авторов, что побуждало людей раскрывать себя, как соотносится рост числа автобиографических сочинений в рассматриваемый период с историей европейского индивида/субъекта. Вторая часть *Post dictum* освещает новые подходы к изучению личных свидетельств, выработанные в последние десятилетия в социогуманитарном знании, и использует их при анализе западноевропейских и русских автобиографических сочинений. Особое внимание в ней уделяется интерпретации этих сочинений как специфических социальных практик, порожденных конкретными историческими обстоятельствами и историко-культурными контекстами.

Книга адресована как специалистам – историкам, культурологам, философам, так и широкому кругу интересующихся средневековыми и ренессансными автобиографиями читателей.

Таубер В.А.

**Во имя истины, согласия и единства:
Архиепископ Мэтью Паркер
и церковная политика в Англии
в эпоху Реформации**

Книга представляет собой первое в российской историографии монографическое исследование, посвященное истории восстановления реформированной церкви Англии в первые годы правления королевы Елизаветы Тюдор. Религиозная политика и система церковного управления конца 1550-х – середины 1570-х гг. рассматриваются через призму деятельности примаса церкви Англии – архиепископа Кентерберийского Мэтью Паркера. Анализируя его представления о своих задачах и церковном идеале, взаимоотношения с королевой и ее приближенными, взаимодействие с духовенством, парламентом и конвокацией, а также столкновения с оппонентами и участие в религиозных спорах, автор показывает, каким образом распределялись полномочия между светской властью и епископатом и каков был механизм принятия решений в вопросах религиозной политики. Изучение этих сюжетов дает основания для выводов о том, какую роль играло высшее духовенство английской церкви в претворении государственной политики в повседневную практику церковной жизни и – шире – какими путями осуществлялась Реформация в Англии.

Книга адресована историкам, политологам и религиоведам, а также всем интересующимся религиозной политикой и церковным управлением в Англии второй половины XVI в.

Кирюхин Д.В.

**Триумф первых Тюдоров:
репрезентация королевской власти
в культурной и интеллектуальной жизни
английского двора 1485–1533 гг.
[Series minor]**

Монография посвящена анализу репрезентации королевской власти в Англии в 1485–1533 гг., включавшей следующие способы легитимизации и пропаганды династии: создание новой династической мифологии, придворной историографии, разработку иконографии власти и ритуалов придворной праздничной культуры с ее символическим подтекстом, конструирование образа монарха как центральной фигуры политического театра. В работе уделено особое внимание исследованию комплекса материалов интеллектуальной и культурной жизни английского двора эпохи первых Тюдоров: сочинений придворных историков и поэтов, живописцев, скульпторов, в том числе членов королевской семьи.

Книга адресована как профессиональным историкам и политологам, так и широкому кругу читателей, интересующимся проблемами новой политической и культурной истории позднего Средневековья – раннего Нового времени.

Contents

Introduction. The new enemy of the state	7
---	---

The political concept of witchcraft

Chapter 1. John of Salisbury, his king and the witches	17
Chapter 2. From the <i>exempla</i> of Hélinand de Froidmont to the insinuations of Jean Petit	41
Chapter 3. Valentina Visconti's "black legend"	65
Chapter 4. The king and his "assistants"	90

Protecting the homeland

Chapter 5. The devil's kingdom	119
Chapter 6. The back side of the war	143
Chapter 7. Jean Bodin in search of peace, order and harmony	160
Chapter 8. James Stuart and his witch-finders	181
Chapter 9. Is justice everyone's business?	204

Depicting a witch

Chapter 10. Judas Iscariot and the red-haired lefty	223
Chapter 11. The invisible face of the witch	239
Chapter 12. Torture, pain and tears	255
Conclusion. The utility of witchcraft	275
List of Abbreviations	284
Bibliography	285
Index of names	314
Summary	322
Contents	327

Научное издание

Ольга Игоревна Тогоева

**Короли и ведьмы.
Колдовство в политической культуре
Западной Европы XII–XVII вв.**

Макет и оформление Л.В. Лобанова
Издательский редактор М.М. Чехачев, А.В. Рудов
Корректор В.К. Маслов

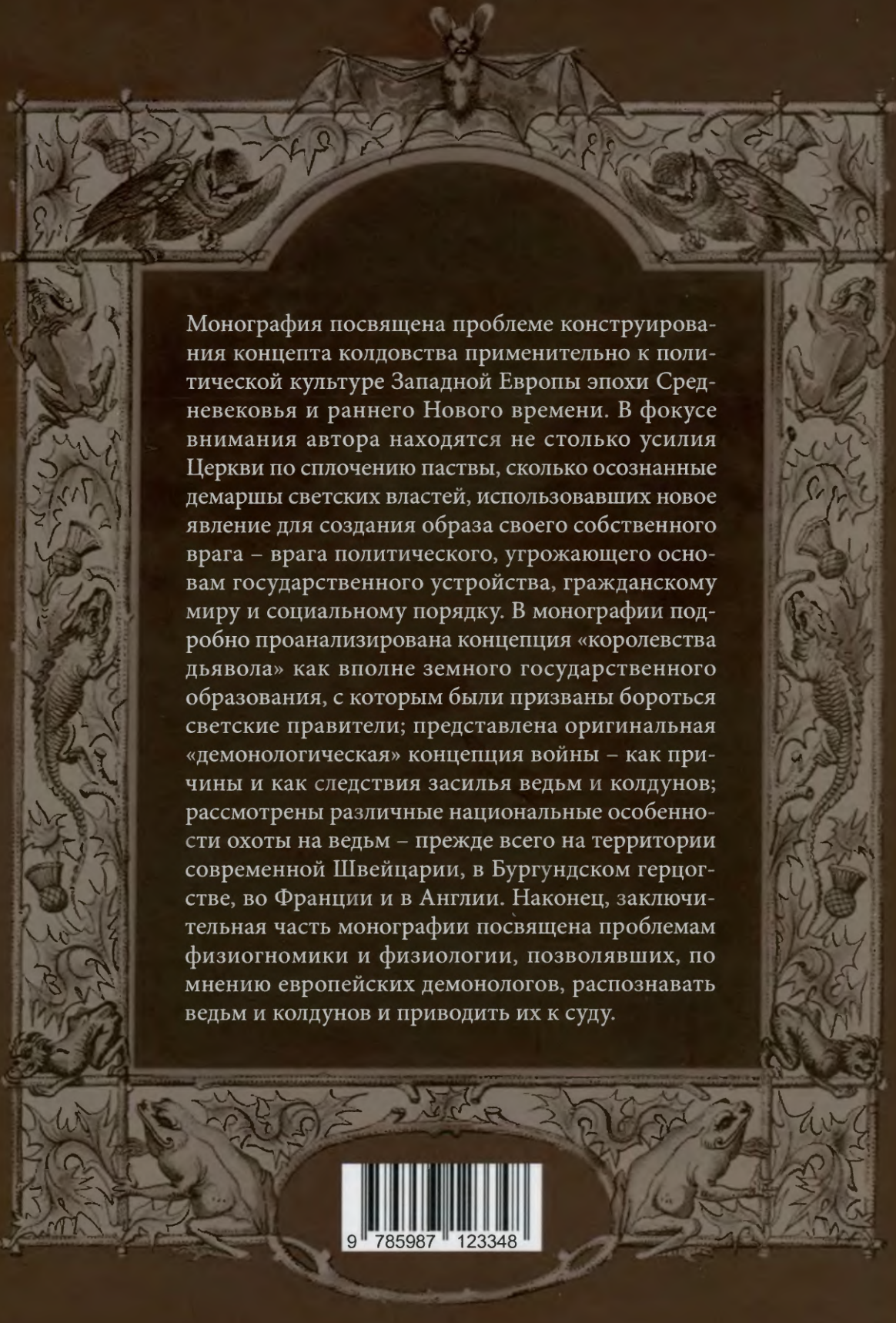
Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com

Подписано в печать 25.08.2022. Формат 70×100/16. Заказ № 1911
Тираж 500 экз. 23,6 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Монография посвящена проблеме конструирования концепта колдовства применительно к политической культуре Западной Европы эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В фокусе внимания автора находятся не столько усилия Церкви по сплочению паствы, сколько осознанные демаршy светских властей, использовавших новое явление для создания образа своего собственного врага – врага политического, угрожающего основам государственного устройства, гражданскому миру и социальному порядку. В монографии подробно проанализирована концепция «королевства дьявола» как вполне земного государственного образования, с которым были призваны бороться светские правители; представлена оригинальная «демонологическая» концепция войны – как причины и как следствия засилья ведьм и колдунов; рассмотрены различные национальные особенности охоты на ведьм – прежде всего на территории современной Швейцарии, в Бургундском герцогстве, во Франции и в Англии. Наконец, заключительная часть монографии посвящена проблемам физиогномики и физиологии, позволявших, по мнению европейских демологов, распознавать ведьм и колдунов и приводить их к суду.

9 785987 123348